

Светлана Тольшанская

НЕТОРЕННЫМИ ТРОПАМИ

Мы — лишние люди.

Я — Лайсве Веломри, невзрачная дочь знатного лорда. Меня выдают замуж за того, кто никогда не сможет меня полюбить.

Мой попугчик — простолюдин Микаш из разоренного селения. Он сражается с демонами вместо рыцарей, а им достаются все награды и почести.

Мне предрекли скорую смерть, ему — судьбу страшного злодея. Но мы не покорились и ступили на нетореную тропу.

Мы ищем заплутавшего на ней бога, чтобы спасти наш мир от надвигающейся беды.

Кто знает, выстоим ли мы и что ждет нас на другом конце пути, но мы не свернем и не отступим, потому что другой судьбы у нас уже нет.

Война богов, в сиянии Червоточин

Ритмично пульсировала в ночном небе пёстрая лестница: ступень красная, зелёная, синяя. Вместе с северным сиянием раскрывались в вышине Врата Червоточин. Морозный воздух гудел и искрил, выстуживая душу сквозь почти омертвелую плоть. Далеко позади полыхали зарницы, лязгала небесная сталь, грохотали летящие с гор глыбы — отголоски уже выигранной войны.

— Когда же вы утомитесь? Разве не видите, что всё уже кончено?

Меховая одежда пропиталась кровью и отяжелела. Одна рука опиралась на железный посох, вторая — зажимала рану на боку. Хорошо, что он утратил благодать, иначе зараза бы уже убила его, покрыв тело язвами. Какая ирония! Смертным он протянул немного дольше, чем если бы оставался богом. И хорошо... эти мгновения дороже всего золота мира.

За Вратами уже виднелись переливающиеся радугой своды Пещеры духов. Приглушить бы нестерпимый свет, но сил вряд ли хватит, а они ещё так нужны. Переступив порог, он замер, переводя дыхание. Рядом черпало воду из чёрного потока мельничное колесо и с грохотом опрокидывало обратно. Эхом отражаясь от сводов, по пещерному залу пронёсся испуганный шепоток.

Он криво усмехнулся в ответ:

— Не надейся. Ты останешься здесь, со мной. Навечно.

Он поднатужился и воткнул между лопастями посох. Колесо заскрежетало, пытаясь смять преграду, но она выдержала. Осталось одно усилие, чтобы наверняка заклинить демонов механизм.

На руке вздулись жилы. Он выжимал из себя последние капли магии. Хватит ли их? Приложил к колесу пальцы. Белым пятном от них побежал лёгкий иней, перерос в толстую ледяную корку и намертво сковал всю реку вместе с мельницей. Тишина!

Последний шаг, и ноги подкосились. Он оперся о стену и сполз на пол.

Зрение гасло. Звуки отдалялись за грань. Он и сам был уже где-то вблизи неё. Истирались имена братьев, матери, жены, его собственное. Лица уходили в забвение. Манящее безмятежной синевой небо забирало боль от раны, горечь предательства и тоску разлуки. Делалось легко, будто корка льда покрывала его самого. Он растворялся в прозрачной дымке, становился всем и ничем, жил в каждой букашке и каждом горном исполине, слышал всё и видел всё. Почти осязаемой грезилась свобода.

Дрёму нарушила тяжёлая поступь. Сознание с оглушительной болью вернулось в тело. Почему покоя нет даже в смерти?!

— Что ты наделал, сын?! — пророкотал над головой строгий голос, который так пугал в детстве.

Ответ дался с трудом:

— Остановил бойню. Разве не видишь?

На рану легла тёплая ладонь. Стало немного легче.

— Но какой ценой... — с сожалением выдохнул отец.

— Я заплатил её сполна, — его присутствие заставляло огрызаться, даже когда было не время для этого. — Вы только что выиграли войну длиной в вечность. Оживи остальных и

празднуй, а мне дай умереть спокойно.

— Они вернутся.

— Я этого не увижу, а ты будешь знать, как справиться.

— Справляться дальше будешь ты.

Ноздри защекотал едва уловимый запах тлена. Ветер донёс обрывок зловещего шёпота. Глаза распахнулись против воли. Отец осунулся и постарел, запомнившееся молодым лицо бороздили глубокие морщины. С разбитого виска по щеке текла кровь. В разорванной на груди меховой одежде копошился осколок Предвечного мрака, выедал душу, заполняя пустоту своей тёмной сущностью.

— Видишь, жизни в нас обоих осталось лишь на одного? Им будешь ты. Прости.

— За что? — ужас вырвался из глотки с хрипом.

Он догадывался, но не хотел верить.

Отец со звоном потянул меч из ножен. Высвобожденный клинок вспыхнул фиолетовыми огнями и с хрустом вонзился в самое сердце. Боль накатывала удушливыми волнами, переплеталась с жизнью. Сопrotивляться не осталось сил, он мог лишь смотреть, как лезвие проворачивается, убивает сыновье, то, что не успело стереться с именами и лицами; вживляет своё — отцовское. Силы Небесного Повелителя текли сквозь звёздный металл. В голову впивалась костяная маска, тело каменело, плечи вдавливала в землю навалившаяся ноша. Сознание кануло в тёмную воду, но не ушло за грань, не растворилось — а он так желал смерти.

— Спи спокойно, сын мой, — зашептал отец, укладывая его, обездвиженного, в ледяной саркофаг. Влажные губы едва коснулись лба. — Когда-нибудь ты примешь эту силу, как примешь и себя. Прощай.

1526 г. от заселения Мидгарда, Заречье, Веломовия

Под кожей копошилась тьма, угольными змеями обвивалась вокруг костей, заполняла собой суть, пожирая все помыслы и воспоминания, кроме одного: отомстить. Отомстить за боль и унижения, за несправедливость и ложь. Ярость изливалась наружу огнём, вспыхивала стернь на полях, чудовищный пожар летел по степи гудящими волнами. Горели сёла с жителями, горели табуны золотых лошадей, горели даже каменные стены замков. А сверху проливными дождями хлестала людская кровь. Он был тем, кто разжёт пламя, был сердцем тьмы. Впервые в жизни веселье прорывалось хмельным смехом: больше не надо сдерживаться и притворяться. Теперь он по-настоящему свободен!

— А ну, подъем, безродная дворняга!

Сонливость стряхнулась привычно быстро — Микаш вовремя перехватил прицелившийся в бок сапог.

После вчерашней попойки хозяин стал совсем несносен. Йорден был наследником старого лорда Тедеску, знатного рыцаря ордена Сумеречников, которые защищали людей от демонов. Йордена тоже недавно посвятили в рыцари и позволили заплетать жидкие светло-каштановые волосы в церемониальный пук на затылке. Правда, коротконогий и пухлый, на удалого воина он всё равно походил мало.

Микаш протянул к нему нити телепатии. За такие фокусы могли и придушить, правда, засечь небольшое внушение получилось бы лишь у опытных Сумеречников, а поблизости таких не наблюдалось.

Йорден отступил на шаг. Маленькие глаза болотного цвета недовольно прищурились. Вытянутый нос и выдвинутая вперёд челюсть делали Йордена похожим на родовой тотем — шакала. Особенно когда скалился на прислугу.

Со стороны костра подначивали его наперсники:

— Эй, чего твой увалень-оруженосец не идёт? Никто его работу за него делать не будет!

— Стукни его хорошенько, чтобы поторапливался!

— Уже стукнул, — туповато отозвался Йорден, подчиняясь внушению.

Микаш рывком поднялся, заставляя хозяина посмотреть на него снизу вверх. Он был на полторы головы выше Йордена, шире в кости и выглядел значительно старше, несмотря на то, что им обоим едва минуло восемнадцать лет.

Пальцы взъерошили сбившиеся от холодного пота соломенные волосы. Серая рубашка из грубого льна и чёрные суконные штаны липли к телу. Но времени умыться и привести себя в порядок не осталось из-за дурацкого сна. Микаш натянул сапоги и побежал собирать вещи.

— Если б не отец, давно бы нашёл себе оруженосца порасторопней, — жаловался Йорден наперсникам.

Рыжего забияку постарше звали Драженом, а чернявого молчуна Фанником. Микаш затягивал их пояса с оружием, проверял стрелы в колчанах и мечи в ножнах. Менее знатные, чем Йорден, парни принадлежали к семьям, приближенным к лорду Тедеску, потому с малолетства составляли компанию наследнику.

Повезло им, что все важные вопросы решал не Йорден, а его прозорливый отец, иначе они не пережили бы даже прошлой ночи, когда их за шкурки пришлось вытаскивать из пьяной драки в придорожной корчме. А к тому, что его не замечали, Микаш привык.

— Все готово, можем выдвигаться, — предложил он.

— Я сам решу, когда можно! — прикрикнул на него Йорден и пихнул в живот локтем. Не больно, если вовремя напрячь мышцы. — Знай своё место, дворняга!

В груди поднималась ярость, но Микаш её подавлял. Вспоминал часто мучивший его сон и говорил про себя: «Не стану таким, как бы сильно ни была судьба. Я буду защищать людей от демонов. Я живу только ради этого».

Йорден повернулся к друзьям:

— Выдвигаемся.

***

Путь на гору Выспу, изрытую разветвлённой сетью пещер, занимал не более часа. Вчера, когда не приходилось тащить на себе обузу из трёх человек, которые то и дело оскальзывались на сыпучих камнях и норовили сверзиться с узких парапетов, Микаш добрался туда вдвое быстрее. Он умел ненадолго перехватывать контроль над чужим телом с помощью телепатии, но растрачивать силы впустую не хотелось: они могут пригодиться в бою.

Крепкое весеннее солнце било в макушку и слепило, но воздух оставался холодным после зимы. Под ногами журчали ручьи, делая скользким и без того опасный грунт. Дышалось сладко, будто пьёшь изысканный нектар, напиток богов. Тело наполнялось лёгкостью, открывалось навстречу бескрайней синеве неба, словно ты падаешь в него и летишь к жиденьким полоскам перистых облаков. Хотелось кричать от восторга вместе с парящими рядом орлами.

Эйфория. Она накрывала всегда, когда происходило единение с материнской стихией и внутренний резерв силы заполнялся так, что кожа горела, как это весеннее солнце. Помыслы взметались ввысь и взирали на сирую землю с презрением.

— Тащиться в такую даль ради каких-то палесков? Вот гыргалицы с Доломитовых гор — это нечто. Жаль, вас тогда не было, — похвастался Йорден, когда дорога ушла с обрыва и принялась петлять между каменных круч и чахлых сосенок.

Нет, дети других стихий наслаждения небом и высотой не понимали. Йорден — оборотень-шакал, Дражен — медиум, им ближе земля. Фанник пускай и слабенький, но ясновидец — от воды силу черпает. Впрочем, они и не расходуют её так много, чтобы ощущать эту жуткую близость к пределу, сосущую пустоту внутри и тяжесть во всём теле.

— Ох, да что нам эти бабы с грудями до колен. Страшные — а ни разу! — подначил задира Дражен. — Вот стрыги в Сечевой степи — это жуть. Особенно когда их полчища собираются и целые села выгрызают. Даже скотом не брезгают. Горы обескровленных трупов — то ещё зрелище. Жаль, ты не видел.

Йорден скривился:

— Те бабы были великанские, три, нет, четыре сажени ростом. И руки как лопаты. К тому же они редкие, а ваших стрыгов только слепой не видел.

— Пускай дворняга рассудит. Он ведь был и там, и там, — Дражен ухмыльнулся и

положил руку Микашу на плечо. Ну да, этот любит острословить и стравливать людей между собой. — Так какие демоны самые страшные?

— Лунные Странники, — ответил Микаш, чтобы от него отстали.

— У-у-у, — протянул Дражен. — Что-то личное?

— Кто хитрее, тот и страшнее.

Дражен отошёл, Микаш отвернулся и, сам того не желая, встретился взглядом с Йорденом. Окаатило чужой завистью. От мыслей других людей закрыться легко, гораздо сложнее не воспринимать отголоски сильных эмоций. Микаш уяснил это ещё в детстве.

И чему Йорден завидует? У Микаша ведь даже такой малости, как друзья, нет. Ни похвастаться, ни посмеяться, ни поговорить по душам не с кем. Раньше хоть мать и сестра были, да не сберёг их. Слабак.

— Стрыги страшнее, Странники к ним ближе, — заключил Дражен и также положил руку на плечо Йордену.

— Нет, гыргалицы. Гыргалицы! — огрызнулся тот, отталкивая друга.

— Да повзрослей ты уже! Научись проигрывать.

— Тише, — оборвал перебранку Микаш.

Впереди вздыбилась к небу серая скала, покрытая редкими разводами лишайников. По наплывам каменной породы можно было подняться на вершину, как по ступеням. У подножья чёрным пятном выделялся пещерный лаз. К валуну рядом Микаш ещё вчера привязал толстую верёвку. Проверил её на прочность, а узел на крепость.

— Демон внизу. Как только я удостоверюсь, что все в порядке, то подам знак, чтобы вы следовали за мной, — Микаш повернулся к Йордену, ожидая приказа.

— Да-да, исполняй, — махнул рукой тот и полушёпотом продолжил спорить с Драженом.

Микаш зажёг факел и схватился за верёвку. Спускаться пришлось в узкую галерею. Веяло сыростью. Внизу по щиколотку стояла ледяная вода, точила камень, пробивая для себя новый путь. Ноги сводило даже сквозь толстые сапоги. От затхлого воздуха перехватило дыхание. Факел чадил едва-едва, тускло освещая дорогу. Лишь бы не поскользнуться на мокрых камнях.

Сегодняшняя Охота, как и многие другие, была шутовской потехой для господ. Только ради трофеев и славы, а не чтобы кого-то спасти или защитить. Это знание удручало, ведь Микаш мечтал совсем о другом, когда шёл в услужение.

Впереди манила злыми фиолетовыми всполохами демоническая аура. Плеск эхом нёсся по каменному тоннелю. Сотня шагов, и показался палеск — крупная водяная ящерица. Он тряс чёрным гребнем на хребте, разевал пасть, сверкая рядами острых зубов. Запутался в расставленной на него ловушке: стальная сеть обвилась вокруг длинного тела. Чем больше палеск рвался, пытаясь выбраться, тем сильнее вгонял между чешуйками смазанные ядом шипы. Промокшие верёвки скрипели, но все же выдерживали.

Сейчас ослабнет и затихнет, тогда можно будет забрать трофей. Только отчего же так не по себе, аж мурашки по спине бегут?

Микаш вернулся и позвал остальных. Спускались медленно и неуклюже, шумели так, будто хотели всех подземных духов перебудить. Раздражали, как никогда раньше. Зачем нужно играть в эти дурацкие игры и создавать видимость подвигов?

— Это все? — спросил Йорден, завидев палеска.

Потянул меч из ножен, чтобы отрубить ему голову.

— Что, даже боя не будет? Фу, скучно, — поддакнул Дражен.

Палеск обречённо замер и обвис на верёвках. Йорден подошёл вплотную и замахнулся. Шмяк! У самой его ноги клацнули внушительные зубы — Йорден едва успел отскочить.

— Ты давай, — махнул он Микашу. — Не дело это для благородного Сумеречника — тварей свежевать.

Микаш достал собственный меч. Палеск скосил на него выпученный жёлтый глаз. Мол, зачем, я же ничего тебе не сделал. Это они из тебя все соки пьют.

Микаш встряхнул головой, отгоняя наваждение, и отвёл руку для замаха. Скорее почувствовал, краем обострённой магической интуиции ощутил шевеление внутри уходящего в темноту тоннеля. Сверкнул фиолетовый огонёк, посылая по телу мелкую дрожь.

В незапланированную битву вступать не стоило, особенно когда не знаешь численность противника.

— Бегите! — закричал Микаш.

Йорден с Драженом оцепенели, только Фанник не растерялся. Он потянул обоих друзей прочь. Микаш в несколько ударов отсек палеску голову, закинул в мешок и забросил за спину. Обезглавленное тело ещё билось в конвульсиях, а вдалеке уже сверкало с десятков хищных жёлтых глаз.

Микаш припустил к выходу. Ноги оскальзывались, но каким-то чудом он добежал до лаза. Наверху заметил силуэт Фанника — он уже выбирался из пещеры.

Мешок с тяжёлым трофеем пришлось привязать покрепче и живо карабкаться следом. Шорохи и плеск нахлёстывали в спину, заставляли сбивать ладони. Быстрее! Набухший от крови мешок тянул вниз, словно не позволял унести трофей из подземелья. Последний рывок — Микаш выбрался наружу, обливаясь потом и тщетно пытаясь восстановить дыхание. Остальные лежали рядом, раскрасневшиеся, и глотали воздух ртами.

— Выбрались! — счастливо воскликнул Фанник.

Йорден с Драженом покосились на него с презрением.

Солнечный свет придавал уверенности, но тревога не унималась. Микаш скинул со спины мешок и приподнялся. Заглянул в лаз, чтобы убедиться.

Нет, не туда надо было смотреть. Где-то там вдалеке, за скалой Микаш чувствовал демоническую ауру. Палески ползли наружу, словно прогрызая себе выход в камне. Но как?! Плевать!

— Бегите! Бегите живее! — крикнул Микаш.

Высокородные на этот раз среагировали быстрее. Петляли между валунами и кручами, продираясь сквозь колючий кустарник. Микаш прикрывал их отступление. Мысли лихорадочно скакали. По сыпучим камням на парапете бежать нельзя: угодишь в пропасть. Один бы рискнул, но не с высокородными. Нужно выиграть время — придётся принять бой.

Микаш развернулся лицом к врагу и вынул меч. Десяток. Окружали со всех сторон. Безжалостные молчаливые твари. С рогатиной на открытом пространстве было бы сподручнее, но среди валунов и круч короткий клинок — даже лучше. Микаш рванулся вперёд, ударил ближайшего по голове и отскочил к стоявшим углом камням. Здесь не смогут напасть скопом.

Раненый палеск набросился первым. Пару взмахов — клинок попал в выпученный глаз. Палеск задёргался в агонии. Микаш отпихнул его сапогом. Следом уже лезли остальные демоны. Ударил одного, второго. Лишь бы высокородные ушли. Почему не уходят?!

Микаш огрел очередного палеска плашмя, запрыгнул ему на голову, скатился по хребту,

увернулся от ещё одного, третьему наступил на хвост. Отбежал на несколько шагов и только тогда понял, в чём дело. Дражен, идиот!

— Ну давайте, вот он я! — тот выглянул из-за валуна невдалеке, размахивая мечом.

Зеленоватой дымкой его прикрывал маленький призрак — единственный, кого Дражену удалось вызвать, потому что могил поблизости не встречалось.

Следом вышел и Йорден, будто стремился доказать, что ничем не хуже. С помощниками ему повезло больше: на его зов откликнулись мелкие птицы, кролики и козы. Напали дружным скопом, внося сумятицу в стан противника. Правда, палески без труда с ними расправлялись: кого заглатывали целиком, кого сбивали хвостом или лапами. Надолго их не хватило. Лучше бы Йорден обернулся шакалом и бежал.

А вот Фанник явно предвидел, что дело пахнет жареным. Забрался на кручу повыше, где его не могли достать, и отстреливался, усиливая меткость своим даром, чтобы попадать палескам между чешуйками.

— Бегите же! — прикрикнул Микаш без особой надежды.

Демоны наседали со всех сторон. Микаш раскрутил клинок вокруг себя, не позволяя зубастым пастям подобраться близко.

Несколько демонов направлялись к Йордену и Дражену.

Не достать, не вырваться из тугого кольца!

Дражен, разогреваясь, сделал пробный замах и понёсся на врага. Зелёный призрак вился вокруг демона, отвлекая на себя внимание.

Микаш снова стукнул ближнего палеска по голове и вогнал клинок в оглушённую тушу по самый эфес. Кувырком ушёл от другой твари, высвобождая своё единственное спасительное оружие.

Дражен двигался недостаточно проворно, тратил силы на суматошные замахы, лезвие соскакивало с чешуек палеска, лишь слегка царапая и срывая их.

Не давая себе передышки, Микаш отрубил промелькнувший рядом хвост, упал на землю и саданул лезвием по незащищенному брюху. Наружу вывалились кишки. Микаш подскочил и попятился к валунам. Скосил глаза на Йордена.

У того союзников почти не осталось. Микаш даже с расстояния чувствовал его страх. Замахы лихорадочные, словно не соображает, что делает. Особенно здоровый палеск зацепил его за штанину.

Надо расщепить сознание, сражаться самому и подхватить Йордена внушением, управлять его телом, как марионеточной куклой. Сложная техника, особенно для самоучки, но сейчас крайний случай. Йорден отклонился и сделал резкий выпад снизу, разрубив верхнюю челюсть палеска. Освободившись, ускользнул от хлестнувшего в его сторону хвоста.

Едва отпустив Йордена, Микаш переключился на Дражена. С одним демоном он может, и справился бы, но сзади уже подступал второй. Зелёный призрак вертелся рядом без толку. Палеск отмахивался от него хвостом и пёр напролом. Микаш заставил Дражена крутануться вокруг своей оси и отогнать подальше обеих тварей. Добить не успел, пришлось снова спасать Йордена.

Микаш так и метался между ними, подталкивая в нужном направлении то одного, то другого. Жаль, не хватало времени загнать хоть кого-то на кручу. Опасность приближалась тяжёлой шелестящей поступью. Палесков стало вполовину меньше, но выжившие будто проснулись от спячки. Их атаки стали стремительней и сильнее. Наваливалась усталость, и

сбивалось дыхание. Два палеска напали на Йордена и Дражена одновременно. Отчаявшись, Микаш в один удар перешиб хребет ближнего демона и сделал последнюю попытку. Сознание разлетелось на осколки, как разбитое камнем зеркало. Один — в Йордена. Тот в прыжке пронзает палеску голову. Второй — в Дражена. Кувырком ныряет под горло твари и вспарывает его насквозь. Третий — в Фанника. Тот перенаправляет лук в ближнего к Йордену демона. Двумя выстрелами выбивает глаза.

Последний рывок! Кураж придаёт сил, открывает второе дыхание. Гудят мышцы, клинок со свистом рвёт воздух, и голова последнего палеска болтается на лоскуте кожи.

— Победили! — возликовал Дражен, потрясая клинком. Зелёный призрак развеялся за ненужностью. — Славная битва!

Дребезжащий голос вывел из боевого транса, остудил пыл.

— Да-а-а, не хуже, чем с гыргалицами, — подошёл Йорден к другу. — У тебя кровь.

Дражен отёр поцарапанную щеку:

— О, боевой шрам! Девчонки их обожают.

Фанник слез с ручи и присоединился к ним.

— Что, отсиделся в безопасности? А, трус несчастный?! — смеясь, Дражен встряхнул его за плечо.

— Уж поумнее вас. Я, знаете ли, жить хочу!

— Дворняга, ты что, надорвался? — Йорден обернулся к Микашу.

Только тогда растворенное в созерцании оцепенение прошло. Кровь текла из ноздрей на подбородок и каплями падала на грязную рубашку. Перед глазами все кружилось и трепыхалось, то отдаляясь, то приближаясь. Голову будто стянуло тисками, сузив зрение до полоски перед собой. Не отвечая, Микаш укрылся за валуном. Живот скрутило, согнуло пополам — стошнило. Вот-вот кишки изо рта полезут.

— Низшие демоны одолели? — Йорден некстати воспылил участием и выглянул у Микаша из-за плеча. — Свой предел даже необученные желторотики чувствуют!

— Я в порядке, — просипел он.

— Ну тогда иди челюсти вырезай. Никто твою работу за тебя не сделает.

Правильно. За работой всегда легче становится.

Хрустели под мечом кости, рвалась мёртвая плоть, чёрная кровь заляпывала руки по локти, но Микаш держался. За взмахи верного клинка, за монотонное скольжение лезвия охотничьего ножа. Челюсти нехотя покидали палесков. Первая пара, вторая... последняя. Микаш сложил их в мешок, умылся из фляги и позвал остальных.

***

И как только дотащился до подножья Высы? Колени дрожали, ноги цеплялись за камни, зрение то гасло, то возвращалось крохотным мутным оконцем. Взобраться в седло косматой низкорослой кобылы, оставленной в дубовой роще с дорогими и ухоженными лошадьми высокорослых, было счастьем. Пускай ноги почти волочились по земле, а от неровного хода трясло, но можно было сомкнуть глаза и уплыть в тяжкую дрему.

Кровь капала из носа. Микаш ощущал себя выеденной скорлупой. Неужто и вправду надорвался? Всё: не восполнится резерв, не будет силы. Мука это, когда видишь сумеречный мир демонов, знаешь как свои пять пальцев, но бороться не можешь.

Микаш потерял счёт времени. К истощению прибавилась лихорадка, боль вспыхивала то в бедре, то в плече, то прихватывала и без того раскаляющуюся голову. Жаловаться бесполезно. Скажут, не ной, иди сдохни под забором, как шальная дворняга. Дотерпеть бы до замка. Интересно, как быстро хозяева поймут, что Микаш теперь бесполезен, и вышвырнут его на улицу? А может, так лучше? Пора завязывать!

Впереди кольцом обхватил насыпь полузаброшенный замок-крепость. Светло-серый булыжник от времени покрылся тёмными пятнами, ключьями его обвивал полусухой плющ, венчавшие стены и башни зубцы частью обвалились. Казалось, будто чудовище щерит пасть в гнилозубой улыбке и изрыгает воду в глубокий ров. Отворялись дубовые ворота, с натужным скрипом канатов опускался въездной мост. Лошади нетерпеливо взрывали копытами землю. Также нетерпеливо переговаривались Йорден с наперсниками, похваляясь подвигами и посмеиваясь над «дворнягой», надорвавшимся на пустом месте. А ведь на самом деле, чем сильнее дар, чем ближе человек с ним сживается и чем свободнее использует, тем зыбче становится запретная грань. Кажется, нет её и ты всемогущ, самоуверенно ступаешь на край и опрокидываешься в бездну, чтобы переломать себе кости.

Микаш уже давно бросил поводья и не пытался понукать кобылу. Та затрусила за остальными лошадьми в широкий внутренний двор. Он пустовал. На кольях у ворот и ближе к стенам были насажены человеческие головы. Видно, снова казнили бесноватых фанатиков с юга, поборников веры в Единого-милостивого, как они себя называли. Дурачье, конечно, куда им со своими молитвами тягаться с тяжеловооружёнными рыцарями, к тому же с божественным родовым даром.

С псарни доносился залиvistый лай. Зареченские степи славились табунами резвых и сильных лошадей нарядной золотистой масти. Так их и называли: зареченское золото. Только лорд Тедеску предпочитал охотничьих собак, баловал их и лелеял, даже кормил на порядок лучше, чем собственных слуг.

Спешились. Один Микаш остался в седле. Любое движение отдавалось болью в суставах. Тёмные пятна слепили.

— Эй, чего расселся?! — прикрикнул на него Йорден. — Никто твою работу за тебя не сделает.

— Да, господин, простите, господин.

Микаш сполз на землю и потащил лошадей в стойло. Оступился — ноги совсем не держали.

— Эй, парень, ты чего? — на пороге показался конюший. — Глядите, он же преставится вот-вот!

Засуетились-забегали слуги, лошадей позабирали, хотели отвести куда-то под руки, но Микаш отмахнулся:

— Я в порядке!

Слабость показывать нельзя — ни высокородным, ни даже простолюдинам. Первые за слабость сжирают, вторые — презирают. Жалость делает мужчину ничтожным. Подышать лучше одному.

Дополз до пустого денника, застеленного чистой соломой, распластался на ней и уснул.

Пробуждение вышло не из приятных: окатили ледяной водой. Микаш встрепенулся и распахнул глаза. Тело ломило, боль отдавалась пульсацией в голове, мешая думать.

Над Микашем возвышался Олык, немолодой уже камердинер лорда Тедеску. Одевался он всегда аккуратно, в рыже-зелёную ливрею, а волосы гладко зачёсывал назад. Карие глаза в обрамлении глубоких морщин смотрели с усталой тревогой.

— Три дня не могли тебя добудиться. Думали, окошел, — заговорил он сухим, подёрнутым едва заметной шепелявостью голосом.

— Да что со мной станется? Как на собаке все заживёт, — отмахнулся Микаш.

— Тогда собирайся живее, милорд зовёт. Он в дурном настроении — ждать не будет.

Лорд Тедеску и в хорошем настроении терпением не отличался. Микаш выпил несколько черпаков воды, чтобы промочить ссохшееся горло, и поспешил к хозяину.

Микаш нашёл его в малом каминном зале на втором этаже. Лорд Тедеску стоял у круглого дубового ствола, на котором лежали распечатанные письма, и беседовал на повышенных тонах с собственным сыном. Микаш замер на пороге и прислушался.

— Маршал Комри пишет, что не может взять тебя командиром звена, — лорд Тедеску вручил сыну одно из писем.

Тот пробежался глазами по бумаге, лицо покраснелось совсем не от каминного жара.

— То есть как «нет опыта»? — возмутился Йорден, широко раздувая ноздри. — А гыргалицы и эти, как их? Палески! Не стану я рядовым служить, как босяк! Почему маршал Комри не может никого ради меня подвинуть? Я же высокородный, а не абы что!

Йорден скомкал письмо и швырнул в камин.

— Авалорский выскочка — тот ещё самодур, некоронованным королём себя возомнил. Забудь и наплюй. Хоть в его армии и герои все как на подбор, а живут очень недолго. Не для тебя такая служба. — Отец протянул ему серебряный медальон, в каких обычно хранились миниатюрные портреты: — Вот, это гораздо интересней. Совет ордена посватал за тебя дочь белоземского лорда Веломри.

Йорден рассвирепел ещё больше:

— Жениться? Ни за что!

По лицу лорда Тедеску было заметно, что он стремительно теряет терпение.

— Ну уж извини, это приказ. Уж не знаю, кого Совет решил таким образом приструнить, меня или белоземского гордеца, но отказываться нельзя.

— Ох, какая немочь бледная, — покривился Йорден, разглядывая изображение внутри медальона. — Небось даже ухватиться не за что.

— Хвататься будешь за шлюх, а это высокородная леди. Обидишь — её отец тебя в порошок сотрёт. Про крутой нрав белоземцев легенды слагают. И скажи спасибо, что она молоденькая совсем. Такие обычно кроткие и непритязательные, а с возрастом, глядишь, поправится и похорошеет.

— Но я не хочу! Дражен с Фанником старше меня, а о женитьбе не помышляют.

— Они не наследники высокого рода. Породнишься с белоземцами, и тебя не то что во главе звена поставят, целый отряд выхлопочут.

— Но...

— Не смей прекословить. Ступай собираться, завтра поедешь в Белоземье на помолвку.

Йорден закатил глаза и, шаркая ногами, потянулся к двери.

— И почему всего приходится добиваться таким несуразным способом? — вопрошал он в пустоту, пока не столкнулся с Микашем: — Чего пялишься, недоносок?!

Тот посторонился. Йорден удалился, а вместо него в зал забежала старая серая борзая. Колыхались её обвислые от кормления щенят соски. Любимица лорда.

— Эх, Моржана-Моржана, что с нашей молодёжью стало? Совсем жить разучились: ни ума, ни силы нет, — он поздравил собаку и потрепал её за ухом.

Взял из стоявшей на столе тарелки мясную косточку и бросил любимице. Она поймала её в воздухе и принялась с аппетитом обгладывать.

— Чего в углу жмёшься, выходи на свет! — позвал лорд, выпрямляясь в полный рост. Собака распласталась у его ног.

Микаш встал перед ним. Отец Йордена внешнеюстью походил на сына, но был более грузным, с одутловатым лицом. Из растительности сохранились только пышные развесистые усы.

— Что за вид?! — оглядел он Микаша с ног до головы, подмечая грязную одежду, слипшиеся в сосульки волосы и помятое со сна лицо с залёгшими над широкими скулами тенями. — Можно вытащить дворнягу с помойки, но помойку с дворняги не вытащишь, а Моржана? — он снова склонился к собаке. Та заискивающе заглянула ему в глаза.

— Я хочу уйти, — объявил Микаш. — Меня обещали посвятить в орден за хорошую службу, но я хожу в оруженосцах уже шестой год и прекрасно понимаю, что рыцарем не стану никогда. Я ничего не требую и никого ни в чём не упрекаю. Отпустите меня с миром!

— Ах ты, неблагодарный щенок!

Собака подорвалась и гавкнула. Мясистая ладонь лорда со свистом врезалась в щёку, аж из глаз искры посыпались. Голова загудела ещё сильнее, потекла кровь из разбитой губы. Но Микаш стоял, ни одним движением не выдавая слабости.

Собака продолжала рычать, а её хозяин разразился гневной тирадой:

— Это после того, как я нашёл тебя полудохлого посреди пепелища, выходил и выкормил? Я выучил тебя, как собственного сына!

Хотелось добавить, что только потому, что его сын оказался к учёбе неспособным, но Микаш прикусил язык.

— А сколько раз я тебя с того берега вытаскивал? Сколько раз латал и выхаживал, когда твои кишки наружу вываливались?

В двенадцать лет патетичные речи может и производили на Микаша впечатление, но теперь становилось противно от своей глупости.

— Я заплатил за ваши милости сполна. Я проходил за вашего сына и других высокородных испытания, пока их родители отваливали вам за это своё золотишко. Я прикрывал их грудью, когда они искали славы в бесполезных схватках. Моими стараниями, моим потом и кровью вы заполнили весь этот зал трофеями.

Микаш обвёл рукой выставленные повсюду чучела, рога, зубы и когти, шкуры на стенах и полу, огромные круглые панцири.

Лорд Тедеску скривился и сложил руки на груди:

— Потерпи чуток, и получишь своё рыцарство. Будешь у моего сына помощником в отряде. Думаешь, где-то местечко теплее найдётся?

— Не нужно мне тёплое местечко. Я хочу защищать людей от демонов и искупить свою вину, а не тратить время на ваши утехы.

— Бешеных псов убивают, мой мальчик, как только они пытаются откусить руку, которая их кормит, — старый шакал сменил тактику: говорил тихо и нарочито ласково, что совершенно не вязалось со смыслом слов.

Впрочем, даже это уже не пугало. Пора детства безвозвратно ушла.

— Вы перепутали собаку с волком. Убивайте, коли хочется. Терять мне нечего.

Молчание затягивалось. Микаш отвернулся и зашагал к выходу. Ударят в спину — так тому и быть.

— Стой! — окликнул лорд Тедеску, когда Микаш уже ступал за порог. — Последнее поручение исполни, и можешь проваливать.

Микаш с трудом сдержал торжествующую ухмылку.

— Слышал, мой пострел едет в Белоземье на помолвку? Сопроводишь его туда. Война беженцы повсюду — на дорогах неспокойно. А заодно приглядишь, чтобы Йорден не ослабил меня на весь орден. Ты же знаешь, он порой делает и только потом думает.

Микаш сказал бы иначе, но промолчал.

— Я подумаю.

— Думай, а завтра утром — в дорогу.

Лорд Тедеску пошёл прочь. Собака затрусилась следом, цокая по каменному полу когтями, ни на шаг не отставая от хозяина.

Микаш склонился над камином и кочергой вытянул оттуда письмо. Огонь его не тронул, только края немного почернели. Микаш стряхнул пепел и поскорее спрятал письмо за пазуху. Умывшись и переодевшись в чистое, он выпросил на кухне двойную порцию пресной овсянки. Запихивал её в себя руками, облизывая перемазанные пальцы. Невкусно и не хочется, но надо. Еда — жизнь. Любой, кто когда-нибудь испытывал голод, хорошо это знал.

В личной камерке во флигеле царил полумрак. Микаш запалил оставленный на тумбе огарок свечи. Скрипела старая кушетка, шелестела солома в постеленном сверху тюфяке. Микаш удобно развалился на нём и принялся за письмо. Разборчивый твёрдый почерк. Ну надо же, как маршал просек, что все достижения Йордена пустышка. И так тонко и вежливо намекнуть, что служба в армии не дело для хлюпиков. То-то Йорден так рассвирепел. И ведь не придерёшься ни к чему, всё по строжайшему этикету. Хочешь служить — начинай с низов. А Микаш бы и согласился. Да что там, даже не рядовым — оруженосцем, кем угодно, но в настоящей битве, а не в играх ради трофеев и славы.

Может, взять письмо и отправиться в Эскендерию к этому маршалу? Выдать себя за Йордена, поступить на самую маленькую должность. Нет, его бы проверили по записям в родовых книгах. Высокий, плечистый и сухощавый, с крупными чертами лица и глубоко посаженными серыми глазами он никак не походил на членов рода Тедеску. К тому же дар другой. Обман тут же раскроют. Ещё и вздёрнут, а голову на кол посадят и выставят на всеобщее обозрение, как тех фанатиков во дворе.

А если сказать правду? Мол, безродный, мать простолюдинка, отца знать не знаю, дар есть. Сдохнуть, как служить хочу. Да не где-то, а на передовой. Возьмите! Любое испытание хоть на самом краю света пройду, сокрушу любого демона, целое полчище. Только возьмите!

Микаш потянулся к оставленной на тумбе книге. Страницы в ней были аккуратно переложены разноцветными лоскутами. Поначалу лорд Тедеску собирался обучить его только владению оружием. Микаш схватывал науку на лету и готов был заниматься днями и ночами. Он быстро перерастал всех своих наставников. В конце концов лорд Тедеску согласился обучить Микаша ещё и грамоте с арифметикой. Наставники никогда на него не жаловались, в отличие от нерадивого Йордена, да и сам Микаш старался не доставлять хлопот, ведь любая провинность могла стоить всех добытых с таким трудом привилегий. Позже Микаша допустили в замковую библиотеку. Книги здесь по большей части стояли

только для красоты и пылились на полках. Хозяева заглядывали разве что в родовые и геральдические списки. Микаша же интересовали совершенно другие знания. За шесть лет он всё перечитал и жалел, что лорд Тедеску не выписывает для него новые книги. Кодекс ордена Микаш изучил вдоль и поперёк, мог даже спросонок процитировать любое место. Искал лазейку, которая бы позволила ему стать рыцарем. Но её не было. Точнее, там и вовсе не говорилось, что Сумеречник должен обладать знатным происхождением, достаточно было лишь иметь родовой дар и желание защищать людей от демонов. Только сейчас до Кодекса никому дела нет. Йорден и вовсе ни разу его не читал, а его отец вряд ли припомнит хоть строчку.

Микаш взгляделся в подпись на письме. Резкая, строгая, без вычурной витиеватости, очень легко читаемая. Маршал Гэвин Комри. Некоронованный король. Он представлялся таким же грузным и весомым, как лорд Тедеску. Хитрым и коварным. Если и пообещает взять, то чтобы обмануть. Нет, наступать дважды на одни грабли — непростительная глупость.

К тому же резерв ещё не восстановился и, вполне вероятно, не восстановится никогда.

Нужно искать другой путь.

— Ну что ж, белоземская принцесска, я еду к тебе, — он отложил книгу с письмом и затушил свечу.

Глава 2. Белоземская принцесса

1526 г. от заселения Мидгарда, Белоземье, Веломовия

Меня готовили к свадьбе по старым, давно забытым обрядам: выкупали в отваре ромашки и полыни, одели в простое платье из белёного льна, распустили волосы и возложили на голову венок из кувшинок. Рядом были только незамужние девушки: на праздниках юности старости не место. С танцами и песнями меня провожали в священную дубраву, где уже ждал жених со свитой.

Царствовала ночь. Полная луна венчала небо. Трещали костры, освещая путь и напитывая воздух запахом хвои.

Меж вековых дубов показался силуэт суженого. Высокий, широкоплечий — по стати ясно, что могучий воин и благородный человек. Такой же простоволосый, в длинной неподпоясанной рубахе. Мужественное лицо озарила улыбка. Столько восхищения и нежности было в ней, сколько я никогда не видела.

— Клянусь, что отрекаюсь от всех женщин, кроме тебя, и не возьму в постель другую, пока ты жива и даже после смерти, — сорвались с его губ искренние слова, которым нельзя было не верить.

Зашелестели листья, хрустнула сухая ветка, заставив отвернуться от суженого. В кустах затаился таинственный зверь, припал к земле. Белое пятно на всю морду походило на маску. Глаза полыхали синевой неба, горела рыжим пламенем шерсть. Зверь принюхался, выгнулся и зашипел.

Я обернулась. Растерзанные тела устлали поляну, а над ними возвышался мой суженый. Рубаха его, чёрная, сливалась с ночной мглой, а на спине и груди извивались угольные змеи. Он протянул руку и колдовским голосом прошептал: «Будь со мной, будь одной из нас!»

Огненный зверь взревел, разрывая паутину наваждения, и бросился прочь. Я следом,

чувствуя, как мчится по пятам тёмное, страшное, злое. Оно не убьёт — захватит, выжрет сердцевину и заставит жить безвольной куклой.

Зверь нёсся вперёд. Я едва поспевала за ним. Зацепилась за корень и упала, разбив колени, подскочила и снова побежала. Сквозь тонкую ткань кожу студил мертвецкий холод. Зверь свернул с большой дороги на едва заметную стежку. Я боялась его потерять. Почему-то была уверена, что только он знает путь к спасению. Нависавшие низко ветки нахлёстывали по рукам, раздирали платье на лоскуты, вырывали клочья волос. Ноги уже не держали, по лицу текли слёзы, сердце грохотало, но я не останавливалась. Лучше упасть замертво, чем отдаться тьме. Быстрее! Впереди забрезжил просвет. Зверь замер у опушки. Спасение рядом?

Я едва успела остановиться на краю огромной пропасти. Из-под ног посыпались камни, потонули в пустоте, так и не достигнув дна. Противоположный край было не разглядеть. В вышине грозовые тучи доедали остатки луны. Сзади гудела мёртвыми голосами тьма, валила высоченные сосны, иссушая и разнося в труху, смердела тленом и гнилью и цвыркала-скрежетала, протягивая к нам щупальца.

Он был там, мой суженый, в самом сердце. Это он крушил и убивал всё живое, он был самой тьмой!

Огненный зверь затравленно метался вдоль обрыва, оборачивался на погибающий лес, рычал и продолжал кружить.

Тьма замерла в двух шагах. Суженый снова протянул руку и позвал меня по имени.

— Ты не тронешь зверя?

— Мне нужна только ты!

Я почти приняла тьму, когда зверь выскочил вперёд, обнажив клыки. Щупальца кинулись наперерез, но тут же загорелись. Вспыхнул чудовищный пожар, очищая мир от живых и тлена разом, но ни я, ни зверь уже не видели этого, растворившись в огненном зареве.

***

— Не осталось больше у Небесного Повелителя владений, чтобы наделить ими младшего сына, — заскрипел над ухом нянюшкин голос. — И приказал ему отец во всём подчиняться старшим братьям.

Я вздрогнула и укололась об иголку, воткнутую в растянутую на пальцах ткань. Выступила кровь. Пришлось её слизнуть, чтобы не испортить вышивку, над которой я корпела весь последний месяц.

Надо же, заснула посреди бела дня. Да ещё на жёстком стуле в неудобной позе. Нет, нельзя подолгу за работой засиживаться, а то и не такая муть приснится. Так всегда отец говорил, когда я прибегала к нему в слезах после очередного кошмара. Мы не ясновидцы, наши сны не сбываются. Да и какое зло может угрожать за надёжными стенами родового замка, который охраняют доблестные рыцари из ордена Сумеречников?

В угловом камине потрескивали сосновые поленья, обогревая маленькую гостиную, в которой мы с нянюшкой дожидались Вейаса. Пока моего остолопа-близняшку учили фехтовать и пользоваться родовым даром — телепатией, мне приходилось вышивать и выслушивать наставления о хороших манерах и добронравии. А порой так хотелось сбежать

в лес и насладиться свободой.

— Но младший сын был горд и вольнолюбив, — продолжала нянюшка, забыв, что я уже слышала это сказание, как и все другие, добрую сотню раз. Но мне нравились её истории. Они словно переносили во времена, когда мы с братом, совсем ещё крохи, трепетали от каждого слова и прятали головы под одеяла, если ветер завывал и бил в ставни.

Я выглянула в окно. На улице уже сгущались серые весенние сумерки, но Вейаса всё не было. Опять развлекается с какой-нибудь служанкой? А ведь обещал с нами посидеть. Сколько ещё таких вечеров осталось? После церемонии взросления нам придётся расстаться: я уеду в замок своего будущего мужа, а Вейас отправится проходить испытание, чтобы его посвятили в рыцари.

— Отказался он подчиняться отцу и вступил на тропу нетореную, чтобы самому решить свою судьбу, — голос нянюшки опустился до хрипловатого шёпота. — Долго скитался Безликий по свету неприкаянным, стоптал семь пар железных башмаков, изломал семь железных посохов, изглодал семь железных караваев прежде, чем обрёл свои владения. Была та земля широка и плодородна, но кишмя кишели на ней демоны, мешали возделывать поля, пасти стада и строить новые села. Покликал тогда Безликий самых смелых из охотников и повёл их в поход против злокозненных тварей. Кололи их копьями, секли топорами, стреляли из луков, три человеческих жизни бились, пока не очистилась земля от скверны. Но когда затрубили горны победы, Безликий почувствовал смертельную усталость. Наказал он охотникам создать орден, который бы хранил всех людей от демонов, и удалился на край земли. Но белоглазые вельвы говорят, что ушёл он не навсегда, а лишь уснул до поры.

— Да-да, и проснётся, когда наступит конец времён, — заявил Вейас, вваливаясь в комнату. На смазливом лице играла удовлетворённая ухмылка. Видно, хорошо развлёкся без нас. — Никогда не понимал этой истории. Если Безликий наш покровитель и повелитель, то почему дрыхнет, пока его мир катится демонам под хвост?

Испортив волшебство нянюшкиного сказания, Вейас развалился на обитом голубым бархатом диване.

От раздражения захотелось заскрежетать зубами. Конечно, куда нам с нянюшкой до его распутных девок. Лучше бы вовсе не приходил!

— Глупый! Ты ничего не понимаешь в настоящих историях, — поддела я. — Безликий набирается сил в ожидании последней битвы, а люди ещё должны доказать, что достойны спасения. Правда, нянюшка?

— Так откуда же мне знать, что думают боги? — развела старуха морщинистыми руками.

— И кто из нас глупый? — Вейас швырнул в меня подушкой. Едва удалось поймать её у самого лица.

— Всяко умнее тебя.

Вейас самодовольно сцепил пальцы в замок и смачно ими хрустнул. Я подкралась и стукнула пустомелю по голове, пока он упивался собственным невежеством. Брат зарычал. Мы покатались клубком, барахтаясь и скача по дивану, как в детстве. На мгновение показалось, будто мы вернулись в ту счастливую пору, когда в нашей жизни ещё не было ощущения, что всё вот-вот закончится.

— А ну-ка, хватит! — заругалась нянюшка. — Ишь, расшалились! Взрослые же совсем, а всё дерётесь. Тебе, Лайсве, вообще стыдно должно быть: свадьба скоро, дети, хозяйство, дом одной вести придётся, мужа голубить, а ты всё брата задираешь. Женщина должна быть

кроткой, покорной и ласковой, а не дерзить и кулаками размахивать.

— Да, нянюшка, — я вернулась на своё прежнее место, но паршивец Вейас тут же показал мне язык.

Обидно стало до слёз! Почему так плохо оставаться ребёнком?

— Вот, посмотри, подарок для жениха, — вынув ткань из пальцев, я протянула её нянюшке, чтобы отвлечь от нашей потасовки. Не приведи Безликий, ещё отцу наябедничает! — Красиво?

Старуха покрутила вышивку в руках, разглядывая выверенный до последнего стежка узор подслеповатыми глазами. Белая горлица с мечом в когтях на голубом фоне — наш родовой герб. Внизу девиз золотом: «Наше сердце легче пуха».

— Искусно, — хмыкнула нянюшка. — И дорого.

— Сама на ярмарке нитки выбирала, — улыбнулась я. — Не хуже, чем у мамы?

— Лайсве...

— Не хуже?! — от моего выкрика звякнули окна. Устыдившись, я приложила ладонь к губам.

— Алинка большой мастерицей была. Такие узоры выходили из-под её пальцев, что нельзя было глаз оторвать, словно вся жизнь в них заключена, — разоткровенничалась старуха и тяжело вздохнула, разглядывая мою работу. — Твой узор красивый, конечно. Видно, что старалась. Но он холодный, нет в нём души, понимаешь? Огня нет.

Забывший нами Вейас зашевелился на диване, потянулся ко мне, но я отпрянула.

— Ну и ладно, — захотелось выбросить дрянную вышивку в камин. Нет, здесь нельзя. Лучше у себя. И не показывать слёз. Веломри не плачут. Никогда.

Забрав у нянюшки вышивку, я улыбнулась, как требовал этикет, и побежала к себе, забыв даже пожелать спокойной ночи на прощание. Опять заругают! Но так гораздо лучше, чем показать слёзы.

***

Ночная прохлада бодрила. Я распахнула окно спальни и проскользнула в узкий проём, прошлась по парапету до приметной башни, ухватилась за выступ, подтянулась и нырнула в щель бойницы. Даже кстати, что я такая тощая и маленькая — всегда найду место, где спрятаться. Здесь наверху хорошо: лежать на смотровой площадке, разглядывать звёздные рисунки и думать.

Я ещё долго перебирала пальцами вышивку. Ветер давно стёр слёзы с лица, но боль не уходила. Я так старалась выполнить узор идеально, но всё равно никому не понравилось. Нет души. Можно купить дорогую ткань и нитки, можно обрисовать силуэт мылом и наловчиться делать ровные стежки. Но где взять душу, если её нет?

Вышивка упала на пол. Я достала из-за пазухи медальон с портретиком и принялась рассматривать изображённую на нём женщину. Моя мама была южанкой. Очень красивой: темноволосая, темнобровая, кареглазая. И большой искусницей: прекрасно шила, вышивала, рисовала, пела и танцевала. Все её обожали, особенно отец с нянюшкой. Всё, что я знаю о ней, — с их слов. Она умерла сразу после нашего с Вейасом рождения. Отец до сих пор тоскует, хоть и не говорит.

Мы с Вейасом совсем на неё не похожи: оба светловолосые настолько, что кажемся

седыми. Глаза невыразительные и холодные — блёкло-голубые, как у отца. И если Вейас выделяется мелкими точёными чертами и холёной красотой, то я невзрачная бледная мышь, которой даже ни одно платье не идёт. Со своей внешностью нужно смириться — тут уж ничего не попишешь. Нянюшка говорит, что добрый муж будет любить меня и жалеть, какой бы дурнушкой я ни была. Надеюсь, она права.

Говорят, он приедет из жаркого степного края и увезёт меня к себе. Там нет ни лесов, ни каменистых пригорков, даже снега зимой не бывает. Что за зима без снега? Днём с этой заброшенной башни виден и густой бор на юге, и прозрачные озёра на западе, и гряды древних курганов на востоке, и выющаяся меж холмов дорога на севере. Как я буду жить без всего этого? Без шалостей Вейаса, без назиданий отца, без нянюшкиных сказок. Хозяйство, дети... Какие дети, ведь я сама ещё ребёнок? Ребёнок, который не желает вырастать. А церемония взросления всего через пару недель!

Так хотелось научиться к этому времени делать хоть что-то идеально, как мама. Рукодельничать, раз уж с песнями и танцами не вышло. Но, видимо, этого я тоже не унаследовала. Нет души... Может, её нет, потому что нет мамы? Она бы рассказала и про красоту, и про мужа, и про рукоделие. Почему боги забрали её так рано? Нянюшка права, не нам их судить.

Я подняла вышивку и вгляделась внимательней. Не так уж и плохо. Хорошо, что не сожгла: жених через пару дней на помолвку приедет. Без подарка-то стыдно встречать, а ничего лучше я уже не придумаю. Как говорит нянюшка, главное — не подарок, а внимание. Я уж постараюсь быть внимательной и любезной. Тогда, быть может, никто не заметит моей невзрачности и неумелости.

Я снова взглянула на небо, чистое, с растущей, но все ещё неполной луной. Сверкнула звезда и понеслась к земле, будто рисунок Охотника подмигнул, напоминая о давешнем сне. Отбросив страшные видения, я взяла лишь то, что меня очаровало — Огненного зверя на фоне беспроглядной тьмы. Именно его вышью следующим и подарю отцу на прощание. Хорошо, что красных ниток осталось много. Нужно найти отрез чёрной ткани. Жаль, что из неё только траурные одежды шьют, но я достану. Надо торопиться. И плевать на кошмары!

***

Микаш помнил тот весенний день восемь лет назад, как будто это было вчера.

1518 г. от заселения Мидгарда, село Остенки, Заречье, Веломовия

Пахло грозой. Он возвращался с поля, где корчевал пни вместе со взрослыми мужиками. Свой участок Микаш давно очистил, но соседский мальчишка, которого отец взялся приучать к пахоте, сильно повредил спину. Мужик попросил подсобить, чтобы управиться засветло. Такое от него исходило отчаяние, что Микаш не смог отказать. Теперь возвращался в ночи, потный и чумазый, как маленький демон-трубочист. Поясница ныла, ноги не сгибались, в голове шумело от усталости, а ведь он хотел ещё в ночное идти табун выпасать. Коневоды всегда хорошо платили: сеном, овсом и даже овечьей шерстью. Мать ткала из неё пряжу на продажу, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Заругает!

На лицо упала крупная капля.

Микаш умылся из корыта с дождевой водой и виновато постучал в дверь маленькой покосившейся мазанки с худой соломенной крышей. Внутри в ожидании грозы повсюду

стояли горшки и миски.

— Где тебя демоны носили?

Мать помешивала кипевший в котле на печи суп. Она была крупной и костистой, как Микаш. Только волос густой и тёмный, уже порядочно побитый сединой, заплетён в толстенную косу. Глаза яркие, насыщенно-зелёные, как глубокие омуты. Не заметишь, как утонешь. В селе говорили, что в молодости она слыла первой красавицей, статной и яркой, только тяжкий труд и невзгоды состарили её раньше времени. Но она не жаловалась. И злой не была вовсе! Просто очень не любила, когда Микаш задерживался. Боялась, что он уйдёт и не вернётся. И сколько бы Микаш ни уверял её, что никуда бежать не собирается, этот её страх изжить не удавалось.

— Да так... Грацек попросил помочь.

— Ага, а сам-то Грацек нам когда-нибудь помогал? Хоть кто-нибудь из них помогал, а, дубина ты стоеросовая?!

Микаш понурился. Ну да, их все чурались то ли из-за сестры, то ли из-за его затаённой странности.

— У тебя и тут работы невпроворот. Никто её за тебя не сделает, — мать плеснула супу в миску и вручила Микашу. — Только не оправдывайся мне тут! Иди вон сестрицу утихомирь и покорми.

Агнежка сидела на лавке за столом у окна и раскачивалась взад-вперёд. Толстые тёмные косицы растрепались, волосы взмокли от пота и курчавились на лбу. Зелёные, слегка раскосые глаза смотрели в никуда. Пухлые губы шевелились в едва слышном бормотании. То и дело всхлипы вторили ветру на улице. Перед ненастьем Агнежке всегда становилось хуже.

Она была самой красивой из всех, кого он видел. Такое простое открытое лицо, огромные глаза, доверчивые и искренние, широкая добрая улыбка. Агнежка никогда не злословила ни вслух, ни в мыслях. Чище всех и лучше всех. Хотя остальные считали её страшилищем. Даже мать.

Кап-кап-кап — заколотило в крышу, кап-кап-кап — в подставленные миски. Гроыхнуло. Сверкнуло так ярко, что глаза на миг ослепли. Агнежка затряслась, аж лавка стала подпрыгивать.

Микаш поставил миску на стол и присел рядом. Ладони легли на голову сестры, посылая волны тягучей безмятежности. Он умел это, сколько себя помнил. И не только это: чувствовал чужие эмоции, подслушивал мысли, мог утихомирить драчунов или заставить людей отвести глаза. Это было так же естественно, как дышать. Иногда Микаш выдавал свои способности неосторожным взглядом или жестом, тогда люди пугались. Он бы хотел стереть это из их памяти, как мать стирала пятна с его рубах.

Агнежка медленно расслаблялась, дышала глубоко и смотрела более осмысленно.

— Мика, — измученно произнесла она, улыбаясь ему. — Мой Мика прийти.

— Пришёл, — счастливо кивнул он. — А сейчас мы будем кушать, — зачерпнул супа полную ложку и, остудив, поднёс ко рту сестры. Агнежка замотала головой. — Ну давай, Одуванчик, аммм, за меня, чтобы я был сильный, много работал, и мы пережили зиму.

Она всё-таки сдалась и открыла рот.

— Ам, за маму, чтобы она не хворала и заботилась о нас. Ам, за тебя, Одуванчик, чтобы ты выздоровела и к тебе посватался самый богатый парень на селе!

— Мика! — хохотнула она. Он засмеялся вместе с ней.

— Микаш! — оборвала их мать. — Хватит нести вздор! Поторапливайся. У тебя ещё

куча работы на сегодня. Никто её за тебя не сделает.

— Я всё успею, разве я когда-нибудь не успевал? — отмахнулся он и снова вернулся к сестре. — Ам, чтобы лихо белоглазое наш дом всегда стороной обходило.

Микаш потом ещё долго корил себя за эти слова, ведь тут же раздался стук в дверь. И он знал, что это не ветка. Сердце ухнуло в пятки. Стук продолжился.

— За печь, живо! — велела мать, вытирая руки о передник.

Микаш нехотя оставил Агнежку и спрятался. Мать открыла дверь, впуская на порог бурю. Гремел гром, сверкали молнии, свистел ветер, капала вода с потолка. Но меж всех этих звуков отчётливо слышалось, как стучала клюка о земляной пол.

— Зачем пожаловали, госпожа? — мать заговорила странно ласково и мягко, будто перед высокородным.

— Искала приют в бурю. Нельзя? — ответил ворчливый старческий голос, от которого становилось жутко.

— Да ну что вы! Мы так бедны. Боюсь, наше гостеприимство покажется вам очень скудным.

— Я неприхотлива.

Снова послышался стук клюки и ковыляющие шаги. Любопытство пересилило, и Микаш выглянул из укрытия. На лавку рядом с Агнежкой опустилась древняя старуха в сером балахоне, полная и сгорбленная. Мать налила ещё одну тарелку супа и поставила перед ней вместе с последними ломтями хлеба.

— Вы уж простите, у нас больше ничего нет.

— Ай и врешь! — укорила её старуха.

— Мика-мика-мика, — забормотала сестра и снова принялась раскачиваться.

— Хворая она у тебя? — старуха взяла Агнежку за подбородок и повернула к себе её голову. — Не любишь её, да? Обуза? Так и она тебя не пожалеет, когда время придёт.

Старуха разразилась лающим хохотом. Микаш стиснул кулаки. Да как она может!

Будто услышав его мысли, старуха повернула к нему голову. Пришлось напомнить себе, как дышать, когда он увидел её белые глаза. Горевестница!

— А ну-ка, иди сюда! — позвала его старуха. — Иди, не бойся. Хуже будет, если не выйдешь.

Ну да, так все про горевестниц говорят. Ослушаешься их — вовек бед не оберёшься. Микаш вышел на свет. Старуха обернулась к матери:

— Это тоже твой пацанёнок? От кого прижила, глупая?

— От мужа, — на пределе терпения ответила мать.

— Угу, от мужа твоего пьяницы только такие убогие, как она, — старуха кивнула на заходившуюся в припадке Агнежку, — могли родиться. А мальчик-то совсем не в вашу породу, смекаешь?

— Мой он, мой! Я его выносила и вырастила! Моя кровь! Никому не отдам.

— Нет, не твой. Не можешь ты его как ломовую скотину использовать. У него великая судьба. Это она привела меня на ваш порог.

— Хоть великая, хоть малая — не отдам!

Микаш взял за руку разволновавшуюся до красноты мать.

— Я никуда отсюда не уйду. Уходите вы! — сказал он, без страха глядя в белые глаза горевестницы.

Старуха схватила его за подбородок, как сестру до этого, и вглядывалась слепыми

глазами, будто саму душу пронзала.

— Ишь, какой своевольный! Как зов предназначения услышишь, так сам побежишь. И ещё маяться будешь. А не услышать не сможешь — это твоя суть. Слышишь и ты, глупая? — горевестница повернулась к матери. Голос её сделался зловеще-таинственным, похожим на шум бури за окном: — Он должен учиться, учиться у самого короля Сумеречников. Он станет первым среди них. Его поведёт Северная звезда, та, что сияет на конце стрелы Небесного Охотника. Но как только звезда погаснет, станет он демоном лютым, самым страшным из всех. И загорится степь под его ногами, и прольются небеса людской кровью, и проложит он путь по мёртвой плоти к Небесному Престолу, и возведёт на него дух неправедный.

Агнежка закричала долго и пронзительно, как птица. Мать кусала губы, исходившая от неё завеса страха загустела до вязкой болотной жижи. Мысли её скакали тревожной чехардой.

— Забирайте, — тихо произнесла она и понурила голову, пряча от него глаза.

— Мама! — вздрогнул Микаш. — Нет-нет, я не стану таким. Клянусь, я буду хорошим. Я буду слушаться во всём и всегда, я буду работать больше, я...

— Не сопротивляйся, мальчик, ведь ты и сам знаешь про демона внутри. Ты и сейчас его чувствуешь, — усмехнулась горевестница.

Микаш называл его зверем. Иногда он скрёбся об рёбра когтями, и тогда хотелось схватить топор и разнести все вокруг. Только чтобы поняли, что сестрица не плохая, а другая. Что мама не засохший цветок, а сильная, достойная уважения женщина. Что он не злой и никогда не хотел быть злым...

— Уходи, — со смертельным спокойствием сказала мать. — Ты мне больше не сын.

Горевестница протянула костлявую ладонь.

«Забудьте! Забудьте об этом!» — взмолился Микаш про себя с отчаяньем настолько сильным, что голову схватил спазм, а из ноздрей ручьем хлынула кровь.

Они забыли. Агнежка замерла и склонила подбородок на грудь. Горевестница прикрыла свои жуткие глаза. Пелена страха вокруг матери растворилась, и теперь она смотрела с добродушной, мягкой улыбкой.

— Уходите вы! — громко велел Микаш белоглазой старухе, вытирая рукавом кровь. — И не возвращайтесь никогда!

Она поковыляла к двери и, не оглядываясь, вышла в бурю.

Мать мотнула головой, прогоняя дурман.

— Ты закончил? — она собрала миски и, сполоснув в ведре, налила ещё супа. — Теперь ешь сам.

От миски поднимался пар, а посреди плавал небольшой кусок баранины. Маленькое чудо для их бедного семейства.

— Мама! — воскликнул от удивления Микаш.

— Жуй! И не смей с сестрицей делиться. Это только для тебя, — строго наказала она, а потом не выдержала и ласково потрепала его по волосам.

Агнежка очнулась и придвинулась ближе, склонив голову ему на плечо. Хорошо так стало, тепло от их любви, что страх мигом забылся.

Они не вспомнят. Никогда.

1526 г. от заселения Мидгарда, Белоземье, Веломовия

Сейчас, через восемь лет, Микаш жалел о своём поступке. Уйди он тогда с

горевестницей, может, спас бы их. А так один... не Сумеречник, не простолюдин. Что-то среднее, без судьбы и смысла.

Месяц пути пролетел незаметно. На воле дышалось свободней, и синее небо над головой придавало сил. Резерв потихоньку восстанавливался. Вернулась лёгкость в движениях и острота зрения. Тело наполнилось живительными соками. Хорошо! А он ведь начал унывать.

Былые тревоги казались несуразными: смог же. Читал когда-то давно, что есть такой рискованный способ постепенно увеличивать мощь дара: всегда работать на пределе возможностей, доходить до опасной грани, чуть раздвигая свои горизонты. Может, стоит попробовать ещё? Стать по-настоящему великим?

Микаш усмехнулся тщеславию своих помыслов. Если бы ещё вся эта сила кому-нибудь была нужна. А так... ну вот уйдёт после этой поездки. Оставит коня и меч. А без них уже как без рук, без ног — калека. Не умеет больше ничего, кроме как демонов по долам и весям гонять.

И куда дальше? Всю жизнь ведь за него другие решали: мать, потом лорд Тедеску. Прибился бы к какому селу победнее и потише, вспомнил ремесло пахаря, да только люди дар не хуже демонов чуют. И чураются.

Весна севернее Заречья оказалась куда более сырая. Чавкала и разлезалась под копытами почва, деревья убрались девственно-зелёной листвой, свежа была молодая трава. Яркое солнце ещё не грело. Воздух звенел от птичьих трелей. Мельтешило на грани зрения пробудившееся в лесах зверье. Хмельно и раздольно. Только вечные жалобы Йордена мешали. То холодно, то жарко, то под низкими ветками пригибаться приходится, то болотом воняет и конь на кочках спотыкается, то спать по ночам не вмоготу из-за волчьего воя на опушке. А виноват, ну кто ж, кроме Микаша? Хотя дорогу вовсе не он выбирал, просто ехал в сопровождении.

За несколько дней пути до белоземского замка их свадебный кортеж встретил людей лорда Веломри, высланных для сопровождения по дремучим лесам. Устроили пышную днёвку неподалёку от узкой, но быстротечной реки. Ели, пили, братались, шутили похабно и горланили застольные песни. Микаш умаялся за всеми бегать, чтобы не натворили чего, вот и пропустил, когда Йорден ухватил служанку погрудастей из свиты лорда Веломри и, пьяно улыбаясь, потащил в палатку. Хвала богам, остальные настолько увлеклись гулянкой, что не заметили.

Микаш побежал следом и отвернул полог. Йорден уже тискал полуголую девку за груди и с непотребным видом хрипел несуразности:

— Я тебя с собой увезу. В шелках ходить будешь и в золоте. Хозяйкой замка сделаю.

Ага, то-то он сам в шелках и золоте не ходит! Лорд Тедеску ведь все деньги на собак спускает, да и не такой большой у него доход на самом деле.

Микаш закашлялся.

— Какого демона тебе надо?! — взъярился Йорден. — Что, подглядывать повадился, раз на самого девки не клюют?

Микаш глубоко вздохнул:

— Не стоит. Вас невеста ждёт.

— Тебе-то какое дело? Не твоя же.

— Ваш отец велел присмотреть, чтобы вы не ославились тут.

Микаш уже успел понаблюдать за белоземцами. Они действительно отличались от

зареченцев. Такие тихие и спокойные снаружи, с плавной речью, не допускающие лишних эмоций, будто те истощают их телесно, а внутри горят, как печи, вспыхивая то гневом, то страхом, то раздражением. Прав был лорд Тедеску, такого унижения здесь не простят и помнить будут долго.

— Так отца тут нет. И ты быть не обязан. Лучше найди себе кого-нибудь, а то так и проходишь всю жизнь девственником. Слышишь, дорогая, он ни разу с женщиной не был?

Ну не был. Не хотел. Не такая беда на самом деле. Тренировки, книги, Охота на демонов — больше ничего не надо. А с девками — одна морока.

— Я вынужден настаивать. Лорд Веломри могущественный человек. Если ваше поведение заденет его честь, то проблемы будут у всех и замять их даже вашему отцу не удастся.

— Что ты нудишь, как нянька старая? Кто ты вообще такой, чтобы мне указывать? А ну как велю тебя высечь, сразу спесь забудешь.

Зверь внутри снова заскрёбся. Микаш словно наяву слышал леденящий душу скрежет. Болью запульсировала жилка на виске. Обычно это помогало во время битв, когда силы были уже на исходе, воспаляло кровавую ярость, превращало в неистовый стальной вихрь. Именно за эту несокрушимость и приглянулся он милорду Тедеску. Но иногда, как сейчас, ярость становилась настолько нестерпимой, что хотелось выпустить зверя на волю и всех порешить. Всех, кто издевался, смеялся и плевал в его сторону. Пока его самого не заколют, как дикого зверя. Совсем как в том сне.

Нет, он не станет плохим! Ради памяти матери и Агнежки.

— На! — Йорден швырнул в него медальон с портретом невесты. — Полюбуйся на бледную мышь, раз никого лучше отыскать не можешь.

— Как знаете, — прошептал Микаш, сжимая медальон в руках.

Он ушёл к реке, подальше от костров и пьяных речей. Шум воды успокаивал, а мошकारа ещё не проснулась и не жалила злыми укусами. Микаш укрылся поплотнее плащом и распахнул медальон от скуки. Любопытно, чем Йордену так невеста не понравилась. Заячья губа у неё, что ли, или глаза косые?

Увидел и обомлел.

В золотистой дымке закатывающегося солнца работа неизвестного художника была нестерпимо прекрасна.

Нет, сейчас Микаш уже научился различать красоту потаённую, которую так редко видели другие, и красоту внешнюю, на которую так падки были его одногодки. Да и на сестру белоземская принцесска не походила. Разве что печальным взглядом дивных, прозрачных глаз. Живые — будто в душу смотрят. Лицо нежное, точёное, полное трогательной хрупкости, словно сияет изнутри. Каждую чёрточку можно изучать часами и восхищаться совершенством. Интересно, какая она в жизни?

Глава 3. Украденный танец

1526 г. от заселения Мидгарда, Белоземье, Веломовия

Ильзар построил ещё в незапамятные времена наш предок Лиздейк Дальновидный. Он был одним из первых Сумеречников и всю жизнь воевал против демонов, снискав большую славу. Во время одного из походов он заночевал под холмом, на вершине которого рос могучий дуб. Неожиданно началась гроза, и в дерево ударила молния, расколов его пополам.

Лиздейк счёл это знаменем и поставил на холме дозорную башню, которую его потомки постепенно перестроили в грандиозный белый замок. Так говорилось в предании, а как было на самом деле, никто не знал. С каждым поколением наш род становился влиятельней и богаче, продолжая следовать заветам Лиздейка и бороться с демонами вместе с другими рыцарями ордена. Ныне главой рода являлся мой отец, лорд Артас Веломри. Мне, его дочери, приходилось очень стараться, чтобы не уронить его честь, особенно теперь, во время моей помолвки, после которой я должна буду навсегда покинуть отцовский дом и стать частью рода моего жениха. Хотя не хотелось никуда уезжать вовсе.

Замок гудел, готовился к приёму гостей. Рачительный кастелян Матейас, строгий, иссушенный временем и хлопотами, не давал слугам и выписанным из города мастеровым ни минуты покоя. Из буфетов доставался лучший фарфор, чистилось столовое серебро и натирались мелом тарелки. В распахнутые окна врывался ветер, прогоняя затхлость и наполняя свежестью. Выгребалась пыль и грязь из всех углов. До блеска натирались полы. Подновлялась штукатурка, лепнина и мозаика на фронтонах. Садовники убирали парк перед замком и высаживали в вазоны вдоль парадного входа цветы из оранжереи. Они символизировали любовь, чистоту и супружескую верность: дерзкие алые гвоздики, скромные жёлтые хризантемы, девственные белые лилии и пышные кремовые розы. Лучшие повара со всего Белоземья готовили изысканные яства. Всё, чтобы впечатлить дорогого гостя.

Я тоже не смыкала глаз уже несколько ночей и стала осунувшейся и бледной. Того и гляди, начну гроыхать цепями по перилам, как наше родовое привидение, про которое любит рассказывать нянюшка. Но мне так хотелось закончить подарок для отца до отъезда. Чёрная ткань нашлась в одном из старых сундуков на чердаке. Должно быть, осталась после траура по маме. Я вырезала не тронутые молью лоскуты и принялась за работу, но ничего не выходило. Узор получался совсем не такой, какой я видела во сне, будто пальцы не слушались и шили некрасиво. Выбросить пришлось с дюжину лоскутов, прежде чем стало выходить что-то похожее. Но я ещё была в самом начале пути, когда, гроыхая по брусчатой дороге, к замку подъехало с десятков украшенных белыми лентами и полевыми первоцветами экипажей — пожаловал жених со свитой. Как раз вовремя, и все же слишком рано.

Три часа мои тяжёлые волосы укладывали в высокую причёску. Голова раскалывалась от возложенного на неё веса. До этого я всегда носила косы — они гораздо удобнее: не дерут кожу, не давят, не мешают. Долго напوماживали и румянили, пытаясь придать бледному лицу хоть какой-то цвет. Наконец оставили одну. Я вынула из сундука с приданым мамино свадебное платье: простое, из белёного льна, из тех, что переходят в роду от матери к дочери, чтобы по дороге в дом мужа невесту защищали духи предков и приносили удачу. Пришлось его немного ушить в груди и бёдрах — мама явно была пышнее меня. Нянюшка говорила, что я выгляжу в нём трогательной, хрупкой и даже немного женственной.

— Лайсве, ты не пойдёшь встречать жениха в этом тряпье. Нас засмеют, — нахмурил кустистые брови заглянувший ко мне отец. — Бежка сейчас новое принесёт. Портной только прислал. В нём ты будешь блистать.

— Я не хочу блистать. Я хочу, чтобы меня сопровождали духи предков! — я топнула ногой, стремясь показать решимость, но вышло глупо.

— Не капризничай. Постарайся быть на высоте, и ничья помощь тебе не понадобится.

Он обнял меня за плечи. Колкие усы зашекетали лоб. Отец же отстранился, пропуская вперёд смуглую камеристку с новым платьем в руках. Бежка. Она ездил встречать гостей с

кортежем, и я надеялась, что мне подыщут другую служанку. Но эта оказалась слишком шустрой и ушлой. Как только успевала и тут, и там, и ещё?..

Отец ушёл, а мне так хотелось задержать его подольше. Он редко обращал на меня внимание, а я ведь уеду. Как же я буду скучать!

— Давайте, госпожа, поднимем ручки, — снисходительно попросила Бежка, помогая одеться.

Бежка улыбнулась так... словно не я дочь милорда Веломри, а она. Захотелось сказать колкость. Все прекрасно знают, куда она метит: соблазнила моего брата и думает, что она тут хозяйка. Ан нет, ушлют её вместе со мной из замка и вспоминать не будут. Не зря же отец мне её так настырно подсовывает.

— Ай, хорошо! — восхитилась Бежка.

Кому как. Я чувствовала себя прибитой к полу даже в лёгком нижнем платье из тафты нежного кремового цвета с широкой юбкой-колоколом. За ним последовало верхнее распашное из золотой парчи, расшитое узором с розами и украшенное лентами и кружевом по подолу, вдоль выреза и на рукавах. Я едва не пригibasлась под его тяжестью и казалась раза в два больше, чем была. Зачем отец делает из меня цветочек в золотой петлице? Это же не я, я — другая!

— Корсет подтянем, и будет у нас красавица жениху на загляденье, — приговаривала Бежка, разглаживая складки на юбке, грубо толкнула в спину и стянула шнурки, выбив из груди весь воздух.

— О боги, зачем так туго?! — взмолилась я, чуть не упав в обморок. — И почему такой глубокий вырез? Неприлично же!

Я попыталась подтянуть лиф повыше, но ничего не вышло.

— Все прилично, что не безобразно, — Бежка хитро прищурила тёмные, как у ведьмы, глаза. Ух, дерзкая! Но ругаться не хотелось, не перед помолвкой. — В Кайнавасе все модницы так одеваются. Поверьте, лорд Веломри не купил бы ничего неприличного.

— Модницы в Кайнавасе, по-моему, не едят, — с трудом пробормотала я. Бежка смилостивилась и ослабила шнуровку. — И не дышат.

— Красота требует жертв. Чем больше вы понравитесь жениху, тем легче будет с ним сойтись.

Она набрала пригоршню лоскутов и набила ими лиф, пытаясь придать моим скромным формам менее унылый вид. Как это все глупо! И неправильно. Жена должна нравиться просто потому, что она тебе суждена, самый близкий и дорогой человек, вторая половинка, без которой ни один мужчина счастлив не будет.

— Теперь точно понравитесь, — Бежка склонила голову набок, разглядывая результаты своей работы.

— Госпожа, гости ждут! — донёсся из коридора голос лакея.

Испуганно выдохнув, я направилась к двери.

— Погодите! Ожерелье забыли.

Бежка всплеснула руками и бросилась к туалетному столику, на котором лежал футляр с тремя нитками крупного жемчуга. Должно быть, отцу пришлось выложить за него круглую сумму. Только кого мы смешим? Даже оно не сделает меня красивой.

— Главное — улыбайтесь, — застегнув ожерелье, Бежка сверкнула улыбкой, показывая пример, и открыла дверь.

Улыбаться, как же. Тогда я стану ещё и глупой. Да и как улыбаться, когда думаешь лишь

о том, как бы не наступить на подол и не упасть? Ничего, ради отца, ради Вейаса, ради чести рода можно денёк потерпеть. Выше голову, плечи расправить и представить, что я королева.

В коридоре встретил отец.

— Мне нужно в святилище, — упрямо заявила я. — Хочу попросить удачи и поддержки.

— Зачем? — отец снова нахмурился. В уголках ясных голубых глаз уже прорезались первые морщины. Хотелось разгладить их пальцами, как складки на платье. — Оно для этого не предназначено.

— У нас другого нет, — настояла я.

— Ладно, только быстро.

Нянюшка рассказывала, что бывают мужские божества и женские. Те, что оберегают дом от несчастий, и те, что помогают в замужестве и защищают детей от лиха. Только в нашем домашнем святилище им не молятся.

Я едва поспежала за широким шагом отца. В тёмной галерее он отвернул голубое знамя и нащупал рычаг. Часть стены отъехала в сторону, открыв узкий проход. Запалив факел, мы спустились по винтовой лестнице в подземелье. Здесь располагалось сердце замка — источник родовой силы, благодаря которой внутри этих стен мы были неуязвимы для врагов. Посторонних сюда не допускали.

Сразу после рождения отец принёс нас с братом в святилище, положил на алтарь и пустил кровь, дав камню напитаться ею и признать новых членов рода. Через восемь лет отец ещё раз привёл нас сюда для первого посвящения. Намазал виски миртовым маслом, поставил на колени и запер на всю ночь, велел читать вслух выбитые на стенах, полу и потолке надписи. Вейаса сморило к полуночи, а я продолжала проговаривать имена предков, истории об их подвигах и воззвания к предначальным стихиям. Лишь молитв нигде не было, ни имени, ни даже изображения божества, чьим домом служило это святилище.

Откровение пришло только с рассветом. Заскрипели шестерёнки древнего механизма, что-то в вышине затрещало, и на потолке открылся люк, позволяя увидеть небо. Тусклый зеленоватый налёт сумерек растворялся в огненных лучах возрождающегося солнца. Небо светлело, отдалялось, становилось пронзительно синим. На крыше застрекотала вертушка. Попавший в ловушку ветер застучал, спускаясь по трубе, и вырвался белёсым туманом из отверстий у алтаря, оставив на камне потёки. Вот он, наш покровитель, незримый и безымянный — ветер. Тот, что дует с запада и приносит семена бурь и ураганов. Имя ему — свободный полёт, и нет для него иной молитвы, чем растворение в воздушных потоках, вознесение над суетой и созерцание гармонии жизни, что струится по жилам мироздания.

Когда отец вернулся на следующее утро, я рассказала о своём откровении. Он рассмеялся, решив, что я снова придумываю небылицы. Я так и осталась наедине со своими мыслями и чувствами, поделиться ими могла только с ветром. Я тайком пробиралась на самую высокую башню в замке, залезала на ветхую крышу и там, в одиночестве и тишине, наслаждалась пьянящим ощущением: у меня словно выросли крылья, и я неслась по небесным просторам, то камнем падая к земле, то поднимаясь выше облаков. Это были самые чудесные моменты в моей жизни.

Вскоре, когда отец собрался в очередной поход против демонов, я заметила, как он направляется к святилищу, и упростила взять с собой. Отец согласился, лишь когда я пообещала, что пробуду там до рассвета, молча и не двигаясь, чтобы не помешать. Открыв люк в потолке и запалив на алтаре свечу, отец опустился на колени, чуть наклонившись вперёд, опустил голову на грудь и поднял правую руку, сложив три пальца вместе. Замер, не

шевелилась, и, казалось, даже не дыша. Устав наблюдать, я в точности повторила его позу и закрыла глаза.

Мысли копошились, как мыши в соломе: толкались, перебивали, мешали услышать и понять что-то важное. Хотелось выкинуть их, как ненужный хлам, но они все продолжали лезть в голову. Я сосредоточилась на дыхании, на ритмичном стуке сердца, пытаюсь очиститься. Когда зудящее желание пошевелиться уже почти превозмогло моё терпение, я услышала это. Ни с чем не сравнимую песнь ветра, через которую будто говорил сам бог. Я не могла понять его речей, но была очарована умиротворяющей мелодией и тёплым, обволакивающим все естество светом. Застыв в этом удивительном состоянии, я сидела, пока отец не тронул меня за плечо. Открыв глаза, я почувствовала себя как никогда бодрой и счастливой. Свеча на алтаре давно догорела, а через люк сочились ласковые солнечные лучи. Пришло время уходить.

В тот раз отец вернулся раньше обещанного срока и выглядел очень довольным. Сказал, что никогда ещё Охота не шла так гладко — его отряд не потерял ни одного воина. После, каждый раз, когда намечался поход, отец водил меня в святилище, просил помолиться за удачу в битве и называл своим маленьким талисманом. Уж не знаю, приносили ли боги удачу отцу, но мне нравилось в святилище. После проведённой внутри ночи всегда становилось так хорошо: пропадали тревоги и сомнения, а взамен приходила спокойная уверенность.

Вот и в этот, последний раз я надеялась, что ветер поможет. Отец отпер замок большим ключом, который носил на шее вместе с гербовой подвеской — родовым знаком — в виде горлицы с мечом в когтях. Отец пропустил меня вперёд и позволил несколько минут побыть одной. Я села и сложила руки на груди.

— Я знаю, ты покровитель воинов и защищаешь их в битве, а до женской доли тебе дела нет, но... я сегодня в последний раз... В последний раз обращаюсь с просьбой. Потом я приму бога-покровителя моего мужа, и с тобой вряд ли ещё заговорю, но сегодня... Молю, дай мне свою защиту и подари удачу, не позволяй ударить в грязь лицом и опозорить наш род. Я хочу... понравиться жениху и его семье, хочу, чтобы они меня приняли и полюбили, как любит моя семья. Помоги, пожалуйста, ведь других покровителей меня лишили.

Ветер не отвечал даже лёгким дуновением. Видно, он действительно не властен над подобными глупостями.

— Тогда просто храни отца и Вейаса. Он такой шалопай...

По щеке пробежала слеза, портя трёхчасовую работу над моим лицом.

— Лайсве, скорее. Нельзя заставлять гостей ждать, — позвал из-за двери отец.

Застрекотала труба, выпуская облачко голубоватого тумана. Он оплёлся вокруг запястья браслетом и тут же растаял. Меня благословили?

— Идём же!

Не выдержав, отец открыл дверь и потянул меня наверх.

***

Отец вёл меня под руку по красной ковровой дорожке между расступившимися гостями. Я с трудом признавала наш серый и скучный парадный зал. В новой хрустальной люстре и в светильниках на стенах трепетало пламя свечей. Радужные блики кружились на потолке,

словно оживляя нарисованных на нём павлинов и цапель. Подновлённые дубовые панели матово поблескивали на задрапированных голубым бархатом стенах. На самых видных местах красовались огромные гобелены со сценами из семейных преданий. Столы, укрытые белыми скатертями с красной бережной вышивкой, ломились от блюд в золотой и серебряной посуде: рябчики в сметане, перепела в клюквенном соусе, фаршированная яблоками утка, тушёные кролики, копчёные кабанчики, карпы, осетрина, печёные овощи, гусиные паштеты и, конечно же, пирог с живыми голубями внутри. О «маленьком» сюрпризе для гостей отец предупредил загодя, боясь, чтобы я от страха не свалилась в обморок. Будто бы я стала пугаться таких глупостей, как птицы в пироге!

Помпезность угнетала. Отец никогда не устраивал празднеств. Он не любил принимать гостей, предпочитая скромное уединённое существование. Да и в этом зале мы бывали лишь изредка, когда орден вынуждал отца отмечать победы хотя бы в кругу близких знакомых. А сейчас... Чтобы соответствовать такой обстановке, мне нельзя совершить ни одного промаха, но я не смогу. Обязательно запнусь о подол или скажу глупость. Все смотрят, даже люди на гобеленах, как будто ждут, когда я ошибусь. Дышать! Дышать глубже! Не показывать страха! Какая же долгая эта дорога!

Жених ждал в дальнем конце зала на небольшом возвышении. Он был невысокий, пухлый, совсем некрепкий, скорее холёный. Одет далеко не так богато, как мы: в короткие ореховые бриджи и такой же кафтан до колена без украшений и бантов. Из-под него выглядывал голубой камзол с накрахмаленным кружевным жабо. На ногах коричневые ботфорты из грубой кожи. Каштановые волосы стянуты на затылке в тугий пук. Зеленоватокarie глаза насмешливо прищурены. На щеках несколько едва заметных шрамов. От бритья, что ли?

Я надеялась, что он будет старше. Говорят, для мужчин постарше молодость жены важнее красоты и ловкости. Что там Бежка советовала? Улыбаться. Улыбаться, даже если на душе скребут кошки и хочется бежать, как от самой страшной тьмы.

Мы остановились у возвышения. Отец подтолкнул в спину. Я присела в неловком реверансе и подняла голову.

— Вы обворожительны, — промурлыкал жених, взял меня за руку и приложил её к губам.

Захотелось отдёргнуться или хотя бы отереть ладонь. Почему он мне сходу не понравился? Это неправильно, никто не должен заметить мою неприязнь. Улыбнулась так, что рот свело судорогой и, потупив глаза, смущённо прошептала:

— Меня зовут Лайсве.

— Йорден Тедеску, — ответил жених, склонив голову набок. Говор-то какой гавкающий, фу! — Весьма польщён знакомством. По дороге я много слышал о вашей красоте и грации, но реальность превзошла мои ожидания. Вы просто фея, чудесная фея!

Я обернулась к отцу. Он повёл плечами и крепко сжал мою руку. Спокойствие внушает? Лучше бы подсказал, что делать.

— Вы тоже... очень мужественны, — с трудом выдавила из себя.

После нудного представления жениха со всеми положенными регалиями и удивительно скупого родительского благословения, отец поспешил вручить самым знатным лордам подарки в знак уважения и жестом пригласил к столу.

— Что ж, с официальной частью покончено, — наплевав на этикет, он задорно подмигнул заскучавшим за время церемонии гостям. — Давайте же начнём пир, пока мы

вконец не истомились от ожидания.

Настороженно следившие за нами высокородные расслабились и засмеялись. Отец умел удерживаться на тонкой грани между напыщенностью знати и дерзостью удалого вояки. За это его все любили. Хотелось бы и мне так непринуждённо располагать к себе людей.

Меня усадили во главе стола: по левую руку от отца и по правую от жениха. Гости ели, пили, желали долгой счастливой жизни будущим супругам. Вокруг с серебряными подносами сновали слуги в одежде наших родовых цветов — голубого и белого. Южное вино текло рекой, пенился в кружках эль, перемены блюд следовали друг за другом.

Я теребила под столом край так и не вручённого подарка. При всех как-то стыдно. А вдруг не понравится? Тогда точно засмеют. Йорден на меня почти не смотрел: с кем-то из своих перешёптывался. Надо попробовать завести непринуждённую беседу, попытаться понравиться. Но о чём с ним разговаривать? Не о рукоделии же и нянюшкиных сказках. А больше я ничего не знаю.

Сосед пихнул Йордена в бок. Явно намекал, чтобы тот обратил на меня внимание. Захотелось сквозь землю провалиться.

— Вы совсем не ели. Положить вам окорок или, может, овощей с грибами? Они очень лёгкие, — Йорден расплылся в елеинной улыбке, протягивая дымящееся блюдо.

— Спасибо, я не голодна.

Корсет давил так, что даже дышалось с трудом. Вряд ли бы мне удалось проглотить хоть кусок. К тому же от волнения подташнивало. Ничего, нянюшка соберёт для меня ужин после пира, а Вейас ночью стащит парочку пирожков с кухни. Тогда и наемся.

— Как дорога? Понравилась наши места? — невнятно пробормотала я и тут же потупилась.

Йорден кисло скривился:

— Да как может нравиться тряска по буеракам и ухабам?

Я из вежливости спросила. Ни к чему так распалаться, это совсем не по этикету. И вообще, мне всегда нравилось странствовать. Правда, ездила я разве что на ярмарку в Кайнаvas и обратно в сопровождении большой свиты, без которой не могла ступить там и шагу.

— А топи? По кочкам и бурелому в тумане шею свернуть можно и себе, и коням. Ночью совсем худо становится: от холода и сырости околеть можно. Вот у нас в степи простор бескрайний, солнце тёплое и никаких туманов.

Надо же, неженка. Туман и холод ему, видите ли, мешают. А как в поход придётся идти, на север самый, в царство льдов, Йорден тоже на холод жаловаться станет? Нет, я должна унять раздражение и быть кроткой. Вслух пробормотала вежливое:

— Жаль, что вам пришлось терпеть такие неудобства.

Йордена снова пихнули в бок. Наверное, там останется синяк.

— Что вы. Ради ваших прекрасных глаз я готов и в самое логово демонов сунуться.

Ох, храбрец!

— А много вы их убили, ну демонов?

Йорден едва заметно икнул и стусевался. Его сосед не сдержал смешка.

— Около сотни, должно быть. Я не считал.

Конечно! Даже у отца столько побед вряд ли наберётся, а он всю жизнь воюет. Язвительность подмывала изнутри:

— Мне казалось, вы только-только испытание прошли.

— Да... в Доломитовых горах.

Остановиться уже не получалось:

— По дороге туда вы повстречали сотню демонов?

Теперь пихнули в бок меня. Ну не пихнули, а отец одёрнул за рукав. Не понимаю, почему он терпит пустое бахвальство. Наглая ложь не достойна рыцаря нашего ордена, не достойна!

Отец встал, поднял кубок и постучал по нему серебряной ложкой. Гомон стих. Взгляды вновь устремились к нашему столу.

— Думаю, мы достаточно подкрепились для веселья, — он кивнул слугам, и те споро открыли большие дубовые двери. В зал вошли музыканты с четырехструнными домрами, изящными жалейками, волынками из воловьей кожи и круглыми бубнами. Захмелевшие гости приветствовали их неслаженными хлопками и возгласами.

— Пускай танцы по праву откроют молодые наречённые: моя дочь Лайсве и её избранник из жаркого степного края, Йорден Тедеску.

На лице «избранника» зеркально отразилась моя несчастная улыбка. Зачем отец придумал спасти положение таким изуверским способом? Я в этом платье даже пошевелиться боюсь, а уж танцевать и подавно не смогу. Точно опозорюсь!

Йорден подал руку. Пришлось проследовать за ним в середину зала, свободную от пиршественных столов. Расположившиеся неподалёку музыканты заиграли по команде отца. Хорошо, что танец оказался медленным и простым: поклон-поворот-поклон. Оставалось только придерживать юбки и вовремя увёртываться от норовивших наступить на подол ног «избранника». Танцевал он, как это ни удивительно, ещё хуже меня: держал неловко, вёл невпопад. Со стороны, должно быть, это больше походило на борьбу, чем на степенные движения влюблённой пары. Наверняка гости посмеялись от души, глядя на нелепое зрелище. Хорошо, что все закончилось быстро. Хорошо, что я не упала! Мы в последний раз поклонились и облегчённо вздохнули. Хлопки смешались с пожеланиями счастья и любви. Гости явно ждали продолжения. Йорден приобнял меня за талию и чмокнул в губы, обдав неприятным запахом изо рта. Я с трудом заставила себя не кривиться.

Гости возбуждённо загудели. Послышался скрип отодвигаемых стульев. Устав наблюдать за унылой парой, остальные спешили показать пример. Музыка стала бодрей, а бой бубнов ритмичней и звучней. Молодёжь отплясывала, стуча по полу каблуками. Старики, не обращая на них внимания, обсуждали свои дела, порой повышая голос так, что перекрывали музыку.

Мы отошли к ближнему столу. Я пригубила вина, чтобы заглушить неприятный привкус. Может, если захмелею, то и жених покажется более желанным.

— Послушайте, мне очень жаль... — замаялся Йорден. — Я только с дороги, не все дела уладил. Вы меня извините? Я ненадолго, а вас пока мой наперсник развлечёт. Он хороший. Дражен!

К нам подошёл несимпатичный рыжий парень. Вытянутое тонкоскулое лицо сплошь покрывали веснушки, а щёки были знатно изрыты оспинами. Но в целом выглядел он постарше и солидней. Видно, это он пихал Йордена за столом.

— Иди уж, раз так не терпится, — недовольно ответил Дражен.

Йорден просиял и зашагал к двери. Сбежал. А ведь я даже опозориться не успела.

— Не вешайте нос, он вернётся, — Дражен взял меня под руку. Он явно знал, как с женщинами обращаться. Я слабо улыбнулась. — Никуда от вас не денется, всё ведь уже

сговорено. Я даже немного завидую. За какие заслуги этому болвану в невесты досталась такая красавица? Ведь не ценит своего счастья, совсем не ценит.

Льстить не стоило. Стало ещё гаже, чем с Йорденом. Хотелось, чтобы этот вечер поскорее закончился. Я бы тихо поплакала у себя в комнате и смирилась. В конце концов, не всем в мужья достаются писанные красавцы и удалые воины. Жизнь не нянюшкина сказка — кому-то придётся терпеть и обычных.

Дражен потянул меня обратно к танцующим. Играли быстрый танец. Плясуны, взявшись за руки, хороводом неслись по залу, захватывая с собой всех, оставшихся не у дел, потом разбивались на пары, партнёр присаживался на колени и кружил партнёршу вокруг себя.

Я совсем запыхалась, чувствуя, что корсет сдавил грудь в два раза сильнее, но Дражен никак не унимался. Голова шла кругом. В ушах звенело. Я уже почти ничего не видела, находясь на грани обморока. Яркая вспышка прочистила взор.

Я вознеслась над залом и наблюдала за всем сверху. Вместо людей под музыку плясали отвратительные создания со свиными рылами и раздвоенными копытами. Они же сидели за столами, заливали глотки вином и элем, вгрызались в шматы жареного мяса, выкрикивали тосты, падали косматыми мордами в блюда, кричали, затевали драки. Посреди всего этого безобразия светился маленький огонёк — тонюсенькая фигура воздушной феи, которая металась в грубых ручищах одного из хряков.

«Расселись, свиньи из свиней! — прозвучал в голове полный отчаянной злобы голос. — Тоже мне, избранные богами защитники. Обжираются тут, веселятся, а где-то селяне от очередного нашествия погибают. От голода, от испоганенных посевов. А ведь одного блюда с этого стола хватило бы, чтобы кормить большую семью неделю».

Захотелось возразить. Каждый получает, что должно: кто-то рождается селянином, чтобы работать на земле, кто-то ремесленником или купцом; а кто-то отмечен божественным даром и за борьбу с демонами получает награду — титулы, золото, земли. Сумеречники защищают людей, а люди платят им десятину. Такой порядок установили боги. Не нам их судить.

«Моя! Моя! И пусть весь мир пойдёт теперь прахом, — снова вклинился в мысли странный голос. Я камнем рухнула вниз в тело кружившей подо мной феи. Метнувшаяся сбоку тень оттолкнула свинорылого и повела сама, уверенно, властно и вместе с тем болезненно нежно. — Все муки стоили этого. Как же ты хороша, принцессочка, просто чудо! Жаль, что уроду достанешься».

«Кто ты?» — только и смогла спросить я.

Музыка замерла. Мы остановились друг напротив друга. Это был мой суженый из сна. Я узнала силуэт.

«Это не важно, — он протянул руку и нежно коснулся щеки. — Клянусь, что отрекаюсь от всех женщин, кроме тебя, и не возьму в постель другую, пока ты жива и даже после смерти».

Он впился в губы, впуская в меня тьму и убивая душу.

***

Ильзар, белоснежный замок на вершине большого холма, разительно отличался от замка лорда Тедеску. Соразмерный и строгий в своём убранстве, он сверкал в лучах утреннего

солнца, точёные башни вздымались в небо, реяли на ветру пёстрые флаги. Чисто, ни трещины в стенах, лужайки аккуратно выстрижены — как будто только вчера отстроили и подготовили к параду. Помпезно и богато, хотя красота его была сумеречная, холодная, как и всё в этом суровом северном крае. Было в нём своё очарование.

Микаш отстраненно думал, что отец невесты решил пустить пыль в глаза жениху. Йорден обзавидовался весь, аж позеленел. А уж когда во двор въехали, украшенный цветами, бархатными знамёнами, позолоченными вазонами и парадными доспехами, так тот и вовсе кисло скривился, не желая следовать этикету.

Впрочем, это Микаша волновало мало. Недавно с ним что-то приключилось. По жилам будто тёк жидкий огонь, а голова опустела, мысли витали в неизведанных далях, даже сосредоточиться на деле оказывалось трудно. Медальон Микаш так и не вернул. Надеялся, что и не попросят, а если попросят, то он заставит их забыть. По малолетству, когда он ещё пас лошадей на лугу, то обожал разглядывать мир вокруг, подмечая каждую деталь, любуясь каждой букашкой. Так и сейчас, когда удавалось побыть одному, Микаш раскрывал медальон и разглядывал чудесный портрет, проводил пальцем по ободку и представлял принцесску живую, осязаемую, вылеплял из глины собственного воображения и обнимал крепко, как не обнимал никого с тех пор, как погибли мать с сестрой. Такое странное, но сладкое и томное наваждение. Эх, почему все трофеи, слава и даже лучшие девушки всегда достаются другим?

Полдня им дали передохнуть с дороги — пир начинался ближе к вечеру. Микаш настолько умаялся следить за приготовлениями, что сам едва успел помыться и переодеться в парадный костюм для слуг: коричневые бриджи и ливрею с вышитым на спине родовым гербом Тедеску — оскаленной собачьей мордой. Когда явился пред светлыми очами Йордена, тому как раз заканчивали заплетать церемониальный пук на затылке.

— Где тебя демоны носили? А на голове что? Правильно отец тебя помойным псом называл! — забранился он, одарив коротким взглядом.

Микаш пригладил косматые волосы рукой, но толку от этого оказалось мало. Йорден безнадёжно махнул на него:

— Что взять с дворняги?

Вместе со свитой из своих наперсников и слуг Йорден прошествовал в парадный зал. Обстановка здесь была такая же помпезная, как и снаружи. С непривычки зарябило в глазах от количества зажжённых свечей и хрустальных бликов. Гостей собралось! Старые лорды со всех окрестных земель, их домочадцы и свита. Прислуга деловито сновала с подносами и без, украдкой любуясь на празднество.

Лорда Веломри с дочерью ещё не было. Микаш подошёл поздороваться с Олык. Его лорд Тедеску тоже отправил с кортежем Йордена, чтобы смотрел за соблюдением этикета. Олык показал в толпе наследника рода Веломри, брата-близнеца невесты. Смазливый и темпераментный, он отпускал колкие шутки в адрес тех, кто попадался ему на глаза, а окружавшая его компания высокородных отпрысков то и дело заходила дружным хохотом. Только ощущалось, будто что-то гноится у него внутри, а острословие лишь маска.

Олык дёрнул Микаша за рукав, напомнив, что неучтиво так пристально пялиться на высокородных. Он неплохой, Олык, добродушный и сдержанный, единственный, кого можно было назвать если не другом, то хотя бы хорошим знакомым, поговорить о мелочах, чтобы не забыть, как это — разговаривать с живыми людьми.

— Почему не идут?

— Выдерживают паузу, чтобы казаться значительней. Высокородные, — шепча,

усмехнулся Олык.

Микаш плохо понимал их порядки.

— Почему молодой хозяин не любит свою невесту? — поинтересовался он осторожно.

— Да что ж ему любить, он чай её не знает. Говорят, бледная мышь, невзрачная и скучная.

— А на портрете красивая.

— Художники всегда льстят, чтобы побольше золота выручить. Да ты же знаешь, какие лица у высокородных. Надменность даже красивых портит.

Да, жаль, что красота существует только на картинах, но, может, так оно и лучше — мечтать о недостижимом идеале.

— Идут! Идут!

Возбуждённый шёпот стих. В зал торжественно прошествовал милорд Веломри под руку с дочерью. Они подошли близко. Микаш подался вперёд, так захотелось увидеть. Сердце заныло, затрепетало в груди, желая выскочить и пуститься в пляс. Принцесска оказалась ещё красивей, чем на портрете: тонкая, изящная, хрупкая. Талию можно в ладони поместить. Волосы дивного лунного цвета приподняты в высокую причёску, обнажая стройную шею. Глаза! В такие глаза можно глядеться, как в кристальные озёра этого сурового края. Смотрят только перед собой и ничего вокруг не замечают. Выделяющиеся алым на бледном лице губы, как нежные лепестки розы. Дрожат от волнения. Манят прикоснуться. А платье... дурацкое пышное платье не шло ей ни капли, наоборот, отвлекало безвкусными рюшами, забивало невероятную красоту этого запредельного создания.

— Какая... — вырвался тяжкий вздох.

— Да обычная, — пожал плечами Олык.

— Нет! Разуйте глаза, она прекрасней всех женщин в этом зале!

— Мальчик, ты, часом, не болен? — Олык приложил ладонь к его лбу, Микаш её смахнул.

— Я серьёзно. Во всём Мидгарде не сыщется никого, кто бы смог её затмить.

— Точно болен. Любовной лихорадкой, — Олык усмехнулся.

— Всё равно она даже не взглянет на меня.

— Почему это? Ты парень статный. Не думаю, что у неё много ухажёров сыщется при таком строгом отце. Видишь, как на молодого хозяина смотрит? Будто голову оторвать хочет, не меньше. Говорят, доченьку свою он куда больше любит, чем разгильдяя-сына.

— Спорим? Я подойду к ней так близко, что смогу прикоснуться, а она даже не заметит.

— Ну, спорим, — нерешительно пожал Олык подставленную руку.

Микаш подошёл к одному из слуг с подносом, забрал его и направился к столу на возвышении, где сидели невеста с женихом. Наглость, немного везения и капельку внушения. Телекинетиков здесь нет — вряд ли кто засечёт лёгкое вмешательство. Йорден с наперсниками так и вовсе никогда не понимают, что ими манипулируют.

Неловкость между Йорденом и принцесской Микаш ощущал прекрасно. Она спрашивала про дорогу, Йорден жаловался и клял её край последними словами. Она злилась, поджимала губы и комкала салфетку. Он сыпал комплиментами, а она просекала их неискренность и переводила разговор.

— А много вы их убили, ну демонов?

Йорден стусеивался. Вот оно. Они увлеклись беседой и не заметят. Стоя за их спинами, Микаш протянул ладонь и аккуратно коснулся оголённой шеи принцесски, такой уязвимой и

хрупкой. Кожа на ощупь оказалась гладкой и нежной, как самая дорогая шелковая ткань. Нет, лучше! Аромат волос — мята и ромашка — дурманил голову. Внутренности напряглись от клокочущей тёмной страсти, сумасшедшей, больной. Манило запретное желание. Хотелось больше, ещё больше: прильнуть губами, обнять, ощутить её всю целиком, как никого и никогда. Будто она была его половиной, недостающей частью, по которой он тосковал и в которой нуждался больше, чем в самой жизни.

— Около сотни, должно быть. Я не считал, — лепетал меж тем Йорден.

— Мне казалось, вы только-только испытание прошли, — в голосе принцесски сквозил сарказм.

— Да... в Доломитовых горах.

— По дороге туда вы повстречали сотню демонов?

Микаш едва сдержал смешок. Он бы прошёл для неё все дороги, одолел все невзгоды, убил всех демонов, достал звезду с неба, бросил весь мир к её ногам. Он бы смог... А если не смог, то вырвал бы своё пламенеющее сердце и преподнёс на серебряном блюде. Но нет, он не станет её тревожить. В его жилах не течёт древняя кровь высокородных. Он никогда не станет достоин.

Микаш незаметно срезал прядь её волос ножом и сжал в кулаке. Лорд Веломри уже оборачивался, рыская взглядом по углам. Нужно убираться.

Йорден с принцесской вышли в середину зала для танца, Микаш следом шмыгнул в толпу гостей.

Когда добрался до Олыка, показал ему срезанную прядь.

— Ну ты и пройдоха! — похлопал его по плечу старый камердинер. — Держи монету, честно заработал.

Микаш спрятал медьку в карман, а прядь положил в медальон с портретом.

— Почему он предпочитает ей служанок?

— У всех высокородных так. Верность для них пустой звук. Муж спит с камеристкой, жена со слугой. Всё путём! И ты счастья попытай, чего сохнешь зря? Может, понравиться ей.

— Нет, не хочу так.

Микаш хотел быть на месте Йордена, высокородного, сейчас, как никогда раньше. Танцевать с ней. И плевать, что не знает ни своих, ни этих чопорных высокородных танцев. Говорить с ней, держать в руках и не отпускать никогда. Никогда и ни с кем не делить.

— Ох, пострел уже побежал, гляди-ка.

Слова Олыка хлестнули плетью. Микаш распахнул глаза. Йорден уже спешил к выходу из зала. Микаш едва успел перехватить его за дверями в тёмном и безлюдном углу.

— Не уходите! Оставьте невесту в день помолвки, чтобы барахтаться в простынях со служанкой — верх неучтивости!

Йорден вырвал у него своё запястье.

— Да что ты себе позволяешь?! Дражен позаботится об этой дурочке. А если я проведу с ней ещё хоть минуту, то просто сдохну. Она не только уродлива, но ещё и тупа как пробка! Вот уж наградили невестушкой.

— Перестаньте, — укорил его Микаш. Зверь царапался когтями куда неистовей, чем прежде. — Вы оскорбляете её только за то, что она поняла вашу ложь и не смогла это скрыть.

— Ох, защитничек нашёлся! Прямо под стать этой овце. Ну так отдери её, если так

хочется. Думаю, она будет счастлива, что хоть кто-то обратил на неё внимание.

Йорден зашагал прочь. Микаш сжимал кулаки, представляя, как хрустнут позвонки в его цыплячьей шее, если её сломать. Он вернулся в зал. Дражен кружил принцесску в быстром танце. Повсюду галдели гости, ели мясо так, что с подбородков капал жир, похабно шутили, щипали служанок, орали застольные песни, женщины жеманничали и сплетничали, мужчины напивались до беспамятства и скатывались под столы. От фиглярства и лицемерия захлестнула горечь, словно внутри прорвался перезревший гнойник презрения, и наружу хлынула едкая желчь:

«Расселись, свиньи из свиней! Тоже мне, избранные богами защитники. Обжираются тут, веселятся, а где-то селяне от очередного нашествия погибают. От голода, от испоганенных посевов. А ведь одного блюда с этого стола хватило бы, чтобы кормить большую семью неделю».

Стало плевать, что будет дальше. Просто хотелось, нестерпимо хотелось хоть на миг побыть на их месте, получить свою вожделенную награду. Она его по праву, хотя бы потому, что только он её оценил и только ему она нужна больше воздуха. Как ни деньги, ни слава, ни трофеи, ни даже рыцарство нужны не были. И пускай... пускай, уже всё равно!

«Каждый получает, что должно, — зазвучал в голове тихий мелодичный голос принцесски, как будто она слышала его мысли, как он слышал её усталость и неудобство. — Кто-то рождается селянином, чтобы работать на земле, кто-то ремесленником или купцом. А кто-то отмечен божественным даром и за свою неустанную борьбу с демонами получает награду: титулы, золото, земли. Сумеречники защищают людей, а люди платят им десятину. Такой порядок установили боги. Не нам их судить».

Зверь рванулся на волю. Легко прошёл сквозь толпу и нырнул в тело Дражена. Микаш усыпил его сознание, и теперь сам чувствовал и управлял всем. Принцесска прильнула ближе, прижалась щекой. Он гладил её волосы, гладил спину, вдыхал божественный аромат. Сумасшедшее пьяное счастье кружило голову.

«Моя! Моя! И пусть целый мир пойдёт прахом теперь. Все муки стоили этого. Как же ты хороша, принцессочка, просто чудо! — сквозь хмель прорезалась единственная здравая мысль: — Жаль, что уроду достанешься».

Принцесска посмотрела на него осмысленным взглядом, словно одна-единственная видела его настоящего даже сквозь оболочку чужого тела.

«Кто ты?»

Нет, не может быть! Так сильно не хотелось просыпаться от сладострастного сна.

«Клянусь, что отрекаюсь от всех женщин, кроме тебя, и не возьму в постель другую, пока ты жива и даже после смерти», — ответил он все той же безмолвной телепатией, доступной лишь им двоим, и впился в губы отчаянным поцелуем.

Темнота демонического зверя слетела с Микаша, проникла в неё, опалила. Будто нежные лепестки иссохли и опали в руку. А следом и она сама. Мёртвая, бездыханная.

Микаш мгновенно оборвал телепатическую связь и в несколько скачков оказался рядом. Как раз вовремя, чтобы подхватить принцесску прежде, чем она успела рухнуть на пол. Гости шумели, озирались, шептались. Дражен моргал, не в силах постичь происходящее.

Сосредоточиться было трудно. Голова гудела. Дрожащими пальцами Микаш попробовал ослабить шнуровку на корсете.

— Воздух, ей нужен воздух! — просил он наступавших со всех сторон гостей, но они будто не слышали.

— Унесите её отсюда, скорее! — позвал неровный старческий голос.

Микаш нашёл глазами говорившую — немолодую служанку лорда Веломри. Может, нянька его детей? Она звала за собой, и он пошёл, не зная, что ещё делать. Они поднялись на второй этаж и проследовали в небольшую комнату, уставленную сундуками с одеждой.

— Лучше бы на улицу, — запоздало пробормотал Микаш, но служанка не расслышала.

— Клади сюда, здесь никто не помешает.

Микаш уложил принцесску на кушетку и снова принялся бороться с корсетом дрожащими пальцами. Со злости хотелось разорвать шнуровку, но страшно было причинить вред принцесске.

«Пожалуйста, пожалуйста, только живи! Я не хотел!»

Служанка оттеснила его к двери и взялась за дело сама. Микаш отвернулся, чтобы не видеть обнажённого тела. Того, что никогда не будет его.

Дверь громко хлопнула, и в комнату ворвался лорд Веломри.

— Что происходит? — строго спросил он.

Микаш бездумно разглядывал его, такого важного, пышущего гневливой силой и властью. Он был невысокий и подтянутый, в коротких светлых волосах пробивалась ранняя седина, лоб хмурился глубокими продольными морщинами, кристально-голубые глаза опалили холодным презрением.

— Что происходит?! Я тебе отвечу, душегуб проклятый, что происходит! — выверилась служанка на хозяина — тот аж опешил. — Ты же чуть собственное дитя корсетом не удушил! И для чего? Чтобы гостей потешить? Да пропади они пропадом, твои гости и твой орден поганый вместе с ними!

— Помолчи, Эгле. Все с ней в порядке будет. Не сахарная — не растает, — ответил он и обернулся к Микашу. — А ты кто?

— Я слуга мастера Йордена. Ей сделалось плохо, и мне велели перенести её сюда.

— Где твой хозяин?

— Отлучился. Устал с дороги.

— Побрезговал моей дочерью?

— Что вы, как можно! Она такая красивая!

Голос подвёл, выдав слишком много эмоций. Лорд Веломри расхохотался. Он же тоже телепат. Догадался!

— Проваливай отсюда, голодранец! Не смей больше ни прикасаться, ни даже смотреть в её сторону, иначе я велю живодёрам тебя выпотрошить и выставлю твоё чучело в трофейном зале среди демонов.

Микаш покорно опустил глаза.

— Да, милорд. Простите, милорд.

— Ступай. И ни слова, слышишь, ни слова о том, что здесь было, — лорд Веломри швырнул ему увесистый кошель.

Последний короткий взгляд на бледное, без кровинки лицо принцесски, и Микаш вышел за дверь. Там прислушался. Она заговорила. Он облегчённо выдохнул. Всё будет в порядке. Несуразные, навеянные паникой мысли о том, что он и впрямь жуткая тварь, разрушающая все, к чему прикасается, уступили место осознанию: это дар, принцесска отразила его телепатию и направила против него. Это выжало из неё силы. Вон как её отец перепугался. Говорят же: дар жены — проклятье для мужа. Для такого, как Йорден, уж точно, хотя Микаш бы справился. Нет, её отец прав, нечего голодранцу с принцесской

делать.

«Я больше тебя не потревожу. Ты никогда не узнаёшь, как сильно я люблю тебя».

Микаш ушёл на конюшню, чтобы зарыться в тёплую солому в пустом деннике. И, прислушиваясь к мирному сопению лошадей по соседству, задремал. Сон пришёл странный. Будто принцесска плакала в темноте и звала его, звала хоть кого-нибудь. Настолько жалко и больно за неё делалось, что он протягивал к ней руки, обнимал и шептал ласковые слова, нарушая недавнее обещание. «Мы вдвоём против всего мира. Мы выстоим». Ладонь к ладони, пальцы переплетены — не разрубить.

Глава 4. Недостойный жених

1526 г. от заселения Мидгарда, Белоземье, Веломовия

Я очнулась от того, что на лицо брызнули противной холодной водой. Корсет уже не давил — сверху укрывала лишь мягкая простынь. Рядом горемычно причитала нянюшка:

— Ты же чуть собственное дитя корсетом не удушил! И для чего? Чтобы гостей потешить? Да пропади они пропадом, твои гости и весь твой орден поганый вместе с ними!

— Помолчи, Эгле. Всё с ней в порядке будет. Не сахарная — не растает, — раздался громкий голос отца. — А ты кто?

Голова закружилась, и я куда-то уплыла. Когда снова очнулась, уловила лишь неразборчивый лепет:

— Да, милорд. Простите, милорд.

Что-то звякнуло, похоже, отец отсчитывал монеты из кошель.

— Ступай. И ни слова — слышишь — ни слова о том, что тут было!

Прижимая к себе простынь, я приподнялась с кушетки, но увидела лишь, как закрылась дверь.

Нет, мне почудилось.

— Простолюдины совсем обнаглели. Никакого уважения к знати, — посетовал отец, но, увидев меня, обо всём забыл: — Ты как?

Я легла обратно, подтянув простынь до подбородка. Глаза резало от света. Сердце бешено колотилось, пуская по телу волны пульсаций. Голова гудела и кружилась, напоминая о недавнем обмороке. Всё-таки опозорилась. Надо было больше отдыхать.

Отец нахмурился и сунул мне под нос походную флягу, которую обычно наполнял восстанавливающим силы зельем. Но оно действовало только на рыцарей с даром. Я недоумённо потупилась.

— Выпей — полегчает, — отец влил мне в рот ядрёный, отдающий мятой и базиликом напиток.

Удушливый кашель согнул пополам. Отец отставил флягу и провёл вокруг меня руками, внимательно вглядываясь во что-то, доступное лишь ему.

— Скажи, дочь, ты ведь не была с мужчиной? — спросил он.

Я аж дёрнулась от возмущения. Как он мог такое подумать?! Нянюшка надавила на плечи, заставив лежать неподвижно, и ответила вместо меня:

— Совсем чокнулся?! Девочка чиста, как в день своего рождения. Это и без дара видно!

— Я не Вейас, — устало прохрипела я и отвернулась. Гадко даже думать! Я бы никогда не отдалась мужчине вне брака.

— Вижу, извини. Всё происходит слишком быстро: помолвка и церемония... — отец

потрепал по волосам, поцеловал в висок и забормотал: — Это так некстати. Хотя следовало ожидать подобного, учитывая обстоятельства. — Приподнял мой подбородок кончиком пальца и заставил взглянуть в глаза: — Ты ничего не слышала перед обмороком?

— Все превратились в свиней, — измученно выдавила я.

Видение на пиру оживляло и кошмар о поглотившей мир тьме. Я уже почти забыла о нём, но теперь смятение и страх навалились с утроенной силой.

— Свиней?! — кустистые брови отца грозно сошлись над переносицей. — Интересные у кого-то фантазии. Найду — голову оторву!

Я отвернулась, кожей ощущая его негодование. От чужих эмоций становилось больно. Хотелось закрыться и ни о чём не думать.

— Отдыхай. На людях тебе сегодня показываться не стоит. Я пойду к гостям и всё объясню, а потом отведу тебя в святилище. Там сразу полегчает. А пока лежи.

Он ушёл, еле слышно затворив дверь. В этот раз задерживать его не хотелось. Я прижала колени к груди и обняла их руками. Лежала так, не шевелясь, чувствуя, что нахожусь в мерцающем коконе, который отгораживает меня от всех, защищает. Только мысли прогнать не удавалось. Липкий страх щекотал нервы: «Как же ты хороша, принцессочка! Принцессочка... принцессочка...»

По телу пробежала волна мелкой дрожи. Засосало под ложечкой.

— Нянюшка! — Старуха уселась у изголовья, с тревогой изучая моё лицо. Должно быть, выглядела я ещё хуже, чем чувствовала себя. — Что значит, если тебе постоянно снится один и тот же сон?

— Твоя жизнь скоро сильно изменится, вот ты и волнуешься, — нянюшка гладила меня по волосам, как отец, только от неё исходило тёплое спокойствие и умиротворение. Становилось чуть легче. — Иногда мы сталкиваемся с бедами, с которыми не можем справиться. Они не оставляют нас даже ночью. Тогда во сне сами боги приходят на помощь: говорят, объясняют, показывают. Как только поймёшь, что тебе пытаются подсказать, всё решится само. Хочешь, подумаем вместе? Что тебе снится?

— Суженый.

— Хороший сон!

— Да.

Думать вместе не хотелось, тем более рассказывать, оживляя в памяти жуткие образы. Да и чего тут гадать? Всё яснее белого дня. Это предупреждение о том, что нельзя нарушать божественные законы. Нужно принять доставшегося мужа, даже если он совсем не тот, о ком я мечтала. А любовь с первого взгляда — нянюшкины сказки. В жизни такого не бывает. Я обидела Йордена пренебрежением, поэтому он ушёл. Его место тут же заняла тьма, тьма в моём сердце. Я не должна поддаваться, иначе сама стану тьмой. Отныне я буду кроткой, ласковой и послушной. Буду по-настоящему, не как раньше: притворяться, а в мыслях дерзить. Я разыщу Йордена, отдам подарок и с радостью отправлюсь в благодатный степной край, подальше от нашей убогой сырости. Я верю, что Йорден убил сотню демонов, и убьёт ещё столько же, а если даже не убьёт, то для меня он всё равно будет самым могучим и доблестным воином. А что плясать не умеет — так я научу. Это гораздо проще, чем вышивать.

Я повернулась к нянюшке:

— Есть хочется. Принеси чего-нибудь, а то из-за корсета я совсем без ужина осталась.

— Конечно, милая, я мигом, — спохватилась старуха. Подумала, видно, если у меня

появился аппетит, значит, стало легче.

Стоило двери захлопнуться, как я встала на негнущиеся ноги. Только сейчас поняла, что нахожусь в собственной гардеробной. Я достала из сундука мамино белое платье и надела. На стене висело большое зеркало в ажурной позолоченной оправе. Я заплела распущенные волосы в косы и взглянула на своё отражение. Несмотря на бледность и синяки под огромными, лихорадочно блестящими глазами, я выглядела по-домашнему мило и трогательно, так, как я хотела выглядеть, как я себя ощущала. Теперь духи обязательно помогут мне обрести счастье с Йорденом.

Я выглянула за дверь. Коридор пустовал. Я облегчённо выдохнула. Оставалось только понять, где искать Йордена. Он не сказал, куда и зачем отлучается, а я не потрудилась спросить. Но сейчас глупо сожалеть о несделанном. Нужно думать, как быть дальше.

Вспомнилось, как отец обучал Вейаса использовать заклинания нашего замка: можно было открыть потайные ходы или, наоборот, спрятаться так, чтобы тебя не заметили, а ещё проверить, не замышляет ли кто дурного, или отыскать нужного человека. Последнее было самым простым. Правда, Вейас всё делал спустя рукава, иногда мне даже казалось, он злил отца нарочно. А вот у меня выходило, хотя никто не обращал внимания.

Не придумав ничего лучше, я решила попробовать: сосредоточилась на внешности Йордена, его движениях, голосе, запахе. В голове возник примерный план замка со всеми винтовыми лестницами, петляющими узкими галереями, длинными коридорами, уединёнными комнатами за глухими дверями. Мой бесплотный дух плутал между пульсирующих жилами людских фигур. Всё не то, не то, не то. Ну где же?! Как гончая, я учуяла запах, кислый, не слишком приятный, щедро смешанный с потом. Йорден, тут ошибки быть не могло. В восточном крыле, парадные гостевые покои, третья дверь по коридору слева.

Я отпустила концентрацию. Колени задрожали. Я оперлась спиной о стену и тут же съехала на пол. Из носа потекла кровь, на губах ощущался солоноватый привкус. Перестаралась. Ничего, как сказал отец, не сахарная — не растаю. Надо отдышаться и действовать. Если пойду через холл, меня заметят и нажалуются отцу, а он потом никуда не отпустит. Но тут рядом есть потайной ход. Идти, конечно, далековато, но там я вряд ли на кого-то наткнусь. Отец с гостями, Вейас наверняка сбежал с очередной служанкой, а остальные про ход не знают.

Я поднялась, хотя голова ещё шла кругом, а ноги еле держали. Слабость отступала с каждым шагом по лестнице на третий этаж. Крадучись, я дошла до портрета Войшелка Добродушного, нашего прапрапрадеда. За ним притаился рычаг в виде круглой ручки. Я приложила к ней ладонь с засохшей кровью. Заговорённое железо отозвалось тёплой вибрацией. Я повернула ручку направо и потянула. Плита с портретом отъехала в сторону. Пахнуло затхлостью и плесенью. Крутая винтовая лестница уходила вниз в крошечную темноту. Хорошо, что я не в том помпезном платье, которое купил отец. Пышные юбки и длинный подол собрали бы тут всю грязь. Сняв со стены факел, я начала спускаться, прислушиваясь, как заскрежетала плита за спиной и встала на место.

Пришлось долго спускаться, пригнувшись, переходить по змеящемуся тоннелю в другое крыло, потом подниматься по ещё одной лестнице на сотню ступенек. Когда я выбралась из потайного хода, то снова запыхалась, но в голове всё окончательно улеглось. Без посторонних глаз мне легче будет поговорить с Йорденом искренне, объяснить свои сомнения и страхи, убедить его, что я смогу стать хорошей женой, просто мне надо чуть

больше времени, чтобы привыкнуть. Но я буду стараться изо всех сил!

Я очистила платье от налипшей паутины и постучала в спальню Йордена. Никто не ответил, но дверь оказалась не запертой. Я вошла. Внутри царил полумрак — лишь узкая полоса света лилась из коридора. Просторная, аккуратно убранная комната пустовала. Створки шкафа открыты. Окна занавешены плотными гардинами. Возле широкой кровати с балдахинном — дорожный сундук. Интересно, чем таким важным был занят Йорден, что даже не успел разобрать вещи?

Снаружи донеслись шаги, голоса. Я узнала их: торопливый лающий говор Йордена и протяжный, с наигранно мурлыкающими нотками, Бежки. Она рассмеялась кокетливо и мелодично. Дыхание спёрло от страха. Камеристка точно отцу донесёт! Я юркнула в шкаф и затворила дверцы, оставив лишь маленькую щёлку.

Йорден в обнимку с Бежкой ввалился в комнату.

— Наконец-то одни! — счастливо выдохнул мой будущий благоверный. — Ты бы знала, как меня достала эта бледная поганка со своими расспросами. Как у вас то, как у вас сё. Будто специально унижить хотела. Как и её демонов отец. Зачем он этот пир закатил? Чтобы показать, какие мы в степях нищие и убогие? Не можем даже позволить себе парчовый костюм к помолвке.

Пришлось зажать рот руками, чтобы не вскрикнуть. Я просто хотела завести беседу, а отец — проявить уважение к жениху и ордену. Вовсе мы не желали никого унижать!

— Не бухти, — проворковала служанка, покрывая поцелуями поцарапанную щёку. — Меня всё равно не отпускали с кухни. А тебе нужно было политесы соблюсти, чтобы никто не догадался и эта дурочка не заартачилась. Знаю я её. Это с виду она телёнок большеглазый, а на деле сумасбродка ещё та. С детства было: как стукнет в голову блажь, так уже ни няньки, ни даже отец отговорить не смогут. Всё по-своему сделает.

Конечно, заартачусь! Потребую, чтобы тебя вышвырнули. И даже если не послушает, с собой тебя не возьму уж точно.

— А по-моему, обычная избалованная отцовская дочка. Да и кто её спрашивать-то станет? Как в ордене скажут, так и сделает. Все под ним ходим.

Йорден оголил смуглое плечико служанки и принялся целовать его. Я хотела затворить дверцы, зажмуриться, зажать уши, чтобы не видеть, но не смогла оторвать глаз. Йорден зарылся носом в глубокое декольте. Бежка хохотнула, словно от щекотки. Ободрённый, он принялся высвобождать из платья пышную грудь, обещая, будто находился перед алтарём:

— Ничего, как только родит наследника, подсыплю ей волчьей травы в еду, а тебя хозяйкой сделаю. И никакой орден мне указывать уже не сможет!

Бежка шепнула что-то в ответ. Йорден громко засмеялся и повалил её на кровать, одной рукой задирая юбки, а второй стаскивая с себя штаны. Я с грохотом затворила дверцы, желая, чтобы меня заметили и остановились, но звук потонул в какофонии шорохов одежды, скрипа кровати и оглушающе громких стонов. Я забилась в угол и заткнула руками уши, но всё равно слышала и видела, словно находилась в комнате, чувствовала все прикосновения и ласки. Сознание озарила лёгкая вспышка боли, сверху навалилась тяжесть, вторгаясь ненавистным захватчиком. Напыщенный боров сопит в ухо и трясётся как припадочный — мерзко до тошноты!

Я сосредоточилась на обиде и отчаянии. После долгих усилий они вытеснили поток постыдных видений.

Надо сидеть тихо. Дождаться, пока Бежка с Йорденом заснут, и осторожно выбраться,

иначе они убьют меня прямо здесь. Остальные на пиру — мои крики никто не услышит. Моё тело выбросят в овраг, а родным скажут, что я сбежала, испугавшись свадьбы. Им неведома жалость, они не погнушаются взять грех на душу, они ненавидят меня. За что? За парочку неловких слов, за дорогое платье, за неброскую внешность? Я так старалась делать все правильно, как хотел отец, Йорден, Бежка. Думала, что смогу стать хорошей женой и матерью, но это никому не нужно. Нужен только наследник с даром, честь рода и влияние в ордене. Меня используют и выбросят, как хлам, который всем мешает. Вначале отец с Вейасом, а потом и муж. Так может, не надо стараться? Делать всё неправильно, так, как хочу я сама. Только вот, чего я хочу?

Растирая по лицу слёзы, я подняла взгляд. В белёсом мерцании посреди густой черноты застыл знакомый силуэт. Суженый из сна. Во тьме он стал светом. Лицо озарилось, словно грозовые тучи разошлись и из-за них хлынули яркие солнечные лучи. Он был красив, благороден и силен. В глазах сквозила искренность, нежность и забота. Вот чего я хотела на самом деле!

«Мы вдвоём против всего мира. Мы выстоим».

Привычным жестом он протянул мне руку. Я улыбнулась и переплела с ним пальцы, шепча сокровенное: «Спасибо». И, кажется, снова уснула.

Проснулась от громогласного храпа. По комнате кто-то ходил, шелестел одеждой, но больше не стонали и не целовались. Я приоткрыла створки и выглянула наружу. Была глубокая ночь. Сквозь незашторенное окно лился лунный свет и укутывал стоящую боком к шкафу женскую фигуру зыбкой дымкой. Бежка натягивала платье и прятала волосы под чепец. Вдруг обернулась к шкафу. Я в ужасе отпрянула. Хорошо, что Йорден храпел так громко, иначе меня бы точно услышали. Но Бежка лишь подмигнула непонятно кому и, ступая на цыпочках, вышла, оставив дверь распахнутой. Точно, слышала. А может, и видела. И всё-всё поняла! Стыдно-то как. Хотя мне чего стыдиться? Стыдно должно быть ей!

Я вылезла из шкафа. Йорден дрых без задних ног, мерзавец, так и удушила бы подушкой! Осторожно переступая, я выбралась из спальни. Тёмный коридор пустовал. Не доносилось ни звука. Видимо, гости уже давно разошлись по приготовленным для них комнатам и улеглись в кровати. Интересно, сколько же я проспала? Ух, и влетит теперь от отца: меня наверняка уже ищут. Как я объясняться-то буду? Впрочем, нет. Объясняться теперь будет он. Хватит с меня покорности и кротости.

Не заботясь больше, что меня могут заметить, я направилась к парадной лестнице. На ней хотя бы шею не сверну в темноте: здесь часть светильников оставили зажжёнными для любителей полуночных прогулок. Моя продлилась недолго: за поворотом первого же пролёта я нос к носу столкнулась с разъярённым родителем. В руке догорала свеча, в лице ни кровинки, глаза посверкивали молниями от гнева. Я вжала голову в плечи. Отец никогда на меня не кричал, журил, бывало, за то, что покрывала шалости Вейаса, но всерьёз не злился.

— Где тебя носило?! — грозно зашептал он. Ноги подкосились, к горлу подступила дурнота, напоминая, как я вымоталась. Отец подхватил меня и заговорил куда более ласково: — Посмотри, до чего себя довела. Велено же было лежать! И зачем ты снова напялила эти жуткие тряпки?!

Переживал? Или только о гостях печётся? Я уткнулась в его щедро расшитый серебряным позументом камзол и закрыла глаза. Тёплые пальцы скользнули по волосам, накатила тупая апатия — снова успокаивает. Не буду сопротивляться, не могу. Куда-то

понесли — я не следила за дорогой, слышала только тяжёлые шаги и прерывистое дыхание. Заскрежетала, открываясь, дверь потайного прохода. Воздух стал спёртым, но снизу веяло приятным холодком. Отец поставил меня на пол перед знакомой белой дверью, оплетённой кружевом колдовских орнаментов. Святилище. Лязгнул навесной замок, и отец подтолкнул меня ко входу. Внутри на полу лежала пуховая перина с подушками и шерстяным одеялом. Я удивлённо обернулась. Отец вынул из-за пазухи платок и принялся отирать моё лицо от крови.

— Иди. Поспишь здесь ночь, и все как рукой снимет.

— Но ведь это кошунство. Боги рассердятся. Ты сам говорил.

— Тогда я хотел научить вас дисциплине, но сейчас это неважно. Богов нет, или они давно умерли, а цель у святилища одна: подпитывать наши силы. Тебе это нужно.

Я уселась на перину, разглядывая знакомые надписи на стенах. Богов нет, или они давно умерли. Мы не поклоняемся ветру, а лишь заманиваем в ловушку, чтобы использовать его могущество. Благоговение и добронравие — всё, чему меня учили — обман. Так может, и отцовская забота — лишь зыбкий морок, который исчезнет, стоит мне ступить за порог этого дома?

— Я искала Йордена. Хотела поговорить наедине, надеялась, что так больше ему понравлюсь, — рассказывала я непонятно зачем.

Отец пристально разглядывал меня, словно стремился прочесть.

— И как, нашла?

Я кусала губы, не решаясь ответить. Лёгкий мысленный толчок, и слова сами вырвались наружу:

— Он был со служанкой. Бесстыдно лапал её, раздел, опрокинул на кровать... Они стонали, кричали, как от боли. Я до сих пор слышу эхо тех звуков, перед глазами — их развратные ласки. Это так гнусно! А потом он рассказывал, как после рождения наследника подсыплет мне в пищу волчью траву, а свою любовницу сделает хозяйкой вместо меня.

Я умолкла, истощённая длинной речью. Лицо раскалилось от стыда. Ну зачем отец заставил сознаться?! Теперь я буду чувствовать себя ханжой. Хотя, наверное, так и есть, раз я даже не понимаю, почему всем так нравятся эти безобразные утехи плоти.

Отцовский голос вывел из задумчивости:

— Ты узнала ту служанку? Скажи имя, и я велю её выгнать, даже найму душегуба, чтобы наверняка избавиться от неё.

Отец снова полез в мои мысли. Я представила, как по платью служанки растекается кровавое пятно, меркнет сверкающая улыбка, прежде смуглая кожа становится мертвенно бледной, остывают длинные ловкие пальцы, густые тёмные волосы спутываются и облезают с оголившегося черепа. Вспомнилось, как Бежка подмигнула мне на прощание. Нет, не хочу, чтобы её убили из-за меня.

— Зачем? — я рвалась из тенёт внушения отца. Он опустил взгляд, разрывая телепатическую связь. Говорить стало легче, когда никто не вытягивал признание силой: — Йорден с лёгкостью найдёт другую, а об этой даже не вспомнит. Лучше отмени помолвку. Он унизил нас в нашем же доме и недостойн чести родниться с тобой.

Отец понурил голову и отвернулся. Изучая надписи на стенах, он пробежался пальцами по ложбинкам, бормоча под нос выученные, должно быть, ещё в детстве имена наших великих предков.

— Боюсь, ничего не выйдет, — он устроился рядом на перинах. — Этот мерзавец

нравится мне ничуть не больше, чем тебе, но так решил орден. Мы не можем противиться его воле. Единственное, что мне под силу — припугнуть Йордена гневом Совета. Наглец не посмеет причинить тебе вред, иначе я вызову его на поединок чести и вспорю его гнилое брюхо.

— Какое мне будет дело до брюха Йордена, когда я сама отправлюсь к берегам мёртвых? Я хочу жить, любить и быть любимой. Разве это так много?

Я всхлипнула и утёрла некстати выступившие слёзы кулаком. Отец приложил ладонь к моей щеке, посылая волну тягучего спокойствия. За этот день я ощущала его дар на себе больше, чем за предыдущие пятнадцать лет с моего рождения. Сколько можно?! Я не кукла, я живой человек!

— Ты любил маму? — с трудом удавалось держать ровный голос, смотреть в глаза и не плакать.

— Конечно. Хотя наш союз тоже был сговорён в ордене, Алинка с первых дней в этом доме стала солнцем моей жизни. Когда она ушла, моё солнце померкло.

Разве он не понимает, что я тоже хочу быть солнцем для своего мужа? Чтобы этот муж был такой же благородный и сильный, как отец. Для него я смогу стать мастерицей и красавицей, лучшей из жён.

— Ты не изменял ей?

— При жизни — никогда, — отец слабо улыбнулся, продолжая успокаивать, но я уловила в голосе едва заметную нотку неискренности. Должно быть, телепатическая связь обернулась против него и читающей стала я.

— А после смерти?

Отец вздрогнул и попытался отнять руку, но я успела её перехватить.

— Ты ведь не нарушал свадебных клятв и не брал в постель служанок, как Вейас и Йорден?

Он отвёл взгляд и ссутулился.

— Пятнадцать лет слишком долгий срок. Мужчинам иногда надо...

Я представила отца в постели с Бежкой. В той самой, которую он делил с мамой, в которой зачал нас с братом, в которую мы в детстве прибегали прятаться от бурь и гроз. Стало гораздо больнее, чем когда я услышала о коварном плане Йордена. Хотелось схватить булаву из замкового арсенала и поколотить отца по голове. И Йордена с Вейасом. И всех гадких, похотливых мужчин заодно.

— Пошёл вон! Пошёл вон отсюда!

Я швырнула подушку, не целясь. Отец попытался перехватить меня за талию, но я укусила его и вырвалась.

— Ненавижу! Убирайся! Ты мне больше не отец!

— Лайсве...

Он тоскливо глянул на меня, вышел и захлопнул за собой дверь.

Я опрокинулась на перину. Из груди вырвался истошный крик, выплеснувший всю скопившуюся горечь. Я билась в истерике, пока не охрипла и не обессилела. Когда лицо уже жгло от слёз, а тело ломило от усталости, я распласталась на спине, разглядывая звёзды через окно на потолке. Я просила их, чтобы моим отцом оказался кто-то другой, более сильный, благородный и смелый. Чтобы он забрал меня от этих злых, равнодушных людей в страну, где никто и никогда не изменял своим жёнам и любил их, даже самых некрасивых и неумелых. Так я и уснула, моля тьму и бездну поглотить меня.

Но сон продлился недолго.

Сердце трепыхалось, словно хотело выскочить и умчаться прочь от грядущего ужаса. Я задышалась, глотая ртом воздух, и никак не могла унять дрожь во всём теле.

В окно забралась луна и затопила святилище серебристым светом. Багровая вуаль упала на неё сверху, и вдоль подпиравших небо стен хлынула кровь. Она покрыла меня с ног до головы толстым слоем. Лишь это смогло утолить боль и гудение. Я отдышалась и попыталась встать. Грянул раскатистый рык, не угрожающий, а зовущий. Я обернулась: вниз по стене крался Огненный зверь, пружиня, словно шёл по земле. Спустившись, он лёг на пол, прижав к мощным лапам голову. Заворожённая красотой танцующего пламени, я протянула руку и погладила косматую морду. Зверь отозвался басовитым мурлыканьем, почти кошачьим, если бы только кошки вырастали размером с лошадь. До чего же красив!

Пламя не обожгло, а лишь согрело и наполнило негнущееся от кровавого панциря тело лёгкостью. Ободрённая, я вскарабкалась на широкую спину и вцепилась в лохматую гриву. Зверь плавно поднялся и взмыл вверх по стене к звёздам. От стремительного полёта захватило дух. Я кричала, упиваясь неведомой доселе свободой. Рядом со зверем ничего не страшно! Я отпустила руки и воздела их к небесам, окуная пальцы в тёмные облака на тёмном небе. Холодный воздух жёг грудь, но не проникал под кровавой панцирь. Мы летели всё выше и выше, мимо хрустальных дворцов небожителей, мимо застывших изваяниями бессмертных героев, мимо выпасавших тучные стада бородатых пастухов в остроконечных шляпах. Они приветствовали нас и махали на прощание руками. Мы созерцали весь мир — гигантский голубой шар на плечах у дремлющего исполина, между ног которого катила чёрные воды Сумеречной реки душ. Мы несли туда багрянец рассветного шлейфа.

***

Спозаранку разбудил конюший, деликатно коснувшись плеча. Они везде добрые, видно, лошади смягчают нрав.

— Вам велено собирать вещи. Мастер Йорден отбывает сегодня, — бесстрастно говорил он, пока Микаш тёр не желавшие разлепяться глаза.

— А охота, турнир, увеселения для гостей? — удивился тот, вынимая из волос солому и стряхивая пыль с одежды.

Празднества должны были продлиться до конца недели, и потом ещё несколько дней позволялось погостить, чтобы отойти от обильных попоек.

— Лорд Веломри велел возвращаться в Заречье, чтобы подготовить свадебную церемонию, достойную его дочери. Говорит, что мастеру Йордену для этого придётся прыгнуть выше головы.

Надо же, сколько презрения к будущему зятю можно выразить несколькими чопорными словами. Лорд Тедеску будет недоволен, впрочем, без разницы. А вот принцесску жалко. Если бы только можно было ей помочь, но и дар, и воинская удаля против заведённых порядков бесполезны. Боги, Микаш даже сам себе помочь не в состоянии!

— В торцевом деннике племенной жеребец — подарок лорда Веломри. Сбруя на двери весит: твой хозяин непременно на нём ехать хочет, — конюший махнул рукой.

Микаш поднялся и пошёл посмотреть. Поджарый караковый конь с густой длинной гривой и вправду был хорош. Но почуяв человека, высунул в проход точёную морду,

покосился недобрым сорочьим глазом и ударил в дверь денника копытами.

— Горячий! — подмигнул конюший.

Ну да, великолепный подарок! Чтобы свернуть себе шею...

Собрав тюки с вещами, Микаш отправился поговорить с Йорденом в отведённые ему гостевые покои. Дверь была нараспашку — слуги тащили к лестнице сундук с вещами. Внутри оставался Йорден с друзьями, уже полностью одетыми и готовыми к дороге. На приход Микаша никто не обратил внимания.

— Это непочтительно и нарушает все законы гостеприимства! Я буду жаловаться в Совет! — причитал Йорден.

Похоже, милостивая служанка послала его в дальние дали.

— А что ты хотел? Сбежал вчера от невесты, вот и получай теперь, — развёл руками Дражен.

— Так она в обморок бухнулась. Малахольная какая-то, небось, и рожать не сможет.

— Не пори чушь. Ей от духоты поплохело — с кем не бывает? Да и не дурна она вовсе, юная, свежая, податливая. Сам бы с ней закутил, если бы ты моим другом не был.

Микаш морщился и прятал глаза. Впрочем, Фанник тоже в разговоре не участвовал, глядя в окно.

— Ой, да что там пробовать, она ж поди ничего не умеет, — заспорил Йорден.

— Да ладно, сам молодую кобылку что ли не объездишь? Или боишься? — Дражен ехидно усмехнулся.

Йорден вспыхнул.

Руки очень чесались расколотить ближний стул об их головы. Микаш закашлялся, но на него не обратили внимания. Тогда он зычно пробасил, впервые за долгое время позволив себе не шептать:

— Со всем уважением, жеребец, которого вам подарили, совсем дикий. Лучше в седло не садиться, пока зареченские умельцы не обломают его как следует.

— Ага, если даже ласковой кобылки боишься, то на жеребца точно лезть не стоит, — не сдержался Дражен.

Йорден метнул в Микаша взбешённый взгляд:

— Дворнягу никто не спрашивал! — Повернувшись к Дражену, визгливо закончил: — Ничем я не хуже тебя в седле держусь или даже тех зареченских умельцев!

Свой ум в чужую голову не вставишь. Можно только внушить повиновение, но после вчерашнего не стоит. Лорд Веломри явно что-то заподозрил. Он не из тех, кто бросает слова на ветер.

— Ступай, разомни жеребца хорошенько, да поживее, увалень! — приказал Йорден и продолжил выпендриваться: — А вы ещё будете глотать пыль из-под копыт моего коня!

Хочет — пускай позорится. Одним разом больше, одним меньше — какая разница?

Микаш покорно удалился.

В денник входил осторожно. Чувствовался в жеребце неукротимый нор, похожий на его собственный. Только зазеваешься, повернёшься спиной — тут же зубами вцепится и вырвет кусок кожи с мясом. Несколькими тумачами по пузу и неусыпной бдительностью Микаш его приструнил. Поседлал, взял под уздцы и повёл во двор. У выхода остановил наследник Веломри, тот самый смазливый брат-близнец принцесски, Вейас, кажется, так его звали. Насмешливые голубые глаза смотрели с презрением, улыбка на тонких губах напоминала оскал, во всём облике сквозила какая-то нарочитость. Молчаливой затаённой

враждебностью он походил на отца, только силы не доставало, властности.

— Так быстро уезжаете? Это неучтиво, — он явно издевался.

Впрочем, с простолюдинами позволено почти все.

— Свадьба — дело хлопотное, — вздохнул Микаш. Что ж он над Йорденом не подтрунивает, кишка тонка? — Не хотелось разочаровать лорда Веломри и юную госпожу.

— Да, сестра у меня самая лучшая и достойна самого лучшего.

— Да.

Микаш заглянул в его прозрачные глаза, словно в зеркало, где отражался кто-то очень жалкий. Они одновременно вздрогнули и отвернулись.

— Ну ничего, зато отец подарок преподнёс знатный. — Вейас хлопнул коня по крупу. — Лучшего жеребца во всём Белоземье не сыщешь!

Тот прижал уши и наострился цапнуть Микаша за плечо, но он успел шлёпнуть по морде ладонью.

— На таком коне только рыцарь сможет ездить, только истинной воинской доблести он подчинится, — продолжал насмехаться Вейас, глядя, как Микашу раз за разом приходится доказывать коню свою силу.

— Ну, бывай, счастливого пути! — пожелал младший Веломри и наконец удалился.

Микаш шагал с конём по двору вдоль внутренних стен замка под любопытными взглядами дозорных, похоже, ожидавших весёлого представления. Утреннее солнце било в глаза. Жеребец постоянно дёргался: взбрыкивал задом, вставал на дыбы, целился ударить то копытом, то мордой. Пот крупными каплями катился со лба и затылка, жёсткие поводья жгли ладони. Микаш плотнее стискивал зубы.

Собирались другие слуги, подгоняли повозки и кареты. Подтянулись господа. Последним появился сам Йорден. Микаш выправил стремяна, подвёл коня к скамейке и заставил стоять смирно, но только Йорден потянулся за седлом, как жеребец шарахнулся в сторону. Микаш едва удержался на ногах. Йорден тоже чуть не рухнул и непристойно забранился.

В живот врезался нос сапога. Не больно, вправду не больно, если вовремя напрячь мышцы! Только этот взгляд с крыши самой высокой башни... Микаш чувствовал его у себя на затылке, будто раскалённое железо жгло кожу, сдавливало голову тисками чужой жалости.

«Нет, принцесска, не смотри на меня такого! Я чернь у ног хозяев, я дворняга. Я никто!»

Но странное дело, то, что доводило его до неистовства, успокаивало зверя внутри, заставляло сворачиваться клубком и урчать, словно ласкаясь к хозяйке, которую он так долго и отчаянно искал.

— Одумайтесь, он слишком норовистый, — зашептал Микаш на ухо Йордену, как только очнулся.

— Вот видишь, даже дворняга считает, что наездник из тебя никудышный, — подошёл Дражен и положил руку Йордену на плечо.

— Молчать! — взвился Йорден ещё больше, отмахнулся от друга и вlepил Микашу увесистую затрещину. — Ты это нарочно, да? Держи его крепче, на что тебе эти лапищи, а?

Микаш снова подвёл коня к скамейке. Йорден наконец взобрался в седло.

— Пусти! — приказал он.

Микаш отступил на шаг. Ну пускай грохнетя, может, это спеси в нём поубавит.

Конь тревожно заперебирал копытами, взбрыкнул, извиваясь всем туловищем как змея.

Йорден бултыхался на нём, кренился в разные стороны, вот-вот грозясь выпасть, но всё-таки удержался. Конь замер.

— Хей, смотрите, я его усмирил! — похвастался Йорден перед собравшимися.

Рядом просвистел мелкий камень и врезался в конский круп. Жеребец подскочил и помчался к распахнутым воротам. От неожиданности Йордена качнуло вперёд. Он повис на одном стремени, цепляясь за гриву. Послышался треск. Йорден вместе с седлом рухнул в пыль, а конь понёсся прочь от замка, стуча копытами по брусчатке. Присутствующие дружно засмеялись, громче всех — Дражен с Фанником.

Йорден бранился и скулил сквозь зубы, пытаясь отскрести себя от мостовой. Микаш поднял его на ноги и принялся отряхивать.

— Ах ты двуличная сволочь! Сын помойной сучары! — каждое оскорбление сопровождалось тумаком или оплеухой. Микаш молча терпел, хотя чувствовал, что Йорден от этого бесится ещё больше. — Слышите, это он подрезал подпругу, он! Я бы не упал!

— Плохому танцору и ноги мешают? — ужалил его Дражен, не прекращая смеяться. — Догонять хоть будешь? А то он вперёд тебя до Заречья добежит.

От Микаша отстали. Он обернулся к башне, откуда за ним до сих пор наблюдали две пары глаз. Принцесска и её несносный братец. Отвлёк разговорами и подрезал подпругу на седле. Ну что за детская выходка?

«Я знаю, тебя терзает та же мука, что и меня. Любовь недостойных сердец, тех, у которых никогда не будет на неё права. Наш мир — мир глупых условностей. То, за что мы готовы отдать все, достанется тому, кто этого не оценит. Оттого мы и полнимся бессильной злобы на всех, а сделать ничего, совсем ничего не можем. Заложники крови, я — нечистой, ты — родной».

Микаш не выдержал и мысленно отругал их: «Глупые дети!»

«Сам ты глупый! Как твоё имя?» — отозвался голос принцесски у него в голове. Снова отразила его дар?

«Никак. Я никто! Забудь меня, забудь всё! — на этот раз не получалось. Видно, не желал он этого, не мог заставить себя пожелать. — Я не хочу, чтоб ты знала, как сильно я люблю тебя».

— Чего встал, увалень?! Лови лошадь давай! — Йорден отвесил ему подзатыльник.

Конюший догадался вручить Микашу коня. Не сказав ни слова, он вскочил в седло и вжал пятки в бока с такой силой, что лошадь выпрыгнула с места и помчалась за жеребцом, поднимая столбы пыли. Будто за ними демоны гнались.

Микаш уже не слышал, как за спиной белоземские дозорные присвистывали:

— Горячий парень! Зареченская кровь огнём кипит!

***

Я проснулась от толчка в бок.

— Осквернила семейное святилище храпом, а, сестрёнка? Или скорее борьбой с одеялом, — раздался над самым ухом ехидный голос Вейаса.

Я открыла глаза. Брат сидел рядом на коленях и по-лисы усмеялся своей глупой шутке. Я недовольно фыркнула и огляделась. Перина смялась, а одеяло и подушки валялись по углам. Должно быть, я металась во сне. Уже совсем не понимаю, чего хотят дурацкие

боги. Почему бы не сказать прямо?

— Не хмурься — ты похожа на сморщенную сливу. Держи.

Вейас достал из свёртка пару тёплых пирожков с зайчатиной и вручил мне. Живот тоскливо заурчал, напоминая, что я не ела со вчерашнего утра.

— Тебя привёл отец?

Видно, сам родитель не пожелал показываться на глаза и был прав, потому что я до сих пор злилась. Но, наверное, обижаться на него глупо: мужчины все такие.

— Нет, он отдал мне ключ. Сказал, я должен привыкать к ответственности. Теперь я почти как хозяин замка.

Вейас выпятил грудь бочонком, показывая висевшую на шее цепь. Теперь он сможет приходить сюда, когда захочет, а мне придётся уехать к чужим людям и их неведомому богу. Вдруг он не примет меня, как не принял мой жених?

— Чего ты всё грустишь? Улыбнись!

В свёртке осталась корзиночка из песочного теста, наполненная джемом и сливочным кремом. Вейас испачкал в нём палец и измазал мне лицо.

— Теперь у тебя усы и борода, как у мужчины, а значит, уезжать никуда не придётся.

Я печально улыбнулась и вытерлась. Какой Вейас всё-таки ребёнок. Ещё хуже меня.

— Ты же знаешь, это невозможно. Да и не хочу я здесь оставаться. Отец ясно дал понять, что за меня не заступится.

Вейас покривился.

— Тогда давай сбежим и будем странствовать вместе. Не хочу быть цепным псом ордена, как отец, и выпрашивать милости ценой жизни близких.

Какой он хороший, самый лучший, мой братик. Стало стыдно, что я плохо о нём думала. Вейас никогда не променяет меня ни на привилегии, ни на служанок. Я обняла его и расплакалась. Жаль, побег — лишь пустые мечты.

— У тебя дар. Твой долг защищать людей от демонов. Я не хочу помешать тебе исполнить божественную волю и сама должна покориться своему предназначению.

— Перестань повторять слова нянюшки и поучения из старых книг! В них никто давно не верит. Сегодня было лунное затмение — ночь мертвецов. Мы с Бенасом и недотёпой Колье ходили на кладбище простолюдинов. Бенас до зари заставлял скелеты плясать на могильных плитах. Жаль, что кузен Петрас не смог приехать из-за траура по отцу. В такую ночь он бы оживил что-нибудь поинтересней костей с черепашками. И никакой гнев богов нас не остановил. Их придумали, чтобы ограничивать людей, навязывать волю ордена, которая выгодна лишь тем, кто стоит на верхушке. Мы сами себе хозяева, хозяева этого мира. И не обязаны подчиняться ни богам, ни ордену, ни даже родителям, если не хотим.

Я взглянула на ясное небо через окно в потолке. Неужели там действительно никого нет, никто не наблюдает за нами сверху, не помогает и не направляет мудрой волей? Мы приходим из ниоткуда и уходим в никуда. Тогда зачем все это замужество, родовые схватки, дети, которых придётся отдать чужим людям, болезни, дряхлость и, наконец, смерть? Для чего вообще жить?

Что-то звякнуло в вышине, застучала труба, выпуская голубоватое облачко. Оно обволокло меня, вспыхнуло, окатив тёплой волной, и исчезло.

— Что это было? — спросила я, оглядывая трубу и древние надписи.

— Я ничего не видел. Ты здесь всегда такой странной становишься, — нахмурился Вейас. — Пойдём, я знаю, что тебя развеселит.

Он взял меня за руку и потащил за собой. Труба жалостливо звякнула на прощание. Неужели никто не слышит? Может, Вейас прав, и я теряю рассудок? Не стоит больше здесь бывать.

Мы пробрались потайными ходами в южную башню. Вейас посадил меня, и мы выбрались на крышу, прошли по карнизу и уселись, свесив ноги. Отсюда как на ладони просматривался внутренний двор. Там суетились слуги: запрягали в кареты и повозки лошадей, таскали сундуки с вещами, усаживали господ в сёдла.

— Кто-то уезжает? Почему так рано?

Торжества должны были продлиться ещё несколько дней: сегодня намечалась охота, завтра состязание бардов-рунопевцев, а послезавтра турнир. Уехать так рано было неучтиво.

— Женишок твой, — Вейас кивнул в сторону знакомой пухлой фигуры в коричневом кафтане. Из-за плохого кроя одежда заметно топорщилась и морщижилась на спине.

Может, нам действительно не стоило выставлять семейное богатство напоказ? Тем более обычно мы жили уединенно и скромно. Замок просыпался, лишь когда отец возвращался из походов.

— Отец велел ему убираться. Сказал, что ему понадобится очень много времени, чтобы устроить церемонию, достойную тебя, — Вейас ухмыльнулся.

— Ему даже не позволили погостить на празднике в свою честь?

Унижения Йордена не радовали: скоро его род станет моим. Если будут презирать его, то будут презирать и меня.

— Какое почтение может быть к тому, кто тебя бросил? — Вейас погрозил ему кулаком. — Правильно отец сделал, иначе я бы сам сбил всю спесь с его наглой рожи.

Я обречённо вздохнула. Мужчинам лишь бы оружием бряцать, а наперёд подумать никто не хочет. Но все же хорошо, что отец услал Йордена под благовидным предлогом, иначе я бы сама отвесила ему пару пощёчин. Может, удастся сохранить видимость благочестия.

— Не переживай. Съешь лучше ещё пирожку, а то совсем как те скелеты станешь, — Вейас протянул мне последнюю корзиночку из свёртка, а сам продолжил наблюдать за сборами.

Рослый слуга водил по двору нашего племенного жеребца, известного своим злым нравом. Парень сутулился и косолапил, будто пытался казаться незаметным, но вместо этого становился похож на ярмарочного медведя и привлекал ещё больше внимания. Бедолаге приходилось постоянно увёртываться от норовившей цапнуть его морды, но справлялся он на удивление ловко — наши бы так не смогли. Йорден взобрался на скамейку, слуга подвёл к нему жеребца и выправил стремяна из седла. Стоило моему жениху вдеть в одно из них ногу, как конь шарахнулся, чуть было не смяв суетившихся рядом людей. Едва удержавшись на скамейке, Йорден выругался и пнул слугу в живот сапогом. Я прижала ладони ко рту. Парню, должно быть, очень больно, не повезло ему с хозяином. Но вместо жалоб и заискиваний, он расправил плечи и посмотрел на Йордена с таким презрением, словно господином был сам.

— Ух, какой твой женишок неучливый, — Вейас хрустнул костяшками пальцев и достал из-за пазухи рогатку. — Ничего, сейчас покажем ему, где раки зимуют.

Слуга снова подвёл коня и встал впереди, крепко держа поводья у самой морды. Йорден вскарабкался в седло, и слуга отпустил их. Вейас подмигнул и выстрелил камнем в жеребца. Пронзительно взвизгнув, конь взвился на дыбы. Йорден повис на одном стремяни и вместе с

седлом рухнул в пыль, а жеребец умчался за ворота.

Двор огласил дружный хохот вперемешку с проклятьями.

— Ты подрезал ему подпругу, — покачала головой я, но все же улыбнулась впервые за утро. Какой же он жалкий, этот женишок.

Вейас кивнул, покатываясь со смеху.

К Йордену снова подоспел его слуга, поднял на ноги и отряхнул. Жених надавал ему оплеух и принялся браниться, указывая то на седло, то в сторону ворот. Видно, требовал, чтобы парень бежал догонять подарок нашего отца.

— Ах ты ж, какая девица-белоручка! Интересно, испытание за него тоже этот ручной медведь проходил? — насмехался Вейас. — А ну как мне ещё раз шмальнуть? Пускай слуга затопчет этого нюню!

Парень обернулся, будто заметив нас. Я не могла разобрать его лица, но ощутила в его взгляде укоризну. Это отрезвило.

— Не стоит. Бедняге и так досталось.

Вейас пожал плечами и спрятал рогатку.

«Глупые дети!» — прозвучал в голове уже знакомый голос. Что же это: сон или явь? Кто он и где?

Я не выдержала и спросила прямо:

«Сам ты глупый! Как твоё имя?»

Ответом было лишь ржание и трехтактная дробь копыт по мостовой: слуга запрыгнул на коня и помчался сумасшедшим карьером за беглецом. Бешеный медведь!

Глава 5. Горевестница

1526 г. от заселения Мидгарда, Белоземье, Веломовия

Артас наблюдал с балкона за показательным поединком сына с рыцарем из ордена во внутреннем дворе замка. Глаза свербели от яростного весеннего солнца. Требовалось прикладывать руку козырьком, чтобы разглядеть площадки для тренировки с оружием. Приходилось признать, что Вейасу не хватает ни ловкости, ни навыка, ни смекалки. Все выпады были до скуки предсказуемы, а неуклюжая техника оставляла бреши в защите и не позволяла нанести хоть сколь-нибудь значительные удары. Противник — костлявый безусый молодчик из бедного рода — поддавался, отрабатывая вручённое Артасом золото, но даже такой трюк не спасал положение. Во время очередного парирования Вейас запутался в ногах и споткнулся, едва не налетев на «вражеский» меч. Бестолочь! Противник шарахнулся в сторону и испуганно глянул на балкон. Артас дал знак заканчивать. Хватит уже позора на один день.

— Не переживай так, — похлопал его по плечу Кейл, которого прислал Совет ордена в качестве своего уполномоченного представителя.

Моложавый и подтянутый, с копной курчавых, тёмно-каштановых волос, он был одного с Артасом возраста. Старый друг и соратник. Он поможет все замять, ведь не зря же Артас его из передряг вытаскивал: карточных долгов, пьяных драк и плена иблисов в далёком Эламе.

— Он же юнец совсем. Приставим к нему компаньона посмышлёней, и, глядишь, за пару лет походной жизни научится, с какой стороны за меч держаться.

— Лишь бы он до этого светлого дня дожил, — пробормотал Артас.

Он-то даже в детстве к обучению относился куда серьёзней, а со времён испытания не проиграл ни одного тренировочного боя. Разжижается, видно, старая кровь. Нет в ней былого могущества. Проиграть низкорожденному — такой позор, а этой бестолочи и дела нет. Как кот на сметану улыбается!

Вейас привалился к стене рядом с тёмной нишей, якобы переводил дыхание, а сам украдкой с кем-то перешёптывался.

Лайсве, с кем же ещё? Близнецы, они ещё в утробе матери были неразлучны, во всех детских шалостях участвовали вместе, делили пополам невзгоды и радости. Теперь их пути должны разойтись: его ждёт судьба Сумеречника и наследника рода, а её — жены и матери. Почему дети так быстро вырастают? Ещё вчера Артас качал их, совсем крох, на коленях, а сегодня должен отпустить каждого во взрослую жизнь. Сейчас он впервые жалел, что столько времени проводил вдали от дома. Если бы он больше занимался воспитанием детей, быть может, они бы лучше подготовились к тому, что их ждёт за порогом замка.

«Лайсве, моя любимая маленькая девочка, что я буду делать, когда в следующий раз вернусь домой, а ты не убежишь из ворот мне навстречу? По чьей глупой прихоти приходится отдавать свой алмаз мерзавцу, который его даже оценить не в состоянии?»

После помолвки Лайсве стала угрюмой и замкнутой. Заперлась у себя в спальне, устроила голодовку. Артас, конечно, не слишком беспокоился. Сердобольная нянька Эгле на пару с Вейасом таскали ей еду с кухни охапками, а сама выбиралась погулять тайком уже на второй день. Артас притворялся, что ничего не замечает, позволяя ей насладиться последними днями свободы, и жалел, что не сможет больше ничего для неё сделать.

Нужно помириться. Хотя бы попробовать.

— Лайсве! — позвал Артас.

Тоненькая фигурка внутри ниши вздрогнула, но всё же вышла из тени. На ней было короткое платье небесно-голубого цвета, в котором она казалась совсем ребёнком. Как можно, её — и замуж?

— Возьми меч и покажи, чему научилась, когда за братом подглядывала.

Близнецы удивлённо переглянулись. Вейас вложил сестре в руки оружие и подтолкнул к середине двора. Мальчишка-поединщик ошалело глянул на балкон. Видимо, с девушками драться ему не приходилось, но послушаться приказа он не посмел и встал наизготовку. Его руки тряслись.

— Что ты задумал? — Кейл подался вперёд.

Артас приложил к губам палец и кивком указал на дочь.

Она несколько раз взмахнула мечом, примеряясь, гордо вскинула голову, убрала за спину косы и в точности повторила стойку поединщика. Кейл хохотнул. Расслышав насмешку, Лайсве напряжённо выпрямилась и без сигнала ринулась в бой. Поединщик едва устоял на ногах, суматошно отбиваясь и следя, чтобы не задеть её. Кейл присвистнул.

Девочка-то чудо как хороша. Точно с Вейасом украдкой удары отрабатывала. Поправочка: заставляла его отрабатывать. Гибкая, как кошка, а ярости-то в ней сколько — на сотню саблезубых демонов хватит, не меньше. Наверное, давно хотела себя показать, да никому интересно не было, а сейчас вот во всей красе, старается-то как! Хоть бы каплю её упорства Вейасу. Ан нет, бестолочь — он и есть бестолочь. Ещё и жалуется постоянно. Лайсве-то намного тяжелее: мышцы не наработаны, выносливости совсем нет, дыхание сбилось. Но не сдаётся, отчаянная. Ух! Вот этот удар был хорош! Поединщик аж попятился. Видно, не до конца старая кровь прогнила.

Ещё несколько хлёстких движений, и Лайсве начала выдыхаться. Утёрла пот. Снова атаковала. Жаль, рассчитывать и сохранять силы её никто не учил — не стоило вкладывать все в первые удары. Поединщик неловко увернулся, задев её плечо. Выступила кровь.

— Стойте! — выкрикнул Артас, жалея, что это затеял.

Впервые он осознал, почему женщин к драке не допускают: вид их ран непереносим! Его не слышали. Лайсве замахнулась, поединщик контратаковал. Она словно предугадала его действия, вывернулась и выбила меч из рук.

— Я победила! — возликовала Лайсве.

Артас, перепрыгивая сразу через две ступени, сбежал по лестнице и поспешил к дочери.

— Ты проиграла: поединок был до первой крови, — стоявший рядом Вейас указал на потемневший лоскут рукава.

Лайсве скосила взгляд и, всхлипнув, уставилась на Артаса блестящими от слёз глазами.

— Я проиграла, — повторила она осипшим голосом и уронила меч.

Артас протянул руку. Собирался ответить, что это не имеет никакого значения, бой был великолепен и... Но Лайсве уже умчалась, не позволив даже взглянуть, сильно ли она ранена. Оставалось только побиться головой об стену. Он же хотел как лучше!

— Чего это она? — недоумевал Вейас.

Артас отвесил ему подзатыльник:

— Думать иногда надо, прежде чем говорить, дурень!

Вейас потупился и потёр ушибленное место.

— Весело у вас, — подоспел Кейл и, разглядывая nepотpeбный вид Артаса, покрутил пальцем у виска: — Ты совсем рехнулся?

Наверное, так и есть. Не мужское занятие — детей воспитывать, а уж тем более девочек. Что у неё только на уме? Теперь даже прочитать не выходит.

Артас кинул поединщику ещё одну монету — бедолага был блее простыни и клацал зубами. Думал, наверное, его на ближайшей осине вздёрнут. Артас бы и вздёрнул, только чувствовал, что виноват сам. Сыну велел разыскать Лайсве и вернулся вместе с нетерпеливо переминающимся с ноги на ногу Кейлом на балкон.

— Какой демон тебе в ребро ударил? — встревожился старый друг, когда они остались наедине.

— Но Лайсве была хороша, согласишься? — сейчас Артас больше всего желал, чтобы его дочь родилась мальчиком.

— Для девчонки, — пожал плечами Кейл.

— Ты бы видел её в святилище. Ветер даже мне так не отвечает. А когда я пытался успокоить её во время помолвки, она, кажется, обернула мой дар против меня. Можешь себе представить?

— К чему ты это рассказываешь?

У Кейла своих детей не было, и он явно не понимал, почему Артас бунтует против древних порядков.

— Её дар мог послужить на благо ордену гораздо лучше, если бы ей не пришлось так рано выходить замуж. Не в битвах, конечно, но в Круге судей или книжников. Я слышал, туда берут девушек с даром.

— Поверь, Артас, ты не хочешь такой участи для своей дочери, — печально ответил Кейл. — Неужели её жених настолько тебе понравился? Какой у него дар?

— Оборотень. Шакал, — последнее слово Артас выплюнул, как проклятие.

Кейл рассмеялся:

— Тогда не тебе, дорогой друг, переживать надо, а ему. Если у твоей дочери действительно сильный дар, стоит ей только с ним освоиться, как этот шакалёнок заскачет перед ней на задних лапках, как левретка.

— Но он же безответственный слюнтяй и идиот, ещё хуже Вейаса. На такого нельзя положиться. Если что случится, Лайсве останется со своими проблемами совсем одна.

— Юноши сейчас все такие. Поверь, то, что показал сегодня твой сын, далеко не худший вариант.

— Лучше бы ей выбрали кого-то из наших, небесных: телепатов или, быть может, телекинетиков.

— Телекинетиков? — Кейл поперхнулся собственным смехом и посерьёзnel: — Уж не задумал ли ты с авалорскими некоронованными королями породниться?

Артас отвернулся. Слишком хорошо понимал, что это невозможно. Телекинез — королевский дар. В супруги телекинетики берут только себе подобных, очень редко кого-то со стороны.

— Они, по крайней мере, благородны и чтут брачные клятвы.

— Твоя гордыня тебя погубит, — Кейл хмуро покачал головой и отвернулся. — Женский дар — проблема мужа, а не отца. Ты должен её отпустить. Лучше подумай о той сотне воинов, которую твоя армия получит, как только Лайсве отправится к алтарю вместе с шакалёнком. У тебя ещё есть сын, который запросто может провалить испытание или даже погибнуть, если мы ему не подсобим. Чтобы что-то получить, нужно чем-то пожертвовать — помни это, Артас.

Он молчал. Жертвовать дочерью ради сына казалось ему неправильным.

***

Подперев дверь своей спальни тумбой, я улеглась на кровать. На белоснежной простыне остались кровавые следы. Рана совсем не болела. В красные дни намного хуже бывает: как прихватит живот, уже и на стенку лезть хочется, а кровь будто вся наружу изливается. Кажется, не переживёшь ты этих нескольких дней, но нет — всё проходит, чтобы вернуться в новом месяце с новыми муками. Нянюшка утешала, что во время родов намного хуже бывает. Куда уж хуже?

Жаль, что я такая неуклюжая. Ещё бы самую малость, и победила бы. Хотя какое кому дело? Отец решил друга развлечь, а с поединщиком всё стоворено было. Я чувствовала, что он поддаётся, а хотелось сражаться наравне с ним. Но это невозможно: девочек не берут в воины, девочки должны ждать мужа у очага и рожать детей... Пока муж развлекается с очередной служанкой.

Я встала и открыла окно. Пахнуло весенней свежестью, смешанной с ароматом цветущих яблонь. Сладко-то как, раздольно. Хотелось сбежать на речку или забраться на самую высокую ветку векового ясеня и ждать, когда с приветственным клёкотом вернутся с зимовки журавли. Но я уже не ребёнок, мне нельзя.

Помолилась бы ветру и небу, попросила совета и поддержки, но наших богов на самом деле нет, как нет и богов мужа. Всё лишь выдумки, чтобы подчинять людей и навязывать им свою волю. И дар наш, получается, вовсе не божественный, а может, и демонический, ведь

демоны-то есть. У отца весь трофейный зал их рогами и шкурами забит. Выходит, никакие мы не избранные, а просто обманываем людей, точно демоны, с демоническим даром. И сражаемся с себе подобными, только чтобы самим больше досталось.

Плохо без богов. Ничего не имеет смысла: ни женская доля, ни мужская, ни даже сам орден. Непонятно, что хорошо, а что плохо, какой должен быть порядок и ради чего стоит жизнью мучиться. Можно же просто раз — и выпрыгнуть из окна. Внизу каменистый склон. С десятисаженной высоты точно насмерть разобьюсь. Не будет ни позорного замужества, ни волчьей травы на завтрак, ни даже месячных кровей. Ничего не будет. Пусто.

— Сестрёнка, хватит дурить, открывай! — раздался за дверью голос Вейаса. — Отца здесь нет.

Я отодвинула тумбу. Следом за братом в комнату заглянула нянюшка и, охая, осмотрела рану. Вскоре примчалась Бежка с тазом кипячёной воды, бинтами и заживляющей мазью на пчелином воске. Вейаса выгнали, а меня раздели и перевязали.

— Ты как? Сильно больно? — сочувственно спрашивал брат из-за притворенной двери. — Хочешь, я с кухни оладку стащу? Хочешь, тот оберёг из медвежьего когтя у резчика выкуплю? А хочешь... хочешь... Ну скажи, чего хочешь, я всё сделаю!

— Ничего, Вей, отстань! — прикрикнула я, когда он стал совсем уж невыносим. — И вы отстаньте, слышите?! Идите же! И до церемонии не возвращайтесь. Видеть никого не желаю. Отца в особенности, так и передайте!

Не слушая возражений, я вытолкала служанку и нянюшку из комнаты и снова придвинула тумбу. Как же они надоели со своей жалостью! Одна справлюсь. Дальше хуже будет, я знаю.

Ветер недовольно зашелестел занавесками.

— И ты отстань! — разозлилась я и захлопнула ставни. — Тебя нет, значит, и разговаривать со мной не смей! Я тоже больше не буду... Никогда!

Бросилась на кровать и разрыдалась.

***

Побыть в одиночестве до церемонии не вышло: на следующий же день отец велел начинать сборы. Я, естественно, отказалась. Тогда слуги сами принялись укладывать в дорожные сундуки мои вещи. Я безучастно наблюдала, как редеют ряды ни разу не надетых платьев в шкафу, как исчезают с полок выписанные из далёкого Дюарля парчовые туфельки, украшения скрываются в инкрустированных перламутром ларцах, гребни и щётки, зеркальце в серебряной оправе — прятали всё, словно не хотели, чтобы здесь осталось хоть малейшее напоминание обо мне. Я не выдержала и ушла. Бродила по замку, по всем открытым и тайным галереям, поднималась на все башни, прощалась с каждым камнем, ощущала неумолимый бег времени. До конца детства остался всего день, до конца жизни ещё один, а дальше неизвестность и пустота — существование никому не нужной, безвольной куклой. Так тому и быть.

К церемонии взросления мне купили платье из золотой парчи. Я не сопротивлялась ни когда корсет затянули так, что из глаз хлынули слёзы, ни когда на ноги надели неудобные узкие туфли, ни когда в высокую причёску вплели колючие белые розы. Отец уже не вёл меня под руку — моё место теперь было сбоку от хозяйского стола, вместе с жёнами и

дочерьми знатных рыцарей. Слуга подвинул мне стул, налил в кубок вина, положил что-то на тарелку — я не следила. Отец произносил долгую напутственную речь, поздравлял брата со вступлением во взрослую жизнь. Дядюшка Кейл зачитывал послание Совета для Вейаса.

— Тебе надлежит отправиться в Чернолесье в Докулайской долине, — зычно выкрикнул он, чтобы все услышали. Не так близко, чтобы заподозрили, что всё подстроено. — В знак того, что ты прошёл испытание, нужно принести оттуда шкуру белого варга. Не чёрного, не бурого, не рыжего, а белого, запомнил?

Вейас кивнул с серьёзным видом, а потом не выдержал и рассмеялся. Отец поднял руку, чтобы отвесить ему подзатыльник, но под внимательными взглядами гостей передумал и тоже выдал из себя некое подобие улыбки.

Присутствующие расслабились, и отец подал знак начинать пир. Женщины за столом обсуждали наряды, парикмахеров, какие-то сплетни — я не прислушивалась. Кивала невпопад, отвечала односложно: «Да», «Конечно», «Я вас понимаю». Во время танцев я отнекивалась от редких приглашений, объясняя всем, какой у меня ревнивый жених. Хоть на что-то он сгодился. А ложь... если богов нет, то кто за неё осудит?

Когда слушать старушечьи сплетни и наблюдать за весельем сил не осталось, я вышла освежиться на балкон. Ночное небо заволокли тучи, скрыв звёзды с луной. Парило. Воздух стал зыбким и не двигался. Так тихо только перед бурей бывает. Снизу доносились недовольные выкрики стражников. Похоже, кто-то явился без приглашения и с боем прорывался на пир. Одолело любопытство. Я перегнулась через перила, надеясь разглядеть хоть что-нибудь в темноте. Взвыл ветер. Я едва не опрокинулась на камни. Одна из роз выскользнула из причёски и улетела. Во мраке сверкнули белесые глаза.

— Пустите! — заскрежетал старушечий голос. — Я несу весть от богов. Не смейте меня задерживать!

Сердце тревожно ёкнуло. Нет, не может быть, это всё нянюшкины сказки! Надо предупредить. Я подобрала юбки и со всех ног бросилась обратно. Отец стоял у хозяйского стола в конце зала и беседовал с дядей Кейлом. Протискиваясь между танцующими, я спешила к ним, но меня постоянно останавливали, лезли с расспросами.

— Плохие новости из Эскендерии, — мрачно сообщил дядя Кейл, разворачивая какую-то бумагу. — Из Муспельсхейма вернулся пропавший отряд.

— Это тот, который несколько лет назад отправляли искать истоки новой религии бунтовщиков? Кажется, они называют себя единоверцами. Ну так хорошо же, что отряд вернулся, — искренне недоумевал отец.

Дядя Кейл качнул головой:

— Вернулись только трое телепатов: Трюдо, Масферс и Рат. Остальных подкосила лихорадка. Но это ещё не самое странное. На совете они стали уговаривать глав ордена принять новую религию. Сказали, что во время болезни они увидели свет истины и уверовали: нет бога, кроме Единого, и лишь в нём наше спасение.

— И что? Капитул согласился? — скептически вскинул брови отец.

— Вы знаете, там... — робко вмешалась я, встав между ними.

— Лайсве, не сейчас. У меня важный разговор, — отец отодвинул меня, а дядя Кейл продолжил:

— Естественно, нет. Но телепаты использовали внушение, представляешь? Их тут же взяли под стражу, сейчас пытаются разобраться.

— Я знаю Рата и Трюдо, — отец нахмурился. — Не верится, что они нарушили присягу

без веских причин.

— Полагают, что они одержимы, но никаких следов демонического присутствия не находят.

— Послушайте, это важно! — я ещё раз попыталась привлечь их внимание, но они снова шикнули.

— Самое паршивое, что бунтовщики воспрянули духом. Решили, что это знак, — дядя Кейл отвёл взгляд, словно собирался сообщить огорчительную весть. — Все силы теперь направлены на подавление мятежа. Тебе не смогут выделить ни одного воина.

— Но ведь это не для моего развлечения! — громко возмутился отец. — Гулей надо добить сейчас, иначе они снова расплодятся и все наши жертвы будут напрасны.

Дядя Кейл бессильно развёл руками.

Ну всё? Достали со своей глупой войной! Никакого Единого нет, как и других богов, а битвы с демонами — всего лишь ради наживы. Так почему бы хоть раз не забыть о делах ордена и позаботиться о своих близких? Ведь завтра нас может и не стать! Сжав кулаки, я закричала:

— Вэльва у ворот!

Пламя свечей потускнело. Стемнело и похолодало, как на кладбище. Смолкли музыканты, плясуны испуганно замерли, разговоры истлели сами собой. Все взгляды устремились на меня. Даже неунывающий Вейас побледнел и подобрался ближе к нам.

Отдаваясь эхом в высоких каменных сводах, послышались тяжёлые шаги. Скрипнули двери. Головы повернулись к выходу. На пороге показалась невысокая коренастая фигура в тёмном балахоне. Шагнула в зал. Под опадающим капюшоном взметнулись жидкие седые волосы. На изрезанном морщинами лице полыхнули слепые белёсые глаза. Гости словно по команде сдавленно выдохнули и посторонились, пропуская старуху вперёд. Она ползла, как улитка, шаркая и отбивая узловатой клюкой монотонный ритм. Никто не смел заступить ей дорогу.

Отец неестественно выпрямился, закрыв меня собой, Вейаса схватил за руку. Испугался! Надо было слушать, когда я предупреждала.

— Артас Веломри, почему твои стражники не пускали меня на праздник? — захрипела вэльва, остановившись у возвышения для хозяйского стола. — Неужто совсем старые порядки забыли? Или возгордившимся охотникам уже и дела нет до божественной воли? Она нас породила — она и убьёт.

Хорошо, что вэльва не слышала наши святотатственные речи: может, богов и нет, но горевестницы вполне существуют и способны такую судьбу напророчить, что потом вовек не расхлебашь.

Отец вздрогнул:

— Чего ты хочешь, старуха?

Дядя Кейл подался вперёд, чтобы стать между ним и вэльвой, но ей хватило лишь раз взглянуть слепыми глазами, как он отшатнулся.

— Того же, чего и всегда: объявить волю богов.

Отец оттянул воротник и сглотнул. Голос вэльвы возвысился и бичом хлестнул по каменным сводам:

— Ветер велел, чтобы твой сын отправился в Хельхейм и добыл клыки вэса.

Вейас едва слышно присвистнул. Хельхейм? Но из ледяной пустыни на краю света, поди, никто не возвращался. И что за вэс? Я взяла брата за свободную руку, чтобы ободрить.

Все поражённо молчали. Гости не смели даже шелохнуться, не то что заступиться за Вейаса. Как же, доблестные воины — выжившей из ума карги испугались! Хотя... мне тоже было страшно до дрожи в коленях. Вёльвы всегда появляются в преддверии лиха: не обыденной смерти, а голода, засухи, нашествия или мора. Поэтому их прозвали горевестницами. И боятся даже больше Жнецов — костянокрылых сборщиков душ.

Я дерзнула: попыталась выйти вперёд, чтобы защитить брата, но отец затолкал обратно.

— Мой сын отправится в Чернолесье и добудет шкуру белого варга. Так назначил орден.

Отец перевёл взгляд на дядю Кейла. Тот пожал плечами и понурил голову.

— Подкупленный твоим золотом орден не властен над божьим промыслом, — зло каркнула карга. — Судьба твоего сына в Хельхейме, не в Чернолесье. Такова воля даровавшего вам силу Ветра.

— Ветер безумен, если его воля такова. Мой сын не станет служить безумцу!

За окнами сверкнула молния. Громыкнуло так, что зазвенели стекла. Дождь зашёлся по крыше барабанным боем. Жутко. Как будто он всё слышал, всё понял и разозлился!

— За гордыню свою, Артас, будешь наказан, — грозно сверкнули белёдые глаза. — Прервётся твой род: не вернётся сын с испытания. И сокровище своё тоже не сохранишь: дочь увянет, как её мать, на родильном ложе.

Шея отца побагровела.

— Как ты смеешь, горевестница, являться в мой дом без приглашения и вещать о смерти моих детей?!

Он подался вперёд и взмахнул рукой — хотел ударить, но дядя Кейл повис у него на плечах.

— Остановись, Артас, так нельзя!

— Лайсве! — закричал Вейас и метнулся ко мне.

Всё поплыло перед глазами. Я словно наяву увидела, как громадное клыкастое чудище раздирает моего брата на ошмётки. Я сама истерзанная, в поту, истекала кровью на белых простынях. Чёрные мары хохотали у моих ног и уносили так и не глотнувшее воздуха дитя в ледяной ад.

Стало темно.

Глава 6. Сломать судьбу

1526 г. от заселения Мидгарда, Белоземье, Веломовия

Я очнулась на кушетке в одной из просторных нежилых комнат на втором этаже. Здесь было затхло и холодно, поэтому распалили камин в углу. Дымоход отсырел, а смолистые сосновые дрова сильно коптели. Пришлось открыть окно, откуда доносился шум дождя и завывания ветра. Хорошо хоть молнии больше не сверкали.

Отец метался из угла в угол, как загнанный в клетку зверь. Вейас наблюдал за ним, развалившись нога на ногу в кресле рядом со мной. Открылась дверь. На пороге показался уставший и осунувшийся дядя Кейл:

— Я извинился перед гостями и отправил их спать. Завтра на рассвете они покинут замок.

Отец даже не поднял взгляда. Горестно вздохнул и продолжил мерить шагами комнату.

— Жаль, замать не получится. Зря ты набросился на вёльву. Всё-таки она посланница богов, — снова попытался достучаться до него дядя Кейл.

Отец остановился. В льдисто-голубых глазах полыхала звериная ярость.

— Зря ты не позволил мне её удушить! Демонова горевестница! Кто дал ей право распоряжаться судьбами моих детей?!

— Держи себя в руках. Через пару недель отправишь сына в Лапию, а я подыщу ему толкового компаньона. Там они добудут клык какого-нибудь моржа и принесут как трофей. Всё равно этого вэса никто не видел.

— А как же моя дочь?!

— А что дочь? Поедет к жениху в степь, как и собиралась, — недоуменно повёл плечами дядюшка Кейл.

Отец зло прищурился и прижал друга к стене. Рядом с его головой в камень врезался кулак с такой силой, что посыпалась штукатурка. Дядя Кейл побледнел, как покойник, и не смел даже шелохнуться.

— Никто никуда не поедет. Мои дети останутся здесь. А орден пусть засунет свои привилегии себе в задницу! — зло шипел отец. — Можете считать это изменой. Можете лишить меня титулов. Можете осаждать мой замок. Можете даже сжечь, как бунтовщика, но в угоду сумасшедшим старухам и непомерным амбициям ордена жертвовать семьёй я не стану!

— Артас! — дядя Кейл вырвался из захвата и ретировался к двери. С порога бросил: — Я вернусь завтра, когда ты проспнешься. Южное вино совсем затуманило твой разум.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Отец промолчал и повернулся к нам.

— Умереть в вечной мерзлоте в когтях неведомой твари или на костре, как бунтовщик — даже не знаю, какая участь мне нравится больше, — расхохотался Вейас.

Отец не сдержался и влепил ему такую оплеуху, что треснула губа и по подбородку побежала тёмная струйка.

— Разве ты не понимаешь, что это всерьёз?! Наш род может прерваться: наши владения, подвиги, божественный дар — всё канет в бездну, потому что некому будет принять наследие. Наше имя вычеркнут из родовых книг, и мы не останемся жить даже в людской памяти. Исчезнем. Навсегда!

Вейас вытер кровь рукавом и поморщился:

— Кому какое дело, что будет после нашей смерти? Я хочу жить сейчас и наслаждаться жизнью. Знаешь, я бы мог отправиться в Хельхейм и добыть демонов клык, если бы только ты в меня верил. Думаешь, я не вижу, что каждый раз, когда я берусь за меч, ты уверен, что я проиграю? Думаешь, не вижу, как ты подкупаешь поединщиков и посланников из ордена, чтобы выбить для меня лёгкое испытание? А может, у меня всё получится без поблажек, если ты дашь мне шанс!

Вейас последовал примеру дяди Кейла, громко хлопнув дверью.

Отец даже не обернулся. Сел рядом и принялся вынимать шпильки из моих волос, поглаживая и распуская пряди.

— Ты тоже меня осуждаешь? — спросил он с отчаянием. Я коснулась его щеки. Морщинки в уголках глаз и на лбу углубились — теперь точно пальцами не разгладить. В светлых волосах прибавилось седины.

— Вёльва ушла?

Он кивнул.

— Я видела это... Нашу судьбу.

Отец нахмурился и забормотал странное:

— Отражение? Не может быть. Ты ведь ещё толком ничего не умеешь.

— И не научусь, от судьбы не убежишь, — накатило безразличие. Умереть? Ну и что. Я и сама сейчас желала этого.

— Нет, мы ещё поборемся. Просто не будем следовать ей, и всё. Заживём свободно. Так, как хотим мы сами.

На моё лицо что-то капнуло. Отец плакал? Никогда бы не поверила. Жаль, что я наговорила ему столько неприятных вещей сгоряча. Он такой ранимый, ещё хуже Вейаса.

— Заживём, отец. Главное — выжить, — неумело подбодрила я.

Он вздохнул и слабо улыбнулся в ответ:

— Ты, должно быть, устала. Я отнесу тебя в святилище.

— Нет, больше я туда не пойду. Лучше в спальню.

Отец не настаивал.

***

Я не спала. Слушала шум дождя за окном. Бродячие барды-рунопевцы называли нашу землю краем голубых озёр. Местные жители посмеивались над величавой кличкой и про себя добавляли: «В котором три четверти года идёт дождь и ещё одну валит снег». Но мы любили нашу непогоду и наши заболоченные леса и не согласились бы променять даже на зной и плодородный чернозём соседей-степняков из Заречья.

В эту ночь ветер бесновался особенно яростно. Он кричал, почти как отец накануне, стенал и плакал, хотел, чтобы его тоже поняли и успокоили, но я отказывалась слушать и воспринимать как живого. Как бога. Лучше думать, что его нет, чем верить, что он ниспослал нам такую жуткую участь.

Сомкнуть глаза удалось лишь за несколько часов до рассвета, когда дождь стих. С первыми лучами солнца весь замок ожил и загудел, словно гигантский муравейник. Гости собирались в дорогу. Я оделась и пробралась в библиотеку — просторную светлую комнату на первом этаже, уставленную подпиравшими потолок стеллажами. Благо, домочадцы были заняты и не искали меня — не хотелось слушать пересуды о вчерашних пророчествах.

Среди толстенных фолиантов о демонах и истории Сумеречников я надеялась отыскать что-нибудь о Хельхейме и всё, но сведения были до ничтожного скудны. Ледяная пустыня мертва и безжизненна. За последнюю тысячу лет туда никого не отправляли даже на испытания. Действительно, край света, край всего, что мы знаем о мире, обозначенный огнями Червоточин, за которыми лишь чёрная бездна небытия. Как добраться до неё и, что важнее, вернуться? Это невысказано!

Ухнул ветер и застучал по ставням. Я поднялась и распахнула окно. Чего ты хочешь?! Если ты всё-таки есть, если я тебя обидела святотатственными мыслями, то забери меня одну. Забери сейчас. Только отца пощади. Я знаю, он из-за меня дурит, а я не могу найти достаточно искренних слов, чтобы убедить его, что всё будет хорошо.

Ветер дохнул прохладой, вытер слёзы и ворвался в библиотеку. Заплясал между стеллажей, уронил на пол тонкую книгу и зашелестел страницами.

Тебя ведь нет. Ты не живой. Так почему я ощущаю тебя гораздо более близким, чем моих родных? Я должна перестать думать о тебе!

Захлопнув окно, я подняла с пола книгу и пробежалась пальцами по стёртой кожаной

обложке. Надо же, сборник сказаний северных рунопевцев. Никогда не читала: мне нравилось слушать их в исполнении нянюшки. У неё хоть и не было гуслей-кантеле и слова в рифмы не складывались, но истории выходили волшебные. Ни одна книжка и далеко не каждый рунопевец смог бы так же.

Открытой оказалась страница с легендой о Безликом. Моя любимая. Захотелось прочесть, сравнить её с нянюшкиной сказкой. Эгле грамоты не знает. Её истории в народе передаются из уст в уста, из поколения в поколение. Что-то забывается, что-то привносится новое, а как было на самом деле, ни в книжке не найдёшь, ни от старожил не услышишь.

Сказание оказалось намного длиннее, с несущественными подробностями и нудным описанием быта древних охотников. Удивила концовка:

«Погрузился Безликий в сон, упокоился в ледяном саркофаге, что качается на семипудовых цепях над бездной за воротами Червоточин. Вековечный покой той обители сторожит неусыпный вэс, что речёт Его волю. На закате времён обагрится лёд кровью вэса и пробудится Безликий ото сна, чтобы повести охотников на Последнюю битву».

Вот почему о вэсах не было в других книгах! Дядя Кейл верно сказал: их никто никогда не видел. Как же Вейасу удастся их отыскать? Хотелось бы мне на это посмотреть. И на саркофаг Безликого. Чтобы вновь уверовать.

***

Замок ещё долго жужжал сборами. Разъехались гости лишь к вечеру. Будут в темноте блуждать. Но больше меня волновал отец: он закрылся в кабинете, отказался от еды и никого к себе не пускал, даже дядю Кейла. Тот решил остаться у нас ещё на несколько дней, пока всё не уляжется. Я была очень благодарна ему за это: вдвоём с Вейасом мы бы вряд ли справились.

Я уже переделалась в сорочку и переплетала перед сном косы, разглядывая своё измождённое отражение в зеркале, когда в дверь постучали. Я не успела ответить, как на пороге появилась одетая в тёплое платье и серую шерстяную шаль нянюшка. Из-за её спины выглядывал взъерошенный и заспанный Вейас.

— Собирайся. Жых отыскал ту вэльву. Возьми для неё подарок. Если повезёт, уговорим вашу судьбу переменить, — взволнованно сказала нянюшка и улыбнулась с надеждой. — Скоренько! Чего ты ждёшь?

Я принялась одеваться. Хоть и не слишком верилось в успех, но обижать нянюшку не хотелось. Если уж она старого Жыха, нашего ловчего, заставила вэльву искать, то, видно, совсем извелась. Она ведь нас с Вейасом как родных любит. Своих детей у неё никогда не было — всё время о чужих заботилась, вначале о маме, а потом и о нас.

Я надела башмаки поудобней и плащ потеплей: идти долго, скорее всего, придётся, и не по найденным дорогам, а по кривым лесным стежкам, через бурелом и трясину. Вэльвы кочуют, редко на одном месте засиживаются. Люди их рядом с собой не терпят, вот они и прячутся в укромных закутках и не тревожат никого без дела.

Вейас хмурился одним глазом, а вторым ещё спал. Плёлся за нами безучастно. Наверное, на авантюру тоже только из вежливости согласился. Молчал. Даже про отца не спрашивал, хотя стоило поговорить, учитывая, как они поругались. Но вытягивать из него слова не было сил. Пускай сами разбираются. Тем более тут я была всецело на стороне отца.

Шли долго, через старый восточный лес, который селяне уважительно именовали Дикой Пущей, дремучий и древний, как сам мир. Пробирались через поваленные сосны, протискивались между колючими лапами молодых елей, прыгали по скользким после дождя кочкам, боясь увязнуть в болотной жиже. Только ближе к полуночи на краю небольшой поляны учуяли тягучий запах горящих можжевельных веток и заметили рыжевато-алые отблески костра.

Нянюшка подобрала юбки и, стараясь ступать как можно тише, пошла вперёд. Мы с братом переглянулись и двинулись следом. Боязно с вельвой встречаться, да ещё ночью посреди прожорливых лесных топей. А вдруг она от обиды на отца нас зачарует и в трясину заманит? Утопимся — вот и вся перемена судьбы будет.

Над головой ухнула белая неясность. Я зажала рот рукой, чтобы не закричать, и тут же споткнулась о сухой сук. Треск огласил поляну эхом. Нянюшка обернулась и укоризненно покачала головой.

— Кто здесь? — донёсся от костра знакомый скрипучий голос. — Дух или человек, не таи злые помыслы в ночи!

— Мы из замка. Нужда пригнала. Дурного ничего не желаем! — отозвалась нянюшка и поманила нас за собой.

Вейас пошёл первым. По-моему, присутствие вельвы ему было так же безразлично, как и дорога через дремучий ночной лес. А вот меня уже ощутимо потряхивало. Спину будто прожигал тёмный, исполненный ненависти ко всему живому взгляд. Неясность? Жуткая птица!

Озираясь по сторонам, мы вышли к костру. Рядом на скорую руку был поставлен навес, накрытый еловыми лапками и мхом. Белоглазая карга стояла у костра чуть поодаль и помешивала берёзовой палкой варево, бурлящее в огромном чёрном котле.

— Зачем явились, горемычники? — спросила она, не отрываясь от своего занятия. Отблески пламени плясали по её лицу, облекая его в причудливо изломанную маску.

— Хотели судьбу переменить, о дальноголящая! — нянюшка встала на колени и коснулась лбом земли.

Мы с братом удивлённо переглянулись. Нянюшка поднялась и надавила на плечи так, что нам тоже пришлось поклониться. В пояс, конечно, не в землю — это было бы слишком. Сумеречники даже перед королями не кланяются.

— Простите их. Молодые ещё совсем, глупые, — смиренно попросила нянюшка.

— Их отец тоже молод и глуп? — вельва усмехнулась тонким, изъеденным морщинами ртом. — Не оправдывайся. Я хоть и слепая, но прекрасно вижу, куда мир катится. Повсюду гордыня, святотатство и лицемерие. Даже орден, хранитель древнего знания и божественного дара, утратил веру. А без веры мы ничто. Пожираем сами себя, как великий змей Йормунганд. Вот уже и с людьми войну затеяли, хотя боги наказывали не проливать человеческой крови и сражаться лишь с демонами. Седна гневается, Хозяин Вод пропал, и некому усмирить её крутой нрав. Чую, беда грядёт. Да такая, какой этот мир ещё не видывал.

— Что, хуже нашествий демонов? — вырвалось у меня.

Вельва сверкнула белесыми глазами. Я прикусила язык.

— Демоны, которых мы знаем, только слабый отголосок. Да и насколько мы, люди, отличаемся от них? Они лишь другой народ, который хочет жить.

Вот это настоящее святотатство — за такие речи орден на костёр отправляет. Нет, не может такого быть. Это мы, те, кто с даром, как демоны, а остальные... просто люди.

Сколько же я всего не знаю и не понимаю, а хотелось бы!

— Давайте подарки, — шепнула нянюшка, когда молчание стало в тягость.

Вейас выхватил из ножен меч и замахнулся. Мне показалось, что он хочет отрубить старухе голову, но он опустил клинок и протянул его вельве. Я достала из-за пазухи свою вышивку и сделала то же самое.

— Никудышное оружие от никудышного воина, — расхохоталась каркающим смехом старуха. Вейас фыркнул и отвернулся. — И безыскусное рукоделие от бездарной бледной мыши?

Я затаила дыхание от бешенства. Ведь она даже узора не видела! А он получился. Настоящий. Живой. С душой. Особенно глаза... Как те, что я во сне видела. Больше ни у кого таких нет! Пришлось до крови впиться ногтями в ладони, чтобы проглотить обиду молча.

— Не поможете?! — нянюшка упала на колени и поползла к вельве, заламывая руки.

Хотелось поднять её на ноги и увести от демоновой карги. Мерзкая злобная тварь!

— Умоляю, я всё отдам, только смилуйтесь! — нянюшка достала из-за пазухи бронзовый обручальный браслет и вручила вельве. — Это всё, что осталось от моего суженого. Мы так и не успели пожениться: он погиб во время нашествия.

Вельва с интересом вертела в руках украшение. Не слишком искусное. Бронзовый браслет на свадьбу — всё, чем довольствовались простолюдины. Мы же носили серебряные, хотя могли купить и золото, но традиции не позволяли. Мы должны помнить, что даже если мы не подчиняемся королям и можем быть намного богаче их, а всё же они стоят выше нас.

— Желаеть разорвать связь с любимым ради чужих детей? — в голосе вельвы не осталось былой надменности и презрения, звучал лишь живой интерес: — Зачем?

— Что мне давно утраченная любовь? — нянюшка всхлипнула и, вскинув голову, посмотрела так, как не всякая госпожа умела: — Да и найду ли я её на том берегу Сумеречной реки? А эти дети мне как родные. Я видела, как они появились на свет. Слышала их первый крик и первое слово. Помогала сделать первые шаги. Не спала ночами, когда у них болели животики и резались зубки. Лечила и выхаживала, когда хворали. Успокаивала сказками, когда их мучили кошмары. Не хочу, чтобы они умерли, так и не пожив толком, пусть даже за это придётся отдать мою единственную любовь.

Да как же?.. Я знала об этом, и всё равно слышать такие слова было не по себе. Как ножом по сердцу. Она как мама, которую я никогда не знала. Моя душа! Я пихнула брата в бок. Мы помогли нянюшке встать и крепко обняли. Пускай ничего не выйдет, но я всегда буду помнить её слова.

Поднялся ветер, всколыхнул пламя до небес, заставив тёмное варево пениться и выкипать из котла.

— Надо же! — удивилась вельва. Поколдовала над костром, и пламя опало. — Что ж, будь по-твоему, раз на то воля богов.

Карга кинула браслет в котёл и принялась помешивать, напевая слова на диковинном наречии. Говорят, у вельв есть тайный язык для общения с богами. И действительно: разобрать ни слова не удавалось, кроме завораживающе-жутких подражаний зверям и стихиям.

— Я сварила вашу судьбу.

Когда зелье снова закипело, вельва зачерпнула его деревянной чашей, увитой резными магическими рунами, и протянула Вейасу.

— Пей.

Он зажал нос и выпил залпом. Даже в неярких отсветах пламени было заметно, что краска схлынула с его лица. Вейас застонал и согнулся пополам. Его тут же вытошнило.

— Ты собралась нас отравить, карга?! — возмутился он, едва совладав с дыханием.

— А ты думал, судьбу менять просто? — усмехнулась вёльва. — Старое должно уйти, чтобы освободить место новому. Говори быстрее, чего желаешь, пока что-нибудь жуткое само не заморочилось.

— Легко! Хочу пережить испытание, чего мне ещё желать! — Вейас распластался на земле возле навеса, держась за урчащий живот.

— Твой черёд.

Вёльва снова зачерпнула варева и протянула мне чашу. Я приняла её дрожащими пальцами и стала вертеть, пытаюсь придумать, чего же я хочу. Знала только, чего точно не хочу — выходить замуж за Йордена и чтобы отец страдал из-за моего непослушания. Глянула на нянюшку. Она тепло улыбалась, подбадривала. В голове зазвучал её то возвышающийся, то затухающий голос: «И вступил Безликий на тропу нетореную, чтобы самому решать свою судьбу».

Я выпила до дна. Смердящее гнилью и падалью варево обожгло нутро. Из живота поднялась волна дурноты. Я упала. Забилась в судорогах. Тело горело и оплавлялось, рассыпалось в пепельную крошку.

— Ты как? — нянюшка помогла подняться.

Пахло рвотой. Похоже, я измазалась. Подташнивало до сих пор.

— Хочу пройти по нетореной тропе и самой решать свою судьбу, — выдавила я из себя.

Нянюшка ахнула:

— Лайсве, зачем? По нетореным тропам только мужчины ходят.

— Только боги, — поправила я. — Безликий был богом.

То, чего я действительно желала — быть самой себе хозяйкой, стоптать семь пар железных башмаков, изломать семь железных посохов, изглодать семь железных караваев. Тогда, быть может, моя жизнь обретёт смысл.

— Как пожелали, так тому и быть, — прокаркала вёльва. — А теперь ступайте. Мне ещё нужно судьбу всего мира сварить.

Нянюшка подняла Вейаса и потащила нас обоих прочь.

— Благодарю, о дальновидящая, — обернулась она к горевестнице, когда мы были уже на краю поляны. — Век не забудем твою милость!

Притаившаяся на опушке птица снова одарила нас недобрым взглядом.

***

Они ушли, ломясь через лес, словно были неуклюжими медведями. Вёльва продолжала мешать варево. Десять кругов справа налево и десять слева направо, семь по оси Червоточин и три против. Она дёрнула палкой, поднимая со дна муть, и постучала по стенкам. Когда варево стало непроглядно чёрным, вёльва бросила в котёл меч мальчишки. Тьма с шипением накинута на него, покрыла ржавчиной и разбила в пыль. Вёльва потянулась за вышивкой.

— По нетореной тропе пройти, надо же! — усмехнулась она. — Какая глупая девчонка.

Вёльва потрогала ткань чувствительными, как глаза, пальцами. Передёрнула плечами, словно прозрела и наяву увидела огненного зверя на фоне чернильной ночи. Взгляд живых

синих глаз пронзал насквозь, будто в них запечатлелась вся сила и мудрость Небесного Повелителя.

Успокоившись, вельва снова принялась помешивать варево.

— Что же это за девчонка такая! По нетореной тропе пройти. Да на которую только боги отваживались ступить — один-единственный бог. На погибель ты явилась или на спасенье? — бормотала она, вглядываясь слепыми глазами в круги, что шли по вареву вслед за палкой. Вельва глотнула паров и, сомкнув глаза, заговорила не своим голосом: — Сказано было на заре времён: когда настанет час неверия, междоусобиц и великих бедствий, явится в древней крови пророк. Сам возжелает пройти по тропе нетореной, чтобы пробудить почившего бога. Через пламя и снег, кровь и тьму пройдёт его путь, от неверия к прозрению и свету. Он сам станет светом, что растопит ледяное сердце и укажет путь из мрака. Лишь испустит пророк последний дух, как пробудится Огненный зверь. На спасение. Или на погибель.

Вельва вздрогнула и выронила вышивку.

— Неужто и правда конец?

Будто отвечая, ухнула белая неясьть. Расправила огромные крылья, ринулась с ветки и опрокинула котёл. Тьма выплеснулась на землю, затушив огонь. С шипением выпустила щупальца. Вельва ослепла по-настоящему, оглохла, не чувствовала запаха. Ощущала только липкий ужас от приближающейся смерти. Отступила на шаг, запнулась о сук и упала. Тьма набросилась на неё, пронзая и разрывая на ошмётки, пока не поглотила, как браслет, как меч, как судьбы детей до этого.

Неясьть наблюдала с ветки. Ухнула, и тьма убралась восвояси, вдоволь насладившись кровавым пиршеством. Птица подхватила с земли вышивку и принялась драть её когтями. На лоскуты. Чтобы ничего не осталось! Но синие глаза продолжали смотреть с выжигающей пристальностью. Отчаявшись, неясьть выпустила добычу и, горестно ухнув, помчалась за Северной звездой.

***

Мутило всю дорогу домой, но уже на подступах к замку пустоту в душе заполнила решимость. Нянюшка проводила меня до спальни и, поцеловав на прощание в лоб, ушла. Я подождала, пока стихли шаги в коридоре, накинула на плечи шаль и направилась к Вейасу через тайный ход, которым мы много раз пользовались в детстве, чтобы сбежать на ночную прогулку. Странно будет всё это бросить, но чтобы что-то получить, надо чем-то пожертвовать.

Я толкнула дверь. Вейас никогда не запирался, поэтому о его шашнях со служанками знал весь замок. Но сейчас, хвала богам, брат был один и даже не спал. На прикроватной тумбе горела свеча, рядом лежала раскрытая книга, а он сам напряжённо вглядывался в потолок. Странно было видеть его таким серьёзным.

— Чего тебе, мелочь? — спросил он, переводя на меня взгляд. — От дурацкого варева до сих пор живот крутит. Рвотный корень там был, что ли? Если бы не ваша блажь, ни за что бы на болото не попёрся!

— Нужно было нянюшку уважить. Ты же видел, она обручальный браслет отдала. К тому же это не рвотный корень, а наша судьба. Я знаю, я чувствую, — я облизнула

пересохшие губы, безотрывно глядя ему в глаза.

Пожалуйста, согласись на ещё одну мою блажь!

— Опять ты с этими глупостями! Нету ни высшего замысла, ни богов, ни даже судьбы. Враки это для таких доверчивых трусих, как вы с нянюшкой.

— Зато ты у нас храбрец из храбрецов, — усмехнулась я, поймав его на его же удочку. — Помнишь, ты предлагал сбежать вместе? Я согласна. Поехали в Хельхейм. Прямо сейчас, пока отец хандрит, а весь остальной замок спит и некому нас остановить. Мы добудем клыки вэса и, быть может, даже увидим саркофаг Безликого. Ты докажешь, что способен пройти испытание сам. Мне не потребуется выходить замуж за подлеца, а отцу отвечать за моё непослушание перед орденом.

— Ты действительно хочешь поехать со мной? — Вейас подскочил и схватил меня за плечи, пристально вглядываясь в глаза. — Ты правда веришь, что я смогу защитить нас обоих? Один, без дурацких компаньонов, которые будут делать все за меня, и отцовских побрякушек?

Я улыбнулась и обняла его.

— Я буду твоим талисманом, как раньше была отцовским. Вместе мы покорим мир. Так напророчила вельва.

Вейас прищурился и качнул головой.

— Нет, мне нужно что-то повесомее, чем пророчество безумной карги. Давай пообещаем друг другу, что всегда будем вместе, я — защищать, а ты — ограждать меня от глупостей и вдохновлять на подвиги, — Вейас протянул мне руку с выставленным вперёд мизинцем, совсем как в детстве. На устах играла беззащитная искренняя улыбка, такая, какую он никогда никому не показывал, только мне.

— Обещаю, — я переплела с ним пальцы и улыбнулась в ответ.

— Собирай вещи. Я подготовлю остальное. Помни, за нами пошлют погоню, поэтому путешествовать придётся налегке, — Вейас принялся опустошать ящики с вещами. Странно, он как будто только и ждал моего согласия и все уже хорошенько спланировал. — Не беспокойся: отец брал меня на охоту. Я знаю, без чего не обойтись.

Он вынул из шкафа один из своих дорожных костюмов и отдал мне, заговорщически подмигнув.

— Встречаемся на обычном месте через час.

Братик! Ни перед одной шалостью не спасует, не подведёт — тут сомневаться не приходилось.

Я побежала к себе. В спальне первым делом распалила камин и обернулась на сложенные сундуки. Ничего из этого хлама мне больше не нужно. Я взяла лишь несколько смен белья и плащ потеплее. Черкнула короткую записку, объясняя, что отец к моей пропаже не причастен, а всему виной вероломство навязанного орденом жениха. Девушки иногда сбегали перед свадьбой. Теперь это будет не предательством, а обычной бабьей дурью. Отца не тронут — это главное.

Напоследок я достала из сундука вышивку с гербом и мамино подвенечное платье и, не раздумывая, швырнула в огонь. Пламя с жадностью набросилось на ткань, пожирая остатки моей прошлой жизни. Теперь последнее: большими ножницами я обрезала косы под самый корень. Они тоже полетели в камин.

Вей хорошую идею подсказал. Я тощая и плоская — с короткими волосами в мужском платье точно за парня сойду. Хорошая маскировка на первое время, а там видно будет.

Главное — выбраться.

Взвалив на плечо тюк с вещами, я вышла в коридор и, вздрогнув от неожиданности, нос к носу столкнулась с Бежкой. Она же сейчас весь замок на уши подымет!

Бежка прижала к губам палец.

— Как хорошо, что я успела вас застать. Вот, — она протянула небольшой свёрток. — Увидела, как мастер Вейас седлает лошадей в конюшне и поняла, что вы уезжаете. Решила собрать еды в дорогу: хлеб, вяленое мясо, пару луковиц, чуть-чуть соли. Хоть первое время голодать не будете.

— Зачем?

Бежка обезоруживающе улыбнулась:

— Я тоже когда-то хотела сама решать свою судьбу, а не развлекать забулдыг в грязной корчме, как делала моя мать, но добралась только до вашего замка. И каждый день не устаю благодарить богов за то, что ваш отец согласился меня взять.

Я потупилась, ругая себя, что ревновала и желала ей зла.

— А с Йорденом ты зачем?..

— Грош цена мужчине, который лезет под юбку первой встречной девки, когда за дверью молодая невеста ждёт, — усмехнулась она. — Забудьте о нём, он никогда не будет вас достоин. Поезжайте, будьте счастливы за нас двоих. Это единственное, чего я желаю сейчас.

Я порывисто обняла её и не смогла сдержать слёзы:

— Позаботься об отце.

— А вы приглядывайте за мастером Вейасом. Он такой милый шалопай, — Бежка тоже заплакала. — Прощайте!

Я кивнула и скрылась в недрах подземного хода. На улице в берёзовой роще за рвом уже ждал брат. Мы вскочили в сёдла и поехали навстречу догорающей в рассветных сумерках Северной звезде. Весь огромный мир лежал у копыт наших лошадей.

***

1526 г. от заселения Мидгарда, Заречье, Веломовия

Лето вступало в свои права. Особенно вольготно здесь, на родине. Слабый ветер пах распаренным разнотравьем степного луга, трепетал седой ковыль. Под монотонный стрекот кузнечиков стучали лениво копыта, в вышине пронзительно кричал ястреб, высматривая притаившегося в высокой траве суслика. Кажется, свернёшь на едва заметную тропку через заброшенное поле — родное село целёхонькое ждёт! Люди трудятся, гонят скотину с выпаса, землю пахут, живые, счастливые.

И не хочется сворачивать, не хочется видеть поросшее бурьяном мёртвое пепелище, не хочется вспоминать истерзанные тела и копошащихся над ними Лунных тварей. Встряхнёшь головой, приложишься к фляге с крепкой брагой — чтобы забыться.

Тепло пеленало занемевшее от дальней дороги тело. Пару переходов — и дома. Нет, не дома, а в чужом доме, из которого давно пора уходить, даже если идти некуда.

На стоянках, как только удавалось выкроить время, Микаш скрывался от людей, чтобы достать из-за пазухи обгоревшее письмо и серебряный медальон. Взвешивал их на ладонях, перечитывал послание, разглядывал портрет и не мог решить. Чужие вещи — свои

несбыточные мечты, дороже которых ничего и нет. Стоит ли рискнуть и податься на запад, попытаться счастья в Эскендерии последний раз? В погоню за ним вряд ли пустятся: незачем на бешеного волка время тратить. Или остаться прислуживать и унижаться ради мимолётного взгляда на прекрасную принцесску? Ответ не находился, Микаш плыл по течению и презирал себя за бесхребетность.

Ночевали вблизи большой речки Плавны, что катила свои воды на запад к океану и отбрасывала повсюду болотистые притоки. Йорден остыл за время пути, уже не мог дожидаться, когда на горизонте вырисуетя зубастая тень отцовского замка. Лениво перебрасывался шутками с наперсниками, пока вокруг суетились слуги, разбивая лагерь.

Покончив со своими обязанностями, Микаш ушёл на речку. Сбросил одежду и нырнул с высокого берега в тёмную воду. Глубоко — до дна не достать. Холод продрал до костей, остудив гудевшие мышцы. Микаш вынырнул на поверхность и поплыл против течения, вспарывая прозрачную гладь мощными гребками. Скользили по ногам водоросли, летели брызги, глотки воздуха — затяжные и сладкие. Усталость уходила, просветлялось в голове, тело наполнилось бодростью. Наплававшись вдоволь, Микаш вылез на берег и обсыхал под лучами заходящего солнца. Лепота! Аж зажмуриться захотелось.

Микаш скорее почувствовал, чем увидел. Волоски на теле встали дыбом: приближалась знакомая ржаво-зелёная аура, грузная и раздутая, как и её хозяин. Микаш распахнул глаза: на фоне пылающего заката вырисовались тёмные силуэты всадников. Микаш натянул одежду и помчался обратно.

Всадники уже были там. Спешивались. Лагерь мигом опустел, будто в преддверии урагана. Один Йорден встречал отца, скинувшего с лысой головы глубокий капюшон. Микаш даже с большого расстояния чувствовал исходившую от лорда Тедеску ярость. С трудом удалось не поддаться искушению прочесть его мысли. Микаш замер, суматошно пытаясь восстановить дыхание.

— Какого демона ты там устроил?! — заорал лорд Тедеску, тыкая пухлым пальцем в сына.

— Да что я-то? Это нас оскорбили, не дав погулять на пиру! — оправдывался Йорден.

— А кто к служанке под юбку полез в разгар помолвки? Совсем умишком оскудел? Невестушка твоя вместе с братом на север сбежала, а отцу письмо оставила, где про тебя все рассказала. Лорд Веломри теперь рвёт и мечет. Требует, чтобы её вернули, а тебя покарали.

Надо же, всё-таки сбежала. Бесстрашная! Глупая... На севере даже вдвоём с братом не выживет.

А может, глупый на самом деле он, что боится шагнуть в неизвестность и не возвращаться больше на опостылевшие найденные тракты.

— Я что, виноват, что эта дура истеричная напридумывала всякого? — продолжал отнекиваться Йорден.

— Ты готов подтвердить это перед дознавателями-телепатами?

Йорден скис и опустил голову.

— Болван! — лорд Тедеску наградил его подзатыльником. — Ищи её теперь, где хочешь, но пока за косы ко мне не притащишь и не женишься, я тебя на порог не пушу.

— Но я...

— Молчать! Перед орденом я сам все замну. Где твой оруженосец?!

Микаш деликатно закашлялся у него за спиной. Лорд Тедеску резко обернулся и окинул его с ног до головы пристальным взглядом:

— Купаемся, значит. Веселимся, да? Свободу почувляли?

Радушие его тона не обмануло. Впрочем, Микашу было настолько всё равно, что он даже не стал отводить взгляд, как делал раньше. Лорд Тедеску ухватил его за шиворот и поволок подалее от лагеря. Остановились они на берегу речки, чтобы наверняка никто не подслушал.

— Что тебе сказано было делать, сучий сын?! — зарычал лорд Тедеску. — Решил подлянку под конец подложить? Почему ты не уследил за Йорденом?

— Вы хотели, чтобы я целовал его невесту и клялся ей в любви за него? — Ну да, Микаш мог внушить Йордену, чтобы тот хотя бы к служанкам не лез, но не пожелал этого. — Там было слишком много Сумеречников, меня бы засекли.

— Только не надо врать, что ты струсил. Я вспорю тебе брюхо, как бунтовщику, а потом заставлю медиумов призвать твой дух и всё равно не отпущу!

— Думаете, так будет хуже, чем сейчас?

Лорд Тедеску замахнулся, чтобы отвесить ему затрещину, но Микаш перехватил его запястье, впервые бросив ему вызов.

— Передайте лорду Веломри, я верну его дочь целой и невредимой.

Микаш отпустил старого шакала и, не попросив дозволения уйти, направился обратно в лагерь. Лорд Тедеску догнал его с небывалой стремительностью и вцепился в плечо:

— Всё будет прилично. Йорден вернёт лорду Веломри его дочь и восстановит честь нашего рода, а ты проследишь, чтобы на этот раз у него все получилось.

Снова обуза? Снова отдать заработанный своей кровью трофей другому? Быть может, оно и к лучшему. Принцесске и нищему вместе не бывать.

«Я спасу тебя чужими руками, а ты никогда не узнаешь, как сильно я люблю тебя».

Интерлюдия I. Тень

1526 г. от заселения Мидгарда, Безмирье

В Безмирье нет ничего, кроме серых клубов предрассветного тумана. Сюда приходят умирать отжившие свою ночь сны. Эта унылая обитель и есть его усыпальница, тюрьма и царство. Властелин Ничего, живущий созерцанием чужих грёз. Что за жалкая участь!

Он безотрывно смотрел вдаль, силясь увидеть хоть что-нибудь в зыбком мареве, но здесь всегда была лишь мёртвая пустошь. Звенящая тишина заглушала даже музыку сфер мироздания, усиливая ощущение полного одиночества.

Большую часть времени он забывался тёмным сном, иллюзорным несуществованием, о котором он мечтал с первого дня своего развоплощения. Но иногда он просыпался от кошмаров. Вставал, бродил сомнамбулой по бесконечным пространствам небытия и уговаривал себя снова заснуть. Чтобы не думать. Не ощущать.

На этот раз бодрствование вышло особенно долгим. Поднявшись с ледяного ложа, он уселся, скрестив лодыжки, сотворил из тумана зеркало и пристально взгляделся в отражение. Лицо скрывала овальная белая маска с прочерченными по левой стороне глубокими красными царапинами. Он уже забыл, как выглядело его настоящее лицо. Кажется, смертные зовут его Безликим. Не худшее из прозвищ, учитывая, что имени он тоже лишился.

Раздались хлопки крыльев и отрывистое уханье. На горизонте вырисовался светлый птичий силуэт. Безликий провёл рукой, и место зеркала заняла шахматная доска с фигурками из слоновой кости и чёрного дерева — точная копия той, что была у него в

детстве.

Белая неясность приземлилась рядом, выросла размером с Безликого и превратилась в Тень.

— Зачем звал, братишка? — по привычке смешливо начал он.

— Скучно, — Безликий кивком указал на доску: — Сыграй со мной.

— Терпеть не могу шахматы. Ничего более нудного не придумал? — сварливо ответил Тень, доказывая, что радушие было поддельным, как и всё, что он делал.

— Странно, в детстве тебе нравилось.

— Только потому, что в других играх я победить не мог.

Безликий раньше не обращал на такие мелочи внимания, а стоило, очень стоило.

— Сыграем, всё равно здесь больше нечего делать.

Безликий, не глядя, протянул фигуры. Помедлив мгновение, Тень сел у противоположного края доски:

— Нет уж. Сегодня белыми ходишь ты. И это уже не будет излюбленная тобой партия в поддавки.

Безликий покорно поменял фигуры. Он даже не помнил, что раньше предпочитал только чёрные. Непролазные нетореные тропы.

Фигуры расставлены. Белая пешка ходит на две клетки вперёд, за ней чёрная. Затем ещё одна, конь и слон. Знакомая комбинация сквозь туманную пелену всплывает на поверхность вместе с голосом отца, который учил их играть вечность назад. Память просыпается. Хорошо! Нужно продолжать, чтобы вернуть больше.

— Ты был снаружи? — тихо спросил Безликий, чтобы поддержать разговор.

— В отличие от тебя, я на затворничество не соглашался, — криво усмехнулся Тень.

Издевается? Время, когда Безликого можно было поймать на такие глупые уловки, давно миновало. Или за тысячу лет сна он стал слишком самонадеян?

— Пахнет кровью. Ты кого-то убил, — Безликий и так всё знал. Ощущал каждую частичку мира, как себя самого.

— Поймал мышку на обед. Совам иногда надо питаться. Да и котам тоже, верно? — Тень подмигнул и подался вперёд.

Безликий переваривал его слова молча, разглядывая фигуры, просчитывая варианты. Он никогда не отличался терпением. Вот и сейчас надоело играть в намёки слишком быстро.

— Зачем ты убил вёльву? Тётка Седна и без того в ярости.

— Какое мне дело до склочной старухи с грязными волосами? — Тень опрометчиво съел слона, не замечая ловушку. — Пускай злится, пускай хоть всю сушу затопит. От неба-то всё равно не убудет.

— Как же ты глуп, а ещё на Небесный престол заришься, — безнадёжно покачал головой Безликий.

Когда-то его посещали безумные идеи: найти с братом и его Легионом теней компромисс, может, даже переложить бремя власти на его плечи. Но пришлось признать, что отец был прав. При всех своих амбициях, Тень с властью не справится, не сможет поддерживать гармонию мироздания и баланс между стихиями, не вынесет тяжести земной тверди. А без этого всё канет в бездну: и смертные, и ненавистные тени, и даже Повелители стихий. Впрочем, Безликий и сам не справлялся, осознавая свою слабость и несостоятельность. Почему отец не выбрал кого-то более подходящего, ведь кроме Безликого и Тени у него было ещё два сына.

Братья! Память резануло жуткое видение: лужа чёрной отравленной крови, сломанное тело, свалывшаяся и потускневшая медь волос, тяжёлые предсмертные хрипы и бескровные губы, шепчущие последнее: «Ты опоздал». Безликий вспомнил, за что так и не смог простить Тень: за предательство, его и своё.

— Нас уже и без того обвиняют во всех бедах мира. Проклятое небесное племя, чума для обитателей всех сфер, — ещё один обманный манёвр. Белый ферзь пал поверженный за пределы доски, открыв вожделенный путь к королю.

— Ты снова поддаёшься, — усмехнулся Тень, не замечая, как силок оборачивается вокруг его крыльев. — Когда это тебя заботило чужое мнение? Знаешь, мне иногда кажется, что мы с тобой поменялись местами и неумело играем роли друг друга, пряча своё истинное лицо под масками. А ведь можем их скинуть: я займу твоё место в чертогах вечности, а ты отправишься во внешний мир и вкусишь все плоды смертной жизни, а потом уйдёшь за грань вслед за отцом. Ты же всегда желал именно этого.

Безликий окинул взглядом туманную пустошь. Промозгло и холодно, а так хочется простого смертного тепла. Вспомнились поцелуи, нежные прикосновения тоненьких пальчиков, мягкость женского тела и сладкий фиалковый аромат волос. Восхищение и любовь в родных, но таких далёких жемчужных глазах. И разлука длиною в вечность. Тень слишком хорошо знал, чем Безликий может соблазниться.

— Я был глуп и эгоистичен. Провидение уже заставило меня поплатиться, — он провёл пальцами по царапинам на маске.

Теперь к нему возвращалось всё, разбередив старую незаживающую рану. Из-под содранных корок хлынул вонючий гной вместе с разрывающей сердце болью. Безликий зажмурился и затаил дыхание. Несколько мгновений он умирал в агонии, но потом пришло облегчение. Безликий вздохнул полной грудью и открыл глаза. Память вернулась, а вместе с ней и желание бороться. Он сделал последний ход: отдал коня, который единственный прикрывал короля.

— Скажи лучше, за что ты меня так ненавидишь?

Тень дёрнулся, в последний момент ощутив опасность, но желание победить пересилило инстинкты.

— Ты забыл: это не я тебя ненавижу, а ты меня. Я ведь любил тебя даже сильнее, чем брату положено любить брата, сильнее, чем самого себя. А ты променял меня на смертную потаскуху с кучкой жалких охотников и бросил прозябать в одиночестве. И я подумал: если удастся уничтожить весь мир, ты вернёшься ко мне и никто уже не сможет нас разлучить.

Пришлось заставить себя не отворачиваться от его сумасшедшего взгляда, не закрывать глаза на его проступки, как Безликий делал раньше. Малодушие всему виной, но больше совершать подобных ошибок он не намеревался.

— Прости, — пожал плечами и грустно усмехнулся.

— За что? — Тень сделал последний предсказуемый ход: — Шах и мат. Ты проиграл, как всегда.

— Что значит партия в шахматы по сравнению с вечностью?

Безликий взмахнул ладонью. Незаметно сгущавшийся туман вздыбился и спеленал Тень плотным коконом.

— Ты, кажется, забыл: я властелин Ничего. — Безликий склонился над поверженным врагом.

— Ах ты, коварная сволочь! — шипел Тень, извиваясь в путях. — А ещё меня

предателем называешь. Я всё равно выберусь: твои силы на исходе и больше меня не удержат.

Безликий пожал плечами и вскинул руку. Туман закопошился и потянул Тень в его старую темницу в недрах земли. Безликий пригляделся к своим ладоням. Они стали совсем бледные, почти прозрачные. Вот-вот исчезнут, как и он сам. Безликий тяжело вздохнул, впервые за вечность соглашаясь с братом.

— Значит, нужно их возвратить, силы... Капля веры в океане отчаяния — этого будет достаточно.

Безликий свернулся на ложе калачиком, обняв себя за плечи. И снова видел умирающий в медленной агонии мир.

Глава 7. Сумеречники и единоверцы

1526 г. от заселения Мидгарда, Гульборг, Кундия

Наше путешествие на север оказалось совсем не таким лёгким, как представлялось дома. Ни я, ни даже Вейас, хоть он не признавался, не привыкли проводить в седле по восемь-двенадцать часов, искать водопой и выпас для лошадей и удобные места для стоянок. По ночам мы мёрзли под ветхими навесами, следя по очереди за постоянно затухающим костром. Просыпались и вздрагивали каждый раз, когда поблизости раздавался заунывный волчий вой или глухой лосиный рёв. Одежда выпачкалась и прохудилась. Тело зудело от усталости и грязи. Припасы быстро заканчивались, а отыскать хоть что-нибудь съедобное в едва пробудившемся от зимней спячки лесу было трудно.

Отойдя от замка на расстояние недельного перехода, мы выбрались на тракт и присоединились к купеческому обозу, что вёз на торжище пряности и шелка из южных стран и приобретал пушнину у северных охотников. Закон обязывал помогать Сумеречникам всем, чем только можно, потому купцы поделились с нами едой, одолжили тёплую одежду и развлекали рассказами о диковинных землях по ту сторону Рифейских гор. Но я нет-нет да ощущала в брошенных украдкой взглядах настороженность. Неискренность? Недовольство? Вейас говорил, что мне всё чудится, но отделаться от гнетущего чувства не получалось.

Мешало и то, что при посторонних даже по нужде сходить было сложно. Купцы помоложе навязывались в компанию. Не задерёт меня медведь за ближайшими кустиками — это смешно! Приходилось отыскивать глупые предлоги, чтобы улизнуть незаметно. А когда начались месячные крови, стало и того хуже. Похоже, попутчики всё-таки признали во мне девушку и про себя посмеивались. Плевать! Всё равно докладывать в орден не станут: слишком боятся рыцарей, чтобы лишний раз связываться.

Вскоре с купцами пришлось расстаться. Их путь лежал на запад в Дюарль, пышную столицу богатого Норикийского королевства, нас же ждала дорога через вольные города Лапии на крайний север.

Мы вновь оказались одни, но в лесах больше не останавливались. Чем ближе к северу, тем больше риск нарваться на демонов, к тому же неокрепший дар, как у Вейаса, привлекает их внимание. По крайней мере, так говорили наставники. Отдав почти все наши деньги картографу, мы заполучили план местности Кундии, по которой ехали сейчас, и большей части Лапии, и прокладывали путь так, чтобы всегда ночевать с людьми.

Селяне и мещане привечали нас с таким же радушием, как и купцы: отдавали лучшие куски со стола, уступали тёплое место у печи, растапливали баню. Хотя с купанием тоже

выходила незадача: все удивлялись, почему мы с братом не хотим мыться вместе и хлестать друг друга берёзовыми вениками — у простолюдинов, оказывается, был такой жуткий ритуал парения в бане. Один раз мы всё же уступили под натиском неудобных расспросов, а потом каждому пришлось ждать в душном предбаннике с завязанными полотенцем глазами, пока другой раздевался и смывал с себя дорожную пыль. Мой гадкий братец к тому же подглядывал и гнусно хихикал. Из-за него я поскользнулась на мокрых досках и чуть не разбила голову о каменку. После этого я зареклась ходить в баню вместе с Вейасом, наплевав, что мою маскировку могут раскрыть.

Взгляды продолжали меня мучить. Особенно взгляды детей, которым приходилось мёрзнуть и голодать из-за нас. Порой мне хотелось отдать им свою миску постной похлёбки с краюхой хлеба и уйти ночевать в лесу вместе с диким зверьём и демонами, лишь бы не ощущать вину за свою «избранность».

Как-то раз мы остановились в особенно бедной деревушке, которой в прошлом году сильно досталось из-за нашествий демонов. Жителей тут было совсем немного, половина домов пустовала, а вторая стояла покосившимися, покрытыми копотью развалюхами, из которых испуганно выглядывали измождённые лица. Кормили скудно: пустым бульоном и водянистой кашей из полевых растений. Спать постелили на жёстких лавках у отсыревшей и покрытой плесенью стены. А детей — двух шестилетних девчонок и совсем крохотного мальчонку — выгоняли спать в сарае.

Девочки, понутив головы, поплелись за порог, а мальчонка упал на пол и принялся колотить кулаками о доски, крича, что в сарае живёт бабай, который всех съест. Как ни старалась мать его утихомирить, ничего не выходило. Отец не выдержал и замахнулся на него рукой. Я не смогла на это смотреть. Схватила меч, который Вей позаимствовал для меня из отцовского арсенала, и сказала, что сама заночую в сарае. Подкараулю этого бабая и отсеку ему голову, чтобы не смел больше есть маленьких детей.

Мальчонка успокоился, а вот родители уставились на меня с испугом и хором принялись извиняться, что у них нечем отплатить нам за помощь. Я удивлённо глянула на брата. Тот укоризненно качал головой. Мол, сама кашу заварила, сама и расхлёбывай. Я и подумать не могла, что взрослые люди воспримут мои слова всерьёз. Пришлось заночевать в сарае на гнилой соломе, в которой копошились мыши. Зато дети вернулись в дом, а вскоре ко мне присоединился злой, как стая саблезубых демонов, Вейас. Костерил меня последними словами полночи, пока нас обоих не сморил сон. Наутро мы проснулись продрогшие и простывшие. Шмыгая носом, Вейас не преминул напомнить о бабьей дури и ушёл в дом, а я ещё долго бродила по окрестностям, пока не отыскала морёную корягу на берегу заросшего раkitами озера. Обстрогала сучья ножом и отнесла детям. Сказала, что это рога демона-бабая. Мы с братом подкараулили его ночью в сарае и обезглавили — больше бояться нечего.

Дети, толкаясь и вырывая друг у друга трофей, разглядывали его с неподдельным восхищением, а вот взрослые подозрительно напряглись. Мать благодарила и извинялась за доставленные хлопоты и скудный приём. Отец куда-то убежал и отсутствовал, пока мы доедали постную похлёбку. Вернулся, когда мы уже поседлали лошадей и собирались ехать дальше. Стал извиняться пуще прежнего, поблагодарил за избавление от демона-супостата и всучил мне тощий кошель. Мол, всё, что удалось занять у соседей, вы уж не сердчайте, нет у нас, убогих, больше ничего. Так стыдно сделалось, но Вейас сунул кошель за пазуху, запрыгнул в седло и помчал по дороге, поднимая столб пыли. И я за ним, боясь отстать.

Этого я брату долго не могла простить. Он уверял, что простолюдины бы не приняли деньги обратно — так уж у них заведено, но мне всё равно было гадко. Я чувствовала себя... мошенницей, воровкой. И постоянно вспоминала лицо того мальчика. Туго им теперь до первого урожая придётся. Совсем голодно. Из-за меня.

***

Север не терпел немощи. Высокие дома из круглых необтёсанных брёвен выделялись коричневым цветом на фоне посеревших от времени хозяйственных пристроек в просторных, огороженных массивными заборами дворах. Жили здесь большими семьями в несколько поколений, и хозяйство тоже содержали большое, чтобы всех согреть, прокормить и защитить. На рыночных площадях вдоль крытых рядов деревянных прилавков — в тайге строительного леса всегда хватало — собиралось множество чужеземных купцов, выменивавших по весне муку и крупы на северные диковинки: поделки из костей и клыков медведей, соболий и песцовый мех, чудные статуэтки из ольхи, сосны и морёного дуба. Они славились по всему Мидгарду неповторимым своеобразием. Не голодали и рудокопы: в невысоких горах добывалось железо и уголь.

Разбойники и захватчики сюда захаживать боялись: не выдерживали лютых морозов, частых нападений демонов и суровости северян. Здесь выживали только сильнейшие из сильных, самые отчаянные и терпеливые. Они защищали своё добро до последнего вздоха.

Это произошло на подходе к Докулайской равнине, куда моего брата собирались отправить за шкурой белого варга, в небольшом селе близ городка Гульборг. Ночевать случилось в доме зажиточного селянина. Мы как раз с аппетитом обгладывали копчёные телячьи рёбрышки и запивали их сбитнем, когда в сени забежала молодая жена кого-то из младших сыновей хозяина, невысокая, пухлая, с широкими бёдрами и крепкими руками. Запыхалась, дрожала и прятала глаза.

— В курятнике перья и кровь! Три лучших наседки пропало, — горестно причитала она, боясь, видно, что старшая хозяйка заругает, но улыбочивая пожилая женщина лишь повела плечами и тяжело вздохнула.

— Опять хоря нелёгкая принесла. Придётся Полкашу на входе сажать, только он лаем всех наседок распугает — совсем без яиц останемся.

Вейас перестал жевать и хитро прищурился. Сделалось не по себе. Вскоре нам предстоял длинный переход по безлюдному краю. Надо было запастись едой и сменить отошавших лошадей, но денег почти не осталось. Теперь вечера мы коротали в размышлениях, где взять ещё. Не побираться же, в самом деле. Мы всё-таки дети лорда Веломри, рыцаря славного ордена Сумеречников... хоть и беглые.

У Вейаса появилась дурацкая идея поохотиться на демонов за вознаграждение. Только демоны, как назло, куда-то попрятались. Не то чтобы я желала встречи с ними, только братишка стал совсем несносен, заболев жаждой подвигов.

— Часто у вас куры пропадают? — Вейас вывернул сомкнутые замком пальцы и смачно хрустнул, как делал всегда перед очередной проказой.

— Случается, — пожал плечами хозяйка. — Лес-то рядом. Но хорьки — это не беда, вот волки зимой, бывает, целые дворы вместе с собаками выгрызают до последней косточки.

— А что, если это не хорь, а кто похуже? — таинственно предположил Вейас,

передразнивая мои интонации. Хотелось стукнуть его по голове за это!

— Думаете, бешеная лиса? — пискнула молоденькая невестка и вся сжалась.

В бешенстве точно приятного мало. Да и какая разница, от чего умереть: от нашествия или от укуса обычного животного? Но так думали только посвящённые в тайны ордена Сумеречники.

— Скорее, демон, — голос Вейаса опустился до заговорщического шёпота. Женщины вздрогнули и во все глаза уставились на братика. Вейас многозначительно поднял палец, пристально вглядываясь в напряжённые лица слушателей. — Точно, это демон-куродав, я его нечистый дух отсюда чую!

Захотелось встать и выйти. Или хотя бы зажмуриться. Мы ведь рыцари, честные и благородные, мы не должны обманывать людей, даже если живот сводит от голода! Но возмутиться я не посмела. Вдруг селяне решат, что мы мошенники и, не разбираясь, поднимут на вилы? Никто ведь не подтвердит, что мы действительно дети лорда Веломри, а не разбойники, присвоившие родовой знак.

— Что же теперь будет? — сложив на груди руки, выдохнула невестка. — Неужто, все по Сумеречной реке отправимся?

— Не отправитесь, — ободряюще подмигнул Вейас и пихнул меня, заставляя сделать то же. — Сами боги привели нас под крышу этого дома, и теперь мы защитим вас!

Я посмотрела в окно. День был ясный и солнечный. Ни следа бури или дождя. Брат мой, Ветер, если ты есть, то как терпишь этот обман? Он не ответил. Вдали от дома, от нашего святилища, я уже не чувствовала с ним связи. Может, Вейас прав: боги — лишь сказка для того, чтобы держать простолюдинов в узде и получать от них должную помощь? Есть лишь безмолвная стихия, которую мы используем, чтобы подпитывать наш дар.

— Так вы поможете? — захлопала в ладоши впечатлительная молодка. Старшая хозяйка, наоборот, посмурнела и задумалась.

— Конечно, это наш священный долг! — улыбка Вейаса стала шире, яркие голубые глаза по-кошачьи сощурились.

Перед улыбкой брата ни одна служанка в замке устоять не могла. Вот и молодка зарделась, взгляд в сторону отвела и, кажется, совсем забыла, что на запястье обручальный браслет посверкивает.

— Подкараулим куродава и самого придушим, а потом сожжём, чтобы никакое демонское проклятье на вашу землю не пало, — продолжил брат и, не оборачиваясь, обратился ко мне в мыслях:

«Не сиди ты так, словно корзину недозревшей клюквы без сахара съела. Подыграй мне, они ничуть не обеднеют от этого!»

Уф, телепатия! Не знала, что он так умеет. Или Вейас только притворялся бестолковым, чтобы отца лишний раз позлить? Чем больше мы отдалялись от дома, тем серьёзней и уверенней становился брат, словно с лица спадала маска детской непосредственности и проступали черты взрослого мужчины. Но иногда, как сейчас, Вей меня пугал: он вырос, а я осталась наивной девочкой.

Я выдавила из себя некое подобие улыбки.

— Ох, какую ж плату вы за свои хлопоты потребуете? — поинтересовалась старшая хозяйка.

— Что вы, кто же награду вперёд подвига просит? Вот принесём вам х... — Вейас запнулся. Я закрыла лицо руками. — Куродава, потом и обсудим.

«Прекрати, а? Почему тебе проще поверить в бога Ветра и колдовство полоумной старухи, чем в собственную кровь? Переночуем в курятнике — теплынь такая стоит, точно, не замёрзнем. Хоря этого придушим — только милость им сделаем. А без денег нам сейчас нельзя. Если кузен Петрас не согласится помочь, придётся возвращаться. Тебе-то ничего — с баб спросу никакого. Выдадут замуж и в степь увезут, а вот меня из ордена наверняка вышвырнут. И отцовские взятки не помогут».

Я убрала от лица руки и снова вымучено улыбнулась:

— Не беспокойтесь, мы сделаем всё в лучшем виде и много не возьмём. Вы же и так из-за нас сильно истратились.

Старая хозяйка расслабилась и подобрела.

Отужинав, мы отправились ночевать у курятника. Укутались в шерстяные одеяла и бросили жребий, кому спать первым. Вышло, что мне.

Я облокотилась спиной о стенку сарая и закрыла глаза, прислушиваясь к кудахтанью внутри. Вейас походил-походил и пристроился рядом, сказал, что чуть отдохнёт, но тут же засопел. Всегда завидовала его способности засыпать в любых условиях. Я часто мучилась бессонницей даже на пуховых перинах в безопасности и тишине Ильзара. Нянюшка говорила, что это от безделья, а как рожу и начну за дитём хлопотать, так любое мгновение для сна улучать стану. Дитя я, конечно, не родила, но за время похода выдыхалась так, что валилась с ног, и всё равно засыпала с трудом лишь под самое утро. Постоянно видела дурные полусны-полуявь, которые даже толком припомнить не могла. А сегодня так и вовсе сон не шёл.

Ухнула сова, зашёлся лаем дворовый пёс, увидев пробегавшую мимо кошачью свадьбу — от дрёмы и след истаял. Я поднялась и прошлась вокруг курятника, разминая затёкшие ноги. В небе прямо над головой висел тонкорогий серп месяца, как никогда ярко мерцали звёздные рисунки. Я отыскала среди них Охотника и вгляделась в пульсирующий холодным белым светом наконечник стрелы — Северная звезда, по которой путешественники и мореходы сверяют курс. Мы тоже шли по ней, прямо на неё, в царство вечной мерзлоты в Хельхейме. Интересно, как долго продлится наше путешествие и сможем ли мы отыскать Безликого... Вэса, конечно же, вэса, чтобы принести его клыки в качестве трофеев. Надеюсь, мы справимся с ним, и не замёрзнем во льдах, и не попадём другому демону на зуб...

После трёх месяцев дороги самостоятельный поход больше не казался такой уж удачной идеей. За стенами Ильзара я не предполагала, что мир настолько огромен и опасен. Путешествие представлялось игрой, полной таинственных приключений и загадок, а на деле вышло, что нужда, голод и болезни страшнее любого демона. Сумеречники не только не спасают людей от нашествий, но причиняют ещё больше горя, отбирая последние крохи, как проклятые лиходеи. И теперь я одна из них.

На глаза навернулись слёзы. Я снова подняла взгляд к ночному небу. Раскинула руки, как делала прежде дома, чтобы слиться с ветром. Воздух был по-летнему терпкий и тяжёлый. Я вдохнула его полной грудью и... ничего не произошло. Должно быть, я действительно утратила связь со стихией. Или веру.

Понурившись, я обняла себя за плечи. Одиночество холоднее лютых морозов, отчуждение горче волчьего яда. Может, повернуть назад? Вейас перекатился на другой бок и притих. Нет, братишка правильно сказал: меня простят, а вот ему пути к отступлению нет. Я обязана идти с ним до конца не как хныкающая и попадающая в неприятности сестра, а как брат и надёжный товарищ. Возможно, это и есть моя нетореная тропа, мои железные

башмаки, посохи и караваи. Я должна все преодолеть и стать лучше — только так можно свою судьбу обрести.

Из курятника донеслись шорохи. Ночную тишь взорвало переполошённое кудахтанье. Я подхватила с земли палку и ринулась в сарай. Зловеще сверкнули во тьме глаза. Кудахтанье перешло в сдавленный хрип, почти человеческий. Я замахнулась со всей силы и ударила. Коротко пискнув, тварь отлетела в сторону и с грохотом шмякнулась об стену. В дверном проёме появился Вейас. Освещая путь запалённой лучиной, брат отстранил меня и опустил на корточки рядом с поверженным зверьком.

— Ну даёшь, сестрёнка, с одного удара прикончила! — потешаясь, воскликнул Вей.

Я тоже присела. На полу ещё дёргалась пеструшка с разодранным горлом. У стены неподвижно лежала чёрно-бурая тушка. Вейас подхватил её подмышку и погасил лучину, боясь, чтобы тлеющие угольки не подпалили разбросанные повсюду пуки соломы и перья. Демона рассматривали уже на улице. Как и предполагали селяне, супостатом оказался обычный хорёк. Жирный, подранный, немного облезлый по бокам и с перепачканными в крови зубами.

— Что теперь будем делать? — поинтересовалась я.

Чай, за убийство хоря никто особо раскошелиться не станет. Ещё шею намылят, что байками про демона людей пугали.

— Ты будешь спать, а я что-нибудь придумаю, — ответил брат не терпящим возражений тоном.

Он вручил мне своё одеяло и направился прочь от селянского двора. Я всё же заставила себя вздремнуть несколько оставшихся до рассвета часов, пока над самым ухом не начали драть горло петухи. Я подмела перья в курятнике и закопаладохлую птицу подальше, чтобы никто не видел. Не хватало ещё, чтобы селяне узнали, что мы за ней не углядели.

Вейас всё не возвращался. Я не выдержала и отправилась на поиски. Что будет, если хозяева придут про куродава спрашивать? Как я им скажу, что это был всего лишь хорёк, да и того мой брат куда-то снёс?

Я бродила по улицам от плетня к плетню. Только проснувшиеся селяне умывались над глиняными мисками, кормили спящих по двору уток и свиней. Женщины собирали укроп, петрушку и лук-порей к завтраку на небольших делянках. По узким улочкам гнали стада коров и коз на выпас. Даже занятые повседневными хлопотами люди отвлекались на меня и провожали любопытными взглядами, но не останавливали, слишком запуганные славой Сумеречников. А вот цепным псам было плевать и на отцовский титул, и даже на болтающийся у меня на поясе меч — с каждого двора провожал захлёбывающийся злой лай. Несолоно хлебавши я вернулась к приютившему нас на ночь дому.

Повело в сторону сеновала. Я даже не могла объяснить почему. Стараясь ступать как можно тише, я толкнула дверь и заглянула в щель. Пахнуло пряностью сушёного разнотравья. Приглушённые стоны обожгли уши. Полоса света обозначила во мраке стройный мужской торс. По плечам разметались белые кудри.

Я хотела тихо захлопнуть дверь, но как нарочно громко скрипнули ржавые петли. Мужчина обернулся. Следом поднялась вчерашняя молодка с приспущенным с груди платьем и выделяющимися в тёмных волосах сухими травинками.

— Ваш братик хочет присоединиться? — промурлыкала она, потягиваясь и выставя напоказ свои прелести.

Я едва не вскрикнула. Вот Вейас и нашёлся. И почему его куродав не удавил?!

— Это вряд ли. Скромняга он, сам себя стесняется, — ухмыльнулся белобрысый паршивец.

«Закрой рот и выйди. Я быстро».

Я выскользнула на улицу и сползла на землю по стенке. Вот же дрянь, чуть не попалась! Вейас вышел через несколько минут, накинув на себя нижнюю рубаху. Он нёс в руках свёрток, от которого пахло горячей выпечкой.

— Не охай. Не совала бы нос, куда не следует, ничего бы не увидела.

— Зачем тебе это понадобилось? У нас же дело. Куродав, забыл? Что станет, если её муж узнает?

— Так он сам и предложил, — пожал плечами брат. — Наверное, надеется, что так я их брак благословлю или хочет снизить оплату.

— Оплату за что? — нахмурилась я.

— За демона-куродава, конечно.

Вейас взял прислонённую к сеновалу жердь и протянул мне. На неё животом была насажена жуткая тварь: ярко-алая в зеленоватых и синих разводах, жёлтые колдовские глаза страшно выпучены, косматая морда ощерена, выставляя напоказ внушительные клыки с запёкшейся кровью. Я с трудом признала в этом чудище давешнего хорька. Что брат с ним сотворил?!

— Пришлось немного схитрить. Но ты бы видела, как селяне перепугались! Чуть ли не ноги целовать стали за спасение.

Я отвернулась. К горлу подступила дурнота. Как это мерзко!

— Перестань! Не ты ли первая взялась людей обманывать?

— Я хотела развеселить детей!

— Какая разница?

Да как он может сравнивать?!

Брат сменил тему:

— Нужно нашего демона побыстрее сжечь. Сомневаюсь, что краска на нём долго продержится. А потом позавтракай, — он протянул мне свёрток. — Там пирожки с капустой и мясом. Только, умоляю, ни с кем не делись! Голодным и убогим твои подачки не помогут, а если ты упадёшь от изнеможения, мы не сумеем оторваться от погони.

— Какой погони?

Я думала, никто не станет нас преследовать так далеко от замка.

— Ходят слухи, — замаялся Вейас и почесал затылок. — Похоже, отец поставил на уши весь орден и отправил по нашему следу отряд ищеек во главе с твоим женишком. Вряд ли бы отец стал усердствовать из-за такой беспутной бестолочи, как я, а вот тебя вознамерился вернуть. Если мы не поторопимся, то рискуем попасть к ним в руки.

— Мастер Вейас, почему так долго? Вы же обещали! — раздался из-за притворенной двери капризный голос.

— Всё будет хорошо. Выкарабкаемся, — подмигнул брат и ушёл ублажать селяночку.

Я топталась на месте, пытаюсь унять панику. Ничего путного в голову не приходило. Как там в Кодексе Сумеречников говорилось: «Нужно решать насущные проблемы, а не переживать о том, что ещё не случилось». Я взяла шест с куродавом и направилась к ближайшему перекрёстку, чтобы скрыть следы нашего обмана.

Я сидела на перекрёстке и наблюдала, как языки пламени обгладывают шерсть и плоть куропада, обдавая тошнотворным запахом палёной кошки. Прохожие исподтишка косились на меня, но я старалась их не замечать. Я уверена в том, что делаю. В сжигании куропада на перекрёстке нет ничего необычного. Сумеречники всегда так поступают, чтобы огородить людей от злых чар. Забубнила только что придуманное «заклинание» и подбросила в костёр пучки травы. Вроде так больше походит на таинство. Брат мой, Ветер, даже себя обмануть не получается!

Когда костёр потух, я собрала обугленные косточки и закопала их, снова бормоча нелепицу и посыпая могилку полынью и подорожником. Расквитавшись с грязным делом, я подобрала с земли свёрток с остывшими пирожками и побрела в расположенный неподалёку город. Молчаливые стражники у ворот без лишних расспросов пропустили меня за пару медек. Никуда не сворачивая с ведущей через всё поселение широкой дороги, я вышла на главную площадь. В самом её сердце посреди рыночных рядов возвышался стройный деревянный храм с круглыми, похожими на луковицы куполами. Дом матери-земли Калташ и её тринадцати сыновей и дочерей — духов-покровителей ремёсел и земледелия. Отсюда никого не выгоняли. В южных городах в таких местах собирались толпы нищих. Просили милостыню, ждали, когда служители вынесут на улицу большой чан с чечевичной похлёбкой и разольют по глиняным плошкам, чтобы накормить всю ораву. Север бездомные бродяги не любили: мало кто выдерживал суровые холода без крыши над головой, да и летние ночи здесь выдавались не слишком тёплые.

Я уселась на ступени передохнуть. Из полукруглых дверей с резным растительным орнаментом вышел укутанный в медвежью шкуру жрец.

— Что кручинитесь? Невестушку свою обидели? — сердобольно поинтересовался он. — Так поговорите с ней. Бабы, они ж добрые, всё простят.

Я слабо улыбнулась. Бабы добрые. А я, видно, совсем не баба. Протянула жрецу монетку и попросила помолиться о прощении. Совесть облегчу, хоть боги земли нам не покровительствуют. Жрец ласково улыбнулся и ушаркал обратно в храм. Я раскрыла свёрток с пирожками и попробовала один. Кусок стал в горле сухим комом. Залила его водой и кое-как проглотила.

Перед глазами до сих пор мелькала постыдная сцена с братом. Все вокруг чувствуют любовь, страсть хотя бы, а я как пустая. Ни к кому не тянет, никто не заставляет живот наполняться бабочками — так вроде это чувство в любовных балладах описывают. И почему именно бабочки? Ведь тогда, значит, в живот набросали склизких мохнатых гусениц. Гусеницы поедали потроха, пока не сплели из кишок коконы, из которых и вылупились те самые любовные бабочки. Жуть!

Что за несуразные у меня мысли? Видно, не женщина я вовсе, раз не трепещу перед этим чувством. И уж конечно, не мужчина. Что-то среднее, без судьбы и смысла. Рука коснулась обмотанного грубой кожей эфеса. Вот как этот меч, такое же бесполезное создание.

Обхватив колени руками, я оглядывала собравшийся на торжище люд. Гомонили, сговариваясь о ценах, ненавязчиво зазывали посмотреть товар, если покупатель качал головой, уходили искать другого. Молодые и не очень хозяйюшки брали с выставленных вдоль

площади прилавков продукты, ткани и нитки. Мужчины заглядывали за инструментом к кузнецам либо осматривали выставленный на продажу скот.

Среди пёстрой толпы тревожным серым пятном выделялась девочка лет восьми, а может, десяти. Невысокая, худенькая, темноволосая и необычно смуглая для этой местности. Одета она была в прохудившийся холщовый балахон, а ноги вместо башмаков укутывали тряпки. Правую руку девочка прятала за спину, а левой держала букетик пронзительно-синих васильков и предлагала прохожим со словами: «Возьмите! Всего за одну медьку или кусочек хлеба! Или плоскую овсяную лепёшку! Или недозрелое яблоко!» Все шарахались, словно она болела чем-то заразным. Должно быть, девочка очень голодна, раз терпит такое. От меня не убудет, если я отдам всего один пирожок, а Вейас ни о чём не узнает. Я направилась к девочке, но не успела пройти всего пары шагов, как кто-то толкнул её. Она распласталась на земле. Букетик затоптали спешившие по делам прохожие. Я протянула девочке руку и помогла подняться, боясь, как бы её не постигла та же участь.

— Простите. Не стоило. Я такая неуклюжая, — стеснительно пробормотала она, пряча глаза. Я было подумала, что она из манушей, которые большими таборами кочуют по всему Мидгарду, но у манушей глаза ярко-голубые, а у этой — тёмные уголёчки.

— Ещё как стоило. Идём, — я помогла ей отряхнуться.

Хотела устроиться с ней возле храма, но на порог снова вышел жрец и покачал головой. Почему? Сюда пускают всех, даже нищих и больных. Я сделала ещё шаг, но тут заупиралась сама девочка.

— Нет! Они побьют меня палками. Я не хотела дурного, только кусочек хлебушка выменять. Клянусь!

Я вдруг поняла, почему она прятала правую руку: на ней не хватало кисти, а рукав лохмотьями свисал так, чтобы это скрыть. Воровка? Но ведь она совсем кроха. У меня-то красть нечего, кроме злосчастных пирожков и загупленного меча. Я улыбнулась как можно ласковей и повела её прочь от колких взглядов прохожих.

Мы устроились в лесу подальше от города, на излучине узкой речушки, глубокой и бурливой, с сильным течением и крутым обрывистым берегом. Я заставила девочку снять балахон, оставив в одной посеревшей от носки нижней рубахе. Как следует выкупала, смазала ссадины на тощем, с выпирающими костями теле заживляющей мазью и отдала свёрток с пирожками. Пока девочка уплетала еду за обе щёки, я выстирала её засаленную одежду и повесила сушиться на старой ветвистой иве.

— Не торопись так, а то плохо станет, — предупредила я, наблюдая, как девочка давится, откусывая слишком большие куски.

— Простите! — залепетала она, обсыпая себя крошками. — Я так давно ничего не ела, кроме лебеды и сосновой коры. В последнее время так худо делалось, что я даже их есть не могла. Хотела цветы на кусок хлеба выменять. Дядька Лирий предупреждал, что нельзя попрошайничать, но я не послушала, вот и...

Говорила она торопливо, с гортанным придыханием на некоторых звуках, и всё время бегала взглядом, словно чего-то опасалась. Я никак не могла оторвать глаз от её искаленной руки. Что же это за девочка такая?

— Давай лучше знакомиться, — я подбадривающе подмигнула. — Я Лайс..., да, Лайс из Белоземья. Это на юго-востоке. Мы с братом на север едем лучшей доли искать. А ты тоже с юга?

— Я Айка, из Тегарпони, — она хмуро потупилась.

Это же один из самых больших южных городов в Сальвани, почти на границе с Муспельсхеймом. Дальше и придумать нельзя.

— Куда же вы едете?

— Мы... скитаемся. Нас отовсюду гонят.

Айка развалилась на огромных листьях лопуха, вытянув руки и ноги в стороны.

— Мы ищем благодатный край, где нет ни голода, ни нужды, ни холода, ни болезней. Где люди добры, честны и милосердны, а дети не бывают сиротами.

— Так ты сирота?

Айка кивнула, глянула на яркое солнце, и её глаза наполнились слезами.

— Мне было пять, когда чёрная лихорадка забрала отца с мамой. Ещё у меня был братик, но теперь и его нет.

Я устроилась рядом и тоже до ряби в глазах всмотрелась в исступлённо яркое светило.

— А я свою маму никогда не видел. Говорят, она была очень красивая и добрая. Мне бы хотелось быть, как она...

— Но ты ведь парень, — усмехнулась Айка.

Я напряглась. Едва себя не выдала. Взрослый бы давно догадался о моей тайне, но девочка продолжала светло улыбаться:

— К тому же ты и так самый красивый и добрый из всех, кого я встречала. Правда-правда!

Я неуютно передёрнула плечами. Балахон на ветру уже успел просохнуть. Я поднялась и принялась его штопать. Прорех оказалось много, поэтому я начала с тех, в которые можно было просунуть ладонь. Айка повернулась набок и, щурясь, наблюдала за мной.

— Ты похож на ангела, — заметила она.

— Это такой демон?

— Нет! Это божественный посланник. Как можно не знать про божественных посланников?

Я пожала плечами.

— Ангелы прекрасны, как никто из смертных. Они ненадолго спускаются с небес, чтобы принести людям покой и облегчить страдания. А когда наступит конец времён, они приведут в наш мир милостивого Господина, чтобы он сделал всех людей счастливыми. Надеюсь, у них получится.

Я провела рукой по своим неровно обстриженным волосам. Прекрасна, как никто из смертных, смешно, да? Стало тоскливо, и я поспешила сменить тему.

— А что случилось с твоей рукой?

Айка помрачнела и принялась баюкать искалеченную руку, словно успокаивая боль в так и не затянувшейся ране.

— Если не хочешь...

— Нет, всё в порядке. Просто... — она громко всхлипнула, но продолжила: — Это произошло в Тегарпони, когда мой братик был ещё жив. Мы голодали, ели птиц, подстреленных из рогаток на улицах нижнего города, спали в сточных канавах. Однажды мой братик заболел. Лекари из храма Вулкана говорили, что это от грязи и плохой пищи. Братик мучился несколько дней и постоянно просил есть. Я украдала для него буханку хлеба из пекарни, рядом с которой вкусно пахло тёплой едой. Когда я вернулась, братик уже отправился по Сумеречной реке. Меня поймали и отрубили кисть.

— Кисть за буханку хлеба?! — вырвалось у меня.

Интересно, что же должны сделать со мной и Вейасом, ведь мы хуже, чем воры. Мы обманываем людей!

— Это жестоко и несправедливо.

— Нет, — Айка светло улыбнулась. — Все правильно: воровать плохо. И попрошайничать тоже. Так дядя Лирий учит. Он подобрал меня, выходил и взял с собой на поиски благостного края.

Что у них за вера такая? Благостный край, ангелы, спускающиеся с небес, Господин, который запрещает попрошайничать и воровать и должен принести всем счастье — никогда о подобном не слышала.

Дома я переживала из-за мелких проблем с отцом и женихом, ревновала брата к служанкам, а ведь это такие пустяки по сравнению с тем, через что прошла эта несчастная девочка. С тем, что приходится терпеть всем людям, которым не повезло родиться без божественного дара. Это неправильно.

Я протянула Айке заштопанный балахон и помогла одеться. Мы снова устроились в зарослях лопуха. Я принялась расчёсывать её пушистые волосы собственным гребнем. Айка терпела, даже когда мне приходилось раздирать колтуны. А после мы растянулись на мягких листьях и махали руками и ногами, как бабочки — крыльями, наблюдая, как солнце лениво закатывается за вершушки сосен, опалая их закатным заревом.

— Пойдём с нами. Ты будешь нас от всех защищать и приносить покой. Мы будем жить свободные, как птицы! — Айка вложила свою костлявую ладошку в мою и доверчиво улыбнулась. Золотисто-рыжие лучи преобразили её лицо, смягчив худобу и сделав невероятно красивой.

— Рад бы, но у меня тоже есть братик. Если я его брошу, то никто ему даже буханку хлеба не украдёт. И, кажется, он меня уже обыскался, — я попыталась отшутиться, но Айка расстроено отвернулась.

— Я знала, что ты не согласишься. У тебя другой путь.

Треснули сучья. Кто-то шёл к нам по лесной тропинке. Я надеялась, что это Вейас, но на опушке показался незнакомый босой мужчина в косоворотке и штанах из грубого сукна.

— Дядя Лирий? — спохватилась Айка.

Я поднялась следом и присмотрелась.

Мужчина был невысокий, с заострившимися от худобы скулами, правую щёку пробороздил застарелый шрам. Карие глаза смотрели настороженно и хмуро. За поясом торчал большой охотничий нож с отполированной до блеска рукоятью. Шёл Лирий вначале степенно, но, увидев нас, сорвался в бег. Я испуганно замерла. У него на шее качался сплетённый из ивовых прутьев амулет — круг, перечёркнутый четырёхконечной звездой. В голове что-то щёлкнуло, с глаз спала пелена, и все слова Айки как мозаика сошлись в целостную картину. Это же бунтовщики-единоверцы. Поэтому их отовсюду гонят!

Я сжалась в комок. Единоверцы ненавидят таких, как мы, Сумеречников и их детей. Нужно было бежать прочь без оглядки, но ноги вросли в землю и не двигались, как в кошмарном сне.

— Айка! — пришелец остановился в нескольких шагах от нас.

— Дядюшка Лирий, что с вами? — спросила девочка, переводя непонимающий взгляд с моего лица на его.

— Это колдун, Айка. Беги! — закричал Лирий и выхватил из-за пояса нож. — Предупреждаю, если попробуешь меня заколдовать...

— Да вы что?! — замотала головой девочка. — Никакой Лайс не колдун. Он спас меня в городе и угостил пирожками. Он хороший!

— Он тебя заколдовал. Беги! — Лирий шагнул вперёд.

Я вытащила из ножен меч и выставила перед собой. Руки предательски дрожали. Я сумею защититься, должна суметь!

— Не подходите! Я не собирался причинять никому вред! — сбиваясь на вопль, я пятилась к реке и размахивала клинком, надеясь, что разум всё-таки победит.

— Дядя Лирий, остановитесь! — Айка ухватила его за локоть, но он смахнул её, как былинку.

— Вы обираете нас до нитки, калечите за то, что мы пытаемся урвать хоть крохи из награбленного вами и вешаете, если возмущаемся. Убийцы, душегубы, чума для всего Мидгарда! Каждый ребёнок, погибший от голода и холода, на вашей совести!

Меня колотило от его злобы. Так страшно ещё никогда не было. Будто сама смерть стояла между нами и ждала, кто не выдержит первым.

— Неправда, — пролепетала я осипшим голосом и почувствовала, как по щекам побежали слёзы. — Мы защищаем людей от демонов и получаем за это десятину...

В тёмных глазах полыхнуло яростное безумие:

— Ложь! Все демоны — ваша морочь! Сдохни, тварь!

— Нет! — вскрикнула Айка.

Багрянцем сверкнула сталь и скрылась за метнувшейся тенью. Я не разглядела, что произошло. Клинок звякнул о землю. Тщедушное тельце падало мне в руки. Я едва успела подхватить его за плечи.

— Нельзя убивать... — отрывисто бормотала Айка. — Ангелов. — Из спины торчала рукоять ножа. Кровь пачкала только что выстиранный балахон. — Кто приведёт... — слова тонули в натужных хрипах, — Господина?

Глаза закатились, голова неестественно запрокинулась.

— Айка! — грянул отчаянный вопль.

Чей?

Мёртвая плоть упала на землю, как прежде — мой меч.

Точно как они, безвольно, бездумно, я соскользнула с обрыва.

Глава 8. Влюблённый кузен

1526 г. от заселения Мидгарда, Докулайская долина, Кундия

Не знаю, сколько меня протащило течение. Я пыталась выбраться, но берега были слишком крутые — я всё время соскальзывала и неслась дальше. Хорошо, что дно не было каменистым, иначе я бы точно расшиблась, ещё когда падала. От холода и напряжения ноги сводило судорогой. Спасли отполированные водой корни нависшей над рекой ивы. Схватившись за них, я подтянулась и выбралась наверх, ободрав ноги об коряги и обжёгшись крапивой.

Меня тут же вывернуло, сердце колотилось, словно хотело выскочить наружу. Но даже отдышаться не вышло — страх погнал в чащу через колючий подлесок и бурелом. Всё сливалось в тёмное полотно. Деревья стали выше, появились просветы, но я не обращала внимания. Хруст сучьев под ногами преследователя нахлёстывал в спину. Хриплое дыхание жгло затылок. Я улепётывала без оглядки, но сколько бы ни бежала, преследователь,

косматый и злой, всё равно заступал дорогу и угрожал окровавленным ножом. Кричал: «Сдохни! Сдохни, тварь! Сдохни за Айку!»

Торчащий из земли корень схватил за ногу. Я упала и ударилась головой об сосновый ствол. Тело пронзило болью. Дышалось с трудом. К горлу снова подступила дурнота. Слезы смешались с тёплыми струйками крови.

Лирия нигде не было — за мной гналась моя совесть. Айка стояла перед глазами живая, прятала покалеченную руку за спину, улыбалась и протягивала букетик васильков, но стоило мне прикоснуться, как она падала замертво. Пластами слезала кожа и плоть, оголяя кости. Из глазниц выползали жирные личинки. У всех было перекошенное от ярости лицо Лирия. Они тянулись ко мне и кричали:

— Это ты убила Айку! Тебе подобные уморили её брата голодом и отрубили ей руку. Убийца! Сдохни!

Безумные видения осаждали сознание. Я пыталась сосредоточиться на чем-то добром и светлом, но мысли всё время возвращались к Айке. Если бы не я, она была бы жива!

Жёсткий сосновый ствол врезался в спину. Только он удерживал меня на тонкой грани реальности. Тёмная бездна небытия надвигалась всё ближе, пока не перенесла меня в туманную пустошь. Я бродила по ней, звала кого-то, но слышала лишь эхо в ответ.

Лицо утёрли мокрой тряпкой. Пахнуло несвежим. Я дёрнула головой, отгоняя дурманый сон, и открыла глаза. На меня уставилась косматая бурая морда. Громадная пасть распахнулась, обнажив клыки, и протяжно рыкнула. Я затаила дыхание, не смея шелохнуться.

Медведь принялся слизывать запёкшуюся кровь с моего лица. Сейчас откусит. Буду без лица, как Айка без руки. А потом Вейас загонит мне в спину нож из жалости. Нет! Нельзя сходить с ума.

Зверь замер. Бездонные глаза смотрели так пронизательно, почти по-человечески.

— О, великий хозяин тайги, отец Дуэнтэ, — заговорила я, перебирая в памяти нянюшкины сказания. Слова молитвы приходили сами: — Именем твоей милосердной жены Калтащ, золотой бабы, заклинаю, прости, что пролила невинную кровь в твоём лесу. Я искуплю её кровью демонов и благими деяниями во славу всей земли мидгардской.

Медведь поднялся во весь рост и закрыл небо. Спина прогнулась. Рёв ударил по ушам. Передние лапы колотили воздух. Сейчас медведь меня задерёт. Просить бесполезно: чужая стихия не знает пощады. Это наказание за то, что убила Айку.

— Брат мой, Ветер, спаси, умоляю, — зашептала я трясущимися губами. Глаза застлала пелена мутных слёз. — Я не хочу умирать!

Налетел ветер, поднял в воздух прошлогоднюю листву и швырнул в косматую морду. Медведь вскинул голову и уставился в небеса. Неподалёку залаяли собаки. Он неуклюже развернулся и скрылся в густых зарослях малинника.

Я измученно выдохнула. Пустая, словно выеденная скорлупа. Выжженная и мёртвая, как земля после пожара. Ни мысли в голове, лишь тупая апатия и ломящая боль в окаменелых от напряжения мышцах. Надвигалась тьма, но лес не отпускал, будоражил шорохами и запахами. Собаки лаяли совсем рядом, спугнули какую-то птицу. Затрещали ветки — кто-то ломился через чащу. Над ухом раздался возглас:

— Она здесь, Вей, быстрее!

— Лайсве! — меня обняли и встряхнули жёсткие руки. — Ты в порядке? Что случилось? Я прищурилась в лучах яркого солнца. Кто этот высокий стройный юноша?

— Да ты вся мокрая, — он принялся стягивать с меня одежду. Я соображала, как сонная муха, а двигалась и того медленней. Вместо протеста получилось нечленораздельное мычание. Резкий рывок отозвался такой болью, что я чуть не упала в обморок.

— Оставь её! — я с облегчением узнала возмущённый голос Вейаса.

— Я хотел помочь! Она сильно ободралась, а на затылке шишка с кулак. Надо её согреть и отвезти к целителю, — оправдывался незнакомец. Я ему не верила.

— Я её брат, а ты чужой. Занимайся лучше своими гончими, — Вейас оттолкнул его в сторону.

Снова залаяли собаки, сучья затрещали под тяжёлыми шагами. Почему так громко?

— Тише, родная, — зашептал Вейас. — Я с тобой — теперь всё хорошо.

Он развязал тесёмки на рубашке, вынул мои руки из разодранных рукавов и стянул превратившиеся в лохмотья штаны. Получалось только тихо стонать, когда брат случайно задевал ссадины и синяки. Вознаграждением за пытки стал плотно обёрнутый вокруг меня плащ, который ещё хранил тепло Вейаса. Лихорадочные мысли постепенно приходили в порядок.

— Заставила же ты нас поволноваться! Ещё повезло, что у Петраса свора гончих оказалась, иначе ни в жизнь тебя в этих лесах не нашли бы, — Вей поднял меня на руки.

Значит, это был наш кузен. Я помнила его сопливым мальчишкой, всего на год старше нас с братом, а сейчас он стал такой взрослый и важный.

— Не расскажешь, что произошло?

Я спрятала лицо у него на плече, хотела укутаться в родной запах, как в плащ.

— Ну и ладно. Ты жива — это главное. Целитель тебя быстро на ноги поставит, вот увидишь.

— Прости, — в горле будто встал сухой ком и царапал изнутри. — Я думала, что буду помогать тебе, но только мешаю. Лучше найди более смышлёного компаньона.

— Перестань! — брат потащил меня к дороге. — Без тебя я бы никогда не отважился на это путешествие. У тебя хорошо получается вдохновлять на подвиги.

— Что, лучше даже, чем у селяночек на сеновалах?

Рядом с братом страх отпускал, словно Вей был моей бронёй. Надо забыть и не думать, не вспоминать произошедшего. Никогда больше!

— Селяночек в Мидгарде, что грязи, а сестра у меня одна. Никто с тобой не сравнится.

Сделалось совсем спокойно. Вей поудобней перехватил меня за талию. В просветах между деревьями виднелись роющие копытами землю лошади и снующие вокруг них поджарые псы.

— К тому же, возможно, и не придётся в Хельхейм ехать, — Вейас усадил меня в седло впереди себя и направился вслед за Петрасом.

***

Я уснула в самом начале дороги и очнулась, лишь когда брат снимал меня с лошади и нёс к спрятанной посреди соснового бора усадьбе.

— Охотничий домик, — пояснил идущий впереди Петрас и распахнул дубовую дверь. — Здесь удобнее, чем в моём замке в Будескайске, и не надо беспокоиться, что кто-то из слуг донесёт ищейкам или вашему отцу.

Вейас устроил меня на приземистой лежанке, накрытой соломенным тюфяком, спеленал шерстяными одеялами и подложил под голову побольше подушек. В камине напротив потрескивали смолистые дрова. Вей взялся за кочергу и принялся шевелить их, чтобы разжечь пламя сильнее.

Кузен скрылся в глубине дома. Должно быть, разыскивал следившего за хозяйством слугу. Раздались возбуждённые голоса.

— Я уже не мальчик, а вы не мой наставник, чтобы меня отчитывать! Я хозяин и лорд, всё будет по-моему!

Ответа я не расслышала — только успокаивающий, миролюбивый тон, похожий на тот, каким нянюшка умирляла наши с братом детские истерики. Наверху затопотали и бегом спустились по лестнице. Вейас обернулся.

— Я договорился — за Лайсве присмотрят. Перекусим и будем выдвигаться. Нас уже ждут, — обронил Петрас и снова ушёл.

— Вы уезжаете! — разочарованию не было предела.

Конечно, Петрас поможет Вейасу гораздо больше, чем я. Все уверения — вранье, чтобы не расстраивать и без того побитую сестрицу.

— Вернёмся к ночи. Я обещал Петрасу кое в чём подсобить, — Вейас погладил меня по волосам, напоминая отца.

Как он там один? Совсем, похоже, истосковался, раз решил пустить по нашему следу ищеек. Может, стоит вернуться и забыть обо всём. О боли, вине и страхе, что грызли меня изнутри, даже когда я старалась отгородиться. Но нет, повернуть время вспять не удастся, как и перечеркнуть пройденный путь. Айка и Лирий теперь всегда будут в моих мыслях и сердце.

— Не грусти, — брат ущипнул меня за щёку, как в детстве, и последовал на кухню за Петрасом.

Долго оставаться одной не пришлось. По лестнице спустился невысокий мужчина в просторных штанах и рубахе из белёного льна. Обещанный целитель Петраса? Лицо у него было плоское и круглое, как блин, смуглое, с узкими раскосыми глазами. Тёмные, побитые сединой волосы связаны в тонкую косицу, спускающуюся до середины лопаток. Рукой он опирался на узловатую клюку с медвежьей головой вместо набалдашника. Я передёрнула плечами, вспоминая, как хозяин тайги облизывал моё лицо. Взгляд у этого целителя был такой же — цепкий, пронзительный, изучающий.

Он водил надо мной руками, широко растопырив длинные пальцы. Ничего необычного в его жестах не было — так делали все целители, но мне почему-то стало не по себе. Сдавленно закричав, он опустил ладони.

— Нужно вернуть девочку отцу: она очень истощена, — крикнул он.

В дверном проёме показался Петрас.

— Юле, мы ведь всё уже обсудили, — он оперся плечом о косяк и сложил руки на груди. — Вылечи её. В конце концов, должен же ты своё содержание отрабатывать. Остальное тебя не касается. — Обратился к моему брату: — Едем.

Кузен направился к выходу, Вейас вышел следом, дожёвывая кусок хлеба и запахивая плащ.

— Удачи, куда бы вы ни шли, — я протянула к брату руку.

Он полуобернулся и подмигнул мне уже у двери.

— Шустрей! Упустим время — они уйдут, — забранился с улицы Петрас, и Вейас

поспешил за ним.

— Молодость-молодость, земля на отцовской могиле не остыла, а он уже властелином Мидгарда себя возомнил, — покачал головой целитель, глядя на дверь, за которой скрылись мальчишки.

Я поднялась на локтях, чтобы получше рассмотреть его. А вдруг он, как Лирий? Выпутавшись из одеял, я забила в самый угол кровати у стены. Нет, так нельзя, я не должна бояться каждой тени, иначе сойду с ума и стану для Вейаса ещё большей обузой.

— Вас зовут Юле? — заговорила я, чтобы отвлечься от кошмаров и увериться, что мои страхи пусты. — Необычное имя. Вы не из этих краёв?

— Юле-икке, если полностью, — говорил он правильно, только картавил и тянул слова. — Я родился на крайнем севере, у самой Червотчины, в племени утгардских оленеводов. Только не осталось их совсем. Тоже молодость из тундры выгнала, заставила судьбу на чужбине искать.

Он с досадой махнул рукой и ушаркал за дверь на кухню. Надо же, из самого Утгарда — не думала, что там кто-то живёт, тем более Сумеречники. Юле вернулся с чашкой дымящегося отвара и протянул мне. Я с опаской принялась вертеть её, принимаясь к парам: корень валерьяны, солодка, мята, масло облепихи — лишь ничтожную часть ингредиентов удалось узнать, но отравой они не показались. Я решила плотно. Напиток обжёг горло и быстро согрел, обволок изнутри мягкостью и спокойствием. Глаза начали слипаться, и я обмякла на кровати, растеряв остатки настороженности.

— Расскажите про север, — попросила я, разглядывая подёрнутое сеточкой морщин лицо.

— Ммм? — удивился Юле, но всё же заговорил, наблюдая, как я медленно, глоток за глотком опорожняю чашку. — Там снег. Его так много, что в некоторых местах он не исчезает даже в середине лета. Полгода там властвует солнце и полгода луна. Горы так высоки, что подпирают собой небо и пиками достают до парящих в облаках городов первостихий. Ущелья опускаются так глубоко, что на их дне бурлит Сумеречная река, неся души к новому перерождению. Она единственная не замерзает, даже когда океан сковывает толстая корка льда, а воздух становится густым и плотным настолько, что гудит и с треском двигается даже без ветра. В полугодовую ночь в небе появляется огненная корона. Зелёные, синие и красные полосы сливаются в диком танце, изгибаясь зубастыми волнами, и пульсируют под музыку сфер мироздания, но ухо ничего различить не может. Человека охватывает безумие, и он следует за Северной звездой через семь Врат червотчин. А дальше, внутри подземного лабиринта, его уже ждёт новорождённый демон, чтобы полакомится вдоволь, прежде чем выбраться на свет мидгардский.

— Как зловеще! — заморожено выдохнула я, допив последний глоток.

Перед глазами возникали целые картины, почти как когда нянюшка рассказывала сказки о героях древности. Я придвинулась ближе к целителю:

— А демоны, вы их видели?

Юле надавил мне на плечи, заставляя лечь обратно, и положил руки мне на голову, перебирая пальцами волосы, отчего кожу едва заметно покалывало.

— Демонов я видел множество: и мохнатых конеподобных ненниров, и косматых, ростом со скалу гримтурсов, и прекрасноволосых туатов, и коварных Лунных Странников, и зубастых варгов, и сладкоголосых никс, и трудолюбивых ниссе и ещё бездну всяких созданий, великих и малых, хитрых, злокозненных, но иногда даже мудрых и

могущественных.

— Они настоящие? Но люди говорят...

— Людям трудно поверить в то, чего они не видят. А ведь наш мир гораздо больше, чем можно познать глазами, ушами, носом, ртом или через прикосновения. Даже мы, кто вместе с родовым даром награждён развитым чутьём, ощущаем лишь малую часть того, что есть на самом деле.

Юле приблизил ладонь к моей, но не прикоснулся. Между нашими пальцами вспыхнули светло-голубые искры, почти такие же, как в святилище дома.

— Здорово!

— Лишь малая часть, — снисходительно улыбнулся Юле, играя мелкими морщинками в уголках тёмных глаз. — Скажи, у тебя недавно не было обмороков?

— Это от волнения. Столько всего произошло, — смущённо потупилась. — Я мало ем и плохо сплю, да?

Юле тяжело вздохнул и покачал головой:

— Знавал я людей, которые питались солнечным светом и спали по два-три часа. Твоё восприятие изменилось, разум начал перестраиваться, а тело за ним не поспевает. Обычно с женщинами такое случается позже, когда за плечами есть муж и взрослые дети. Но в твоём возрасте подобный переход очень опасен. Тело или, того хуже, разум может не выдержать. Поэтому я и сказал, что лучше бы тебе вернуться к отцу.

— Нет, — в груди поднялась волна горечи и упрямства, хотя до этого я думала о том же. — Дома меня выдадут замуж за недостойного человека, и я умру либо на родильном ложе, либо от яда. А даже если и нет, то что за жизнь в золочёной клетке? Только покинув дом, я увидела мир, узнала... Нет, я ещё ничего не знаю, не понимаю, но хочу понять... Вот вы, к примеру...

— Я? — Юле смешно сдвинул сросшиеся на переносице брови.

— У вас сильный дар, по всему видно. И знаете вы побольше, чем многие из наших, но родились-то вы не в замке, не в семье Сумеречников. Откуда он у вас?

Целитель смутился, но думал не очень долго:

— Вы, южане, слишком печётесь о своём происхождении. А богам и дела нет, родился ли ты в замке на холме в семье рыцаря или кухаря, в рыбацкой деревушке на берегу бескрайнего океана или в племени оленеводов на дальнем севере. Как бы люди ни старались в своей гордыне подчинить силу богов, она всё равно будет следовать высшим замыслам, которые разумом объять не дано даже мудрецу из мудрецов. Предназначение можно лишь почувствовать, вот здесь, — Юле коснулся моей груди, где билось сердце. — Когда ты ощущаешь трепет или благоговение, знай, боги проходят рядом, дотрагиваются крыльями, защищают и направляют по нужной дороге.

— Только есть ли боги на нетореных тропах? — тоскливо спросила я.

Юле снял с шеи массивное ожерелье и надел на меня. Я с любопытством разглядывала подарок. Ожерелье было собрано из клыков и деревянных бусин с вырезанными на них колдовскими рунами.

— Если когда-нибудь нетореная тропа заведёт тебя в наш суровый край, сожми его в руке и позови — помощь придёт, пускай не от богов, но от людей уж точно.

— Надеюсь, что помощь мне больше не понадобится.

Хотелось спать. Усталость всей тяжестью навалилась на плечи, но тревожные мысли не позволяли успокоиться. Я спросила — ведь Юле казался таким мудрым, он обязательно

должен был знать:

— Почему единоверцы называют нас убийцами?

Целитель неловко отвёл взгляд:

— Потому что идёт война, она повсюду, в каждую душу тернии запустила, а что после останется — никто не знает. Может, головешки, а может, и похуже что из тех терний прорастёт. И убивать уже будет каждый. Но если ты не хочешь, не надо. Спи.

Юле поднёс руку к зажжённой на тумбочке свече и пальцами потянул из неё пламя, пропуская сквозь себя. Огонь мелкой сетью выходил из другой его руки и окутывал меня пламенеющим покровом.

— Иногда раны прячутся настолько глубоко, что на теле их не увидеть. Они гноятся, вызывают лихорадку и никогда не зарастают до конца, разъедая тебя изнутри. Не отдавай душу на милость тлену — он убьёт её. Забудь боль, оставь лишь вопрос, на который надо отыскать ответ. Это поможет не сойти с ума.

Голос целителя убаюкивал не хуже зелья: тревога отступала, уходило в туман искажённое гневом лицо Лирия, перепачканный в крови балахон Айки и медвежий рёв. Тёплая безмятежность заполонила царивший в домике полумрак. И казалось, что сама мать Братьев-Ветров, прекрасная Белая Птица, поёт мне волшебную колыбельную.

Я проснулась, когда в прихожей хлопнула дверь, раздались шаги, зашелестела одежда, о чем-то едва слышно переговаривались. Юле рядом не оказалось. В комнате было темно, лишь головешки тлели в камине, подмигивая рыжеватыми всполохами. На пороге зажёгся огонёк свечного фонарика. В его неровном свете вырисовался стройный силуэт Вейаса, а потом и Петраса, шедшего следом.

— Чего не спишь? — удивился брат.

Я пожалала плечами. Не говорить же ему, что они гремели, как табун бешеных лошадей, и весь сон разогнали.

— Где вы были?

Вейас потупился и перевёл взгляд на кузена. От них несло кровью, огнём и смертью. У моего брата этот запах смешивался со стыдливостью и едва заметным страхом, а вот Петрас, наоборот, был уверен в себе и спокоен. Но он медиум. Они всегда смердели кладбищем, и находиться рядом было немного жутко.

— В окрестностях объявилась шайка бунтовщиков. Простолюдины пожаловались, что те подстрекают их к восстанию. Нужно было разобраться, — нехотя сознался Вейас и отвернулся.

Я вздрогнула. Он же говорил о товарищах Лирия и Айки!

— Что произошло? — я схватила брата за руку, заставив смотреть в глаза.

Вейас покачивал головой из стороны в сторону, избегал моего взгляда и искал поддержки у Петраса. Кузен достал из ножен меч и принялся любовно стирать с него бурые пятна.

— Милость им оказали, — он обрисовал пальцами петлю вокруг шеи, свесил голову набок, закатил глаза и высунул язык.

Вейас неловко рассмеялся, получив от Петраса пинок в бок. Я отвернулась, пряча слезы:

— Среди них был темноволосый мужчина со шрамом на щеке?

— Да, предводитель их, совсем из ума выжил — на меня с топором бросился. А почему спрашиваешь? — Петрас развернул меня к себе. — Это он тебя обидел? Не бойся, я выпустил ему кишки.

Значит, Лирий мёртв. Они все мертвы. И Айка бы тоже умерла, даже если бы не встретилась со мной. Я тихо всхлипнула.

Влажные губы Петраса коснулись моего лба. Почему он не понимает, что сейчас не время? Почему не видит, что мне плохо и я хочу побыть одна?

— Оставь её! Идём, — Вейас потащил Петраса за руку на кухню, одарив меня понимающим взглядом.

Я снова задремала. Только под утро услышала, как заскрипели половицы. Вейас, один он так тихо красться умеет, пройдоха. Лёг рядом на одеяло и зашептал:

— Не спишь?

— Да как тут уснёшь, если тебя постоянно будят?

Его будто прорвало. Слова лились нескончаемым потоком, не все фразы удавалось разобрать.

— Я тоже не сплю. Не могу. Постоянно вспоминаю их лица. Не думал, что смерть — это так ужасно, особенно когда сам помогаешь затянуть петлю. Кузен сказал, что научит меня быть Сумеречником, сказал, что это проверка на смелость... Я думал, он покажет, как отслеживать демонов, заманивать их в ловушки, использовать дар, но эти бунтовщики... Кроме их сумасшедшего главаря, никто и не сопротивлялся. Они просто стояли на коленях и молились, пока мы одевали им на шею удавки. Я все же слабак, раз не могу преодолеть жалость, да? Давай всё-таки вернёмся. Кого мы дурачим? Мне никогда не стать доблестным воином без страха и упрёка, а ты ещё одной такой ночи не выдержишь.

Я вгляделась в искажённое рассветными сумерками лицо, самое родное, но всё же способное удивлять. Вейас всегда выглядел уверенным — это я постоянно искала у него поддержки, а теперь он просил её у меня, со всеми моими страхами и сомнениями.

— Мы справимся. Я сильнее, чем кажусь. И ты тоже, — я переплела с ним пальцы.

Вейас тесно прижался ко мне, я гладила его по волосам, пытаюсь успокоить.

— Только давай уедем отсюда поскорей. Не нравится мне, что Петрас заставляет тебя делать.

— Мы не можем, — Вейас отстранился. — Тебе нужно время, чтобы восстановить силы. Нам нужны деньги, чтобы на что-то жить. К тому же Петрас обещал помочь с испытанием. Надо быть честными с собой, Лайсве, я слаб. Я даже тебя защитить оказался не в состоянии. Верхом самонадеянности было думать, что мы сможем добраться до Хельхейма. Петрас поможет мне попасть в орден без этого.

— А как же вэс и твоё желание доказать всем, что ты сам чего-то стоишь? — возразила я, но сожалела больше всего, что не смогу увидеть все чудеса севера, о которых вчера рассказывал Юле и... ледяной саркофаг, раскачивающийся на семипудовых цепях за воротами Червоточин. — И как же я? Мне тогда придётся вернуться к отцу и выйти замуж за Йордена.

— С этим Петрас тоже обещал помочь.

— Как?

— Не знаю, но это наш единственный шанс.

От такого шанса было тошно. Я попыталась отвернуться, чтобы закончить дурацкий разговор, но Вейас не пустил: взял мою ладонь и приложил к губам.

— У тебя сейчас взгляд совсем как у отца после провального поединка, — брат улыбнулся так печально, что от жалости засосало под ложечкой. — Разочарована, да?

Я покачала головой и поспешила обнять его.

— Я люблю тебя. Ты мой брат. И как бы там ни было, всегда им останешься.

Вейас натужно выдохнул.

— Можно, я немного полежу с тобой. Одному не спится.

— Конечно, кровать большая.

Я отвернулась к стенке и затихла. Прошло примерно с четверть часа, когда Вейас прижался ко мне поближе и положил руку на плечи. Так лучше, спокойней.

Когда я проснулась, Вейаса рядом уже не было. Они с Петрасом снова куда-то запропастились, оставив меня мучиться от тревоги и тоски. Под вечер следующего дня я не выдержала: решила размяться. Накинула поверх рубахи распашное мужское платье с поясом, которое Юле оставил на стуле рядом с кроватью, и поковыляла по комнате отвыкшими ногами. Дверь на улицу вдруг распахнулась.

— О, гляди-ка, она уже ходит! — восхитился замерший в проёме Петрас. — Я же говорил: мой целитель быстро её подлатает.

Вчера от изнеможения всё плыло перед глазами, и только теперь удалось разглядеть кузена хорошенько. Он стал красавчиком: густые волосы насыщенного тёмно-каштанового оттенка стянуты в пук на затылке, нос орлиный с изящной тонкой горбинкой, уголки чувственных губ приподняты в обаятельной улыбке, не такой, конечно, шаловливой, как у моего брата, но гораздо более интимной. От неё даже у меня, равнодушной к мужским чарам, по спине пробегали мурашки. Тёмные, почти чёрные глаза смотрели прямо и дерзко, словно не знали ни стыда, ни страха. Под расстёгнутой у ворота на несколько пуговиц белой рубахой бугрилось мускулами натренированное тело. Манило прикоснуться.

Я трянула головой, отгоняя неприличные мысли.

— Не стоило тебе вставать, — вошедший следом Вейас поднырнул под руку Петраса, приподнял моё лицо за подбородок и принялся осматривать. — Отдохни побольше — спешить некуда.

— Соскучилась, — я вглядывалась в родные голубые глаза с жемчужными крапинками. Чтобы Петрас не услышал, шепнула на самое ухо: — Ты был не в себе, я переживала.

— Забудь, — отмахнулся он. — Отдыхай.

Вейас вернулся в коридор за какими-то тюками и, взвалив их на плечо, потащил на кухню. Я покорно поплелась к постели. Должно быть, также чувствуют себя собаки, побитые ни за что ни про что любимым хозяином. Растянулась на перине и уставилась в потолок, совершенно забыв о Петрасе. А он не забыл. Прожигал пристальным взглядом, а потом устроился на кровати возле меня.

— Не хмурься — тебе не идёт, — на его устах играла всё та же соблазнительная улыбка, от которой меня бросало то в жар, то в холод. Я суматошно пыталась придумать, что ему ответить. Почему с Вейасом перебрасываться колкостями и делиться самым сокровенным так просто, а с другими мужчинами я словно язык проглатываю? Хорошо хоть, не жеманничаю: терпеть не могу жеманниц. Не дождавшись ответа, Петрас продолжил: — Вей из-за предстоящей охоты переживает. Я тоже в первый раз волновался, но потом привык. Сейчас это не страшней, чем вепря или лося убить.

— Так вы собираетесь охотиться на демона, настоящего демона?

— На белого варга. Мы хотим добыть трофей для ордена.

— Но вельва переменила назначение. Теперь Вейас должен добыть клыки вэса.

— А кто подтвердит её слова?

— Отец, гости, дядя Кейл — все, кто присутствовал на церемонии взросления.

— А вот и нет, — хохотнул Петрас. — Все сделают вид, что этого не было. А был

только приказ ордена, скреплённый печатью и подписью глав Совета. Там сказано: чтобы стать Сумеречником, Вейас должен принести шкуру белого варга. Вашему отцу нужно было это понять, а не пороть горячку.

От пренебрежительного тона Петраса стало неприятно. Внешний лоск и обаяние молодого Сумеречника как ветром сдуло, теперь кузен казался мне неприятным, высокомерным и злым. Говорить тут же стало намного проще:

— Мы перепугались после слов карги. Она напомнила, как умерла мама! — Из-за моей отповеди смутился уже Петрас. Я улыбнулась, чтобы скрыть неприязнь. — Так когда охота? Завтра? Возьмите меня с собой — я издалека посмотрю. На рожон лезть не буду, обещаю.

Моя улыбка его подкупила: глаза блеснули и едва заметно прищурились. Я облизнула пересохшие от напряжения губы. Нужно перетерпеть, пока брата не примут в орден, а потом мы уедем, и если когда и встретимся с кузеном снова, то исключительно во время больших торжеств.

— А ты смелая, совсем не такая, как остальные девчонки, — Петрас продолжал поедать меня хищным взглядом. — Помнишь, как мы в детстве играли в Сумеречников и демонов? Ты забиралась на верхушку высоченной сосны, а я должен был тебя спасти от коршуна-великана, за которого был Вейас.

Моя улыбка стала совсем натянутой. Мы с братом эту игру ненавидели: Вейасу доставались горы тумачков, а победить он не мог, потому что побеждают всегда Сумеречники. Мне же приходилось выслушивать бесконечную череду глупых комплиментов и терпеть, пока Петрас лбызал мои руки. Однажды он обнаглел настолько, что попытался поцеловать меня в щёку. Повезло, что Вейас тогда швырнул в него шишкой, и я сумела сбежать. Не хотела бы, чтобы кузен снова полез целоваться, несмотря даже на то, что он уже не прыщавый юнец, а обаятельный взрослый мужчина.

Петрас оценил моё молчание по-своему:

— Нужен ещё день, чтобы подготовить ловушки и приманку. Если Юле отпустит, то я поищу укромное местечко, откуда ты сможешь всё хорошенько рассмотреть.

— Ура!

Увидеть настоящего живого демона — мечта! От радости я обняла кузена за шею.

За спиной раздалось покашливание. Я отпустила Петраса и обернулась. Вейас замер у двери в кухню и, сложив руки на груди, смотрел с укоризной.

— Петрас согласился взять меня на охоту, если Юле разрешит.

— А у меня он разрешения спросить не додумался? — огрызнулся брат. Как самому селянок по сеновалам тискать — так это в порядке вещей, а если я вдруг кузена по-дружески обниму — сразу конец времён! — Я её единственный кровный родич — моя обязанность её защищать. На охоте может быть опасно.

— Я осторожно, обещаю!

Парни даже не посмотрели в мою сторону, прожигая друг друга грозными взглядами. К чему эта ревность? Одному я сестра, другому — приятельница.

— Выйдем, — пугающе спокойно предложил Петрас и увёл Вея на кухню.

Я на цыпочках прокралась через всю комнату и приложила ухо к замочной скважине.

— Чего ты ерепенишься, как щенок борзый? Я же тебе помогаю, прояви хоть каплю благодарности! — отчитывал моего брата Петрас. — Сестру, что ли, ревнуешь? Так ты ей не муж, и им никогда не станешь. Смирись уже и будь мужчиной.

— Никого я не ревную! — зло оборвал его Вейас. — Просто пока она не вышла замуж, я

за неё отвечаю. У тебя нет сестры, тебе не понять, каково мне видеть, как очередной беспринципный тип заливается перед ней соловьём, чтобы воспользоваться её наивностью.

— Не суди всех по себе! — Голос Петраса оставался таким же твёрдым, показывая, кто хозяин этого дома и положения. — Да и какой из тебя защитник? Вспомни, как ты умолял меня о помощи, когда она пропала. Без меня ты ни на что не годный сопляк, способный только зубоскалить и таскаться за каждой встречной юбкой. Я сделаю из тебя Сумеречника, а твою сестру избавлю от обязанности выходить замуж за мерзавца. Уйми уже свои собственнические замашки и не лезь мне под руку!

Вейас молчал, но я через дверь ощущала его безысходную ярость, стыд и тоску. Может, в словах Петраса и была доля истины, но он не имел права унижать моего брата и попрекать заботой обо мне. Если бы я стояла там, то расцарапала бы наглецу лицо, и плевать, что он намного сильнее меня и мы от него зависим.

«Не слушай его. Ты самый лучший. Давай уйдём. Не нужна нам его помощь», — мысленно обратилась к Вейасу, хотя не верила, что он услышит.

«Нет, он прав. Я должен покориться ради тебя и рыцарства. Ты ведь будешь мной гордиться, если я пройду это демоново испытание с помощью Петраса?» — отозвался в голове его голос.

Я улыбнулась по-настоящему, искренне — жаль, что Вейас не мог видеть моего лица через стенку.

«Я буду тобой гордиться, даже если ты его не пройдёшь».

— Я понял. Извини, — ответил он Петрасу. — Я разрешу Лайсве отправиться с нами на охоту, если ты дашь слово, что с ней ничего не случится.

— Клянусь честью Сумеречника.

Послышались шаги. Я со всех ног бросилась к постели и нырнула под одеяло. К огромному облегчению успела до того, как на пороге с торжествующей улыбкой показался Петрас.

— Мы обо всём договорились. Послезавтра поедешь с нами, но только если Юле скажет, что ты здорова. Так что отдыхай.

Я кивнула и даже поёрзала для пущей убедительности, но на шею вешаться не стала. Вейас хмуро наблюдал за нами из дверного проёма. Не хотелось ранить его ещё больше. Как же тяжело, когда близким причиняют боль, а ты не можешь ничего с этим поделать!

Глава 9. Взрослые игры

1526 г. от заселения Мидгарда, охотничий домик Гедокишмска, Кундия

К вечеру мне позволили встать и поужинать вместе с парнями. Легли спать поздно. Я только сомкнула глаза, как наступил рассвет и за окном запели соловьи. Им вторили другие лесные птицы — я не особо прислушивалась, да и названий их припомнить не могла. Послышались отрывистые шаги. Я притворилась спящей. Это был Вейас. Я узнала его едва уловимому шлейфу эмоций: грусти, томления и чего-то тлеющего, названия чему я не припоминала, как и названий тех птиц за окном. Брат убрал волосы с моего лба и поцеловал, шепча что-то неразборчивое. По лестнице уже спускался Петрас. Вейас воровато оглянулся и выскользнул за дверь в коридор — я наблюдала сквозь приоткрытые веки.

— Не спишь? — кузен занял место моего брата у кровати. — Я приготовил для тебя три подарка. Ты ведь любишь подарки? Никак не мог их вручить — всё наедине побыть не

получалось.

Он выразительно глянул на дверь, намекая на Вейаса. Мне брат не мешал ни капельки! Но я промолчала, не желая и дальше накалять отношения.

— Первый хочу вручить тебе сам сейчас, — Петрас достал из-за пазухи массивный серебряный кулон на кожаном шнурке и надел мне на шею. — Амулет из Кишно — большая редкость. С ним ищейки не догадаются, кто ты, даже когда будут смотреть тебе в глаза.

От удивления я распахнула рот и принялась рассматривать украшение. Три защитные руны, заключённые в круглую оправу с небольшими лучиками. Пальцы покалывало, когда я касалась отполированной поверхности. Такие мощные вещицы стоили целое состояние!

С удовлетворённой улыбкой наблюдая за моим лицом, Петрас протянул мне небольшой твёрдый свёрток.

— Второй откроешь, когда мы уйдём. А этот, — последний свёрток оказался большим и мягким, — побереги до праздника.

— Праздника? — я подалась вперёд.

— В честь вступления твоего брата в орден, — подсказал Петрас, лукаво ухмыляясь.

— Вы ведь не на охоту? Ты же обещал взять меня с собой! — переполошилась я и подскочила.

— Нет, охота завтра. Сегодня мы только место подготовим, — Петрас легонько подтолкнул меня обратно на кровать. — Отдыхай. Если я что обещал — значит, сделаю.

Он обнял меня и поцеловал в губы, быстро и коротко — я даже отреагировать не успела, и ушёл в коридор, не оборачиваясь. Я таращилась ему вслед. Когда шорохи стихли и громко скрипнула дверь на улицу, я встряхнула головой, приходя в себя. Задумчиво провела пальцами по губам. Что ж, это было совсем не так ужасно, как с Йорденом. Или я себя успокаиваю? Поскорее бы закончилась охота, и мы с Вейасом смогли уехать.

Чтобы отвлечься, я развернула подарок поменьше — большой ведь велено было сохранить до «праздника». Да, я послушная и вовсе не любопытная, вот ни капельки. Да тут и гадать не нужно — там платье. Похоже, Петрас решил вырядить меня в красотку. Надеется, что так я стану благосклоннее? Вот уж вряд ли.

В маленьком свёртке оказалась книга с чистыми страницами. Надо же, дневник! Как у настоящих путешественников-первооткрывателей, куда они записывали всё новое и волнующее, что встречалось им на пути. И я тоже буду. А кто-то через много лет прочтёт и удивится, какой насыщенной и необычной была моя жизнь.

Я выпросила у Юле пузырёк с чернилами, гусиное перо и песок для сушки. Просидела с дневником до обеда, записывая всё, что приходило в голову: мысли о доме, отце, детские воспоминания, сомнения и страхи. Быть может, эти записи помогут какому-нибудь моему потомку, юной, заплутавшей на нетореных тропах девушке, которая тоже не будет знать, что делать с непрошенными чувствами окружающих её мужчин. Вряд ли у меня будут дети, а вот Вейас вполне может оставить после себя наследников. Я завещаю этот дневник кому-нибудь из них.

О, брат мой, Ветер, какие же глупые мысли! Но Петраса стоит поблагодарить — вот уж угодил так угодил с подарком.

Парни вернулись к ужину. Вместе мы смеялись и обсуждали планы на завтра. Спать на этот раз легли пораньше. За час до рассвета уже поседлали лошадей и выехали по едва заметной стежке, ведущей в глухую чащобу. Петрас тащил за собой на привязи белую овцу в кроваво-алой попоне, обкуреной благовониями. Следом бежала свора лохматых серых

волкодавов с массивными челюстями на устрашающих косматых мордах. Свирепые звери. Не хотела бы попасть к таким в немилость. Петрас хвастался, что звероусты из младших чинов ордена надрессировали их за версту чуют демонов и самостоятельно идти по следу. Они должны будут поднять варгов из логова и выгнать на открытое место, чтобы те смогли почуять приманку. Посмотрим, насколько псы умны на самом деле.

Парни нашли логово варгов в тот день, когда вешали единоверцев, но сунуться не решились. Вчера они изучали место, расставляли капканы, искали надёжные укрытия, откуда бы дичь не смогла их почуять. Сейчас нужно было только спрятаться и подождать.

Мы навязали лошадей пастись на небольшой лужайке, оставив их на попечении нескольких крупных собак, и, спустив волкодавов с поводков, отправились в чашу вместе с овцой. Она вздрагивала от любых шорохов, будто догадывалась о своей участи. Возле небольшого прудика мы обмазались тиной, чтобы хоть немного отбить запах. Воняло от нас изрядно, но я всё равно сомневалась, что демонов это проведёт, впрочем, свои опасения вслух не высказывала. А ну как парни решат, что я трушу, и отправят домой?

К рассвету мы дошли до большой поляны, где располагалась засада. Расставленные по кругу волчьи капканы посверкивали острыми зубьями в редких солнечных лучах. В центре, под каркасом из тонких жердей, укрытых еловыми лапками, дёрном и мхом, пряталась большая яма с кольями. На двух толстых вековых дубах на противоположных краях поляны висели клетки из жердей потолще и попрочней.

Вейас пошёл проверять, не попал ли за ночь в ловушки нечаянный зверь. Петрас отвёл меня в укрытие. Оно притаилось на верхних ветках огромной разлапистой сосны, между которыми было прибито сиденье из досок. Я закинула на плечо лук и колчан со стрелами. Петрас посадил меня на первую ветку. Когда я добралась до сиденья, он потащил упирающуюся овцу к яме с кольями. Подтолкнул её на хлипкий каркас и одним движением лезвия перерезал горло.

Ещё в Ильзаре вместе с Веем мы пробирались на бойню и видели, как режут скот. В первый раз было жалко до слёз, но потом ощущения притупились. Когда овца захрипела и завалилась всей тушей на еловый лапник, я чувствовала лишь лёгкое недоумение. Думала, каркас не выдержит, но он устоял. По напитанному утренней прохладой воздуху разлился терпкий, усиленный благовониями запах крови. Послышался грозный собачий лай. Вейас забрался на один из дубов с клеткой. Петрас подбежал ко второму и крикнул напоследок:

— Они наводят мороки. Помните, что бы вы ни увидели — это иллюзия. Единственная правда тут — мы трое и наша Охота, наш дар и призвание Сумеречников, истинных хозяев Мидгарда.

Опять его понесло на пафос.

— Кончай уже! Всем и так ясно! — сварливо прикрикнул Вейас. Видно, сдали нервы.

Петрас полез на дерево, подтягиваясь с одной ветки на другую.

И тут я почувствовала. По телу пробежали мурашки, вздыбливая все, даже самые мелкие волоски. Под ложечкой засосало от страха. Я закрыла глаза, как наставлял отец ещё в замке. Перед внутренним взором раскинулось чёрное полотно с яркими вкраплениями густой, зловеще-зелёной ауры, окружённой огненно-рыжими всполохами. Демоны, с дюжину — не меньше. Значит, Лирий ошибся, а Юле сказал правду: они действительно существуют. Только мы, Сумеречники, способны почувствовать их до того, как станет слишком поздно. Значит, у ордена есть цель и она праведна.

Раскатистый рык вперемешку с жалостливым скулёжем приближался, давил на уши,

заставляя трепетать в предвкушении опасности. Зашелестела прошлогодняя листва под лапами хищников. Варги вывалили на поляну, огрызаясь на собак.

Петрас не солгал: псы действительно оказались на диво сообразительны — словно по команде замерли на опушке, залегли в высокой траве, не выпуская дичь с поляны. Варги попятились, не желая вступать в открытое противостояние. Роста они с волкодавами были одного, рыжие шкуры в бурых пятнах по бокам, на хребте дыбом стояла полоса тёмной шерсти. На выпяченной бочонком груди шерсть, наоборот, светлела. Сплюснутые морды щерились, обнажая полные острых зубов пасти.

Носы по ветру: варги учуяли пенившуюся из разрубленного горла овцы кровь. Они припали к земле и подползли к ловушке.

Я насчитала одиннадцать рыжих тварей и ни одной белой. Зачем они нам? Ловушки испортят, а толку не будет. С тревогой глянула на Петраса. Тот выставил вертикально руку с раскрытой ладонью — просил подождать. Хитрющие твари обходили капканы, одному даже удалось ступить так, чтобы железные зубья захлопнулись, захватив лишь воздух. Грянул зловещий хохот. Другие варги тоже кинулись портить капканы, надрывая животы от смеха. И смеялись они над нами, глядя выпяченными зеленовато-жёлтыми кругляшами глаз с узкими полосками зрачков. Глупые людишки возомнили себя охотниками, а охота-то идёт на них самих!

Волкодавы заскулили в ужасе. Варги развернулись и бросились на них. Я даже моргнуть не успела, как демоны разорвали их на ошмётки. Бедные пёсики! Ни хвалёная дрессура, ни сообразительность ничуть не помогли против коварных тварей!

«Вы это планировали?» — с брезгливостью наблюдая за кровавым побоищем, мысленно спросила я у брата.

«Издеваешься? — послышался угрюмый ответ. — Я предупреждал, что тебе не стоит участвовать, но кто меня слушает?!»

Ворчун! Будем надеяться, что по деревьям варги лазить не умеют. Я глянула на Петраса. Тот держал руку вертикально, предостерегая от любых действий.

Варги вернулись на поляну. Ухватившись мощными челюстями за ноги овцы, они стащили её с каркаса. Жерди сломались и опрокинулись в яму. Варги злорадно захохотали, сверкая жуткими глазищами. Вдруг стихли и замерли. Самый крупный напряжился и подпрыгнул высоко над землёй, издавая отрывистый клич: «ияк-ияк-ияк».

Петрас напрягся. По его лбу катился пот. Кто-то вторил варгу со стороны леса. Тишина взорвалась шорохами, криками птиц и переполошённым визгом мелких зверьков. Мощными прыжками на поляну выскочил косматый чёрный демон. Он был выше и крупнее остальных варгов. Твари расступились, пропуская его к добыче. Челюсти с чавканьем вонзились в плоть овцы — демон вырвал шмат мяса из шеи и, причмокивая, принялся жевать.

— Королевская самка, — пробормотал Петрас.

Он потянулся за стрелой в висевшем за спиной колчане. Наложил её на лук, прицелился и отпустил тетиву. Один из варгов оттолкнул королеву. Стрела вонзилась в многострадальную тушу овцы. Демоны обернулись на Петраса и зарычали. Он снова прицелился по самке, которая как ни в чём не бывало грызла тушу. Стрела опять не долетела — один из рыжих варгов перехватил её в воздухе. Остальные группками по трое-четверо подбежали к нашим деревьям и принялись точить их зубами и когтями. Первой дрогнула моя сосна. Я уцепилась за ствол.

— Держись! — потеряв самообладание, выкрикнул Петрас.

Он прицелился по демонам, осаждавшим моё дерево, но Вейас оказался быстрее. Его стрела первая ужалила в бедро одного из демонов. Тварь заскулила, припадая на заднюю лапу, и тут же получила ещё одну стрелу между рёбер от Петраса.

Дерево перестало шататься. Я тоже смогла прицелиться.

«По глазам стреляй», — предупредил брат.

Петрас вслух сделал то же самое. По глазам, так по глазам. Я отпустила тетиву. Второй варг рухнул с моей стрелой в глазнице. Хорошо! Два демона взамен павших кинулись к моему дереву. Сосна снова затряслась. Больше стрелять не получалось — приходилось обеими руками держаться за ствол. А если рухнет?!

— Ты же сказал, охота на варгов — плёвое дело! — зло крикнул Вейас.

Парни посылали стрелы в демонов, одну за другой. Я закрыла глаза и попыталась успокоиться. Всё будет хорошо! Вейас меня спасёт, иначе и быть не может. Брат мой, Ветер, помоги!

Сделалось жутко, аж озноб по коже пробил. Приближалась ещё одна аура, огромная, взрывающаяся всполохами зелёного огня. Все остальные варги лишь мелкие шавки по сравнению с ней. Я испуганно всхлипнула. Стало темно, как ночью. Парней я не видела, да и демонов тоже. Под ногами шаталось ветхое днище телеги. От меня несло дёгтем, кожу стянуло жёсткой коркой, а тело покрылось маленькими куриными перьями.

— Смотрите! Божественный посланник! — послышался звонкий и чистый голос Айки. Она скакала вокруг телеги и размахивала руками. — Где же твой бог, божественный посланник? Он давно сдох и лежит в гробу!

Падала на спину и хохотала, совсем как варги.

— Хочешь к нему? — спрашивал стоявший сзади Лирий. — Мы устроим!

Связывал мне руки и накидывал на шею удавку. Телега уходила из-под ног, петля затягивалась так, что голову распирало от боли. Вокруг бесновалась толпа единоверцев. Громко смеясь и прыгая, они склоняли головы набок, вываливали языки, закатывали глаза и обрисовывали руками петлю вокруг шеи.

— Сдохнешь, как он! Сдохнешь, как он!

Громче всех кричала Айка.

«Морок, это просто морок!» — отрезвил голос брата, отозвался в груди горячей волной.

Петля на горле лопнула, путы на руках истлели. Я схватила лук и выстрелила. Стрела вошла в глазницу Айки. Направила следующую, не обращая внимания на качающееся дерево. Ещё один единоведец упал. Лирий оскалился. Тьма вспыхнула нестерпимой зеленью и опала, сорвав с глаз колдовскую пелену. Я продолжала сидеть на сосне, накренившейся набок.

— Держи! — крикнул Петрас. В ствол рядом воткнулась стрела с намотанной на неё верёвкой. — Прыгай!

Не раздумывая, я вцепилась в неё и оттолкнулась ногами, вжав голову в плечи. Дерево рухнуло, едва не погребя меня под раскидистыми ветвями. Я чуть не врезалась в дубовый ствол и повисла на верёвке в сажени над землёй. Варги рванули следом и принялись подпрыгивать, чтобы достать до моих ног, а я могла только беспомощно раскачиваться из стороны в сторону. Верёвка жгла руки, хватка слабела, пальцы соскальзывали. Петрас уже тянул меня к себе, когда когти одной из тварей вцепились в штанину. Ткань треснула. Варг коротко взвизгнул и шмякнулся спиной об землю. От штанины остались одни лоскуты, но я уже была вне досягаемости тварей. Подтянулась из последних сил, и Петрас поднял меня на

ветку рядом с собой. Верёвка вывалилась из стёртых почти до мяса ладоней. Заживёт! Я перевела дух и взглянула вниз.

Варги разочарованно смотрели на меня.

Раздался громкий треск. И мы, и демоны ошарашенно обернулись к Вейасу. Королевская самка, насытившись, решила стряхнуть его с дерева. Брат воспользовался этим, чтобы опрокинуть на неё клетку. Самка визжала, пытаясь выбраться, звала на помощь остальную стаю. Варги бросились за королевой, но стрела Вейаса настигла её быстрее. Самка вскрикнула и упала. Ещё несколько стрел ужалили в бока, пока остальные варги не закрыли клетку своими телами. С треском и скрежетом демоны разламывали толстые прутья, но королева уже издыхала. Дружный вой обозначил её кончину.

Свет снова померк. Петрас обхватил меня за талию и прижал к себе. Я макушкой ощущала его тяжёлое дыхание, запах испарины и бешено колотившееся сердце. Моё заходило в такт, посылая волны мелкой дрожи по всему телу.

— А вот и белый варг, — заморожено выдохнул Петрас.

Во тьме сверкнула зелень глаз, яростно полыхнула аура, та самая, непомерно огромная, которую я видела на краю леса перед тем, как оказаться в плену морока. Значит, это был он.

Как только посветлело, Петрас и Вейас взялись отстреливать оставшихся шавок. Лук я уронила, когда прыгала, поэтому могла лишь вцепиться в ствол и наблюдать, как пустеют колчаны парней. Петрас устало замер — стрел больше не было. Поверженные варги ковром устилали землю возле клетки. Только белый король стоял на опушке. Не мигая, смотрел на меня выпученными глазами. Пошёл медленно, не отводя взгляда, прямо к нам. Замер. Петрас выхватил меч и ударил по верёвке, которая держала клетку. Ловушка опустилась на короля — он даже не шелохнулся. Сам позволил себя поймать!

Аура в последний раз полыхнула зелёным. Наступила тьма, и на этот раз Петраса рядом не оказалось. Я стояла посреди пустоты, где не было ни тверди, ни неба, ни низа, ни верха — вообще ничего.

— Передай ему, — послышалось за спиной. Я обернулась и увидела Лирия. — Передай ему, чтобы не смел возвращаться! Передай, что нас много и мы ненавидим его. Передай, что мы разорвём его, если он посмеет ступить на смертную землю. Передай, что тень уже здесь, в душах каждого. Ему не победить. Вы все умрёте так же, как мы сегодня!

Голову скрутило жутким спазмом. Я зажмурилась и едва не упала — Петрас успел меня подхватить.

— Всё в порядке! Вейас, кончай его! — позвал кузен.

Белый варг сидел в клетке и смиренно ждал смерти.

Вейас вынул из колчана последнюю стрелу, наложил на тетиву, согнул лук и прицелился.

— Давай! У тебя только один шанс! — торопил Петрас.

Вейас поднял на него затуманенный бешенством взгляд.

— Ты чего? Он тебя заморочил? — Петрас подался вперёд. — Борись! Это же я, твой кузен, я помогаю тебе и Лайсве. Ну же, очнись!

Брат не слушал. Он натянул тетиву и направил наконечник стрелы в сторону Петраса.

«Вейас, не надо!» — мысленно позвала я, как он звал меня, когда я оказалась в плену видений.

— Брат мой, Ветер, помоги! — впервые Вейас обратился к нашему покровителю и выпустил стрелу.

Она по самое оперение вонзилась в глазницу белого варга. Не издав ни звука, король лёг на землю и затих. Заснул.

Мы с Петрасом облегчённо выдохнули. Вейас опустил лук.

Зелёные всполохи ауры опадали, тускнели, пока и вовсе не исчезли. Демонов здесь больше не было.

Надо было снять шкуры. Мы с Петрасом спустились первыми и подняли клетку, но к белому варгу подступиться не решались. Надрез сделал Вейас. Молча, не глядя на нас, он даже не особо волновался при этом. Я бросилась помогать ему, хоть обожжённые верёвкой руки саднили и плохо сгибались. Вейас глянул на меня и улыбнулся от души. Уголки моих губ сами поползли в стороны, чтобы ответить. Между нами вклинился Петрас, и мы втроём принялись за работу.

Провозились до самой темноты — повезло, что в середине лета солнце садилось поздно. Освежевать успели только четырёх демонов: белого, чёрного (у королевы внутри обнаружился приплод из пяти лысых скукоженных варжонков) и двух рыжих. Остальных свалили в яму с кольями, прикопали и накидали сверху мха, дёрна и еловых лапок, как велел Кодекс. Постояли молча, опустив глаза. Земля дала — земля взяла.

Странно, но чувствовала я себя так же, как на скотобойне или когда Петрас зарезал овцу. Не было страха и омерзения, лишь любопытство и лёгкая тень жалости, которая исчезала, стоило вспомнить жуткие мороки.

— Часто они на людей нападали? — полюбопытствовала я со скуки.

— Нет, их почти не осталось. Новобранцев слишком часто просят принести их шкуры для посвящения. Не белых — рыжих. Выглядят варги внушительно, а охотиться на них проще, чем на других больших демонов: гулей, виверн, василисков, мантикор... — с важным видом рассказывал Петрас.

Похоже, кузен и сам ни на кого больше толком не охотился. Кроме бунтовщиков. И перепугался не меньше нашего, ведь всё пошло не по его плану. Нам повезло, что никто не пострадал.

А Вейасом я гордилась. Он сделал всё сам: вырвал меня из морока и застрелил белого варга. Сам снял шкуру с туши, сам вычистил жир. И словно стал выше, взрослее, серьёзнее. Я чувствовала его ликование и ликовала вместе с ним.

Только последнее видение назойливо крутилось в мыслях. Почему демон превратился в Лирия? Кому просил передать эти странные слова? Богу единоверцев? Или Безликому? Демоны его ненавидят за то, что он научил людей охотиться на них? Убивать ради трофеев и славы даже тогда, когда те мирно прячутся в чащобах и никого не трогают. Как этот варг думал, я встречу с умершим богом? Только если сама умру... Получается, вельве всё-таки не удалось переменить судьбу, и смерть продолжает дышать мне в затылок?

Собрав капканы и взвалив шкуры на плечи, мы двинулись в обратный путь. Опасались, что варги по дороге загрызли лошадей, но те живыми ждали на вытоптанной поляне. Перекинув шкуры через холки, мы под уздцы вывели животных на стежку, забрались в седла и поскакали лёгкой рысцей. Петрас, как всегда, возглавлял строй, я ехала посередине, а брат прикрывал тыл. Почти как в детских играх.

«Что ты видел, когда варг тебя заморочил?» — мысленно спросила я у брата.

Не хотела, чтобы кузен слышал нас, тем более Вейас демонстративно с ним не разговаривал, и со мной тоже...

«Петраса», — ответил он безразлично.

Я удивлённо обернулась. Вейас развалился в седле и даже не трудился привставать на стременах, чтобы не отбить себе причинное место на ухабистой дороге. Ничего он объяснять не станет, уж я-то это знала.

Через час мы подъехали к охотничьей усадьбе. Крошечный двухэтажный домик затерялся посреди дремучих лесов Докулайской долины, большая часть которой примыкала к Будескайску и принадлежала древнейшему роду медиумов Гедокшимска, роду Петраса. Мы расседлались и развесили шкуры сушиться на длинных шестах. Петрас натопил баню. Мы хорошенько попарились: смыли грязь вместе с усталостью и тревогой. Я густым слоем наложила на ссадины заживляющую мазь. Приятным холодком она уняла зуд и помогла расслабиться. Свежие и бодрые, мы вошли в дом. С порога обдало запахом жаркого, рот увлажнился слюной, а живот мечтательно заурчал.

— За храбрость на охоте можешь раскрыть свой последний подарок, — Петрас всучил мне большой свёрток и заискивающе улыбнулся.

Там действительно было платье. Надо отдать должное Петрасу: наряды он подбирал лучше, чем мой отец. Оно оказалось лёгким, летящим, из нежно-голубого шёлка с тонкой ажурной вышивкой по краям. Юбка была не такой широкой, высокая талия обозначалась плетёным поясом. Но самое замечательное — удобный мягкий лиф не сдавливал грудь и не мешал дышать.

— Наверху переоденься, — удовлетворённо кивнул Петрас.

Вежливо поблагодарив, я поспешила к лестнице. Боялась, что моя любезность и показное воодушевление вот-вот иссякнет.

Тонкая перегородка разделяла второй этаж на две части. В меньшей на грубо сколоченной лавке лежали соломенный тюфяк и толстое одеяло из овечьей шерсти. Под скатом крыши висели пучки трав, на полках стояли кувшины и горшочки с зельями. Коморка Юле. В соседней, куда более просторной половине, друг за другом стояли две большие кровати с толстыми перинами, подушками и пуховыми одеялами. Возле одной на крючках в беспорядке висела поношенная походная одежда моего брата, возле второй — педантично расправленные костюмы Петраса. Надо же, даже здесь хорохориться не перестаёт.

Усмехнувшись, я скинула мужскую рубаху, которую набросила на себя после бани. Платье оказалось удобным и одевалось легко даже без посторонней помощи. К нему шли изящные серебряные заколки в виде цветов с лепестками из лазурита и перламутровой сердцевинкой. Заколов пряди на висках, я оглядела себя в большом зеркале, висевшем у дальней кровати сбоку от окна. Миленько, даже на девушку похожа. Только вырез уж слишком откровенный и рукава короткие — немного стыдно и зябко. Хочется закрыться, но нет... Нужно постараться быть любезной ради брата.

— Лайсве, живей, а то без еды останешься! — сварливо крикнул Вейас. Он что мне — нянечка?!

Чувствуя в тонких парчовых туфельках каждую неровность под ногами, я спустилась по лестнице. Вейас и Петрас ждали в гостиной, сидя на стульях заложив ногу за ногу. Увидев меня, кузен поднялся и протянул руку.

— Я знал, что тебе подойдёт, — сиял Петрас широкой улыбкой и надувался от гордости. Едва удалось подавить смешок. — Подтверди, Вей, в этом платье твоя сестра красавица-раскрасавица!

— Её даже холщовый мешок не испортит, — угрюмо бросил брат, не взглянув на меня.

«Что с тобой?» — мысленно спросила я. Хотелось услышать что-нибудь более

искреннее, чем его постоянное ёрничанье.

«Ничего, отстань!» — Вей поднялся и ушёл на кухню.

Почему во время своего триумфа у него вид, будто он кого-то хоронит?

Вскоре мы устроились за пышно накрытым столом. Здесь стояла свежая речная рыба, нежная молодая телятина, тушёная крольчатина с овощами, грибная подливка, закуски из сыров и колбас, пирог с капустой и печёные яблоки на сладкое. Всё очень вкусное, приготовленное Юле с умением и любовью. Я никогда не ела так много! Но больше потому, что не знала, куда деться от Петраса. Он сыпал комплиментами без умолку: о моём стройном стане, манере держаться в седле, бесстрашии во время охоты, блистательном остроумии. Последнее звучало особенно нелепо, когда я только кивала, жала плечами и глупо улыбалась.

— А куда делся Юле? — спросила я, устав от его речей.

Вейас пялился в стенку, словно был не с нами. Почему он замкнулся? Никогда его таким не видела.

— Да... — Петрас потянулся за ломтиком хлеба. — Я отпустил его на пару дней отдохнуть в награду за то, что он тебя вылечил.

— Жаль, мне так хотелось его отблагодарить и попрощаться.

Юле умел и слушать, и говорить так, что я боялась упустить хоть слово. Я буду очень скучать по его простой мудрости.

— Отблаговаришь ещё, — заверил кузен.

Он опустошил свои закрома с молодым вином и постоянно подливал его в наши кружки. Оно бодрило, хоть и заволакивало разум туманным хмелем, притупляя неприятные эмоции и тревогу. Я даже немного развеселилась.

— Сегодня полнолуние — устроим что-нибудь эдакое? — заговорщически шепнул мне Петрас. — Можем призрака вызвать: моего отца, твоей мамы или знаменитого воина.

— Спиритический сеанс? — едва не в полный голос удивилась я. Петрас шикнул и указал глазами на брата.

— Только мы с тобой. Ты ведь хочешь?

Я закусила губу, раздумывая. Неучтиво тревожить мёртвых понапрасну. И всё же... может, мне удастся попросить прощения? Я стараюсь держаться и не думать, но чувство вины не оставляет меня. К лучшему, если Вейас этого не увидит.

«Глупая-глупая Лайсве! — свербел внутренний голос. — Ты даже не представляешь, какими опасными могут быть взрослые игры. — Я дёрнула головой, гоня прочь дурные мысли: — Я хочу попробовать, узнать, не трусить хотя бы один несчастный раз в жизни! Я сильная, я справилась с варгами, я смогу унять кузена, если всё зайдёт слишком далеко».

— Давай, — я сжала под столом ладонь Петраса.

Он опустошил последний кувшин с вином и с сожалением заглянул на дно.

— Вот незадача! — кузен пихнул сидевшего от него по другую руку Вейаса. — Не рассчитал, что это вино под крольчатину так хорошо пойдёт.

— Вышей моё, — брат передвинул к нему полную до краёв кружку.

Ни к еде, ни к вину он так и не притронулся, просидев угрюмо нахохлившись весь ужин.

— Съезди-ка лучше к винарю и привези ещё, — уже не так радушно процедил Петрас. — Съезди, говорю!

Вейас напрягся и вытянулся. Вот-вот колкость выпалит, и тогда все старания пойдут насмарку!

— Уже за полночь. Меня даже за городские ворота не пустят, — замотал он головой.

— Дашь им денег, они тебя ещё и в зад поцелуют, — Петрас швырнул ему кошелёк.

Казалось, воздух между ними вот-вот вспыхнет и подпалит льняную скатерть.

«Пожалуйста, сделай, как он просит, — взмолилась я. — Не порти всё в шаге от победы».

«Ты продалась за тряпки и побрякушки!» — разочарованно воскликнул он.

Какой демон в него вселился?

— Вейас?! — только когда услышала собственный голос, поняла, что заговорила вслух.

— Иду уже!

Брат с шарканьем отодвинул стул и ушёл, не оборачиваясь, даже не ответил на мой мысленный зов. Захотелось броситься следом и помириться, но за ним уже захлопнулась входная дверь. Я вымучено улыбнулась Петрасу, пытаясь скрыть смятение. Ведь он не причинит мне зла. Он благородный Сумеречник. Он поймёт, что это лишь игра. Обнимет и поцелует пару раз после вызова духов, пока мой мрачный братец не вернётся — ничего страшного в этом нет, я потерплю, а потом объясню про свои чувства им обоим.

Петрас поднялся из-за стола и, галантно взяв меня под локоть, повёл в гостиную.

Мы сдвинули в середину комнаты медвежью шкуру, и я уселась на неё. Петрас нашёл кусок мела и принялся выводить на полу замысловатые узоры: большой круг, в нём человек в полный рост с вытянутыми в стороны руками и ногами, в пустых секторах по бокам обозначения четырёх стихий, внизу между ногами знак смерти — перевёрнутый анк, и птица над головой — символ души. Я знала это по книгам, а ещё из того, чему обучали Вейаса. Любила подглядывать за его уроками, мечтала, чтобы и меня допустили до подобных таинств, а не заставляли заниматься скучным рукоделием и танцами.

Петрас расставил у ладоней, ступней и головы человека толстые свечи с вырезанными на воске рунами, по секторам раскидал грубые коричневые осколки янтаря. Я подобрала один и провела пальцем по шершавой поверхности.

— Нравится? Можешь оставить, — подмигнул Петрас.

Он принёс гладко обтёсанный ольховый посох. Круглый набалдашник тоже был из янтаря, более ценного, зелёного, отшлифованного, с застывшим внутри пауком.

— Правда, красивый? — проворковал Петрас, любовно поглаживая набалдашник. — Последний подарок отца.

Я сочувственно улыбнулась. Отец Петраса умер неожиданно. По слухам, его преследовал мстительный дух, которого тот прежде пленил и заставлял прислуживать. Освободившись, дух свёл его с ума и вынудил выброситься из самой высокой башни собственного замка. Хотя поговаривали, что его наследник, обретя силу, подтолкнул родителя к краю, желая поскорее получить титул и власть. Я не верила сплетням, помня, как гордился и любил Петраса его отец. Вейас даже жаловался, что завидует кузену: наш родитель скупился на похвалу, лишь качал головой и поджимал губы, когда отец Петраса хвастался успехами сына. Но его таинственно-притягательная внешность, напористые манеры и самоуверенный тон всё равно чем-то настораживали. Пожалуй, все медиумы немного мрачные и зловещие — такова уж стихия смерти.

Не дождавшись моего ответа, Петрас закрыл глаза. Полился монотонный речитатив, из которого нельзя было разобрать ни слова, в такт ему по центру звезды стучал посох.

— В ритуальной одежде было бы проще, — Петрас закончил заклинание и открыл глаза. — Ладно. Один призрак не полчище. Есть что-нибудь, что принадлежало тому, кого

ты хочешь вызвать?

Я кинулась перебирать вещи на кровати. В старых лохмотьях завалился гребень.

— Подойдёт?

Петрас повертел мою находку в руках, снял тёмный волосок и поднёс к лицу, внимательно изучая.

— Вот это точно подойдёт, — кузен кивком велел, чтобы я села обратно на медвежью шкуру. — Давно она умерла?

Петрас поднёс волос к свече. Тот скукожился, издал не слишком приятный запах и истаял без остатка.

— Несколько дней назад. Думаешь, получится?

Без Вейаса страшно, словно я лишилась брони, защитника и смелости разом.

— Чем меньше срок, тем проще. А если она умерла не своей смертью, точно явится: они тогда плохо на том берегу приживаются, — кузен сложил руки на груди. — Главное, сиди смиренно и не пугайся: это их заводит.

Я обняла себя за плечи. Уже жалела, что согласилась.

— Не бойся. Если что, я смогу тебя защитить, — он подмигнул. Чувствовалось, как ему хочется добавить: «Не то что твой братец-слабак!»

— Как её звали?

— Айка из Тегарпони, — собралась с духом я. — Она видела меня в мужском наряде и думала, что я парень. Боюсь, в платье она меня не узнает.

— Мёртвые не видят одежды, только душу.

Он вынул из рукава ритуальный кинжал с волнистым лезвием и полоснул себя по запястью. Янтарь набалдашника впитал кровь, потемнел и замерцал багровыми сполохами. Петрас выпрямился и ударил посохом в центр пентаграммы:

— Светом и тьмой заклинаю, духа с той стороны призываю, завесу пройди, плоть обрети!

Свечи мигнули и погасли. Даже угли в камине тлели не так ярко. На уши свинцовой тяжестью навалилась тишина. Стало зябко. Я сдавленно выдохнула — изо рта вырвались клубы пара. Мучительно долго ничего не происходило. Я устала сидеть смиренно и уже решила, что не вышло, как стукнула об притвор дверь, заскрипели половицы. Захотелось передёрнуться, но Петрас положил руку мне на плечо и шикнул. Из самого тёмного угла, до которого не доставал свет камина, к нам двигался тускло-зелёный огонёк. Он разрастался, обретая чёткие очертания, пока не замер в центре пентаграммы. Мигнул, и на месте огонька показалась прозрачная фигурка той, что и при жизни была похожа на бестелесного духа. Вокруг её тонкой шеи обмоталась золотая нить, второй край которой был привязан к посоху кузена. Почти как у невольницы или у зверя на цепи.

— Только быстро, — Петрас подтолкнул меня к ней.

— Айка, пожалуйста, прости меня, — затараторила я, с трудом преодолевая напалзающий липкой пеленой страх. — Я не хотела вам зла, не хотела, чтобы тебе отрубали руку и гнали отовсюду, не хотела, чтобы ты голодала, а твоих товарищей вешали в назидание остальным. Мне так жаль, что вы умерли. Как ты там?

Призрак склонил голову набок и посмотрел печальными, измученными глазами. Я снова глубоко вздохнула, выпустив изо рта кольца густого пара. Он оседал на лице, смешиваясь с каплями ледяного пота.

— Зачем ты тревожишь меня? — без интонации заговорила Айка. — Разве ты не

знаешь, что пустые извинения никому не помогут?

— Знаю, но... — я поступала глупо и эгоистично, но слишком больно было терпеть: — Вина за ваши страдания не даёт мне покоя. Пожалуйста, ведь это ничего не стоит — лишь пару слов!

Зеленоватый отсвет от её фигуры полыхнул ярче. Золотая нить истончилась.

— Когда я спасла тебя, то думала, что на том берегу встречу брата и отца с мамой, но здесь холодно и пусто, — её голос усилился, но звучал всё так же неестественно глухо, без тени эмоции. — Мы скитаемся вдоль Сумеречной реки одинокими странниками, не узнаём друг друга, ни дотронуться, ни поговорить не можем. А река не течёт, не катит свои воды к перерождению. Мы заперты в её круге — ни назад, ни вперёд тронуться нельзя. Прозябаем. И будем прозябать вечно. Ты за это просишь прощения?

Могильный холод пробирался под кожу, и кровь стыла в жилах. Мысли шевелились едва-едва, уступая под гнётом ужаса.

— Прости...

— Перестань извиняться! — бесплотный голос взвился до крика и хлестнул по ушам.

Золотая нить оборвалась. Зелень полыхнула так, что я на мгновение ослепла, а когда вновь смогла видеть, призрачная фигура освободилась и неслась прямо на меня. Зависла в пяди от моего лица. Дохлая смрадным тленом. Колени задрожали. Сознание улепётывало из тела через пятки, далеко-далеко.

— Нам обещали, что он придёт и сделает мир лучше для всех, даже для мёртвых. Но его нет. Есть только твой бог, тот, что забился в нору и трясётся от страха и обид. Найди его и вытащи оттуда. Заставь стать нашим богом, милостивым и всеильным. Заставь спасти всех нас. Следуй за Северной звездой, ведь ты и есть...

— Я не понимаю, — пропищала я сиплым, опавшим голосом. — Я не...

— Ты божественный посланник! Почему ты ещё здесь, а не ищешь его?! — призрак с громким гулом прошёл сквозь меня.

Я ощутила боль и ужас Айки перед смертью, робкую надежду, что на другом берегу будет лучше, чем здесь, и разочарование от того, что ничего не сбылось, и разъедающую пустоту внутри, которая заставляет забывать всё хорошее, оставляя лишь горечь и ненависть. Ноги подкосились, руки дёргались и выкручивались, но я не понимала, зачем и как остановиться.

— Дух неупокоенный, странник стороны, вернись к себе, отчаянный, оковы разорви, — послышался сухой речитатив Петраса. — Пройди путями тайными, обряды соверши, от скверны отмщения свой Атман отдели.

Я обмякла. Каменной глыбой навалилась апатия и усталость.

— Я же предупреждал: не показывай эмоции. Мёртвые всегда этим пользуются, — посетовал Петрас.

Я глотала ртом воздух, пытаясь отдышаться. Петрас запалил свечи и стёр пентаграмму. Он принёс мне одеяло с подушками и помог устроиться поудобнее.

— Вышей — полегчает.

Сунул мне под нос откупоренную флягу. От неё разлило крепкой настойкой. Я с трудом заставила себя сделать несколько глотков. Напиток обжёг внутренности, убил могильный холод и разогнал застывшую в жилах кровь.

— Спа-спасибо, — прохрипела я. В мысли вернулась ясность, а вот тело, наоборот, покачивало на волнах — совсем развезло. — Не говори Вейасу...

— Только между нами, наш секрет, — Петрас взял меня за руку и принялся поглаживать тыльную сторону ладони большими пальцами. — Эта девочка единовёрка из тех, что мы недавно повесили? Я сразу понял, что это они тебя обидели. Не вини себя ни в чём и не бери в голову их бредни. Они сами сделали свой выбор и поплатились за это — всё по справедливости.

Его тёмные глаза были почти такого же цвета, как у Айки, но оттенок — беззвёздной зимней ночи, холодной и не знающей пощады. Петрас не поймёт моей беды, вот Вейас бы понял, в ночь после казни он чувствовал почти так же.

Петрас придвинулся ближе и, мягко коснувшись щеки, повернул моё лицо к себе. Тяжёлый взгляд завораживал, как взгляд хищника, нацелившегося на добычу. Запах, терпкий и горький одновременно, обволакивал, опережая хозяина. Свет померк. Сладкий вкус молодого вина проник в рот вместе с требовательными движениями губ. Руки клубком змей кишели повсюду на моём теле.

— Нет! Оставь! Что ты делаешь?! — оттолкнула его я.

— И что же такое я делаю? — мурлыкал Петрас. Вдавил в пол и снова поцеловал. — Скажи мне, что же я делаю.

Его пальцы очертили контур выреза на платье, горячая ладонь скользнула внутрь и принялась поглаживать мою грудь. Страх и бессилие тошнотворным комом подступили к горлу.

— Зачем? — простонала я, заливаясь слезами. От крепкого вина и нападения призрака сил бороться не осталось. Я не могла пошевелиться. Подлец всё рассчитал с самого начала! — Ведь я даже не красивая.

— Глупая, — рассмеялся он, развязывая пояс на платье и вынимая мои руки из рукавов. — Есть камни яркие на вид, но на поверку они оказываются лишь крашеными стекляшками. А есть такие, что прячутся в самых недоступных скалах. Без огранки их трудно оценить, но оттого они только дороже. Диковинка, редкость — разве можно сравнивать их с безделушками, которые найдутся у каждого?

— Я для тебя всего-навсего редкий камень?

— Наиредчайший.

Нет-нет! Я не безвольный камушек в твоём посохе! Я человек!

Петрас облизывал мою шею, больно прикусывая и засасывая кожу. Он стянул платье ниже, оголив грудь. Неприятный холодок усиливал ощущение полной беспомощности.

— Ммм, до чего же хороша!

Никогда не ощущала себя такой слабой, постыдно уязвимой. Не могла ни вырваться, ни закрыться, ни утонуть в беспомощности.

— Твоя красота завораживала меня ещё в детстве. Я каждый день отправлял прошения в орден, чтобы нас соединили брачными узами, а когда пришёл отказ, повсюду искал подобную тебе. Но такой больше нет: ты одна в своём роде. И теперь, когда ты сама пришла ко мне, я не упущу этот шанс. Ты будешь моей. Тебе понравится — обещаю.

Он так больно сжал мою грудь, что я не выдержала и вскрикнула.

— Не надо!

— Не переживай, я тебя не брошу. Как только в ордене узнают, что ты беременна моим наследником, им придётся согласиться на наш брак. Женщина принадлежит отцу своего ребёнка, так сказано в Кодексе.

Руки Петраса скользнули по моим ногам вверх, до бёдер задирая юбку. К горлу

подступила дурнота.

— Вейас! — отчаяние придало сил.

Я пихнула кузена коленкой под дых. Он откатился, корчась от боли. Я рванула к двери, поправляя на ходу платье. Слишком медленно — Петрас догнал и навалился сверху, прижимая к полу.

— Строптивая кобылка, но так ещё пикантнее. Представляю, какой страстной ты станешь, когда я тебя объезжу! — его дыхание обжигало ухо.

Кузен снова задрал мои юбки и грубо раздвинул колени в стороны.

— Вейас! — иступлённо звала я. — Вейас! Вейас!!!

Петрас уже стаскивал с меня исподнее и расстёгивал собственные штаны:

— Он тебя продал за поддержку в ордене. Смирись и не сопротивляйся — поверь, для тебя это тоже лучший выход. Я же не какой-то там шакалёнок.

Он надвигался. Его запах, его прикосновения уничтожали мою суть, губили душу. Брат мой, Ветер, помоги! Если ты есть, помоги! Хоть кто-нибудь. Лучше смерть!

Я обречённо закрыла глаза. Петрас вдруг завизжал и откатился в сторону. Что-то загрохотало вдалеке.

— Я предупреждал: либо всё происходит по её воле, либо не происходит вовсе! — разъярённый голос Вейаса заглушил скулёж кузена.

Я открыла глаза. Брат опустился возле меня на колени, рывком оправил платье и помог подняться. Я прижалась к нему и расплакалась. Не верилось, что он здесь. Весь этот ужас останется лишь дурным сном!

— Прости-прости-прости! — шептала я, напиваясь его силой и запахом. Хотелось смыть позор и страх, вычеркнуть из памяти Петраса и все его прикосновения до единого.

Братик ласково гладил меня по волосам и целовал в лоб. Он защитит меня от всего, даже от моей собственной глупости.

— Ты должен был уехать к винарю! Просто отвернуться... — прохрипел Петрас, бессильно распластанный на полу. Из носа текла тоненькая струйка крови. — Дурень! Я бы сделал из тебя рыцаря. Без меня ты пустое место.

— Не нужны мне подачки от навозных жуков! — сплюнул Вейас и приставил указательный палец к виску. — Больше ты меня не запугаешь. Я лучше тебя, сильнее и в тысячу раз умнее.

Его зрачки расширились: он использовал дар! Кузен снова взвыл и заметался, обхватив голову руками. Телепатические клещи?! Да это одна из высших боевых техник! Когда Вейас успел ею овладеть?

— И сестрой расплачиваться я тоже не собираюсь. — Брат приподнял моё заплаканное лицо за подбородок: — Переоденься и собери вещи — мы уезжаем.

Я побежала вверх. Откуда только силы взялись? Остервенело рванула с себя мерзкое платье. Оно треснуло по швам и разлетелось лоскутами. Я схватила костюм Петраса и поскорее натянула на себя. Повезло, что его ни разу не надевали — он не пах. От запаха Петраса мутило. Захватила штаны на смену, пару рубаш, жакет и плащ. Выстираю всё в болотной тине — будут вонять, но хотя бы не Петрасом. Сунула одежду вместе с вещами брата в котомки, висевшие на спинке стула, и сбежала вниз.

Вейас молча наблюдал, как кузен стонет на полу, не в силах даже натянуть штаны. Он когда-то казался мне красивым? Фу!

Не задерживаясь, я заглянула на кухню и собрала в узелок остатки пиршества. В

гостиной, стараясь не смотреть на кузена, сгребла последние вещи. Под руку некстати попался дневник. Я столько над ним корпела — жалко теперь бросать. Ну и что, что его подарила эта скотина? Будет платой за то, что он мне устроил.

— Всё? — нетерпеливо окликнул Вейас. — Уходим.

— В Хельхейм собрался? — закричал Петрас. Вейас его отпустил: кузен обессилен лежал, обливаясь потом, но больше не стонал. — Вэс — это химера. Только зря себя и сестру погубишь.

— Химеры выращивают в тайном подземелье Эскендерии, — Вейас пнул его по ноге. — Только такой самовлюблённый зануда, как ты, этого не знает. Я убил короля варгов и победил тебя. Пока моя сестра со мной, я смогу отыскать демонову зверюгу, пускай даже для этого придётся пройти семь врат Червоточин.

Я снова прижалась к нему и поцеловала в щёку, а подлецу Петрасу послала самый презрительный взгляд, на который только была способна. Брат торжествующе улыбнулся и взвалил на плечи котомку.

— Идиот! — выплюнул ему в спину кузен.

Вейас запалил лежавшую у камина палку и пошёл к двери. Распахнул настежь, чтобы Петрас всё видел. Палка коснулась растянутой на кольях белой шкуры. Огонь лизнул её, с треском вспыхнул и поглотил полностью. Только воняло знатно.

— Прощай, кузен. Несчастливо оставаться! — крикнул Вей.

Мы вскочили в сёдла и помчались прочь без оглядки. Позади уже занимался рассвет, подкрашивая нашу дорогу тёплым рыжим заревом.

Глава 10. Свинтус, Хромой Лис и Тихий Змей

1526 г. от заселения Мидгарда, Вижборг, Лапия

Шёл шестой месяц путешествия. Зажиточная Кундия осталась за спиной, а впереди лесистыми горными плато раскинулась дикая Лапия. Мы настолько свыклись с походным бытом, что начали забывать, каково это — жить оседлой жизнью. Всё, что болело с непривычки, покрылось жёсткими мозолями, звуки леса стали настолько обыденными, что мы их не замечали, места для ночёвок отыскивались сами, и даже осенний холод не ощущался так остро.

Лапия была своеобразной страной, да и не страной вовсе! Королевской династии, которая управляла бы всеми подвластными землями, тут не имелось. Каждый город выбирал правителя сам, и если бургомистр не справлялся с обязанностями, назначали нового. Друг от друга города не зависели и даже соревновались с соседями в зажиточности и благополучии. Самым богатым городом с развитыми ремёслами и торговлей считался Вижборг, который находился в сердце страны, но мало-помалу уступал Урсалии, самому северному из городов Лапии. Она стояла на берегу Западного моря, отделённая от остальной земли горным перешейком. За городом начиналось Утгардское нагорье, через которое и пролегал путь к Хельхейму. Далеко ещё! Хотя мне всё время казалось, что половину дороги мы уже прошли.

Русла рек причудливо изрезали землю волнистым рельефом. Каменистую почву плоских фьельдов устилал седой олений мох, переходящий в заросли кедрового салатника. Иные холмы и невысокие горы частоколом покрывал таёжный хвойник. Стройные сосёнки, величавые пихты, разлапистые ели и облачившиеся в пламенеющее золото лиственницы колыхались на ветру, шумели, словно переговариваясь друг с другом о ведомых лишь им

тайнах, и печально роняли на землю иголки. Красиво, аж дух захватывает!

Люди редко отходили от поселений. Если и путешествовали, то большими компаниями по найденным дорогам. Дикий край за их пределами человека не знал. Звери, не таясь, выходили из чащ навстречу, но, хвала всеблагому хозяину тайги, медведю Дуэнтэ, нападать не осмеливались. Должно быть, убийством варгов и прочих мелких демонов мы заслужили покровительство грозного божества и искупили вину за пролитую кровь единоверцев.

Я уговорила Вея не обманывать простолюдинов, а охотиться на демонов по-настоящему. Не на варгов и им подобных, конечно, а на кого поменьше, чтобы набраться опыта перед встречей с взсом. Ведь неизвестно, какой мощью обладает этот демон. Надо быть во всеоружии, когда мы с ним столкнёмся.

Решение это оказалось верным. Народ в Лапии был куда менее доверчивым и благодушным, чем в Кундии. Они внимательно проверяли дорожные грамоты, изучали гербовые подвески, разговаривали с подозрением и придирчиво осматривали туши, но платили всегда хорошо.

А демоны здесь кишмя кишели. Злокозненная мелочь не боялась даже к жилищам людей забредать и пакостничать в открытую. В одном городке нам попалась бракса — невысокая козлобородая тварь, которая сцеживала у коров молоко по ночам. Раздобрев на дармовых харчах, она стала слишком неповоротлива, и брат смог уложить её одним выстрелом. Возле стоявшей на отшибе фермы нам повстречался двалпа — деформированный карлик без головы. Его глаза находились на груди вместо сосков. Демон обманом забрался фермеру на спину и обвил своими ремнеподобными ногами его плечи. Бедолаге приходилось не только таскать на себе мерзкую тварь, но ещё и кормить её своим обедом. Когда мы подоспели, фермер уже падал от изнеможения. Атаковать демона мы побоялись. Ощувив опасность, он мог свернуть фермеру шею. Брат схитрил: подливал двалпе эль, пока тот не опьянел настолько, что рухнул на землю. Тут-то мы и порубили его на части. Фермер на радостях поменял наших заморённых лошадей на свежих. Низкорослые и мохнатые, они разительно отличались от благородных скакунов, на которых мы привыкли ездить. Но надо отдать должное местным кашлаткам: холод и недостаток пищи они переносили куда лучше.

Сегодня мы спали, тесно прижавшись друг к другу, в шалаше из еловых лапок и мха, забыв даже о костре. Разбудило чавканье. Я потянулась, насколько позволял низкий полог, и выглянула наружу. Лошади отвязались от кольев и перебрались поближе к нам. То ли пожухлая трава тут была вкуснее, то ли рядом с человеком животные чувствовали себя спокойнее, чем одни.

Какое умиротворённое утро! Первые лучи солнца разогнали пелену сумерек, и всё кругом, от высоченных сосен и елей до низкорослого кустарника и мха, окрасилось в тёплые золотистые тона.

Я повернулась к брату. Он тоже проснулся и смотрел на меня мечтательно и печально.
— Что с тобой? — удивилась я.

Вейас загадочно улыбнулся и пошёл ловить наших скакунов. Я отправилась с котелком к ручью — он был совсем недалеко, на полянке за сосновой рощей. Там я насобирала мыльнянки. Покрошенные в кашу красноватые корешки источали тонкий свежий аромат. Я облилась из котелка и с наслаждением оттирала вьевшуюся до костей пыль. От студёной воды кожу продирали пупырышки, холодок пробежал по телу мелкой дрожью, наполнял лёгкостью и даже душу очищал от гнилых мыслей.

Полотенце мне подал в зубах Свинтус — новый член нашей команды. Забавный, хоть и

непонятно, зачем за нами увязался.

Обтираясь, я напевала песенку. Свинтус посвистывал в такт. Красиво получалось, мелодично. Настроение становилось таким же светлым, как это золотое утро.

Осень самая чарующая пора года, даже лучше весны, на которую приходится наш с Вейасом день рождения. Таинственная, волшебная. В преддверье зимы ничего не случается просто так. Предзнаменование беды скрывается в каждом падающем листке, в завывание ветра, в расточительно-огненных лучах солнца, в мерцании звёзд на иссиня-чёрном небе. Ждут ли они волшебного сна, упокоения или самой смерти?

Безмятежность нарушил хрустнувший сук. Свинтус замолчал и принюхался.

— Выходи, тебя застукали! — усмехнулась я, накидывая на себя длинную льняную рубашку Петраса.

Я подвернула рукава и немного ушила её, чтобы не выглядела совсем уж с чужого плеча. Пыль дорог перебила запах насильника, забылись прикосновения и слова, память укрыла случившееся туманом. Не разберёшь в нём ничего, если не приглядываться.

Из-за сосновых стволов выступил Вейас, опустил на поваленное дерево и с мягкой полуулыбкой глянул на меня:

— Если так часто мыться, можно заболеть.

Я фыркнула:

— Если я ношу мужскую одежду, это не значит, что от меня должно пахнуть, как от мужчины.

Вейас отвёл взгляд, пока я надевала остальные предметы чужого гардероба: коричневые штаны из грубого сукна, болотного цвета жилетку и серый шерстяной жакет. Плащ я оставила в лагере, чтобы не цепляться за ветки.

— Шустрей! — Вейас поднялся и набрал в котелок воды. — Можешь плескаться тут хоть весь день, но тогда нам придётся блуждать по Каменной роще в потёмках. Мы, конечно, теперь совсем уж безголовые охотники на демонов, но не настолько, чтобы соваться в их логово ночью.

— Ворчун! — я поцеловала брата в щёку прежде, чем он успел увернуться. — Справимся, я же с тобой.

Над макушками сосен с прощальным клёкотом пролетела стая белых лебедей.

Вейас приложил пальцы к щеке и едва слышно пробормотал:

— Пока ещё со мной...

Вдвоём со Свинтусом мы побрели к лагерю, а брат неотрывно смотрел нам вслед.

Свинтус привязался к нам на подходе к Вижборгу. Он был похож на мохнатого кабанчика с лысой головой младенца. Поначалу мы сочли его очередным демоном. Он настырно крутился возле ног, жалостливо выл и повизгивал, а когда Вейас в сердцах схватился за меч — тут же исчез... Чтобы появиться на другом краю поляны и продолжить безобразничать. После бессонной ночи мы поняли, что он куда-то нас зовёт. Похватав оружие, мы последовали за ним. Он помчался в чащу, долго петлял, пока не вышел на поросший багульником край болота. Опять что-то завывало — сипло, жутко, но это был вовсе не наш непрошенный гость.

— Смотри, там ребёнок, — указала я на покрытую клюквой кочку, посреди которой лежал орущий свёрток. — Надо его достать!

Вейас неохотно подхватил с земли длинную палку и, проверяя дорогу, добрался до малыша. Тот сипел уже на последнем издыхании. Вместе с ним на руках удерживать

равновесие стало тяжелее — Вейас несколько раз поскользнулся, едва не угодив в трясины. Возле края болота он всё-таки съехал по мокрому мху в зелёную лужицу и замочил ноги. Бранясь самыми гадкими словами из своего арсенала, Вейас вручил ребёнка мне. Малыш захлёбывался хрипами. Я принялась его качать, напевая нянюшкину колыбельную, но успокаиваться он не собирался.

— Ну и воняет от него! — возмутился брат, выливая из сапог воду.

— Его надо выкупать и укутать в чистое, — я развернула грязные тряпки. Кожа под ними воспалилась. — Неудивительно, что он так плачет.

— Он плачет, потому что хочет жрать. И не смей изводить нашу одежду на пелёнки! — прикрикнул Вейас, обуваясь.

Пелёнок ему жалко! А если кроха заболит? Дети в этом возрасте такие хрупкие.

— Только не воркуй над ним. Противно!

Брат попытался сделать шаг и чуть не кувырнулся через Свинтуса, который нарезал вокруг нас круги и счастливо хрюкал. Брат снова заковыристо выругался. Я едва сдержала смех и посмотрела на ребёнка. Его глаза сделались жёлтыми, а круглый зрачок превратился в тонкую вертикальную полоску. Демон? Я зажмурилась, просматривая ауру. Обычная, человеческая, только верхний слой светился тусклым зеленовато-коричневым. Так ребёнок ведь из наших, с даром! Какой бездушный лиходея бросил его умирать посреди болота?

— Вей, это оборотень. Похоже, не зря Свинтус нас сюда привёл.

Демон громко хрюкнул, подтверждая мои слова.

— Змеёныш, я заметил, — кивнул брат и раздражённо добавил: — Идём! Нужно побыстрее от него избавиться, а то я рехнусь от этого воя.

Вскоре мы въехали на главную площадь Вижборга. Ясное небо пронзал шпиль на крыше ратуши — единственного здесь здания из кирпича. Впереди, лавируя между прохожими и редкими всадниками, нёсся Свинтус. Он оказался удивительной тварью: на коротеньких толстых ножках обгонял бегущих рысцей лошадей и указывал путь. Никто не обращал на него внимания, словно не видели вовсе. Впрочем, обычные люди редко замечали демонов, пока не сталкивались с ними нос к носу, а после быстро забывали. Наверное, так действовали демонические чары.

Свинтус первым взлетел на высокий порог ратуши и постучал передними копытами в массивную дверь, окованную по краям железом.

— Кого нелёгкая принесла? — перекрывая тяжёлую шаркающую поступью, раздался сварливый возглас.

Мы с братом поспешили вперёд.

Дверь медленно распахнулась, и из неё показался высокий мужчина. Годков под сорок. Под мышками держал по костылю, огненно-рыжие волосы, припорошённые сединой, длинными прядями закрывали левую часть лица, обезображенную глубокими шрамами. Встав сбоку, я заметила, что веки левого глаза у него рассечены поперёк и прикрывают пустую глазницу.

— Так и будем таращиться на Хромого Лиса или уже скажем, зачем пожаловали? — он оглядел нас единственным мутновато-янтарным глазом.

Я смущённо потупилась, а Вей достал из-за пазухи гербовую подвеску:

— У нас дело к бургомистру.

Не выказывая почтения, Лис потянул подвеску на себя и едва не свернул брату шею.

— Опять высокий род? За что всеблаготворитель Дуэнтэ так невзлюбил наш город? — тяжело вздохнув, Лис отпустил Вейаса вместе с подвеской. — Денег не дам — ваши предшественники и так магистрат как липку ободрали. Можете жаловаться в орден, но так им и передайте: пока Хромой Лис здесь бургомистр, бесчинств в городе не будет!

Я зажмурилась и снова увидела зеленовато-коричневое сияние обортнической ауры, только исходило оно от этого странного человека. Действительно, заострёнными чертами лица и ехидным выражением глаза он походил на лисицу.

— Вы Сумеречник?

На что он злится? Мы ничего плохого не сделали! Я рассказала о найдёныше, но тот бургомистра не заинтересовал. Зато когда речь зашла о демоне, Хромой Лис оживился: бровь на целой половине лица поползла кверху, ноздри затрепетали, втягивая воздух. Бургомистр заставил нас посторониться и, морщась от боли, склонился над Свинтусом.

— Нидагрисур, ну надо же! — воскликнул Лис, почесав за ушком лысую голову. Свинтус закурлыкал, вытянул шею и подставил всю морду. — Это не демон, а дух. Он появляется, когда надо восстановить гармонию на вверенной ему богами вотчине. Вас даже этому не научили?

Брат пожал плечами. Меня так и вовсе никто в такие тонкости не посвящал. Стыдно.

— Как быть с малышом? Он измождён и продрог, — напомнила я, пытаюсь скрыть неловкость. — Он из наших, из Сумеречников. Нужно сообщить его лорду-отцу. Наверное, он места себе не находит.

Лис, кряхтя, разогнулся и коротко хохотнул:

— Вот уж вряд ли. Змеёныш, говоришь?

Он всё-таки посмотрел. Ребёнок уже выдохся орать и засунул большой палец в рот.

— Похоже, один из ваших предшественников приплод оставил. Они тут развлекались почти полгода.

Я искала поддержки у брата, но тот стоял с отсутствующим видом.

— Не нужен он никому, бастард же, — соизволил пояснить Лис. — Идёмте.

Он повёл нас к двухэтажному деревянному зданию напротив ратуши. Его стены были выкрашены в красный, а двускатная, почти плоская крыша в зелёный цвет. Ступени по обеим сторонам охраняли деревянные статуи драконов, в чашах у ног которых горело негасимое пламя. Прямоугольная дверная арка тоже была выкрашена в зелёный, а над входом поблескивало медью изображение извергающегося вулкана. Храм врачей? Лис хочет отдать ребёнка в приют? Детей там, конечно, выхаживают, но потом направляют в работные дома, где те умирают от непосильного труда и голода. Вряд ли участь этого малыша будет хоть чем-то лучше Айкиной. Зачем же тогда мы его спасали?

Бургомистр дёрнул висевший на двери колокольчик. На пороге показался укутанный в просторную алую тунику совсем молоденький служитель. Целитель с очень слабым даром — врачей для нищих набирали именно из них. Ещё при храме держали нескольких слабых пирокинетиков, которые следили за неугасимым пламенем и исполняли ритуальные танцы с огнём по праздникам.

Лис тихо перекинулся со служкой парой слов и кивнул мне. Я медлила. Брат пихнул меня в спину, и служка сам забрал малыша. Я всхлипнула. На глаза едва не навернулись слёзы.

— Всё, долг мы свой выполнили? — нетерпеливо поинтересовался Вейас и безо всякого почтения продолжил: — Где тут постоянный двор поприличней? И деньги нам от вас не

нужны совершенно!

Лис махнул на одно из высоких зданий с вывеской, где была нарисована гарцующая лошадь. Возле входа бестолково топталось с полдюжины человек.

— Только учтите, из пьяных дебошей ваши задницы я спасти не стану, — предупредил бургомистр и похромал обратно к ратуше.

Брат потащил лошадей в сторону двора, а мы вместе со Свинтусом застыли в растерянности. Переводили взгляд с Вейаса на Лиса и обратно. Потом глянули друг на друга. Свинтус громко кваркнул и рванул следом за бургомистром. Я крикнула Вею:

— Ты устраивайся, я попозже подойду.

И побежала за беспокойным духом.

— Погодите! Послушайте! — совсем запыхавшись, я остановила Лиса уже на пороге ратуши. — Вы сказали, что дух пришёл, чтобы восстановить гармонию. Он привёл нас к этому ребёнку. Должно быть, для богов важно, чтобы у малыша была светлая, добрая судьба. Возьмите его себе!

Бургомистр замер, так и не поставив ноги на ступеньку. Свинтус заступил ему дорогу и веско захрюкал. Лис нехотя обернулся ко мне:

— Детонька, если бы боги желали, чтобы у малыша была светлая судьба, они бы не наградили его проклятием Сумеречников, не наградили никого из нас! Взгляни на меня, тебе же так нравится смотреть, — он убрал волосы назад, выставляя напоказ свои шрамы. С левой стороны лица не хватало ещё и уха. Я непроизвольно задержала дыхание. Мне не нравилось смотреть — я просто не могла оторваться. — Знаешь, как я их получил?

— На охоте. Вас подрал демон, — ответила я, пряча взгляд.

— В Сальвани мой отряд попал в засаду. С воздуха атаковала большая стая гарпий. Мы отбивались, сколько могли, давая нашему командиру — высокому лорду — уйти невредимым. Погибли все. Я выжил лишь потому, что от боли не смог сдержать трансформацию. В суматохе никто не заметил маленького израненного лиса. После битвы меня подобрали целители и подлатали то, что ещё можно было подлатать. Иногда по ночам, когда боль становилась нестерпимой, я мечтал, чтобы они позволили мне умереть. После того как меня поставили на ноги, наш высокородный трус встретился со мной, только чтобы сообщить, что меня исключили из ордена за непригодность. Такая участь ждёт каждого: если повезёт — быстрая смерть в когтях демона, если нет — существование никому не нужным калекой, — дыхание сбилось, и Лис замолчал ненадолго. — Нет, я не стану вешиваться. Незачем ответственность за чужие глупости на себя взваливать.

Я не смела поднять на него взгляд, но знала одно: в Ильзаре с ним бы так не поступили. Отец никогда не бросил бы свой отряд погибать и не оставил пострадавшего в бою воина без содержания. Или его рассказы о храбрых подвигах были ложью, как ложью была его клятва верности маме?

— Тогда вы будете ничуть не лучше, чем ваш лорд! — выкрикнула я в сердцах. — Злой, чёрствый, старый брюзга. Даже хорошо, что лицо у вас теперь такое — прекрасно отражает внутреннюю суть. И знаете что?

— Что? — обескуражено переспросил Лис.

— Когда мы с братом пройдем испытание, я сам заберу малыша, а вы так и останетесь одинокой, никому не нужной развалиной.

Я развернулась на каблуках и зашагала прочь, не желая показывать своё смятение. Свинтус тоже прохрюкал что-то осуждающее и помчался следом. Да, я прекрасно знала:

никуда этого малыша забрать не смогу, потому что мне и самой идти некуда. Вейас, может, и станет рыцарем, а я... Мне придётся покориться воле ордена и выйти замуж либо продолжать скитаться по свету неприкаянной нищенкой. Вряд ли для ребёнка такая участь будет лучшей той, что ему предложат в работном доме.

Я встретила с братом в тесном обеденном зале постоялого двора. Дым разъедал глаза и душил кашлем, а от запаха мужского пота к горлу подступала дурнота. Пьяный гам свербел и давил на уши. Весь вечер я просидела как в воду опущенная. Вейас насильно кормил меня ужином, а залёгший под кособоким столом Свинтус жалостливо курлыкал. Хорошо, что его никто, кроме нас, не видел. С животными сюда не пускали, с демонами и духами — подавно.

В замызанной комнатухе с обшарпанной мебелью смердело так, будто там кто-то умер и протух. Лучше во всём Вижборге не сыскать — пытался убедить нас пузатый хозяин постоялого двора. Если это лучшее, то остальное и представить страшно. Свинтусу, видно, здесь настолько не понравилось, что он куда-то запропал. Я бы тоже с удовольствием пропала, но за комнату было уже заплачено.

Всю ночь я ворочалась на жёсткой кровати, застеленной плесневелым бельём. Думала, представляла, никак не могла избавиться от мыслей. Сомкнула глаза лишь к рассвету, но тут же разбудил стук в дверь.

Я заспанно застонала. Вейас поднялся и, накинув на рубаху плащ, отпер. На пороге стоял бургомистр, вцепившись в костыли. Под здоровым глазом залегли тени. Может, мои слова подействовали на его совесть и он что-нибудь придумал для малыша? Я скинула одеяло и подалась вперёд, совершенно забыв, что в одной рубахе во мне запросто можно признать девушку:

— Вы нашли семью, которая приютит малыша?

В дверь следом протиснулся Свинтус и приветственно хрюкнул. Вернулся, пройдоха!

Лис едва заметно повёл плечами.

— Никто его не возьмёт, особенно после того, что тут устроил его родитель, — не дождавшись приглашения, Лис уселся на единственный шаткий стул и положил голову на костыли: — Они, как и вы, путешествовали вдвоём: ясновидец из высокого рода и его менее знатный компаньон-змея, который делал всю грязную работу. Вдали от родительской опеки у них откочевала крыша. Полгода они здесь куролесили: ясновидец скупал у врачей и травников кампальное зелье и, набравшись до белых демонов, страшил бюргеров байками о светопреставлении, а его менее затейливый товарищ обхаживал злачные заведения да девок топтал. Уж сколько раз мне бюргеры жаловались, что он обжимался с очередной наивной дурочкой на сеновале.

Вы поймите правильно: для меня бюргеры как семья. Они дали мне кров, приняли на службу, когда орден от меня отказался. Теперь я обязан блюсти их интересы превыше интересов Сумеречников. Они только молокососов и могут сюда засылать на испытания. А коли что не так пойдёт, ордену и дела нет — их только бунтовщики с юга волнуют. Я, конечно, могу с людьми договориться и безобразия подчистить, но с демонами воевать непригоден.

Он погромыхал костылями, чтобы мы в полной мере его поняли, и продолжил рассказ:

— Напомнил я этим молодчикам, для чего их сюда прислали, и они наконец убралась. Я сам им дорогу до Каменной рощи показал, где амфисбена жила. Её им в качестве испытания назначили. Месяца два назад это было. Думал, не победят демона, так хоть сами

сгинут. Не видели мы их больше, только вода в реке протухла, скот падать начал. Хорошо ещё, что в городе колодцев достаточно, иначе бы все передохли. Молодчики, видно, амфисбену ранили, но добить не смогли. Теперь она своей кровью воду отравляет.

Амфисбена? Кажется, она похожа на ящера с двумя головами с противоположных сторон туловища: серая голова обращает взглядом в камень, красная — в пепел. Не знала, что их кровь может заражать воду, тем более так надолго.

— Зачем вы нам это рассказываете? — не выдержал Вейас, недовольно поглядывая на Свинтуса, который тёрся у ног Лиса.

— Хочу предложить сделку, — ничуть не смутившись, сказал бургомистр. — Вы возьмёте на себя ответственность за одну часть проступков ваших предшественников и добьёте амфисбену, а я, так уж и быть, возьму вторую — присмотрю за вашим найдёнышем. Тогда, надеюсь, этот настёрный нидагрисур позволит мне поспать!

Лис уже безо всякого почтения замахнулся костылём на Свинтуса. Дух, истошно взвизгнув, спрятался у меня за спиной.

— Амфисбена слишком опасный демон. На таких целым отрядом ходят опытные воины. Парням не повезло, но мы-то тут ни при чём, — развёл руками Вейас, а я потупилась.

— Ах ни при чём! Тогда не смейте пенять мне больше на чёрствость, — вспыхнул бургомистр. — Тоже мне, бескорыстные герои выискались.

Он собрался уходить, но я его перехватила.

— Погодите. Амфисбена же ранена, правильно? Значит, она уже не так сильна. Мы справимся. Это хороший опыт, лучше, чем бесполезную мелочь по амбарам гонять. Если мы хотим справиться с легендарным вэсом, то эту тварь должны одним ударом меча уложить.

— Вэс? Это как в сказке про Безликого, что ли? — присвистнул Лис. — Я-то думал, это мне не повезло.

Вейас оскалился:

— Я и пальцем не пошевелю за просто так. Давайте деньги либо разбирайтесь сами. Жизнь паршивого змеёныша в обмен на благосостояние всего города? Это плата низкая и несправедливая, ведь жизни можем лишиться мы двое. А то и весь Вижборг.

Бургомистр закричал:

— Тридцать золотых — это всё, что осталось в казне.

— Тогда ещё зеркальный щит, самострел для моего брата и подробную карту окрестностей, — Вейас «дожимал» заказчика.

Бургомистр долго мялся, а потом махнул рукой:

— Демоны с вами! Соберу всё через пару дней. Тогда же врачеватели сделают порошок, который надо будет высыпать там, где гадина воду отравляет. А ты, — Лис обернулся к Свинтусу. Дух сел на задние ноги и по-собачьи заглянул в глаза. — Чтобы не давал им спать до конца жизни, если они вздумают меня обмануть.

Свинтус согласно хрюкнул.

Так мы и оказались в восточном лесу за Вижборгом, в стороне от дороги, что вела на север в Хельхейм, и теперь направлялись в обителище той самой амфисбены — таинственную Каменную рощу. Двигались вдоль петляющего русла отравленной реки, чтобы не потерять путь. Свинтус нёсся впереди лошадей, то и дело оглядываясь и подбадривая хрюканьем.

Ехать пришлось совсем не так долго, как предполагал Вейас. Через несколько часов деревья расступались. За поросшей разлапистыми ёлками опушкой земля оказалась

выжженной: ни пожухлая трава, ни даже мхи с лишайниками здесь не росли. В воздухе стояла взвесь душной известняковой пыли. То тут, то там попадались одинокие скалы, причудливыми очертаниями напоминая животных и людей. Замерли безлистые окаменелые деревья, корявыми сплетениями ветвей напоминая змеиные клубки. Звуки и запахи растворялись в зыбком безмолвии. Ветер не дул. Уничтожив тени, солнце застыло посреди безоблачного, жидко-синего неба. Вода в реке и та стала густой и студенистой, как кисель, и дурманила приторно-сладким запахом. Действительно, Каменная роца, мёртвая.

— Гляди-ка, похоже, это родитель твоего найдёныша, — брат спешил к вертикальной окаменелой коряге. Присмотревшись, я разглядела змеиную голову с широким капюшоном и высунутым из пасти тонким раздвоенным языком.

— Кобра, — пояснил брат. — Вряд ли здесь такие водятся. Демон совсем близко.

Я тоже спешила и привязала лошадь к окаменелому дереву. Мы приготовились. План обговорили ещё в Вижборге, сразу после беседы с бургомистром. Проверили оружие, зарядили самострел. Мы со Свинтусом спрятались за большим валуном, похожим на вставшего на задние лапы медведя. Брат вышел на открытую поляну и постучал мечом о круглый щит, сделанный из гладко отполированного металла наподобие черепашьего панциря. Звон пробежал по всей роце, отражаясь от валунов гулким эхом. Так брат рассчитывал привлечь внимание амфисбены.

Вейас полностью закрылся щитом, зеркальная поверхность которого должна была отражать колдовской взгляд демона. Мне предстояло из укрытия руководить движениями брата и заодно попытаться попасть из самострела в глаза зловредной твари. От Свинтуса просто требовалось сидеть тихо. Правда, мы не знали, как ему это объяснить.

Ничего не происходило. Вейас ещё раз постучал, поворачиваясь в разные стороны, чтобы звук разнёсся как можно дальше. Я зажмурилась, прислушиваясь к собственным ощущениям. Зашелестело, словно по земле волочили что-то тяжёлое. Вдалеке алым вспыхнула демоническая аура. Накрыло ощущением усталой обречённости, последней предсмертной ярости. Видно, тварь обезумела от боли, но умереть не могла, поддерживаемая собственными чарами.

«Идёт», — предупредила я Вейаса.

Во время столкновений с демонами страха я не испытывала, лишь азарт от предстоящей схватки, даже тогда, с варгами, это был не страх, не дикий животный ужас, а холодный расчёт, желание победить, осознание собственной силы над «угнетателями людского рода». Должно быть, так чувствовали себя хищники, охотясь на более крупных травоядных животных.

Я вскинула арбалет, думая лишь о том, как болт вонзится в глаз чешуйчатой гадины, а Вейас избавит её от мучений.

Ожидание давалось с трудом. Руки подрагивали от напряжения. Со лба катился пот. Шелест приближался слишком медленно. Закрывшись щитом, Вейас кружил по поляне, готовый в любой миг броситься в схватку.

Мелькнула тень за стволом окаменевшего дуба у реки.

«Справа!» — мысленно предупредила я.

Вейас повернулся и двинулся вперёд. Огибая дерево, к нему полз большой ящер. Серая чешуя почти не выделялась на фоне каменистой почвы. Сзади волочился красный хвост, оставляя на земле глубокую борозду. А говорили, что у неё две головы. Я едва не пропустила, как жёлтые глаза мигнули в мою сторону. Спряталась в последний момент. Хух, сейчас бы

тоже окаменела! Вынув из кармана зеркальце, заглянула через него. Прицелилась.

«Давай!» — крикнула и выстрелила.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Амфисбена бросилась вперёд, и болт воткнулся ей в хвост. Зашипела и ударила им по Вейасу. Тот едва смог прикрыться щитом. Это был вовсе не хвост, а повисшая на лоскуте запёкшегося мяса голова! Красная, та, что пепелит.

«Кончай её разглядывать! — отрезвил возглас Вейаса. — Совсем про план забыла?!»

Я отдавала ему указания: «Правее и ниже, да не туда! Быстрее, она разворачивается! Влево, уходи влево!»

Слишком медленно. Вейас не успевал наносить удары — так стремительно двигался демон. Раненый, наполовину дохлый демон!

«Беги!» — крикнула я и снова выстрелила.

Наконечник болта лишь скользнул по чешуе. Зато Вейас улучил момент и рубанул по демону мечом. На землю полетела красная голова. Да мы же только избавили тварь от бремени и потеряли преимущество!

«Беги, беги скорее!» — позвала я, дрожащими руками перезаряжая оружие. Почему так медленно?!

Вейас пятился к моему убежищу, прикрываясь щитом. Амфисбена неслась за ним, шипела, показывая жёлтые от ядовитой слюны клыки, бросалась вперёд, стремясь заглянуть под щит или укусить незащищенные ноги.

«Осторожно, камень!» — запоздало предупредила я.

Споткнувшись, Вейас едва удержал равновесие. Взмахом меча, ударом щита отбил клыкастую морду.

Я прицелилась. Свинтус подскочил и толкнул меня в локоть. Рука сорвалась. Болт вонзился глубоко между чешуйками. Амфисбена истошно зашипела и замерла. Вейас нырнул за валун рядом со мной.

«Плёвое дело! Она же полудохлая! Надо проверить себя до встречи с взсом! — передразнил он меня. — Демоны бы побрали твоё желание помогать всем несчастным и обездоленным. Никого не спасём — только сами головы сложим».

Я не отвечала. Да и что тут сказать? Не могу я ребёнка в беде бросить, не могу, и всё! Кинула брату второй арбалет вместе с болтами и продолжила перезаряжать собственный. Амфисбена мотала головой из стороны в сторону. Подползла совсем близко и вытянула шею. Ещё бы пару мгновений!

Свинтус взвизгнул и бросился в атаку. Глупый! Сейчас же в камень превратится. Амфисбена уставилась на него завораживающим взглядом. Дух не окаменел, а влетел в неё на полном скаку, боднул головой, едва не перевернув на спину. Амфисбена зашипела и атаковала короткими выпадами. Стервец то исчезал, то появлялся вновь, врезаясь в тварь с разных сторон. Он позволил нам перевести дух и приготовиться.

«На счёт три, — скомандовал Вейас, когда я направила самострел на демона. — Раз, два...»

Болты сорвались одновременно и воткнулись прямым в глаза твари. Кровь хлынула по морде ручьями. Вейас подхватил меч и ринулся к амфисбене. Одним ударом подсёк ноги и ещё тремя отрубил вторую голову. Туша задрожала в бешеных судорогах. Брат снова отскочил за камень и упал. Я бросилась к нему. Кураж схватки отпустил, прочистились взгляд и мысли. Амфисбена всё-таки задела Вейаса! Рукав его рубашки на запястье был

разодран, ткань потемнела и набухла от крови. Голова бессильно запрокинулась. Это яд!

Я опустилась рядом и обняла его. Это моя вина, я не должна была его заставлять, это слишком много... Рубашка промокла от пота. К нему добавились и мои слёзы. Стук сердца потихоньку замедлялся. Грудь вздымалась всё реже. Тело остывало. Я обнимала Вей все крепче. Не отпущу, не отдам, уйду на тот берег вместе с ним.

К нам приблизился Свинтус, залёг возле раненной руки Вейаса и с квохтаньем принялся сосать. Кожа сразу потеплела.

— Да больно же! — вскрикнул Вейас и вырвал руку.

Мутный взгляд становился всё более осмысленным. Я схватила запястье брата и притянула к себе. От раны не осталось и следа.

— Вот так Свинтус! Он тебя вылечил.

Свинтус радостно взвизгнул и перекувырнулся через голову.

— Только не слишком зазнавайся. Ты мне всё равно не нравишься, несурзное создание! — скривился брат. Дух презрительно хрюкнул и отвернулся. Вейас поднял моё лицо за подбородок: — А ты заруби себе на носу: больше мы никого спасать не будем!

— Хорошо, — я готова была согласиться на всё, лишь бы он жил и оставался рядом со мной. Всегда. Я поцеловала его в щёку.

— Ну, может, только один раз.

Я поцеловала другую.

— Или два.

— И ещё много раз, — рассмеялась я, целуя лоб и глаза. — Мой герой!

Вейас печально улыбнулся, встал и подобрал мешок с порошком врачей. Мы вытряхнули его в реку, где вода была особенно густой и вонючей, остатками присыпали кровоточащие раны на туше. Обе головы закинули в мешок и отправились в обратный путь.

В Вижборг мы вернулись через полтора дня к закату. Лис сидел на пороге ратуши и баюкал укутанного в одеяло малыша.

— Ну надо же! — вырвалось у нас одновременно.

Вейас распустил на мешке тесёмки и показал трофеи. Лис заглянул внутрь и удовлетворенно кивнул.

— Вот решил проветрить его немного. Детям, говорят, полезен свежий воздух, — малыш потешно засопел, заставив нас всех улыбнуться. — Врачеватели пока за ним в храме ухаживают, а как окрепнет, я смогу забрать его себе. Он почти всё время молчит. Думаю, уживёмся как-нибудь. Хромой Лис и Тихий Змей.

Свинтус радостно хрюкнул и ткнулся в здоровую ногу, но когда Лис потянулся, чтобы почесать его за ушком, дух растворился в воздухе. Сколько мы ни звали, он не возвращался. Жаль: я уже к нему привыкла. Мне надо научиться отпускать. Лиса и маленького Змея тоже. Даже толком попрощаться не смогла, потому что глаза были на мокром месте. Пришлось старательно отворачиваться, пока Вейас перекидывался с бургомистром последними словами.

— Ты это... сестру береги, — Лис бросил на меня короткий взгляд. Догадался, что я не парень? Не одурачить мне никого, и пытаться даже не стоит! — Сердце у неё из чистого золота, гораздо дороже этого, — Лис вручил брату кошель с монетами. Вейас принялся их пересчитывать. — Умеет она пробуждать совесть... даже если та, казалось, давно умерла.

— Уж мне ли не знать, — Вейас сунул деньги обратно в кошелёк и обернулся ко мне.

На его губах играла всё та же печальная улыбка.

1526 г. от заселения Мидгарда, Гартленд, Лапия

Мы прибыли в Гартленд. Этот небольшой городок находился у подножия Спасительного хребта, что отделял Утгардский полуостров от Мидгардского континента. На ночь нас приютил целитель Майлз. Целители тоже принадлежали к ордену, хотя с демонами не воевали и могли выбирать место для жизни и работы, отдавая дань деньгами и помощью воинам.

На ужин Майлз повёл нас на самые задворки города. За щербатой дверью в тёмной подворотне прятался крошечный зал харчевни. Столики стояли тесно и все были заняты. Чтобы освободить для нас место, хозяину пришлось вышвырнуть парочку засидевшихся выпивох. Подавальщицы разносили по узким проходам кружки с элем и отбивались от распускавших руки завсегдатаев. Неуютно и странно пахнет, но в казённых домах всегда так. Не худший вариант. Майлз говорил, что здесь шансов отравиться меньше и эль не разбавляют. Про тухлую еду в придорожных корчмах мы знали не понаслышке: прижимистые кухари заливали испортившиеся продукты уксусом и присыпали острыми приправами, чтобы отбить вкус и запах, а мы потом несколько дней мучились животами.

— В Урсалию проще всего по морю попасть, — отвечал на расспросы Майлз, цепляя ложкой кольца жареного лука.

Целитель был невысок и коренаст, с круглым лицом и большими залысинами на висках. Лет ему давно перевалило за сорок. Говорил он размеренно и вдумчиво — толковый собеседник.

— Сейчас конец осени, шторма. Нет в порту желающих в такую погоду плыть, — покачал головой Вейас, гоняя по тарелке скользкий гриб.

Я обиженно фыркнула. Меня брат в порт не взял, потому что там якобы лихой народ обретается. Если считать ворон на ходу, как я обычно делаю, то велик риск попасть в беду. Как будто мы до этого не влипали в неприятности. И выкручивались же каждый раз. Но настаивать я не стала: дожидалась у коновязи, а так хотелось увидеть море! Я про него столько слышала — бескрайняя тёмная гладь до самого горизонта, манит простором и необузданностью первозданной стихии. А вот Вейас глубокую воду недолюбливал с детства, хотя большое лесное озеро дома много раз переплывал со мной за компанию. Дрожал, тяжело дышал и долго отлёживался потом на берегу, но меня потерять боялся гораздо больше, чем заплыть на глубину.

— Через пару-тройку недель прибудет корабль усральского капитана. Он удачлив, как морской демон — доведёт за хорошую плату, — предложил Майлз.

Брат скорчил недовольную гримасу:

— Слишком долго. Да и разбойники они все — морской народ. Того и гляди, ограбят и за борт выкинут с камнем на шее.

— Как знаете. — Майлз подтянул к себе расстеленную на столе карту и указал на точку в горном перешейке. Она находилась далеко к северу отсюда: — Это Перевал висельников — единственная дорога через Спасительный хребет.

— Почему висельников? — потянув для вида каплю эля, встряла я.

— Потому что проще сразу в петлю, чем там пройти, — ответил мастеровой за соседним столом, сильно подвыпивший, судя по громкому хохоту.

Неучтиво-то как! Я поёжилась. Вейас осадил пьянчугу грозным взглядом — тот быстро

сник.

— Тропа там крутая, кое-где над обрывом по узкому карнизу проходит, кое-где на кручу лезть надо. К тому же там и до Тролльих сховищ близко. Запросто с кем столкнуться можно, — пояснил Майлз.

— Тролли — это плохо, — многозначительно ответила я.

Мерзее демонов надо ещё поискать. Подлые и хитрые, они легко справлялись даже с бывальыми Сумеречниками и проклясть могли так, что самые искусные целители оказывались бессильны. Уж лучше в море утонуть, чем подцепить тридцать три несчастья от троллей. Вейас морщился — видно, размышлял о том же.

— Нет ли другого пути? Дальнего или тайного? Только для Сумеречников? — я подмигнула Майлзу.

Он окинул зал подозрительным взглядом и, придвинувшись вплотную, зашептал:

— Есть здесь одна пещера, — он указал точку на хребте гораздо ближе к Гартленду, чем злосчастный перевал. — В преданиях говорится, что в селении, которое стояло на месте этого города, жил храбрый пастух Апели, слепой, будто крот. Летом он единственный осмеливался водить стада овец на высокогорные пастбища Спасительного хребта — тогда его ещё называли Коварным. Апели знал горы как свои пять пальцев. Не боялся ни глубоких ущелий, ни узких парапетов, ни сыпучих камней, ни отвесных скал.

Ни разу он не потерял ни одного животного, но однажды, испугавшись непонятно чего, от него сбежало всё стадо. Долго он искал овец по кручам и оврагам, пока не нашёл одну пещеру. Апели спустился внутрь и два дня брёл по её чреву, оголодал и уже не надеялся вернуться, но вдруг пещера закончилась. Апели оказался в долине по ту сторону гор и нашёл своё стадо, мирно пасущееся на свежей, нетронутой траве. Собрав овец, погнал их Апели обратно, но у самого выхода из пещеры стадо снова испугалось. Апели услышал голоса — то оказался передовой отряд троллей. Они собирались напасть на селение. Дождался Апели, пока тролли уснули, и, бросив стадо, помчался домой.

Ему удалось увести селян до нападения, но тролли почуяли их и пустились в погоню. Апели решил провести людей через пещеру и укрыть в долине по ту сторону гор. «Ты слеп, Апели! — возразил один из них. — Ты не видишь, тут над входом древние написали: «Бойся каждый, ступающий в обитель Истины, ибо лик её жесток и беспощаден». Ты слеп — тебе страшиться нечего, а мы умрём от ужаса, если узрим её». «Что ж, пусть те, кто боятся, остаются здесь и падут от стрел и клинков троллей, остальные же последуют за мной и, быть может, мы спасёмся».

Так и поступили. Часть осталась, и их кровь впитали в себя земля и камни. Часть последовала за Апели, и те, кто был чист душой, миновали пещеру. Они основали в долине на берегу моря новое селение, которое позже назвали Урсалией. Те же из них, кто не смог очиститься от дурных помыслов и страхов, сошли с ума и навсегда остались блуждать в пещере. Позже, когда троллей загнали обратно в горы, а разрушенный Гартленд отстроили, люди снова попытались пройти через пещеру, но сурового Лика истины не выдержал никто.

Я слушала, заворожённо приоткрыв рот, а Вей, наоборот, кривился:

— Бабы сказки. Я бы рискнул.

— Может, дождёмся капитана? — слабо возразила я. — Не нравятся мне пещеры: там сыро, темно и полно летучих мышей.

Честно говоря, меня напугала легенда. Неправда, что люди желают знать Истину. Многие боятся, что тайны, которые они прячут от себя самих, полезут наружу, боятся

увидеть себя и своих друзей в свете Истины, бояться, что все их чаяния и заботы окажутся тщетны, а сами они превратятся в навозных жуков. Лик Истины страшнее любого демона. Сомневаюсь, что мы с братом настолько чисты помыслами, чтобы не страшиться встречи с ним.

— Тогда дорога одна — через перевал, — развёл руками брат и, изловив свой гриб, добавил: — Отбываем на рассвете — нужно хорошенько выспаться.

— Так рано? — нахмурился Майлз. — Самайн скоро. Нельзя в такое время в дороге быть. Не гневите богов, оставайтесь, будете у нас почётными гостями.

«Давай останемся, — мысленно попросила я. — Не нужно обижать бургеров отказом. Что нам стоит задержаться на пару дней?»

Самайн — самый большой и весёлый народный праздник. Он знаменовал конец сбора урожая и начало нового года. В Ильзаре торжеств, конечно, не устраивали — ограничивались плотным ужином с уткой, начиненной яблоками, и разжиганием всех каминов в замке. А простой народ, как рассказывала нянюшка, гулял ночь напролёт, танцевал, гадал, целые представления показывали. Так хотелось хоть одним глазком взглянуть!

«Пару дней тут, неделю там — уже два месяца потеряли. Если мы не успеем вернуться из Хельхейма до весны, то путь по льду растает и мы окажемся заперты там на полгода. Вряд ли мы там столько протянем».

«Два дня ничего не решат. Пожалуйста!» — я изобразила на лице отчаянную мольбу, выпятив нижнюю губу и сделав большие глаза. Даже сжала ладонь брата под столом.

— Останемся только на главный праздник, а дальше без нас обойдётесь, — сдался он и мысленно добавил: «Однажды я научусь говорить тебе «нет»».

Я подмигнула ему, склонив голову набок. Вейас не смог дольше удерживать на лице кислую мину и улыбнулся в ответ. Его пальцы переплелись с моими под столом.

— Хозяин, вина нам из лучших запасов! — позвал Майлз. — Завтра на празднике нас почтут присутствием высокородные Сумеречники!

Посетители обернулись. По залу прошла волна удивлённого шёпота. Вейас пожал плечами и помахал рукой. С трудом преодолевая робость, я сделала то же самое.

***

Стараниями Майлза нас приодели в новые светлые штаны и рубахи, а плечи укрыли лазурными плащами. Прямо настоящие Сумеречники, даже боязно немного. Вей, может, когда и станет рыцарем, а вот я вообще не должна рядиться в мужское платье.

В одинаковой одежде мы стали странно похожи, только я мельче ростом, уже в плечах, с бледным оттенком волос, а Вейас более крупный, златокудрый, с обаятельной улыбкой, не сходящей с уст. Любвеобильный дух плодородия во плоти.

Город тоже прибрали к празднику: начисто вымели центральную рыночную площадь, на мостовой начертили мелом замысловатую схему и разложили по ней ритуальные костры, установили чучела разных сказочных персонажей, демонов, духов и мелких божеств — Повелителей Стихий запрещалась тревожить понапрасну. На невысоком помосте играли музыканты на лютнях, флейтах, домрах, волынках, бубнах, а особенно много было туго обтянутых кожей барабанов — по одному у каждого костра. С краю площади ломались от

угощений длинные столы. Вокруг них сновали детишки, норовя стащить кусок пирога или медовый рогалик. В центре, изображая ритуальные сценки, развлекали толпу ряженные в масках и костюмах с бубенчиками. По бокам показывали трюки младшие служки из храма Вулкана, жонглируя над головой огненными шарами, раскручивая змеящиеся пламенеющие ленты, искрами рисуя в воздухе картины. Молодёжь парами танцевала вдоль костров, смеялась и гомонила. Вейас был среди них, кружил одну красавицу за другой, ни с кем не оставаясь дольше, чем на один танец. Только я сидела со стариками на скамейке, лениво отмахиваясь от девушек, возжелавших попытаться счастья у менее статного «брата». Скукота!

Может, согласиться для смеха? Самой повести в танце, вскружить голову рассказнями о богатстве и сладкой жизни в замке, зажать в тёмном переулке и поцеловать по-мужски настырно. А потом распахнуть одежду и напугать до смерти женским телом. Была бы Вейасом, так и поступила бы! Но я — не он, я Лайсве, которая созерцает жизнь со стороны и никогда в ней не участвует. Я Лайсве, которая всего боится и стесняется. Даже одежда с чужого плеча не позволяет мне превратиться в кого-то другого. Зачем я попросила брата остаться на праздник? В горах одним было бы в сто раз лучше!

Только в полночь я немного оживилась. Готовилось самое захватывающее представление — венец празднества. Один из ряженных изображал убранную в золото Владычицу Осень с маской и короной из разноцветных листьев. Он отплясывал и подскакивал яростнее всех, громко выкрикивал праздничные песни и выглядел совсем безумным. Я не удивилась, когда именно его выбрали на главную роль в представлении. Храмовые служки завязали ему глаза шарфом и вручили зажжённый от ритуального костра факел. Музыка стихла, вся площадь замерла, напряжённо наблюдая. Ряженный волчком закрутился на месте и двинулся сквозь толпу. Люди расступались, освобождая дорогу, и смотрели вслед. Сейчас выберет самую красивую и чистую девушку — невесту богов. Каждая втайне мечтает об этом.

Старики рядом со мной затаили дыхание: ряженный шёл сюда. Неужели бабульку какую выберет? Вот умора будет! Я хохотнула в кулак.

Ряженный остановился перед нашей скамейкой и указал пальцем:

— Боги хотят её!

Ряженный стянул с лица повязку и уставился на меня огромными, подкрашенными сажей, задурманенными глазами. Толпа удивлённо загудела. Старики отодвинулись подальше. Я посмотрела направо, потом налево и только тогда поверила, что он выбрал меня!

— Ради всех богов, извините! — бросился ко мне полноватый господин, которого нам представили, как здешнего бургомистра. — Это недоразумение. Калле ошибся, — бургомистр отвесил ряженому затрепину и заговорил, как с маленьким: — Недотёпа, ты не видишь, это парень, Сумеречник? Он не может быть невестой. Выбери другую, девушку, с титьками и косами, понимаешь?

— Не-е-ет, — громко икнув, покачал головой ряженный. — Иногда боги разрешают выбрать другую, но не сегодня. Её хотят и больше никого, — Калле ткнул мне в лицо пальцем. — Титьки, говорят, там есть, только тряпками замотаны, а косы сама себе обрезала.

Ну вот ещё! Боги знают, что я титьки тряпками перевязываю, чтобы плоче казаться. Срам-то какой! Всерьёз это или шутка? Смеяться мне или прятаться под лавку от страха перед гневом высших сил?

— Какого демона здесь происходит? — забранился подоспевший Вейас. Зло зыркал на всех, даже на меня. — Вы же обещали, что оградите нас от этого бреда!

— Простите великодушно. Калле не понимает, умом слаб совсем, — оправдывался бургомистр. Брат схватил его за грудки и встряхнул. Бургомистр выпучил глаза и взмолился: — Я... я сейчас всё исправлю, не извольте гневаться!

— Боги выбрали её. Если она не пойдёт, они разозлятся, и будет большой бум! — Калле продолжал тыкать в меня пальцем и закатывать глаза, распаяя Вея ещё больше.

Бургомистр отшатнулся. Терebil вынутый из кармана платок и постоянно всхлипывал. Вот-вот в истерике забьётся. Любопытствующие обступали нас со всех сторон, смотрели так внимательно, словно чего-то ждали. Брат сжимал кулаки. В груди душным комом нарастала паника.

— Уймите своего брата, умоляю! — схватил меня за локоть продравшийся сквозь толпу Майлз.

Он прав. Надо не допустить драки. Чего мне стоит подыграть полоумному ряженому? Сама ведь почти такая же, как он.

Я встала и сжала ладонь Вейаса. Думала лишь о том, что всё хорошо, он должен успокоиться. Мне ничего не угрожает. Невеста бога — это ведь почётно.

— Я сделаю, что требуется! — выкрикнула я настолько громко, насколько могла.

Толпа взволнованно зашепталась.

— Всё в порядке! Жертвоприношение состоится, как и планировалось! — поддержал меня Майлз.

Какое жертвоприношение?! Он ведь пошутил?

Через ладонь брата меня опалило негодованием, которое грозило перерасти в сметающую разум ярость. От страха стало не продохнуть. Мы с Вейасом всё ещё были телепатически связаны. Он распаялся от моих эмоций сильнее. Вторая ладонь уже лежала на эфесе притороченного к поясу меча. Демоны!

По ушам ударил крик. Калле, безумно улыбаясь, рухнул на землю. Толпа расступилась, напряжение слегка спало. Всеобщее внимание поглотил ряженный: он свернулся клубочком и, пачкая дорогое одеяние, покатился по мостовой, выкрикивая что-то несуразное.

— Не обращайтесь внимания, он всегда так, — Майлз положил руки нам с братом на плечи. — Жертвоприношение — это безобидный ритуал, не больше. — Он склонился над ухом Вейаса, но я всё равно услышала: — Если с вашей сестрицей что случится, можете вспороть мне брюхо.

Догадался! Хуже меня лицедея во всём Мидгарде не сыскать. Но хоть Вей расслабился: угрюмо смотрел на меня, но позволил решать самой. Я вложила ладонь в руку Майлза, и он повёл меня к большим кострам в центре площади. Целителю пришлось руководить праздником вместо бургомистра. Тот, бледный как полотно, уселся на скамейку вместе со стариками и никак не мог унять дрожь.

Всё-таки приятно, что выбрали меня. Невестой богов. Самой красивой и чистой. Пускай даже это дурацкая шутка полоумного ряженого и всего на один вечер. Мечта!

Люди почтенно расступались перед нами и смотрели вслед, как до этого было с Калле. Он до сих пор валялся в пыли, забытый всеми.

— Сам поднимется, — ответил на мой немой вопрос Майлз. — Спасибо, что согласились помочь. Богов здесь сильно чтят, не то, что у вас на юге. Святотатства не потерпят. Всего-то надо между священными кострами пройти. Заодно от скверны

очиститесь, — он указал на два огромных костра в центре, проход между которыми был настолько узким, что казалось, их пламя соприкасается.

— Я же загорюсь!

— Не загоритесь, — целитель кивнул на поджидавших возле костра храмовых служек.

Те споро подхватили с земли ведро и окатили меня с ног до головы липким зельем. Это ещё что за издевательство? Теперь я как паршивая мокрая курица. Все смеяться будут!

— Любую другую девушку после этого выдали бы за самого завидного жениха в городе и безо всякого приданого, — успокоил Майлз и подтолкнул к огню. — Ступайте же! Самый тёмный час проходит. Боги, может, и не разгневаются, а вот люди точно роптать станут.

Забили барабаны. Ритм отдавался в голове лихорадочной пульсацией. Мостовая под ногами ходила ходуном. В костры подбросили сухой соломы и елового лапника. Пламя взвилось до небес и сошлось вверху круглой аркой. Словно потеряв терпение, меня подхватила таинственная сила и понесла к огню. Я зажмурилась. Сторю! А барабаны всё били: бам-бам-бам! Ноги стукнулись об землю на другой стороне — я едва не упала. Сердце так и норовило выскочить из груди.

Когда я открыла глаза, людей рядом уже не было. Вместо них вокруг отплясывали полуживотные-полулюди, духи, которых до этого изображали ряженые в своих чудных масках. Места остальных бюргеров заняли призрачные фигуры, укутанные в белые плащи. Пламя в кострах стало плотнее и поменяло цвет на переливчатый сине-зелёный. Перетекало, словно вода, из одной формы в другую и грохотало барабанами.

О, милостивые боги, я же единственная жалкая человечка посреди потустороннего буйства! Страх прошёлся по коже ледяным ознобом. Я попятилась обратно к арке, но духи уже заметили меня. Они спешили наперерез, протягивали руки, что-то кричали — я не понимала ни слова — и толкали во все стороны. Всамделишнее жертвоприношение — духи раздерут меня на части!

Я упала ничком, сжалась в комок и закрыла голову руками. Кто-то в последний раз пнул меня ногой и всё стихло. Зашелестела одежда, послышался раскатистый рык. Любопытство пересилило страх — я подняла голову и встретила взглядом с ярко-синими глазами посреди наклепленной на морду белой маски. Огненный зверь! Он шёл медленно, принюхиваясь к налитанному смолистыми запахами воздуху. Я поднялась и побежала навстречу. Духи жались в стороны, пугливо поглядывая то на меня, то на зверя.

— Это ты! Я так боялась, что ты не ходишь по нетореным тропам, — я гладила полыхающую рыжим шерсть — его огонь был тут единственным земным, тёплым и близким. Зверь раздувал ноздри, смотрел растерянно, а потом рыкнул с неодобрением. Духи бросились врассыпную. Он злится? На меня? Да, я много чего неправильно сделала за последнее время: потворствовала обманам Вейаса, погубила Айку, задурила голову Петрасу... Я шмыгнула носом, но рук не отняла. Пускай карает, раз считает, что я заслужила.

Зверь встал на задние лапы, вытянулся во весь свой огромный рост и рванул зубами завязки моего плаща. Ветер подхватил его и унёс. Зверь удовлетворенно заурчал. Что-то во мне изменилось: голова отяжелела, а одежда стала свободнее. Да на мне же мамино свадебное платье, и волосы снова отросли! Густые и пышные, они доходили почти до середины бёдер и укрывали спину тёплой шалью. Похоже, ему не понравился мой мужской облик. Я засмеялась: такой грозный и такой щепетильный!

Зверь обнял меня за талию и закружил вдоль костров. Стремительно, аж дух перехватило. Я прижималась всё туже к огненной шерсти. Она не обжигала — ласкала

нежной теплотой. Зверь оторвался от земли и понёс меня по воздуху над кострами. Он двигался с такой страстью, и казалось, тоже наслаждался празднеством.

Духи наблюдали за нами. Страх разошёлся между ними зыбким дымком. Все до единого пустились в пляс: смеялись, прыгали через костры, подбрасывали друг друга в небо. Словно ликовали. Что их воодушевило?

Мы остановились отдышаться. Я села прямо на мостовую, зверь опустился рядом на все четыре лапы. Я заглянула в его умные глаза, провела ладонью по косматой морде и жёстким длинным усам.

— Я скучала. — Зверь согласно рыкнул. Противоречивые чувства так сильно переполняли меня, что я залепетала, как в детстве: — Я много всего увидела... Мир такой большой, в нём столько горя и страданий, и кажется, что ничего не имеет смысла: любовь и женитьба, рождение и смерть, борьба и милосердие — всё пустое без тебя. Я встретила одну девочку, единоверку. Они не верят в вас, — я указала на толпу духов. — Они верят во что-то странное, своё, я не до конца поняла, но девочка сказала, что их бога на самом деле нет. Ей очень хотелось, чтобы ты стал и их богом. Ты бы смог?

Зверь потупился. Шерсть потускнела, опало пламя костров. Я сказала что-то не то? Духи надвинулись на зверя стеной, как на меня надвинулась толпа людей по указке ряженого.

Духи тоже чего-то хотят от зверя?

Он оскалился и сбил подобравшегося слишком близко духа лапой, как назойливую муху. Остальные поспешили унести ноги, боясь даже смотреть, как зверь ковыляет прочь, низко опустив голову, а волочащаяся по земле кисточка хвоста чертит посреди пыли ровную полосу.

— погоди! — я поднялась и побежала следом. — Я не хотела тебя обидеть. Не бросай меня!

Он не обернулся. В голове мелькнула картина: тёмный провал в горе с заснеженной вершиной, а за ней облепивший прибрежную долину городок и похожее на панцирь исполинской черепахи плато, упирающееся в бескрайнюю ледяную пустыню.

— Лайсве! — позвал брат.

Я распахнула глаза. Темнота рябила круговертью радужных пятен, гомон толпы отдавался в ушах болезненным звоном. Хотелось попросить воздуха, воды, но вышел лишь всхлип.

— Вы клялись, что с ней всё будет в порядке! — крикнул Вейас.

— Я был уверен! Такого никогда не случалось, — запинаясь Майлз. Его голос тоже звучал совсем рядом. — Простите, я мигом её вылечу.

С глаз спала мутная пелена, и в отблесках костров я разглядела нависшего надо мной брата. Его черты заострились и вытянулись от тревоги. Я хотела коснуться его, но тело ослабло, а суставы ломило от малейшего движения.

— Лежи, — лицо Вейаса смягчилось. — У тебя был припадок, как у этих, — он кивнул на толпившихся вокруг ряженных.

Майлз сидел рядом на корточках и проверял мой пульс. Хмурился и нервно кусал губы.

— Я снова не смог тебя защитить, — брат гладил меня по волосам и целовал в горевшие щёки.

— Ничего страшного, — после долгих усилий удалось прохрипеть мне.

Это лишь очередной обморок. Всё уже проходит. Слабость отступает, оставляя ноющую

пустоту. Вот уже и пошевелиться могу. Я протянула руку брату и переплела с ним пальцы.

— Я знаю, какой путь в Урсалию выбрать, — голос сипел, ломался, но мало-помалу излечивался и он. — Через пещеру.

— А как же сырость и летучие мыши? — насторожился Вей.

— Видали и хуже: варги, Петрас, амфисбена.

— Действительно, — рассмеялся брат и обнял меня.

Следующие день и ночь мы отсыпались в доме Майлза. Целитель отпаивал меня лечебными отварами и справлялся о здоровье, хотя от слабости не осталось и следа. В конце концов я его убедила, и на рассвете второго дня мы выехали к пещере.

После происшествия на празднике я чувствовала себя по-другому: очистившейся не только телесно, но и духовно. Стало легко и весело. Я почему-то знала, что мы одолеем этот путь — огненный зверь не мог завести нас в ловушку и бросить, пускай я даже обидела его глупой просьбой.

Солнце лениво выкатывалось из-за оставленных по левую руку Тролльих гор. Впереди от одного берега до другого раскинулся Спасительный хребет. Подножье густо поросло таёжным хвойником, мертвенно-серым и тихим в преддверии зимы. Вершины венчали ослепительные снежные шапки. Далеко на востоке едва заметным понижением обозначился Перевал висельников. А здесь, гораздо ближе к западному побережью, между разлапистыми елями пряталась та самая колдовская пещера.

Мы проехали по маленькой роще, кое-где покрытой проплешинами инистых разводов — видно, ночью в предгорье были первые заморозки, слишком слабые, чтобы удержаться под натиском пробуждающегося солнца. Безветрие навевало сонные мысли, лошади шагали разморено, то и дело спотыкаясь на разбросанных повсюду камнях. Впереди чёрной глазницей замаячил вход.

Мы спешили, перекусили, запалили факелы и, взяв лошадей под уздцы, тронулись в путь.

— Гляди, действительно надпись, — я замерла на пороге.

Будто рукотворный арочный проход возвышался в два человеческих роста. Наверху были высечены знаки: тонкие клиновидные палочки, то скрещивающиеся, прямо и под наклоном, то, наоборот, идущие параллельно.

— Доманушская письменность, из нерасшифрованных, — задумчиво пробормотал Вейас. Взгляд сделался необыкновенно сосредоточенным.

— Ох! Неужели тебя заинтересовало что-то, кроме селянок и бюргерш? — пошутила я, но брат остался убийственно серьёзным. Даже смутился отчего-то. Пожал плечами.

— По ошибке позаимствовал у отца трактат о новейших исследованиях Круга книжников...

— Помню-помню, ты ещё у Петраса что-то про лабораторных химер говорил, — я не смогла вовремя остановиться, хотя прекрасно видела, что Вея вот-вот замкнёт.

— Да без разницы. Пустое всё, — отмахнулся он и зашагал в темноту вместе со своей лошадью.

Почему брат пытается казаться хуже, чем есть на самом деле? Вначале перед отцом, а теперь вот передо мной... Раздумывать об этом времени не было. Пришлось быстрее тянуть свою лошадь следом, чтобы не отстать.

Сырость пробирала до самых костей — даже поясница заныла под ворохом шерстяных одежд. Ноги стыли в отороченных мехом сапогах. Сверху капала вода, по пещерным залам

эхом разносился её стук. На стенах будто застыли потеки плавленого воска, с потолка свисали каменные сосульки, из пола росли их зеркальные отражения. Кое-где они встречались, образуя колонны с грибными шляпами вместо капителей. Говорят, в пещерах красиво играет свет, отражаясь от подземных озёр и вкрапленных в скалу кристаллов, но здесь был один серый камень. Длинный широкий коридор с едва различимым в вышине сводом петлял и кружил, словно исполинский змей, кольцами извиваясь под горами. Мы всё брели и брели по его чреву. От однообразной дороги слипались глаза и усталость настигала намного быстрее, чем если бы мы шли снаружи.

Я замерла у чаши с зеленоватой водой, разглядывая на ней салатовые пятнышки от падающего света.

— Давай передохнём, поспим часок, а то ноги совсем не идут.

Бульк! — в чашу упала капля с нависших над ней сосуллек. Бульк! — ещё одна, оставляя за собой всё растущие и растущие круги.

— Не стоит, — Вейас поднял факел и указал вверх.

Между стволами сосуллек вниз головами висела стая летучих мышей, укутанных в кожистые крылья. Брат опустил факел, боясь их потревожить.

— Тогда хоть поедим, — предложила я, наблюдая за капающей водой. Не удержалась и потрогала салатовое пятнышко. От моего пальца тоже пошли круги.

Вейас достал из седельной сумки два куска солонины, завернутых в овсяные лепёшки. Есть на самом деле не хотелось, но один кусок пришлось взять, чтобы не слушать нотации. Брат уселся, подперев собой стену, и принялся сосредоточенно жевать, пока я в задумчивости щипала лепёшку и разбрасывала крошки вокруг себя.

— Чего не ешь? — хмуро спросил Вей, расправившись со своей долей. — Выкладывай уже, что тебя гложет.

— Помнишь, в истории говорилось, что здесь нам должен открыться лик Истины? Мы идём уже так долго, и ничего не происходит. Всё слишком легко.

— Так и замечательно, что никого здесь нет, кроме поганых летучих грызунов. Перестань уже верить в эти рассказы, как сопливое дитё!

Я обиженно засопела, принялась давиться лепёшкой и заглотила побольше воды из фляги. От солонины жажда мучила дико.

— Идём, — не дожидаясь, пока я закончу, брат двинулся дальше.

Пришлось быстрее вытирать рот и снова спешить следом. Минуло ещё несколько часов однообразной дороги. Я зевала на ходу и ни на что внимания не обращала. Думала только о том, как поскорей выбраться наружу и поспать хотя бы пару часов, пускай даже под холодным сиянием звёзд уходящей осени.

Вейас замер, и я со всего маху налетела на его спину.

— Что стряслось? — спросила, потирая ушибленный нос.

— Развилка, — Вейас перевёл факел вначале на большую галерею, уходящую влево, а потом на меньшую — вправо.

— Но в сказании о развилке ничего не было!

Легенда об Апели, вероятно, сильно исказилась за время, что передавалась из уст в уста. Умом я это понимала, но с досадой ничего поделать не могла.

— Конечно, не было. Через пещеру же шёл слепой, поэтому никакой развилки не увидел.

— Должны были увидеть другие! Что теперь делать? Не возвращаться же обратно.

Вейас повёл плечами. До перевала далеко, сезон бурь вот-вот начнётся — точно убьёмся на скользких камнях.

— Попробуем наугад, — выдал брат. — Ты у нас удачливая, так что и выбирать тебе.

— Чтобы всю вину потом на меня спихнуть?

Паршивец похлопал глазами и улыбнулся. Что ж, делать нечего: баб всегда к медведям первых отправляют. Женская доля, демоны её побори! Я потопталась на месте и безо всякой уверенности шагнула в меньшую галерею. Она показалась мне более уютной. Послушная лошадка привычно ступила следом.

— Погоди, я метку оставлю, чтобы не заблудиться.

Вейас поднял с пола камень и выцарапал на скале у прохода крест. Земля под ногами задрожала. Моя лошадь испуганно всхрапнула и взвилась на дыбы. Поводья обожгли ладони.

— Лайсве! — закричал Вейас.

Я упала, выпустив лошадь. Грохоча, с потолка посыпались камни. Я прикрыла голову руками и больше ничего не видела.

Кромешная тьма. Ни огонька, ни звука рядом.

— Вейас!

Ответило лишь разнёсшееся гулом эхо.

Я умерла? Стала тенью на том берегу Сумеречной реки и буду бродить здесь, не узнавая родных, в полном одиночестве до скончания времён! Страх точил сердце ледяными когтями, по спине катились струйки пота. Кряхтя, я приподнялась на локтях и села, упёршись в бугристую стену. Надо успокоиться. Что там говорили древние мыслители? Я чувствую, значит, существую. Содранные коленки и локти саднят, с разбитого лба течёт кровь. Я жива! Пока...

— Вейас! — позвала ещё раз — не помогло.

Надо куда-то идти, кого-то искать, но без факела я запнусь об камень и размозжу себе голову. Страх затаился на время, но я ещё ощущала его ледяное дыхание на затылке. Это мешало думать. Душили всхлипывания, по щекам текли солёные ручейки. Ведь не хотела я плакать вовсе! Утёрла лицо рукавом и заставила себя подняться, придерживаясь за стенку. Шагнула вперёд, осторожно проверяя ногой пол. Ещё шаг, и ещё. Обострившийся в темноте слух уловил глухое рычание. Рокот водопада? Не может же здесь медведь спать в самом деле. Охрани, милостивый Дуэнтэ!

Мелькнул огонёк, как отсвет факела.

— Вейас? Вейас, погоди, я здесь!

Огонёк удалялся. Не хотелось оставаться одной в темноте. Я побежала следом, спотыкаясь и сбивая ноги о камни. Снова упала! Думала, точно голову проломлю, но меня подхватило рыжее пламя. Я подняла голову и уставилась в синие глаза-блюдца.

— Ты вернулся за мной?

Руки закопались в лохматую гриву. Огненный зверь заурчал и опустил меня обратно на пол. Света от его шерсти было намного больше, чем от факела. Теперь я видела пол и стены на несколько саженей впереди. Как в своём давнем сне я взобралась зверю на спину. Он помчался по петляющему тоннелю. Всё сливалось в тёмную полосу, оставалось лишь ощущение скачки, бьющего в лицо воздуха и пелены слёз на глазах. Тугие мышцы перекачивались подо мной, взведённой тетивой натягивалась спина и выстреливала семиаршинными прыжками. Так быстро и мощно! От восторга спирало дыхание.

— Больше я тебя не отпущу, слышишь? — я уже не соображала, что и кому говорю.

Зверь замер посреди огромного зала, изукрашенного искристыми самоцветами. По бокам рос лес из каменных колонн, сводов не было видно. Зверь сделал несколько шагов и лёг у расстеленных на полу шкур: медвежьих и волчьих. Я скатилась по плюшевому боку и распласталась на них. Зверь навис надо мной, заглядывая в глаза. Всё существо наполняла нега. Разум отдалился в глубины сознания, тело действовало само. Я обняла зверя за шею и поцеловала мохнатую морду. Как же приятно: касаться его щекочущей шерсти, прижиматься теснее. Пламя перетекало в меня — я чувствовала его под кожей. Впервые кто-то так щедро делился со мной теплом и силой. Тело пленили судороги удовольствия. Я утопала в огненном море, от пяток до макушки, всеми свои чувствами и мыслями в нём. Больше меня не существовало — было лишь колыхающееся в беспрестанном танце пламя. Повсюду!

Увядшие лепестки опали и истлели. Я лежала посреди шкур нагая, ощущала вспотевшей кожей холод. Пусто и одиноко внутри.

— Зверь! Зверь! — зывала я, но без толку.

Он исчез. Теперь, должно быть, навсегда.

Живот скрутило и начало распирать. Внутренности сжимались и рвались наружу. Вспышки непереносимой боли то повторялись через каждое мгновение, то затухали, и я погружалась в полудрёму. И снова разрывалась на части. По ногам заструилось что-то вязкое, липкое. Стремящееся освободиться от бремени тело разверзалось пополам. Оттуда, из самой сердцевины на свет выбиралось нечто жуткое, беспроглядное.

Я лишилась чувств. Когда пришла в себя, полностью одетая лежала у костра, на котором кипел котёл. Похоже, у меня снова было видение. Ласковая ладонь провела по щеке. Вейас? Наверное, он переживал. Я повернула голову. Это был кто-то другой. Сгорбленный, ветхий и тёмный, будто сотканный из ночи. Та самая вельва, которая помогла нам с братом изменить судьбу!

— Тяжёлая доля тебе выпала, деточка, — хрипела она, продолжая гладить мою щёку крючковатыми пальцами. — Хочешь, я всё обратно поменяю? Жених у тебя будет всем на загляденье — сильней и благородней воина вовек не сыскать. А уж как любить станет! Как ни одну женщину ещё мужчина не любил. Дети, достаток, гордость рода — всё, как ты хотела. Даже больше: молельни и приюты для сирот откроешь, пример другим покажешь — людям по всему Мидгарду жить легче будет.

Почему она такой доброй и жалостливой стала? И эти прикосновения... не старческие вовсе. Вельва зачерпнула из котла полную чашу и протянула мне:

— Я сварила твою судьбу, выпей. Не бойся, теперь она будет слаще мёда.

Я приняла чашу и повертела её, грея руки. Разглядывала. Словно живая, внутри клубилась чёрная дымка. Вкрадчивый шёпот проникал в уши сладким ядом:

— Выпей! Будь с нами. С нами хорошо. Мы любим тебя.

Напевные слова завораживали. Я поднесла чашу к губам. Голоса зашептали яростней:

— Забудь о том, кого ищешь. Прими нашего бога. Сделай его их богом.

Из чашки высунулось тонкое щупальце и потянулось ко мне. Наваждение как рукой сняло. Я отшвырнула зелье и подхватила лежавший рядом меч. Во время путешествия брат учил меня разным приёмам, а заодно тренировался сам — другого партнёра по спаррингу у него не было. Сейчас я была готова столкнуться с врагом лицом к лицу. Замахнулась на отступившую к костру тёмную вельву. Неуловимым движением старуха выхватила клинок из складок собственной одежды. Как он там уместился? Парировала удар. Меч держала уверенно, словно и не старуха вовсе. Мы закружились в стремительном танце в такт музыке

скрешивающихся клинков. Я сражалась с трудом, нанося самые сложные удары из своего арсенала. Вельва отбивалась играючи. Да и не дралась всерьёз, совсем как подкупленные отцом поединщики. Боялась меня задеть ненароком. Это сбивало с толку, бесило невероятно. Коротким движением я отвела в сторону клинок противницы и бросилась наутёк. Петляла между каменными сосульками, отыскивая тропу в темноту ещё одной галереи.

Сколько я бежала без оглядки? Ноги не спотыкались, стены будто расступались передо мной. Сердце грохотало, дыхание сбилось и вырывалось из груди сдавленными сипами. В лицо дохнуло прохладой, свежим воздухом. Это подстегнуло. Из последних сил я метнулась под бескрайний купол звёздного неба. Свобода! От радости забыла об осторожности, запнулась за корягу и рухнула на мёрзлую землю. Веки устало смежились.

Преследовательница нагнала меня и опустилась рядом на колени. Коснулась ласково, не по-старушечьи, не по-женски вовсе — так по-хозяйски и вместе с тем отчаянно обнимают только влюблённые мужчины. Сильные, перевитые жгутами мышц руки баюкали меня, как ребёнка.

— Зачем ты бежишь от меня, родная? Зачем борешься? — стальной голос смягчился, был певуч и искренен, как никогда раньше. Я узнала его, даже не открывая глаз. Мой суженый из сна. Догнал всё-таки. — Оставь оружие, я не хочу сражаться, только не с тобой. Я люблю тебя. Мы сможем быть вместе всегда. Отчаяние и горе уйдут. Я дарую тебе вечную жизнь — только прими мою тьму.

Я рванулась, но его хватка оказалась слишком крепкой.

— Брат мой, Ветер, помоги! — мольба смешалась с надломленным стоном.

— Почему ты все время зовёшь его, родная? — шептал суженый всё так же ласково и печально. — Он не добр и не милостив. Он бросает тебя каждый раз. Это он посылает тебе невзгоды и страдания. Он убьёт тебя рано или поздно. Так почему ты отдаёшь своё сердце ему, а не мне?

— П-пожалуйста, отпусти, — еле выдавила из себя.

— Я... не... могу... — цедил он почти так же сдавленно, как я.

Склонился ближе и впился в губы поцелуем, вливая в уста тьму. Она спускалась по горлу и вонзалась пиками в самое сердце, бередила старые раны, возрождала тлен, о котором говорил Юле.

— Зверь, спаси, заклинаю! Не позволяй им сделать это со мной!

«Тогда ты умрёшь», — полыхнул на краешке увядающего сознания голос.

— Пускай! Лишь бы им не достаться.

«И цена будет непомерна».

— Я согласна на всё!

Сердце загорелось вместе с присосавшейся к нему тварью. Теперь пламя было везде: плавало плоть, обугливало кости, заставляя уже почти мёртвую оболочку осыпаться пеплом.

«И платить придётся не тебе», — было последним, что я услышала перед кончиной.

— Лайсве! — звал Вейас, хлеща меня по щекам.

Открыла глаза и поймала его руку. Я лежала у него на коленях. В вышине расстилалось заволочённое тучами чернильное небо. Падали снежинки, замирали на трепещущих ресницах и скатывали по щекам холодными каплями.

— Мы выбрались? — не веря, спросила я.

Голова ныла, а мышцы стали вязкими и ленивыми.

Вейас кивнул на высившуюся за его спиной громадину Спасительного хребта. Рядом с нами спокойно паслись наши лошади. Живые!

— Лик Истины и вправду ужасен, — я хлюпнула носом. Жуткие образы лезли в мысли и до ряби кружили перед глазами.

— Не думаю, что это был какой-то там Лик. Похоже, мы плесени или грибных спор надышались. Они могут вызывать галлюцинации, я читал. Точно, там были грибы! — Вейас ухватился за разумное объяснение, как за спасительную соломинку, но я-то видела, что на нём лица нет. Из-за меня это или из-за того, что ему примерещилось?

— Как ты меня нашёл?

— Побежал по тоннелю вперёд, пока не оказался снаружи. А тут ты лежишь, — Вейас передёрнул плечами и принялся перебирать пальцами мои волосы. — Я боялся, что ты погибла под обвалом.

— Расскажи, что ты видел. Расскажи, станет легче!

Он покорно лёг так, чтобы наши макушки соприкасались. Взял меня за руку и переплёл пальцы.

— Я видел вэса. Я ловил его, пытался подстрелить, но ничего не выходило — он оказался слишком шустрый. Тогда я попросил помощи у простолюдина. Он победил вэса одним ударом меча и вручил мне его клыки. Я вернулся домой героем, меня приняли в орден, но потом... Простолюдин потребовал награду, и я отдал ему свои регалии и тебя в жёны.

— Я не сопротивлялась? — мне теперь и за сказочного принца замуж не хотелось.

— Нет... — выдохнул брат. — А потом я проткнул себя его мечом. Vogнал в живот по самый эфес.

Вейас закрыл лицо руками и замолчал. Я поцеловала его в щёку, чтобы подбодрить.

— Я тоже видела странное: как огонь боролся с тьмой.

— И кто победил?

— Все умерли. Я так точно, — теперь настала моя очередь всплакнуть, но Вейас притянул меня к себе и крепко обнял. Все кошмары истаяли, как тени в лучах полуденного солнца.

— Давай пообещаем друг другу, что всегда будем вместе, я — защищать, а ты — ограждать меня от глупостей и вдохновлять на подвиги.

— Разве мы не обещали это перед побегом?

Вейас качнул головой и приложил обе моих ладони к своим губам.

— Можно, я открою тебе одну тайну? Только не пугайся.

— Не буду, — я заглянула в его красивые глаза. Жаль, что в темноте так плохо видно. Я бы смогла угадать по взгляду, о чём он грустит. — Ты можешь сказать мне что угодно — ничто не заставит меня думать о тебе плохо.

Вейас приоткрыл рот. Вдохнул, набираясь решимости. Время тянулось не быстрее улитки.

— Я... — он закашлялся и отвёл взгляд. Я уже вся истомилась. Что у него за ужасная тайна, о которой даже я не знаю? — Я... — он провёл ребром ладони по моей щеке, совсем как суженый из сна. И потом вдруг: — Что это за шум?!

1527 г. от заселения Мидгарда, подножье Спасительного хребта, Лания

Земля дрожала, словно по ней нёсся прорвавший плотину поток, грохот давил на уши. Забыв об усталости, мы выбежали на опушку ельника, который скрывал выход из пещеры. Внизу расстилалась длинная лощина. Лысая, лишь на противоположном склоне виднелся кустарник, а за ним сотни светляков. Да это же глаза! Я зажмурилась. Воздух искрил от льдисто-голубых демонических аур. На дне лощины мелькнул фиолетовый всполох.

— Это нашествие! — зашептала я.

— Они обойдут, — Вейас очертил рукой направление их движения и указал в сторону лощины, как раз туда, где я заметила таинственный всполох.

— Там кто-то есть. Он не видит демонов из низины. Мы должны ему помочь!

— Мы не успеем, только сами пропадём! — отговаривал Вейас, но я не слушала. Не могла бросить попавшего в беду. Спасать людей от демонов — долг Сумеречников.

— Ты хотел, чтобы я вдохновляла тебя на подвиги. Но если боишься, оставайся.

Я побежала к лошадям.

— Дура! — брат поспешил следом. На то и был расчёт.

Через мгновение мы уже мчали в лощину по крутому склону. Копыта гулко ударялись о стылую землю, ветер свистел в ушах, сердце трепетало в предвкушении опасности.

— Там, — я махнула рукой в сторону ауры.

Ниже, на самом дне, чуть левее от нас. Умолчала, что она была подозрительной. Не время сейчас думать — лавина демонов уже показалась на вершине противоположного склона. Они походили на коренастых северных лошадей, разве что крупнее немного. Шерсть их была очень длинной, как у медведей, а морды косматыми со светящимися жёлтыми глазами навывкате. Мощные, вдове больше лошадиных, копыта сотрясали землю.

Вейас вжал пятки в конские бока, метнулся к сидевшей у костерка фигуре и что-то выкрикнул. Из-за топота я не расслышала. Брат перекинул незнакомца через холку своего коня и поспешил прочь. Я обернулась. Глаза с вертикальными полосками зрачков завораживали. Демоны хрипели и фырчали. Ноги несли их в общем порыве, который поглощал все стремления отдельных особей, единая стихия, что сметает всё на своём пути. Если заступит им дорогу, поди, и мокрого места от тебя не останется.

Я замешкалась, но моя лошадь сама припустила за собратом так быстро, что меня чуть не сдуло. Я прижалась к шее и вцепилась в гриву. Только бы не упасть! На такой скорости кости не соберу. Лошадь Вейаса скрылась за деревьями. Моя испуганно заржала и наподдала ещё быстрее. Хорошо хоть вверх, а не вниз, а то бы мы кубарем покатались по склону. Несколько сумасшедших скачков, и мы тоже укрылись в роще. Лошадь перешла в рысь и замерла возле запыхавшегося собрата. Я скатилась на землю. От напряжения ноги тряслись и немели, я едва не рухнула. Брат спешил и вместе с незнакомцем наблюдал, как по лощине несётся табун. В свете выбравшейся из-за туч луны виднелись лишь силуэты. Удалялись, удалялись, пока и вовсе не исчезли.

Мы одновременно выдохнули.

— Рано в этом году ненниры объявились. Зима, наверное, будет лютой, — зазвенел мелодичный женский голосок.

Девушка?! Что она делала ночью так далеко от города? Я прищурилась и ощутила её слабенькую, прикрытую дымчатой пеленой, ауру.

«Вейас, это демон!» — мысленно позвала я и выхватила меч.

Незнакомка застыла, словно не верила, что я осмелюсь ударить. Тем лучше. Я

замахнулась, но как только мелодичный голос зазвучал вновь, рука предательски дрогнула:

— Я Эйтайни, дочь Ниама Мудрого, короля туатов, — незнакомка поклонилась в пояс. — Благодарю за спасение, господа Сумеречники. У нас с вами мир.

«Убери меч», — строго приказал Вей.

Я поморщилась, но подчинилась. Слышала что-то про этих туатов, да и не похоже, чтобы она врала.

— Давайте найдём безопасное место для ночлега и разведём костёр, а потом уже будем разбираться, что к чему, — скомандовал брат и потянул за собой взмыленных лошадей.

Мы с Эйтайни побрели следом. Я украдкой бросала на неё любопытные взгляды, она отвечала тем же, а потом мы обе отворачивались и делали вид, что ничего не заметили. Туата была невысокой, ниже меня на полголовы, в плаще с длинным капюшоном, надвинутым на самое лицо.

Огороженная густым ельником поляна нашлась довольно скоро — и от ветра защита, и ненниры вряд ли попрут на деревья. Я собрала хворост, Вейас притащил несколько сухих сосёнок и порубил на дрова. Эйтайни распалила костёр одним взмахом руки, пока мы сооружали навес из еловых лап. Втроём расселись по брёвнам, приваленным у кострища. Я грела руки у огня, Вейас коптил насаженный на прут кусок хлеба. Любил поджаренное до горелой корочки. Эйтайни разглядывала нас и чего-то ждала.

— Не хотите угоститься? — Вейас протянул ей свёрток с хлебом, солониной и луком.

Туата соизволила снять капюшон, и мы разглядели её получше. Длинные тёмные волосы струились по плечам и прятались под плащом. Оттенок немного раскосых глаз в свете костра разобрать не получилось, зато пламя удачно подчеркнуло черты лица, мелкие, словно выточенные из камня искусным скульптором, тонкие изогнутые брови, аккуратный маленький нос, резко очерченный чувственный рот. Завораживающе красива, но не людской красотой.

— Я не ем человеческую пищу, — Эйтайни тряхнула выбившимися из-под плаща кудрями и улыбнулась, извиняясь: — Туаты едят только вересковый мёд, молоко и мясо наших чудесных коз и овец. И корни некоторых растений.

Я тихо хмыкнула. Конечно, куда нашей грубой пище до верескового мёда. Наверное, потому она такая приторная, что аж скулы сводит. Вейас вон как на неё заглядывается, даже хлеб спалил. Теперь там точно есть нечего, кроме углей.

— Как же быть? Ваши сородичи вряд ли простят нам, если вы останетесь голодной, — брат буквально источал елей.

Пускай сама коренья копает! В потёмках в мёрзлой земле. Так уж и быть, палку я ей для этого одолжу.

— Проводите меня в наш подземный дворец, — Эйтайни оценивающе прищурилась на меня, а потом просительно посмотрела на Вейаса. — Он недалеко, под грядой холмов за вашим поселением.

— Урсалией?

Эйтайни кивнула и положила руку Вейасу на колено. Я чуть не поперхнулась. Раздражение выплеснулось наружу:

— А как дочь короля оказалась одна ночью в дне пути от дворца?

Она будто специально подстроила, чтобы мы её спасли.

— Наследная принцесса, — Эйтайни попыталась взять меня за руку, но я отшатнулась. Она поняла свой промах и отодвинулась. — Я поругалась с отцом. Он приводил ко мне

женихов, один другого нелепее. Я всем отказывала. Тогда отец рассвирепел и сказал, что если я не найду себе мужа до конца дня, то должна буду убраться с его глаз долгой. Вот я и ушла. Хотя, наверное, была неправа, раз едва не угодила под копыта ненниров в самом начале пути. Нужно вернуться и попросить прощения.

Я обняла руками колени и задумалась. Если бы я сдалась после первой трудности, то никогда сюда не добралась бы. Вернулась бы в Ильзар, вышла замуж за Йордена и умирала бы со скуки в его родовом замке в степях, опасаясь лишь смертельной порции яда на завтрак. Действует быстро и не оставляет следов. Нет уж, надо идти вперёд, как бы там ни было. Хотя иногда мне казалось, что, смиришься со своей участью, всем стало бы лучше.

— Почему молчишь? Где хоть капля сочувствия? — туата с вызовом смотрела мне в глаза. — Ты же должна понимать меня, как никто другой.

— Как ты догадалась? — спросила я упавшим голосом.

Она слишком хитрая, она заведёт нас в погибель.

— От тебя пахнет не как от мужчины, ты двигаешься и разговариваешь не как мужчина. Ты постарелась, а мужчина попал бы под мои чары и успокоился, как твой брат.

Я снова потянулась за мечом, но Вейас упреждающе положил руку мне на плечо:

«Если мы причиним ей вред, то нарушим перемирие, которого орден добился с таким трудом».

Когда это он стал печься о делах ордена?

— Мы проводим вас, принцесса, это такая честь, — Вейас учтиво облобызал подставленную ручку.

Меня вот-вот стошнит!

— На мою сестру не обижайтесь. Она робеет в присутствии монарших особ, к тому же вы так легко разгадали её тайну.

Я не робею! Нет, бывает, конечно, но не перед вшивой демоницей!

Эйтайни одарила меня снисходительной улыбкой, от которой захотелось взвиться и залезть на дерево. Я принялась ворошить дрова в костре, чтобы разжечь опавшее пламя посильнее. Брат перешёптывался с Эйтайни, они о чём-то хихикали, а я чувствовала себя изолированной от них и от всего мира. Никогда так остро не ощущала своё одиночество.

— Что за тайну ты хотел мне открыть? До того как напали ненниры, — напомнила я о себе.

— Сейчас не место и не время, — вымучено ответил брат. — К тому же мы не одни.

— Мы могли бы отойти за деревья.

— Поздно уже. О таких вещах надо на свежую голову разговаривать, — брат смотрел куда угодно, только не на меня. Момент упущен. Жаль. — Ложись-ка лучше спать: завтра предстоит долгий переход.

Хочет избавиться от меня, чтобы продолжить миловаться с туатой? Что ж, не стану облегчать им жизнь.

Я упрямо ворошила головешки, подкидывала хворост и даже пару дровишек нашла.

Вспомнились отец и нянюшка. Дома, когда Вейас меня бросал, я всегда могла выплакаться у них. А здесь нет никого, кто бы встал на мою сторону. Именно поэтому хотелось вернуться, а не из-за опасностей и тягот долгого пути. Я бы всё вынесла, если бы рядом был кто-то близкий.

— Тебе стоит прилечь, — я вздрогнула, когда рука туаты опустилась мне на плечо. — Ты выглядишь измождённой.

Кожу на висках защекотало от мягкого прикосновения. Голова отяжелела. Я будто с высоты ухнула в тёмную бездну.

***

Лайсве осела на землю и погрузилась в колдовской сон. Вейас поднял сестру на руки.

— Не бойся, она не проснётся до утра, — Эйтайни заговорщически подмигнула.

Он отнёс Лайсве под навес и уложил на постель из еловых лапок, застеленную потрёпанным одеялом с десятком латок. Лайсве так тщательно за всем следила, даже когда в этом не было необходимости. Вейас подложил ей под голову сумку и укутал в дорожный плащ. В темноте едва удавалось различить черты её безмятежного лица. Такая нежная, чистая, она бы не поняла его чувств, испугалась, осудила. Он и сам себя осуждал. Это так больно — быть рядом и не мочь прикоснуться, высказать, что на сердце. Оттого Вейас и волочился за каждой встречной юбкой, но после плотских утех тоска только усиливалась, мучила нестерпимо. Проклятье близнецов — кажется, так оно называлось. Согрепившие любовники в следующей жизни рождались близнецами, чтобы томиться от невозможных чувств. Вейас не верил в глупые предрассудки, да и вряд ли Лайсве даже в прошлой жизни могла сотворить что-то плохое, а вот он был никчёмным с самого рождения. Нет, он не потревожит её покой, не замарают о свои нечестивые помыслы. Надо как-то себя унять.

С трудом вырвавшись из пленительного созерцания, Вейас поцеловал сестру в лоб и вернулся к костру. Эйтайни уже заняла место Лайсве и так же, как сестра до этого, грела руки над пламенем.

— Ты можешь меня вылечить?

Туата перевела на него по-кошачьи прищуренный взгляд.

— Смотри от какой болезни, и только за плату, — пожалала она плечами. — Дар, полученный просто так, не ценится и работает плохо, но если ты отдашь мне что-то дорогое, то мои чары проникнут в твою душу и будут действовать до конца жизни.

Хорошо! Надо знать, на что идёшь, особенно если собираешься прыгать в тёмный омут. Впрочем, ему не привыкать. Вейас протянул руку:

— Я болен любовью к собственной сестре. Если ты излечишь меня, я отдам всё, что попросишь.

Она придвинулась совсем близко. Ноздри защекотал сладкий цветочный аромат. Он дурманил и кружил голову настолько, что сказанное доходило с трудом:

— О, это коварная и опасная болезнь. Излечить её можно лишь другой любовью.

Туата забралась к Вейасу на колени, провела ногтем по его шее, оставляя длинную царапину, и приложила к ней губами. Сердце замерло, стало жарко, несмотря на ночные заморозки, боль пронзила тело, переросла в безумное желание. Туата оплела ногами спину Вейаса и зашептала завораживающим голосом:

— Отныне ты забудешь сестру. Любить будешь одну меня, дышать лишь мной. Моя воля станет твоей, мои желания твоими, мой народ твоим.

«Вейас», — зов Лайсве разрезал пелену наваждения. Прозрачной фигурой перед мысленным взором возник дорогой сердцу образ: печальные глаза и самая тёплая, самая искренняя улыбка. Он попытался вырваться, но было уже слишком поздно. Туата скрепила их договор поцелуем. Чертила пальцами на его лице колдовские знаки и заклинала:

— Отпусти её. Она уйдёт. Только я буду в твоём сердце, в твоих мыслях и даже в душе.

Он должен отпустить — так будет лучше для всех, особенно для Лайсве. Вейас притянул к себе Эйтайни и поцеловал с неистовством клекотавшей в крови страсти. Но видел лишь, как светлый образ развеялся по ветру. Стало пьяняще легко и раздольно. Они упали на землю и любили друг друга до первых лучей солнца.

***

Крепкий сон освежил и прибавил сил. Давненько я не проваливалась в тёмный омут без тревожных сновидений, даже не просыпалась от лесных шорохов через каждые несколько часов. Было уже позднее утро. Я сладко потянулась и встала. Брата рядом не оказалось. Припомнились вчерашние события, и сделалось не по себе.

Вейас нашёлся у затухшего костра. Дрых в обнимку с демонической мерзавкой, укутавшись плащом. Пахло от них лихорадочно-пьяными эмоциями, неправдоподобно счастливыми и удовлетворёнными. Хотелось пнуть обоих, но я не стала. Они только посмеются.

Стараясь не шуметь, я подобрала с земли котелок и направилась к ручью, что стекал с гор неподалёку. Пожухлые листья и трава, еловые и сосновые лапы — всё покрылось бахромой изморози. Воду стянуло тонкой коркой льда. Утреннее солнце ещё не успело её растопить — пришлось сбивать палкой и ждать, пока поднявшаяся со дна муть осядет. Я вымыла котелок и набрала воды почище. Идти обратно не хотелось. Не зная зачем, я принялась ковырять мёрзлую землю и срезать жёсткие заскорузлые корешки, мыла их в ручье, пока руки не свело от холода.

Когда я вернулась, брат с туалетом ещё спали. Пришлось самой колоть дрова и разводить огонь, но я справилась. Ветер подхватил тлеющее в хворосте пламя и довершил дело. Я покромсала коренья в котёл и долго ждала, пока они размякнут и пустят соки, окрасив воду в желтовато-коричневый цвет. Вылила маслянистое варево в самую большую миску и ещё раз сходила к ручью за новой порцией воды, на которой приготовила обычную человеческую пищу — жидкую похлёбку из остатков овса с чечевицей.

Лошади выели полянку, на которой мы навязали их пастись вчера, и подзывали меня нетерпеливым ржанием. Я напоила их и перевела на новое место.

Близился залитый тусклым умирающим солнцем полдень. Зимнее светлое время пролетало почти незаметно — несколько часов, и уже сумерки.

Я растолкала лежебок и вручила им по миске с едой.

— А ты молодец! — улыбнулась Эйтайни, принимаясь к вареву. — Неужто в кухари набиваешься?

Захотелось отобрать миску и надеть паршивке на голову. Может, тогда её волосы перестанут быть такими пышными и блестящими, а наглые фиалковые глаза — презрительно щуриться в мою сторону. Я надеялась, что брат заступится, но он вместо этого одной рукой поглаживал увитые татуировками пальцы Эйтайни, а второй черпал похлёбку, вооружившись деревянной ложкой. Смотрел лишь на туалет, а она на меня. От этого я даже самой себе казалась жалкой. Махнула на них рукой и, забившись в угол под навесом, завтракала в одиночестве.

Вскоре мы собрались и двинулись в путь. Вейас ехал впереди с Эйтайни за спиной.

Туата слишком крепко обнимала его за талию и шептала на ухо, он смеялся. Сзади я ничего не слышала, а подъезжать сбоку и видеть, как меня игнорируют, не хотелось. Я понуро перебирала тёмные пряди густой лошадиной гривы и бездумно глазела по сторонам.

Наступала зима. Небо разжижалось и нависало над самой головой, давило на плечи. Ледяной ветер пронизывал до костей. Посерела трава на промёрзлой до основания земле. Зябко скрючились сучья деревьев, оцетинились ежовыми иглами кусты с похожими на капли крови подмороженными ягодами. Я не удержалась и сорвала парочку. Покрутила в руке и спрятала за пазуху.

Вскоре багряным стал весь мир, утопая в лучах заходящего солнца. Кровавые сумерки сменились ночной мглой. Лишь луна и звёзды освещали путь. На севере они выглядели ярче, чем у нас дома, особенно наконечник стрелы Охотника, Северная звезда. Она мерцала и переливалась впереди. Звала.

Эйтайни уговорила нас не останавливаться на ночь. Спасительные перелески, где мы могли бы укрыться и развести костёр, остались далеко позади. Впереди раскинулась пустошь с пологими склонами холмов. Кони оскальзывались и спотыкались на ставшей комьями инистой почве, не падали только благодаря тому, что мы одёргивали их поводьями. Время ползло полудохлой черепахой, и мы ползли примерно с той же скоростью. Прошла целая вечность, прежде чем сбоку забрезжила ржаво-зелёная полоса рассвета и сумрак начал рассеиваться, облекая мир в зыбкую дымку.

Из тумана показались покосившиеся, избородённые трещинами каменные плиты, тонкие, поставленные стоймя, обтёсанные сверху в форме полукруглой арки. Я свесилась набок, чтобы рассмотреть выбитые на них рисунки: растительный орнамент и надписи на древнеманушском. Верёвочкой вьются с петельками — ни одного знака не отличить. Дарованная Безликим рунница куда проще. Хотя, говорят, книжники в Эскендерии новую письменность придумали, совсем лёгкую. Кажется, она буквицей называется. Вейас про это лучше знать должен. Он же «случайно» читал отцовские книги.

— Вей, смотри, это древнее манушское кладбище!

— Ага, — безразлично бросил брат и, милуясь с Эйтайни, поехал дальше.

Как же так? Вейас и раньше увлекался девушками, но чтобы обо всём остальном забыть... Его будто подменили.

— Не останавливайся здесь! — окликнула меня Эйтайни. — Кто знает, какое зло могло поселиться на заброшенном погосте?

Я заторопила лошадь. Повеяло чем-то тленным.

«Приди ко мне. Я расскажу тебе дивную сказку. Такую больше нигде не услышишь, — зашептал таинственный голос. — Там будет и свободолобивая дева, и всемогущий повелитель ночи, и благородный воитель, и Мёртвый ветер, который губит всё на своём пути».

Я до хруста вжала ноги в конские бока. Лошадь припустила тяжёлым галопом, пока не поравнялась с Вейасом и туатой.

Тёплые огоньки обрисовали окраину большого города, следом показались мощные деревянные дома на высоких фундаментах, окружённые сиротливо-голыми садами. Я хотела завернуть туда, но брат с Эйтайни направились в другую сторону.

— Остановимся в подземном дворце туатов, — соизволил объяснить Вей, когда я заглянула ему в глаза. — Там будет гораздо удобней, чем на занюханном постоялом дворе. Да и устал я от общества неотёсанных деревенщин.

Уж лучше деревенщины, чем вшивые демоны!

Светало, только заморозки отступать не спешили. Прошло не менее получаса, когда мы добрались до холмов на северной окраине города. Я не заметила в них ничего примечательного: обычные плавные изгибы с пожухлой травой, объединенной седой изморозью, как и всё вокруг. Брат спешил и, подхватив туату за талию, бережно снял с лошади. Я спрыгнула сама, ударившись ступнями о мёрзлую землю. Болезненный вздох потонул в возмущении: брат с Эйтайни целовались!

— Где обещанный дворец? — не вытерпела я.

Туата оторвалась от моего брата и, расставив руки в стороны, закружилась по самому большому холму, что-то напевая. У наших ног разверзлась земля, зияла чёрным провалом, с краёв которого осыпались мелкие комья.

— Не бойтесь, детишки, ступайте за мной, — поманила туата и первая шагнула в провал.

Вейас, не раздумывая, пошёл за ней, ведя за собой наших лошадей. Я осталась в одиночестве. До боли всматривалась в поспешающее к зениту солнце. Всё же Вей — мой брат, я не могу его бросить. Вздохнув полной грудью, я ступила навстречу неизвестности.

Повеяло пещерной затхлостью, воздух стал спёртым и тяжёлым. Вокруг ни зги не видно. Один неосторожный шаг, и я снова уткнулась брату в спину. Знала, что это он по исходившему от него хмельному счастью.

Эйтайни хлопнула в ладоши, и вспыхнули росшие из каменных стен кристаллы. Все вокруг окутал колдовской зеленоватый свет, от которого исказились очертания лиц и предметов, приобретая зловещий вид.

— Кто здесь? — разнёсся эхом хриплый мужской голос.

Туата поморщилась.

— Эйтайни! Хвала всеблагодной Хозяйке лесов, ты вернулась! — из-за поворота показался крепкий молодой туат.

Поверх светлой туники короткая зелёная накидка с вышивкой на груди и спине в виде цветущего вереска, в затянутой перчаткой руке — алебарда. Похоже, стражник. Едва ли выше меня, тёмные волосы колосом заплетены в косицу до середины лопаток. Глаза темнее, чем у Эйтайни, фиолетовые, и прищур, как у рыси. Красив, подтянут, но всё равно не нравится. Не люди они. А может, дело в зелёном свете, от которого все лица кажутся надменным и полными презрения?

Туат отставил алебарду и обнял Эйтайни за плечи. Та аж оторопела. А вот брату, который со скучающим видом гладил лошадиные морды, было всё равно. Странные у них отношения.

— Я хотел искать тебя, но король запретил. Сказал, сама вернёшься, как образумишься. Но если бы ты не пришла сегодня, я бы уехал даже против его воли.

— Асгрим, перестань! — Эйтайни скинула с плеч его руки. — Мы уже давно не дети. Кому нужны твои нежности?

Стражник посерьёзней и уставился на меня и брата, словно впервые заметил.

— Зачем ты притащила сюда длиннобородых? — он окинул Вейаса презрительным взглядом. — Это же Сумеречники! Совсем рехнулась?!

— Они спасли меня от ненниров и будут нашими гостями, — твёрдо заявила Эйтайни. — У нас мир.

— Только на бумаге, — резонно заметил Асгрим, но принцесса не стала его слушать и

потянула Вейаса вперёд.

Я пожалала плечами и пошла следом.

— Погоди! Не по белому же пути! Их все увидят, — бросился вдогонку стражник. — Кто-нибудь обязательно в заваруху полезет!

— Так ты и будешь следить, чтобы не полезли! — раздражённо бросила Эйтайни. — Лучше они увидят наших гостей сейчас, чем потом изобьют по незнанию.

Изобьют?! Мне здесь не нравится!

Асгрим с сомнением фыркнул, но послушаться не посмел. Пристроился в хвосте нашего строя, водрузил на плечо алебарду и чеканил шаг, стараясь держаться от меня на расстоянии вытянутой руки.

За поворотом нас ждал грандиозный зал, огромный, как город. У самого входа в нишах внутри стен ютились загороженные деревянными заборами хлева для чёрных овец и коз. Дальше располагались вырезанные в скале жилища: помельче — занавешенные холстинами, побольше — мохнатыми шкурами, а в самом конце встречались и с деревянными дверями. Толпившиеся у помещений жители оборачивались на нас и подозрительно всматривались. Стариков было мало, детей совсем не видно, женщин со скрытыми полупрозрачными вуалями лицами — чуть-чуть. В основном — молодые мужчины, немного ниже обычных людей, более тонкие, гибкие и изящные. Все до одного вооружены короткими изогнутыми мечами. Многие демонстративно клали руки на эфесы, доставали до половины клинки из ножен, делали шаг нам навстречу, но заступать дорогу не осмеливались. То ли их останавливал свирепый взгляд принцессы, то ли направленная в их сторону алебарда стражника.

— Почему они нас так ненавидят? — шепнула я Асгриму, раз уж Эйтайни с Вейасом нас обоих игнорировали.

— Так за что вас любить? — с иронией усмехнулся стражник. — Вы согнали нас с земли, на которой жили наши предки, вы преследовали и убивали нас, пока не выдворили на самый край. И отсюда уже выживаете: рубите наши леса, мучаете пахотой землю. Скоро нам придётся бежать в Утгард, а потом и в ледяную пустыню Хельхейма, чтобы погибнуть там от холода и голода, — Асгрим надвинулся совсем близко, зло заглядывая в глаза. Алебардой не тыкал, но всё равно было страшно. — Старый Ниам устал от войны и заключил с орденом перемирие, но мы-то знаем, что это лишь отсрочка. Мы слабы и плодимся слишком медленно, чтобы дать отпор вашей жадности.

— Извините, — пробормотала я. Никогда не смотрела на всё с такой стороны.

— Да кому нужны твои извинения? — сплюнул он мне под ноги.

Я потупилась и больше не пыталась с ним заговорить. Ещё чего доброго заколет.

Из общего зала ветвились широкие ходы с высокими потолками. Зелёные отсветы от кристаллов бегали по лицу и одежде. Ноги скользили по гладко отшлифованному камню, лошади спотыкались и чуть не падали, но Эйтайни уверенно вела нас вперёд. Вскоре мы упёрлись в дубовую дверь, оплетённую железным кружевом в виде цветущего вереска.

Принцесса обернулась к Асгриму:

— Отведи их лошадей на конюшню.

— Я не мальчик на побегушках, а капитан дворцовой стражи!

Эйтайни припечатала его презрительным взглядом:

— Я исправлю это недоразумение, как только стану королевой.

Асгрим скривился и повёл наших лошадей, куда было велено. Жалко бедолагу. Я бы

тоже на всех кидалась от такого обращения.

Эйтайни отперла дверь и покинула нас, предупредив, чтобы не попадались на глаза её сородичам.

Мы вошли в небольшой круглый зал. Потолок был настолько низкий, что мы едва не упирались в него головами. Воздух с трудом пробивался через маленькие отдушины в стенах. Единственной мебелью служили два каменных ложа, застеленные оленьими шкурами. Вейас уселся на полу и сверлил взглядом закрытую дверь. Безнадёжно махнув на него рукой, я улеглась на шкуры. Они пахли мускусом и кололись даже сквозь одежду, лежать на них было жёстко. Я долго ворочалась, отыскивая удобную позу. Хлопнула в ладоши, как показывала Эйтайни, чтобы приглушить свет магических кристаллов, и задремала. Вейас долго бродил вокруг как неприкаянный. Когда его шаги стихли, я приоткрыла один глаз. Брат постоял надо мной, раздумывая, а потом лёг рядом. Я потянулась обнять его.

— Правда, она красивая? — он будто бредил. — Красивее луны и солнца, красивее самого неба. Волосы мягче шёлковой вуали, глаза глубже бездонных омутов, губы ярче крови...

О боги! Сейчас любовные баллады сочинять начнёт. Брат мой, Ветер, за что мне всё это?! Я подскочила и забилась в дальний угол. Там и дремала, привалившись к стене, пока не вернулась Эйтайни.

— Переоденься, — она швырнула мне ворох тряпок и подошла к Вейасу.

Он притянул её к себе и зашептал что-то. Она засмеялась, принялась гладить его по волосам и целовать. У брата было такое лицо, будто он вот-вот замурлычет.

— Что это за тряпки? — выкрикнула я громче, чем следовало.

Эйтайни снисходительно глянула на меня:

— Это платье. Девушки иногда их надевают, чтобы нравиться мужчинам.

— Я знаю, что это, я не понимаю, зачем подметать этим пол, — я развернула перед ней непомерно длинные рукава.

— Извини, другого нет, а показать тебя моему отцу в обносках я не могу, — развела руками принцесса и снова приложила к Вейасу.

— Зачем меня вообще кому-то показывать? — пробормотала я, но все же переоделась.

Платье оказалось не только неудобным, но ещё и несуразным. Нижняя юбка светло-голубого оттенка едва доходила до середины икры. Расклёшенные рукава доставали до пола, когда руки были опущены. Тёмно-синяя юбка верхнего платья слишком распахивалась книзу. Корсаж жал в плечах и груди, несмотря даже на мою subtilность. Ужасно!

Я вышла на свет.

— Ты выглядишь, как пятилетнее дитё. Только ленточек в волосах не хватает, — рассмеялся Вейас.

Что ж, он хотя бы меня заметил.

— Сейчас будут ленточки, — поддержала шутку туата. Я посмотрела так, чтобы до неё дошло, как мне хочется проредить её слишком густую шевелюру. Она тут же угомонилась: — Идёмте, отец не любит ждать.

Брата тоже заставили переодеться, правда, костюм ему достался не в пример лучше моего. Он походил на форму Асгрима: тёмные штаны, светлая туника и расшитый растительным орнаментом плащ. В довершение Вейас попросил завязать ему волосы в церемониальную причёску Сумеречников. Отказать я не смогла.

Подземный дворец напоминал муравейник, испещрённый тысячами ходов. Мы шли

бесконечными тёмными коридорами, сворачивали в узкие боковые галереи, упирались в развилки. Ещё перекрёсток, ещё и ещё. Я перестала следить за дорогой — всё равно обратный путь вряд ли найду. К тому же я постоянно наступала на волочившиеся по полу рукава, пришлось собрать их в охапку и нести в руках.

Вскоре мы прошествовали в большой круглый зал с вырезанными в стенах ярусами каменных ступеней. В центре располагался помост с помпезным тронем из белого мрамора, устланным овечьими шкурами. Ручки оканчивались резными бараньими головами, спинку с обоих краёв и посередине венчали они же, только побольше.

Мы остановились. Эйтайни смотрела в боковой проход между ступенями и ждала. По хребту пробежались мурашки, предупреждая о приближении сильного демона. Мощь его ауры довлела и пригибала к полу. Послышались шаги. Мы с братом распрямились, стараясь выглядеть как можно внушительней. Вею проще: на нём нормальная одежда, а не шутовской наряд!

В сопровождении Асгрима в зал вошёл ещё один туат. Роста он был такого же, как стражник, только более сухой, совсем прозрачный. Внешне он не казался старым — на идеальном лице я не заметила ни единой морщинки. Возраст выдавал лишь тревожный, усталый взгляд таких же пронзительных, как у Эйтайни, фиалковых глаз. Незнакомец грациозно опустился на трон, перекинув через плечо отороченный собольим мехом плащ. Короны на голове не было, но и без неё ясно, что это властитель туатов Лапии, отец Эйтайни, Ниа́м Мудрый.

Принцесса заговорила первой:

— Отец, позвольте представить наших гостей, лорда Вейаса Веломри, знаменитого Сумеречника из Белоземья, и...

Когда это мой брат успел стать лордом, да к тому же знаменитым Сумеречником? Но Ниа́м сверлил колдовским взглядом не его, а меня. Как будто это я с королевской дочуркой шашни кручу.

Эйтайни тоже это заметила и выпалила на одном дыхании:

— Его сестра Лайсве.

Мы с братом одновременно поклонились. Не знала, что он умеет так гнуть спину, даже перед высокими лордами из Совета ордена не расшаркивался.

Ниа́м коротко кивнул.

— Достопочтенный король туатов, — Вейас поцеловал перстень с внушительным рубином на левой руке властителя и торжественно заговорил: — Не сочтите за дерзость, но меня пленила красота вашей дочери. Дабы укрепить дружбу между нашими народами, я прошу у вас её руки. Благословите наш союз, милостивый отец.

— Союз?! — поперхнулась я хором с Асгримом.

«Вей, они ведь демоны! Даже Бежка была бы лучшей женой, чем эта!»

Он не отвечал. Мысленная связь, которая была между нами с рождения, будто разорвалась.

Вейас продолжал смотреть на короля с надеждой, Эйтайни застыла в ожидании приговора, а сам Ниа́м пристально изучал моего брата. Но почему-то колдовская воля выворачивала наизнанку именно меня: будто внутренности вываливают на стол, ворошат и разглядывают, брррр!

— Подойдите оба, — позвал король. — Протяните ваши руки. Хочу убедиться, что вы не причините вреда моему народу.

Вейас послушался сразу, а я раздумывала. Взгляды торопили. Нет смысла показывать зубы, иначе меня выставят. Я обречённо протянула руку. Холодная ладонь короля легла поверх. В пальцы впились ледяные иглы. Больно, аж слёзы хлынули. Я сморгнула, и демонский король отпустил.

— Зла от вас не исходит, так что оставайтесь, если такова ваша воля, — тяжело вздохнул он. — Ступайте отдыхать, вы, должно быть, устали с дороги.

— А как же моё предложение? — возмутился Вейас.

Ниам неопределённо повёл плечами:

— Мы обсудим это позже.

Брат хотел что-то добавить, но Эйтайни схватила его за локоть и потащила за собой. Я поспешила за ними, не желая оставаться с королём наедине. Ещё заколдует!

— Асгрим, присмотри за ними, — краешком уха я расслышала тихо брошенный приказ и скосила взгляд на стражника. Он кривился.

— Со всем уважением, Ваше Величество, но как же донесения следопытов? Что-то растревожило старое кладбище. Проверить его гораздо важнее, чем...

Король вскинул руку:

— Проверят другие. А с моей дочерью сладить можешь только ты.

Асгрим угрюмо ссутулился. Бедолага. И я тоже.

После встречи с королём мы вернулись в гостевой зал. Эйтайни увела Вейаса и оставила Асгрима подпирать собой дверь с наружной стороны. Я переоделась в старую одежду, завалилась на ложе, закуталась в шкуры по самые глаза, но не успела толком задремать, как дверь со скрипом отворилась. В комнату зашла незнакомая туата, поставила на стол у стены поднос с едой и тут же удалилась.

На нём были пиала с душистым мёдом, ещё одна с тушёным мясом и кувшин с козьим молоком. Живот жалостно всхлипнул, и я решила попробовать. Надеюсь, не придётся остаться у туатов навсегда, потому что я вкусила их пищу. Так часто происходило с героями в нянюшкиных сказках.

Пища оказалась съедобной, но слишком сладкой: мёд засахарился настолько, что скрипел на зубах, от обилия приправ мясо стало приторным, даже молоко показалось сладким, будто туда тоже набухали мёда. Но выбирать не приходилось.

Я подкрепилась и ещё долго не знала, чем себя занять. Когда заняли отлёжанные бока, я выпросила у дремавшего за дверью Асгрима чернила и перо. От моих запасов ничего не осталось, а дневник манил пустыми страницами. В пути времени не хватало, писать на пеньке или на коленях неудобно, а за столом да при свете и руны ровнее выходят, и мысли стройнее излагаются.

В записях я старалась выглядеть лучше, чем была на самом деле: уверенней, сильнее, смыслёней. Зачем? Наверное, чтобы тот, кто прочитает дневник, восхитился мной. Если бы я писала искренне, все бы возмутились: за что судьба так щедро одаривает эту заурядную бледную мышь? Семья богатая, брат готов подсобить в любом сумасбродстве, жених сговорён, красивый удалой кузен влюблён по уши, а я только нос от всех ворочу. Неблагодарная дурочка, которой нужно было покориться и безропотно ждать назначенного орденом мужа у очага, жить, как все, ведь ничего лучшего я не достойна.

Ах, как бы хотелось действительно быть сильной, умной, решительной. Знать, что мне нужно и куда я иду. Манящая за горизонт Северная звезда, Безликий, Огненный зверь из снов — настолько по-детски глупо. А других целей у меня нет, как и мыслей о том, как жить

дальше.

Одну страницу я всё-таки залила слезами: руны расплылись и пришлось её вырвать. Надеюсь, остальные не испортились от моей сырости.

Я снова улеглась спать. Без солнца было неясно, вечер сейчас или, наоборот, утро. Время отмечалось лишь по тому, как молчаливые туаты приносили подносы с едой.

Асгрим сжалился и предложил сходить к тёплым источникам, где можно выкупаться и постирать одежду. Я согласилась, лишь бы выбраться из заточения. Источники находились в глубине дворца в широкой скалистой галерее на нижнем уровне. Дорога к ней петляла так, что я снова ничего не запомнила.

От естественных ванн поднимался густой пар. Глубиной они были всего по колено. Асгрим рассказывал, что вода в них нагревается от жара Сумеречной реки. Источники считались целебными: продлевали молодость и дарили долголетие. Мне же просто нравилась тёплая вода: можно расслабиться и отмокнуть как следует. Благодать! Купание настолько увлекло, что бедолаге-тюремщику пришлось напомнить о себе нетерпеливым покашливанием. Я обтёрлась нагретым на тёплых камнях полотенцем, завернулась в захваченный Асгримом халат и простирнула одежду. Уже в комнате, когда вещи просохли, я их подштопала и наставила латок. Время за работой бежало быстрее. Жаль, что она закончилась, и снова пришлось маяться от безделья.

Хотелось наружу, к солнцу и небу, вдохнуть свежий морозный воздух. Дети Ветра не могут без простора от горизонта до горизонта. Затхлость режет грудь сухим комом и душит, забирая остатки жизненного тепла. Вейас должен чувствовать это ещё острее: в мужской крови родовой дар проявляется сильнее. Естество возьмёт верх, и тогда мой брат очнётся от наваждения, я верю!

Снаружи донеслись голоса. Я прокралась на цыпочках и приложила ухо к дверной щели. К Асгриму пришёл с докладом кто-то из подчинённых:

— Всё тихо. Мы уже три раза проверили. Одна корова у длиннородых пропала, но они растяпы, у них вечно скот сбегает.

— Его Величество велел отменить слежку? — задумчиво поинтересовался Асгрим.

— Нет, но я надеялся, это сделаешь ты. Старик в таких вопросах всегда на тебя полагается.

— Надо найти корову.

Я усмехнулась. Асгрим даже с соплеменниками непреклонен.

— Сам ищи. Почему мы должны наверху мёрзнуть, пока ты отсиживаешься в тепле с девкой длиннородых?

— Что ж, тогда предоставляю эту почётную обязанность тебе, — огрызнулся Асгрим, лязгнув по стене алебардой и, судя по удаляющемуся топоту, пошёл прочь.

— Асгрим, стой! — испугался собеседник. — Я не могу, она же из длиннородых!

Тоже ушёл. Я выглянула за дверь. Пусто. Это шанс! В общий зал соваться не стоило: схватят и вздёрут на какой-нибудь балке. У пещеры должно быть два выхода — нужно найти второй. Не зажигая кристаллы, я уткнулась в стену и направилась в противоположную сторону, нащупывая дорогу руками. Упёрлась в тупик и свернула в одно из ответвлений. Длинный тоннель уходил вниз крутым серпантинном. Отсчитав добрую сотню ступеней, я выбралась на площадку у водопада. Зеленоватая дымка усиливалась от брызг и становилась более плотной, почти осязаемой. Уступив любопытству, я сунула руку в каскад. Ладонь прошла сквозь поток и наткнулась на пустоту.

Стараясь не замочиться, я пролезла между водопадом и скалой. Внутри притаилась ещё одна узкая галерея. Перед мысленным взором мелькнули знакомые фиалковые сполохи колдовских аур. Это Эйтайни и её отец! Я сняла башмаки и прокралась к ним. Когда усиленный эхом рокот воды затих, послышались голоса. Может, они говорят о Вейасе? В стене виднелась трещина, пропускавшая зеленоватый свет. Оттуда пахло сушёными травами. Я заглянула внутрь: большой зал, стены, пол и потолок в колдовских рисунках со вставками магических кристаллов. Зыбкая полудымка ползла из круглых светильников и собиралась наверху плотным облаком. Ко мне спиной на мраморном ажурном стуле сидел король Ниам. Эйтайни стояла боком. Они ссорились почти как я со своим отцом дома. Сердце защемило от воспоминаний, когда Ниам заговорил ломким голосом, словно в горле першило от эмоций: тревоги, печали и тоски.

— Почему ты до сих пор держишь здесь детей длиннобородых? Отпусти их.

— Нет! — отрезала Эйтайни и принялась наворачивать круги вокруг Ниама, словно хищная рыбина. — Ты же сам приказал убираться и без жениха не возвращаться. Я привела его к тебе. Чем ты недоволен?

— К тебе сватались принцы всех мастей, даже сам повелитель ольстерских сидов. Ты только нос воротила. А теперь притащила в дом врага, задурила ему голову своими чарами и требуешь, чтобы я потворствовал твоим безобразиям?!

Я зажала рот ладонью, чтобы не выдать себя случайным всхлипом. Так эта гадина всё-таки заколдовала Вейаса. Я знала!

Она остановилась, сложила руки на груди и выкрикнула:

— Он сам меня попросил, сам! Не ты ли заключил с длиннобородыми мир, заметь, против воли всего племени? Не пора ли укрепить наши отношения союзом крови?

Ниам качнул головой и принялся массировать виски пальцами. Видно, выходки дочери доводили его до мигрени.

— Разве ты не понимаешь? Неужели тебя одну из всех моих подданных обманывает их радушие? Это не перемирие, мы платим дань, чтобы рыцари нас не трогали. Какое им дело до сопливого мальчишки?

— Даже лучше. Никто нашему союзу препятствовать не станет. Пожени нас, иначе я приживу от него ребёнка вне брака! — не унималась Эйтайни.

Ниам перестал тереть виски и уставился на дочь:

— Тебе была дана такая сила, а ты тратишь её на шалости. Пойми, я не вечен. Скоро тебе придётся самой мудро править нашим племенем, иначе длиннобородые не просто выдворят нас в Утгард, а сотрут с лица Мидгарда.

Я передёрнула плечами. Даже жалко стало этих демонов. Правильно ли испытывать жалость к врагам, особенно к тем, кто причиняет вред твоим близким?

Эйтайни беззаботно отмахнулась:

— Ты молод и полон сил. У меня ещё есть лет пятьдесят в запасе, а может, и сто. За это время я успею насладиться женским счастьем и родить ребёнка, который выживет.

Она повернулась к двери в противоположной от меня стене.

— Всё дело в этом? Ты хочешь связать себя узами с длиннобородым, потому что наши с твоей матерью чистокровные дети умирали в младенчестве? — Ниам поднялся и взял дочь за руку.

Эйтайни застыла, глядя на дверь.

— Ты когда-нибудь думал, каково мне было наблюдать, как мать убивала своё тело

бесконечными беременностями? Каково мне было уносить ваших мёртвых детей в лес, пока она была слабой и безутешной и ты не мог её оставить? Не хочу для себя такого. Если это значит навлечь гнев длиннородых — я готова рискнуть даже нашим племенем.

— Даже миром?

Принцесса вздрогнула, обернулась вполоборота и взглянула в глаза Ниаму. Я тоже напряглась от любопытства. Что эти демоны могут знать о судьбе мира?

— Похоть глаза застила? Не видишь, что на сестре твоего избранника печать нетореных троп? — Ниам притянул дочь к себе. — Грядут большие перемены, а им всегда предшествуют огонь и смерть. Если тропы завели её к нам, значит, быть беде. Отпустим их быстрее и, может, отделаемся малой кровью.

Я несю беды? Неправда, я... Вспомнились Айка и Лирий, повешенные близ Гульборга единовверцы, убитые в Докулайской долине варги. Нет, это не моя вина, это всё война!

— Асгрим заразил тебя мнительностью? Моя ворожба и удача туалатов переселят печать несчастий, — Эйтайни рванулась из рук отца, но тот не собирался отпускать её так просто. Заговорил настолько таинственно, что даже меня охватила дрожь.

— Ты слишком самонадеянна. Её покровитель сильнее нашего. Если он разозлится, то гнев длиннородых и невзгоды нетореных троп покажутся нам детской забавой.

Принцесса с презрением бросила:

— Я не боюсь забившегося в нору труса. Давно пора показать ему, кто на земле хозяин!

Я вжалась в стену, желая услышать больше, но меня схватили за плечи и оттащили от щели.

— Ни на миг отвернуться нельзя! — зашипел Асгрим и поволок меня прочь. — Безголовый Шейс! Как ты проскользнула мимо патрулей и защитных барьеров?

Мы шли обратно по прямому ровному коридору — совсем другой дорогой, но своим знанием я делиться не стала. Пригодится, когда снова попробую бежать. Асгрим отпустил меня, только когда мы вернулись в гостевую комнату. Бесцеремонно толкнул к ложу — я едва не врезалась. Потёрла плечи. Должно быть, синяки останутся. Гад!

— Ни ногой отсюда! И забудь всё, что ты там слышала.

Ага, конечно.

Жаль, не удалось выяснить, как расколдовать Вейаса. Но я отыщу способ. Это сейчас главное, а не туманные слова о нетореных тропах. К демонам демонов и их тайны!

— Передай своей принцессе, что я хочу видеть брата. Немедленно!

— Остынь, детка! Я всего лишь стражник и ничего не решаю, — огрызнулся Асгрим. — Хочешь дружеский совет? Лучше тебе с братом сейчас не встречаться.

Он ретировался к двери и уселся на полу прямо в комнате. Я отчаянно искала, чем себя занять: сделала пару истеричных записей в дневник, проверила всю одежду, каждую заплатку, каждый стежок. Всё цело, демоны! Распороть и перешить? Глупость какая!

Пересчитала трещины на потолке — за моё отсутствие ни одной не прибавилось. Со скуки залегла спать. Через несколько часов служанка подала еду: мёд, тушёное мясо и молоко. Каждый раз одно и то же. Скоро сама засахарюсь! Я схватила поднос и хотела швырнуть в Асгрима, но поймала на себе его прищуренный взгляд. В голову пришла очередная бредовая идея. Я мило улыбнулась съёжившейся от страха служанке:

— Нет ли у вас чего покрепче? А то всё молоко да молоко, будто я дитё малое. Вы ведь не считаете меня грудничком? Это так... неуважительно.

Туата растерянно глянула на Асгрима. Тот вскинул брови и пожал плечами. Служанка

покорно кивнула и направилась к двери.

— О, и не забудьте два кубка. В одиночестве пьют только забулдыги.

Я подмигнула Асгриму. Он изучал меня хмурым подозревающим взглядом. Это не Петрас. Даже напившись, он побрезгует ко мне приставать. Зато, может, удастся развязать ему язык.

Вскоре служанка принесла два медных кубка и кувшин, до краёв наполненный золотистой медовухой.

— Вот это, я понимаю, обед! — усмехнулась я.

Служанка поставила поднос и удалилась чуть ли не бегом. Я схватила с ложа оленью шкуру и бросила на пол рядом с Асгримом.

— Хочешь дружеский совет? Не сиди на холодном.

Я сгребла оба подноса и поставила их туда же.

Стражник скривился:

— Я закалённый.

Я устроилась на шкуре, скрестив лодыжки, разлила мёд по кубкам и протянула один стражнику.

— За знакомство.

Асгрим вскинул хищно изогнутые брови:

— Я не пью на службе.

— Знаешь поговорку: мешай дело с бездельем, проживёшь век с весельем.

Асгрим хмыкнул и потянулся за кубком. Покрутил его в руках, разглядывая напиток.

— К длиннородым службу. Всё равно я не пьянею.

Мы чокнулись, и он сделал несколько больших глотков. Я только для вида пригубила. Асгрим полил мёдом кусок мяса, положил в рот, причмокивая, и облизал пальцы. Кубок опорожнил залпом. Глаза заблестели, а лицо приобрело более радушное выражение.

— Отыскал ту корову? — я решила зайти издалека.

— А? Нет, я едва до выхода добрался, как Шейс поднял тревогу, что ты сбежала.

Налив себе полный кубок, он попытался добавить и мне, но я покачала головой.

— Извини, что доставляю столько неудобств.

— Не ижвиняйшя — бешит, — прошамкал Асгрим, заглатывая ещё один кусок мяса с мёдом. — Мы не друзья, что бы там Его Величество с принцессой ни говорили.

Он всегда так странно произносит имя принцессы, словно выплёвывает оскорбление, ещё хуже чем «длиннородые».

— Тебе она тоже отказала?

Асгрим скрипнул зубами, но всё-таки ответил, правда, глядя не в глаза, а в стену надо мной.

— Я рождением не вышел. Вначале принцы всякие шли, потом высокая знать. А я сын охотника, сирота, которого Его Величество взял на воспитание из жалости.

Он опрокинул в себя ещё один кубок. Куда только влезает?

— Мы с Эйтани в детстве были неразлучны: я её тайными ходами наверх водил и мы гуляли по росной траве под луной и звёздами до рассвета. Весело было! Когда она всем отказывала, я думал, это из-за меня. По нашим обычаям, если принцесса никого не выберет, её руку получит тот, кто победит на воинском турнире. Это был мой единственный шанс. Но она предпочла твоего брата.

Получилось! Если он в чём-то настолько личном сознался, то и про Вейаса начистоту

выложит. Я подлила ему медовухи и подняла собственный кубок для тоста:

— Без обид? Я помню, извинения ты не любишь.

— Ты тут вообще ни при чём.

Мы чокнулись, и он снова проглотил всё залпом, вытерев жёлтые усы вокруг рта рукавом.

— Думаю, когда мы уедем, она быстро забудет про Вейаса.

— Вряд ли. Не то, что забудет, а то, что вы уедете. Эйтайни его так приворожила, что он даже думать ни о чём другом не сможет, есть и спать будет только по её указке. Нужна стальная воля, чтобы сопротивляться. Но твой брат даже не пытается.

Я старалась держать себя в руках, но ладони сами сжимались в кулаки, а ногти впивались в кожу до крови.

— Неужели Эйтайни так сильно в него влюбилась?

— Влюбилась, скажешь тоже! — Асгрим засмеялся. — Все дело в детях. Чистокровные туаты часто умирают в первый год жизни. Эйтайни решила, что у полукровки шансов выжить больше, вот и связалась с длиннородым. Так что про брата можешь забыть до тех пор, пока он не утратит красоту и молодость, а его семя — всхожесть. Тогда с него снимут чары и дадут пинка, и я снова буду на коне, точнее, с принцессой. Мы-то стареем куда медленней вашего, — хвастался Асгрим, а у меня внутренности холодели.

Кубок выпал из рук. Напиток растёкся золотистой лужицей.

Мы никогда не доберёмся до Хельхейма, Вейас никогда не станет Сумеречником. Он будет прозябать куклой принцессы до самой дряхлости, пока его, немощного и никому не нужного, не выкинут на улицу!

— Не переживай, — Асгрим поднял чашку и отодвинулся от липкой лужи. — Тебя здесь удерживать никто не собирается. Придумают, как отправить домой к отцу, и выпустят.

Не желая показывать смятение, я взяла испачканную шкуру и хотела вычистить, но Асгрим остановил:

— Служанки уберут.

Я задвинула её подальше в угол, притащила с ложа чистую и снова села. Асгрим наполнил кубок и протянул мне:

— Выпей — полегчает. Без обид?

Я чокнулась с ним и отхлебнула побольше. Сладкий напиток легко проскочил в горло и согрел. Сведённые мышцы расслабились, мысли потекли плавней и перестали быть такими лихорадочно-безрассудными. Надо сделать, как хотела раньше: задобрить Асгрима и уговорить отвести меня к Вейасу. Ближе меня у брата никого нет, он всегда заботился обо мне, он любит меня. Я заставлю его вспомнить!

— Почему ты так уверен, что тебе бы удалось победить на турнире за руку принцессы? — я выбрала менее болезненную тему.

— Я хороший воин. Мой отец был доблестным охотником, а не плешивым лордом. На моей стороне любовь и удача, — самонадеянно заявил он.

Я прыснула в кулак.

— Не веришь? — Асгрим прищурился, но на этот раз не зло и насмешливо, а по-доброму лукаво.

— Мой отец хоть и лорд, но вовсе не плешивый. За всю жизнь он не проиграл ни единого боя. Знаешь почему?

Асгрим подался вперёд. Вряд ли он воспринимал мои слова всерьёз, но захмелел так,

что и сам был не прочь подурачиться:

— Почему?

— Потому что я, — ударила себя рукой в грудь, чтобы показать, насколько пьяна. — Я была его талисманом. Моя удача самая большая — все говорят. У меня сильный покровитель.

— Ох! — Асгрим снова раскатисто рассмеялся. — Может, проверим?

Он вынул из кармана два белых кубика с выкрашенными в красный круглыми выщербинами. Кости, чистая удача — знай себе бросай. Мы с братом в детстве так разыгрывали, кому придётся делать что-то не слишком приятное. Я всегда побеждала, а Вей понарошку обижался. Как же мне его не хватает!

— А давай! — я отхлебнула из кубка для храбрости. — На что играем? На раздевание?

В притворном стеснении я покусала губу и оттянула край рубахи.

— Ни за что! А вдруг мне после этого кошмары сниться будут?

— Тогда на желание.

Асгрим кивнул:

— Наконец-то я добьюсь, чтобы ты сидела тихо, и смогу пару часов поспать. Два из трёх?

Вначале мы бросали, чтобы выбрать, чей ход первый. Стражнику выпал дубль и он, окрылённый победой, выбил одиннадцать очков. Не особо переживая, я выкинула трёшку. Асгрим радостно потёр руки и взял следующий ход. Удача ему изменила — выпало всего пять очков. Он с досадой скривился и передал кубики мне. Я отыграла совсем малость — два очка с семёрки. Асгрим повеселел.

— Я сделаю тебя всухую!

Такими темпами я упусти единственный шанс. Надо повысить ставки:

— Давай угадаем последний ход, м? Так гораздо интересней.

Асгрим подозрительно сощурился:

— Ты не сказала своего желания. Я тебя не выпущу и брата твоего расколдовать не смогу.

— Обещаю, это будет нечто другое. Я скажу, если выиграю. Ну же, неужели ты испугался удачи дочки длиннобородого лорда?

— Воины лесной богини Дану ничего не боятся! — Асгрим сжал кости в кулак и, перебирая их пальцами, загадал: — Будет дубль.

Первый кубик послушно лёг пятёркой вверх, второй покатился, стал на ребро, лениво покачиваясь из стороны в сторону, то четвёркой, то пятёркой. Спустя несколько тягостных мгновений выпала пятёрка.

— Да! Я победил! Два спокойных часа в мягкой постели — я иду к вам! — от радости Асгрим даже заёрзал.

Я лукаво улыбнулась:

— Не гони лошадок.

Собрала кубики в раскрытую ладонь и подула на них. Брат мой, Ветер, не подведи. Я знаю, здесь ты слаб и прошу я обычно о глупостях, но сейчас это очень важно. Ради Вейаса, пожалуйста! Я верю, ты поможешь.

— Глаза змеи.

Асгрим напрягся. Я бросила кости. С гулким стуком они покатались в разные стороны. Первый ударился об стену и остановился только на середине зала. Мы с Асгримом

подбежали к нему. Тройка... Никакой я не талисман! Я закрыла лицо руками, пытаюсь спрятать отчаяние. Асгрим пошёл за вторым кубиком.

— Что здесь происходит? — звякнул пропитанный презрением голос.

Я обернулась. На пороге стояла Эйтайни, наступив носком сапога на кубик. Асгрим как раз пытался его поднять и застыл, в растерянности глядя на принцессу снизу вверх.

— В детство впал или до слабоумия допился? — съязвила она. — Я поговорю с отцом о том, как ты относишься к своим обязанностям. А теперь — с дороги!

Эйтайни оттолкнула Асгрима в сторону и прошла внутрь.

— Вейас! — вскрикнула я.

Брат следовал за принцессой молчаливой тенью. Я подбежала к нему и обняла. Я и не надеялась... Это лучше, чем с дурацкими костями, много-много лучше!

— Идём, думаю, им нужно остаться наедине, — процедила сквозь зубы Эйтайни.

Я выглянула из-за плеча Вейаса: принцесса уже тянула Асгрима прочь.

— Но... не думаю, что стоит... — отрывочно бормотал он со смутной тревогой во взгляде.

Эйтайни и слушать не стала. Они ушли, и брат снова поглотил моё внимание. Он не казался больным или несчастным, наоборот, был на удивление спокоен. Спина неестественно ровная, взгляд стремится вдаль, губы плотно сомкнуты.

— Вей, скажи что-нибудь. Не пугай меня. Это я, твоя сестра Лайсве.

Он осмотрел меня с головы до ног и безучастно ответил:

— Помню. Когда вернётся Эйтайни?

Надеюсь, что никогда.

— Ты был с ней так долго. Я переживала, что ты совсем меня забыл.

— Я же сказал, что помню, — раздражённо ответил он. Я отступила на шаг. — Я хочу вернуться к ней. Она песня моей души, солнце моей жизни. Скорей бы её отец дал согласие на наш союз, тогда мы вечно будем вместе.

— Но как же испытание? Хельхейм и клыки вэса? Как же рыцарство? Помнишь, как ты хотел доказать отцу, что сможешь добиться всего сам? Неужели бросишь всё в шаге от победы?

— Это была глупая затея. Я шёл, только потому что чувствовал, что встречу её. Теперь мы вместе, и больше мне ничего не нужно.

Жутко. Вейас не может так всерьёз думать, это приворот.

— А что мне прикажешь делать?

— То, что должна была с самого начала, — безразлично бросил брат. — Выйти замуж за своего жениха. Я щадил твои чувства, но настало время сказать правду. Ту самую, которую я не смог открыть тебе у пещеры.

Я подалась к нему навстречу. Неужели скажет?

— Ты глупая невзрачная девчонка, умеющая только ныть и плакать. Ты недостойна лучшего. Будь благодарна за то, что орден избрал для тебя пару, иначе бы ты закончила свои дни выжившей из ума старой девой.

Каждое слово впивалось в кожу игами, тянуло кишки наружу, заволакивая сознание дикой болью, потому... Потому что в глубине души я была согласна.

— Хватит за меня цепляться. Я был с тобой только потому, что превратность судьбы породнила нас по крови. Иначе я бы и не взглянул на тебя, будь ты даже последней женщиной в Мидгарде.

— О чём ты? — спросила я, зябко обнимая себя за плечи. Какое-то сумасшествие!

— О твоём вожделении к собственному брату, — он надвигался угрожающей тенью. — Об извращённой похоти уродливой девчонки, которая сходит с ума оттого, что не может принять свою никчёмность.

Я только хватала ртом воздух. Что он такое говорит? Мне просто нужен был кто-то родной и близкий, кто бы верил в меня и поддерживал. Друг! Брат! Больше ничего, только это!

Я уткнулась спиной в стену. Жёсткие неровности врезались в лопатки и затылок. Вейас навис надо мной, как хищный зверь над жертвой. Дыхание вырывалось хрипами, как будто он уже сдавил мне горло.

— Меня тошнит от одного взгляда на тебя. — Щёки алели, глаза наливались кровью. Голос возвышался, плетью хлестал по ушам, желая сломить окончательно. — Никому ты не нужна: ни жениху, ни отцу, ни мне. Так что сделай милость — не копти свет и сама полезай в могилу!

— Вей, ты желаешь мне смерти?! — Это все кошмарный сон! — Не знаю, каким приворотным зельем тебя опоила эта распутная дрянь, но ты должен сопротивляться! Ты можешь превратиться...

Брат зло сощурил один глаз. Щёку обожгла затрещина. Я облизнула разбитую губу, ощущая солоноватый привкус крови.

— Не смей её оскорблять! — палец Вейаса уткнулся мне в переносицу. — Единственная распутная дрянь здесь — это ты!

Я не узнавала его бездумного, пустого взгляда. Мы с братом часто дрались в детстве понарошку, но до крови, до злобы в глазах — никогда! Это не Вей.

— Ты превратился в демона, — прошептала я и со всей силы пнула его в живот коленкой.

Он согнулся пополам. Я схватила с ложа сумку, выскочила за дверь и побежала к общему залу. Пусть лучше меня разорвут демоны, чем собственный брат. В зеленоватой дымке показались вырезанные в скале жилища туатов. Я почти добралась до них, когда меня сгребли в охапку и затолкали в тёмный угол.

— Куда?! Ты же обещала не душить! — зашипел Асгрим.

Я нащупала в сумке нож и выставила перед собой.

— Оставь меня, слышишь?!

Вместо того чтобы отступить, Асгрим стёр с моего лица кровь.

— Он тебя ударил? — спросил с сочувствием. Это взбесило не меньше, чем его, должно быть, мои бесконечные извинения. — Поэтому тебе не стоило с ним видеться. Приворот обращает истинную любовь в ненависть.

Я отшатнулась. Вжалась в стену. Это чудовищно! Они заставили брата меня возненавидеть!

— Вернись. Обещаю, он больше тебя не потревожит. Мы совсем скоро найдём провожатого, который отвезёт тебя к отцу.

— Нет! — я приставила нож к собственному горлу. — Подойдёшь на шаг, и я убью себя. Мой отец высокий лорд, ничем не слабее вашего короля. Мою гибель он вам не простит. Он заставит орден разорвать договор. Сумеречники здесь камня на камне не оставят, как должны были сделать давно. Вы ответите за то, что сотворили с моим братом!

— Не глупи, — Асгрим говорил беспечно, но даже в полумраке, вдалеке от магических

кристаллов я видела, как дрогнули его плечи. — Никто не знает, что ты здесь. Мы выбросим твоё тело в лесу. Все решат, что на тебя напали разбойники.

— Совсем никто, даже птицы и звери? — спокойно глянула в его укрытое тенями лицо. Больше ничего не пугало: ни ауры, ни зловещая зеленоватая дымка. Я будто выгорела изнутри. В груди щемилось отчаяние угодившего в западню зверя. Нечего терять и отступить тоже некуда. — По моему следу идут ищейки. Уверена, среди них найдутся те, кто понимает язык животных. Они легко узнают правду.

— Ты не посмеешь!

Лезвие поддело кожу на шее, за пазуху побежала липкая струйка. Удивительно, от телесной боли душевная начала утихать.

— Нет, стой! — стражник опустил руки и ссутулился. Сдался.

— Выведи меня наружу. Ты же сам этого хочешь: выпишься, отыщешь свою корову и перестанешь, наконец, служить тряпкой для ног вашей принцессы.

Рысьи глаза Асгрима посверкивали в темноте, пронизывали. Ожидание сгущалось ключьями зелёного тумана, затапливало вязкой безысходностью. На зубах захрустел опостылевший сахар. Не вернусь ни за что! Я до побелевших костяшек сжала рукоять ножа. Асгрим обречённо выдохнул:

— Твоя взяла. Идём. Если ты погибнешь, не хочу, чтобы мой народ был в этом замешан.

Глава 13. Таинственный незнакомец

1527 г. от заселения Мидгарда, западное побережье Лапиш

Торговый барк неторопливо плыл к берегу, густо усыпанному домами. На левом борту сверкало позолотой название «Мейдоголда», на носу рассекал воду деревянный дельфин. Из-за гор просачивались искристые лучи восходящего солнца, играя бликами на безмятежной глади. Пелена полупрозрачной дымки скрывали чернеющие на глубине скалы. Барк легко проскальзывал между ними, словно парил, лоя в паруса ветер. Зимняя стылость пробирала до костей. Микаш плотнее кутался в плащ, прижимаясь к фальшборту.

На след принцессы они напали в кундском Гульборге, чтобы тут же потерять в дремучей Докулайской долине. Микаш насилу уломал Йордена искать дальше, даже внушение в ход пошло, хотя по уму следовало отправить их домой и ехать одному. Снова сесть на хвост беглецам удалось лишь в лапийском Вижборге. Выходило, что принцесска с братом опережают их на пару недель.

Воодушевлённые, Йорден с наперсниками прибавили ходу до самого Гартленда. Здесь пришлось задуматься. Микаш предлагал идти через перевал. Чуткая на погоду интуиция подсказывала, что они успеют спуститься с гор до снегопадов. Да и принцесска с братом вряд ли бы сунулись к матросне: с бабами, которых они буквально носом чуяли, разговор на море короткий. Если близнецы Веломри смогли добраться так далеко, то в уме им не откажешь. Но разве Йорден будет слушать «дворнягу»? К тому же Дражен снова подначил связаться в авантюру, вообразив себя морским волком. Когда-нибудь он доиграется, когда-нибудь, когда Микаша рядом не окажется, чтобы всех спасти...

Высокородные отвалили пройдошливому капитану торгового судна баснословную сумму, чтобы тот довёз их до Урсалии. Нет, в городе за него ручались: с лихим человеком не якшается и дела ведёт честно. Но переменчивая морская стихия доверия не внушала. Стоило выйти из порта, как началась качка. Йорден с Драженом зелёными провалялись в каюте все

плавание, выходили, только чтобы стошнить за борт под хохот моряков. Один Фанник был свеж как огурчик — дитя воды, повезло, можно сказать. Микашу же пришлось перепробовать несколько техник концентрации, чтобы не штормило вместе со всеми. Небо над головой, простор и свежий воздух помогли: через пару часов он обвыкся настолько, что смог спокойно прогуливаться по качающейся палубе.

Микаш ночевал с матросами в кубрике, а не в господских каютах. После пары кружек пива и нескольких партий в кости они приняли его за своего: были щедры на разговоры, шутили и балагурили, покровительственно хлопали по плечу и уважительно кивали, когда он отвечал им в такой же запанибратской манере. А какие песни затягивали, ммм! Сразу вспоминались другие, сельские песни, что летели над полем во время жатвы в знойные летние дни.

Микаш с неподдельным любопытством интересовался корабельным ремеслом. Голова кружилась от сложных названий: брамсель, стаксель, кливер, форштевень — новые знания с трудом укладывались в общую картину, но через пару дней Микаш примерно представлял себе, как устроена эта сложная машина.

— Что, морячков моих досматриваете? — шутливо обратился к нему боцман, солидный дядька с выдубленным ветрами лицом.

— Да вот подумываю ремесло сменить.

— Неужто рыцарем быть надоело?

— Для рыцарства я родом не вышел, так, прислуживаю просто.

Боцман задумчиво хмыкнул:

— Ну ты парень крепкий. Может, и сгодишься, если по мачтам лазить не страшно.

— Ко всему можно привыкнуть.

— И ещё у нас капитан очень подозрительный. Если и берёт кого нового, то тщательно проверяет, — боцман кивнул на долговязую фигуру на шканцах.

Сайлус Дикферссон — так он представлялся. Занимательная личность.

— Давно с ним плаваете?

— Да с самого начала, он меня первого взял, — у боцмана развязался язык, а Микашу только это и нужно было. — Славный малый, строгий, но справедливый. Удачливый, как тот морской колдун. Сколько штормов с ним повидал, ни разу даже паруса не порвали. А как он лихо проходит между рифами — зрелище на все времена. Будто воды совсем не касается — по воздуху летит.

— Удивительно!

— Да!

Закравшиеся при первой встрече подозрения только усиливались. Микаш и сам не знал, зачем лезет в это дело. Может, охотничье чутьё покоя не давало, а может, просто было скучно.

Когда капитан спустился на палубу, чтобы поговорить со своими помощниками, Микаш присмотрелся внимательней. Не к внешности, конечно, она была вполне заурядной: выбивающиеся из-под чёрного платка засаленные волосы зеленовато-бурого оттенка, тёмные глаза, впалые щёки, резко очерченные скулы и подбородок. Сам сухощавый, жилистый. На вид молодой — больше тридцати и не дашь. Только пахло от него странно, едкой солью, даже сильнее, чем от рыбы и морской воды. Но больше волновала скрытая непроницаемой дымкой аура. На первый взгляд ничего необычного, но говорилось же в Кодексе не полагаться слепо на привычные методы. Если совместить все смутные ощущения

и знания, пристально взглядеться, то в глубине этого тумана можно различить силуэт чего-то невообразимого. По спине бежали мурашки, и разум отказывался воспринимать, что это действительно существует и находится на расстоянии вытянутой руки.

— Какие-то проблемы? — обратился к Микашу капитан, катая между зубов бурую нитку водоросли.

— Возможно. Как давно вы управляете этим судном?

— Семь лет без малого.

— А в море ходите?

— Всю жизнь, как мой отец и отец моего отца. Море у меня в крови.

Микаш задумчиво прищурился.

— Так вы, похоже, много где бывали.

— Да почти везде.

— И многое повидали?

Сайлус пожал плечами.

— Слышали когда-нибудь про демонов-фоморов?

— Морских колдунов? Бабы сказки. Если они и есть, то не покидают глубинных вод и до людей им дела нет.

Микаш усмехнулся.

— Всё-то вы знаете. А знаете, как часто вас самого морским колдуном называют, м? Удачлив, ловко с кораблём управляется, девятый вал стороной обходит. Не слишком ли для семейного ремесла?

— Сумеречники! — Сайлус выплюнул водоросль и, пихнув Микаша в спину, направил в свою каюту.

Стоило ступить внутрь, капитан запер дверь на засов. В узкую комнатушку вмещались только кровать и маленький стол с единственным стулом, на котором висела одежда. Спёртый воздух душил. Капитан оценивал Микаша хищным пронизывающим взглядом, упиравшись спиной в дверь. Похоже, западня. Рука по привычке искала на поясе эфес меча, но наткнулась на пустые ножны: все оружие заставили сдать при входе на корабль.

— Слушай сюда, — сказал Сайлус, сложив руки на груди. — Знаешь, как говорят: любопытство сгубило кошку? Я не демон, не колдун и не фомор, вообще не из этой сказки. Не по твоей руке, смекаешь?

Он словно приподнял завесу над своей аурой. Микаш отшатнулся. Сверху навалилась глыба настолько непомерной чужеродной силы, что дышать стало невозможно, словно она вытеснила весь воздух из комнаты. Стемнело, как во время бури. Натужно скрипели доски, готовые вот-вот надломиться от тяжести, проседал сам корабль, шёл ко дну, не выдерживая возложенного на него груза. Сайлус чихнул, и наваждение пропало.

— Не то чтобы я угрожал, хотя нет, я определённо угрожаю. Мне ничего не стоит прихлопнуть тебя, как блоху. Но у тебя сильный покровитель. Если мы с ним подерёмся, то корабль вместе с людьми пойдёт на корм гигантскому кракену. Я, конечно, смогу построить новый, но это долго, а людей жалко. Они хорошие. Не чета вам.

Микаш тарашил глаза, силясь осознать, на кого наткнулся. И как с ним бороться — что важнее. Хотя можно ли — ещё вопрос.

— Ты пойми, я не злодей в этой истории. Это ваши Небесные устроили бардак — с них надо спрашивать. Я не собираюсь чужое дерьмо разгребать. Я море люблю и свой корабль. Больше мне ничего не нужно: ни людские жизни, ни их земля — тьфу на неё трижды, ни

даже ваше золотишко. Я высаживаю вас в Урсалии, и мы расстаёмся навсегда без лишних вопросов. Идёт?

— У меня на родине говорят: «Моя хата с краю, ничего не знаю» — девиз для трусов, — ответил Микаш, умом понимая, что сила все же не на его стороне.

— У меня на родине говорят: «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». Не лезь в дела высших сфер.

— Иначе что? Погибну?

— Поверь, твоя участь будет куда хуже смерти.

Сайлус распахнул дверь и жестом попросил Микаша на выход. На этот раз он послушался. Драться вслепую на чужой территории неблагоприятно, даже для него.

Весь остаток плавания Микаш размышлял о странном капитане, но подходить близко не решался. Можно ли закрыть глаза и забыть? Однажды Микаш уже поступил так, и всё обернулось несчастьем. Тогда нужно было вцепиться зубами и бороться из последних сил, а сейчас... сейчас он и вправду ощущал себя блохой на плече гиганта. Речи капитана были туманны и полны пугающих предзнаменований. Кто же он? Не человек и не демон.

Корабль пришвартовался в порту. Когда они спускались по трапу на дощатый настил длинного причала, Микаш все ещё думал об этом. Опустил на мостовую тяжёлые тюки, чтобы передохнуть и привыкнуть к твёрдой почве под ногами, которая всё ещё продолжала качаться, как палуба. В последний раз обернулся на довлеющую громадину корабля. Капитан ещё оставался на борту: отдавал распоряжения носильщикам и матросам. Микаш мысленно потянулся к нему и будто наяву услышал:

«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем».

Микаш наскочил на упругий мысленный барьер и отлетел обратно. Молчание.

Йорден с наперсниками бодро вышагивали впереди, счастливые вновь ступить на сушу. Пришлось поспешить.

***

1527 г. от заселения Мидгарда, окрестности Урсалии, Латия

В этой пещере действительно было два выхода. Мы с Асгримом шли ко второму — пустынному, узкому и затхлому. Хотя я выставляла вперёд руки, чтобы убрать с дороги паутину, она всё равно налипала на лицо и путалась в волосах. Крутые высокие ступени заворачивались серпантинном. Потолок нависал так низко, что приходилось сгибаться чуть ли не пополам. Ноги уже гудели от напряжения, когда лестница упёрлась в глухую стену. Асгрим повернул потайной рычаг, и вверху открылся люк. От сладкого морозного воздуха закружилась голова. Стражник подтянулся, а потом помог вылезти и мне.

За проведённое в подземелье время снаружи сильно похолодало. Стылую землю припорошил пушистый первый снег. Ветер сушил слёзы. Небесная ширь приветствовала пурпурными облаками. Сво-бо-да! Я как пьяная завертелась на месте, раскинув руки, и засмеялась. До чего хорошо!

Щурясь в лучах заходящего солнца, я набрала пригоршню снега и принялась оттирать кровь. Асгрим переминался с ноги на ногу и нетерпеливо кашлял. Я замотала шею шарфом и

последовала за стражником. У первого бревенчатого дома на высоком фундаменте он помахал рукой и растворился в сумерках.

Кожу продирает ночной холод. Я плотнее куталась в плащ и брела, куда несли ноги — подальше от злосчастных холмов! Впереди показалось большое здание с двускатной крышей, украшенной резным коньком — белое привидение на фоне густеющей ночной мглы. Это голубиная станция, здесь отправляют послания во все уголки Мидгарда.

Я привалилась к стене дома, чтобы перевести дыхание. Круглые бревна впивались в лопатки так же больно, как камень в гостевом зале подземного дворца. Вейас остался там, потерянный, чужой... Хмельная весёлость обернулась всхлипами. Почему он наговорил мне столько пошлостей? Я ведь не давала ему повода так думать... или давала? Может, не он сошёл с ума, а я. Я не должна ластиться к нему, цепляться и тащить ко дну вместе с собой. Кто я такая, чтобы ступать на нетореную тропу и спорить с судьбой?

Перед мысленным взором, как осязаемый, возник образ брата: стройная фигура, правильные черты. Глаза кристально голубые, прозрачные, как озёра Белоземья. А как он улыбается! Обаятельно и лукаво, задорные ямочки проступают на щеках, тонкие складочки собираются в уголках прищуренных век. Серебристым ковылём курчавятся вихры на висках. Тёплый дурашливый голос звенит золотым смехом.

Нужно написать отцу и попросить помощи. Да, меня выдадут замуж, и я никогда не увижу Хельхейм, но я готова пожертвовать мечтами и волей ради того, чтобы вернуть брату жизнь. Пускай он будет счастлив.

Шагнув в глухую безнадёгу, я врезалась в спину прохожего.

— Простите, — пробормотала, глядя под ноги.

— Моя вина. Вы не ушиблись? — ответил приятный мужской голос с шелковистой хрипотцой.

Я подняла взгляд. Незнакомец был выше меня почти на голову. Широкие плечи укрывал подбитый волчьим мехом плащ. На стройных ногах ботфорты. Курчавые волосы выглядывали из-под широкополой фетровой шляпы с пером. Глубоко посаженные тёмные глаза по-лисьи щурились, на пухлых губах играла добрая улыбка. Холёное, гладко выбритое лицо, дорогая одежда — должно быть, кто-то из знати. Да и едва заметная картавость — явно не местный говор.

— Да у вас кровь! — он достал из кармана платок и вытер мою разбитую губу.

— Ничего страшного, — прикосновение заставило опомниться и отстраниться. — Я раньше поранился. Простите!

Забыв о нём, я снова направилась к голубиной станции. Сколько почтовая птица будет лететь до Ильзара? Месяц? Надеюсь, у меня хватит денег оплачивать комнату на постоялом дворе, пока не подспеют ищейки.

— Милая госпожа, вы обронили!

Я нехотя обернулась. Незнакомец стоял в шаге от меня и протягивал книжку с тёмной обложкой. Мой дневник!

— Спасибо, — я схватила его и запихала обратно, стараясь не разглядывать изящные длинные пальцы и печатку в виде волчьей головы на одном из них. — Как вы догадались, что я девушка?

— О, так это была тайна? Простите, но с заплаканными глазами, понурыми плечами и мышинной походкой на мужчину вы совсем не похожи. Кто вас обидел?

Нет у меня времени на разговоры. Вот напишу письмо отцу и, может быть... Хотя нет,

бессмысленно это. Я упрямо зашагала прочь и не заметила обледеневшую лужицу. Ноги поехали вперёд. Затылок уже почти врезался в мёрзлую землю, но вдруг меня подхватили крепкие руки.

— От судьбы не убежишь, — снова усмехнулся незнакомец, помогая подняться.

И я разрыдалась. До боли в пальцах вцепилась ему в плечи и никак не могла остановиться. Мягкие ладони нежно поглаживали спину, завораживающий голос шептал что-то ласковое и успокаивающее. Так хорошо! Прежде я бы никого к себе не подпустила, но теперь мне было так горько, больно и одиноко, что сопротивляться не хватало сил.

Случайный прохожий одарил нас любопытным взглядом, заставив опомниться. Я отступила и посмотрела незнакомцу в лицо, как собственному страху. Какие у него правильные, аристократичные черты...

— Простите.

— Извинения набили оскомину. Возьмите лучше, — он протянул платок.

Я отвернулась, чтобы вытереть слёзы. Не знала, как объяснить, и уставилась на ночное небо. Облака разошлись, и посреди чёрного поля расцвела светлым пятном полная луна. У кромки горизонта мерцала Северная звезда. Ветер подхватывал с земли порошу и кружил маленькими вихрями у самых ног.

— Давайте я проведу вас на постоянный двор. По ночам здесь лихой люд обретается, — незнакомец развернул меня к себе за плечи и заглянул в глаза.

— Демоны? — нахмурилась я, поглядывая в сторону, откуда пришла.

Казалось, из-за поворота вот-вот выступят туаты: Асгрим, Шейс, король Ниам. Эйтайни прикажет им насмеяться надо мной и бить ногами, а потом запрет в темнице в подземном дворце навсегда. Может, она и этого незнакомца ко мне подослала? Уж слишком он хорош, чтобы быть правдой.

— И демоны тоже, — согласился он, принимая платок обратно.

Нет, он совсем другой, выше, крупнее, да и пахнет от него не приторным цветочным мёдом, а горечью полыни с чертополохом. Мне, как ни странно, нравилось.

— Я хотела письмо написать...

— Сейчас вы только чернила слезами зальёте. Выспитесь лучше. Завтра на свежую голову легче будет. А может, и вовсе ничего писать не захочется. Гляньте, там замок висит, должно быть, смотритель уже ушёл.

Я вздохнула, соглашаясь. Надеюсь, я не растеряю решимости, а туаты не вознамерятся меня вернуть. Последовала за незнакомцем. Хотя бы путь покажет, а то придётся долго блуждать в потёмках. Бдительность я старалась не терять и, спрятав ладонь в сумке, сжимала рукоять ножа. Если что, буду отбиваться. У меня ещё меч есть, правда, незаметно держать его наготове не выйдет.

— Расскажите, что вас гложет. Может, я помогу, — незнакомец снова попытался завести беседу после того, как мы в мрачном молчании миновали с десятков домов по узким улочкам.

— Как? Вы ведь не Сумеречник, — засомневалась я, разглядывая тёмные пятна на луне.

Две недели я провела в подземном дворце, а оказалось, всего пару дней! Также жизнь Вейаса пролетит мимо, он и глазом моргнуть не успеет.

— А разве Сумеречники кому-то помогают? По-моему, они только деньги из простых людей тянут.

С другой стороны, а не пошёл бы он лесом? Сама дорогу найду, не маленькая. Это всег

лишь захолустный городишко в захолустной стране. Вон уже и шпиль ратуши виднеется.

— Не дичитесь, а то я решу, что даже награбленных богатств Сумеречникам недостаточно, чтобы прикупить своим дочерям хороших манер, — незнакомец схватил меня за руку и заставил выпустить нож. Я хотела вырваться, закричать, но удивлённые взгляды прохожих остановили. — Да, я понял, кто вы, и даже догадался о половине вашей истории: дочка высокого лорда сбежала от жениха, но мир за пределами отцовского замка оказался ей не по зубам.

— Вы ничего обо мне не знаете! — я вырвалась. Впрочем, меня не держали.

— Так просветите меня, — он остановился и сложил руки на груди.

Надо было уйти, но ноги приросли к земле, а глаза вперились в резко очерченное в лунном свете лицо незнакомца. Тонкий, с едва заметной горбинкой нос, изогнутые брови, высокие скулы, волевой подбородок... Хорош, негодяй! Дерзкий, пронизывающий взгляд будто вызов бросает. Незнакомец прищурился в плутоватой улыбке:

— Расскажите, я умею слушать. Иногда это помогает лучше, чем меч и родовой дар.

Я сдалась. Мы устроились на деревянной лавке у входа на круглую рыночную площадь. Я говорила, пока голос не осип и не осталось больше ничего в моей жизни, о чём я не поведала бы сегодня ночью.

— Мда, вляпался ваш брат по-крупному, — присвистнул незнакомец. — Кто к холмовым шавкам в полон угодил, тому вовек под луной не гулять.

Я недоуменно нахмурилась.

— Это из сказки, няня в детстве рассказывала. Один королевич утомился с охоты и прилёг отдохнуть в ведьмином кругу из говорушек. Когда проснулся посреди ночи, хороводом вокруг него шли прекрасные темноволосые девы. Пленился он ими, протянул руки. Они спросили: «Пойдёшь с нами в подхолмовое царство?» Он согласился. После никто его не видел. Только спустя годы, когда мимо ведьминого круга проезжал экипаж нового короля, встретился им немощный старик, который клялся, что и был тем пропавшим королевичем. Он лишился памяти о годах, проведённых под холмами, а вместе с ним и разума, и вскоре умер, одинокий и убогий.

Я представила брата на месте того королевича. От тоски засосало под ложечкой.

— Я думала написать отцу, чтобы сюда прислали отряд и их угомонили.

Подозрительность незаметно притупилась. Хотелось, чтобы кто-нибудь меня спас для разнообразия, пусть даже такой странный и непонятный.

— Они не нарушат перемирие из-за парня, который остался с туатами по своей воле. Отряд сюда вышлют, только чтобы вас домой забрать, — незнакомец безнадежно покачал головой.

— Откуда вы так хорошо осведомлены о делах ордена?

— Политика уступок — жертвование малым во имя больших целей. Ничего тайного тут нет, — незнакомец посмотрел куда-то в сторону, словно чуял, где находится дворец туатов.

— Неправильно это. Орден не должен лезть в политику. Его дело — спасать людей от демонов, невзирая ни на что.

— Боюсь, не обладай орден запасом прагматичной хитрости, его бы давно уничтожили не демоны, а наши собственные правители. Непокорную силу никто не любит, особенно когда ты находишься у неё в долгу.

Я молчала, пытаюсь понять. Как же сложно! А должно быть просто: мой брат рядом со мной со свободной волей, в здравом уме и памяти. Неужели это так много?

— Вашего брата теперь только если по-тихому умыкнуть удастся. Увезти подальше, окунуть в ледяной ручей, может, дурь вся и выйдет, — продолжал между тем размышлять вслух незнакомец.

— Вы поможете? — без обиняков спросила я.

Он стусевался от моей прямоты, но быстро нашёлся:

— Если придумаю как. Идёмте, становится холодно, да и поздно уже. Скоро хозяин двора отправится спать, и вы останетесь без ночлега.

Он протянул руку, и на этот раз я приняла её без раздумий. Мы прошли вдоль мостившихся друг к другу домов и остановились возле трехэтажного здания с большой вывеской. В темноте её было не разобрать, зато в окнах горели лампадки, из-за двери доносились бодрые голоса и смех, а у порога топтались захмелевшие мужики.

— В этом захолустье ничего лучше нет, — развёл руками незнакомец. — Ступайте к хозяину — он быстро комнату подыщет. В общем зале не задерживайтесь. Публика здесь не самая приличная.

В подтверждение дверь распахнулась настежь, и на улицу кубарем вылетел сильно помятый косматый мужик. Я непроизвольно прижалась к незнакомцу.

— Проспись лучше, а потом будешь спорить, разбавляю я эль или нет! — рыкнул показавшийся на пороге коренастый мужчина в застиранном переднике. — Остальным тоже спать! Идите-идите, жёнушки, небось, уже все глаза в ночь проглядели.

Смеявшиеся до этого выпивохи недовольно загомонили и нехотя побрели в разные стороны.

— А вам чего надо? — не слишком радушно обратился к нам хозяин постоянного двора, судя по пройдошливому виду это был именно он.

— Комнату на пару ночей, — спохватилась я.

— Для извращений не сдаю, — отрезал он, глядя, как мои пальцы цепляются за локоть незнакомца. Я отступила на шаг и замотала головой:

— Вы неправильно поняли. Комнату на одного, для меня только.

— Ага, — криво усмехнулся хозяин. — Девочек постель погреть не приглашать, теперь я правильно понял?

Незнакомец тихо хохотнул у меня над ухом. Лицо словно ошпарили.

— Никаких девочек!

— Ступайте за мной. Только деньги вперёд — знаю я вас, вечно обжулить пытаетесь, скряги несчастные! — проворчал хозяин и скрылся за дверью.

Незнакомец наклонился к земле, испачкал ладони в пыли и размазал по моим щекам.

— Вот так больше на парня похожи, а то у вас кожа слишком гладкая.

Никогда не замечала...

— Не сутультесь, голову выше, иначе все будут думать, что вы что-то скрываете, — он отнял руки от моего лица и посмотрел словно в последний раз. — Ну, бывайте.

— Стойте! — я ухватила его за рукав. — Я не расслышала ваше имя.

— Я его не говорил, — он, не оборачиваясь, зашагал прочь.

— Но как же я вас найду?

Незнакомца уже и след простыл. Я потёрла щёку, которой недавно касались его ладони. Неужели он мне понравился?

Проводив девчонку до города, Асгрим вернулся во дворец, чтобы захватить с собой гончих. Правильно говорят длиннородые: если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам. Выбрал троих высоких, поджарых, огненно-рыжих псов: бесстрашного Гамги с иссечённой шрамами мордой, Вейстра с непревзойдённым нюхом и крадущегося как тень, хитрого Крунинга. Снова пришлось тянуться долгим чёрным путём, чтобы не приведи Хозяйка леса, никому на глаза не попасться. Но дворец был на удивление тих. Неужели Эйтайни так легко отпустила девчонку? Или настолько заигралась с длиннородым щенком, что об остальном и думать не желает? Впрочем, так даже лучше.

Оказавшись на поверхности, Асгрим потащил псов ко двору, с которого пропала корова. Хорошо хоть недотёпа Шейс оставил тут тайную метку в виде цветка вереска. Магический кристалл высветил её тонким лучом. Обычная, ничем не примечательная хибара с покосившимся хлевом, в котором даже дверь не держалась. Её подпирали жердями снаружи. Покрутившись вокруг плетня, собаки взяли едва уловимый след. Потянули к лесу. Скорее всего, дурная скотинка попала волку на зуб, но надо проверить.

Тревожное предчувствие не покидало с тех пор, как Эйтайни притащила детей Сумеречников во дворец. Может, она права: он чересчур мнителен или просто пытается отгородиться от того, что действительно мучает?

Между соснами мелькнула залитая серебристым лунным светом поляна. Асгрим дёрнул поводками, заставив собак остановиться. Воспоминания накатывали стылым туманом.

Этим летом Асгрим шёл с охоты в Утгарде замыкающим. Знал, что для принцессы пришла пора выбирать мужа. Боялся, что, когда вернётся домой, застанет её с другим и не вынесет этого.

Была такая же лунная ночь на исходе жнивника. С северных отрогов уже веяло холодом, но на душе сохранялось скопленное за лето тепло. Асгрим тянул на волокушах богатую добычу из туш и шкур. Только радости это не приносило, да и желания вновь оказаться во дворце тоже не прибавлялось. Он ходил кругами, уговаривая себя, что просто таится от длиннородых.

И наткнулся на ту, которую хотел видеть меньше всего. Она танцевала. Здесь, на этой поляне, словно плескалась в серебряных волнах лунного моря. Грациозные движения гибкого, как ивовые прутья, тела завораживали. Руки словно обвивали плечи, лаская нежными прикосновениями. Босые ступни беззвучно скользили по пожухлой траве, порхали мотыльками-однодневками. Лёгкая голубая ткань платья, едва слышно шурша, летела по ветру.

Асгрим не знал, на кого Эйтайни ворожила той ночью, но просидел неподвижно на краю поляны до первых лучей солнца, боясь спугнуть. Мечтал, что когда-нибудь принцесса будет танцевать только для него. Но утром она ушла и забрала с собой полную романтических надежд юность. Асгрим понял, что он простой охотник. Как бы ни был привязан к нему король, как бы близок он ни был Эйтайни, ему никогда не стать частью их семьи.

Собаки залаяли, почуяв зверя. Томное наваждение растаяло. Асгрим печально качнул головой и направился туда, куда тянули псы. Глубже в чащу, через бурелом на дно оврага, где во тьме посверкивали жёлтые глаза. Асгрим спустил псов с поводков и потянул меч из

ножен. Пожалел, что не взял с собой лук. Но стая волков оказалась небольшая и предпочла побег драке. Гончие провожали их угрожающим рыком.

Асгрим подобрался ближе и присел на колени у туши, которой волки хотели поживиться. Действительно, корова. Если собаки привели сюда, значит, та самая. Следы зубов, вместе с шерстью вырваны шматы мяса, запах падали ощущается едва-едва. Значит, умерла позже, чем потерялась. Асгрим запалил ветку огнем и принялся изучать находку. А вот это уже зацепка! Мясо-то бледное, без капли крови. Он приподнял животному голову: на шее обнаружили две небольших отметины. Ещё несколько похожих Асгрим успел разглядеть на животе у вымени, пока ветка не осыпалась пеплом.

Что ж, в кои-то веки мнительность себя оправдала. Появился чужак. Асгрим подозвал собак свистом и отправился в обратный путь. У опушки на всякий случай свернул в сторону кладбища. Царство покрытых трещинами и лишайником каменных плит хранило безмолвие. Собаки не чувствовали запаха, а снег запорошил следы, если они и были. Асгрим присел возле груды камней и коснулся спрятанного в них кристалла. Вспыхнул зеленоватой дымкой защитный полог. Печати не тронуты, контур никто не нарушал. Только не унималось предчувствие, что из молодого ельника в спину направлен недобрый взгляд. Из-за гор брызнули тусклые рассветные лучи. Нужно возвращаться. Асгрим последний раз оглянулся на лес. Собаки молчали. Он встряхнул головой и поспешил во дворец. Там его уже ждали.

— Явился? Где тебя носило всю ночь? — посыпались градом язвительные вопросы принцессы, стоило Асгриму ступить в тронный зал. — Зачем ты отпустил девчонку длиннорылых?!

Упрёки Эйтани не трогали, но на короля, мрачно взиравшего с высокого трона, Асгрим старался не смотреть.

— После того как ты стравил её с братом, она угрожала наложить на себя руки. Сумеречники не оставили бы её смерть неотомщённой. И сомневаюсь, что они будут смотреть сквозь пальцы, как ты сводишь с ума её брата.

— Всё происходит по его воле. И он готов это подтвердить! — вспыхнула принцесса. — Лучше бы за собой смотрел. Как ты посмел оставить службу?!

— Я служу своему народу и своему королю, а не твоим капризам. Наверху происходит что-то подозрительное, я должен был проверить.

— Проверил? — Эйтани криво усмехнулась, как будто знала, какой будет ответ.

— Да, я нашёл обескровленную корову в овраге.

Принцесса удивлённо вскинула бровь, но вместо неё заговорил Ниам:

— Кладбище пробудилось?

Асгрим всё так же не смел поднимать на него глаза:

— Нет, полог цел. Думаю, это чужак. Вполне вероятно, он ничего не знает о той силе, что дремлет в подземных склепах.

— Ты ослушался приказа из-за одного-единственного чужака?! — Эйтани поджала губы, но Асгрим снова с лёгкостью выдержал её пренебрежительный взгляд и тон.

— Это Лунный Странник. Где один, там вскорости будет нашествие. Позабавившись с длиннорылыми, они перекинутся на нас, а потом явятся Сумеречники и порубят всех без разбору.

— Чушь собачья! — отмахнулась Эйтани.

— Ты не воин, тебе не понять.

— Я твоя будущая королева, имей хоть каплю уважения!

— Хватит! — рявкнул на обоих король и встал. — Нет сил больше слушать ваши склоки!

Странника надо найти, этим займётся Шейс со своим отрядом.

— Но... — попытался возразить Асгрим, однако король жестом велел молчать.

— А ты вернёшь девчонку. Не стоило её отпускать. Она слишком много знает.

Асгрим наконец поднял глаза и нехотя кивнул. Эйтайни торжествовала.

— А ты, — Ниам повернулся к дочери. Довольная улыбка сползла с её лица. — Расколдуешь мальчишку, пока не случилось беды.

— Нет! Никогда! — принцесса выкрикнула громче, чем следовало. — Если ты не дашь согласия на наш брак, мы сбежим.

Эйтайни развернулась на каблуках и выскочила в коридор — только взметнулись пышные юбки синего платья и подняли ветер.

Ниам горестно закрыл лицо руками:

— Упаси тебя Лесная хозяйка от воспитания дочерей!

— Думаете, с сыновьями будет легче? — сам не зная зачем спросил Асгрим.

Глава 14. Лунные Странники

1527 г. от заселения Мидгарда, Урсалия, Латия

В порту суетились люди, швартовались корабли, разгружались трюмы. Рыбаки вытаскивали из шлюпок полные корзины рыбы и продавали её перекупщикам и рачительным хозяюшкам. Матросы слонялись по пристани, торговцы заключали сделки с капитанами в одежде дорогого кроя. Город кипел жизнью.

Из порта Йорден с наперсниками направился на главную площадь. Тонкий шпиль ратуши хорошо просматривался отовсюду. Там рассчитывали найти постоянный двор поприличней и справиться о беглецах.

Стущались тучи. Вскоре повалил крупными хлопьями снег. Тут он был не первый, но все же знаменовал начало затяжной зимы. Поплотнее запахнули плащи, надвинули капюшоны на головы. От непривычки холод казался непереносимым, хотя местные жители не мёрзли вовсе. А ведь это ещё морозы не ударили в полную силу. Микаш поёжился. Сквозь этот холод пробивался до боли знакомый запах гнили и тлена. Вороны закаркали на крышах домов, разлетелись, пробуждая воспоминания.

1521 г. от заселения Мидгарда, Заречье, Веломовия

Праздник последнего урожая был уже на носу. Работы осталось немного: убрать мусор и засеять ячмень на зиму. А потом холодная пора — дела домашние. Лето выдалось на диво богатым. Впервые к зиме сохранилось ощущение, что они не только сытыми до нового урожая протянут, но ещё и выменять что-нибудь сумеют. Козочку, к примеру. Мать давно хотела.

Агнежке полегчало. Приступы не беспокоили уже несколько месяцев, она больше гуляла по околице, мурлыкала под нос песенки, которые сама же придумывала. Даже заговорила внятно! Будто грозовые тучи рассеялись, а сквозь них пробились лучи искристого солнца. Только рассевшееся по стрехам хат воронье предрекало карканьем, что это затишье перед бурей. Особенно много пакостных птиц было у его покосившейся мазанки.

— Почему? — ныла, выпятив нижнюю губу, Агнежка, пока Микаш вёл на верёвке косяку, которую она притащила домой несколько недель назад.

Животное ободрало ногу и с трудом ковыляло на трёх. Самой его выходить Агнежке не хватило ни смекалки, ни сил, потому ещё и этим пришлось заниматься Микашу. Если бы демонова косуля сдохла, сестра бы рыдала так, что даже его внушение оказалось бы бесполезным.

— Потому что это дикое животное и в неволе погибнет. Мы заведём домашнюю козочку, и ты сможешь за ней ухаживать.

Агнежка несогласно захныкала. Они спустились на дно поросшего дубами и ясенями болотистого лога. Деревья уже стояли сиротливо-голые, а опавшая листва шелестела и скользила под ногами.

Косуля встрепенулась и стала рваться с верёвки.

— Видишь, Одуванчик, как свободу почуяла? Ты должна отпустить её сама, — Микаш ослабил узел.

Агнежке оставалось только потянуть за верёвку. Её руки дрожали, и Микашу пришлось её подтолкнуть. Освободившись, косуля рванула прочь — только копыта сверкали. Агнежка громко разрыдалась, распугивая всё зверье. Микаш вздохнул. Что-то заставило его повернуть голову и взглянуть в заросли боярышника. Позже Микаш узнал, что это и был тот самый зов, о котором толковала чокнутая горевестница.

— Оставайся здесь, — предупредил он сестру и обошёл колючие заросли по краю.

За ними на небольшой лысой полянке, прикрытые палками и дёрном, валялись несколько овечьих туш. Микаш убрал мусор и внимательно их осмотрел. Шкура осталась нетронутой, ран нигде видно не было за исключением двух запёкшихся точек на шеях. Микаш достал нож и надрезал кожу рядом. Крови совсем не было, словно кто-то выпил её досуха.

— Мика! Мика! — позвала Агнежка.

Он побежал к ней и перешёл на шаг, только когда понял, что опасности нет. Сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и не пугать её.

— Корону забыл, — засмеялась сестра.

Водрузила ему на голову венок из жёлтых листьев. Любила такие штуки.

— Спасибо, Одуванчик, очень красиво, — Микаш ласково потрепал её по щеке и взял за руку. — Идём, уже пора.

Он едва не бежал, не хотел, чтобы сестра оставалась в этом проклятом месте хоть чуть-чуть дольше. Довёл до дома и подтолкнул к двери.

— Ступай к матушке. Я... я на работу. Уже опаздываю, да, — попытался отговориться он.

Сестра заканючила:

— Останься. Ты вчера был. Сегодня вместе: король и королева. Будем править миром!

Откуда она взяла этот вздор?

— Будь умницей. Слушай маму, — он поцеловал её в лоб на прощание. — Я вечером приду, и мы поправим всем, чем хочешь.

«Не любит он тебя. Мать и вовсе со свету сжить мечтает. Обуза ты для них. Только я, я один тебя люблю. И брошу весь мир к твоим ногам. И будем править. Вместе».

Микаш обернулся, но никого не увидел, кроме улыбающейся Агнежки. «Каррр-каррр», — поднялась стая ворон и полетела прочь. Микаш встряхнул головой, прогоняя наваждение, и зашагал к дому сельского главы Грацека. Там собрался весь народ. Тревожно гомонили, перекрывая даже карканье ворон. И будто носился над ними почти осязаемый дух

несчастья. Микаш подошёл ближе и услышал надрывный голос Ежи, самого богатого селянина в округе:

— Я же говорю, сынку мой Марек весь город обошёл: нету там наших девок. Ни Зоськи, ни Граськи, ни моей дорогой дочечки Катаржины — никого не видали. Демоны их забрали, говорю вам, демоны!

— Зоська знатная гулёна была. Бесприданница, а от наших парней нос воротила. Все хвасталась, что в город сбежит и за богатого купца выйдет, — вклинилась завзятая сплетница баба Мила. Хлебом не корми, дай позлословить — мать про неё говорила. — А Граська за ней с малолетства хвостом ходила. После пропажи подруги заявила, что следом пойдёт. И ежели чего, Зоська её в беде не оставит. Вот обе и сгинули, дурницы.

— Да с Зоськой и Граськой было бы понятно, — заспорил Ежи. — Но моя Катаржиночка же не такая. Умница, искусница, хозяйюшка — все скажут. И жених у неё из соседнего села сговорённый. Она так радовалась. Уже приданое подготовила. Не могла она всё бросить!

— Грася, конечно, дурница, но кто-то и правда её свёл. Сам видел, как она запиралась в сарае и с кем-то шушукалась, — подал тихий голос брат пропавшей.

— И с Катаржинкой моей так же. Странное творилось!

— Так странное творилось или не могла благоразумница всё бросить? — не унималась баба Мила.

— В самом деле, Ежи, не стоит заранее тревогу бить. Погодим немного, авось нету никаких демонов, — примиряюще встал между ними Грацек.

Микаш пробился сквозь толпу и объявил:

— Боюсь, мастер Ежи прав. Это демон. Я овец пропавших нашёл, они там, на дне лога. Из них выпили всю кровь.

Селяне отступили от него на несколько шагов, словно он плохо пах или болел чем-то заразным. Микаш слышал их мысли настолько ясно, будто они были сказаны вслух:

«Так он и сам демон. Подкидыш. Мать его от злого духа понесла. Недаром только на одиннадцатый месяц после смерти мужа разродилась. Станный он, ненормальный. Сестра полоумная, а этот так вообще. Смотрит-то как! Прямо видно, что в этих глазах что-то недоброе таится».

Микаш-то надеялся, что его приняли. Впрочем, неважно.

— Идёмте, я покажу! — настойчиво позвал он.

Грацек кивнул. Он относился к семье Микаша спокойней, чем остальные, да и считался человеком разумным. Недаром же его главой выбрали.

Крепкие мужики направились в лог. Ещё вездесущая баба Мила увязалась. Под общие охи Микаш показал мёртвых овец.

— Смотрите, ими даже звери побрезговали. Точно, демон! — запричитал Ежи.

— Нужно звать Сумеречников, — вновь подал голос Микаш.

— Тю, Сумеречников. Они ж золота потребуют — вовек не расплатимся, — шикнула на него баба Мила.

— Но ведь это нашествие. Сумеречники должны защитить нас. Это их предназначение.

— Совсем мальцу сказками голову задурили. Говорила же, негоже, когда мужика бабы растят.

— А что, может, попробуем? — предложил Ежи. — Я всё отдам, лишь бы Катаржиночку вернуть.

— Ну хорошо, только кто ж решится к ним ехать? — скрепя сердце согласился Грацек. — Они ж сами как демоны, даром что людьми притворяются.

— Я, я поеду и уговорю их. У меня получится, — вызвался Микаш.

— Угу, золотишко наше решил прикарманить, ух, голодранец! — не унималась баба Мила.

— Не нужно мне ваше золотишко. Я хочу семью защитить.

— Ну конечно, убогую сестрицу и мамашу, которая тебя как ломовую скотину использует. Ведь ты их так любишь, — язвила несносная женщина.

Микаш сжал кулаки, с трудом сдерживаясь, и процедил сквозь зубы:

— Мне хорошо с ними, я ни на что не жалеюсь!

— Пускай едет, раз сам вызвался. Может, и вправду, ему легче будет с ними сговориться, — поддержал его Ежи.

Они вернулись в село и обошли все дворы. Каждый выгробал все деньги, что были, Ежи дал в два раза больше, чем остальные. Лучшего скакуна выделил: длинноногого поджарого жеребца, на котором впору было господам ездить. Горели золотом крутые бока, тёмная грива шёлком стекала по мускулистой шее, раздувались тонкие ноздри, прядали по сторонам резные уши. Седло надели — эка невидаль. До этого Микаш только на голой спине зад в кровь сбивал.

— Горячий он. Справишься? — спросил Ежи напоследок. — Езжай по дороге всё время прямо. До заставы Сумеречников полтора дня пути, день, если быстро поскачешь. Как мост через Плавну проедешь, там на холмах она и будет — застава. Только сразу вертайся. Кто знает, сколько у моей Катаржиночки времени осталось?

Микаш сунул за пазуху кошель и запрыгнул на коня. Тот стремглав понёс его прочь от села. Не знал Микаш, что видит их живыми в последний раз, иначе бы обернулся. Иначе бы с матушкой простился...

Конь горячился, рвал поводья из рук, норовил то сбросить, то понести, но к концу успокоился. Даже мост бесстрашно перешёл. Полдень был по-осеннему яркий и ясный. Показались впереди мощные серые стены заставы на холме. У распахнутых ворот дежурили стражники в голубой форме. Завидев Микаша, они скрестили алебарды, перекрыв проход.

— Стой! Кто таков и по какому делу?

— Я Микаш из села Остенки. У нас завелись демоны. Еду предупредить господ Сумеречников.

Один из стражников обернулся к распахнутым воротам и позвал кого-то:

— Тут малец приехал. Говорит, нашествие. Отведёшь к капитану?

Из ворот выглянул усатый дядька и жестом поманил за собой. Микаш спешился и, привязав коня, направился следом за провожатым в ближайшую башню. Заглянули в трапезную, закопчённую, пропахшую едой и потом. Провожатый указал на восседавшего во главе длинного стола мужчину в богатом голубом плаще на меху. Капитану было лет тридцать на вид, сильный, но с неприятным надменным лицом и выдвинутой вперёд тяжёлой челюстью. Рядом сидели ещё несколько Сумеречников попроще, запивали запечённую дичь красным вином из серебряных кубков. Аж в животе заурчало при виде таких вкусностей.

— Кто это ещё? — недовольно спросил капитан, облизывая капающий с пальцев жир.

— Извините великодушно, — начал Микаш, не дожидаясь, пока его представят. — Я Микаш из села Остенки. На нас напали демоны. Свели трёх девушек и выпили всю кровь из

наших овец. Мы просим защиты и помощи.

Капитан зашептался со своими товарищами.

— Вы не платили десятину. И теперь это не наше дело, — ответил он.

— Простите, в неурожайные годы платить было нечем. Но вот, мы собрали все, что нашлось, — Микаш положил перед ним кошель.

Капитан высыпал монеты себе на ладонь и рассмеялся:

— Малец, этого не хватит даже на то, чтобы мы выехали с заставы. Недосуг нам разбираться, какая блажь вам в кустах привиделась. Даже если и демоны, то от них толку больше, чем от вашей голытьбы. Проваливай! А тебе, — он обратился к провожатому Микаша, — двойной наряд вне очереди за то, что тревожишь меня из-за глупостей.

Провожатый потянул Микаша прочь, но тот вырвался и упал на колени:

— Прошу, умоляю! наших женщин и детей некому защитить, у нас нет оружия, мы не умеем драться. Пожалейте их!

— Разве мы виноваты в вашей слабости? Уберите его, ну же!

Провожатый перехватил Микаша под мышки, но тот снова вырвался. Сощурил глаза, вспомнив, как заставил горевестницу забыть о своём предсказании и уйти из их дома. Если когда-нибудь и было более отчаянное положение, так это сейчас. Ничего он не хотел больше, чем заставить этого надменного Сумеречника передумать! Капитан покорно поднялся из-за стола и подошёл к Микашу. Тот замер, вглядываясь в беспощадные карие глаза. В щёку со всего размаху врезался кулак. Микаш рухнул на пол.

— Совсем нюх потерял, сучий сын?! Ты на кого со своим внушением полез? Думаешь, я такой слабак, чтобы не почувствовать?!

Носок сапога впился в живот. Ещё раз и ещё пронеслись вспышками боли по телу удары. Перед глазами потемнело, стало трудно дышать. Он только слышал уходящие вдаль голоса:

— Кто его подослал? Это чья-то шутка?

— Остановитесь! Вы его убьёте!

— Вышвырните эту мразь! А ты получишь десять плетей за то, что его сюда пустил!

Микаш лишился чувств. Очнулся в канаве у дороги. Его конь каким-то чудом оказался рядом и пихал в больной бок мохнатым носом. Микаш с кряхтением зашевелился. Ушибы горели по всему телу, голова гудела, лоб саднил.

Микаш не мог уехать ни с чем. Только на силе воли поднялся, взял коня под уздцы и привязал к дереву.

Темнело. С дороги доносился стук копыт и скрип колёс. Микаш подобрался поближе. К заставе катила телега, доверху нагруженная и укрытая холстиной.

Телега остановилась. Возница на что-то отвлёкся. Микаш скользнул под полог — в сумерках его не заметили. Залёг тихо-тихо. Телега подъехала к воротам.

— Из-за чего задержка? Капитан рвёт и мечет, — послышался голос одного из стражников. — Проезжайте!

Телега замерла во дворе, возница спрыгнул с козел и отошёл. Незамеченным Микаш выбрался из-под полога и нырнул под днище, оттуда прокрался к стене в тёмный угол.

— Жалко того мальчика. Вроде бойкий, смыслённый, — раздался голос от выставленной посреди двора жаровни, на которой ярко тлели угли. Микаш замер и прислушался. — Похоже, и правда Странники на его село напали. Стоило бы поехать подсобить. Какая доблесть за стенами отсиживаться?

— Лучше меня пожалей, — ответил давешний провожатый. — На рассвете всю спину исполосуют. От этого супостата высокородного снисхождения не дождёшься. А то село, если действительно трёх девок увели и скот грызть начали, обречено. Странники там уже вовсю пируют — никого бы спасти не успели, так ещё серебряное оружие зря потратили.

Сердце кольнуло. Нет, он успеет. Нужно серебряное оружие. Лех-кузнец должен знать, как с ним обращаться. Сами защитятся, если эти труссы не хотят!

Микаш нырнул в узкий проход и тенью бродил по заставе в поисках арсенала. Караульные стояли только на стенах, а внизу было тихо. Возле одной двери Микаш заметил храпящего стражника. Разило от него хуже, чем от набравшихся до белых демонов односельчан во время праздника последнего урожая.

На двери висел замок. Микаш высмотрел связку ключей у стражника под рукой. Хмельное сознание поддавалось внушению легко. Микаш вытянул из-под ладони ключи — стражник даже не шелохнулся. Отпирал дверь плавно, боясь выдать себя скрипом. Ночь оказалась лунная, светлая. Этого хватило, чтобы рассмотреть оружие вдоль стен и на полу. Вожделенный арсенал.

С трудом припоминая, как выглядели серебряные кубки Сумеречников, Микаш принялся искать похожий металл. Жаль, не удалось тогда пощупать! Снаружи послышались голоса. Микаш ещё сомневался, но схватил приглянувшийся меч с ножнами и, заперев дверь и вернув ключи, побежал к лестнице на стену. По дороге приметил верёвку с осадной кошкой и прихватил с собой. Приспособил ножны с мечом на пояс и дождался, пока обходившие стену караульные скроются из виду. Зацепив кошку за каменный зубец, полез вниз. Гулкий звук шагов на стене взбудоражил, бряцало оружие, кто-то громко переговаривался. Его обнаружили! Микаш отпустил верёвку. Приземлился удачно на ноги. Побежал за конём — тот ждал его в овраге. Микаш выломал прут и заскочил в седло, хлестнул жеребца по крупу. Взобравшись по крутому склону, конь помчался по дороге домой. Лишь бы успеть!

Рассвет промелькнул в непрерывной скачке, за ним полдень. Микаш выжимал из коня последние крохи сил, аж сам занемел от натуги. Заморосил холодный дождь. Крепчал, пока не перешёл в ливень. Струи хлестали за шиворот, стекали по волосам и одежде, вода застила глаза. Копыта разъезжались на размокшей почве, но Микаш не сбавлял темп. Успеть! Успеть до темноты! Небо хмурилось, набухая грозowymi тучами. Было непонятно, смеркается уже или ещё нет. Быстрее! Все погибнут, если он не успеет вовремя.

Прут нахлестывал сильнее, оставляя на крупе кровавые следы. Конь напрягся перед последним прыжком, захрипел — потекла из ноздрей кровь. Задние копыта зацепились за межевую борозду — жеребец распластался в грязи. Микаш кувыркнулся с него через голову и приземлился на карачки. Поднялся и обернулся. Жеребец лежал на боку, хрипел и сучил ногами в агонии. Микаш закрыл ему глаза.

Воронье карканье заглушило даже шум дождя, заставило перевести взгляд на дорогу. Показались покосившиеся столбы околицы. За ними сквозь пелену воды просматривались метавшиеся между домов уродливые тени. Опоздал!

Забыв об усталости и загнанном коне, Микаш побежал в село, расплёскивая вокруг воду из луж. Порыв ветра принёс запах гнили и тлена, удушливый и едкий. Прямо за околицей повстречался могучий кузнец Лех. Позвал хриплым голосом:

— Помоги!

Он лежал распростёртым на земле, а в шею ему впиалась тварь с гигантской

нетопыриной головой. Подняла взгляд, сверкнула красными глазами. С клыков капала кровь.

— Помоги!

Тварь снова впилась в его горло, заставив умолкнуть.

Микаш оторопел. Мать! Агнежка! Нет-нет!

Он понёсся через единственную улицу, выющуюся между домов. Растерзанные тела односельчан валялись повсюду. Все, кого он знал: Ежи, его сын Марек, Грацек, баба Мила. Твари копошились над ними, вытягивая последние капли крови и выедавая кишки. Насытились настолько, что на Микаша даже не смотрели. Кто-то из людей был ещё жив, звали его, но он не обращал внимания, думая лишь об одном: мать, Агнежка! Ну почему же их дом на самом отшибе?!

Дверь в покосившейся мазанке нараспашку. Микаш замер на пороге. У выхода, будто всё ещё пытаясь убежать, лежала мать. Густые волосы разметались, глаза закатились белками наружу, посиневшие губы распахнуты в немом крике, юбки помялись и задрались, открывая белые, почти светящиеся ноги.

Неправильно это.

Микаш опустился на колени и принялся все поправлять.

— Ну здравствуй, братец, — донёсся из противоположного угла голос Агнежки.

Микаш вздрогнул, приходя в себя, и поднял взгляд. Агнежка сидела за столом и улыбалась. Не так, как обычно, беззлобно и светло, а так, как улыбаются все. Словно выздоровела в одночасье.

— Я уже не надеялась, что ты придёшь, — лупатые ореховые глаза смотрели как никогда осмысленно.

— Одуванчик, что ты наделала! Она же наша мать!

— Она не хотела отпускать меня к жениху. Но мне уже шестнадцать. Мне можно замуж, — она засмеялась и протянула руки. — Подойди, братик, дай обнять тебя на прощание.

Микаш подошёл, не мог не подойти, так завораживал блеск её прежде пустых и тусклых глаз, длинные правильные фразы и эта очаровательная улыбка настоящей взрослой женщины. Она единственная принимала его и любила. Её объятия стали сладким пленом, что-то острое прошлось по чувствительной от пота коже. Боль пронзила едва заметной искрой, в кровь полился сонный яд. Агнежка на мгновение ослабила хватку:

— Познакомься с моим женихом. Он такой же сильный и добрый, как ты, только никогда не называет меня обузой. Он не оставит меня, чтобы идти на свою дурацкую работу!

Из тёмного угла вышел ещё один демон. Высокий, широкоплечий, с копной всклокоченных соломенных волос. Точь-в-точь как Микаш, только старше. Его голову венчала корона из сухих листьев. Микаш замер в немом исступлении: он ведь знал, с самого начала знал, что зло притаилось именно в их доме. Видел мельтешение призрачных фигур, слышал обрывки шёпота, но заставлял себя ослепнуть и оглохнуть, чтобы сохранить их уютный мирок как можно дольше. За его беспечность поплатилась мать. Поплатилось всё село!

Пахло кровью, его собственной кровью. Что-то липкое текло под ворот рубахи. А в душе поднималась злость. Злость на этих мерзких демонов, пользующихся человеческой слабостью и не знающих жалости. На Сумеречников, которые герои только в сказках, а на деле трусливая и корыстная мразь. На недалёких односельчан, которые боялись безобидного мальчишку, но так долго не могли распознать настоящую опасность. На слишком сухую и

суровую к Агнежке мать. На сестру, которая поддалась на соблазн мерзкого демона. И на себя, на себя больше всего! Права была горевестница: он всем приносит несчастья.

Полыхнула в груди ярость, багряной пеленой застила глаза. Запертый внутри Микаша зверь высвободился: его ненависть затопила сознание, захватила тело и наполнила небывалой мощью, оковы страха спали, уступив место решимости. Микаш уже не понимал, что делает. Оттолкнул сестру и пронзил мечом. Стоявший рядом демон даже не успел сообразить, как его голова полетела с плеч, разбрызгав повсюду чёрную кровь.

Микаш выскочил на улицу. Теперь остальные твари его почуяли. Оторвались от своей трапезы и окружили. Ему было всё равно. Он сам бросался на них обезумевшим зверем. Рубил сплеча, буднично, как дрова на растопку, только вместо щепок вокруг разлетались брызги крови. Твари кричали, стонали, бились в агонии — он не слышал. Не чувствовал ни усталости, ни холода от непрекращающегося дождя, ни боли в мышцах, не ощущал бег времени, даже висевшая на волоске жизнь не казалось больше ценной. Кровь тварей, кровь убитых ими односельчан — всё смешалось в грязный багрянец. Только он и существовал в этом разорённом мёртвом мире.

Микаш не помнил, как прекратился дождь и наступило утро. Как всё закончилось, тоже не помнил: сбежал ли кто-то или он остановился сам, когда ни одной твари больше не осталось. Даже как упал посреди груды истерзанных тел, не живой и не мёртвый — в памяти не сохранилось. Только темнота. Посреди неё стук копыт и голоса:

— Ну и побоище.

— Паскудные Странники. Всё село выгрызли. Мерзость!

— Хорошо хоть самих порубили. Грубо-то как, будто мясник работал, фу!

— Смотрите, малец ещё жив, истощён только. Целителей ко мне!

Затопали ноги. Микаша подхватили, куда-то отнесли и облили холодной водой.

— Похоже, у него был прорыв способностей. Аура-то какая большая! Сильный телепат будет, если выживет.

Микаш с трудом разлепил глаза. Над ним стояли три богато одетых рыцаря. На заставе Микаш их не видел — всё были незнакомые.

— Как твоё имя, ученик? Где твой наставник? — спросил грузный господин с вислыми усами и знатной залысиной на макушке.

— Вы обознались. Я Микаш из села Остенки... которого больше нет.

Господин удивлённо вскинул брови:

— Это ты их?

— Нам не хватило денег на защиту Сумеречников.

— Ну надо же, простолюдин с даром, как у древнейших родов! — присвистнул другой рыцарь.

— Не надорвался?

— Выкарабкается.

— Ступайте тогда. И никому про него не рассказывайте. — Грузный снова обратился к Микашу: — Малец, а сам в орден не хочешь? Выучишься — сможешь голытьбу защищать бесплатно. Только про то, что тут было — ни слова. Послужи мне пару лет, опыта наберись, а я всё устрою. Имя лорда Тедеску не пустой звук в ордене.

Он протянул Микашу мясистую ладонь. Горевестница оказалась права во всём. Он должен быть среди Сумеречников, лучшим из них, защищать людей и убивать тварей, не требуя платы, чтобы ни одно бедное село больше не постигла такая судьба. Только так

можно искупить вину и не стать тем... тем, кого он видел вчера рядом с сестрой. Демоном. Худшим из всех.

Микаш пожал протянутую ладонь. Лорд Тедеску усадил его на телегу с провиантом. Предав разорённое село огню, кавалькада рыцарей направилась к степному замку. Микаш долго провожал взглядом зарево, в котором исчезала вся его прошлая жизнь, и повторял про себя как молитву:

«Я искуплю вину. Клянусь!»

1527 г. от заселения Мидгарда, Урсалия, Лапия

Наивный мальчишка. Микаш сплюнул от досады. Они вышли на главную площадь. Йорден с наперсниками остановились возле трехэтажного здания со щербатой вывеской, забранились на очередной занюханный постоялый двор. Йорден первым вошёл внутрь, следом остальные. За дверью их встретил хозяин в застиранном переднике.

— Чего изволите? — поинтересовался он, окидывая их оценивающим взглядом.

— Три комнаты для меня и товарищей. Этого, — Йорден кивнул на Микаша, — на конюшню. И ещё девочек на вечер каждому. Мы устали с дороги.

Хозяин покривился и по-деловому ответил:

— Десять золотых вперёд. Девочек за отдельную плату. Людей на конюшне не размещаем.

— Это грабёж! Мы Сумеречники. Как вы смеете сдирать с нас три шкуры за такое убогое жильё?!

— Я, как и все, плачу ордену десятину. Почему вы должны платить мне меньше, чем все?

Йорден недовольно сощурился:

— Ладно, одну комнату с тремя кроватями и тюфяком для этого, — снова кивнул на Микаша. — И чтобы ужин был посытнее. И никакого разбавленного эля. Знаю я вас!

Расплатившись с хозяином, они поднялись в выделенную им комнату. Пока высокородные валялись на кроватях, Микаш раскладывал пожитки, справлялся о готовности ужина, узнавал о делах города и о том, где стоит искать беглянку. К вечеру господа спустились в обеденный зал, задымлённый и людный. Уселись за первый попавшийся стол у стены. Пока ждали заказ, Йорден снова принялся браниться на завышенные цены. Микаш не слушал его даже вполуха, забившись в тёмный угол. Отсюда весь зал был как на ладони. Каждый человек, их скачущие мыслепотоки, полные мелких суетных забот. Среди них — одна ослепительно яркая путеводная нить. Микаш почувствовал принцессочку с порога, увидел в воспоминаниях хозяина и нескольких слуг. Он манил её зовом, тянул на себя нить. Сердце ёкало от предвкушения. Вот она показалась на лестнице, медленно спустилась, оглядываясь по сторонам.

«Иди же сюда, сядь рядом!»

Принцесска послушно заняла соседний столик. Ни Йорден, ни его наперсники даже внимания не обратили. Но Микаш-то видел: ни мешковатая мужская одежда, ни по-мальчишечьи короткие волосы не могли скрыть её неземную красоту. Глаза, глаза всё те же, полные страсти, жизни, искристого света. Запах сирени и гвоздики. А манеры-то какие деликатные, даже робкий юнец так не сможет! Хотелось притянуть её к себе и обнять, и было немного жаль выдавать её Йордену. Он запрёт свободолобивую птичку в клетку, так и не оценив по достоинству. Очередная горькая насмешка судьбы — полюбить в своей жизни единственный раз, пламенно, до беспамятства, чужую невесту.

Микаш скользил по её мыслям, обёртываясь её печалью и страхом и инстинктивно пытался их унять или хотя бы смягчить. Но было за ними что-то ещё, навязчивое и тревожное ощущение: смерти, тлена, липкого от отчаяния сумасшествия. Совсем как у Агнежки тогда...

Душа ушла в пятки. Быть не может!

Глава 15. Любовная лихорадка

1527 г. от заселения Мидгарда, Урсалия, Латия

Хозяин постоялого двора оказался не таким уж плохим. Выделил просторную и светлую комнату с камином. Мальчик-слуга запалил огонь, чтобы выдворить сырость. Я доела собранный на скорую руку ужин: квашеную капусту с остывшей жареной корюшкой. Уютный треск пламени убаюкивал. Я поскорей забралась в постель. Хотя это были не покои во дворце туатов, а скромный постоялый двор с узкими деревянными кроватями без спинок, со свалывшимися перинами и не такими уж тёплыми одеялами, но спалось здесь намного спокойнее, даже от звуков из соседних комнат удалось отгородиться. Проснулась я, лишь когда начала побаливать голова и пробуждать усыпленную встречей с незнакомцем совесть.

Умылась, оделась и вышла на улицу. Двор заливало искристое солнце. Мороз покалывал щёки. Вчерашний снег стоптался в наледь. На рыночной площади дворники посыпали её песком, чтобы прохожие не поскользнулись. Но дальше от ратуши улицы становились более нечищеными, и приходилось, как птице, взмахивать руками, чтобы удержать равновесие, хвататься за стены или заборы. Дорогу я не запомнила, шла вчера за незнакомцем, не разобравшись куда и зачем. Хорошо, что у него не было дурных помыслов. После нескольких часов блужданий, за которые я успела обойти весь город, впереди показалась крыша с приметным коньком. Сверкнули на солнце белые стены. Медвяным золотом отливали слюдяные окна в распахнутых резных ставнях. Что ж, была не была!

Я постучала в полукруглую дверь. На пороге показался смотритель-звероуст в белом с синими узорами балахоне. Я прошла к широкому письменному столу. На нём горкой лежали длинные узкие полоски бумаги для посланий. Тут же стояли чернильницы с гусиными перьями. В ряд были убраны кожаные чехлы. За отдельную плату смотритель предложил написать послание под диктовку либо отправить большое письмо кораблём до Гартленда, а оттуда почтовой каретой, но тогда оно уйдёт только через две недели. Слишком долго. Я взяла полоску и твёрдым почерком вывела, что всё хорошо и не надо нас искать. Как только мы добудем клыки вэса, вернёмся сами. Скатила в трубочку и запечатала в футляр. Смотритель проводил меня в голубятню, что ютилась под самой крышей. Вдоль стен на устланных соломой насестах сидели крупные почтовые сизари. Чистили перья, доклёвывали остатки зёрна, мелодично курлыкали.

Услышав адрес назначения, смотритель надолго задумался:

— Далеко же вас занесло! — и снял с насеста большую белую птицу. — Рюген самый надёжный, под сотню посланий за крыльями. Ни одного не потерял.

Я улыбнулась и кивнула. Смотритель привязал к лапке голубя футляр, шепнул адрес и выпустил птицу в открытое окно. Распахнув крылья, она взмыла в небо, превратилась в точку на горизонте и растворилась в бескрайней синеве. Я отблагодарила смотрителя и накинула пару монеток сверх обычной пошрины. Он проводил меня до двери, приглашая заходить ещё.

Из булочной пахло выпечкой. Я зашла погреться и отведала пирога с треской, который

толстушка-кухарка только-только сняла с противня. Уже смеркалось. Пробирает холод. Ноги сами понесли обратно на постоянный двор.

Только в комнате до меня вдруг дошло: я написала совсем не то! Я должна была попросить помощи для Вейаса! Но возвращаться было уже поздно. Нужно попробовать ещё раз завтра. Незнакомец, конечно, обещал помочь, но вдруг он не? А что если я упустила время, и Вейас потерял безвозвратно?! От роящихся мыслей голова пухла и раскалялась. Я зажгла лампу, схватила дневник и выплеснула всё на бумагу: вырывала листы, выкидывала, снова писала. Остановилась, лишь когда вышло что-то более-менее уравновешенное.

С тоски я пренебрегла советом знакомого и спустилась в общий зал. Большое задымлённое помещение сплошь было заставлено широкими крепкими столами. За ними сидел разномастный люд: мастеровые в робах с нашитыми цеховыми знаками отличия, чиновники в грубых суконных штанах и жакетах с небрежно брошенными на спинки стульев куцыми плащами; купцы в отороченных дорогими мехами полушубках. Большинство, от стариков до молодёжи, небритые, с косматой порыжелой растительностью на щеках и подбородке. Точно, длиннобородые. Брадобреи у них, что ли, не в почёте? Или они так лица от мороза спасают?

Посетители чинно ели и пили в своё удовольствие. Пошлостей никто себе не позволял, видимо, хозяин строго следил за порядком. Только беседы велись в полный голос, да так, что говорящий всегда стремился перекричать шумную компанию за соседним столом.

Я подманила розовощёкую подавальщицу и спряталась в дальнем углу. Держать голову старалась высоко, взгляд не отводить, говорить уверенно. Я мужчина, мне нечего скрывать, я просто хочу поесть в тишине и одиночестве. Чтобы выглядеть солидной, я заказала фаршированный грибами свиной окорок и кружку эля, хотя слабо представляла, как в меня это влезет. Попросила побольше лука и чеснока, чтобы перебить ввевшуюся в язык сладость от мёда туалатов. Живот слишком быстро распёрло. Я отщипывала кусочки от необъятного окорока, задумчиво отправляла их в рот и запивала мелкими глотками эля. Хозяин всё-таки разводил его водой. Впрочем, так даже лучше.

Я тайком оглядывала посетителей. Похоже, сюда заходили и демоны, только ауры их были скрыты и плохо различались в серой массе. Лишь бы не туалаты.

— Если мы не нагоним девчонку здесь, то поедим обратно. Отмораживать задницу в Утгарде я не собираюсь! — донёсся обрывок разговора за соседним столом. — На кой мне умалишённая жена, которая в ледяную пустыню собралась? А вдруг от неё и дети такие же сумасшедшие будут?

Я ошарашенно повернула голову. Йорден сидел ко мне спиной. Я узнала его по пухлой фигуре и прилизанным каштановым волосам. Значит, беспокоившие меня ауры принадлежали вовсе не демонам, а Сумеречникам, ищейкам.

— По моим подсчётам мы отставали от них на две недели. Сомневаюсь, что они стали бы здесь так надолго задерживаться, — заговорил сидевший ко мне боком Дражен.

— К тому же их след затерялся на плато. Вполне вероятно, что они решили сразу в червоточину сигануть, самоубийцы, — усмехнулся третий, смуглый и худощавый. Он сидел ко мне другим боком и, опираясь локтями на стол, обнимал кружку с элем. — Можем возвращаться прямо сейчас. Совесть наша чиста и честь тоже.

Подойти и сознаться? Хотя спасти Вейа они явно не станут. Наденут мне на голову мешок, перекинут через седло и без лишних разговоров домой повезут. Тогда брат точно пропадёт.

Я нащупала под рубашкой подаренный Петрасом амулет. Он должен укрыть от ищек. Пережду, пока не уйдут спать, а там, глядишь, и вовсе про меня забудут.

— Нет, они не настолько глупы, чтобы соваться в Утгард без припасов и подготовки, — высказался четвёртый спутник. Его лицо скрывалось в тени, но я ощущала на себе его пронизывающий взгляд. Придвинула окорок и согнулась низко над столом, пытаюсь спрятаться. — Нужно хотя бы осмотреться. Может, мы столкнёмся с ними за соседним столом.

— Кто позволял дворняге раскрыть рот? — оборвал его Йорден и стукнул кружкой по столешнице. — Без тебя разберёмся.

Дражен и чернявый кивнули. Таинственный «дворняга» задвинулся глубже в тень. Пронесло. А чего я переживаю? Ищейки настолько близоруки, что дальше своего носа не видят. Я подошла к ним и протянула кружку.

— За счастливое возвращение, — ищейки удивлённо глянули на меня. — Я рядом сидел — услышал разговор. Дай, думаю, присоединюсь.

Я поставила свой стул между Йорденом и Драженом. Узнают или нет? А стол-то у них небогатый и кружки пустые. Видно, поиздержались в погоне за «умалишённой девкой». Я снисходительно улыбнулась и подозвала подавальщицу:

— Эля всем, угощаю!

Ищейки приободрились и охотно закивали. Только Йорден смотрел хмуро. Неужели, признал? Не может быть! С короткой причёской лицо у меня совсем другое, и мужская одежда должна сбить с толку.

Стоп!

Что я вообще делаю в их компании?!

— Кто ты такой? — подозрительно спросил Йорден. У него что, гордость ущемило? Не он теперь пиром заправляет, а я?

— Такой же усталый путник, как и вы. Скучаю тут один, — я старалась говорить уверенно и смеялась, как пьяная. — А вы балагурите, вздорите — весело. Не примете в компанию?

Подавальщица налила всем эля, и я чокнулась с кружкой, которая стояла рядом с моим горе-женишком.

— За дружбу, м? Крепкую и нерушимую, до смертного костра и даже после?

— За дружбу! — хором воскликнули остальные и обмакнули губы в хмельную пену.

Йорден сверлил меня негодующим взглядом:

— Как ты догадался, что мы Сумеречники, и откуда знаешь наши клятвы?

Простолюдины признавали в нас с братом Сумеречников с первого взгляда, не думаю, что с ищейками происходило иначе. А клятвы не тайна. Странность тут только одна: я не боюсь их пуще демонов, как остальные простолюдины, хотя у меня даже больше поводов опасаться.

— Мой дед когда-то прислуживал на пиру у знатных Сумеречников, правда-правда, и всё про вас выболтал, и про клятвы, и про демонов, — я пьяно сощурилась. — Вот и я хочу с вами посидеть, чтобы внукам было про что в старости рассказать.

— Не строй из себя зануду, Йорден, — поддержал меня Дражен. — Он ведь платит.

Мой женишок нехотя поднял кружку, ударил об мою и залил в себя весь эль одним залпом. Дальше пошло лучше. Ищейки развеселились, выкрикивали тосты, травили байки.

— Так откуда вы, ребят? — усыпив их бдительность, поинтересовалась я. — Издалека?

— Из Белоземья, — заговорил тот самый «дворняга».

Почему-то его голос казался мне знакомым. Протянул свою нетронутую кружку Йордену и забрал пустую. На свету удалось его разглядеть. Не старше остальных, но здоровенный, в плечах кося сажень, головы на полторы меня выше, светлые волосы короткие и жёсткие, как копна соломы, на щеках щетина. А ручищи-то! Огромные, мозолистые, как будто только от сохи. Это же тот косопалый слуга, которого Йорден поколачивал в замке за наши с Веем шалости! Разве он похож на жалкую дворовую шавку? Нет, это медведь, который иногда притворяется ручным, но на самом деле дикий и злой, как тот, что напал на меня в кундском лесу. Того и гляди — задерёт!

— Мастер беглую невесту разыскивает. Отец с него три шкуры снимет, если тот не вернёт сумасбродку. А он даже как она выглядит не помнит.

— Какого демона ты это рассказываешь? — Йорден подскочил и занёс руку для затрещины, но вдруг замер и плюхнулся обратно на стул, бездумно глядя вдаль.

Слуга поднял на меня глаза цвета ледяной стали. Его взгляд — цепкий, проникающий вглубь сокровенных мыслей, к которым и себя-то не допускаешь, завораживал. Сколько я раз видела такой у отца! Телепат, он меня читает! Это он внушил мне подойти к их столу, а может, даже спуститься в зал, как внушил Йордену сидеть тихо! Я вскочила и попыталась уйти, но слуга схватил меня за руку.

— Может, вы нам поможете? — его улыбка походила на оскал. — Она такая невысокая, тощая, белобрысая. Прямо как вы. Не видели?

Огромная ладонь надавила на лоб. От резкой боли вышибло дух. Свет померк. Я глотала ртом воздух и изо всех сил старалась не упасть. Амулет на груди раскалился и жёг кожу. Он не выдержит такого воздействия. Демоны, я не выдержу раньше! Ноги уже подкашивались.

Меня отдёргнули в сторону. Телепатическая связь оборвалась, мир обрёл чёткие контуры, и я смогла дышать полной грудью.

— Оставьте его! Он со мной, — рыкнул мой вчерашний незнакомец.

Я ухватила за подставленную руку как за спасительную соломинку. Глаза слуги расширились, как от удивления или страха. Лицо исказила гримаса ненависти, дрожащие пальцы потянулись к обмотанной грубой кожей рукояти меча, который висел у него на поясе. Он собрался драться с нами при всём честном народе?!

Тут вмешался Йорден.

— Сядь! — приказал он. — Чего к голубкам привязался? Не хватало нам ещё драки. Пускай платят и проваливают, извращенцы демоновы!

Слуга вернулся на своё место, не отрывая от нас напряжённого взгляда. Незнакомец сорвал с пояса кошель и швырнул Йордену. Лёгкий кивок, прикосновение к полям шляпы, издёвка в притворно почтительной улыбке. Йорден ничего не заметил, пересчитывая монеты.

«Берегись! — Вейас?! Нет, этот шепчущий в голове голос был другим — стальным, и ощущения тоже — морозными. Снова слуга. Где я могла его слышать? — Не от тех ты бежишь, принцессочка».

Незнакомец подтолкнул меня к моему столу и отодвинул стул, вырвав из тенёт чужой телепатии. Навалились страх и усталость. Захотелось сжаться в комочек, спрятаться на груди у этого доброго человека и расплакаться. Но присутствующие бы не поняли, уже считали нас... смешно сказать, любовниками-голубками. Оборачивались, шептались.

— Спасибо! Спасибо огромное, вы мой спаситель! Деньги я верну обязательно, как

только освобожу брата, — затараторила я.

Незнакомец занял место напротив:

— Ерунда — забудьте! Это ваше? — он кивнул на остывший окорок. — Можно? Я весь день на ногах — маковой росинки с утра во рту не было.

— Да, конечно, это меньше, чем я могу вас отблагодарить. Так какими судьбами?

— Хотел поужинать. Услышал шум — вижу вы, бледная, трясётесь, а этот здоровяк словно демон к вам присосался. Вот я и решил, раз вас однажды уже спас, обязан защищать и дальше, — отвечал он, с аппетитом обгладывая свиную ногу. — Тот самый жених? Теперь я понимаю, почему вы сбежали.

— Его слуга меня гипнотизировал! Вот уж кого действительно стоит опасаться.

— Не более, чем маленькая неприятность. Если вы только захотите, ни он, ни другие вас не тронут.

А он умеет успокаивать! Я набралась наглости и выпалила:

— Вы уже придумали, как помочь моему брату?

Незнакомец на мгновение перестал жевать и замялся:

— Честно, времени не было. Семейные дела улаживал, сам устраивался — тоже только вчера приехал. Ну и... простите.

— Это вы простите. Я не должна перекладывать свои проблемы на ваши плечи. Вы и так сделали для меня больше, чем кто-либо за всю жизнь.

— Только обнимать-целовать не стоит: от вас чесноком несёт знатно, — пошутил он, пытаясь приободрить.

Как ни удивительно, удалось. Я поставила локти на стол и, уложив подбородок на ладони, любовалась его лицом, каждой даже самой мелкой благородной чёрточкой. Жаль, что я не бард-рунопевец и не умею ладно складывать слова, чтобы запечатлеть эту красоту в своём дневнике, хотя уверена, ни одна даже самая искусная баллада не сможет передать глубину этих тёмных глаз, чувственность губ, теплоту шелковистого баритона, изящество длинных пальцев.

Мы ещё немного посидели, лениво болтая о пустяках.

— Уйдём отсюда? — предложил незнакомец, покончив с окороком.

Я кивнула, глядя на пустеющие столы. Ищеек уже не было. Надеюсь, они завтра же отправятся домой!

Мы прогулялись вдоль пустынных улиц погружённого в сонный мрак города. Было прохладно, но я согревалась одним присутствием друга. Показала ему холмы, под которыми таился дворец туатов, места, где я видела белый и чёрный пути внутрь. Мы осмотрели всё вокруг, поковыряли палками стылую землю, но следов потайных механизмов не обнаружили.

— Похоже, во дворец так просто не попасть, особенно если ты не туат. Придётся выманивать их оттуда. Нужно подготовиться, — излагал свои соображения незнакомец, когда мы двинулись прочь от холмов к морю.

Мы обошли город по краю, пока не уткнулись в высокую гряду утёсов. Незнакомец указывал путь. Держась за его твёрдую руку, я не боялась поскользнуться и упасть, не боялась, что он заведёт меня в пропасть. Я верила ему. На вершине самого высокого утёса мы остановились. Незнакомец закрыл мне глаза руками и подвёл к краю. Чувствовалось, что носки сапог не касаются земли. Внизу слышался плеск волн, врезающихся в скалы. Прохлада оседала на лице. Ноздри щекотал тонкий солоноватый запах.

— Не бойся и расставь руки в стороны — я держу, — обдал теплотой шёпот у самого уха.

Я послушалась. Его ладони соскользнули с глаз и обхватили талию. Я затаила дыхание от восторга. Внизу у моих ног морщился тёмный бархат. Белым золотом стелилась лунная дорога, мелкими бисеринками отражались звёзды. Серебристая дымка напознала на скалы и укутывала нас полупрозрачной вуалью. Невероятно, волшебное! Оно действительно такое, как рассказывают моряки. Один раз взглянешь — и влюбишься навсегда. Я обнимала весь этот бескрайний водный простор руками, насколько можно было окинуть взглядом. В груди теснилось жаркое томление, не оставляя места даже для вдоха.

Зло взвыл ветер и ударил в лицо холодным порывом. Я поёжилась. Незнакомец прижал меня к себе и укрыл меховым плащом нас обоих.

— Нравится? — он свесил голову мне через плечо.

Я развернулась к нему лицом, встала на цыпочки и обвила руками его шею.

— Чеснок? — спросила я, утопая в бездонных глазах, так похожих на морскую пучину за спиной.

— К туатам! — рассмеялся он, крепко обнял и поцеловал сам.

Это было... слаще верескового мёда. Нет, сладким оно не было вовсе. Было необыкновенным, сметающим чувства и мысли, мечтой, что грезилась так долго. Голова кружилась, тело становилось невесомым и несло, подхваченное бурливым потоком, навстречу неизведанному.

Неужели это со мной наяву? Я всхлипнула, и трепетное мгновение истаяло, как серебристая дымка.

— Светает, — незнакомец кивнул на пламенеющие в первых лучах солнца горы. — Пора возвращаться.

— Мы вернёмся сюда завтра? — жалко было расставаться с чувственным пленом его объятий.

— Нет, завтра будет буря, — ответил незнакомец, поглаживая большим пальцем мои губы.

— Но небо такое ясное.

Мир вокруг затапливал нежный, но всё же холодный сиренево-лиловый свет.

— Поверь мне, — тёплое дыхание снова защекотало ухо, губы едва уловимо коснулись мочки. — Будет буря.

Я засмеялась.

***

Возвращаться вновь пришлось под утро. Асгрим застыл на пороге тронного зала. Свет магического кристалла слепил, в напитанном цветочными ароматами воздухе витало напряжение. Эйтайни мерила шагами комнату и оглядывалась по сторонам, словно затравленная волчица. Король с трона созерцал пустоту перед собой. Рядом стоял Шейс и мрачно изучал узоры на каменном полу. Врожейбой, что ли, на старости лет решил заняться?

— Я уже не надеялась, — принцесса надвинулась на Асгрима, сердито скрестив руки на груди, и заглянула за спину: — Шейс был на кладбище. Покров сорван, все печати сломаны, склепы пусты. Это ты, дубина, вывел чужака к спящим!

Асгрим горестно вздохнул. Конечно, проще сидеть во дворце и ничего не делать, чем выйти, совершить ошибку и... Дурень безголовый!

— И теперь ты хочешь сказать, что не смог найти одну сопливую девчонку? — отчитывала Эйтайни.

— Нет, я её нашёл довольно легко. Только...

— Только ты снова её пожалел и отпустил?! — негодовала принцесса, не позволяя договорить.

— Поверь, сейчас я бы с удовольствием спеленал её и притащил сюда, не слушая никаких возражений. Только чужак нашёл её первым и не подпустил к ней ни на сажень.

Эйтайни с Шейсом поражённо вытаращились. Взгляд короля обрёл ясность, фиалковые, как у дочери, глаза осматривали Асгрима с ног до головы.

— Он к ней уже привязался? — голос Ниама отдавался гулким эхом в высоких каменных сводах.

— Втёрся в доверие — это уж точно, — Асгрим передёрнул плечами и отвёл глаза. Не выдержал, струсил.

Король отгородился созерцанием пустоты. Вместо него с очередной порцией упрёков накинута Эйтайни:

— Ты позволил ей уйти с чужаком? Почему не напал? Может, это бы спугнуло его... или её, если он не успел окончательно её одурманить.

— Я бы просто погиб без толку, даже вас не предупредил.

— Ну и что! Трус несчастный! Свои ошибки нужно исправлять кровью!

— Мои ошибки?! Не я притащил её сюда, не я натравил на неё собственного брата, не я сделал её уязвимой перед этой тварью!

— Ты хочешь сказать, что это моя вина?!

— Я ничего не хочу сказать. Если бы Шейс и его воины сразу отправились искать корову...

— Эй, только меня сюда не приплетайте! — подал испуганный голос Шейс.

— Если бы ты внимательней относился к моим приказам!

— Если бы ты думала не только о себе!

— Хватит! — рявкнул Ниам. — Если кто тут и виноват, так это я, потому что не могу заставить слушать себя ни своих поданных, ни приёмного сына, ни даже родную дочь. Мои предшественники в лесу уже волками воют от стыда.

Все трое молча уставились в пол. Лучше бы Эйтайни продолжала поносить его последними словами, чем слышать разочарование и отчаяние из уст короля.

— Забудьте о том, что было раньше. Сейчас надо решать, что делать дальше, — продолжил Ниам. — Шейс, объявляй общий сбор — нападём первыми. Если будем ждать, враги наберутся сил и сожрут нас, как саранча посевы длиннобородых. Асгрим, сколько их было в склепах?

— Тридцать два. Если с чужаком — тридцать три.

— И число-то под стать, — задумчиво кивнул Ниам. — С темнотой снова пойдёшь в разведку. Выяснишь, где у них логово. Эйтайни, предупреди своего Сумеречника. Всё-таки он лучше нас приспособлен сражаться с этими тварями.

— Он ослаблен приворотом. Он не сможет сражаться даже вполсилы! — замотала головой принцесса.

— Так расколдуй его! Понадобится вся помощь, которую мы можем получить, иначе —

смерть, — в последний раз попытался увещевать её король.

— Нет-нет-нет! Никогда! — выкрикнула Эйтайни и убежала из зала в слезах.

Ниам перевёл усталый взгляд на мужчин. Асгрим с Шейсом выпрямили спины, кивками отдали честь и ушли исполнять поручения.

***

На следующий день действительно была буря. Ветер завывал, бросал в окна пригоршни снега, ярился огромными вихрями, застилал воздух белой пеленой. Я проспала часов пять-шесть, а когда проснулась, уже смеркалось. Стало темно и жутко. Только я оделась и умылась, как в дверь постучали.

— Не заперто.

На пороге стоял незнакомец с букетом алых роз, укутанных в белую материю.

— Ух ты, откуда?

— Богатый купец выращивает в своей оранжерее. Они круглый год цветут. Тут недалеко.

— Должно быть, это очень дорого.

Я взяла цветы и освободила их от ткани. Палец наскочил на острый шип. Незнакомец подхватил мою ладонь и приложил к губам, слизывая выступившую кровь.

— Я такая неловкая.

— Не страшно, — улыбнулся он, и все тревоги сразу забылись.

Мы поставили букет в кувшин с водой. Позвонив в колокольчик, который оставляли на прикроватной тумбе, я вызвала мальчика-слугу и попросила растопить камин. Уютно затрещали смолистые дрова, пламя играло тенями, ноздри щипал горьковатый дым. На душе потеплело. Мы уселись у огня и завернулись в шерстяной плед. По совету незнакомца попросили на ужин диковинное кушанье из размоченной сушёной трески со ржаным хлебом, гороховым пюре, козьим сыром и горчичным соусом с добавлением можжевельника. Пахло это блюдо... остро, я бы даже сказала, воняло, как крысиный яд. Попробовать было брезгливо и боязно, но наблюдая, с каким аппетитом уплетает бледную массу незнакомец, я всё же отломил кусочек. Станный вкус и ещё более странное послевкусие. Даже слов толком не находилось, чтобы описать. Но не стошнило. Захотелось съесть ещё.

— Необычно, — похвалила я, наконец распробовав.

— Таёт во рту, даже сам не ожидал, — кивнул незнакомец. — Люблю пробовать новое, особенно в новых местах. Это, пожалуй, одна из самых приятных сторон дальних странствий.

— Вы много путешествуете?

— Случается, — он заговорщически подмигнул мне. Интригует!

К десерту он уговорил мальчика-слугу принести блинчиков с голубичным вареньем и подогретого вина с приправами. Не знала, что тут подают такие изыски. Слуга, судя по обескураженному виду, тоже не знал, но после того, как мой гость перекинулся с хозяином парой слов, всё доставили в лучшем виде. С какой же лёгкостью он добывается всего, чего только ни пожелает!

Вино горчило пряной терпкостью. Его вкус как нельзя кстати подходил к ненастью за окном.

— Нечестно, что вам известно обо мне всё, а я даже вашего имени не знаю, — я надула губы в притворной обиде.

Он покачал головой:

— Знание убивает загадку. Без неё я растеряю весь свой шарм, и вам станет скучно.

— Нет, что вы, вы никогда мне не наскучите! — горячо заверила.

— Ладно, но только если мы перейдём на «ты». Высокосветский этикет приелся, не находите?

Я с охотой кивнула.

— Моё имя Найт, Найт Кроулерс. Моё родовое поместье расположено в Эльбани. Это маленькое графство между Норикией и Сальвани. У нас даже постоянного гарнизона Сумеречников нет. Скучные плоские равнины, заливные луга вдоль пойм поспешающих к океану рек, поросшие изумрудным дягилем берега болот. Ммм, ещё у нас нет этой дурацкой полугодовой мглы, а солнце придаёт коже красавиц сладкий, золотисто-медовый оттенок.

Я восхищённо выдохнула, представляя тенистые низовья болот, запахи луговых трав и ласку знойного южного солнца.

— Ещё у нас выращивают лучших в Мидгарде мулов. Одним словом, совершенно ничего интересного, — продолжал говорить Найт, пока я тонула в рождённых его голосом грёзах. — Нас совсем задавили податями — Норикийский король и ваш орден. Поэтому моей семье пришлось забыть о гордости аристократов и заняться немислимым делом — торговлей. Нам принадлежит несколько бумажных и ткацких мануфактур. Чтобы найти хороших поставщиков сырья и раздобыть кое-какие ремесленные секреты, мне выпало постранствовать по миру. Недавно мы приобрели верфь в большом портовом городе. Со строительным лесом у нас, прямо скажем, беда, поэтому я отправился сюда за корабельными соснами. Южные отроги Утгарда ими очень богаты. Ну что, скука смертная?

— Вообще нет, — заверила я. — Хочу знать о тебе всё!

Найт улыбнулся и продолжил рассказывать. Я заворожённо слушала. Порой детали ускользали, когда речь заходила о таких сложных вещах, как устройство бумажной мельницы и ткацкого станка или о том, чем фок-мачта отличается от грот-мачты. Но мне нравилось, как голос Найта то возвышался, стоило заговорить о чём-то волнительном, то опускался до вкрадчивого шёпота, когда дело касалось ремесленных и торговых секретов. Я смеялась его шуткам, даже тем, которые вызвали недоумение. Кивала и соглашалась, просила продолжать, когда видела, что он ждёт поощрения.

Никогда не понимала, почему другие девушки так себя ведут, а теперь вот сама заглядывала в рот, жеманничала и флиртвала. Как будто влюбилась по уши, до беспамятства, до безумного блеска в глазах и не сходящей с губ глупой улыбки. Восхищалась им, таким обходительным и серьёзным. Сколько он всего знает! И занимается чем-то полезным для всех, а не обманывает и обирает людей до нитки, чтобы потом на пирах в замке лапать грудастых служанок и изменять своим жёнам.

Пока мы болтали, Найт ни разу не попытался преодолеть расстояние между нами. Почувствовав уверенность, я сама обняла его за плечи и приложила щекой к груди. Сердце билось ровно и тихо. Убаюкивало. Дыхание щекотало макушку. Указательный палец Найта скользнул по моим приоткрытым губам, стёр прокатившуюся по щеке слезинку. Мой всхлип потонул в поцелуе, коротком и манящем своей невинностью. Ещё один. Губы нежно коснулись шеи возле уха. По телу понёсся тугой вал, грозя погresti под собой. Стало страшно.

— Ты спасёшь моего брата? — спросила я, пытаясь вырваться из забытья, но продолжала тонуть в тёмных омутах глаз.

— Холмовым шавкам не поздоровится — обещаю.

Дрова в камине прогорели, и сделалось зябко. В окно уже стучались рассветные лучи. Пообещав вернуться после заката, Найт ушёл. Я черкнула пару строк в дневник и улеглась отсыпаться. Станный у меня распорядок стал, как у ночного демона.

К вечеру вьюга стихла, но намело знатно. Хозяин пожаловался, что его старшего сына, который принадлежал к артели лесорубов, в зимовье в Утгарде занесло по самую крышу. Отец очень переживал, сможет ли юноша откопаться до того, как закончатся припасы. Тяжело людям тут приходится. Зато сплочённо народ живёт, друг за друга горой. Хозяину всего четверть часа понадобилась, чтобы собрать отряд на выручку, а у нас бы только о себе и своём благополучии пеклись.

Найт пришёл немного позже обещанного. Когда он появился на пороге, бросилась к нему в объятия. Нельзя вешаться мужчине на шею, но устоять не получалось. Как же хорошо!

Я запахнулась в меховой плащ, и мы отправились гулять. Брели через весь город по узкой прочищенной тропке, по бокам которой громоздились сугробы по пояс. Найт встал впереди и протапывал мне дорогу. Дома занесло по самые окна. Огоньки свечей и лампад в них постепенно гасли, закрывались ставни. Темнота правила облачной ночью безраздельно, лишь скрипучий снег под ногами да иней на стрехах и деревьях выделялся серыми разводами.

Остановились мы возле обрамлённого высокими елями озерца, заледенелого и круглого, как блюдце. Найт достал из сумки несколько крупных костей с отверстиями, через которые были продеты кожаные ремешки. Я села на поваленное бревно. Найт привязал кости к подошвам моих сапог, а потом и к собственной обуви. Я слышала: люди скользят на этих штуках, кажется, коньках, по льду, кружатся, почти танцуют, иногда даже в цепочку выстраиваются, хватаясь друг за друга, и катятся так, пока не упадут.

— Лёд уже толстый — выдержит, — подбодрил Найт, спустившись с заснеженного берега, и протянул мне руку. — Не бойся, я тебя удержу.

Я слабо улыбнулась. Он-то удержит, а вот я обязательно грохнусь и растеряю всю свою грацию. Впрочем, было бы что терять. Я съехала вниз на коленях. Найт помог подняться и придерживал за руки. Шаг, ещё шаг — ноги едва не разъехались.

— Выдохни и перестань трусить, — Найт потянул за собой.

Я постоянно теряла равновесие, и ему приходилось ловить меня за мгновение до падения, но потом стало лучше. Освоившись, я отпустила локоть Найта и, взмахивая руками, проехала сама. Получилось! Я разогналась и... налетела на бугор. Ноги взмыли в воздух, но прежде чем я распласталась на льду, надёжные руки подхватили меня.

— Я же сказал: удержу! — усмехнулся Найт.

Мы снова закружились вместе. Воображение рисовало чарующие картины: мы в большом бальном зале с натёртыми до блеска паркетными полами, россыпью радужных бликов горят хрустальные люстры, музыка ночи завораживает нежностью и трепетом. Чувственность выходит за навязанные воспитанием рамки. Впереди манит неизведанное, запретное, что сделает мою предыдущую жизнь неважной, дух парит над серой обыденностью, страхами и печалью, разум врывается в запредельный мир, о существовании которого я и не знала.

Найт поскользнулся и упал, потянув меня за собой. Я опустилась сверху. Его руки легли

на мою талию. Ночная тишь зазвенела искристым смехом, моим и Найта.

— Выходи за меня! — сквозь хмельное веселье донёлся его обволакивающий голос.

Я вздрогнула.

— Но ведь мы знаем друг друга всего несколько дней.

— А кажется, что целую вечность, — он приложил к губам прядку моих волос.

— Да, — сдавленно выдохнула я. Соппротивление отступало. Хотелось, нестерпимо хотелось сказать то самое важное второе «да».

Палец коснулся моей щеки, очертил контур губ.

— Я всегда искал такую, как ты: добрую, светлую, ласковую. С печальной и самой тёплой улыбкой, от которой растает даже камень. С глазами ярче звёзд на ночном небе, когда празднуют Ламмас. Со станом тоньше камыша, что поёт на ветру у озёр.

— Захватишь, — засмеялась я, целуя его руку.

Найт отстранился и заговорил как никогда серьёзно:

— Я боюсь, что если упущу тебя сейчас, то не найду больше. Тогда всё, чего я добился, не будет иметь значения, потому что рядом не будет тебя, чтобы всё это разделить. Скоро я возвращаюсь домой. Ты поедешь со мной в Эльбани?

— Но мой брат...

— Мы сквитаемся с туатами до отъезда, обещаю!

Я сдалась. Запечатала его уста своими, до бесконечности твердя в голове беззвучное «Да!» Без Найта и моя жизнь больше не имеет смысла. Отныне мы неразлучны, одно целое. Это правильно, именно этого я искала, именно этого хотела больше всего на свете. Близости. Второй половины. Родной души, которая, кажется, вернулась ко мне из прошлого воплощения, переплыла за мной Сумеречную реку. Ведь как иначе объяснить так стремительно пробудившуюся в нас любовь?

Мы сняли коньки и вернулись к городу. Стало холодно, злой ветер толкал в спину. Я озябла. Обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь. Чихнула. Тяжко, дорога расплывалась перед глазами. Мир окунулся в серую вязкость апатии. Голова закружилась, ноги подвели и...

— Милая, что с тобой? — наполнился заботой голос Найта. Я с трудом разлепила веки. — Почему ты не предупредила, что замёрзла?

Не знаю... До этого я чувствовала себя прекрасно. А сейчас... будто горло изнутри ножом располосовали, а на голову надели железный шлем, как для турниров.

— Я отнесу тебя к себе, — Найт подхватил меня на руки. — Там тебя живо вылечат.

— Но... — выдавила я из последних сил.

— Не бойся, я не заставлю тебя делать то, чего ты не пожелаешь. Верь мне.

И я поверила, ведь так хотелось верить. Раскалённое добела марево захватило меня.

Глава 16. Сеятель бурь

1527 г. от заселения Мидгарда, мёртвая окраина Урсалии, Латия

Асгрим предлагал выступить всем племенем и унести девчонку в защищённый чарами дворец, но король решил действовать скрытно: «Нельзя осквернять покой древней твердыни присутствием исконного врага». Да тридцать три твари от маленького отряда туатов и мокрого места не оставят! Но кто же будет слушать сглупившего Асгрима?

Теперь король сам возглавлял поход. Немалый возраст пригибал Ниама к земле,

ворожба, что скрывала отряд в плотной тени, отнимала много сил.

Погода не жаловала. В полдень стемнело, как ночью. Мокрые хлопья снега застилали глаза. Ветер свистел и завывал на открытых местах, шатая заборы и даже стены домов. Неистовствовал, словно встал на сторону врага.

На этой окраине прошлой весной холера покосила много длиннобородых, оставшиеся в живых бросили дома и ушли искать лучшей доли, веруя, что по мёртвым улицам скитаются духи болезней и смерти, похожие на закутанных в чёрные плащи горбунов с длинноклювыми масками на лицах. Но сейчас в заброшенных жилищах поселилось иное зло.

— Вон один, — Ниям указал на ветхий дом на противоположной стороне дороги. — И ещё двое, — на ползущее вдоль покосившегося плетня чернильное пятно. — И ещё, — мелькнуло совсем рядом.

Асгрим едва успел выставить алебарду. Сверкнул серебряный наконечник. Мохнатая тварь с мышинными ушами и уродливым зубастым рылом метнулась в сторону.

— Отвлеките их. Я нашёл, где её держат, — шепнул король и направился к чёрному дому на высоченном фундаменте.

Должно быть, раньше тут жил богатый купец с большим хозяйством и семьёй.

— Слышали приказ? Исполнять! — прикрикнул Асгрим.

Остальные сбились спина к спине и ошетинились копьями.

— Держать строй, пока мы не вернёмся. Шейс за главного!

Асгрим побежал за Ниямом. Что бы король себе ни думал, один он драться не будет!

Ветер сбивал с ног, бросал за шиворот ледяные пригоршни, скрывал всё в белой мгле. Асгрим упрямо преследовал тень своего повелителя. Оскользывался и снова бежал. Наперерез бросилась ещё одна тварь. Наконечник алебарды разорвал плотную ткань вражеского плаща. Визг. Запах палёной шерсти. Тварь исчезла, как не было. Асгрим прибавил ходу. Едва успел добраться до старческой фигуры, как набросились сразу три твари. Морда гигантского нетопыря оскалилась, ударило кожистое крыло. Асгрим прикрыл короля собой, отогнал одного врага алебардой, второму в нос швырнул мешок с порошком из молотого перца. Третьего огрел по голове узловатым посохом сам Ниям. Священное орудие из белого дуба — Асгрим не думал, что король осквернит древнюю реликвию подобным кощунством.

— Зря пошёл. — Ниям взобрался по ступеням на высокое крыльцо.

Посох грянул об дверь, к дереву прислонилась бледная ладонь короля. Асгрим пятился следом, оглядываясь по сторонам. Ниям выгнулся, впал в транс. Речитативом потекло заклинание. Татуировки на руке ожили и помчались по стенам, оплетая весь дом кружевной лозой. Вспыхнули зелёным, выцвели до бледно-лилового и исчезли. Ниям распахнул глаза и пошатнулся. Асгрим придержал его за плечи.

— Нужно спешить. Я не смог усыпить их надолго, — вырвался из его рук король и толкнул дверь.

Дом был мёртв: пустые комнаты, голые стены, ни шорохов мышей по углам, ни скрипа половиц под ногами, ни даже шума снежной бури на улице не слышно. И пахнет ничем... пустым воздухом, из которого истёрлись все запахи. Движения тоже нет. Только их с Ниямом спешные шаги по лестнице на второй этаж. Слабое биение жизни чувствовалось там, наверху, в центре мертвецкого несуществования.

Король прошёл по узкому коридору на втором этаже и толкнул дверь в самом конце. Асгрим заглянул через плечо.

На смятых простынях лежало тщедушное, бледное до прозрачности существо с синюшными губами и глубокими тенями под глазами. Веки плотно смежены, незаметно даже, как дышит. А ведь всего несколько дней назад оно было цветущей девушкой, которую Асгрим так опрометчиво выпустил из дворца. Ниям тронул её за плечо, но Лайсве не проснулась.

— Что ж, может, оно и к лучшему, — он достал из-за пояса ритуальный кинжал.

Снова зазвучало заклинание, волнистое лезвие оцарапало висок девушки, увитые татуировками пальцы чертили на её коже колдовские знаки.

Не оборачиваясь, король позвал Асгрима:

— Если со мной что случится — забирай остальных и беги.

Асгрим попытался возразить, но голова короля уже запрокинулась в транс, а глаза закатились белками наружу.

***

Когда я открыла глаза, первое, что увидела — был Найт, сидевший рядом на стуле со склонённой на грудь головой. Он спал. Должно быть, смотрел за мной всю ночь, пока я болела. Бедный.

Я потянулась — движения отдавались сосущей болью и слабостью. Рука с трудом высвободилась из-под тяжёлого одеяла и прикоснулась к щеке Найта, колючей от щетины. Он распахнул глаза и поцеловал мою ладонь. Мрачная тревога покинула его взгляд, а лицо озарила счастливая улыбка.

— Заставила же ты меня поволноваться, — он убрал с моего лба свалывшуюся от пота прядь.

— Кажется, будто по мне табун ненниров проскакал, — отшутилась я.

Из окна на противоположной стене в комнату хлестал яростный свет. Он резал глаза и усиливал пульсацию в голове.

— Всё пройдёт. Как окрепнешь, я увезу тебя в Эльбани. Там тепло, и люди болеют очень-очень редко.

— А как же Вей?

— Мы спасём его. Я же обещал.

— А Хельхейм? Я так хотела увидеть гроб Безликого.

— Ты погубишь себя ради сказки! — голос Найта, прежде столь певучий и успокаивающий, теперь раздражал. Я с кряхтением отвернулась к стене, но он притянул меня к себе и крепко обнял: — Тебе кажется, что я ограничиваю твою свободу и подрезаю крылья, но... Я просто боюсь тебя потерять, особенно после этой демоновой лихорадки. Я не спал три дня.

Он прав. Я надеялась найти судьбу на другом краю червоточин, но на самом деле всё, что мне нужно, здесь.

— Прости, — я взглянула в тёмные глаза Найта. Они блестели от сухих слёз.

— Мне не нужно твоё прощение. Мне нужна ты, каждый день моей жизни и даже после неё, — он достал что-то из-за пазухи и протянул мне. — Лайсве Веломри, не окажете ли вы мне честь стать моей супругой?

Это был обручальный браслет в виде переплетающейся лозы со вставками мелкого

речного жемчуга и перламутра. Я крутила его в руках, разглядывая. Старинный. Небось, семейная реликвия. Я всхлипнула и вернула его обратно. Найт одарил меня тяжёлым взглядом, не злым, но уставшим, полным страдания и печали.

— Я согласна, — выдохнула скороговоркой и потупилась.

Его пальцы подтолкнули мой подбородок вверх. Весь мир заслонило красивое лицо, с губ сорвался короткий поцелуй, безыскусный, но искренний в своём отчаянии. Браслет щёлкнул вокруг запястья.

— Я люблю тебя, — вкрадчивый шёпот пустил по спине волну мурашек. Я и не мечтала услышать эти слова, тем более сказанные с такой страстью. Сомнения отступили.

— Не надо, сейчас не время для слёз. — Найт коснулся губами моего лба. Он будет ласковым мужем и добрым отцом для моих детей. — Отдыхай. Мне нужно в город по делам, а за тобой присмотрят мои тётушки. Мы сейчас в их доме.

Он ушёл. Я снова забылась тяжёлым сном без сновидений. Вскоре меня разбудила невысокая пожилая женщина с впалыми щеками и мутными глазами. Серое шерстяное платье плохо скрывало костлявость. Голова была обмотана грубым платком. Тётушка молча поставила на стол луковый суп с гренками и чашку травяного отвара с малиной. Она взбивала подушки и перины, пока я завтракала. Даже жидкая пища внутрь проталкивалась с трудом. Когда доела и снова улеглась, тётушка подоткнула одеяло поплотней, совсем как нянюшка в детстве. Наверное, она всплакнёт, когда узнает, что я уже замужем и буду жить очень далеко от Белоземья. Размышляя об этом, я не заметила, как снова уснула.

Заскрипела дверь. С трудом удалось разглядеть гостя в ночной темноте. Ниам! Старый король туатов! Его не тронутое временем лицо я иногда видела в кошмарах: он со своей дочерью терзал моего брата, а я наблюдала за всем сквозь прозрачную стену, колотила об неё кулаками, но никак не могла разбить. Это тоже сон. Я накинула одеяло на голову. Он сейчас пройдёт! Надо только проснуться и позвать Найта.

Одеяло сдёрнули. Фиалковые глаза полыхали колдовским огнём, делая лицо особенно зловещим. Длинные пальцы тянулись к моему горлу. Я зажмурилась, сжалась в комок, до крови кусая губы. Всё пройдёт. Я вот-вот проснусь!

— Девочка, не бойся, я хочу забрать тебя, — ледяная ладонь легла мне на лоб. — Демон играет с твоим разумом, но если ты воспротивишься, я выведу тебя из лабиринта зловещей ночи.

Я не понимала ни слова. Кошмар. Бред воспалённого лихорадкой сознания.

— Единственный демон здесь вы! — удивительно, как твёрдо звучало презрение в моём голосе. — Ваша дочь околдовала моего брата и сделала своим случайным жеребцом! Нет уж, никуда я с вами не пойду!

— Да, я демон и очень виноват перед тобой, — Ниам говорил размеренно, точно с маленькой. Бесил невероятно! — Я заставлю Эйтайни снять приворот, даже если придётся применить силу, обещаю. Только отринь того, кто влил в твои уши яд и превратил свет во тьму.

— Вы о Найте? Он человек, он всё мне про себя рассказал и даже замуж позвал, вот, — я показала браслет.

Ниам придвинулся ближе, рассматривая украшение. Задумчиво цокнул языком:

— Он лжёт. Он демон, худший из тварей ночи. Он пьёт из тебя все соки. Из-за него ты болеешь. Из-за той силы, что ты ему даёшь, скоро начнут гибнуть люди.

— Это вы лжёте! Вы отбираете у меня всех, кто мне дорог! — негодования жгло лицо.

Ненавижу! Ненавижу их всех! — Это такое демонское развлечение: как бы причинить мне побольше боли? Убирайтесь, иначе я выбегу на улицу и начну орать: «Демоны! Демоны идут!»

— Но здесь больше никого нет.

Король вцепился в мою руку. Я рванулась, закричала. Его ногти царапали мою кожу, пытаюсь отстегнуть браслет. По запястью потекла кровь.

— Что здесь творится?! — прогремел рядом голос Найта.

Он оттолкнул от меня Ниама и приложил его об стену.

— Ты в порядке? Он ничего тебе не сделал? — встревожился Найт, оглядывая расцарапанное запястье.

— Нет! Берегись! — только и успела предупредить я, когда Ниам поднялся и замахнулся на него посохом.

Найт развернулся и перехватил оружие. Посох выскользнул из рук туата. Найт переломил его через колено, словно сухую палку. Ниам отступил на шаг и забормотал, выплетая пальцами непонятные жесты.

— Не бойся, больше он тебя не потревожит. — Найт вытолкнул туата из комнаты.

— Только не убивай его! — попросила я, прижимая руки к груди.

Из коридора донёсся грохот. Меня снова сморил сон.

***

Асгрим обратился в слух. Любой подозрительный шорох — он сгребёт Ниама в охапку и побежит прочь, пускай даже потом король прикажет его казнить. Но было тихо. Проклятая пустота не пропускала ни звука, словно настоящего мира за пределами чёрных стен не существовало. Прошёл час или день — Асгрим не знал. От вынужденного бездействия чувства притупились, накатывала усталость. Хотелось закрыть глаза и поспать, но он держался, не отрывал взгляда от Ниама и измождённой девушки на кровати.

За окном ухнул ветер, ударил в стену так, что дом сотрясся до основания. Асгрим на мгновение отвернулся. И тут загрохотало внутри комнаты. Белый посох переломился пополам. Ниам врезался в противоположную от кровати стену и, харкнув кровью, сполз на пол. Асгрим бросился к нему и взвалил себе на плечи. Незримая сила ударила в грудь — он едва устоял.

— Брось меня и беги, — прохрипел Ниам за спиной.

Асгрим не слушал, искал глазами противника, хотя понимал, что никого не увидит. Слишком медлил. Следующий удар пришёлся в живот. Асгрим едва не задохнулся от боли. Не дожидаясь новой атаки, он метнулся к окну. От яростного ветра рама треснула. Асгрим выбил её наружу и кувыркнулся вниз.

На улице бушевала буря. Подхватила резким порывом и швырнула плащмя в сугроб.

— Брось меня, брось! — умолял король над самым ухом.

Жив! Значит, и Асгриму умирать не время. Он поднялся, отплёвываясь от набившегося в рот снега, и потащил короля прочь. Хоть бы твари попрятались от стихии, хоть бы удалось найти отряд!

Сдувало. Холодом заливало под плащ. Сбивало с ног.

— Эй, там ещё один! — донёсся сквозь стену снега возглас кого-то из воинов. Асгрим

поднатужился и ускорил шаг.

— Стойте! Это я, я! — звал он, надеясь перекричать стихию. Хоть бы не стали стрелять наудачу или выставлять копыя.

— К демонам! От этих бы отбиться! — прозвучал рядом голос Шейса.

Оскаленная морда надвинулась из снежного тумана. Тварь взвизгнула и упала, пронзённая сразу тройкой стрел.

— Береги мою дочь, — выдохнул Ниам. — Ты станешь ей лучшим мужем.

— Сами беречь будете, как только выберемся.

Через пару шагов Асгрим оказался в окружении воинов. В лицо упёрлось сразу несколько копий.

— Ну наконец-то! — выкрикнул Шейс, с трудом признав его. — Мы потеряли четверых. На ногах только трое — остальные ранены. Демоновы твари насаждают отовсюду. О, Лесная хозяйка, что это?!

Асгрим обернулся. Позади закручивалась серо-стальная воронка. Набирала обороты и росла, вырывала деревья, разносила в труху сараи. Даже сложенные из мощных стволов срубы не выдерживали.

— Отступаем! — скомандовал Асгрим. — Мёртвых не брать, только раненых!

Побросав оружие, они рванули к холмам. Ноги проваливались в глубокий снег. Вихрь приближался, затягивал, но они не останавливались. Остановка — смерть. Двое избавились от нош, почувствовав, что раненым уже не помочь. Ещё один окровавленный воин бежал сам, опираясь на плечо Шейса. Только Асгрим не поспевал за остальными, волоча на спине короля. Отбитый живот горел и саднил. Пот застил глаза и смешивался с летящими в лицо хлопьями. В ушах стучала кровь, заглушая звуки ветра. Асгрим оскальзывался, падал на колени, поднимался и снова бежал, не позволяя спине замыкающего исчезнуть в снежной дымке.

— Исполни хоть собственный приказ, глупец, — ворвался в тишину мыслей увядающий голос Ниама.

Внутренности свело судорогой. Нет! Нельзя останавливаться сейчас — до холмов рукой подать. Асгрим оступился и рухнул в сугроб. Ниам навалился сверху каменной глыбой, аж грудь сдавило. Впереди, всего в сотне шагов, виднелся чёрный путь. Остальные туаты быстро скрывались в нём.

— Вставай! — гаркнул Шейс, вытягивая Асгрима из снега. — Скорее, сейчас нагонит!

Смерч был уже близко. Выше гор, даже выше свинцового неба. Он поглощал весь мир. Асгрим схватил короля, неподвижно лежавшего лицом в снегу. Тяжело! Почему Ниам стал таким тяжёлым?!

— Брось! Не видишь — он мёртв! — одёрнул за шиворот Шейс.

Он не понял. Он ошибся. Не может этого быть!

Шейс тянул прочь, Асгрим слишком ослаб, чтобы сопротивляться. Оставалось только протягивать дрожащие руки к удаляющемуся холмику.

На землю опускалась мгла, мерцала ослепительными вспышками, ветер гудел всё громче. Снег перемешивался с камнями и выбитыми кусками мёрзлой земли, закручивался по спирали вместе с трухлявыми брёвнами и выкорчеванными деревьями, поднимался выше и выше, грозя пробить небосвод.

— Отец?! Где он?! — Эйтайни появилась словно из этой тьмы и схватила их с Шейсом за руки. — Я чувствую, что он ранен. Скорее несите его сюда. Я смогу ему помочь!

— Поздно, — Асгрим испугался собственного возгласа. Будто до него только-только дошли слова Шейса... Сердце разъедало горечью. Хотелось выбежать навстречу смерчу и позволить ему разорвать это никчёмное тело на части.

— Не стойте! Нас же сметёт! — зывал к разуму Шейс. — И как этим тварям удалось подчинить стихию?! Такая мощь даже под землёй достанет!

— Это не они, — заморожено глядя на смертоносный вихрь, ответила Эйтайни. Она заламывала руки и кусала губы в отчаянии. — О, Лесная хозяйка, это все моя вина! Отец!

— Куда?! Погибнешь! — Шейс выпустил руку Асгрима, но принцессу поймать не успел. Она уже мчалась в объятия смерча, туда, где осталось тело Ниама. Асгрим бежал следом, досадуя, что не солгал, что оказался слишком слаб, что отпустил сумасбродную девицу прямо в лапы врага. Это всецело его, Асгрима, вина. Если сейчас он не спасёт принцессу, то лучше погибнет вместе с ней.

Эйтайни упала на колени возле распластанного на снегу тела.

— Вставай! Вставай! Силами Лесной хозяйки заклинаю, вернись с сумеречной опушки, обойди луну с тёмной стороны, твоё время ещё не настало! — причитала она, с трудом переворачивая Ниама на спину. — Вернись, ты нужен мне и своему народу! Ты не можешь нас оставить! Отец!

По её лицу ручьями текли слёзы. Плечи содрогались. Голос срывался на крик, ломался и потухал в глухих рыданиях.

— Лесная хозяйка, умоляю, сделай что-нибудь! Я не могу остановить это одна! — она обхватила отца за плечи.

Ветер сорвал с её головы синий платок и унёс к приближающемуся стеной смерчу. Густые тёмные кудри растрепались, саваном укрыв принцессу вместе с отцом. Асгрим опустил рядом и обнял её.

— Я не Лесная хозяйка. У меня нет колдовской силы. Но я останусь с тобой и с ним. До конца.

Эйтайни повернула голову. Фиалковые глаза полыхнули гневом. Кулачки ударили Асгрима в грудь, больно упёрлись, пытаюсь вырваться.

— Зачем ты за мной потащился, болван! Ты мне не нужен! — силилась Эйтайни перекричать бурю и продолжала его лупить. — Слышишь, не нужен! Ненавижу тебя, ненавижу! Ну зачем тебе погибать вместе с нами?!

— Я люблю тебя, — сокрушённо пробормотал Асгрим.

Как будто это что-то для неё значило.

Чёрная воронка смерча раскрывала хищный зев. Ветер дышал в лицо сыростью и могильным холодом. Вот-вот разорвёт. Асгрим сжал ладонь Эйтайни, она крепко вцепилась в руку мёртвого короля. словно скованных цепью их подхватило вместе со снегом и взорванной землёй. Ветер нёс, кувыряя, на самый верх. Мелькнули превращающиеся в букашек дома, серые хвойники тайги, заснеженные хребты Утгарда, бескрайний тёмный океан на западе и краешек ледяной пустыни Хельхейма. Сейчас до самых Девярых небес поднимет, а там распылит в кровавую пыль и развеет над Мидгардом.

В глаза ударил свет. Стремительный полёт завершился неестественной тишиной. Асгрим зажмурился. Представил, что их уже нет, они рука об руку ушли в лес: король, заменивший ему отца, принцесса, которая так и не стала женой, он сам, не доказавший, что достоин быть с ними. Эйтайни вырвала руку, разбивая в прах не свершившуюся сказку. Асгрим открыл глаза и поражённо выдохнул. Смерч окружал со всех сторон чернотой

вихрящегося воздуха. Они — в самом центре воронки, в самом сердце дикой бури! Но как? Чего ждёт эта безумная стихия?

Волосы принцессы устремились вверх, ухваченные ветром, взгляд направлен на заглянувшее в воронку ослепительно-белое око.

— О, Сеятель бурь, Огненный смерч, грозный Западный Ветер, чьё имя и лик стёрлись в веках скитаний и битв, заклинаю, прости глупую дочь Лесов за святотатственные речи! Не заставляй мой род платить за мои ошибки, — голос Эйтайни то срывался, то падал до шёпота, то снова вздымался по вихрящимся потокам грозового вала к самому небу. Но стихия молчала, не отвечая ни да ни нет. Эйтайни воздела руки. — Умоляю, остановись! Ещё можно всё исправить. Я отпущу мальчишку и помогу одолеть врага. Я отрину гордыню и стану тебе самым преданным слугой, только пообещай, что, когда придёт время, ты благословишь нашего с Асгримом ребёнка на жизнь!

Она обернулась к Асгриму. На устах застыла мягкая печальная улыбка. Затеплилась робкая надежда... На что?! Они ведь сейчас рухнут с непостижимой высоты и разобьются!

— Я люблю тебя, — прошептал он ещё раз.

Губы принцессы затрепетали, будто она хотела ответить, но грохот оглушил. Между ними вспыхнул ветвящийся зигзаг молнии. Воронка ожила и с оглушающим гулом понесла обратно на землю. Всё, теперь точно. Асгрим снова зажмурился. Шмяк! Его впечатало в лужу талого снега и вышибло дух. На мгновение сознание ускользнуло.

— Асгрим, Ваше Высочество? Вы живы?! — заставил прийти в себя режущий голос Шейса.

— Позови мальчишку длиннобородых, — отстранённо велела Эйтайни.

Словно не она пережила только что смертельную опасность. Асгрим бы так не смог. Он вообще ничего сейчас не мог, даже думать, чувствуя себя покалеченным и разбитым.

— Ваше Высочество, не время... — замялся Шейс.

— Величество, теперь уже Величество, — безразлично поправила Эйтайни. — Исполняй приказ.

Послышались хлюпающие шаги. Асгрим распахнул глаза. Он лежал посреди развороченной смерчем поляны. На горизонте плавно угасал смертоносный смерч: светлел и рассеивался, сворачивался в маленькое облачко, пока не истаял. Только валявшиеся повсюду бревна и горы перемешанного с землёй снега напоминали о недавнем буйстве.

Асгрим отыскал взглядом принцессу. С неестественно прямой спиной она сидела на коленях возле тела отца. Гулкая тишина давила на уши, сводила с ума безысходностью. То ли вечность прошла, то ли пара самых долгих в жизни мгновений, пока не вернулось хлюпанье.

Шейс привёл Вейаса. Мальчишка бросился обнимать принцессу:

— Я так испугался, когда ты убежала. Я бы не смог жить без тебя! Жаль твоего отца, но теперь мы будем вместе. Позволь, я сотру твою печаль поцелуями, — залепетал он.

Эйтайни выставила между ними руку. По ладони струилась тёмная татуировочная краска. Странно, Асгрим думал, что колдовские татуировки ворожеям делают раз и на всю жизнь.

— Я отпускаю тебя, — произнесла Эйтайни, приложив три сложенных вместе пальца ко лбу Вейаса.

Мальчишка судорожно выдохнул и замер.

— Лайсве! Я ударил её! — выкрикнул он и сгрёб Эйтайни за ворот плаща. — Почему ты не предупредила, что я могу её обидеть?

— Я же говорила: за исполнение желаний приходится платить, — спокойно выдержала его гнев принцесса.

— Отвечай, тварь, где моя сестра?! — зарычал Вейас, сдавив пальцами её горло.

— К ней привязался Лунный Странник. Прости, — с трудом процедила Эйтайни, хватая ртом воздух.

Хватка ослабла. Руки упали по швам. Вейас попятился к городу, ошалело поглядывая на туалатов. Отвернулся и побежал в ту сторону, откуда явился разъярённый смерч.

Эйтайни опустила рядом с Асгримом и ласково коснулась его щеки, впервые с последнего похода в Утгард.

— Его убьют, — просипел Асгрим совсем не то, что хотел.

— Сестринская любовь не позволит, — покачала головой принцесса и, с нежностью глядя по волосам, зашептала заклинания. — Ты хорошо сослужил свою службу. А теперь спи, самый смелый из воинов. Завтра будет лучше.

Глава 17. Ищейки

1527 г. от заселения Мидгарда, Урсалия, Латия

Вейас не заметил, как очутился на пороге большого чёрного дома. Мир сузился до тоненькой нити, связывающей с сестрой. Он искал Лайсве, звал и мучился от воспоминаний. О том, как пренебрёг ею, как ударил, как сказал ей... Если бы он только верил в богов, то молился бы, чтобы она забыла каждое сказанное им в умопомрачении слово. А вдруг она поняла? Поняла, что когда он говорил о её постыдных чувствах, то имел в виду свои, которые так долго свербели и лезли наружу, сколько бы он ни пытался запереть их на замок. Что, если она больше знать его не захочет? Нет! Сейчас главное её спасти, а потом... плевать, что будет потом, лишь бы ещё раз её обнять, тёплую и живую.

Вейас приложил ладонь к двери и мысленно позвал: «Сестра,пусти, я пришёл за тобой». Дверь отворилась сама. Он взлетел по ступеням на второй этаж и ввалился в комнату, в которой чувствовалась аура сестры. Она неподвижно лежала на смятых простынях. Сквозняк из выбитого окна перебирал рассыпанные по подушке пшеничные волосы. Восковая бледность подчёркивала заострившиеся, как у покойницы, скулы. Шея уязвимо открыта.

Охватил страх: она никогда не проснётся. Но сестра застонала и заворочалась. Распахнула болезненно-огромные лучистые глаза.

— Вей, тебя освободили от приворота? — прошептала Лайсве слабым голосом, кутаясь в одеяла от проникающего снаружи холода. Нестерпимо яркий после бури солнечный свет заставлял её морщиться.

— Да, конечно, я... — он взял её мокрую от пота руку и приложил к губам, поправил налипшие на лицо волосы, ласково улыбаясь. — Прости, что накричал на тебя и ударил. Прости, что постоянно подвожу тебя.

— Забудь, пустое, — она тихо всхлипнула. — Главное, ты свободен и можешь уехать, а я со спокойной совестью выйду замуж.

— Я никуда без тебя не поеду! Помнишь, мы обещали друг другу всегда быть вместе, я — защищать, а ты — ограждать меня от глупостей и вдохновлять на подвиги? Вместе мы выживем, я верю. И во все твои сказки тоже верю! А ты снова поверь в меня, в нас! Мы сможем добыть клыки вэса.

— Даже если мы их добудем, Сумеречники сделают тебя, а мне придётся стать рабой того, на кого укажет орден. Я так не могу. Свобода — всё для меня. Найт предлагает именно это. Он благородный, надёжный человек, он сделал мне предложение, — Лайсве высунула из-под одеяла руку. Тоненькое запястье кандалами обвил массивный браслет, такой старинный, что казалось, его из семейного склепа достали. — Он увезёт меня в свой родовой замок в южном графстве Эльбани. Всё отлично складывается.

У неё словно забрали страсть и жажду приключений, сделав такой же пустышкой, тенью, какими становились многие высокородные девушки после замужества. Вейас поэтому ими брезговал, предпочитая простолюдинок, которые сохраняли хотя бы крохи огня.

— Свобода, трижды ха! Это последнее, что тебе даст твой дорогой Найт. Он не благородный, не надёжный и уж точно не человек. Ни в какое Эльбани он тебя не повезёт. Утащит в сырой склеп и будет пожирать, пока только тень не останется. — Сестра недоуменно моргала. От отчаяния хотелось крушить мебель, рубить коварных тварей на ошмётки. — Он демон, Лунный Странник.

— Нянюшкины сказки, — потёрла лицо и нервно выкрикнула Лайсве. — Ты его порочишь, потому что он мне понравился. Ты же сам сказал, я должна перестать за тебя цепляться и жить собственной жизнью. Почему ты не можешь просто за меня порадоваться?

— Ты не понимаешь?! — Вейас резко развернул сестру к себе и хорошенько встряхнул. — Он демон, он сделал из тебя безвольную куклу. Он уже убил короля туалатов. Он и тебя убьёт в конце концов!

Вейас схватился за браслет и попытался сорвать. Лайсве закричала так истошно, что заложило уши. Кто-то навалился сзади. Ледяные пальцы сдавили горло.

— Найт, отпусти его. Это мой брат! — взмолилась сестра.

Хватка ослабла. Вейас глотнул воздуха и обернулся. Воздыхатель Лайсве оказался высок и темноволос. Идеальными чертами он походил на людей с книжных гравюр. Должно быть, он умеет подражать чужой внешности.

— О, так он больше не бежит за юбкой холмовой ведьмы? — усмехнулся нахальный демон.

Вейас прищурился, оценивая его силы, и положил руку на эфес. Аура плохая. Слишком большая, полускрытая демоническими чарами. Повсюду вокруг дома — тьма его приспешников. Почему Вейас не замечал их до этого? Тоже чары?

— Его расколдовали, — Лайсве слабо улыбнулась. Глупо так, совсем ей не свойственно. Заговорила с воркующим придыханием: — Он решил, что ты демон и убил короля туалатов. Смешно, да?

Странник угрожающе оскалился. Почему Лайсве этого не видит?!

— Я не отдам тебя ему! — Вейас выхватил меч и наставил на ухмыляющегося подонка.

— Вей, что ты делаешь?! Не надо драться, умоляю, — Лайсве села на кровати и потянулась к ним рукой.

— Лежи, ты ещё слаба, — не обращая внимания на выставленный клинок, Странник уложил Лайсве обратно и поцеловал в лоб.

Да как он смеет к ней прикасаться?! Внутренности обожгла волна раскалённой ярости. Вейас замахнулся, но скорости не хватило. Демон быстро развернулся, поймал лезвие пальцами и отвёл в сторону.

— Поговорим снаружи. Ты пугаешь сестру, — от самоуверенного тона озноб продрал по

коже.

— Пожалуйста, не убивай его! — попросила Лайсве непонятно кого.

Вейас отвлёкся. Кулак Странника врезался ему в солнечное сплетение. В глазах потемнело. Несколько сильных толчков в плечи, и Вейас обнаружил себя за дверью наедине с демоном. Его глаза стали пышущими алым щёлками. Из-под верхней губы выросли клыки. Плечи раздались, на руках и шее вздулись мускулы. Ростом он стал на голову выше и навис громадной тенью.

— Зря сестру не послушал. Надо было убираться, пока мог, глупый мальчишка, — издевался Странник. — Она запретила тебя убивать только мне, но не моим собратьям.

Из углов полезли мохнатые твари с нетопыринными мордами. Трое, но это не всё. Вейас чувствовал гораздо больше аур. Он попятился к лестнице. Самонадеянный болван! Надо было не пороть горячку, а думать! Теперь погибнет и сестру не спасёт!

Вейас разогнулся и прыгнул с верхней ступени. Приземлился на ноги на первом этаже и ринулся к двери. Путь преградили ещё две твари. Увернувшись от одной, Вейас ударил вторую мечом. Клинок лишь скользнул по густой шерсти, но тварь посторонилась и освободила путь. Вейас толкнул дверь, перемахнул через порог и помчался вдоль пустых улиц. Из согнанного ветром снежного тумана, в сизых сумерках и вовсе непроглядного, надвигались всё новые твари, выпрыгивали из-за домов и заборов. Чутья хватало, чтобы увернуться или оттолкнуть мечом, но если окружают — будет худо.

Грудь разрывало от натужного дыхания. На крепчавшем морозе мышцы стали жёсткими и тяжёлыми. Ну почему он так редко тренировался дома? Намного больше, чем думали отец с сестрой, но всё равно слишком мало для такого! Клыки шамкнули у самого лица. Кувырок, взмах меча, удар кулаком, скачок вбок, пинок коленом и невероятный кульбит в воздухе. В бегстве Вейас всегда был лучше, чем в драке. Плевать! Лишь бы выбраться, тогда можно будет попросить помощи. И забыть о дурацкой гордости!

Аур стало так много, что Вейас отличал их друг от друга с трудом. Не заметил, как тварь кинулась под ноги, и покатился по перемешанному с грязью снегу. Меч упал, демон навалился на грудь, пытаясь укусить за шею. Одной рукой Вейас оттолкнул обдававшую смрадным дыханием морду, второй нашарил за пазухой серебряный стилет и впечатал его между жёлтых глаз. Повалил дым, запахло палёной шерстью. Тварь взвизгнула, и Вейас скинул её с себя. Подхватив меч, он побежал дальше.

Демоны настигали. Наступали на пятки. Пот градом катился по лопаткам и лбу. Ноги ломило от усталости. «Всё, конец!» — мелькнула предательская мысль. В спину ударил ветер, разразился яростным гулом. Демоны замерли. Испугались обычного порыва? Или предчувствовали новый смерч? Времени на раздумья не было.

Вейас добежал до холмов и упал навзничь, глотая ртом морозный воздух. Клубы пара вырывались из разомкнутых губ и ложились на волосы и брови сединой инея. Вокруг стужалась непроглядная темень.

«Эйтайни, помоги! Ты же хочешь отомстить за отца?» — потянулся он телепатией к принцессе, но даже лёгкое шевеление мысли отдавалось болью.

Нельзя лежать, иначе окоченеешь. В пальцах стынет кровь, не чувствуются совсем. Кажется, дёрнешь — и сломаются, осыплются мелкими льдинками. Голова тяжёлая, и очень хочется спать.

Вейас поднялся и стряхнул с одежды снег. Сжимал и разжимал кулаки, иглистой болью прогоняя апатию из суставов. Приплясывал, пытаясь согреться.

Со скрипом распахнулся ведущий в бездну тоннель. Вейас облегчённо вздохнул и ступил внутрь, в тепло. Никто не встретил его и не сопровождал, но он и так успел выучить дорогу к покоям принцессы.

Коридоры пустовали. Даже стража не попадалась. Может, готовятся к нападению на Странников наверху?

Долгая змеящаяся галерея уткнулась в широкую дверь. Не потрудившись постучать, Вейас толкнул её и вошёл.

В слепящем свете не сразу удалось различить очертания полудюжины девушек. В прямых синих платьях и со спрятанными под полупрозрачными вуалями лицами, они толпились у ложа Эйтайни. Вдоль него на каменных тумбах стояли глиняные плоски с чёрной краской и тонкими кисточками. В бронзовых кадилницах курились сушёные травы, от запаха которых и без того больная голова шла кругом. Вейас отогнал тяжёлый дух ладонью и шагнул к ложу. Девушки молчаливо расступились, показав принцессу, укрытую лишь тонкой вязью колдовских татуировок, ещё не законченных. Соблазнительные формы девичьего тела, обыкновенно возбуждавшие и вызывавшие в глазах лихорадочный блеск, теперь отвращали. Похоже, догнало демоническое похмелье.

— Что здесь творится? — не слишком учтиво поинтересовался Вейас.

Эйтайни встряхнула головой. Взметнулись завязанные в множество косичек волосы. Подведённые чёрным фиалковые глаза прищурились, пристально разглядывая его:

— Мы принимаем нового покровителя.

Принцесса поднялась нарочито медленно и плавно. От глубокого вдоха колыхнулась полная грудь, по упругому животу скатилась тёмная капля и притаилась между бёдер, спина грациозно выгнулась и потянулась за устремившимися вверх руками.

К горлу подступила дурнота, но он сдержался:

— Разве так можно?

— Как видишь.

Эйтайни накинула на себя лёгкую синюю тунику и встала, подав девушкам знак оставить их наедине.

Вейас перешёл к делу:

— Мне нужна помощь.

— Что, Странник не по зубам оказался?

— Его прислужники гнали меня как шелудивого пса и едва не прикончили, — он кисло скривился. — Нужна армия, чтобы с ними справиться.

— Странники настолько сильны, насколько им позволяет Лайсве. Этих тварей привлекает отчаяние, тоска и одиночество, а если жертва столь прочно связана с высшими силами... — Эйтайни сокрушённо понурилась. — Наша армия не поможет. Странники в лёгкую уничтожили половину отряда отца, а домой и вовсе вернулась треть. Посмотри, ты и сам ранен.

Эйтайни указала на его левую руку. Рукав порвался, на коже вздулись багровые царапины от когтей. А Вейас даже не заметил.

— Дай смажу, — поманила к себе принцесса. Он недоверчиво отстранился. — Не бойся, ворожить не стану.

Эйтайни подобрала с одной из тумб туесок и, освободив руку Вейаса от грязной ткани, втёрла в кожу пахнущую мятой мазь. Сразу зазудело, но потом по царапинам разнёсся успокаивающий холодок.

— Так значит, моя сестра останется во власти Странника, а твой отец не удостоится праведной мести? — спросил Вейас.

Эйтайни печально повела плечами и отвернулась:

— Нет. Значит, нам нужен более сильный союзник. Такой как раз есть на примете.

Он схватил её за плечи:

— Говори кто! Где его искать?

Эйтайни столкнула его руки и прошлась по комнате.

— Чары Странника может победить лишь истинная любовь. Та, которая суждена. В городе есть другие Сумеречники. Их четверо. Среди них суженый твоей сестры. Только он сможет одолеть Странника.

— Ты о её женихе? — вскинул брови Вейас. — Никогда не поверю, что этот хлюпик сможет одолеть тварь, которая одним взмахом пальца и твоего отца прихлопнула, и меня на лопатки положила.

— Возможно, он ещё не встретил кузнеца, который выкует из него несокрушимое оружие, — Эйтайни остановилась перед Вейасом и заложила руки за спину. — Но однажды он станет великим воином и будет держать судьбы всех твоих собратьев в своих руках.

— Радужное будущее, однако.

— Не ёрничай. Быть может, это лекарство и от твоей болезни. Если ты по-настоящему любишь сестру, то усмиришь гордыню и попросишь у него помощи, а потом, когда придёт время,пустишь и будешь радоваться её счастью.

В одном она права: помощи надо просить у своих. Не прощаясь, Вейас вернулся наверх к людям. Ищеек долго искать не пришлось, достаточно было отследить ауры с разноцветными вкраплениями родовых даров. Они остановились на самом людном постоялом дворе на рыночной площади. За пару медек мальчишка-привратник показал их комнату, одну на всех — со злорадством заметил Вейас и позволил себе войти без стука.

В маленькой сырой комнатухе едва уместались три кровати и брошенный на холодный пол соломенный тюфяк. Двое крепких парней, которых Вейас смутно помнил с помолвки Лайсве, сидели на тюфяке и играли в кости. Йорден стоял посреди комнаты и бранился на своего медведеподобного слугу, который укладывал разбросанные повсюду вещи в тюки и котомки.

— Живее, увалень! Это из-за твоей нерасторопности мы не успели убраться отсюда до начала бури. Если мы не выедем завтра на рассвете, я с тебя три шкуры спущу!

Как же тяжело Лайсве будет с таким мужем, особенно когда он постареет и обрюзгнет. Впрочем, главное — её спасти.

Вейас закашлялся, привлекая к себе внимание. Все, кроме слуги, напряжённо обернулись.

— Деньги за постой я уже отдал. Чего ещё надо? — зло бросил Йорден. — За тухлук рыбу платить не буду, так хозяину и передай!

— Это брат вашей невесты, мастер Йорден, — не поднимая глаз, ответил слуга тихим голосом, от которого, казалось, задрожал воздух.

— Вейас Веломри, к вашим услугам. К моей сестре привязался Лунный Странник. Он готовит нашествие. Нужно остановить его, пока не поздно.

— О! Цыплёночка напугала кучка мертвяков, поэтому он прибежал сюда, чтобы мы спасли его слабоумную сестричку? — рассмеялся Йорден и оглянулся на своих наперсников. Те тоже захохотали, словно стая шакалов. Йорден положил ладони на пояс и, размахивая

локтями, принялся изображать цыплёнка: — Цып-цып-цып! Что вылупился? Целуй мои сапоги!

Ладони сжались в кулаки. Захотелось ударить. Не оружием или ногой, а даром, телепатическими клещами, чтобы пустомеля корчился на полу в собственной блевотине и моче, как посмевающий обидеть сестру Петрас.

«Не трать силы на споры с недоумками, — зашептал в голове успокаивающий мужской голос. — Скажи о награде».

Вейас попытался ухватиться за мерцание нитей чужого телепатического дара, но они ускользнули. Прячется. Ладно, кем бы ни был советчик, а дело говорит.

— Если вам удастся спасти Лайсве, то она выйдет за тебя замуж, и я прослежу, чтобы наш отец воздал тебе все причитающиеся почести. Разве ты не за этим сюда ехал?

Йорден заткнулся и смерил его оценивающим взглядом.

— Сколько там этих, как ты их назвал?..

— Странники. — С чего Эйтани решила, что этот пустомеля справится с демонами? Ни сил, ни ума, даже хитрость, и та на убогие насмешки истрачена. — Они обосновались на заброшенной окраине. Всего тридцать три.

— Полный набор, — снова заговорил слуга, и все вздрогнули. — Тридцать три для Странников, как демонова дюжина — магическое число. Они редко собираются большими группами. Тридцать две низших твари и один фантом, который всеми руководит.

Слуга выпрямился и сложил руки по швам. Йорден обернулся к нему:

— Мы справимся?

Почему он спрашивает у слуги? И если на то пошло, то почему слуга лучше осведомлён о демонах и о родственных связях Лайсве, чем сам горе-женишок?

— Если будем действовать с умом, — выдержав направленные со всех сторон взгляды, ответил слуга. — Нужно подготовить серебряное оружие и напасть на рассвете, чтобы больше времени оставалось до темноты, когда их силы увеличиваются.

— Можно попросить помощи у туатов. Странники убили их короля, и те захотят сквитаться, — добавил Вейас.

— Мы не станем просить помощи у вшивых демонов и тем более доверять им тылы, — фыркнул Йорден.

— Пара рук не была бы лишней. Они могли бы отвлечь мелких шавок, пока мы будем разбираться с фантомом. Да и сомневаюсь, что они захотят разорвать перемирие, которого так долго добивались, — уговаривал его слуга.

Глаза Йордена презрительно сощурились, а губы брезгливо поджались:

— Дворянгу никто не спрашивал!

Тот вернулся к сборам.

— Завтра на рассвете, значит, идём в бой, — с важным видом заключил Йорден. Командир, ага, сейчас, разбежался! — Ну, ступай, чего ждёшь? У нас тут и так тесно.

— Но как же план действий, тактика, стратегия? — забеспокоился Вейас.

Слабо верилось, что Странника удастся победить только с помощью мутного предсказания Эйтани и непомерной самоуверенности этого чванливого болвана.

— Оставь взрослые вопросы взрослым и ступай, цыплёночек, — презрительно бросил Йорден. Его товарищи закивали.

Вейас окинул всю четвёрку укоризненным взглядом и, ссутулив плечи, развернулся к двери.

«Попроси у своих друзей серебряный клинок, если хочешь завтра выжить», — снова раздавался в голове голос. На этот раз Вей был готов. Ухватился за тянущуюся к нему стальную нить и успел обернуться за мгновение до того, как мерцание ауры потухло. Таящийся взгляд стальных серых глаз пронизывал до костей. Вейас даже не мог толком определить чувство, которое он вызывал. Смутная тревога перед мощью хищника, наряженного в овечью шкуру. За этим слугой нужно смотреть в оба!

Вейас вернулся ночевать к туалатам. С демонами было спокойнее. Приняли его без лишних вопросов и провели в тот же гостевой покой, где раньше томилась Лайве.

Служанки принесли сытный медовый ужин и восстанавливающее силы зелье в тяжёлой каменной чаше. Пряная терпкость обожгла нёбо и заволокла разум зыбкой пеленой. Как только голова коснулась оленьих шкур, безмятежной водной гладью накатила сон.

Проснулся Вейас в назначенный час, посвежевшим, словно не носился до этого по городу обезумевшей от потери птенцов птицей. Рана почти затянулась, оставив после себя лишь несколько глубоких рубцов. Ничего, шрамы мужчину украшают. А вот потеря сестры — нет.

Рядом с ложем, как Вейас и просил, оставили два коротких серебряных меча, обёрнутых в холщовую ткань. С клинками под мышкой он направился к «великому воину».

Йорден с наперсниками ещё сонно перетаптывались по комнате, пока слуга поправлял их одежду, раздавал оружие и что-то советовал.

— Пора выдвигаться, а то пропустим рассвет, — напомнил Вейас. Переживания за сестру настолько заели, что даже стоять было трудно: колени тряслись, пальцы сжимались и разжимались, живот сводило судорогами.

— Ты забылся, цыплёночек, я тут главный, — Йорден ткнул ему пальцем в грудь. — Когда я скажу, тогда и будем выдвигаться. Выдвигаемся!

Напыщенный идиот! Надо будет заловить кого-нибудь из кровососущих мертвяков и выплеснуть всю накипевшую злость, а то ещё пять минут с этим козлом, и Вейас точно его поколотит.

Йорден с товарищами прошествовал за дверь. Вейас незаметно сунул замыкающему строй слуге меч. Тот кивнул и, пропустив Вейаса вперёд, запер комнату на ключ.

Неудобно было показывать дорогу, когда Вейасу не позволяли идти первым.

Рассвет застал их на заброшенной окраине. От снега поднималась густая дымка и разливалась молоком в лиловых сумерках. Аура Лайсве ощущалась слабее, чем накануне, но Вейас всё же отыскал нужный дом.

— Второй этаж, последняя дверь справа, — уточнил он, указывая на заколоченное досками окно наверху. — Думаю, стоит разделиться. Часть останется снаружи караулить, — он кивнул на наперсников Йордена, — пока мы будем вызволять Лайсве.

— Опять командуешь?! Вот вы и оставайтесь.

Йорден отпихнул Вейаса в сторону слуги и втроём со своими друзьями направился к крыльцу. Вейас хотел было возмутиться, но за плечо придержала тяжёлая рука.

— Думаешь, у него получится? — спросил Вейас.

— Когда б коровы умели летать, а лягушки пели соловьём.

Вейас обернулся и взгляделся в непроницаемые серые глаза. Почему у него всегда такие странные союзники?

— Идём, — позвал слуга.

И Вейас пошёл.

Когда я проснулась, любимый лежал рядом и обнимал за плечи. Обручальный браслет посверкивал перламутром и жемчугом в лучах заглянувшей в окно луны. Интересно, как оно разбилось? А браслет красивый и необычный, совсем не вычурный, скромный, но вместе с тем очаровательно причудливый. На ощупь нежный и тёплый. Сокровища скрываются в потаённых углах лабиринта из вьющейся лозы. Скользящим по поверхности взорам их не разглядеть. Браслет похож на меня и на Найта одновременно, выражает нашу суть. Самый красивый и самый необычный.

Под утро Найт заколотил окно досками и ушёл по делам. Пробивающиеся сквозь щели лучи рассветного солнца так и звали на улицу. Как же одемонело бесконечное лежание в постели! Спёртый воздух душит, темень слепит. Хочу к небу, к солнцу и ветру. На волю! Она поможет мне гораздо больше, чем дурацкий покой.

На плохо гнущихся ногах я спустилась по лестнице. Престарелых тётушек Найта нигде видно не было. В углу прихожей отыскались сапоги и плащ. Я закуталась потеплее, распахнула дверь, и, крепко держась за перила, сошла с высокого порога.

Земля повсюду была взрыта и перемешана с грязным серым снегом. Небо украшали серебристые разводы облаков. Пустые дворы вокруг спали в молчаливой безмятежности. Хорошо! Я раскинула руки в стороны, как вырвавшаяся из клетки птица раскрыла бы крылья навстречу небу, и плотнула сладкий морозный воздух полной грудью. Ветерок защекотал щёки, голубое свечение окутало тело, словно поджидало всё это время. Я засмеялась ему, как старому другу, потянулась, чтобы пощупать, поверить, что оно подлинное и я не схожу с ума. Но вдруг туман, не тот, что был вокруг, а тот, что клубился в моей голове, рассеялся. Вместо сладких грёз о свободе и небе, передо мной предстало несимпатичное лицо моего жениха, того, с кем меня связал орден, Йордена.

— Держите её! Удача на нашей стороне — даже драться не пришлось, — ухмыльнулся он.

Сердце пропустило удар. Я попятилась и оступилась, едва не упав, но с двух сторон меня подхватили друзья Йордена. Оставшаяся после болезни слабость не позволяла вырваться. Я бессильно обвисла у них на руках.

— Ты мне обещана. Твой отец нас уже поженил. Осталось только супружеский долг исполнить. — Он посмеивался так скабрёзно, что меня чуть наизнанку не вывернуло. — А теперь и твой брат обещал благословение дать, если от Странника избавлю.

— Лайсве! — донёсся из белесой дымки знакомый голос. Навстречу спешил Вейас вместе с медведем-телепатом. Должно быть, хорошо меня продал. — Ты жива!

— Предатель! — сплюнула я ему под ноги — единственное, на что хватило сил. Вей остановился и одарил меня тяжёлым взглядом.

— Не дерзи, куколка, а то быстро смирению научу, — криво усмехнулся Йорден.

Ищейки подтолкнули меня ему навстречу. Он схватил меня за волосы, оттянул голову и впился в губы мерзким слюнявым поцелуем.

— Стойте! — выкрикнул слуга, но его никто не слушал.

Жёсткие пальцы Йордена вцепились в запястье, пытаюсь сорвать браслет. Найт, как же я хотела быть свободной с тобой! Но лучше я умру, сражаясь, чем позволю себя топтать. Жизнь рабыни не стоит жизни. Безднадёжность придала ярости, ярость вернула силы. Я

сомкнула зубы на втиснутом в рот языке. Йорден отпрянул и принялся отплёвываться от крови. Ищейки снова подхватили меня, не позволяя бежать.

— Ах ты дрянь! — замахнулся жених, но ударить не успел.

Вейас набросился на него сзади, опрокинул и придавил к земле собой:

— Не смей бить мою сестру! Ни сейчас, ни при мне, никогда вообще!

Он схватил Йордена за грудки и встряхнул так, что тот ударился затылком.

— Прекратите!

Слуга подбежал к ним и попытался разнять. Ему в грудь будто врезался невидимый кулак и размазал по стене ближнего дома. Ищейки выпустили меня, рухнули на землю и беспомощно задргали конечностями, как опрокинутые на спину жуки.

— Возвращайся в дом. Я разберусь, — Найт появился словно из ниоткуда. Ласково коснулся моего лица и подтолкнул к порогу. — Всё будет хорошо.

Я доплелась до крыльца и обернулась. Ищейки уже поднимались. Слуга тряс головой, пытаясь прийти в себя. Йорден и Вейас перестали драться, схватились за мечи и встали наизготовку. Найт смотрел на них презрительно, свысока. На мгновение показалось, что радужка его глаз покраснела, а кожа стала пергаментно-жёлтой, как у покойника. Верно, опять бред начинается. Зря я вставала.

— Они ведь Сумеречники, — испуганно пролепетала я.

— Справлюсь. Ступай, — уверенно ответил Найт, выставя меч для защиты.

Я затворила дверь и начала оседать на пол. Если бы сноровистые тётушки не подхватили, наверняка разбила бы голову об косяк. Они довели меня до спальни и уложили в постель. Хотелось выглянуть в окно, посмотреть, как там Найт, но оно было так некстати заколочено! Перед глазами всё кружилось, то уплывало под мутную завесу, то возвращалось с ломящей болью. Я зажмурилась, прислушиваясь, но снаружи не доносилось ни звука. Хоть бы Найта не убили... из-за меня! С обычными людьми даже самые слабые из Сумеречников легко справятся, особенно когда их пятеро на одного.

«Послушай, я знаю, что я тебе не нравлюсь и это взаимно, — раздался в голове вкрадчивый голос. В темноте плотно закрытых глаз вспыхнул свет, и в его луче нечётким силуэтом обрисовался слуга Йордена. — Я тварей рубить мечтал, а не за сумасбродной девчонкой гоняться. Но это неважно. Важно то, что ты попала во власть демона. Он сводит тебя с ума, истощает, убивая волю. Если не вырвешься сейчас, останешься его рабой навсегда. Твой брат думает, что нам удастся тебя спасти, но сделать это сможешь лишь ты сама. Борись!»

«Я не хочу замуж за твоего хозяина».

«Думаешь, лучше быть замужем за демоном?»

«Он не демон. Даже если и демон, я его люблю. А он меня, я верю. Я вижу это в его глазах — его чувство подлинное. Может, мы чего-то о них не знаем. Может, они вовсе не хотят причинять нам вред. Ведь есть демоны, с которыми у нас мир. Думаю, Найт из таких. Он никогда меня не обидит и не заставит делать что-то против воли. В отличие от вас, Сумеречников».

«Какие же вы, бабы, дуры. Любовью вас помани, так вы и в пекло идти согласны. А нет её, любви, тем более у демона полумертвого», — досадливо сплюнул он и исчез.

Я провалилась в дурманый сон без сновидений.

Ребро ладони провело по щеке, и я словно очнулась от чар. Найт сидел рядом и улыбался. Немного потрёпанный и усталый, но живой! Преодолевая слабость, я крепко

обняла его и расплакалась.

— Они ушли и больше нас не потревожат, — успокаивал Найт, глядя меня по волосам.

На душе всё равно скребли кошки. Слуга вынудил засомневаться, когда сомневаться не хотелось вовсе! Я решила не мучиться и сказать напрямик:

— Ты лгал мне, ты демон. Человеческие мужчины не могут быть настолько хороши.

Он смотрел, не отводя ставших кроваво-красными глаз.

— А ты бы осталась, скажи я правду? — усмехнулся и облизал губы. — Люди называют нас Лунными Странниками, но истинное имя нашего племени акшар. Мы спим днём, а бодрствуем ночью. Благодаря крови умирающих животных, мы можем путешествовать по реке времени и жить вечно в царстве милосердной Тьмы.

Когда-то мы, как и холмовые шавки, заключили союз с рыцарями, только ваши воины постоянно нарушали перемирие и разоряли наши гнёзда. Наших сокровищ стало недостаточно, чтобы удовлетворять жадность ордена. Союз был разорван, и на нас объявили охоту, словно мы какие-нибудь неразумные варги.

Когда весь мой клан вырезали, я погрузился в летаргию. Твоя тоска, твоё одиночество, так похожее на моё собственное, пробудили меня к жизни. Твоя любовь дала мне силу. Да, вместо вина я пью кровь, а беспощадному солнечному свету предпочитаю ласковый лунный, но чувствую я так же и даже острее, чем люди. Сейчас ты можешь уйти, но можешь и остаться. Тогда я покажу тебе владения ночи, открою сокровенные тайны реки времени, проведу подземными тропами в вечный город Тьмы, где мы сможем быть счастливы вместе. Отдыхай. Я вернусь завтра после заката и приму любое твоё решение.

Найт ушёл.

Плакать больше не получалось. Опустошение резало воспалившиеся веки. В жилах липким комом вместе с кровью застывал страх. Всё, чему меня учили, говорило, что я должна бежать отсюда и бежать сейчас, пока светло. Но что-то держит. Безднадёжность. Я точно знаю, что будет там: замужество без любви, побои, унижения и лживые рассказы о доблести ордена.

Найт предлагает мне нечто новое. Если я рискну, возможно, обрету счастье или погибну, но это лучше, чем медленное увядание в неволе от ядовитого предательства моего племени.

***

Они обходили чёрный дом сбоку, прятались в клочьях тумана. Взбитый снег едва слышно скрипел под сапогами. План действий оставался для Вейаса загадкой — слуга отмахивался от вопросов и просил не отвлекать. Он крался, выставив клинок, за который так и не поблагодарил, кстати. Воспринял, как должное, будто равный, а то и выше. Если убрать нищенские обноски и этот затравленный взгляд исподлобья, то и смотреться слуга будет не в пример благородней, чем хозяин. Он часом не бастард кого из великих? Может, за какую провинность впал в немилость и скрывает своё происхождение?

Слуга замер посреди дороги, явно просматривая ауры, Вейас едва не налетел на его спину.

— Он её что, просто отпустил?! — бранясь себе под нос, слуга побежал обратно.

Как только они выглянули из-за угла, Вейас понял, в чём дело. Лайсве стояла перед

Йорденом посреди улицы. Смертельно бледная, она походила на привидение, но держалась, как и прежде, гордо. Нестерпимо захотелось её обнять и унести отсюда. Не уняв эмоций, Вейас бросился к ней. Зря. Лайсве назвала его предателем. Таким он себя и чувствовал. Плешивый шакалёнок ещё посмел на неё замахнуть. Сволочь!

Вейас опрокинул негодяя на землю, и они покатались, колотя друг друга. Кто-то кричал, дёргал за плечи, пытаясь оторвать от верещавшего, словно девчонка, Йордена, но Вейас ничего не слышал, не понимал из-за стучавшей в ушах крови.

Грохот оглушил. Вейас оторвался от Йордена, только чтобы увидеть, как Странник теснит Лайсве обратно к дому. Спихнулись уже все: наперсники взяли за оружие, Йорден поднялся и встал наизготовку, сам Вейас наставил клинок на демона. Только слуга лежал у стены заброшенного дома и встряхивал головой, пытаясь прийти в себя.

— Пятеро на одного — не слишком благородно для Сумеречников, не находите? Надо бы уравнивать шансы, — Странник хлопнул в ладоши.

Сероватая дымка словно породила тварей с головами летучих мышей. Они окружали ищеек плотным кольцом и сжимали его, заставляя сбиться в кучу, спина к спине.

— С мелкими сошками разберётесь сами, а палача оставьте мне! — скомандовал Странник и направился в сторону уже поднявшегося слуги.

Выглядел тот помято, с виска по щеке стекала струйка крови. Ух, и хорошо его приложило!

— Что, думал, так легко заманить меня в ловушку, отвлекая на более слабых противников? — усмехнулся Странник. — Я не такой простак, как те, с которыми ты сражался раньше. Скольких ты убил? Три дюжины или даже полсотни? Ты же смердишь нашей кровью. Ничего, я отомщу за всех!

Слуга обтёр щёку рукавом. Спина распрямилась. Рука крепко сжала эфес. Маска безразличия спала с лица, явив презрительно-ледяную ярость.

— Хашк эм леите, укюс-тене, — прошипел он на непонятном наречии.

Странник оскалился и, забыв про разговоры, кинулся на слугу.

Дальше Вейас мало что видел. Скопом налетели остальные твари, отделили друг от друга. Вейас отбивал сыплющиеся со всех сторон атаки. Серебряное оружие единственное наносило демонам раны, обжигая шкуры и обдавая запахом палёной плоти. Но у других товарищей такого преимущества не было. Вейас пытался достать до них телепатией, но в суматохе сконцентрироваться не получалось. Да и твари наседали так, что ни мгновения не было на передышку.

Пот застилал глаза. Воодушевление схваткой отступало, оставляя ломоту в мышцах, реакция замедлялась. Вейас достал парочку противников, если не убил, то хотя бы вывел из боя: одному отрубил лапу по локоть, второму проткнул грудь насквозь. Но места павших тут же занимали новые бойцы. Нужно было отступать, но направление определить не получалось из-за густеющего тумана.

«Правее! Увёртывайся! Бей снизу! — раздался в голове уже знакомый голос с командными нотками. После нескольких дельных советов Вейас полностью положился на него и сосредоточился лишь на ритме боя. — Уходи левее! Шустрее, и двигайся ко мне! Тут двое-трое только остались».

Несколько точных выпадов, и дорога расчистилась. Вейас бросился к темнеющему рядом силуэту.

— Идём, здесь чисто, — слуга схватил его за руку и потянул за собой.

Куда они бегут? Только багровый потёк на щеке слуги и получалось рассмотреть в тумане. Худой тулупчик порвался на плече. Торчащий из дыры мех темнел и набухал. Сырой воздух напитывался ржавым запахом крови.

— Попробуем зайти сбоку. Отражать умеешь? — слуга замер и обернулся к нему.

Вейас выпучил глаза. Отражение — высшая тайная техника высокородных телепатов. Даже Сумеречники с другими способностями ничего о ней не знали.

— Ясно, придётся самому, — по взгляду понял слуга. — Придумать бы, что сказать, чтобы она послушала.

— Я уже все доводы исчерпал, — Вейас сокрушённо вглядывался в белую мглу, силясь хоть что-то различить. — Почему ты помогаешь мне, а не спасаешь своего хозяина?

— Он был слишком далеко и вряд ли послушал бы меня без внушения. А ты мне жизнь спас: без твоего меча я бы от твари не отбился. Насколько же ловок этот фантом, раз смог обернуть мой план против меня?

Надо же, ударившись головой, он научился благодарить и даже составлять фразы длиннее трёх слов.

Впереди вырисовалась массивная чёрная стена, сложенная из огромных брёвен. Хоть что-то в этом мире осталось, кроме тумана. Слуга остановился и приложил к ней ладонь.

— Если опять нападут, не геройствуй, просто пихни меня, иначе оба тут ляжем, — распорядился он, прежде чем закрыть глаза и впасть в транс.

Вейас выставил меч, не зная, с какой стороны ждать атаки. Когда дыхание немного восстановилось, он снова почувствовал демонов. Они сгрудились вокруг трёх ищек. Один из них, судя по слабой, пульсирующей ауре, был ранен.

Парочка тварей отделилась и направилась сюда. Дотянуться до слуги Вейас не успел. Из непроглядной пелены тумана возник фантом, схватил его за горло и поднял над землёй.

— Расстраивать мою невесту вздумали? Передущу всех! — оскалился он.

Вейас захрипел, пытаясь не утонуть в плясавших перед глазами радужных бликах. Пальцы демона вдруг разжились и перехватили серебряное лезвие у самой груди.

— Я же говорил, не геройствовать. — Слуга выдернул меч обратно для нового удара.

Странник молниеносно подставил собственное оружие. Клинки скрестились и звякнули. Завязался поединок.

Вейас хотел помочь, но на него самого налетело сразу три твари.

«Надо уходить, здесь мы ничего не сделаем», — мысленный призыв пробился между взмахами меча.

Вейас попятился, откинув Странников на шаг назад. Глаза смотрели на демонов, чутьё тянулось к разросшейся грозовой тучей ауре слуги.

— О, кажется, одним стало меньше! — злорадно воскликнул Странник.

Обманным выпадом слуга выбил клинок из его рук и намеревался проткнуть, но тварь растворилась в сером облаке.

«Забираем остальных и уходим», — расталкивая подоспевших демонов, слуга побежал обратно.

Вейас следом, прикрывая его спину.

Слуга уверенно вёл к светлым огонькам человеческих аур. Они сгрудились вместе и вяло посверкивали вспышками родового дара. В тумане едва заметно обрисовались силуэты. Слуга побежал быстрее и вдруг замер. Вейас выглянул у него из-за плеча. Йорден сидел у тела своего рыжего товарища. Его помутневшие глаза смотрели в невидимое из-за туч небо.

Из шеи был выдрян огромный кусок плоти. Кровь вымарала с лица и задорные веснушки, и некрасивые оспины. Третий из ищеек единственный отбивался от Странников, но было заметно, что он едва держится от усталости.

— Ему не помочь. Уходим! — слуга потянул Йордена за рукав, но тот вырвался и снова припал к мёртвому телу.

— Дражен! Дражен! Вставай! Покажи, что ты ещё жив!

Вейас отвернулся и выхватил меч, чтобы подсобить сражающемуся товарищу.

— Я знал его с детства, он был моим лучшим другом, он столько раз меня выручал! — причитал Йорден. — Я обязан похоронить его достойно!

— Забудь о мёртвых. Фантом скоро вернётся. Самим бы ноги унести, — пытался увещевать его слуга. — Это же Кодекс ордена. Почему я единственный об этом помню?!

Слуга оглушил хозяина ударом по затылку, взвалил на плечи и потащил прочь. Вейас кивнул третьему, и они вместе отступили.

Когда миновали последний дом, туман поредел. Сквозь белёсые клубы проникли золотистые лучи закатного солнца. Прошёл целый день? В отсветах стало заметно, как бледнеет идущий рядом товарищ, зажимая рваную рану на боку. Вейас подставил ему плечо и подтащил поближе к слуге.

— Надо к целителю, срочно!

Тот, придерживающий бессознательного Йордена, кивнул.

Они снова завернули в город, в жилую его часть. Погони не было. Видно, попадаться людям на глаза Странники пока не желали. Определив направление по отпечатку ауры, слуга вывел их к неприметному домишке на отшибе с развешенными на крыльце пучками травы. Прежде чем они успели постучать, на порог вышла молодая, но очень сухая женщина. Белоснежный передник был повязан поверх бедного платья из тёмно-коричневого сукна. Строгий взгляд обвёл мужчин с плохо скрываемой тревогой.

— Сумеречники, — безрадостно выдохнула женщина и пропустила внутрь.

В единственной комнате на дощатом полу возились двое мальчишек. Старший строил пирамидку из камешков и веточек, а младший на коленках ползал рядом. Увидев незнакомцев, старший оробел и сжался. Младший, улучив момент, выдернул снизу камушек. Хлипкое строение рухнуло, и старший громко разрыдался. Младший настолько был увлечён своей находкой, что не обращал внимания ни на гостей, ни на плачущего брата.

— Норборг, хватит ныть! — прикрикнула целительница. — Бери Эглаборга и идите в свой закуток — у меня работа.

Потирая распухшие от слёз глаза, старший потянул брата в отделённый занавеской угол. Там они затихли.

Вейас неуютно передёрнул плечами. Женским способностям доверия мало. Какое тут врачевание, когда за сопливой мелкотой смотреть нужно? Но других целителей в округе не наблюдалось.

Женщина уложила раненого на кособокую лежанку, укрытую свежей простынёй. Руки запорхали над раной, полился речитатив целительного заговора. Когда кровь остановилась, женщина сняла с раненого рубашку и раздвинула стоящую рядом ширму.

Йорден пришёл в себя и первое время сидел на полу, бестолково глядя в потолок, а потом подскочил и накинулся на слугу:

— Ты же сказал, что мы справимся!

— Я сказал, что мы справимся, если будем вести себя разумно, — слуга развёл руками и

тут же схлопотал знатную оплеуху.

Он не шелохнулся, только взгляд стал пустой, а глаза почти прозрачные, будто через воду горного ручья смотришь.

— Ты должен был следить, чтобы никто не погиб. Мы на тебя надеялись. Ты виноват, ты! — орал Йорден так, что закладывало уши.

Но ведь он же даже не Сумеречник, битвы с демонами — не его забота! Да и в Кодексе, который наставники вдалбливали всем высокородным так, что его и ночью можно было процитировать, сказано: помогай во время битвы другим, но полагайся только на себя. Впрочем, слуга вполне мог защитить и Дражена, и его раненого товарища, только предпочёл поговорить с Лайсве. Зачем из кожи вон лез ради чужой невесты?

— Не кричите, он уснул, — таким же строгим тоном, как выговорила сыну, целительница укорила Йордена, выглянув из-за ширмы. — Потерял много крови, но если удастся избежать заражения — жить будет. Кто следующий, вы? — она покосилась на пропитавшуюся кровью одежду слуги.

Как он на ногах держится с такими ранами?

— Я не буду за него платить! — презрительно бросил Йорден. — Пускай подышает под забором, как собака. Он только этого и заслуживает.

Женщина упёрла руки в бока.

— Я не могу оставить раненных без помощи. Если я нарушу священную клятву целителей, боги отнимут дар и у меня, и у моих детей. Я готова лечить вас бесплатно.

— Не стоит беспокоиться, добрая госпожа, на мне и заживает, как на собаке, — будто извиняясь за глупость Йордена, улыбнулся слуга.

Вейас не смог больше выносить это унижение:

— Подлатайте его, я заплачу.

Женщина увела слугу за ширму. Йорден буравил затылок Вейаса негодующим взглядом. Вскоре слуга появился с перевязанными белой материей плечом и головой. Целительница вручила ему туесок с мазью и какие-то травы. Второму, сказала, придётся задержаться тут на пару недель, прежде чем он сможет встать на ноги.

Разумно. Да и судя по тому, насколько лучше выглядел слуга, со своими обязанностями женщина справилась достойно. Вейас отсчитал установленную орденом пошлину за лечение одного раненого, накинул ещё пару медек и со словами благодарности вложил в раскрытую ладонь целительницы.

— А я платить не буду. Раз долг-клятва, пускай всё за так делает, — Йорден сложил руки на груди.

Губы женщины сжались в тонкую полоску. Не было в целительнице подобострастия простолюдинов, она знала орден изнутри, не боялась и не восхищалась. Смотрела разочарованно и бессильно. Теперь Вейас понимал значение её безрадостного вздоха во время приветствия.

— Ну чего? — выкрикнул Йорден, затравленный тяжёлыми взглядами. — Да плевать, что у неё дети малые голодными останутся. Нечего было голытьбу рожать!

Вспомнилось, как Вейас вот так же обирал и обманывал селян. Сестра, должно быть, видела его таким же мерзким, жадным и отвратительным, каким он сейчас видит Йордена. Вейас полез в кошель дрожащими руками. За двоих обычно дешевле обходится, но... плевать! Он обсчитался, кажется, не в свою пользу. И мало, очень мало осталось, но нет... если такими крохами можно откупиться за то, что он творил раньше, то пускай хоть всё

заберут. Он не будет таким, как Йорден. Никогда!

Целительница не взяла ни одной лишней монеты и, осенив их знамением божественной воли, проводила на улицу.

— Добрые духи вам в помощь, — бросила она с порога и ушла заниматься домашними делами.

По дороге на постоялый двор Йорден пытался стребовать возмещение ущерба от потери Дражена. Надо же, оценил жизнь «лучшего друга» в несколько золотых. Если бы у Вейаса были эти деньги, то он швырнул бы их Йордену в лицо.

На постоялый двор пришли глубокой ночью. Хозяин, заспанный, в пожелтевшей от старости рубахе и несуразном красном колпаке, понося их забористой бранью, отпер лишь через десять минут. Не обращая на него внимания, они поднялись в комнату ищек.

— Что стал, кулёма? Быстрее вещи собирай. Не хочу больше ни часа задерживаться в этой дыре! — с порога понукал слугу Йорден.

— А как же твой раненый товарищ и моя сестра? Как же твой друг Дражен, неужели ты не хочешь за него отомстить? — удивлённо моргнул Вейас. — А весь этот город? Если мы не остановим Странников сейчас, к приезду другого отряда Сумеречников здесь камня на камне не останется.

Йорден презрительно скривился:

— Что Дражену дела живых, когда он уже на том берегу? А я хочу остаться на этом. Город и без того вымрет рано или поздно — ничего в таком гиблом месте не приживётся. А уж до сумасшедшей потаскушки, соблазвившейся на вшивого демона, мне и вовсе дела нет.

Вейас сжал руку в кулак, чтобы расквасить его самодовольную рожу. Но слуга опередил. От удара по лицу Йорден полетел на пол, взмахнув руками.

— Ты чего?! Ты не должен! Я всё расскажу отцу. Можешь распрощаться с местом в ордене навсегда! — проскулил Йорден, сплёвывая кровь с разбитых губ.

— Как будто оно мне когда-то светило, — безразлично отмахнулся слуга. — Я хочу защищать людей и убивать демонов, а не прислуживать трусам и подлецам. Ваша невеста не виновата в том, что к ней привязался Странник — на её месте могла быть любая. А в смерти Дражена, если уж на то пошло, виноваты те, кто не научил его сражаться и помнить, что сегодня ты охотник, а завтра жертва. Это сказано в вашем красивеньком и благородненьком Кодексе, который, как оказалось, всего лишь слова на бумаге.

Он замолчал, переводя дыхание, и повернулся к Вейасу:

— Идём к твоим друзьям-туатам. У меня есть запасной план. Либо убьём гада, либо сами сдохнем.

Вейас кивнул, злорадно поглядывая на растерявшего всю спесь Йордена. Очень хотелось пнуть его сапогом напоследок, но лежачих не бьют.

— Ну и валите! — крикнул шакалёнок, с трудом поднимаясь на ноги. — Пускай демоны и вас сожрут, Мидгард только лучше станет! А ты, цыплёночек, не надейся, что эта сволочь будет служить тебе верой и правдой. Он всех предаёт!

Вейас не выдержал и всё-таки сжал его голову телепатическими клещами. Не сильно, просто чтобы заткнулся.

Глава 18. Украденный поцелуй

Вейас сомневался, что туаты пустят его во дворец с чужаком, который «смердит пролитой кровью демонов». Но привратники без лишних вопросов провели их в гостевой покой. Вскоре явилась Эйтайни и проверила их раны: осмотрела повязки, поводила над ними руками, шепча заклинания, но работой целительницы осталась довольна.

Когда она собралась уходить, Вейас последовал за ней в коридор:

— Ты ошиблась. Суженый Лайсве сбежал отсюда, стоило Страннику обнажить клыки.

— Я никогда не ошибаюсь, — снисходительно покачала головой принцесса, бросив короткий взгляд на дверь, и скрылась за поворотом.

На следующий день их проводили в тронный зал. Вместо Ниама на мраморном троне восседала Эйтайни, чьи плечи укрывал отороченный соболиным мехом плащ. Зелёными кристаллами посверкивал на голове серебряный венец в виде переплетённых цветков вереска.

Ярусы ступеней у стен полностью занимали туаты, большинство из них были вооружены короткими мечами или луками. Вейас оробел под их враждебными взглядами, а вот слуга держался гордо, уверенно, даже виду не подавал, что был серьёзно ранен накануне.

Эйтайни пригласила их к деревянной трибуне. Вейас пропустил слугу, чтобы тот сам поведал свой план.

Он предлагал сразиться с фантомом внутри иллюзорного мира, который тот создал для Лайсве. Во время новолуния он попытается окончательно её обратить — тогда он будет наиболее уязвим, а Лайсве сможет увидеть его истинную суть и сама лишит силы. Это последний и единственный шанс её спасти.

— Разумный план, — взяла слово Эйтайни, обхватив ладонями подлокотники трона в виде бараньих голов. — Именно это пытался сделать мой отец, но у него ничего не вышло. Почему ты думаешь, что у тебя получится?

— Ваш отец не ненавидел их так, как я, — не смущаясь ни перед толпой, ни перед монаршей особой, ответил слуга. Словно и сам был королевских кровей.

После долгих объяснений и споров туаты всё же согласились. Новолуние наступало через четыре дня. Достаточно времени, чтобы зализать раны и подготовиться к битве, но слишком мало, чтобы расслабиться и потерять бдительность. А пока Вейас уговорил слугу на несколько тренировочных поединков. Хотя и совсем чуть-чуть, но успел понаблюдать за его мастерством. Ни в какое сравнение с тем, как дрались подкупленные отцом поединщики или даже рыцари на турнирах: ловко, с воображением и нечеловеческой выносливостью. Так хотел научиться и Вейас, не напоказ, а по-настоящему, чтобы в следующий раз ни перед кем не унижаться и защищать сестру самому.

Им выделили просторный зал, сырой из-за бьющего из стены водопада и слабо освещённый тонкими прожилками зелёного кристалла. Не считаешь, конечно, но для тренировки сойдёт.

— У тебя слишком напряжённая стойка. Противоположную от руки с мечом ногу выставь вперёд, а вторую согни в колене. Так ты сможешь двигаться намного быстрее, — наставлял слуга. — А теперь вращай лезвие перед собой. Пока ты так делаешь, никто сквозь твою защиту достать не сможет, только со спины.

— Я знаю азы. Может, уже начнём бой? — проворчал Вейас, становясь в нужную позицию.

Слуга безразлично кивнул.

Впервые в жизни Вейас настолько выкладывался. Очень хотелось победить, хотя бы не

опозориться, но слуга словно предугадывал все удары и отражал их играючи. Он ни разу не сделал атакующего выпада, почти как отцовские поединщики. Разозлившись, Вейас стал неаккуратен и принялся безрассудно рисковать. Замахнулся слишком резко, а когда противник вместо того, чтобы отбить, ушёл в сторону, Вейас потерял равновесие и припал на колено.

— Спокойно! — усмехнулся, протягивая руку, слуга. — Ярость, конечно, прибавляет сил, но когда она затмевает разум, твоё собственное оружие оборачивается против тебя.

Вейас не принял помощи и поднялся сам.

— Может, обойдёмся без доморощенной мудрости?

Слуга снова безразлично повёл плечами:

— Если тебе так отчаянно нужно победить — скажи, и мы покончим с этим намного быстрее.

— Просто научи меня... — сражаясь с собой, попросил Вейас. Ради сестры...

Слуга показывал детские приёмы: исправлял стойку, до десятого пота заставлял повторять замахи, пока они не стали достаточно отточенными. Лишь после этого они перешли к одновременным движениям рук и ног, позициям, в которых лучше удавалось удерживать равновесие и двигаться быстрее.

Когда мышцы заломило от усталости, а ноги уже не держали, от падения спасли служанки-туаты. Принесли обед. Вейас со слугой уселись на полу, скрестив лодыжки, и обмакнули куски печёного мяса в медовый соус.

— Чесночку бы... или хрена, — покривился от приторной сладости слуга. — Всё у этих демонов не как у людей.

Вейас припал к кружке холодного молока и опорожнил её, не замечая вкуса. Бешено колотившееся сердце никак не хотело униматься, а дыхание — восстанавливаться. Чувствовалось, как лицо пышет жаром.

— Силёнок у тебя маловато и выносливость ни к демонам. Гибкость и реакция хороши, но на них одних долго не протянешь, — снисходительно покачал головой слуга, отправляя в рот очередную порцию мяса и облизывая пальцы. — Скажи, тебя ведь, как и всех, учили наносить удары только в равномерном ритме?

— Это помогает дольше сохранять силы, — усталость смыла спесь, хотя вопрос показался глупым.

— Да, но делает выпады предсказуемыми. Рванный ритм вымотает противника намного быстрее.

Вейас поинтересовался с вызовом:

— Почему ты показываешь только очевидные вещи, а победоносные приёмы скрываешь? Боишься, что кто-то сможет тебя обскакать?

Слуга чуть не покатылся со смеху.

— Никаких секретных приёмов нет. Всё, что я умею — азы и «доморощенная мудрость» вашего Кодекса, а дальше только интуиция и воображение. Мастерство не даётся легко. Это результат изнурительных тренировок, дисциплины, наблюдений и опыта, пота и крови.

Вейас уставился в пол. Если это правда, значит, мастерства ему не обрести. Усидчивость и трудолюбие никогда не были среди его сильных сторон. Если бы только нашёлся лёгкий путь.

«Лёгкие пути ведут в никуда. Успеха добиваются лишь упорством», — слышался шёпот слуги уже внутри головы.

— Чужие мысли читать запрещено, кроме крайней нужды, — огрызнулся Вейас и достал из опустевшей больше чем наполовину миски кусок мяса.

— Сумеречникам запрещено, но я-то клятвы не давал, — хохотнул слуга.

Он отставил миски, взял меч и принялся упражняться сам. Вейас наблюдал с завистью, как легко слуга двигался. Клинок со свистом рассекал воздух, нанося сокрушительные удары по незримому врагу. Ноги перетекали из одной позиции в другую, словно в танце. Меч жил в руке её продолжением. Нет, такой мастерской техники Вейасу никогда не добиться, но можно попытаться стать чуть лучше ради сестры.

***

Четыре дня пролетели в одно мгновение. Выдвинуться решили с началом сумерек. Большой отряд туатов должен был отвлекать мелких сошек, пока Вейас со слугой попытались бы проникнуть внутрь чёрного дома. Если всё пойдёт по плану, уже к утру сестра будет в безопасности, а Странники отправятся по Сумеречной реке в ледяную Преисподнюю.

Ночь на севере наступала быстро, поэтому действовать приходилось стремительно. Когда багровое солнце только-только покатилося за море на западе, отряд уже переступил границу мёртвой окраины. Из-за домов накинудись твари с головами летучих мышей. Туаты сомкнули строй и ошестинились копьями с серебряными наконечниками, тараном пробивая путь к чёрному дому. Странники на рожон бросаться не желали, а просто шли следом. До места добрались, когда на тёмном небосводе уже можно было разглядеть яркую россыпь звёзд и тонкорогий серп новорождённого месяца.

«Пора», — шепнул слуга. Вейас положил ладонь на эфес.

Туаты пропустили их из середины строя вперёд, продолжая отгонять Странников. Мелкими сошками, скорее всего, руководил фантом, а он-то знал, от кого исходила наибольшая опасность. Стоило выдвинуться из строя, как твари напали, пытаясь смять туатов и сквозь них добраться до людей. Парочке демонов удалось проскользнуть, но прижавшиеся спина к спине Вейас и слуга смогли оттеснить их обратно. Взбежали на высокое крыльцо. Мелькнула ещё одна тень, Вейас ударил клинком наотмашь.

— Живее! Мелочь оставь туатам! — прикрикнул слуга.

Он с трудом приоткрыл дверь на небольшую щель и протиснулся в дом. Запахло кровью. Должно быть, у слуги от натуги открылась рана. Вейас шмыгнул внутрь, и дверь затворилась.

— Зажигай свечу, — скомандовал слуга, а сам привалился к косяку. — Эта тварь опять на шаг впереди нас — защитные заклинания повсюду. Дальше снимать их будешь ты, иначе у меня не хватит сил вытащить твою сестру.

— Ты бы мог позаимствовать мои, — предложил Вейас.

— Ты умеешь их передавать? — с удивлением хмыкнул слуга. Захотелось сказать, что не такой уж он и слабак, но Вейас на самом деле только слышал об этом.

— Я бы попробовал, — упрямо ответил он.

Не задерживаясь, они двинулись вверх по лестнице. Вейас впереди, освещая путь и готовясь принимать удары, обычные и магические, на себя. Дом глушил звуки битвы снаружи. Стоял чёрной неподвижной безмятежностью, как утёс посреди извечного океана. Ни шороха, ни затхлого запаха спёртого воздуха, ни пылинки, ни паутинки, движения — и те

только пламени свечи, да шаги, не отдающиеся звуком в мертвецкой тишине. Сердце тревожно ёкало в груди. Вот-вот из-за угла накинется что-нибудь жуткое.

Слуга потянулся за мечом, Вейас сделал то же. Надвигалась демоническая аура. Клинок наполовину освободился из ножен.

«Одна из жён фантома. Они не опасны», — успокоил его слуга и убрал руку с оружия. Беззвучно промелькнула полупрозрачная горбатая тень.

«Ещё две. Только не вспугни, иначе поднимут тревогу, — слуга преградил дорогу рукой. Огонёк свечи задрожал, и ещё две тени проскользнули мимо. — Путь свободен!»

Лестница закончилась. В тёмном коридоре на втором этаже накатила жуть. Вейас припал спиной к стене и тяжело задышал, как будто горло сжала невидимая рука. Сознание завлакивало зыбким туманом, заставлявшим забыть, кто он и зачем сюда пришёл. Хотелось упасть недвижимой кучей и уснуть. Навечно.

«Слушай мой голос и борись, — отзвуки чужих мыслей зудели, не давали провалиться в дрему. — Это ритуал фантома. Он тянет твою сестру в мир грёз, а через него в мир вечной ночи, мир неживых. Идём, ты нужен мне в здравом уме, иначе твоя сестра станет такой же тенью, как и те, кого мы тут видели».

Лайсве! Вейас вытянул из памяти её образ, хрупкий и нежный, как цветок на снегу. Выкарабкался из забытья и последовал за истончающимся огоньком свечи.

«Давай, — слуга замер у знакомой двери. Аура Лайсве истаяла. Вейас не чувствовал её даже так близко. Неужели они опоздали? — Не медли. Она просто в трансе».

Вейас со всей силы толкнул дверь, готовясь к худшему, что его отбросит от невидимого барьера или нападут мелкие Странники, но ничего не произошло. Дверь легко отворилась, и Вейас ступил внутрь. Кровать со смятыми простынями и отброшенным одеялом пустовала. Он ошалело оглядывался по сторонам. Где Лайсве? Может, слуга ошибся? Это конец!

«Это только начало!»

Мертвецкую тишину пронзил истошный вопль. Не стихал, грозил разорвать голову. Оглушённый, Вейас чуть не рухнул. Мимо проскочил слуга, схватил простынь и дёрнул его за плечо, чтобы вывести из ступора.

— Скорее, нужно стянуть её оттуда, — уже в голос позвал слуга, указывая вверх.

Вейас проследил за его взглядом и ахнул. Лайсве висела под потолком в углу над кроватью. Держалась там непонятно как, выгибалась всем телом, словно в припадке, и кричала непереносимо жутко. Голос медленно затухал. Слуга присел. Вейас вскарабкался к нему на плечи, и тот с кряхтением поднялся. Плавно, чтобы Вейас не потерял равновесие и не рухнул. Он с трудом достал до сестры и, накинув ей на лодыжку связанную из простыни петлю, потянул. Лайсве снова закричала и дёрнулась. Вейас не удержался.

— Почему я не телекинетик? — досадовал слуга, перехватив его за талию. Теперь тащили вместе. Лайсве цеплялась ногтями за стену, оставляя на ней глубокие борозды. — Не жалей! Лучше потрёпанная, но живая!

После долгих мытарств, она оказалась внизу, но продолжала отбиваться. Вейас никогда не думал, что в её тщедушном теле сокрыта такая сила. Слуга скрутил её простыней:

— Неси ещё что-нибудь. Нужно, чтобы она лежала смирно!

Они спеленали её по рукам и ногам. Только тогда Лайсве перестала вопить. Оба бессильно опустили на пол. Как будто с полчищем Странников сражались, не меньше.

— Если можешь передать мне силу, делай это сейчас, — слуга пришёл в себя всего за два вдоха, а вот Вейасу понадобилось гораздо больше времени. Он взял слугу за руку и

постарался сосредоточиться.

— Я знаю: не геройствовать и будить сразу, если станет худо, — сказал напоследок.

Слуга помотал головой:

— Нет, на этот раз всё или ничего.

В глубине сознания Вейас нащупал источник непоколебимого спокойствия и силы, что даровала его роду стихия ветра. Представил, как тоненькой струйкой голубое сияние переливается в ладонь, а оттуда в слугу. Ради Лайсве. Только ради неё.

— Помоги нам, брат Ветер!

***

После ухода Найта я не поднималась с кровати. Думала о нём, считала часы до нашей встречи. Шли дни под неусыпной опекой молчаливых тётушек. Я изводила себя ожиданием, отказывалась от еды и даже ото сна. Бредила Найтом.

Он явился только на четвёртый день точно с заходом солнца. Печально улыбался и гладил по волосам. Молчал. Я заговорила сама:

— Я согласна. Лучше смерть, чем жизнь в клетке.

Его улыбка стала шире, тёплой и радостной. Я радовалась вместе с ним робким поцелуям и томительному ожиданию счастья.

Найт на руках вынес меня из дома и доставил к заброшенному кладбищу манушей, тому самому, что напугало меня жизнь назад, когда мы ехали в город вместе с братом. Теперь оно не казалось мне ни страшным, ни мрачным. Была в нём таинственная грация безмолвных каменных плит с лёгким ароматом чертополоха и тлена.

Мы остановились у одного из обветшалых склепов, выделявшихся на фоне белого снега помпезным каменным кружевом.

— Проход в мой мир скрыт внутри. Ты должна войти по своей воле, — Найт поставил меня на ноги и одним прикосновением отпер увесистый замок.

Там действительно что-то было. Я ощущала это даже несмотря на истощение и усталость. Оно манило загадками, предвкушением того, чего ни с кем ещё не было и не будет никогда. Я шагнула за порог, в мир вечной ночи. Здесь было затхло. Пол испещряли желобки с глубокими лунками в центре гексаграммы. На стенах заклинания на доманушском языке. Найт надрезал своё запястье и, приложив его к выступу на стене, попросил меня сделать то же. Я повиновалась. Когда кровь попала на камни, на месте гексаграммы образовался колодец. Найт снова поднял меня на руки и прыгнул вниз. Над головой сомкнулась крошечная тьма.

Я очнулась посреди огромного зала, освещённого множеством свечей. Вокруг — обитая пурпурным бархатом мебель. Стол ломился от изысканных яств. В камине полыхал огонь. На огромной двуспальной кровати приветливо отогнут балдахин. Дома я никогда не ценила богатую обстановку и удобства, а проведя столько времени вдали от них, соскучилась. Забыв о слабости, я подошла к столу, отщипнула ягоду от грозди винограда и положила в рот. Невероятное наслаждение. Никогда ещё не чувствовала так остро.

Найт смотрел на меня со всей любовью и страстью, на которую только способен мужчина. Его ласковый голос, мягкие поцелуи, нежные прикосновения околдовывали меня, лишая осторожности и стыда. Я отдавалась ему самозабвенно, хотя чувствовала, что руки

становились холоднее, а поцелуи жёстче. По коже щекоткой прошлись клыки, впились в шею, посылая по телу шоковую волну.

— Брат мой, Ветер, помоги! — услышала я свой звонкий голос.

Мощный порыв ветра разбил окно. В зал хлынуло голубое сияние. Никогда не видела его настолько ярким. Внутри обозначился силуэт громадной кошки. Мой зверь! Как я могла тебя забыть?!

Но тьма уже выжрала меня без остатка, превратив в жалкое, безвольное существо. В крови бродил яд, я не могла даже пошевелиться. Голова налилась тяжестью, разум затуманился, и уже не хотелось ничего. Только уснуть вечным сном и видеть сладострастные грёзы о любви, которой не было и быть не могло.

«Отринь тьму, которой тебя отравили, — заговорил зверь внутри моей головы. Впервые! — Нетореный путь тернист и полон ловушек. Не сдавайся на волю лиходеев. Услышь мой глас, следуй за ним, как за путеводной звездой на север. Вспомни, кто ты есть и зачем сломала свою судьбу. Неужели ради этого?»

От удара когтистой лапы Найт отлетел в сторону.

«Борись! У тебя больше сил, чем ты думаешь. А если их не хватит, я поделюсь своими. Ты не падёшь жертвой интриг низших тварей. Ты важна, ты была рождена для большего!»

Горящая рыжим морда надвинулась на меня и прошлась по лицу шершавым языком. Как будто с головой окунуло в ледяную воду. От резкой боли пелена спала с глаз, и я наконец прозрела. Вокруг оказалась всё та же комната с заколоченным окном. Я никуда не уходила — лежала на кровати, впечатавшись в перину, и жадно глотала ртом воздух. Зверь пропал. Только Найт сражался с кем-то невероятно сильным. Но то был всего-навсего человек!

— Теперь ты видишь? — выкрикнул слуга, я узнала голос. — Видишь, во что ты вляпалась, принцессочка? Видишь, во что эта тварь превращает таких, как ты?

Я обернулась. Яркий свет прогнал тень даже из дальних углов. К стенам жались бледнокожие создания: лысые, морщинистые, сгорбленные, с выпавшими зубами и бесцветными слепыми глазами. Из них словно выпили всю жизнь, а оболочку сохранили, чтобы посмеяться над жалким существованием. Они колотились то ли от немоги, то ли от страха. На шеях были заметны шрамы от клыков: застарелые, синие, распухшие, как будто к ним прикладывались не один раз.

— А теперь взгляни на того, из-за кого ты хотела обречь себя на вечные муки.

Слуга ударил Найта под дых, схватил за плечи и развернул ко мне лицом. Я забыла, как дышать. Он был не просто уродлив, он был... огромным нетопырем со свисающими до подбородка жёлтыми клыками, кончики которых атели от крови. От моей крови! Вокруг плащом клубился непроницаемый чёрный туман.

— Ну как, хочешь быть его пищей?

— Нет, — простонала я.

Нетопырь дёрнулся и прохрипел:

— Внешность ничего не значит. Тот демон, что сидит в этом палаче, намного страшнее всех моих сородичей вместе взятых. И ты это знаешь!

Я словно наяву увидела, как под рубахой слуги копошатся угольные змеи, глаза становятся разноцветными, а плечи укрывает белоснежный плащ. Нет, это все лишь иллюзия мерзкого демона!

— По крайней мере, я не пью жизнь из невинных девушек! — слуга ухватил Найта за горло и снова обратился ко мне: — Ну же, говори, желаешь остаться здесь с ним навечно?

— Нет! — ответ был у меня на устах прежде, чем он успел закончить. — Я выйду замуж за твоего хозяина, только забирай меня отсюда!

— Слишком поздно, — хмуро бросил слуга и переломил Найту шею.

Мне сделалось дурно. Мир снова погрузился во тьму.

***

Я очнулась от грохота и воя. Было темно, только в щели пробивались отблески ослепительных вспышек. Голубое свечение заполняло собой тьму, пожирало её. Стало трудно дышать. Воздух искрил, напиткиваясь странной, но все же давно знакомой силой. Я чувствовала себя былинкой, застывшей перед гигантским штормовым валом. Вот-вот накроет, сметёт и мокрого места не оставит. Я сжалась у стены и испуганно заскулила. Тёплые руки притянули к себе. Обволокло родной аурой, понятными и столь желанными нежными эмоциями. Тоненькая пуповина близнецовой связи восстанавливалась. Я цеплялась за неё ладонями, пытаюсь выбраться из когтей ужаса и безумия.

— Тише, всё уже закончилось. Теперь мы снова вместе, — шептал брат. Я обмякла в его объятиях. Страх уходил, а мгла вокруг рассеивалась, как ночной кошмар.

Раздались гулкие шаги. Заскрипела дверь. Комнату осветил факел в руках у невысокого бледного воина. Приглядевшись, я различила вышивку в виде цветущего вереска на его накидке. Туат — эхом отозвались воспоминания из прошлой жизни.

— Это невероятно! — взволновано затараторил он, размахивая свободной рукой. — Гроза посреди ясного неба. Зимой. Молнии испепелили всех Странников до единого, будто сами боги встали на нашу сторону!

— Скажете тоже, боги. Хотя... — послышался от окна низкий голос слуги. — Было что-то странное перед моей схваткой с фантомом. Словно кто-то уже лишил его большей части силы.

— Тихо, вы пугаете её! — укорил их Вейас, баюкая меня, как ребёнка. — Если хотите что-то обсудить, проваливайте за дверь.

Туат потупился. За его спиной уже толпились соплеменники, обжигали любопытными взглядами. Я так чётко видела их перевитые фиолетово-сиреневыми прожилками ауры, что аж в глазах рябило. Вейас и слуга... они буквально набухли голубым свечением, сгустки алого под ним размечали раны на теле, учащённая пульсация обозначала не успокоившееся после схватки сердцебиение. Странно. Раньше я никогда не видела ауры чётко, а теперь могла читать их слой за слоем. Неужели открылся дар? В голове звучали слова зверя: «Ты важна, ты была рождена для большего!» Был ли это бред воспалённого разума, или зверь в самом деле говорил со мной? Может, он бы подсказал, где искать другую судьбу, но Вейас дал обещание, а против него даже зверь бессилён.

Я всмотрелась в лицо брата. Он выглядел потрёпанным, измождённым. У правой скулы расплывался синяк, на плече рана ещё не до конца затянулась. Бедный! Это всё из-за меня?

Туаты сыпали вопросами о моём самочувствии. Пришлось долго и нудно заверять доброжелателей, что сводить счёты с жизнью я не собираюсь. Усталость брала своё: тело ломило, а голову всё туже стягивало тисками боли. Я мысленно попросила Вея выпроводить всех. Остался только слуга. Он стоял возле окна, держа в руках догорающую свечу. Огонь причудливо преображал его профиль в кого-то знакомого. Может, и правда? Не-е-ет!

— Когда мы отправимся домой? — с горечью спросила я.

— Когда пройдем испытание, — улыбнулся Вейас.

— Ты ведь обещал отдать меня Йордену.

— Он сбежал.

Я повернула голову в сторону слуги. Так вот что он имел в виду. Но зачем тогда рисковал собой?

— Потому что спасти глупых принцессок моё любимое дело, — не скрывая, что прочитал мои мысли, ответил слуга. — А теперь вынужден вас покинуть, надо искать нового хозяина.

Я чувствовала, что он ранен и истощён даже сильнее, чем Вейас. От кого он бежит?

Слуга уже стоял у двери, когда брат остановил его.

— погоди. Ты заслужил награду.

— Какая награда? У вас же ничего нет.

— Наш отец богат. Я напишу бумагу, в которой попрошу выплатить тебе сотню золотых за спасение сестры. Может, он и в орден устроит, на правах оруженосца или...

Слуга громко хохотнул:

— Ваш отец меня на порог не пустит или велит высечь за то, что посмел явиться пред светлыми очами. Если хотите наградить, сделайте это сами.

— Я отдам всё, что у нас есть, только попроси! — заверил брат.

Когда это Вей стал таким щедрым? Что он пытается доказать? Ясно же, что слуга не из-за награды в пекло полез.

— От тебя мне ничего не нужно, — он уставился на меня, будто бы я одним своим видом наносила ему оскорбление. — Не ты втравил нас в эту заварушку, а твоя сестра. С неё и награда — поцелуй.

Сама предсказуемость. А вот Вейас зачем-то округлил глаза:

— С ума сошёл?! Кто ты, а кто она!

— Пять минут назад она готова была отдаться плешивому демону, а теперь не сможет наградить меня одним поцелуем? — Издевается? Проучить хочет? Ну-ну. — Нет? Тогда зачем речи о награде ведёте? Дети!

Он уже сделал шаг за порог, когда я окликнула его:

— Подойди.

Слуга обернулся и вскинул брови. Вейас нехотя уступил место на краю постели. Сев рядом, слуга подставил щетинистую щёку.

— Я жду.

Взглянув в его холодные стальные глаза, я прикоснулась к ней губами. Мысленно произнесла: «Маленький подарок — от меня не убудет, так и знай». Он обхватил мою голову ладонями, развернул к себе и впился в приоткрытый от удивления рот. Я обомлела, столько было в его движениях уверенной, ломающей сопротивление, хищной силы, но вместе с тем и трепетной, почти болезненной нежности и отчаяния.

— Что ты себе позволяешь?! — воскликнул Вейас.

Слуга отпрянул прежде, чем я успела укусить, а мой брат ударить. Смерил свинцовым взглядом.

— Как я и думал, поцелуй принцесски ничем не лучше поцелуя деревенской потаскушки. Не такие уж мы и разные. Ну, прощайте, дети! Надеюсь, свой урок вы запомните.

Я прижала руку к распухшим губам. Он пошёл к двери, смахнув с себя Вея, который кинулся на него с кулаками.

— Как твоё имя? — спросила я в последний миг.

Он обернулся. В жестоком, высокомерном взгляде промелькнула тень удивления. Лоб прорезала продольная морщинка, словно слуга и сам не мог вспомнить своего имени, так редко его об этом спрашивали.

— Микаш Остенский.

— Микаш, — повторила я.

«Подвиг Великого Микаша. Я сберегу его в памяти навсегда. Это будет тебе лучшей наградой, чем украденный поцелуй».

Он ссутулился и спешно зашагал прочь, как побитая дворняга.

Глава 19. В пещерах спят медведи

1527 г. от заселения Мидгарда, Урсалия, Латия

Микаш шёл сквозь безветренную ночь, удивительно сухую и морозную после бури. Воздух пах сладостью грозы. На плече горела рана, зыбкое марево плескалось в голове. После расставания с принцесской и её братом Микаш решил вернуться к целительнице. Мальчишка дал ей столько денег, что она вполне могла помочь ещё раз. Если нет, то он попробует уговорить её в обмен на услуги или... Попытка не пытка.

На город уже опустилась тьма, но окна в хижине на отшибе до сих пор не погасли. Микаш постучал. Раздались мерные, полные достоинства шаги. На пороге показалась целительница со свечой в руках. Микаш не успел ничего сказать, как она расстроено выдохнула:

— Сумеречники!

Пригласила внутрь, усадила на кушетку, сняла с него рубаху и осмотрела рану, недовольно цокая языком.

— Я не Сумеречник, а просто так... дворняга.

Опустил взгляд и судорожно выдохнул. Целительница омыла рану водой.

— Сумеречник не тот, кто давал клятву и носит церемониальную причёску. Неужели ты не понял?

Он изучал пол. Навалилась тяжесть принятых сторяча решений. Обратного пути нет. Только обгоревшее письмо осталось от детской мечты. Но может так правильной, а то бы духу не хватило порвать с прошлой жизнью.

— Эглаборг! — позвала целительница сына.

Он возился на расстеленном на полу одеяле вместе со старшим братом. Мальчик послушно поднялся и заковылял к матери, с трудом ещё удерживая равновесие на ногах. Брат смотрел на него с плохо скрываемой завистью.

— По законам унаследовать мой дар должен был мой первенец, но он даже по натуре не целитель. Нет у него в крови огня, жажды познания и сочувствия каждому живому существу. — У старшего и вправду аура была тусклой, почти обычной. Пропущенный родовым даром — стыд и жалость для любого Сумеречника. — Взгляни на младшего, он — моя гордость. Такой кроха, ходит с трудом и почти не говорит, а уже тянется за знаниями и ладошками пытается унять мою усталость и уныние.

Младший улыбнулся широко и открыто, так, что проняло даже сквозь очерствение и истощённость. Он протянул матери руку. Она приняла её и, соединившись с ним аурами, усилила свой дар. Длинные гибкие пальцы свободной руки затрепетали, сплетая из свечного пламени тонкую нить. Она связывалась в сеть, ритмичный напев стягивал ячейки плотнее, опаяя повреждённую плоть. Становилось душно. От ноющей боли кружилась голова и слипались глаза. Целительница всё колдовала и колдовала, орудуя пальцами, как паучьими лапками. Её голос набатом отдавался в висках, пока не опрокинул за грань.

Микаш проснулся, когда в окно било яркое солнце. Лежал на той же кушетке, отгороженный от остального помещения ширмой. Рядом возились дети, гремела посуда. Микаш приподнялся и пощупал плечо. Боль унялась. Голову водило, но тело наполнилось

бодростью.

Микаш встал и натянул на себя выстиранную рубаху.

— Снова на войну наострился, а, Сумеречник? — усмехнулась из-за ширмы целительница. — Подождал бы, пока рана подживёт.

— Я не Сумеречник и не воюю больше. Пойду искать мирное ремесло, — нехотя ответил он. Рука с алчностью потянулась за мечом, оставленным у кушетки, будто только оружие поддерживало в нём жизнь.

— А сможешь? Не воевать?

Целительница заглянула за ширму и осмотрела рану через широкий ворот рубахи.

— Я — справлюсь! — Микаш ногой задвинул меч под кушетку. — Где Фанник?

— Твой раненый товарищ? Вернулся на постоялый двор. Моё гостеприимство показалось досточтимому Сумеречнику слишком скудным. А почему спрашиваешь? Мирно жить расхотел?

— Нет. Вы не знаете, кому здесь нужны работники?

— Больше всего платят лесорубам и рудокопам, но не с твоей рукой. Есть у тебя какое ремесло, ну кроме?.. — она указала на торчавшие из-под кушетки ножны.

— Землю пахать умею...

— Явно не сейчас, — она кивнула на заснеженный двор за окном.

— Подсобные работы, там, я не знаю, — он угрюмо потупился.

— Зимой все пояса потуже затягивают. Ты можешь остаться здесь до весны. Я одна — мужские руки лишними не будут. Заодно присмотрю, чтобы ты снова рану не разбередил.

Он согласился. Хоть время появится всё обдумать.

Сразу после еды Микаш принялся за работу: вычистил дом, едва в дымоход не полез — целительница не пустила. Чинил стол, лавки и приземистые кровати, колот дрова, выгребал со двора сугробы, кормил скотину, лагал прохудившийся сарай. Целительница только диву давалась и с сожалением качала головой, словно понимала, какая жажда жгла его изнутри.

Тревожить ночью семью целительницы Микаш не пожелал, несмотря на увещевания, и улёгся в хлеву, пристроенному к дому для сохранения тепла. Зарылся в чистую солому в пустом стойле. Прислушивался к сопению животных по соседству, пока не сморил сон. Но и там он не обрёл покоя.

Микаш доставал из-за пазухи медальон с портретом и думал. Зачем украл этот поцелуй, зачем наговорил столько грубостей? Всего-то хотелось избавиться от наваждения. Казалось, чего проще? Получи ты, наконец, то, о чём так долго грезил, пойми, что нет в этом ничего волшебного, от чего так трепещет глупое сердце. Обычная принцесска, злая и взбалмошная, как все высокородные, даром что красивая настолько, что дух спирает от одного взгляда. Так нет ведь! Только хуже сделал.

Миг, прикосновение к нежным как пух губам, сладость лугового разнотравья, крепкий хмель весенней поры. Хочется, чтобы время замерло, всё, кроме неё, кануло в бездну, и неизбежное будущее не настигало никогда! Желание это, выраженное со всей возможной страстью, исполнилось, как и все желания, которых стоит остерегаться, самым неприятным образом. Микаш до сих пор чувствовал на губах вкус её поцелуя, слышал звенящий насмешливостью и превосходством голос с жалящей ноткой жалости. Видел её перед собой с соблазняющей улыбкой на устах. Она танцевала для него, обнажалась, протягивала руки и льнула, присаживаясь к нему на колени, опаляла кожу знойным дыханием. Микаш не выдерживал чувственной пытки и просыпался с позорно мокрыми штанами. Оставалось

только выскочить на улицу и забуриться в снег, чтобы погасить полыхающее в теле пламя.

Так продолжалось несколько дней. Несколько ночей он коротал под холодным звёздным небом, до ряби всматриваясь в сияние Северной звезды. Она манила, оборачиваясь вожделенным ликом. А может, и правда? Пойти за ней, не отыскать, так сгнуть. Нет жизни безо всякой цели и надежды.

— Ну как? — спросил Микаш, когда целительница в очередной раз осматривала его рану. Огненная сеть подживляла её, восстанавливая ауру.

— Что как? Уже на волю рвёшься, а, Сумеречник? Ненадолго же твоего терпения хватило.

Он угрюмо уставился в пол.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ступай. Зов предназначения ничто побороть не сможет. Быть может, он — и есть то единственное правильное, что осталось в нашем сошедшем с ума мире. Он укажет верный путь.

Она собрала еды и одежды потеплее, хотя он не принимал помощь. Всё-таки ей с детьми одной придётся коротать долгую и лютую на севере зиму. В конце концов Микаш уступил, дав слово дойти до конца своей дороги, куда бы она ни вела, и никогда не забывать о доброте урсальской целительницы.

***

Вейас перенёс меня в подземный дворец. Не думала, что по своей воле вернусь сюда, но теперь соглашалась на всё, лишь бы не расставаться с братом. Мной занялись туалы: отпаивали зельями, читали заговоры. С чего вдруг подобрели?

Вейас поведал о последних событиях. Сколько всего я пропустила! Реальный мир куда более захватывающий и загадочный, чем волшебство демонов. Зачем я тратила на него время?

Я рассказала о своём даре. После долгих хождений вокруг да около Вейас признался, что они с отцом догадались обо всём, ещё когда у меня начались обмороки. Так происходило с теми, чей дар действовал помимо их воли и отнимал много сил. Справиться со спонтанными выплесками удалось бы лишь научившись контролю. Но отец запретил говорить со мной об этом, хотел свалить всё на бедолагу Йордена — женский дар проблема мужа, не отца. А потом Вейас не решался меня тревожить. Демонов лжец!

Брат помогал освоиться. В детстве он передавал мне всё, чему его учили наставники. Теперь я могла использовать эти знания и делать то же, что и он.

Забавно было копаться в его голове: я будто потрошила в спальне ящики с личными вещами, книгами и пылящимися в шкафах скелетами. Правда, стоило зайти туда, куда Вей пускать не хотел, как он выплёскивал воспоминания о свиданиях со служанками. Делалось так худо, что я вылетала из его мыслей испуганной птицей. Он ещё и с несколькими одновременно был. О, брат мой, Ветер, ничего не хочу об этом знать!

Пробовала я читать и туалтов, но с ними выходило хуже. Мысли доносились словно сквозь толщу воды, я вязла в них, путалась и ничего не понимала. Не люди они, хотя с виду похожи.

Но всё равно мой дар — хорошее подспорье в охоте на вэса. Жаль, у женщин

способности полностью раскрываются только после потери невинности. Где бы найти подходящего мужчину? С нелюдьми связываться не хочу, а единственный человек здесь — мой брат.

Я же теперь и ордену пригожусь! Не как воин, конечно, а помощник судьи или исповедник, который облегчает души страждущим. Туда иногда брали женщин с телепатическим даром. Я бы жила одна, незамужней. Вейас невесело рассмеялся, мол, туда только бесприданницы идут или запятнавшие свою честь потаскухи, у которых нет шансов выйти замуж. Отец не стерпит позора. Но ведь я такая и есть! Сбежала, связалась с Найтом. До сих пор не получается думать о нём, как о демоне-кровопийце с головой летучей мыши. От этих дурацких чувств люди теряют разум. Не влюблюсь больше ни-ког-да!

***

Через несколько дней состоялись похороны короля туатов и погибших воинов. По белому ходу на больших деревянных носилках пронесли тело Ниама. Его укутывал расшитый вересковыми узорами синий саван. Остальных усопших нарядили в менее роскошную белую ткань. Хор молодых туатов провожал их чистыми высокими голосами, за душу брала песня-плач. Шествие продолжилось на улице под покровом звёздной ночи. Трепетали на ветру знамёна, трещали факелы, хрустел под сапогами снег, тянули жалостливую ноту охотничьи рога. Процессия двигалась к лесу. Хор смолк, зазвенел молитвами на тайном языке голос Эйтайни.

Мы с братом отделились от них, чтобы отдать последние почести погибшей ищейке. Туаты притащили его с мёртвой окраины вместе со своими павшими воинами. Вейас нёс на руках тело, завёрнутое в холст, держал спину неестественно прямо, не желая показывать, насколько ему тяжело.

Грызла совесть. Холодный порыв ветра с обжигающей укоризной стёр с лица слёзы. Я замерла, не вытерпев:

— Это я сделала, меня все винят: Йорден, его слуга, Эйтайни, ты!

Брат повернулся ко мне вполоборота:

— Йорден слабак и трус, а больше никто тебя не винит. Плохие вещи просто случаются. — Когда это он начал цитировать Кодекс, над которым раньше только насмехался? — Фантом привязался бы если не к тебе, то к другой несчастной девушке. Этому городу повезло, что мы остановили нашествие, иначе Странники выжрали бы всех до последнего двора.

Его слова не утешали. Я вскинула голову, вглядываясь в мерцание Северной звезды на чернильном небосклоне. Она звала. Говорила: хочешь искупления? Пройди свой путь до конца, загляни сквозь огни Червоточины, тогда все смерти, всё, через что ты прошла, не будет напрасным. Или я себя успокаиваю? Предназначения нет, я просто песчинка, затерявшаяся в большом мире.

Вейас полез по крутому склону одинокого лысого холма. Я бежала следом и никак не могла унять словесный поток:

— Найт... Странник вливал мне в уши то, что я хотела услышать, то, что я сама придумала. В глубине души я знала об обмане и всё равно желала, чтобы он стал правдой. Желала, чтобы хоть раз в жизни меня полюбил кто-нибудь хороший, заботился и защищал,

чтобы у моей сказки был счастливый конец.

Мы достигли вершины. Вейас устроил ищейку посреди выложенного хворостом кострища. Я протянула брату факел, но тот не спешил его брать. Вгляделся в моё лицо и ласково потрепал по щеке:

— Жаль, что твоя первая любовь обернулась кошмаром, но жизнь не кончилась, будут и другие поклонники. Эйтайни сказала, что тебе суждено выйти замуж за великого воина.

Вейас забрал факел и поджёг костёр с разных сторон. Я отвернулась и пробормотала себе под нос:

— Сомневаюсь, что на меня теперь даже такой деревенщина, как Микаш, позарится.

— Помолись за него. У тебя лучше получается, — позвал Вейас, когда огонь с треском накинудся на сухие еловые ветки.

— Я же не Сумеречник.

— Последний Сумеречник бежал отсюда — только пятки сверкали, — покачал головой брат.

Я не знала ни одной молитвы, которую бы читали перед погребальным костром, поэтому придумывала на ходу. Интересно, боги в чертогах из хрусталя и звёздного света не обижаются, когда люди обращаются к ним не с теми словами? Если это так, то я уже заслужила самое жуткое родовое проклятье до седьмого колена.

— Сегодня мы провожаем в последний путь доблестного воина, павшего на поле брани. Духов воды, земли, огня и воздуха заклинаю, подтвердите на высшем суде, что жил он по чести и сердце его легче пера Белой птицы. Жнецы костянокрылые, вот ваша плата, — я бросила в огонь две медьки, — переправьте его душу по Сумеречной реке на Тихий берег. Пускай он дождётся счастливого жребия и вернётся на землю для новой жизни и новых побед.

Я глянула на Вейаса. Он смотрел на огонь, в глазах плясали отблески пламени, между бровей залегла морщинка. О чём он думает?

— Тот, чьё имя было Дражен, ступай на другой берег с миром. Пускай огонь очистит тебя от брэнной плоти, а время от памяти скорбящих. Брат мой, Ветер, оберни его крыльями и защити, как защищаешь каждого из своих чад.

Я замолчала и сложила руки на груди. Ветер взметнул пламя до небес, заставляя шустрее обглаживать мёртвое тело. Надеюсь, в следующей жизни Дражену повезёт больше. Надеюсь, его близкие не станут держать на меня зла. Надеюсь, когда-нибудь я прощу себя за эти смерти.

Вейас положил мне руку на плечо, и мы ещё долго наблюдали, как огонь опадал с погребального костра, обнажая обугленные кости.

***

Ещё полторы недели пришлось терпеть заботу лекарок, самой настырной из которых оказалась Эйтайни. Мне было очень неловко. Что бы они ни говорили, её отец погиб из-за меня. Чувство вины мучило всё сильнее по мере того, как возвращалось здоровье.

— Перестань! — отмахнулась Эйтайни от моих извинений.

На соседнем ложе в лазарете сидел Асгрим, с которым мы делили внимание лекарей пополам, и плутовато улыбался, щуря раскосые глаза. Он повредил спину во время смерча,

но быстро поправлялся. Чуть ли не мурлыкал от удовольствия каждый раз, когда принцесса снимала с него повязки и втирала в спину снадобья или подставляла хрупкое плечико, чтобы помочь размять мышцы, шагая по залу.

— Сделанного не воротишь, из этого можно только извлечь урок и жить дальше, — отчитала меня Эйтайни, когда я повесила голову и отвернулась. — Сомневаюсь, что мы станем друзьями, но давай постараемся не испытывать друг к другу неприязни, ведь теперь мы делаем общее дело.

Я мельком посмотрела на Асгрима в поисках поддержки. Он кивнул, и я пожала руку принцессы, заглянув в её пронизательные фиалковые глаза:

— Зачем вы нам помогаете? Вы же не любите людей.

— Это конечно, — усмехнувшись, взял слово Асgrim. — Только могильную нечисть мы любим ещё меньше.

— Так велит наш новый покровитель, — Эйтайни подошла к стражнику и взлохматила его доходившие до плеч тёмные волосы. — Не стоит перечить высшим силам сразу после того, как мы провозгласили их власть над собой.

И я, и Асgrim смотрели на неё с недоумением, но объяснять она не собиралась. Колдовские дела. Не стоит в них лезть несведущим. Остаётся надеяться, что туаты не всадят нам нож в спину в самый ответственный момент.

Когда я достаточно окрепла, чтобы продолжать путь, сборы закончились. В сопровождение нам выделили небольшой отряд туатов-охотников. Они согласились провести нас до Хельхейма через весь Утгард и Заледенелое море. Весьма кстати, потому что у людей карты северных земель не имелось. Кроме оленеводов, которые практически вымерли, наши сородичи так далеко к Червоточинам не забредали. Да и времени до весны осталось в обрез — без провожатого не обернёмся до таяния льдов.

Рано утром нас привели в скрытую за волшебными холмами берёзовую рощицу. На улице была ещё темень. Нас ждали посёдланные коренастые лошади, навьюченные провиантом, оружием и меховой одеждой. Я протянула руку к мохнатой морде и тут же отдёрнула, когда у самых пальцев клацнули внушительные клыки.

— Это ненниры?! — ошалело спросила я.

Стоявший рядом Асgrim ухмыльнулся:

— Полукровки. Они выносливее обычных лошадей и могут ступать по глубокому снегу, не проваливаясь. В горах зимой — самое то. А ещё они едят мясо, когда травы нет. Только пальцы в рот не суй — откусят.

Я внутренне сжалась, разглядывая полудемонов. Из крошечных ноздрей валил пар. В свете факелов посверкивали выпученные жёлтые глаза. Густая шерсть песочного цвета свисала с живота до середины ног, белые пряди гривы и хвоста перемежались чёрными, по хребту тянулась тёмная полоса. Толстыми ногами ненниры взрывали снег и долбили мёрзлую землю, раскапывая корешки и заглатывая их. Ох, да у них же копыта развёрнуты в обратную сторону! Всё у демонов не как у людей.

— Не робей, они не кусаются... ну почти. — Асgrim подвёл меня к маленькой лошадке. — Это Касатка, Кассочка, если хочешь. Самая уравновешенная и серьёзная из косяка. С ней проблем не будет.

Кассочка повела в мою сторону ухом и, не уловив ничего интересного, продолжила тебеневать.

— Чего ждёшь? Лезь в седло.

Легко сказать! Не показывая страха, я просунула носок в стремя, и Асгрим подсадил меня наверх. Кассочка заперебирала короткими ногами, недовольно фырча, замерла и изогнула шею. Я чуть до звёзд не подпрыгнула, когда кобыла носом отпихнула мой сапог и почесала свой бок зубами.

Асгрим расхохотался:

— Веди себя с ней, как с обычной лошастью. Она умная, вывезет даже там, где ты сплонуешь.

Кассочка посмотрела с укоризной, мол, слыхала? Сиди и помалкивай, кулёма!

Остальные охотники-туаты и Вейас тоже рассаживались по лошадям. Степенно ступая, словно паря над землёй, шла прощаться Эйтайни. Асгрим обернулся на шелест её платья и улыбнулся, как кот на сметану.

— Будь осторожен. — Эйтайни взяла его за руки. — Ты ещё слаб, не стоило тебе ехать.

— Кто-то же должен за всем присмотреть, — Асгрим провёл пальцами по её лицу, утирая слёзы. — Не переживай, в пути нездоровый дух выйдет быстрее.

— Только не лезь на рожон, прошу, — Эйтайни приблизила своё лицо к нему так, что они почти соприкасались. — Возвращайся живым.

— Вернусь, когда растает снег, — он поцеловал её в губы, и они переплели пальцы. — Не переживай и готовься к свадьбе.

Я отвернулась, чтобы не смущать их. Надо же, они всё-таки признали то, что давно было очевидным для всех, кроме них самих. Забавная пара. Даже завидно: у меня такого никогда не будет.

— Точно не хочешь остаться? — поинтересовался подъехавший ко мне Вейас. — До этого было тяжело, а там ещё хуже станет.

Я покачала головой. Северная звезда перед рассветом горела особенно ярко, звала как никогда сильно. Я должна увидеть, что там, за краем земли. Я выстою. Я смогу!

— Хватит соплей и слёз, — скомандовал Асгрим и взметнулся в седло. — Едем!

Дюжина всадников и ещё полдюжины вьючных животных выстроились в цепочку и тронулись в путь. Эйтайни махала нам на прощание. Нет, не нам, а Асгриму, своему будущему мужу.

Рассвет застал нас у перекинутого через глубокое ущелье деревянного моста. Его венчала каменная арка с древними письменами, похожими на те, что мы видели у пещеры Истины.

— Север покорится безумству храбрых, — подсказал Асгрим.

— Что это за наречие? — поравнялся с ним Вейас.

— Не знаю. Я только знаю, что тут написано, — пожал плечами туат. — У нас это от отца к сыну передаётся, из уст в уста многие поколения. Если кто и умел читать эти знаки, то давно сгинул.

— Значит, тут может быть написано что-то совершенно иное, — хмыкнул брат и пропустил Асгрима вперёд.

Бившее в спину солнце окрашивало снег в рыжеватый цвет, но виднеющиеся вдали горы оставались ещё холодно-сизыми. Ненниры опасно ступали на деревянный настил и медленно переходили на другую сторону. Мы с Веем ехали за Асгримом, дальше ещё пять туатов, потом ненниры с вьюками и замыкающие, которые следили, чтобы никто не отстал.

Когда подошёл наш черёд, я вцепилась в гриву. Кассочка неодобрительно фыркнула и зашагала по обледенелым доскам, как по твёрдой земле. Странное животное. Всем видом

показывает, насколько она смышлёнее и смелее меня. А ступает-то как степенно! Чтобы ни себя, ни меня не расплескать. На противоположной стороне моста я потрепала её по шее, но она снова лишь на миг повела ушами.

— Серьёзная, аж скулы сводит, — усмехнулся Асгрим. — Ни ласки, ни похвалы не терпит, прямо как ты.

Я фыркнула и отвернулась. Асгрим расхохотался так, что едва не вывалился из седла. Я перевела взгляд на тайком прислушивающуюся кобылу. И правда, похожа.

Мы въехали в предгорья Утгарда. Погода стояла ясная, но солнечный день таял, как огарок свечи. Три-четыре часа слепящего света, а потом долгая морозная ночь. Глаза отвыкали от красок. Различали лишь оттенки режущего белого и угрюмого чёрного.

На бодрой рыси наша цепочка сжималась, а когда переходили в шаг, растягивалась так, что последние всадники скрывались за изгибом протоптанной тропы. Изредка поднимались в плавный галоп, чтобы развеяться, если отыскивались ровные участки. Кассочка держалась на безопасном расстоянии от переднего неннира, размеренным бегом сохраняя силы, а вот мерин Вейаса так и норовил обогнать или увильнуть в сторону. Брат загонял его в сугробы, чтобы утихомирить.

— Может, вам с сестрёнкой лошадьми поменяться? — предложил Асгрим, наблюдая, как неннир под Вейасом с кряхтеньем вылезает из глубокого снега.

Я ревниво обняла кобылу за шею. Никому не отдам!

Брат насупился и запихал строптивное животное в строй, бранясь сквозь зубы.

На обед мы не останавливались, предпочитая пройти как можно больше за светлое время. Привалы делали в безветренных низинах, под навесами, рядом с которыми были заготовлены сухие дрова и хворост. Разводили костёр, топили снег на огне в больших котлах, добавляли туда истолчённое в муку вяленое мясо и рыбу. Получалась сытная похлёбка, хоть и не очень вкусная. Ею же кормили лошадей, которые не выдержали бы тягот пути на одной тебенёвке.

Пару раз вдалеке мы замечали демонов: мелких тварей, похожих на пушных зверей; двуногих созданий, покрытых свалывшейся в колтуны шерстью; подобных скалам серокожих исполинов. Асгрим называл их имена и успокаивал, что если у них и есть интерес к длиннородым, то дальше любопытства он не заходит. Верилось с трудом, но демоны действительно нас не трогали. Пока.

Когда мы в первый раз переваливали через невысокий хребет, я застучала зубами от усилившегося мороза и ветра. Асгрим подъехал и сунул под нос тыкву:

— Выпей — согреешься.

Я сняла крышку и глотнула. Внутренности будто кипятком обварило, из живота поднялись волны обволакивающего жара.

— Я думала, вы только сладкое любите.

— Иногда можно и потерпеть. Это улус, наши женщины готовят его по тайному рецепту из козьего молока, ягод, трав и грибов. По вкусу не слишком приятный, но согревает отменно.

Асгрим снова встал во главе. Я сунула тыкву за пояс.

Мимо проплывали словно вырезанные из белого камня заиндевелые ели. На медленном шагу можно было рассмотреть каждую иголку, покрытую хрустальными льдинками. Когда мы поднимались выше, разлапистые ветви прогибались от снеговых шапок. Я зазевалась, и Кассочка, решив попробовать ёлку на вкус, дёрнула её, скинув на нас лавину. Пришлось

отряхиваться и снова прикладываться к улусу.

Через семь дней начался буран. Мы как раз поднимались в гору, когда ветер принялся хищно завывать и сбивать с ног. Небо запеленалось свинцовыми тучами, и тяжёлыми хлопьями повалил снег. Он застилал глаза, набивался под одежду и в рот. Лошади с трудом продирались сквозь неистовые порывы.

— Сверхушки нас точно сдует. — Асгрим скомандовал: — Ищем укрытие!

— Недалеко есть большая пещера, правда, до неё идти по узкому уступу, — перекивая бурю, отозвался один из охотников. — Там иногда спят медведи.

— Лучше медведь, чем пурга, — решил Асгрим. — Отпустите поводья — лошади сами вывезут.

Обитая в Утгарде испокон веков, ненниры умели находить надёжные тропы и уклоняться от опасностей даже в темноте. Туаты полностью доверились им, и нам пришлось последовать их примеру.

Я старалась не думать, что рядом зияет бездонная пропасть. Если Кассочка оступится, мы полетим вниз, и не будет ничего впереди: ни Червоточины, ни демонов, ни места в ордене, ни даже замужества. Будет лишь тьма и блуждание по Тихому берегу в неприкаянном одиночестве.

— Сюда! — сквозь ветер донёсся голос Асгрима.

Я не видела его из-за метели, но Кассочка уверенно шла, чуя собрата впереди. Тёмное пятно узкого, как горлышко тыквы, прохода надвинулось из-за поворота. Спешились: потолок оказался слишком низким. Порог покрывала наледь, но через дюжину шагов по пологому спуску она стаяла. Пещерный зал раздавался вширь и ввысь. Было сухо и тепло.

Асгрим счищал с себя снег, следом подходили остальные члены отряда.

— Нужно найти дрова и развести костёр, чтобы просушить одежду.

— Здесь должны были остаться запасы, — подал голос один из охотников.

— Но их нет. — Асгрим запалил факел и осветил зал, но дальней стены и потолка видно не было. — Пусто.

— Вы уверены? — насторожился Вейас, продираясь к нам. — Я что-то чувствую. Может, медведь?

Туаты переглянулись и покачали головами. Брат не стал спорить. Охотники ушли за дровами, а меня оставили распаковывать вещи. На полу посреди бугристого серого камня я нашла не до конца истлевшие доски и пожелтевший осыпавшийся лапник, чуть дальше обнаружилось большое кострище. Я поворошила пепел веткой — свежий. Разобравшись с лошадьми, к которым успела привыкнуть, я направилась к Вейасу. Он сидел в углу угрюмой тени. Факел в его ладони догорал и грозил обжечь руку. Глаза невидяще смотрели вглубь пещеры. Вей не шевельнулся, даже когда я стряхивала снег с его плаща и волос.

— Что с тобой?

Брат скользнул по мне мрачным взглядом и вновь повернулся к темноте, в которую упирались стены.

— Там что-то есть. Ты не чувствуешь?

Я села рядом и прислушалась.

— Может, пещера сквозная? Ветер на другом краю гуляет. Или медведь храпит, — я нервно хохотнула и положила голову ему на плечо. — Ты ведь не об этом переживаешь? Скажи, я помогу.

Вей повернулся ко мне и взгляделся в лицо. От тревоги в его глазах сделалось не по себе.

Он крепко обнял меня, тёплое дыхание скользнуло по шее, губы коснулись волос. Вей приоткрыл завесу собственных мыслей и пустил внутрь. Смятение и усталость металась там грозowymi тучами. И ещё что-то пугающее. То, что он не озвучивал словами, но ощущал всем существом. Я успокаивала его, окутывая своими эмоциями: безмятежностью и негой.

— Всё лишь иллюзия. Скоро конец, — пробормотал он и отстранился.

Над нами уже нависали любопытствующие охотники. Я вернулась к вещам, чтобы туалы не напридумывали глупостей. Вскоре развели костёр, развесили сушиться одежду и принялись за готовку.

— Там кто-то есть! — вскрикнул Вейас.

Я вздрогнула. Брат схватил факел и побежал вперёд. Мы с Асгримом переглянулись и помчались следом. Вдруг действительно медведь? Он же раздерёт Вея на ошмётки!

Брат потянул меч из ножен и застыл на другом краю зала возле узкого лаза. Факел осветил могучую фигуру. О, боги, лучше бы это был медведь!

— Какого демона тебе понадобилось в нашей пещере?! — выкрикнул Вей, приставив остриё меча к горлу непрошенного гостя.

Им оказался, кто бы мог подумать, Микаш! Он перехватил лезвие пальцами и отвёл в сторону:

— Во-первых, здесь нигде не написано, что она ваша, а во-вторых, я нашёл её раньше.

Он с ног до головы был укутан в шкуры, отчего походил на медведя ещё больше.

— Теперь понятно, куда делись дрова, — примирительно встал между ними Асгрим. Остальные туалы наблюдали с безопасного расстояния.

— На них тоже ничего написано не было, — Микаш отпихнул Асгрима в сторону и поволок за собой к костру мёртвого оленя, оставляя на полу кровавый след.

— Пещерный длиннородый, — усмехнулся Асгрим так, чтобы расслышала только я.

Да, манеры парню, похоже, в стае волков прививали. Вейас злобно скалился, глядя ему в спину.

«Что-то случилось?» — мысленно спросила я, положив руку ему на плечо.

«Я надеялся, мы больше его не увидим», — буркнул он.

«Мидгард такой маленький и тесный... Поэтому вряд ли», — вклинился третий голос. Вейас глянул на Микаша так, словно хотел его разорвать.

«Не обращай внимания, — я поглаживала ладонь брата, чтобы хоть немного его остудить. — Переночуем вместе, а потом разбежимся».

Снова влез голос Микаша:

«Да кому вы нужны?»

«Замолчи!» — не выдержала уже я.

Он для разнообразия послушался, и мы все вернулись к костру. Асгрим уговорил Микаша поделиться добычей в обмен на то, что туалы освежают её и приготовят ужин.

Снаружи выла вьюга. Ветер задувал в пещеру хлопья снега. Трещали поленья, пахло терпкими еловыми иголками, закипала вода в большом закопчённом котле.

Микаш забился в тёмный угол и хмуро разглядывал демонов. Вейас тоже надулся и молча следил за костром, пошевеливая головешки, чтобы пламя не потухло. Я скучала, потому что ни к делу, ни к разговорам меня не допускали. Под руку попался дневник. Я разложила его на коленях. На стоянках под открытым небом писать не получалось, а тут... На что я надеялась? Чернила превратились в ледышку. Я добавила в них пару капель улуса и попыталась растопить на огне. По крайней мере, они разжижились. Я обмакнула перо и

попробовала вывести пару рун, но чернила расплывались мутными потёками, а бумага топорщилась и шла пузырями.

Кто-то засмеялся. Я пробила пером лист. Всплеснула руками и обернулась. Микаш приложил к губам тыкву, делая вид, что не сверил мой затылок любопытным взглядом мгновение назад.

В отместку я принялась рассматривать его. С недельной щетиной и всклокоченной шевелюрой он выглядел совсем косматым. Мишка, мишка косолапый! Я хохотнула. Микаш поперхнулся и облился питьём. Ага, не нравится! Я смилостивилась и отвернулась. Потом ещё раз глянула украдкой. Фигура ничего, могучая: бёдра узкие, в плечах косая сажень, осанка попрямее, чем у какого лорда будет, когда не жмётся и не сутулится, чтобы казаться меньше. Если не смотреть в лицо — в полумраке его не разобрать... Нет, всё равно ужасен настолько, насколько могут быть ужасны мужчины. И воняет от него! Нет, кроме запаха шкур, я ничего не уловила, но он просто обязан вонять потом и ещё чем-нибудь гадким.

Как завязать с ним беседу?

Туаты покончили с готовкой и разлили по плошкам наваристую похлёбку. Как же я соскучилась по вкусу свежего мяса! Остальные тоже накинулись на еду так, что даже про разговоры забыли. Следующие полчаса пещеру оглашал стук дюжины челюстей, пережёвывающих куски тушёного мяса.

Микаш попытался подсесть к нам, но брат метнул в него такой взгляд, что он устроился подальше. Я насытилась первой и снова заскучала, пока остальные тянулись за добавкой.

На другой стороне костра Асгрим вполголоса обсуждал с охотниками дальнейший путь: — Это слишком рискованно!

Его собеседник ткнул пальцем в разложенную на коленях карту:

— Нет, смотри, широкая тропа вдоль ущелья Белого орлана ведёт как раз к Штормовому перевалу. Это лучше, чем идти по продуваемому плато. К тому же короче.

— Если вы о том узком выступе, что нависает над самой бездной, к западу отсюда, то не советую, — встрял в разговор Микаш. Он дожидался очереди у котла с добавкой и с любопытством нависал над спорщиками. — Там сошла лавина. Не проедешь, не пройдёшь.

— Они там часто бывают, — кивнул Асгрим. — Остаётся плато.

Об плошку стукнула деревянная ложка, от горячей похлёбки тонкой струйкой поднялся пар.

«Ты заблудился?»

Микаш едва не упал, зацепившись ногой за камень.

«Чего?!»

Похлёбка расплескалась по краям. Он вытер их пальцем и со вкусом облизал. Губы залоснились от жира. Я передёрнула плечами.

«Ты вроде собирался нового хозяина искать. Люди в другой стороне».

«Я заметил».

Он уселся на свои шкуры и занялся едой. Закончив, вынул из-за пазухи свёрнутый вчетверо обгорелый лист и бережно его разгладил. От возлюбленной, что ли? Смотрит-то как внимательно! Так далеко от костра, поди, ничего и не прочитаешь.

Вейас засопел, явно недовольный, что я так пристально наблюдаю за Микашем, но ничего с собой поделать не получалось. Загадка — вот что меня привлекало.

Микаш спрятал лист и убрёл вглубь пещеры. Я направилась следом. Когда нагнала, Микаш замер, уткнувшись лицом в стену. Я кашлянула в кулак.

— Тебя не учили, что подглядывать нехорошо? — устало отозвался он, не оборачиваясь.

Едва слышно зажурчала, ударившись о камень, вода. О, боги, он по нужде пошёл, а я и не поняла!

— Извини... — Я тоже отвернулась. Лицо пылало. — Я хотела поговорить. Ты поцеловал меня в доме Странника.

— Да, неудачная идея. Извини. — Микаш зашелестел одеждой.

Должно быть, закончил. Я повернулась. От цепкого взгляда по хребту пробежал мороз. Накатила робость. Я упрямо выпятила нижнюю губу. Что ж я так трушу?! Если хочу жить одна, нужно забыть о страхах. Темнота всё скроет.

— Я подумала... У меня есть дар, и я хочу полностью его раскрыть, чтобы подсобить Вейасу в Охоте. Ты не мог бы мне помочь?

— Сомневаюсь, что твоему брату понравится, если я стану тебя учить.

— Я не об этом. Помоги мне стать женщиной.

Его лицо потешно вытянулось, а кустистые брови сошлись над переносицей. Микаш мотнул головой и глухо застонал:

— Никогда в жизни!

Он собрался уходить, но я повисла на его локте.

— Ты хранишь кому-то верность?

— Нет, — недоуменно ответил он.

— Тогда почему? Я недостаточно красива?

Я облизала пересохшие губы.

— Да, — сглотнув, выдохнул он.

Сердце ухнуло в живот. Раньше мужчины никогда не сознавались в этом. Неприятно!

— То есть нет! — Микаш замахал руками. Увидел, что я расстроилась? Да было бы из-за чего! — Такие девушки, как ты, не для меня. Только в мечтах... Нет, это ещё большая глупость, чем с поцелуем. Ты потом пожалеешь.

Дурацкие у него оправдания. Если бы моего брата попросила даже не самая красивая девушка, он бы согласился.

— Какая тебе разница, пожалею я или нет? Помоги мне — получи удовольствие, а дальше я сама разберусь!

— Так ведь спорное-то удовольствие. Один раз, а потом всю жизнь мучайся. Всё же случится только потому, что я вовремя подвернулся под руку. И как бы я ни старался, как бы ни грезил в снах, настоящим оно никогда не станет, только ранит в самое сердце.

Его глаза заблестели. Дрожащие пальцы коснулись моей щеки и убрали волосы за ухо. Он робел... совсем как я.

— Ты что, девственник?!

— Не было у меня ни времени, ни желания! — вспыхнул он и зашагал обратно.

А целовался-то как! Как самец саблезубой кошки, не меньше. У него точно кто-то есть, просто сознаваться не хочет, а мной он побрезговал. Я приложила пальцы к ещё влажным губам. Как он сказал? Поцелуй принцесски ничем не лучше поцелуя деревенской потаскушки. Та другая, поди, привлекательней будет.

Я вернулась к костру. Микаш забился в свой угол и в разговоры не встречал. Брат выпрашивал, куда я ходила. Я улеглась у него на коленях и сделала вид, что сплю. Он просидел с туалатами ещё с полчаса, а потом устроил меня на одеяле и, обняв, лёг сам.

К утру буран стих. Решено было выдвигаться как можно быстрее, а то погода опять

забалуует. Мы уже паковали последние тюки, когда сзади подкрался Микаш. Как медведь умудряется быть таким незаметным?

«Попроси своего брата взять меня с собой», — обратился он в мыслях.

Хотелось возмутиться вслух, но Вей бы насторожился, а он и без этого как на иголках.

«Вот ещё. Ты нам не нравишься. Езжай своей дорогой!»

«Попроси, иначе я расскажу, что ты ко мне приставала».

Вот же гад, использовать против меня нашу доверительную беседу?!

«Тебе никто не поверит!»

Отказаться от девушки — его же самого засмеют.

«Хочешь проверить?»

Я обернулась к брату. Он перебирал вещи, но, почувствовав мой взгляд, поднял глаза. От его улыбки становилось теплее и хотелось улыбаться в ответ.

«Ему будет полезно узнать, какие мысли посещают его сестричку».

Нашла кого просить! Ещё выставит в таком свете, что я буду выглядеть похотливой и гадкой.

— Вей, я тут подумала... Нам бы не помешала помощь бывалого охотника на демонов. С Микашем я буду чувствовать себя в большей безопасности, он ведь справился со Странником.

Улыбка сползла с лица брата, взгляд помрачнел и стал настороженным. Обиженным даже.

— Ты думаешь, я не смогу защитить тебя сам? — Вей опустил подбородок. Тоскливо засосало под ложечкой. — Если хочешь — пускай едет.

«Посмотри, что ты заставил меня сделать!» — вызверилась я.

«Я тебя за язык не тянул ни сегодня, ни вчера».

— Только пожалуйста, не сговаривайтесь больше за моей спиной, — так, что мы оба вздрогнули, выкрикнул Вейас и потащил своего коня к выходу.

«Больше не смей ко мне приближаться!»

Я подхватила поводья Кассочки и поспешила следом.

«Не очень-то и хотелось».

Глава 20. Сквозь темень, снег и горные кряжи

1527 г. от заселения Мидгарда, Утгард

Туаты выделили Микашу одного из вьючных животных и тёплую одежду. Нижняя малица шилась из оленьих шкур мехом внутрь, а верхняя парка, которая надевалась на случай сильных морозов, — мехом наружу. Тяжёленькие, но на лошади в них удобней, чем в несшитых шкурах. В них Микаш даже в седло залезть не смог. На ноги мы надевали торбаза — высокие сапоги из тюленьих шкур, они едва пролезали в стремяна и мешали сгибать колени, но, по крайней мере, ступни в них не стыли.

Пурга намела огромные сугробы. Ненниры проваливались в свежий снег по пузо. В гору ползли с трудом, но на плато стало полегче — ветер смёл сыпучий слой и дул в спину, подгоняя.

Микаш плёлся в конце строя и о чём-то спрашивал замыкающих туатов. Я отчётливо слышала их смех. Дорога стала шире. Микаш, поскакав галопом, обдал нас с Веем снежной волной и поравнялся с Асгримом, заметно его напугав. Они тоже принялись что-то

обсуждать. Я подъехала ближе.

— Часто вы сюда навещаетесь? — Микаш беседовал с Асгримом так буднично, словно перед ним был человек. — Здесь же запросто можно замёрзнуть насмерть, если уж вас Червоточина не пугает.

— Пугает не меньше, чем вас. Многим тут всё равно, кого есть: длиннобородых или остроухих, — Асгрим не таился, будто воспринимал его как одного из своих, не так, как меня и Вея. — И холод мы чувствуем. Просто привыкли. Поохотиться в зимнем Утгарде, дойти до Заледенелого моря и вернуться для нас — дело чести. А молодёжь мы испытываем по-особому. Чтобы доказать свою зрелость, они несколько дней проводят в горах одни без еды и питья. Если выдержат, на них снизойдёт мудрость, закалит тело и дух, а если нет... иногда по весне мы находим их обглоданные кости.

— Хорошее испытание, куда лучше нашего, — согласился Микаш.

Неправда! Глупое, жестокое и бесполезное!

— Наши заставляют слуг убивать безвредных тварей, чтобы хвастаться трофеями и раздуться от гордости.

Асгрим молчал.

— Скажи, зачем вы помогаете этим детям? Когда-нибудь они смогут использовать ваши секреты против вас.

Он настраивает туатов, чтобы те нас убили?

— Так захотела ворожея. Её воля для нас закон.

— Надо же, одна сумасбродная баба всему племени приказывает.

— Эй, полегче, эта баба моя будущая жена!

Микаш поднял руки, прося прощения.

— Тебе так интересно? — Я чуть не подпрыгнула, когда над самым ухом прозвучал голос брата. Он подобрался ко мне вплотную, и теперь мы тоже ехали бок о бок. — Он тебе нравится?

— Кто?

Асгрим, конечно, забавный и здорово мне помогал, но он демон, и я бы не хотела переходить дорожку Эйтайни.

— Микаш, простолюдин, — уточнил Вейас, недобро косясь на него.

— Фу, он же гаже Йордена! — возмутилась я громче, чем следовало. Асгрим с Микашем обернулись. Я вжала голову в плечи.

— Ты же сама хотела, чтобы он поехал с нами, — недоумевал брат.

Я начала перебирать густую, путающуюся гриву Кассочки и плести из неё косички. В толстых рукавицах не очень удобно. Я так увлечена и никак не могу оторваться. Дурацкий Микаш! Придушу его шкурами на стоянке!

Ехать пришлось долго, нагонять то время, которое мы упустили из-за пурги. Тусклое солнце скатилось за горы на западе, но искрящийся в лунном сиянии снег позволял разглядеть дорогу. Шесть часов, восемь, десять или даже двенадцать — я потеряла счёт времени. Бодрилась из последних сил, чтобы не заклевать носом и не выпасть из седла: напевала, пыталась брата разговорить, заплела Кассочке всю гриву, до которой смогла достать. Но зыбкий лёд дремоты трескался, затягивал в полынью, усталый сон подхватывал стремительным течением и уносил в бездну.

«Я могу поддержать тебя телепатией, пока ты спишь», — услужливо предложил Микаш.

«Лучше сдохнуть!»

От возмущения сон разогнало, но встряски хватило всего на полчаса. Начался крутой спуск, сильно качало и приходилось крепко держаться, чтобы не выпасть.

— Привал! — после целой вечности скомандовал Асгрим.

Я с трудом спустилась на ослабевшие ноги, стянула с лошади свёрток с одеялом и завалилась спать. Вейас тронул меня за плечо всего через пару мгновений. Небо серело, становилось сизым. Занимался рассвет.

— Едем.

Вейас сунул мне в руки плоску с остывшей похлёбкой и кивнул на уже посёдланную Кассочку. Пришлось заглатывать завтрак на ходу и догонять отряд вместе с братом.

— Ничего, — успокаивал Асгрим. — До Нижнего леса пара переходов. Там отдохнём.

Дожить бы!

Узкая дорога вилась между гор, то поднималась к лысым вершинам, то спускалась в глубокие каньоны и пряталась под сенью чёрных сосен-исполинов. Солнце выглядывало на пару часов, но и этого хватало, чтобы глаза уставали до боли от горящего в ярких лучах снега. Лучше быть слепым и блуждать во мраке, чем мучиться так. Только сумерки приносили облегчение. Темень здесь не была такой уж крошечной. Снег выделяется на фоне неба, деревьев и скал. По звуку мы догадывались, насколько глубоки сугробы, есть ли настовая корка, растянулась ли наша цепочка и не отстал ли кто.

В горных долинах даже зимой кипела жизнь. Трубно мычали стада косматых овцебыков, едва заметными тенями мелькали белоснежные козероги. Лишь сиплое бляение позволяло разглядеть их до того, как они убежали. Ухали громадные совы, выскакивали из-под копыт неотличимые от снега песцы. В низинах, в чащах лесов выглядывали из-за толстых стволов голодные волчьи глаза.

Когда мы поднимались на высоту, дышать становилось тяжелее, воздух давил на грудь обжигающей ледяной глыбой. Пот лил градом, несмотря даже на лютые морозы, закладывало уши, тисками сдавливало голову, пересыхало во рту.

Дни сливались в нескончаемый переход с редкими остановками, когда я едва успевала поесть и поспать. Забывала, для чего и куда еду. Ветер усиливался, налетали метели. Лицо приходилось закрывать шарфом, чтобы оно не обветрилось до костей. Одежда покрывалась сосульками, холод оседал инеем на краях капюшона. Голова соображала туго, чувства притупились, я уже ничего не видела и не слышала вокруг, кроме тускло-серой шеи Кассочки и хруста снега под её копытами. Не заметила даже, как пейзаж вокруг изменился: мы спустились к самым подножьям, утих ветер, потеплело, тенью поднялся еловый лес.

— Привал!

Я соскользнула с лошади и, не дожидаясь ужина, залегла спать. Вздрагивала через каждые пять минут, пока не рухнула в небытие. Миновало не меньше десяти часов, а может, и двенадцать, судя по затёкшим мышцам и головной боли. Было светло, но тени стремительно удлинялись. Последний день угасал на пороге долгой зимней ночи. Солнце помахало тусклым лучом и до весны скрылось за горизонтом. Может, к лучшему: глаза отдохнут от свербящего света.

Взбодрившись, я поднялась и затушила гревшую меня нодью из больших поленьев. Между еловыми стволами полыхал костёр, вокруг которого заседал остальной отряд. Я направилась к ним.

— Привет, соня! — Брат потянул меня за руку и, усадив рядом, вручил плоску с ранним завтраком... или поздним обедом. Впервые за прошедшие дни я чувствовала вкус пищи. Это

была размоченная сушёная треска или оленина?

— Если нет возражений, тянем жребий. — Асгрим вручил соседу холщовый мешок. Тот вынул из него палочку с зазубринами и хмыкнул.

— Что происходит? — прошептала я брату.

— Распределяем дежурства. Все хотят хорошенько отдохнуть перед очередным броском. Говорят, мы даже до половины не дошли.

— Кошмар!

Отощавший мешок передали мне, и я без задней мысли сунула внутрь руку.

— Если не хочешь, можешь не участвовать. Все поймут, — улыбнулся брат.

— Для женщины это слишком. Мы никогда не берём их в походы, — поддержал его Асгрим.

Они считают, что я слабая? Обсуждали, что зря взяли меня с собой? Я не так хорошо держалась последние дни, но...

— Всё в порядке. Я подежурю вместе со всеми, — я вытянула палочку и, вручив мешок брату, сосчитала зазубрины. Три.

— Кто ещё третий?

Я с надеждой глянула на Вейаса, на Асгрима, потом на других туатов. Микаш, сидевший на противоположном конце костра, медленно поднял руку. Конечно, моя удача! Но отступать нельзя, иначе все подумают, что я струсил.

Доела похлёбку, покормила лошадей, размяла ноги, и с наступлением темноты снова завалилась спать. Вей, которому досталось дежурить передо мной, разбудил, когда подошла очередь.

— Ты можешь отказаться в любую минуту, — напомнил брат, укутываясь в одеяло.

Я потянулась, стряхивая остатки сна, и упрямо глянула на поляну. В отсветах пламени виднелся широкоплечий силуэт Микаша — раза в два крупнее любого из туатов.

— Я же не в пещеру к медведю иду.

Я подошла к костру, уселась и пошевелила поленья палкой.

— Не делай так, всё развалится и потухнет, — заворчал Микаш. — Поспи лучше, я никому не скажу.

— Так я тебе и поверила, — огрызнулась я, но подпалённую палку бросила в костёр. — И вообще, я, кажется, просила со мной не разговаривать ни вслух, ни мысленно.

— Гордая ты слишком, от этого все беды: и у тебя, и у брата. Вышла бы замуж и сидела у камина за толстыми стенами, а не тащишься с шайкой демонов на край света.

— За твоего бывшего хозяина? Знаешь, что он хотел со мной сделать после рождения наследника? Должен знать — ты ведь всех читаешь.

— В его голове было столько дряни, что я старался туда не соваться.

Я вскинула брови. Он юркой, любопытной змейкой скользнул в мои мысли и принялся в них копать. Я раскрыла перед ним воспоминания о подслушанном в шкафу разговоре.

— Он просто хвост перед цыпочкой пушил, — после долгой паузы заявил Микаш. — Никто бы не позволил ему причинить тебе вред. Бегал бы за своими служанками, а ты нашла бы себе лакея посмазливей. Так все знатные дамы делают.

— Фу! — я запустила в него попавшейся под руку шишкой. Микаш поймал её у самого лица и кинул в огонь. — Может, все и делают, а я не собираюсь. Уж лучше быть старой девой, чем изменять супругу и терпеть его измены. Сам-то чего со своим дорогим Йорденом не остался? Ехал бы сейчас в тёплые степи. Чай, у вас там и снега почти нет.

Не желая продолжать разговор, он вынул из-за пазухи обгорелый лист. Я попыталась заглянуть, но Микаш тут же его спрятал.

— Скажи же, зачем тебя за нами понесло?! — разозлилась я.

— Потому что один я бы тут не выжил.

Он положил голову на ладони и гипнотизировал пламя.

— Я спрашивала, что ты забыл в этой ледяной могиле.

Он скрипел зубами, огонь подчёркивал вздувшиеся на висках жилы.

— Я задала простой вопрос. У тебя даже на него не хватает мужества ответить?

— Не знаю я! Ты довольна? У меня была цель: стать рыцарем. Ради этого я каждый день рисковал собой, добывая трофеи для молокососов из высоких родов, защищал их, прислуживал, хотя в глубине души понимал, что они никогда не примут меня за равного. Единственная награда мне будет — безымянная могила на задворках Мидгарда. Хотя вряд ли бы кто-то стал её рыть, скорее бы бросили тело на растерзание стервятникам. Но у меня была хотя бы видимость цели. А теперь я не знаю, что мне делать и куда идти. Одолжите мне свою цель.

Несколько мгновений мы пялились друг на друга, а потом одновременно отвернулись. Совершенно сумасшедший, больной на всю голову медведь. Как от него избавиться? Вей не выдержит, если он и дальше за нами хвостом ходить будет. Я не выдержу первой!

— Так что у вас за цель? Твоему брату назначили здесь испытание? Какого демона ему надо убить: йети, инистого великана?..

— Вэса.

— Никогда о таком не слышал. — Пляска теней и бликов искажало его лицо, облекая в причудливую маску. Таким я этого вэса и представляла.

— Вэс — один из стражей гробницы Безликого в Хельхейме.

Микаш приоткрыл рот. Что ж, мне удалось сбить с него спесь.

— Это безумие!

Я усмехнулась:

— Если струсил, можешь дожидаться нас на границе Заледенелого моря вместе с туатами. Мы сами отыщем саркофаг Безликого, убьём вэса и добудем его клыки. Вот увидишь!

Микаш стянул капюшон, взлохматил пятерней без того косматые волосы и снова закутался по самый нос. Мороз кусал уши.

— Кто таков этот Безликий, что его похоронили в такой дыре и выставили для охраны демонов? — задумчиво поинтересовался он, словно всерьёз размышлял над этим. — Они там, чтобы никого к нему не пускать или чтобы его самого не выпускать?

— Ты не слышал о Безликом?! Да о нём всем в детстве сказки рассказывают.

— Не было у меня в детстве времени на сказки. Мы работали, чтобы не умереть с голоду.

Да-да, даже пяти минуток на сказку перед сном для ребёнка не получалось выделить. Кто его воспитывал вообще?

— Это создатель нашего ордена, того ордена, в который ты так стремишься поступить. Не знать о таких вещах стыдно.

— О! А ты знаешь, когда сажать пшеницу, что делать, если корова не может отелиться или где искать отбившихся от стада овец? — он презрительно сощурился и склонил голову набок. — По мне, не знать такие вещи не менее стыдно. Они куда важнее для жизни, чем

сказки.

В груди комом стал ледяной воздух. Я протянула к огню руку, желая, чтоб он меня обжёг, и посильнее.

Да как он может! Да что он вообще знает! И что знаю я, кроме беззаботной богатой жизни? Какими, должно быть, глупыми видятся мои слова этому напыщенному простолюдину. В чём смысл? В моих сказках, в его выживании, в высокородной гордости Вейаса или отца? Всё кажется одинаково тщетным, пустым. Хоть ляг и умри, замёрзни насмерть прямо здесь, на пороге конца света.

— Расскажи мне сказку, — сквозь пелену мрачных мыслей донёсся глухой голос Микаша. Он подсел ближе и дотронулся до моей щеки, но как только я повернула голову, отпрянул.

Хочет посмеяться?

Я заговорила. Не для того, чтобы что-то ему доказать, а чтобы оправдать себя и своего любимого героя в собственных глазах.

— Безликий был младшим сыном Небесного Повелителя, самым упрямым и необузданным из его детей. Когда отец распределял между сыновьями наследство, младшему досталась только клятва верности братьям. Безликий отказался подчиняться и ушёл бродить по нетореным тропам в поисках собственной, никем не назначенной судьбы. Долог и труден был его путь. Стоптал он семь пар железных башмаков, сломал семь железных посохов, изгрыз семь железных караваев, прежде чем обрёл свои владения среди людей.

На хранимом острове в Западном океане выстроил он твердыню, чьи необъятные стены хранили мудрые вороны и верные псы. Многому научил он людей: как ковать лучшие клинки, как драться, не зная поражения, как стрелять, чтобы всё время попадать в цель, как использовать дар, чтобы защищать слабых и обводить демонов вокруг пальца, как строить неприступные стены и копать широкие рвы. Он поднял людей с колен и сделал их господами Мидгарда. Но потом явился демон, который был вероломнее и сильнее остальных. Он развязал войну и грозил уничтожить весь мир. Безликому пришлось оставить людей, чтобы сразиться с ним. Он победил, но был смертельно ранен. Он удалился на край мира и погрузился в вечный сон, что будет длиться, пока не наступит конец времён. Тогда Безликий вернётся к людям, чтобы повести их в последний бой.

— Сказочница, — снисходительно улыбнулся Микаш, когда я закончила, с трудом переводя дыхание.

Да что мне его похвала! Я прислушивалась к словам легенды, всё ещё звучащим у меня в голове скрипучим нянюшкиным голосом, и почти видела своего героя: далёкого, призрачного, но вместе с тем самого подлинного из всего, что есть в нашем мире.

— Так это он объединил племена Сумеречников и написал Кодекс? — Микаш, похоже, из кожи вон лез, чтобы звучать радушно, но выходило неискренне. — Хотел бы я его встретить. Умный, судя по всему, был человек.

— Не человек — бог, — раздражённо поправила я.

— Конечно, бог. Ведь легче всего заставить людей подчиняться, назвавшись богом... или потомком бога, — стараться ему явно надоело, и он вновь превратился в саркастичного себя. — По сути ничего божественного он не совершил: ну объединил людей, ну подкинул им парочку здравых мыслишек и ушёл, как уходят все смертные.

— Но он был богом! Самым сильным, добрым, смелым и благородным! Он всех спас и

ещё раз спасёт, когда придёт время. Ни один человек так бы не смог. По крайней мере, я таких не встречала.

— Это потому, что в твоей легенде ни слова нет о том, каким он был на самом деле. Любил ли он ковыряться в носу? А может, у него плохо пахло изо рта и были гнилые зубы?

— Он был самым лучшим, самым воспитанным и самым красивым. И не было у него гнилых зубов!

Я нашла ещё одну шишку, чтобы швырнуть в нахальную рожу, но Микаш придвинулся вплотную и развернул меня к себе.

— Ты говоришь о нём, как о человеке, как о мужчине, в которого влюблена без памяти.

От возмущения я не знала, что ответить. Попыталась вырваться, но куда мне против медведя. Микаш отпустил меня и отодвинулся.

— Нет никаких богов: ни твоих, ни наших степных, ни бога этих припадочных единоверцев. Есть только мы, — он ударил себя в грудь ладонью. — И они, — указал на посапывавших неподалёку туатов, — демоны. Нас можно увидеть и пощупать, а остальное — выдумки, чтобы бессмысленность жизни оправдать.

— Люди без дара не видят и не верят в демонов. Значит, туалы тоже не существуют?

— Для обычных людей — нет, пока те не начнут сводить их с ума плясками, — Микаш замолчал, загнанный в угол своими же доводами. — Тем больше причин отправиться в Хельхейм. Там и увидим, был ли твой Безликий богом и существовал ли вообще.

Я задрала голову, пытаюсь увидеть звёзды, но заснеженные ели и высившиеся над ними горные пики заслоняли небо. Они всё равно существуют: и звёзды, и небо. И Безликий тоже. Быть может, в Хельхейме всё будет также сокрыто вечными льдами, но в своём сердце я почувствую его.

Я зажмурилась. Заскрипел под лапами снег. Послышалось глухое рычание. Во тьме опущенных век я видела, как из пламени вылезает Огненный зверь. Мне на колени опустилась огромная голова, по телу растеклось бодрящее тепло. Я перебирала пальцами огнистую шерсть. Зверь тоже не существует ни для кого, кроме меня, но я знаю, он — самое подлинное, что есть в моей жизни.

— Поднимайся, соня, а то опять завтрак пропустишь, — ласково прошелестел голос Вея.

Я распахнула глаза и уставилась в его таинственное в ночном сумраке лицо. Он обнимал меня и улыбался одними глазами.

— Я заснула на дежурстве? Я слабая и только мешаю.

Сколько времени мы провели на этой стоянке? Я потеряла счёт дням. Или дни сами потерялись неуловимыми тенями в царстве холода и вечной ночи.

Вей встал и потуже затянул пояс, чтобы не пропускать к телу лишнего холода.

— Не хандри. Если бы не ты, я давно бы сбежал в Ильзар, и отец до конца жизни считал меня ни на что не годным слабаком. Но вот он я, одолел пол-Мидгарда, победил с десятков демонов, потому что ты вдохновляла и заставляла бороться. Сейчас, я уверен, всё получится — достаточно твоей веры. Ты не хуже, чем любой из этих демонов, и уж точно лучше меня и этого «пещерного длиннородого» Микаша. Ответь, мы сможем? Если нет, то я попрошу туалатов отвести нас обратно в Урсалию вместе. Потому что мы одно целое, и порознь нам нельзя.

Он снял рукавицу и протянул мне раскрытую ладонь.

— Нет, я... извини, — я заглянула в его глаза, уставшие, но полные решимости. Пушок

на щеках превращается в щетину. Он взрослеет, мужает, скоро станет рыцарем, доблестным высоким лордом, как отец, лучше, чем отец. Я переплела с ним пальцы и обняла за плечи. — Я не буду больше хныкать. Ты прав, мы всё одолеем вместе.

Мы подошли к костру. Туаты разложили на бревне карту и, тыкая в неё пальцами, что-то бурно обсуждали вместе с Микашем. Насколько он легко влился в их компанию! Вот они хором засмеялись, покивали друг другу и расселись завтракать.

— Пару таких переходов и, если не возникнет задержек, будем у Заледенелого моря к концу следующего месяца.

Два перехода?! Сдохнуть! Нет, я обещала не ныть, я выдержу, я смогу. Чтоб я сдохла прямо сейчас!

Дорога потянулась по кручам в гору, по плато, вдоль глубоких ущелий по узким уступам. Лошади оскальзывались на льду, из-под ног выскакивал щебень и падал в пропасть. На вершинах все звуки затихали. Асгрим говорил, что при свете солнца здесь можно разглядеть даже Урсалию и море. Дома и деревья превращались в закорючки, нарисованные на карте. Тонкими сверкающими лентами прорезали складки гор полноводные реки. Причудливыми созданиями казались лесистые хребты, увенчанные белыми шапками ледников. Горы то вгрызались в небо, то сходили на нет, обрушивались до чёрных недр земли, где слышалось эхо Сумеречной реки. И вновь поднимались исполинами каменные пики. Голос гор — тишина, тишина — их вековая песня. А впереди хрусталём сверкала ледяная пустыня Хельхейма.

Быть может, мы увидим эти чудеса на обратном пути. Если выживем — всегда прибавляли туаты, напоминая, что север суров и не прощает ошибок. Один неверный шаг, и ты полетишь в пропасть. Но мороз может настичь, даже если ты не совершал ошибок. Медведицей белой, вьюжным ветром собьёт с ног, вцепится в грудь, и не проснёшься ты уже никогда. Ни ты, ни товарищи из отряда.

Мир всё истончался, истирался в тёмной дымке. И уже не существовало ничего, кроме бредущего бредящего бреда. Ползущих по заснеженным склонам призраков, у которых нет ни ощущения своего замёрзшего тела, ни мыслей, а цель столь же призрачна и скрыта во мраке, как и сама дорога. Живых здесь нет. Живые здесь умирают.

Пурга зачастила, заставляя искать укрытия под широкими выступами горной породы или среди густого хвойника в низинах.

Однажды нам вновь пришлось прятаться в пещере. На этот раз там действительно зимовал медведь — сотрясавший своды храп был слышен уже на входе. Туаты оставили нас в стороне, и, вооружившись копьями и мешками с едким порошком, вошли внутрь. Рёв раскатился эхом, затряслась земля, с ближней скалы откололось несколько ледышек. Из пещеры выскочил медведь. Тот, которого я видела в Докулайской долине, был намного меньше! Этот, как валун, огромный, тёмно-бурая шерсть бронирована седыми сосульками. Брат притянул меня к себе, и мы вжались в скалу. Великанская туша пронеслась мимо, даже не глянув, и скрылась на другой стороне склона в снежной пелене.

— Заходите, он не вернётся. Мы знатно его припугнули, — позвал Асгрим.

От перцового запаха защипало нос, аж слёзы хлынули. Туаты споро развели костёр, и дым перебил запах. Горчил, конечно, и дурманил голову, но не так остро. Мы стаскивали рукавицы и сапоги, натирали руки и ноги жиром, чтобы разогнать по заочневшему телу тепло и избежать обморожений. Пили согревающий напиток и горячую кровь только что убитых туатами зверьков. Апатия накатывала такая, что ни жалости, ни отвращения я не

испытывала. Всё поглощало желание выжить в вечной мерзлоте.

Выглядела я сейчас, должно быть, так же ужасно, как и чувствовала себя. Губы растрескались. Лицо обветрилось и покрылось жёсткой коркой. Веки стягивало, оттого что приходилось постоянно щуриться. Нос шелушился. Мышцы одеревенели, суставы почти не гнулись. От худобы заострились колени и локти, только толстый слой шкур скрывал выпиравшие рёбра.

Я сидела квёлая и разморённая у костра. Вей решил во что бы то ни стало меня развеселить. Предложил потренироваться в телепатии. Мы устроились на шкурах, скрестив ноги, в стороне от остальных и повторяли пройденное: синхронизировали дыхание и движения, плавно вошли в транс. Сосредоточенье бодрило, расшевеливало застывшее восприятие, наполняя его яркими красками и весельем. Брат раскрывал мысленный поток мне навстречу, я летела по тёмным тоннелям вслед за шустрыми серебристыми всполохами мыслей, хватала, как рыб за хвост, и как рыбы они выскальзывали у меня из рук и неслись прочь. Я гналась за ними, пока не врезалась в невидимую преграду.

— Ай! — вскрикнула я и потёрла будто наяву ушибленный лоб.

«Не увлекайся, а то расшибёшься», — раздался в голове насмешливый голос брата.

«Это был телепатический барьер, да? Научи, как его выставлять или хотя бы как обходить!»

«Рано ещё».

Я обиженно выпятила нижнюю губу. Надоело одно и то же отрабатывать. Нет, я понимаю, опыт и всё такое, но иногда кажется, что брат не воспринимает мой дар всерьёз.

«Ну, пожалуйста! Может, лёгкое внушение? Или гипноз? Или...»

«Отражение», — закончил за меня Микаш.

Я вздрогнула и обернулась. Он стоял рядом, подпирая собой стену, и пристально изучал меня.

«Отвали, а? Тебе что, рядом с нами мёдом намазано?» — нагрубил ему Вейас.

Вот сейчас и попробую. Сама, раз учить меня не хотят. Положила руку на плечо брату и представила, как обволакиваю его спокойствием. Я делала так раньше. Не понимала, что это мой дар, настолько естественно всё происходило. Вот и сейчас: колеблющиеся чаши весов замирают.

Мышцы Вея расслабились под моими пальцами. Он повернулся ко мне и ласково улыбнулся.

«Продолжим?»

Я кивнула, исподлобья глянув на Микаша. Он пожал плечами и удалился. Должно быть, тоже скучает, хочет поговорить для разнообразия с кем-нибудь из своих...

«Какие ж вы, бабы, жалостливые», — хихикнул Вей.

Ах ты ж, не заметила, как он начал читать.

«Ну я тебе устрою!»

«Догони вначале!»

Мы бегали друг за другом в мыслях и бесились, как в детстве. Только сейчас никто не мог подсмотреть за нами и упрекнуть в неподобающем поведении. Как же это было весело!

Когда мы отоспались, мести не перестало. Снег валил сплошной стеной, вихрился, грохоча ветром. Пришлось ждать. Туаты изредка выбирались на охоту, а мы маялись от безделья. Я дремала, закутавшись в три шкуры, Вей копался в своих вещах. Насобирали за время путешествия сувениров: чешуйки амфисбены, коготь варга, шишку со скрюченной

сосны. Он не был сентиментален, не любил хвастать, просто время от времени вертел их в руках.

Сложив своё добро обратно в сумку, он направился к Микашу. Того на охоту тоже не брали, напоминая, что он «длиннобородый» и к выживанию в горах не приспособлен.

Микаш снова разглядывал письмо, распаляя моё любопытство. Сколько можно вздыхать непонятно по кому? Вейас пихнул его в плечо.

— Чего расселся, увалень? Отрабатывай свой хлеб!

— Я и так отрабатываю! — хрипло проворчал Микаш, пряча «реликвию» за пазуху.

В самом деле, трудился он во время разбивки лагеря и поиска пути побольше нашего, помогал и вникал во всё, в то время как мы с братом были простыми нахлебниками.

— Мне-то какая от этого польза? — не унимался Вей. — Это мой поход, значит, будь добр, подчиняйся.

Микаш скривился:

— Облобызать тебе сапоги или сигануть в пропасть?

— Кому нужны твои унижения? — Вей подцепил своим мечом ножны Микаша. — Давай кости разомнём.

Тот пожал плечами. Оба скинули малицы и вышли на свободное пространство. Раздираемая любопытством, я подобралась поближе. Они обнажили клинки и стремительно сошлись, не дожидаясь команды. Я впервые видела, чтобы Вейаса настолько захватывал азарт. Куда там тренировочным поединкам дома, которые он наверняка назло отцу проигрывал. Даже с амфисбенной он не сражался так яростно. Как будто на кону была его жизнь или нечто большее. Но... этого было недостаточно. Микаш отбивал даже самые хитрые из его финтов играючи. Не дрался всерьёз, нападал лишь для вида. В бою он выглядел совсем иным: быстрым, гибким, ловким, смертоносным. Не думала, что медведи могут быть такими. Насколько же он силён?

Вейас двигался с головокружительным темпом, отрывисто нанося точные удары. Я не могла предсказать ни единого его выпада. Клинки со скрежетом сталкивались, разлетались и снова сталкивались.

Хотелось выбежать к брату и помочь, но стоило ли лезть под шквал наточенной стали? Ну же! Ты сможешь стереть самодовольное выражение с лица этого нахала, не отступай!

На рубашке брата появились мокрые пятна, лоб заблестел от пота. Вейас замедлился. Я сжалась. Исход уже близок!

Вей запнулся. Сердце ёкнуло. Брат вывернулся и нанёс удар снизу, переплёл клинки, пытаясь выбить оружие противника. Микаш отступил, дёрнув меч к полу. Он упал, лязг разнёсся по каменным сводам победным эхом.

— Хитрость — хорошо, затуманенный яростью разум — плохо. Забыл, чему я тебя учил? — снисходительно спросил Микаш.

Брат поднял оружие, досадливо сплюнул себе под ноги и отвернулся. Я ощущала его досаду и неудовлетворённость. На душе стало горько настолько, что я решила на безрассудство. Скинула малицу и потянула собственный меч из ножен. Не слишком искусно выкованный, но короткий и лёгкий, чтобы я могла с ним справиться. Вей учил меня защищаться. Когда я буду жить одна, это понадобится не меньше, чем дар.

— Сразись и со мной, — позвала я Микаша.

Он нахмурился, оглядывая меня с ног до головы.

— С бабами не дерусь.

— Испугался, что «кисейная принцессочка» опозорит такого могучего воина, как ты? — я с вызовом выгнула бровь.

Микаш напрягся, глаза сощурились, губы сжались в тонкую полоску. Кивнул. Мужчины!

Я вскинула меч и встала в атакующую позицию, выставив ведущую ногу вперёд. Про себя мысленно повторяла наставления, вспоминала приёмы, всё, что знала о фехтовании.

— Лайсве, не стоит, — отговаривал брат.

— Почему веселье всегда достаётся только тебе? — усмехнулась я, скрывая неуверенность.

Микаш продолжал сверлить меня оценивающим взглядом, перекладывая меч из руки в руку.

Несколько глубоких вдохов помогли отрешиться от страха и волнения, сосредоточиться на поединке и противнике. Мы сошлись. Я ударила легко, примеряясь. Нужно сохранять силы. Микаш отбил лениво, нехотя. Сделала второй выпад, ещё. Почему он такой зажатый и неповоротливый? С братом был совсем другим. Ударила сверху. Микаш покачнулся, отступил. Да что с ним? Этот бой ещё нелепее, чем с трясущимся от страха поединщиком.

— Сражайся! Воспринимай меня всерьёз! — выкрикнула я и, забыв о наставлениях, лупанула со всей силы.

Микаш даже не защищался. Пятился, прикрывая грудь мечом, пока не уткнулся в стену. Я подбила его оружие снизу и выдернула из руки.

— Слабак!

Остриё прижалось к его горлу. Глаза стали огромными. Грудь тяжело вздымалась, по лицу градом тёк пот. Я подцепила кожу, и с шеи на воротник закапала кровь.

Губы пересохли, в ушах гулко клокотала ярость. Почему мне так хочется его сломать?

— Отдай честь победителю! — прорычала я сквозь зубы.

Сиплый вздох. Дрожащей рукой Микаш убрал мой клинок от горла и согнул спину так, что, казалось, вот-вот хрустнут позвонки.

— Почёт победителю! — упавшим голосом отсалютовал он.

Послышался хохот. Я обернулась. Туаты вернулись с охоты и потешались над нами. Только брат смотрел с мрачной отрешённостью. Микаш распрямылся, подхватил свой меч и широкими шагами направился к выходу. В снежную бурю.

Ну, конечно, я растоптала его хрупкую мужскую гордость. А не надо было относиться ко мне снисходительно! Лучше бы дрался, чем вёл себя... как медведь!

— Не лезь к нему. Будет как с Петрасом, — зашептал Вейас над ухом.

— Вряд ли. У него кто-то есть. Видел, постоянно её письмо перечитывает? Я докажу!

Вейас тяжело вздохнул и покачала головой.

***

Микаш вернулся весь покрытый сосульками, как давешний бронированный медведь. Уселся угрюмой тенью у костра и вытянул к пламени руки. По пальцам ручейками бежала вода. Шипела, попадая на раскалённые угли.

— Выпьешь? — Асгрим протянул флягу с улусом.

Микаш мотнул головой, не отрывая взгляда от огня:

— У меня и так внутри всё горит и кружится.

— Из-за девчонки? Понимаю. Будь она из наших, я бы тоже влюбился. Есть в ней что-то...

— Огонь. Он сжигает меня изнутри. Ничего делать не могу, только следовать за ним, пока он не спалит меня дотла. Не думал, что такое возможно. Да ещё из-за кого? Из-за взбалмошной принцессы, которая меня презирает. Остальные дамы, которых я видел, были бездушными куклами, а эта живая, как редкий нежный цветок. Настолько хрупкий, что, кажется, коснёшься его, и лепестки опадут на подставленную ладонь. Он умрёт, а я не смогу жить без него. Но всё равно каждый раз, когда она подходит на расстояние вытянутой руки, во мне вспыхивает желание дотронуться. Настолько больно, что хочется вырвать сердце из груди.

— Бедолага, — усмехнулся Асгрим. — Она совсем не такая хрупкая, как кажется. Поговори с ней — станет легче.

— О чём? Как сеять рожь и пасти овец?

Микаш перевёл взгляд на плотный комок одеял и шкур, завернувшись в которые она спала в обнимку с братом. Он и сам дико хотел спать. И чтобы не преследовали во сне эти томные грёзы.

***

На следующий день утром я проснулась раньше Вейаса. Туаты снова куда-то ушли. Один Микаш сидел у костра со своим дурацким письмом. Высокомерный нахал: я для него недостаточно красива, недостаточно сильна. Только и делает, что всем своим видом превосходство доказывает. И ладно бы надо мной. Но за брата — не прощу. У него самого куча слабостей. Сейчас я узнаю, как зовут главную из них.

Я подкралась к Микашу и спросила в лоб:

— Это письмо от возлюбленной? Ты хоть читать умеешь?

— Не твоё дело! — посмотрел он на меня волком.

— Фу, как невежливо.

Я вырвала у него лист. Он подскочил, алчущие руки потянулись ко мне, но я вовремя отпрянула.

Вейас поднялся и недовольно уставился на нас.

— Знаешь, как зовут его тайную зазнобу? — шутливо усмехнулась я. — Маршал Гэвин Комри... Ой!

Микаш схватил меня за талию, и стало уже не до смеха. Он ведь своими лапищами как тростинку меня переломит!

— Это ты заслужил место в элитной армии, а не Йорден?

Страх уступал под напором едкого чувства.

— Какая тебе разница? Недостаточно посмеялась? — Микаш забрал из моих ослабевших рук свою «реликвию» и запихнул за пазуху. — Да, я неудачник настолько, что ворую чужой мусор и мечтаю, чтобы он стал моим. Ты удовлетворена?

Я высвободилась, но продолжила стоять в опасной близости. Какой же он всё-таки... жалкий?

— Лайсве! Что ты творишь?! — Вейас дёрнул меня за плечо.

Мы сели у костра, а Микаш спрятался в тёмном углу, как делал обычно. Больше я его не

Ничто не длится вечно — только наша дорога. Буран стих, и мы смогли ехать дальше. Я истосковалась по солнечному свету, даже по тому, от которого печёт и режет глаза. Черноту разбавляли лишь лунное сияние, клубившийся пар изо рта и отблески пламени. Я уже почти забыла, как выгляжу при дневном свете. Раньше меня не сильно заботила собственная внешность, да и в зеркало, по заявлениям нянюшки, я заглядывала гораздо реже, чем следовало. Не думала, что буду скучать по отражению своих глаз. Остальных я тоже видела лишь зыбкими очертаниями, масками в огненных бликах. Мир вокруг превратился в тени, словно не спасли меня туаты из царства Странников, а отправились в него вместе со мной. Неприкаянные, без усталости, вперёд, в сердце холода и ночи.

Теперь мы не поднимались высоко, а шли вдоль петляющих, пустых зимой речных русел. Кряжистые хребты и густые хвойные леса защищали от ветра и снегопада. Горы понижались. Асгрим говорил, что вот-вот начнётся более простой участок — плоская тундра с редкими невысокими холмами. Там ветрено, но нет шансов свалиться в ущелье или попасть под лавину. И никаких медведей!

Микаш больше не подходил и не смотрел в мою сторону. Вей тоже присмирел, но во время занятий телепатией был настолько невнимателен, что допустил меня к мыслям о том, как ему хотелось высечь Микаша розгами. Я слышала о том, что к простолюдинам в Сальвани и южных провинциях Норикии применяли жестокие наказания, но у нас в замке такого не случилось.

Пока я читала Вея, он успел прочитать меня. Оборвал связь и печально взгляделся в глаза:

— Я похож на Йордена, да? Даже зависть не могу унять.

Я вытаращилась и замотала головой:

— Нет-нет, ты совсем не такой. Все люди иногда ошибаются. Главное — учиться на своих ошибках и не поддаваться дурным мыслям. Микаш и меня бесит порой, но в такие моменты я вспоминаю, насколько он жалкий. Со всей своей силой ему никогда не стать тем, кем можешь стать ты, Сумеречником. Используй его, попроси потренироваться. Он согласится, ведь знает, что его дело — служить, а твоё — повелевать. Видел, как легко мне удалось его победить? Действуй так же.

— Он тебе нравится?

— Почему ты всё время спрашиваешь? Будь Микаш хоть властелином Мидгарда, я бы никогда его не выбрала.

Хрустнул под ногами снег. Я обернулась. За мохнатыми елями мелькнула широкая спина. Сейчас была вторая большая днёвка в Окаёмном лесу, за которым начиналась тундра. Чтобы во время занятий нас не отвлекали, мы отошли в сторону от лагеря. Я думала, мы одни, но, оказывается, медведь продолжал ходить за нами, как привязанный.

Вейас рассмеялся, горько и обречённо. Мой напряжённый взгляд заставил его опомниться:

— Идём. Хватит уже на сегодня.

— Сейчас, только в кусты сбегаяю.

Не знаю, зачем я его искала. Хотела попросить прощения? Думала, что он поможет брату? Глупо это.

Микаша выдали разносившиеся по всему лесу гулкие удары. Он стоял у толстенной сосны, единственной посреди ельника, и колошматил кулаками ствол, обсыпая себя снегом. Обострившимся за недели в темноте нюхом я уловила запах крови и подошла поближе.

— Что ты делаешь?

Он развернулся так резко, что снег с его плеч полетел мне в лицо. Я закрылась руками и отступила на шаг.

— Обтёсываюсь, разве принцессочка не этого хотела? — склонив голову набок, заявил Микаш. Он сбил костяшки чуть ли не до мяса. Ужасно! — Не нравится? Моя кровь тоже слишком грубая, слишком много земли и пота?

Он сунул свои кулаки мне под нос.

— Прекрати паясничать, — я оттолкнула их и поморщилась.

— Принцессочка воротит нос? Ах, что же мне, рождённому служить червю, сделать, чтобы принцессочка была довольна? Порхать вокруг, как птичка, и петь песни сладким голоском? Или, может, мне раздеться на морозе и побыть случным бычком? Попользуетесь и выбросите, когда надоем.

Я даже подумать не успела. Ладонь сама впечаталась в его щёку с такой силой, что загудела. Микаш пошатнулся и уставился на меня совсем как тогда в пещере. Если ударит в ответ, то вышибет дух. Он ведь так меня ненавидит!

Микаш бухнулся на колени и ухватил меня за ноги.

— Простите меня, простите, моя принцессочка. Высеките меня, если я вас обидел. Велите мне самому себя высечь, — его глаза ошалели. Я рванулась, но он удержал. — Моё оскорбление слишком велико? Его нужно смыть кровью? — Микаш вложил в мою руку свой клинок и припал к лезвию шеи. — Ну же, рубите! Я всего лишь вещь, предназначенная служить. Слишком тяжело? Тогда велите мне самому выпустить себе кишки.

Его хватка ослабла. Я попятилась и выронила меч.

— Ты больной!

— Как скажете, принцессочка. — Микаш скривил рот в одну сторону, поднимаясь с колен. Видимо, представление закончилось.

— Не называй меня так. Я дочь лорда, а не короля. Моё имя Л-а-й-с-в-е.

— Фу! Оно тебе не идёт. Мне больше нравится прицессочка, — похабно ухмыльнулся он, подбираясь ближе.

— Оно означает свобода, и это единственное, что мне идёт!

Микаш замер и потупился. Удивился? Ничья. Что за странная у нас игра: наступаем, отступаем, а потом снова... по какому уже кругу?

— Извини за всё, что наговорила тебе... и не тебе. На самом деле я так не думаю.

— А что ты думаешь?

— Ничего, то есть, возможно, кому-то ты покажешься привлекательным и милым со всеми этими... — я взмахнула руками, изображая его грубые выходки.

— И мне не нужно никому служить?

— Ты ведь сам сказал, что не придумал ничего лучше, кроме того, чтобы идти за нами. К тому же все кому-нибудь служат: ордену, королю. По-настоящему повелевают лишь боги.

Он хмыкнул и сложил руки на груди.

— Я хотела подбодрить брата. Он в последнее время не в себе.

— Да все вы немножко того, — Микаш повторил жесты, когда я изображала его. Очень остроумно!

Даже в темноте были видны его разбитые костяшки. Я протянула ему туесок.

— Вот возьми, чтобы зажили быстрее.

Он даже не поблагодарил!

— Так... ты знаешь, что с моим братом?

— Догадываюсь, — ответил он, втирая в покрасневшие на морозе ладони мазь туатов. Я смотрела на него во все глаза, ожидая продолжения. — А ты? — я неопределённо повела плечами. — Тогда я промолчу. Ещё ошибусь, и на меня опять всех собак повесят. Сама с ним поговори.

— Он мне не скажет. Тут какие-то мужские дела, я не очень понимаю. Если бы вы побеседовали по душам... — от пристального взгляда сделалось жарко, как под палящим летним солнцем.

— Можно попробовать, — на удивление легко согласился Микаш. — Но это будет не бескорыстная услуга, а обмен. Ты тоже мне кое в чём поможешь.

Ой, нет! Сейчас опять гадость выдумает.

— Ты научишь меня драться.

— Ты дерёшься лучше меня. Намного, — напомнила я, чтобы не возникло недоразумений.

— С мужчинами, а с тобой каменею. Не бойся, покажу пару приёмов. Ничего постыдного или опасного. Ты моя слабость, а слабости я не люблю, мне нужно её преодолеть.

Я думала, его слабость — женщина из письма. Маршал Гэвин Комри, ага... и место в ордене.

— А ещё я могу сказать о твоём даре кое-что, чего не знает даже твой брат.

— Говори! — от волнения я ухватила его за ворот.

— Ты не телепат.

— Конечно, телепат, это наш с братом родовой дар. Как бы я могла читать мысли?

— Именно что не могла, ведь ты ещё девственница. Самое большое — улавливала бы отголоски сильных эмоций, но ты делаешь почти всё то, что можем мы с твоим братом. Ты отражающая.

Уникальный дар? Невероятно!

— Ты отражаешь чужие способности, мои и твоего брата, если они направлены на тебя, поэтому у тебя получается читать мысли и даже делать мелкие внушения. Были бы здесь Сумеречники с иными способностями, скажем, ясновидением, то ты бы смогла делать то же, что и они.

— погоди! Дома я как-то перехватила видение вельвы. Отец тогда сказал... да, он сказал, что это отражение, — я прижала укутанную в рукавицу ладонь к губам. — Значит, ты прав!

— Я всегда прав. Только не надейся, что это поможет тебе попасть в орден. Ни женщины, ни простолюдины рыцарям не нужны.

— Умеешь же всё испортить!

Не желая больше разговаривать, я пошла к лагерю.

— Эй, стой! Я не хотел тебя обидеть! Ты мне поможешь? — тяжело пробираясь по сугробам, побежал следом Микаш.

Я ускорила шаг. Как, вот как ему удаётся настолько всех бесить?!

Я устроилась на бревне у костра возле брата. Он сидел с пустой площадкой на коленях. Поприветствовал короткой усмешкой и продолжил созерцать трепещущие на ветру языки пламени. Туаты то ли устали, то ли были слишком заняты своими мыслями. Молчали. Поэтому приближающийся скрип снега под ногами раздался зловеще громко.

Микаш станет препираться со мной при всех? Тогда Вей совсем озверееет. Почему меня так и тянет к этому медведю?

Он навис не надо мной, а над моим братом.

— У тебя проблемы?

— Что? — обескуражено спросил Вей, впервые его заметив.

— Не чтокай, а прямо говори, в чём твоя проблема! — Микаш схватил его за ворот и потянул к себе. Я дёрнулась, чтобы их разнять, но в голове раздалось: «Не лезь».

— Отвали, а? Я тебя не трогаю — ты меня! — вырвался Вейас и пнул его ногой.

— Тогда какого демона ты ко мне цепляешься? Думаешь, я не догадался, кто подсыпает мне снег под одеяло? Думаешь, я не знаю про остальные твои скудоумные шуточки? Ну же, будь мужчиной, скажи мне всё в лицо!

Микаш ударил его в грудь. Вей запнулся о бревно и едва не упал.

— Без понятия, что взбрело в твою тупую башку, — он встряхнул головой и пихнул медведя в ответ. — Не подходи ко мне больше, ни ко мне, ни к моей сестре! Я смогу её защитить!

— Ах, вот в чём дело! Маленький мальчик позавидовал моей силе, приревновал сестричку и решил мне нагадить? — Микаш снова его толкнул подальше от костра. — Все вы одинаковые, что ты, что мой бывший хозяин. Нет, он лучше, его выходки хотя бы были не такими жалкими!

— Не смей меня с ним сравнивать! — зарычал Вейас и бросился на него.

Они сцепились и клубком покатались по снегу, молотя друг друга ногами и руками.

Туаты напряжённо наблюдали за ними. Кое-кто даже поднялся, чтобы прекратить свару. Асгрим остановил их едва заметным покачиванием головы, а меня схватил за руку. Но они же друг друга убьют! Когда я просила Микаша поговорить с братом по-мужски, я не имела в виду разбить его голову о дерево.

Они шипели, как бродячие коты, изрыгали проклятья. Вей выкрикнул что-то особенно заковыристое. Микаш схватил его за шиворот и окунул головой в снег. Вей вывернулся и заехал локтем ему в живот. Микаш хекнул и перекатился на спину, а брат уже целился кулаком ему в лицо.

Я зажмурилась и зажала уши руками. Через пару мгновений Асгрим коснулся моего плеча и указал на возвращающихся к костру мальчишек. Выглядели они одинаково потрёпанными. Вейас утирал рукавом разбитый нос, Микаш сплёвывал сочившуюся с верхней губы кровь.

— А ты неплохо кулаками работаешь. Всяко лучше, чем мечом, — по-дружески похлопав брата по плечу, заметил медведь.

Вей распрямылся и заглянул ему в лицо.

— Будешь тут работать, когда бешеный верзила тебя душит.

Они дружно расхохотались, а я поняла, что уже ничего не понимаю. Доела свой ужин и улеглась спать возле костра, пока Вейас всю братался с Микашем. Они жали друг другу руки, чокались флягами, наливались туалетским пойлом, травили пошлые байки и смеялись,

как умалишённые.

— Чего опять хандришь? Настойка закончилась? — послышался обрывок назойливого разговора.

— Плесни ещё — залить печаль!

Они утихли, и я задремала.

— Она как огонь! — громкий возглас заставил вздрогнуть.

— Кишки в дым, кости в пепел! И ничегошеньки не поделать, сколько ни пытайся.

— Чары?

— Не помогло.

Что они несут?! Похмелье будущее обсуждают? Я швырнула в них снежком. Вроде успокоились, и я наконец уснула.

Глава 21. Меряченье

1527 г. от заселения Мидгарда, тундра

После попойки Микаш с Вейасом если не сдружились, то хотя бы перестали нагнетать обстановку, брат перестал, а медведь... я его не понимала. Мужчины вообще странные, а этот и вовсе сплошная непоследовательность. С ним, конечно, легче и удобней: мы вместе занимались телепатией и фехтованием. Микаш показывал многое из того, о чём мы не знали. От его строгих, подчас суровых тренировок Вей на глазах мужал, становился сильнее и уверенней. Даже у меня что-то получалось. По крайней мере, я больше не жаловалась на слабость и не падала после каждого перехода.

А вот у самого Микаша всё шло не так гладко. Он с трудом заставлял себя отвечать на мои выпады и был настолько осторожен, словно имел дело с хрустальной вазой. Боялся ненароком задеть или поранить. Я замирала по его просьбе. Он придвигался вплотную, изучал, нюхал, опасно прикасался к одежде и лицу. Выглядел настолько потешно-удивлённым, что я начинала хихикать. Тогда он замирал, потерянный и несчастный. Безнадёжно махал рукой и уходил, чтобы на следующий стоянке продолжать самоистязание.

Горы остались позади. Мы вошли в плоскую заснеженную тундру. Сколоченные из цельных сосновых стволов домики-зимовки располагались в десяти часах езды друг от друга. Там мы укрывались от пронизывающего ветра и сильных снегопадов. Мороз крепчал, опалая холодом кожу. Мы натягивали платки и шарфы по самые глаза, глубже надвигали капюшоны. Стужа так и норовила пробиться под толстый мех и пощипать морозными иглами. Даже привычные ко всему ненниры отощали и не показывали норов, сохраняя последние крохи сил.

Я лениво перебирала в памяти названия звёздных рисунков, в воображении доводила их до образов из легенд и сказок. После долгого времени без солнца я научилась отличать день от ночи. Поутру наступали почти незаметные глазу сумерки, небо едва-едва светлело, звёзды выцветали и становились неразличимыми, а ночью разгорались с новой силой и блестели, как алмазы на чёрном бархате платья вдовствующей королевы. Самый крупный, монарший — наконечник стрелы Охотника, Северная звезда. Охотник и есть Безликий, его образ, запечатлённый им же на холсте ночного неба, чтобы указать путь к своей гробнице. По крайней мере, так говорилось в преданиях. Он действительно звал, Северная звезда полыхала льдисто-голубым светом. Быстрее! Идите за мной, я так долго вас ждал!

От пристального разглядывания разболелась голова. Звезда вспыхнула и покрылась

багровой вуалью. Запульсировала с барабанным боем, наполняясь колдовской силой. Завораживала, сковывала злой, пробивающейся даже сквозь трескучий мороз волей.

— Что с тобой? — раздался за спиной встревоженный голос брата.

Задумавшись, я натянула поводья и остановила лошадь. Вей поравнялся со мной, туаты окружили нас.

— Северная звезда... — я суматошно перебирала слова, не зная, как объяснить смутные ощущения, взглядом оббегала толпу, усталые глаза, тлеющие под заиндевелою грудой тканей и мехов. — Она пульсирует красным, — я сдвинула виски, пытаюсь сосредоточиться, но головная боль не позволяла уловить ни одной здоровой мысли. — Что-то не так, будет плохо, я...

— Успокойся! — Асгрим положил мне руку на плечо. — Со звездой всё в порядке. Север играет с твоим разумом. Такое бывает, если ты устал или ослаб. Доберёмся до следующей зимовки и устроим ещё одну днёвку. Отоспишься — полегчает.

Они поехали дальше, а я никак не могла отвести взгляда от пышущего огонька. Отчего жуткое предчувствие сковывает всё тело? Я растолкала кобылу на шаг. Рядом застыл Микаш. Он смотрел на звёздное небо, едва заметно покачиваясь в седле.

— Ты тоже видишь?

Он вздрогнул и обернулся. Его глаза сверкали не хуже звёзд.

— Держись поближе ко мне.

Догонять наш отряд пришлось галопом.

Днёвка выдалась не менее таинственной и зловещей. Зимовье оказалось побольше уже виденных. Мы устроились в просторной квадратной комнате. Пока Вей разжигал камин в углу, туаты достали из тайника под крышей несколько холщовых мешков и тыкв.

— Прошлогодние запасы, — усмехнулся на мой незаданный вопрос Асгрим и, откупорив тыкву, дал понюхать.

От резкого запаха я чихнула. Туаты рассмеялись, приободрившись так, словно не было месяца странствий по заснеженным горам.

— Огнистая настойка — не замерзает даже в лютые морозы, — объяснил Асгрим, пока остальные раскладывали на полу шкуры и усаживались возле камина, который уже потрескивал смолистыми дровами.

— А это ягель, — Асгрим развязал тесёмки на мешке и показал сухие белые нити оленьего мха внутри. — Ух, и расслабимся сегодня. Только женщинам нашим не рассказывай — им не понравится.

Он подмигнул мне и устроился в кругу своих сородичей. Конечно, женщинам не понравится. Кому это из их жён пришлось бы по душе, что их благоверные вместо охоты набираются тут до белых демонов?

Я подседа к остальным. Раздавали похлёбку. Голоса туатов звучали всё громче, а потом разом стихли. Откупорили тыкву. Каждый делал глоток и передавал соседу слева, пока она не пустела. Потом брали новую. Асгрим предложил и мне:

— Глотни. Тревога утихнет, и странное мерещиться перестанет.

Я отмахнулась. От одного запаха к горлу подступала дурнота.

— Выпей — лучше выплещись. Туаты говорят, от него похмелья не бывает, — к делу приступил Вейас. Глаза блестели — он уже хорошо захмелел. Взял меня за руку и принялся внушать. Я закрывалась изо всех сил. Как же он меня бесил, как отец в Ильзаре, и лицо сделалось очень похожим. Отец! Вдруг я никогда его не увижу? И Ильзар, и Дикую Пуцу, и

соседние деревушки — Дрисвяты с Подгайском? Обледеваю и навсегда останусь здесь, во тьме с демонами.

Улучив момент, Вей обхватил меня за плечи, Асгрим влил напиток силой. Он попал не в то горло, обжёг. Я подавилась и закашлялась.

— Оставьте! Захлебнётся ведь, — подоспел к нам Микаш и ударил меня по спине так, что я чуть не упала. Хоть кашель прошёл, и Асгрим с Вейасом больше не приставали.

Когда фляги опустели, туаты достали деревянные трубки и набили их ягелем. Раскурили, выдувая белёдые кольца, и тоже стали передавать по кругу.

Дым белыми облаками скапливался под потолком. От едкого кисло-сладкого запаха кружило голову. Туаты завели тоскливую песню. Заскрипели подвяленные дымом голоса, хором рассказывая историю на непонятном мелодичном языке. То опускались, то поднимались, ликовали и грустили, тосковали и полнились надеждой. Чудились в их песне бушующий океан, заснеженные вершины гор, вьюжный вой и плач по утраченному величию.

— О чём это? — разморено спросил Вей, когда они замолчали.

— Песня предначальных времён на предначальном языке. О том, как лесная богиня Дану увела наших предков из гибнущего мира через Червоточину. По морю они приплыли на серебряных кораблях к тёплым берегам и расселились южнее Утгардского нагорья. Не всем пришёлся по вкусу Мидгард. Отчаянные смельчаки искали дорогу домой. Захватили корабли и поплыли обратно, но не вела уже их богиня. Корабли разбились об айсберги и затонули. Лишь нескольких счастливиц помиловали боги, велев передать остальным, чтобы те не мыслили о возвращении и не смели заходить в пустыню Хельхейма северной лабиринта. В такую же зимнюю пору они шли, замерзая, через Утгард и оплакивали потерянную прародину, — по-пьяному высокопарно отвечал Асгрим.

— А говорят, вас породила Червоточина, — усомнился Вей.

— Нет, наш народ был рождён под солнцем другого мира. Мира, где хозяевами были мы, а не длиннобородые. По крайней мере, так сказывается в легендах, — Асгрим притих, погрузившись в мрачные раздумья.

— А детали? Ваша баллада такая длинная. Можешь дословно её перевести? — Вейас сосредоточился и подобрался, будто не пил вовсе.

— Предначальный язык умер вместе с нашей прародиной. Лишь отголоски тех событий сохранились в легендах, но и они угасают с каждым поколением. Наша богиня теряет силы, ворожея выбрала иного покровителя, здешнего. Вскоре мы и вовсе уверимся, что правдивы ваши поверья, а не наши.

Асгрим выкурил из протянутой товарищем трубки побольше, выпуская дым струйками из ноздрей.

Вейас молча ожидал своей очереди. Необычно степенный, задумчивый. Взгляд далёкий-далёкий. Видимо, у нас в семье не одна я люблю задаваться бесполезными вопросами.

— Почему ваш мир умер? Разве он может умереть? — спросила я, когда Асгрим вручил трубку Вею.

— Об этом в легенде не говорится. Может, стало слишком жарко, а может, слишком холодно. Может, была война, которая затопила землю кровью и огнём. Может, тьма поглотила весь мир, а может, боги оставили его. Некому стало поддерживать порядок, и всё обратилось в хаос, — вытягивая каждое слово, отвечал Асгрим, будто продолжал пускать кольца дыма.

— Отчего боги оставляют мир? — мой голос звучал также разморено. Мысли текли

вяло, как в полусне. Я не до конца понимала, о чём у нас идёт беседа, что именно я спрашиваю и что хочу услышать.

— Может, тьма пожирает и их. Может, когда в них перестают верить, их сила исчезает. Может, они сами разочаровываются и уходят. А может, они, как и все, отживают отмеренный срок и умирают, — голос Асгрима затухал, клонился к груди подбородок.

Остальные туаты уснули на тех же местах, где сидели. Вейас бодрился, но как только я перехватила разговор, тоже заклевал носом. Головешки в камине тлели еле-еле, на улице зловеще завывал ветер, мир погружался во тьму. В воображении оживали образы из легенды, пугающие непостижимой глубиной. Я стояла на краю Червоточины. В бездне тлели угольки иных миров, кружились в беспрестанном хороводе и пели завораживающими голосами туатов. Чернота наступала, и угольки, с шипением испустив кольца дыма, гасли без остатка.

Скрипнули половицы. До костей пробрал едва различимый шепоток. Шаги приближались. Чудилось, будто давешний кошмар стал явью. Тёмный суженый спешит сквозь миры, времена и расстояния, а Зверя нет. Он ушёл или умер, неважно. И некому, совсем некому меня защитить.

— Не бойся, — послышался низкий голос Микаша. — Это всего лишь я.

Он опустился рядом.

— Ты не пил? — догадалась я по его верной походке и бодрому голосу.

— Кто-то должен быть начеку, особенно после таких сказок. Спи, я смогу тебя защитить, что бы там ни было.

— Даже если мной обернётся пересмешница и заставит тебя сражаться с ней на мечях? — усмехнулась я, укладываясь поудобней, и закрыла глаза.

— Вряд ли она сумеет подражать твоему ехидству, а с остальным я справлюсь.

Он зевнул, укрыл меня своим плащом и затих рядом.

Наутро вчерашние беседы показались дурманным сном, который стремительно заволакивало пеленой забвения. Вскоре я не могла припомнить ничего, кроме ощущения липкого ужаса перед неизведанным. Остальные тоже молчали, словно те песни и легенды предназначались для прокуренного ягелем вечера, а под сенью ясного дня им места нет.

Ехать стало тяжелее. Лошади лениво плелись по высоким сугробам. У всадников не хватало сил на понукания. Все клевали носом. Молчали. Мечтали лишь о том, когда утомительная дорога закончится.

Северная звезда скрылась за тучами, вместе с ней отступила тревожность и головная боль. И то хорошо!

— Крепитесь, до Заледенелого моря рукой подать! — подбодрил Асгрим.

— Ага, а потом ещё через пустыню Хельхейма и, если повезёт, обратно столько же пилить, — остудил его Вейас.

— Никто вас за руку не тянул, — огрызнулся предводитель туатов и снова встал впереди строя.

Переход всё не кончался. Когда наступила ночь, по крайней мере, по моим подсчётам она наступила — из-за туч не разобрать — я задремала, доверившись кобыле. Мерное колыхание седла убаюкивало. Глаза слипались. Сознание то ускользало, то врывалось в тело, разбуженное резким движением или звуком. И снова тонуло в трясине усталости и недосыпа.

Тело как молнией пронзило. Яркая вспышка ослепила зажмуренные глаза, обожгла веки. Сердце застучало об рёбра. Стало тяжело дышать. Я накренилась набок и соскользнула

В снег.

— Лайсве! — раздался рядом и в то же время далеко испуганный вскрик.

Погасло. Вспыхнуло. Меня трясли, колотили по щекам наотмашь.

— Принцессочка! Не уходи, я сойду тут с ума один!

Я с трудом разлепила веки. Встревоженное лицо Микаша нависло надо мной, маска из тёмного воска с глазами цвета недобрых звёзд. Я потянулась к нему.

— Ты в порядке?

— Да... Вейас?!

За спиной Микаша брата не оказалось. Он не мог не заметить, что я упала, он ехал рядом со мной! Усталость и обморок забылись — сердце сжал тугой комком страха. Я ухватилась за руку Микаша и поднялась.

— Где все? Почему никто не остановился?

Он открыл рот, но слова заглушила музыка. Такая изысканная, чистейшие лады арфы, нежнейшая мелодия флейты, небесный хор, почти как у туатов, только звонче и чище, неземной. Откуда взяться оркестру, достойному давать концерты во дворцах королей, посреди безлюдной тундры? И почему голова кружится, как с похмелья?

Зелёный свет хлынул из густого тёмно-синего неба горным ручьем. Сиреневые всполохи, пурпурные, малиновые переливались яркими лепестками, облизывали языками всех цветов и оттенков, пожирали однообразную синь полугодовой ночи. От пестроты зарябило в глазах. Сколько мы уже не видели таких красок? Месяц? Полтора? Я и забыла, какими яркими они могут быть. Восхитительно! Завораживающе!

Микаш стоял на коленях, запрокинув голову в исступлении. Я замерла в такой же позе. Встряхнула плечами, отгоняя наваждение, и поднялась.

Сияние пробегало волнами, складывалось в зубчатую корону, пульсировало в такт колдовской музыке, сводило с ума не хуже, чем побагровевшая Северная звезда. Огни Червоточины! Как нечто зловещее может быть настолько красивым?! Оно заразило нас безумием. Оно звало, тащило за собой, на север, в самую пасть Червоточины. Вон впереди тёмные силуэты всадников. Бредут, скованные чужой волей, одним молчаливым порывом незнамо куда. Как мертвяки по зову некроманта. По зову Северной звезды.

Мы будто увязли в липкой паутине и не могли даже двинуться! Чудом я дотянулась до Микаша и дёрнула его за рукав.

— Там рождается новый демон, и наш отряд идёт к нему в пасть!

Микаш содрал с руки рукавицу, потянул меч из ножен и обхватил клинок ладонью. Воздух наполнился запахом крови.

Что с моим медведем?! Нет, не хочу его потерять! Иначе я тоже сойду с ума одна!

Я схватилась за сжимавшую клинок руку. Микаш отпустил меч и коснулся моей ладони.

— Против реальной боли ни один демон не властен, даже... — он кивнул в сторону бушевавшего в небе светопрествления и поднялся. — Бежим, нужно их остановить.

Я летела над землёй, подхваченная ураганным порывом. Микаш не отпускал мою ладонь, иначе бы я упала в глубоком снегу или отстала, не поспевая за его размашистыми шагами. Вот и отряд! Они двигались как сомнамбулы, неумолимо, вперёд. Микаш оставил меня позади и помчался обгонять. Холодный воздух обжигал грудь. Я никак не могла унять сердцебиение. Только до слёз вглядывалась в темноту.

Микаш перегородил путь лошадям, раскинув руки в стороны. Жеребец под Асгримом шёл прямо на него, будто не видел. От испуга я прижала ладонь ко рту. Жеребец поравнялся

с медведем и протаранил его мордой. Микаш отпрыгнул в сторону и покатился по снегу. Подскочил и побежал ко мне.

— Их словно на крючок поймали, как рыб, и куда-то тянут, — сбивчиво объяснял он. — Они спят, ничего не видят и не слышат, ни туаты, ни лошади. До твоего брата я даже телепатией дотянуться не смог.

Страх мешал мыслить трезво, заволакивал сознание трепещущей паникой:

— Что делать?! Они же погибнут!

— Не знаю! — кричал Микаш. — Если бы рядом был лес, сбили бы их с сёдел и привязали к деревьям, но их нет. Я не смогу удерживать всех.

Надо что-то придумать!

— Может, они останятся сами, когда это закончится? — Микаш кивнул на льющиеся с неба потоки разноцветного света. — Не может же оно длиться вечно.

— А вдруг будет уже поздно? — Вейас всегда меня выручал, а теперь я ничего, совсем ничего не могу для него сделать. Только смотреть, как он с отрядом туатов уходит в бездну. — Брат мой, Ветер, помоги! Огненный зверь! Хоть кто-нибудь!

Морозные слёзы жгли лицо. На шее что-то толкнулось и отяжелело. Я высунула из-за пазухи ожерелье из костей, подарок доброго дядьки Юле. Что он там говорил? Если понадобится помощь в Утгарде... сейчас она нужнее, чем когда-либо! Я до боли сжала ожерелье в ладони. Пожалуйста!

Всхлипнула вслух. Микаш сгрёб меня в охапку и прижал к себе.

— Не плачь! Пожалуйста, не плачь! Я что-нибудь придумаю. Хотя бы Вейаса удержу!

Он снова побежал к отряду. Я тёрла ожерелье и смотрела во тьму. Самая большая из косточек снова толкнулась. Звон бубенцов заглушил музыку Червотчины. В буйстве цветов вырисовался чёрный силуэт. С запада к нам неслась галопом оленья упряжка. Дюжина рослых животных тащила за собой широкие сани, звенели на нагрудных ремнях бубенцы, свистел хорей, погоняя бежать резвее.

Микаш замер в шаге от отряда с выхваченным из ножен мечом.

— Тпру-хей-хо! — крикнул зычный голос.

Олени развернули сани поперёк дороги и остановились перед отрядом. С козел поднялся погонщик, воздел огромный бубен и стукнул по нему колотушкой. Пританцовывая и кружась, он запел на гортанном наречии. Его голос звенел низкими нотами:

— Хой-гей-хо-хумм-охей!

Оцепенение спало. Я подбежала к саням, Микаш — с другой стороны. Погонщик всё кружился и бил в бубен, поймав музыку Червотчины в тугой ритм. Менял её, пропуская сквозь себя. Вблизи удалось рассмотреть овальную белую маску, прятанную лицо. Шуршали покрывавшие одежду чёрные перья.

Демон? Но аура-то человеческая, с рыжевато-алыми прожилками целительского дара. Я переглянулась с Микашем. Он кивком указал мне за спину. Отряд остановился!

— Чего замерли? — заговорил погонщик на всеобщем языке со знакомым тягуче-картавым акцентом. Микаш выставил меч. Погонщик ещё раз ударил в бубен. — Не бойтесь, детишки, я друг, не убивать, а помогать пришёл. Ползайте в сани. С оленями справитесь?

Микаш вопросительно глянул на меня. Можно ли доверять этому перьевому чучелу? А, была не была! Хуже уже некуда.

Я полезла в сани и развалилась на устланной оленьими шкурами лавке. Микаш забрался следом и устроился на козлах, примеряясь к длинной палке-хорею:

— Надеюсь, ими управлять не сложнее, чем неннирами.

— Гой-хей-хо! — выкрикнул погонщик, и олени припустили так, что мы с Микашем едва не вывалились.

— А как же наш отряд? — спохватилась я, выискивая среди молчаливых всадников Вейаса.

Погонщик вновь забил в бубен и закружился в танце. Как он только равновесие удерживал, когда сани трясло и бросало из стороны в сторону?

Послышался топот. Отряд мчался за нами, отвернувшись от зловещих огней.

— Куда править? — спросил Микаш, но ему тоже не ответили.

Олени сами выбирали путь. Впереди показалось большое круглое строение. У нас такие делали из камней или кирпича-сырца, но это было сложено из ледяных глыб. Олени остановились. Погонщик прыгнул в снег и продолжил танцевать. Наш отряд спешился по его команде и направился к вытянутому прямоугольником входу. Погонщик отодвинул плечом глыбу, которая заменяла дверь, и повёл всех внутрь. Когда последний из отряда скрылся в коридоре, Микаш завесил трепетавший на ветру полог из оленьей шкуры, задвинул глыбу и принялся изучать ледяную стену. Похоже, её обливали водой на морозе, чтобы скрепить «кирпичи».

Рядом обнаружилось два загона, огороженные низеньким забором из покрытых ледяной коркой жердей. В меньший мы завели оленей, точнее, Микаш завёл — я побоялась к ним приближаться. Пырнут в живот рогами, и все кишки наружу вывалятся. Уж лучше клыкастые лошади — их мы отправили в больший загон — и, обвешавшись тюками, потянулись в дом. Пришлось сделать четыре ходки. Закончив, мы повалились на ледяной пол маленькой прихожей, обливаясь потом и тяжело дыша. Основное помещение закрывал ещё один полог. Из-за него доносился стук бубна и гнусавое пение.

Я с трудом поднялась, цепляясь за скользкую стенку. Микаш подставил плечо, и вместе мы заглянули внутрь. Посреди просторной комнаты, на больших, плоско стёсанных камнях горел очаг. В его пламени танцующий погонщик выглядел ещё более причудливо, как огромная чёрная птица с белой мордой, только клюва не хватало. Широкая накидка с узкими прорезями для ладоней делала движения рук похожими на взмахи крыльев.

Туаты и Вейас лежали в три ряда у дальней стенки с закрытыми глазами. Хвала богам! Пустые взгляды пугали до смерти.

Мы устроились возле очага, Микаш позаимствовал лежавший рядом котёл и набрал в него снега. Мы приладили его на палку, подвешенную на шестах над огнём.

— Мы не слишком нагло тут хозяйничаем? — забеспокоился Микаш.

Я глянула на погонщика. Его кружения становились плавней и медленней, а голос падал до совсем низких нот и затухал в тишине.

— Он не ответит, даже если мы спросим, — я пожала плечами.

Без полыхающих огней Червоточкины стало легче, до безрассудства. Не хотелось больше тревожиться. Я верила, что этот птичий человек та самая помощь, которую обещал Юле, та, которую я просила у Огненного зверя, без подвохов. Лучше я раскроюсь навстречу чуду, позволю воткнуть в сердце ядовитые шипы, чем убью неверием.

— Расскажи что-нибудь, — попросила я.

Микаш замялся и поморщился:

— Про что? Про то, когда лучше сажать рожь, а когда ячмень?

— Про то, как сворачивать шеи Странникам? — улыбаясь шире, предложила я.

— Кровожадная!

— Я такая, какой должна быть дочь высокого лорда.

— Дочь лорда должна сидеть дома и вышивать крестиком, а не слоняться с шайкой демонов по долам и весям.

Я фыркнула:

— А простолюдин должен сажать ячмень и рожь и почитать Сумеречников.

— Когда бы слова Сумеречников не расходились с делом, я бы только этим и занимался!

— Ты себе противоречишь. Я ещё могу понять единоверцев — те хотя бы в демонов не верят. Почему в тебе нет благоговения и страха, как в остальных из твоего сословия? Почему ты лезешь на рожон, хотя не был рождён и воспитан в доме Сумеречников?

— Какая к демонам разница? У меня нет сословия, нет дома, ничего нет, поэтому я свободен делать то, что хочу. А хочу я убивать тварей!

Ишь как воспалился!

— Расскажи! — Вот-вот сдастся. Я заискивающе улыбнулась. Мужчинам нравилось: — Пожалуйста, это так необычно!

— Только глазки не строй — стошнит.

Медведя очаровать нельзя. Его можно лишь заставить застыть, если подойти слишком близко. Я приняла серьёзный вид и занялась похлёбкой. Снег в котле расплавился, и я подкинула туда рыбьей муки и немного овса. На одной из стен рядом висели пучки сушёной травы, связки лука и чеснока. Я бы хотела добавить приправ, но брать ничего не решилась.

— В селе говорили, что мать носила меня одиннадцать месяцев, — произнёс Микаш. От неожиданности я чуть не опрокинула на себя воду. — Я родился на одиннадцатый месяц после смерти её мужа. Она не была распутной или жадной до богатств Сумеречников. Ей просто хотелось, чтобы в доме был мужчина, работающий помощник и защитник. Боялась, что не справится с хозяйством одна. К тому же у неё на руках осталась моя старшая сестра, она была... особенной и доставляла много хлопот.

— Особенной? — восторгалась я. — В смысле, как ты, с даром?

Микаш загадочно качнул головой.

— Она была не такой, как все. Доброй, нежной. Она так любила цветы. Порой сбегала на луг, и я находил её лишь к вечеру с охапками букетов и венков из одуванчиков. Так я её и называл — Одуванчиком. Она притаскивала в дом раненых котят, собак, галчат и голубей, однажды даже хромую козулю привела. Самой их вылечить у неё не получалось, и смотреть за ними приходилось мне, но от её радости на душе становилось так тепло, что я соглашался даже на самые бредовые просьбы. Иногда она болела. Раскачивалась из стороны в сторону и повторяла одни и те же слова часами. Я сидел рядом, держал за руку, пока она не засыпала. Только с ней я мог быть настоящим, не прятать свой дар. Из-за того, что я знал мысли окружающих, односельчане чурались меня и считали таким же, как сестра.

Мы жили бедно. Наше село с трудом перебивалось от урожая к урожаю, без кормильца нам приходилось тяжелее остальных. Сызмальства я много работал и на своём дворе, и у зажиточных соседей. Я никогда не жаловался, не чувствовал себя обременённым или обиженным. Я любил их, мать с сестрой, готов был заботиться о них, каких бы тумачков и потов это ни стоило.

Глаза Микаша сделались большими и прозрачными, блестели в отсветах костра сухими слезами, выдавали сжимавшую сердце тоску.

— Так почему ты ушёл?

— Не я ушёл — они, — Микаш тёр лицо ладонями и некоторое время молчал. Я помешивала варево, не надеясь на продолжение, но он снова заговорил, уставившись на обнимающие котёл языки пламени. — Мне едва минуло двенадцать, когда на наше село напали Странники. Сумеречники отказались нам помогать, потому что мы не платили десятину.

— Почему? — встрепелась я. Конец истории уже был ясен, как и причина ненависти Микаша к нам. — Десятина — это не так много. Это необходимо, чтобы содержать гарнизоны и...

— Наше село эта десятина спасала зимой от голодной смерти, — Микаш невесело усмехнулся и продолжил: — Я украл у них серебряный меч и отправился на битву один. Но... опоздал. Нашествие уже началось. Странники пили кровь односельчан, распарывали им животы и пожирали кишки. Эти воспоминания до сих пор преследуют меня в кошмарах, — Микаш сжал лицо растопыренными пальцами, морщась. — Я прибежал домой, но моя мать была уже мертва, а сестрой завладел фантом. Он был похож на меня, только старше и сильнее. Самое ужасное, что я догадывался обо всём, но не хотел верить. Из-за моего малодушия погибло целое село. Сестра переродилась и запустила клыки в моё горло.

Ощущения вины, беспомощности и злости подстегнули мой дар и чутьё. Прорыв способностей — Сумеречники называют это так. Я выхватил меч, убил сестру и фантома, убил каждого Странника в селе. На следующее утро меня, полумёртвого, нашёл лорд Тедеску со свитой. Пообещал, что, если я хорошо ему послужу, он устроит меня в орден. Я надеялся, что так мне полегчает, но сколько бы тварей я ни убил, в орден меня не примут, и совесть тоже заглушить не удастся.

— В этом нет твоей вины, — его рассказ, его эмоции будоражили настолько, что сердце щемило от сочувствия, заставляло негодовать от несправедливости, неправильности его истории. — Ты был всего лишь ребёнком!

— Ненавижу пустые оправдания, — отмахнулся он и отклонился назад, прячась в тени.

— Поэтому ты спас меня?

— Ты напомнила мне сестру.

Как булавкой кольнуло. Руки сжались в кулаки.

— Ты хочешь сказать, что я такая же полоумная?!

— Нет, конечно, нет, — торопливо оправдывался Микаш. — Она была намного добрее и умнее тебя.

Гадкий! Зачем только его жалела! Я встала и направилась к брату. Погонщик сидел перед спящими, скрестив лодыжки и закрыв глаза. Вороновые перья его одеяния переливались в свете очага. Казалось, он погрузился в транс настолько, что никого не слышал и не видел.

— Стой! — крикнул он. Я чуть не подпрыгнула. — Не подходи ближе. У тебя слишком сильный покровитель, лечащие духи испугаются его и убегут.

Вей лежал неподвижно между таких же неподвижных туалатов. Я тоскливо вздохнула и поплелась обратно. Микаш не глядя протянул мне миску с дымящимся супом. Ели мы молча, отодвинувшись друг от друга как можно дальше. Невкусно, тошнит от однообразной пищи. Хочу, чтобы со мной был Вейас, а не Микаш. Хочу домой!

Зашелестела одежда. Погонщик встал и, пошатываясь, направился к очагу. Вымотался? Я отставила свою миску и налила суп в чистую. Погонщик устало опустился рядом, снял

маску и накидку из перьев. Утёр вспотевшее лицо рукавом просторной малицы и забрал у меня еду.

Он оказался обычным человеком с плоским обветренным лицом, чересчур высокими скулами и широким лбом. Длинные тёмные волосы щедро припорошило сединой. Карие глаза грели не хуже огня. Погонщик уселся, скрестив лодыжки, и принялся за еду. Видимо, отвык от людей: не смотрел и даже не пытался заговорить.

Я закашлялась, прочищая горло.

— Как они? Духи помогли?

Погонщик удивлённо глянул на меня, взлохматил сбившиеся волосы и заговорил скрипучим, словно ржавые дверные петли, голосом:

— Давненько я не видел, чтобы огни Червотчины полыхали так ярко. Так и знал, что безумие Северной звезды кого-то прихватит. Повезло, что вы меня позвали, а то забрели бы они на край обрыва, и — конец.

— Мы вас звали? — я вытянула из-за пазухи ожерелье Юле. Взгляд погонщика стал более внимательным. Узловатые жилистые руки пробежались по косточкам с рунами.

— Младший брат всегда звал меня, когда приходила беда. Это ожерелье я сделал для него, — смягчаясь, усмехнулся он и снова застучал ложкой по миске, доедая всю похлёбку без остатка.

Я ждала продолжения, но он снова погрузился в себя.

— Вы брат Юле?

— Хорхор-икке, — представился он. — Последний оленевод Утгардской тундры. Мои соплеменники ушли вместе с Юле искать лучшей доли на юге. А мне, как старшему сыну вождя и великому шаману, пришлось остаться. Ждать. Сторожить. Поддерживать тело чарами, пока для меня не найдётся великая цель. А как её исполню, можно будет и на покой уйти. За грань. Навсегда.

Я украдкой глянула на дремавшего, опершись о ледяную стену, Микаша. Какие же странные эти мужчины, всё им цель на блюдечке подавай. Сами придумать ничего не могут! Хорхор вон совсем старый, а туда же. Надо жить, чтобы жить, просыпаться, созерцать чудеса мира, продолжать путь.

— Как это, за грань? — спросил Микаш.

Я вздрогнула. Думала, он спит. Небось, опять в моих мыслях копался. Мысленно показала ему язык.

— Бывают шаманы малые, средние и великие. Мой младший брат средний, был средним, пока не ушёл, а теперь просто... Как это у вас называется? Целитель.

Когда наступает время, Белая Птица Умай уносит малых и средних шаманов на край света. На железном дереве у неё свито гнездо. Три года она высиживает там их души, потрошит и заменяет внутренности на новые, лучшие. Старыми лакомятся духи болезней, которые шаманы смогут лечить. После они возвращаются к людям и обретают силу.

Великие шаманы другие, старые души. Приходили в этот мир с сотворения. Нас не забирает Птица, мы сами отправляемся в путешествие на девять лет. Бесплотными мы скитаемся по свету, вспоминаем то, что истёрли жернова Мельницы душ, вглядываемся в мерцание Северной звезды, в пульсацию огней Червотчин, слушаем музыку мироздания. И понимаем, что это воплощение — последнее. Когда мы постигнем всю мудрость божественного замысла, то вырвемся из мельничного колеса и шагнём дальше, к сиянию Северной звезды.

— Очередные религиозные бредни, — невежливо оборвал Микаш.

Я пихнула его локтем. Больно! У него что под одеждой, стальные пластины?! Ну хоть замолк и отодвинулся. Грубый, неотёсанный... Стоп! Сейчас опять прочитает и начнёт об стены биться. Вдруг лёд не такой прочный? Не хотелось бы на улице спать.

Микаш закрыл глаза и вернулся к дрёме. Я облегчённо выдохнула и глянула на шамана. Тот вертел в руках чашку с дымящимся отваром. Грел ладони.

— Дядюшка Хорхор, они выздоровеют? — я кивнула в сторону отряда.

Узкие раскосые глаза превратились в щёлочки, изрезанные тонкими морщинами губы растянулись в добродушной улыбке.

— Поправятся. Безумие Северной звезды я остановил. Избавим их от мерячки, и будут как новые.

— Мерячки?

— Меряченье. Завтра покажу, сейчас поздно. Ты ведь к брату хочешь? Ступай, выпишь хорошенько. Утро вечера мудренее.

— Уже можно?

Хорхор кивнул. Я подбежала к Вейасу и легла рядом, укрыв нас обоих тёплыми одеялами. Обняла его за плечи и прижалась покрепче. Соскучилась! Родной запах обволакивал, сердце билось едва-едва. Как хорошо!

В ушах ещё звенел голос Микаша, перед глазами вставали картины: девочка с добрым кукольным личиком запускает клыки в шею крепкого задиристого мальчишки. Багровые дорожки текут по стремительно бледнеющей коже. Губы куклы перемазаны. Руки мальчишки вскидываются и опадают. Прежде сильное, полное жизни тело коченеет и ударяется об пол грудой мёртвых камней. Убила бы я Вея, если бы Микаш не спас меня от чар фантома? Сейчас брат такой уязвимый, в темноте обаятельные черты почти не разглядеть, можно только почувствовать привнесённую сном безмятежность. Я поцеловала его в лоб над бровью. Нет, я бы не смогла, умерла раньше, сердце бы разорвалось от боли, от осознания, что его не будет рядом каждый миг моей жизни.

Мысли вихрились и забывались. Только одна возвращалась снова и снова. О маленьком мальчике в руках куклы с перемазанными алым губами. Он остался жив. Почему я не могу пожалеть его, как жалела Айку? Она нуждалась в моём тепле и заботе, тянулась ко мне, а этот — он всем видом показывает, как презирает меня, мои сказки, мой наивный взгляд на мир. Я хочу быть той куклой, тысячи раз вонзать в него клыки и когти, полосовать кожу на лоскуты, продлевать агонию. Замучить, сломать, чтобы он валялся у меня в ногах и молил о пощаде. Не думала, что способна на такую жестокость. Ни отмыться, ни успокоиться не получается. Скорей бы мы расстались, скорей бы он обрёл свою цель и перестал воровать нашу.

Я проснулась, как всегда, последней. Громко трещали дрова в очаге, пахло сытным мясным бульоном. Под потолком мерцали белыми огоньками лампы, превращали мрак в седую дымку, похожую на белоземские туманы. Я потянулась и посмотрела на ближнюю стену. Ужас! Хорошо, что вчера я этого не заметила, иначе бы не заснула!

На стене висели костюмы из шкур животных и жуткие маски разных форм и размеров. На самом верху — бубны: два больших, три средних и три маленьких. Рядом колотушки с головами медведей, волков и птиц. Я поёжилась и отвернулась к брату. Он лежал с открытыми глазами и бездумно смотрел на меня.

— Вей, ты проснулся! — я обняла его за плечи.

— Вей, ты проснулся! — повторил он мою интонацию и жест.

И взгляд остался такой же... как выеденная скорлупа.

— Вей, что с тобой? — я встряхнула его, пытаюсь привести в чувство.

— Вей, что с тобой? — эхом отозвался брат и тоже меня встряхнул.

— Это и есть мерячка. Демоны Северной звезды, эмирики, ещё владеют их телами, — раздался умиротворяющий голос Хорхора. Шаман действительно походил на Юле, такой же уютный, только совсем уж откуда-то из запредельных далей. — Пустые они. Будут повторять то, что делают люди с душой. Не смотри на него и медленно иди к нам.

Я отвернулась от брата и попятилась к очагу. Это оказалось не так-то просто. Взгляд то и дело наталкивался на туатов. Они вставали на четвереньки и ползли следом несколько шагов, пока я не отводила глаза. Но всё обошлось, я выбралась «без хвоста».

Мужчины сидели у очага. Хорхор помешивал кипевший в котле бульон. Микаш неаккуратными стежками штопал чёрно-бурую медвежью шкуру. Глянул на меня, и костяная игла в его пальцах сломалась. Я забрала шкуру и принялась за дело сама, пожалев иголки Хорхора.

— Зачем? Ты же все пальцы исколешь! — воскликнул Микаш, когда я в очередной раз с кряхтеньем проткнула толстую шкуру иголкой.

— Не сахарная — не растаю, — припомнила слова отца. Закусила губу, поднатужилась и сделала очередной стежок. Напёрстков бы сюда парочку, да потолще.

Микаш понурился и отодвинулся. Когда я закончила, Хорхор раздал нам по миске супа, в котором плавали куски свежего мяса.

— Забил лучшего оленя, — радушно улыбнулся он.

Сам Хорхор не ел. Видно, чистых мисок не хватало. Сказал бы, я помыла. Или... А вдруг еда отравлена? Я протянула миску обратно.

Хорхор качнул головой:

— Это мясо священного животного. Оно придаст силы для ритуала. Съешьте всё, если хотите спасти ваших друзей.

Пришлось есть, хотя я насытилась, не очистив миску даже наполовину, а вот Микаш доедал уже третью порцию. Обжора!

— Почему эта дрянь на нас не подействовала? — спросил он между сосредоточенным жеванием. — Меречки-эмеречки не вселились, или как их там?

Захотелось высказать, что я думаю о его привычке коверкать «сложные» названия, но голос Хорхора успокоил, как по волшебству.

— Вы отмечены другими духами: маленькая Искательница — мятежным духом перемен, — он легонько коснулся моего плеча и повернулся к Микашу. Тот весь напрягся и скрестил на груди руки. Хорхор снисходительно улыбнулся: — А грозный Разрушитель — сумеречным духом возмездия.

— Очередные бредни, — пробубнил медведь.

Разрушитель? А что? Ему подходит!

— Пойду, подготовлю всё к ритуалу. — Хорхор направился к стене с костюмами и масками.

Я придвинулась поближе к Микашу.

— Что тебя так злит? — спросила шёпотом.

— Ты ведь со мной не разговариваешь? Так, пожалуйста, продолжай в том же духе, — съязвил он, пытаюсь отвертеться.

— Нет, ты вчера что-то недоговорил. Выкладывай! — наседала я. Из кожи выпрыгну, но расколю. Как орех.

— Ничего важного, ещё одни суеверные бредни, — он отворачивался и закрывался руками.

— Если бредни, тем более скажи — посмеёмся вместе.

— Это не смешно, а глупо. До нашествия к нам приходила горевестница. Сказала, что когда-нибудь тьма совьёт гнездо в моей душе и я стану проклятием для людского рода. Мать испугалась, хотела от меня отказаться. Я услышал это в её мыслях и заставил забыть. Помнил только я. В кошмарах видел себя тёмной тварью с разноцветными глазами, сжигал людей на площадях больших городов, сжигал целые села вместе с жителями. А внутри была только ярость и ненависть ко всему живому. — Микаш поднял на меня затравленный взгляд: — Теперь ты меня боишься?

Я вскинула брови. Боюсь ли? Иногда он пугает меня грубыми выходками, ранит резкими словами. Но демонического в нём не больше, чем во мне. Искательница и Разрушитель.

— На меня однажды напал единоведец. Он полыхал гневом и ненавистью, я ощущала их почти осязаемыми. С тобой такого не случалось, даже когда ты разбил себе руки из-за моих слов. Скорбь, гордыню — вот что я в тебе чувствую, но не злобу и не ненависть. — Я придвинулась поближе и взяла его ладонь в свои. Огромная, бугристая от жёстких мозолей, на ощупь шершавая и тёплая. Под моими пальцами она расслабилась и обмякла. — Горевестница явилась на церемонию взросления Вейаса. Это она велела ему добыть клыки вэса, а мне предрекла скорую смерть при родах. Я сбежала поэтому, а не из-за Йордена. Я хотела жить. Хотела увидеть все чудеса Мидгарда, а не умирать от тоски в четырёх стенах с человеком, который никогда меня не полюбит.

Микаш сжал мои ладони. Взгляд лучился ласковым светом, хрупкими, нежными эмоциями. Пожалел меня, надо же!

— Ты не умрёшь. Я буду тебя защищать! — сказал он так пламенно, совсем как влюблённый мальчишка.

Наивный-наивный медвежонок! Я не выдержала и залилась смехом. Микаш отдёргнул руку и насупился, его лицо покраснело.

К нам уже шёл Хорхор с ворохом меховых одежд. Я прикрыла рот ладонью и заставила себя замолчать.

— Вот костюмы для ритуала, — Хорхор разложил накидку из шкуры белого медведя возле чёрной, которую я недавно штопала. Нам вручили по овальной маске: мне белую с тонкой каймой выщегося голубого узора, Микашу — чёрную, перечёркнутую белыми, похожими на шрамы, зигзагами. — Демоны Северной звезды просачиваются через врата Червоточин во время сияния и меняют лад гармонии мира. От этого у людей начинается безумие. Оно позволяет эмирикам пролезать им под кожу и овладевать телами. Нужно спеть правильную песню и станцевать правильный танец. Он настроит гармонию на изначальный лад и призовет добрых духов. Они изгонят эмириков и излечат безумие. Играть и петь буду я, а вы — танцевать.

Звучало бредово. Даже по моим скудным суеверным меркам.

— Я не умею танцевать и уж точно не стану позориться в этом! — Микаш отпихнул от себя чёрно-бурую шкуру и встал, нависнув над Хорхором угрожающей громадиной.

— Для моих соплеменников это была великая честь. Здесь не надо ничего уметь, духи

сами покажут, — шаман обезоруживающе улыбнулся. — Знаете легенду о Небесном Повелителе и Белой Птице?

Микаш вопросительно глянул на меня. Легенды о Небесном Повелителе не дошли до наших дней. Первые книжники не успели их записать до того, как умерли помнившие их сказители. Я знала лишь, что младшим сыном Небесного Повелителя и Белой Птицы был сам Безликий.

Видя моё замешательство, Хорхор начал рассказывать:

— На заре времён, когда людей ещё не было, а боги свободно бродили по земле, жила Белая Птица, прекраснейшая из духов. Но Птица была горда. Кто бы ни сватался к ней, она всем отказывала.

Прослышал о её красоте сам Небесный Повелитель, высокий Тэнгри, сильнейший из первостихий. Только она была достойна стать его женой. Изловил он Птицу серебряным силком и посадил в золочёную клетку. Обольщал, угрожал, умолял принять его руку, но Птица не соглашалась. Отказывалась от подарков и еды, терпела неволю, пока не зачахла. Сжалился над ней Тэнгри, распахнул клетку и сказал: «Улетай, гордячка, чтоб духу твоего здесь не было! Всё сердце изгрызла!» Птица взмыла в небо и растворилась в облаках, ни разу не обернувшись.

Долго горевал о ней Тэнгри, но даже самые глубокие раны со временем затягиваются. Настал час войн. Спустился Тэнгри на землю, чтобы сразиться с полчищами демонов. Пять дней и шесть ночей рубился он с тварями, а после скрылся в пещере, чтобы восстановить силы.

Лечить его раны явилась юная дева. Столько ласки было в её прикосновениях и света в ясных очах, что Тэнгри пленился ею. Дева сказала: «Я буду с тобой этой ночью, если ты отпустишь меня с первыми лучами солнца и не спросишь ни о чём». Тэнгри согласился. Полной сладостной неги и трепета стала для них темнота. Наутро дева растворилась в тумане, а Тэнгри снова бросился в битву. Во время передышки дева опять явилась лечить его раны. Так они и встречались, на миг неуловимой летней ночи. Тэнгри не спрашивал, когда дева снова придёт и придёт ли, не знал даже её имени.

Однажды дева пропала. Шесть лун миновало, а от неё ни весточки. Затосковал Тэнгри и вернулся к себе во дворец. Ждал её, но искать не отваживался, помнил, как вышло с Птицей. Ещё одна луна истончилась, умерла и возродилась тонкорогим месяцем. Мрачным вечером сидел Тэнгри в зале с хрустальным куполом и пересчитывал стада звёздных овец на небосводе, когда в распахнутую дверь влетели голуби. «О, всеблагий Властитель небес, послала нас к тебе Белая Птица. Схватил её Чёрный Коршун-лиходей и унёс к себе в гнездо. Хочет он забрать вашего птенца и взрастить в нём ненависть тебе на погибель». Не понял слов голубей Тэнгри, но гордячку Птицу не бросил.

Отыскал он гнездо злодея на подпиравшей небо скале и схватился с ним. Выдрал ему все перья и сломал стальной клюв. Рухнул Коршун в ущелье и уже никогда не поднимался к небу. Взлетел Тэнгри в гнездо, чтобы освободить Птицу, но увидел там пропавшую деву на сносях. Припомнил Тэнгри слова голубей и всё понял. Задурила голову чарами Белая Птица сменив праздничный облик на будничный, да и спутала куда сильнее, чем серебряным силком. Подхватил Тэнгри Птицу и унёс к себе во дворец.

Родила она мальчика, статного и сильного, как сам Небесный Повелитель. Взял его Тэнгри на руки и говорит: «За что, жестокая, ты мучаешь меня? Я складывал мир к твоим ногам, я целовал твердь, по которой ты ступала, а ты играла со мной, приманивала и

бросала, мечтая о свободном полёте. Разве не видишь ты, что едва не разбилась, летая одна? Я не хочу тебя неволить, но предлагаю защиту и этот дом, чтобы ни один коршун не смог обидеть тебя или этого ребёнка». Смилоствилась над ним Птица: «Все любили славу о моей красоте, а не меня саму, потому я испытывала их в образе невзрачной девы. Только ты смог её полюбить, и отныне я буду с тобой, пока ты не попросишь меня уйти». «Тогда ты останешься со мной навсегда!» Они поженились и вместе шли рука об руку сквозь радости и горести до самого конца.

Я заморожено выдохнула и улыбнулась. Красиво! Душевно. О такой любви я мечтала, взаимной, полной нежности и заботы. Знаю, многим такая история покажется чересчур слащавой, Микаш точно посмеётся. Сейчас в почёте герои вроде лорда Гарольда из баллад знаменитого авалорского барда Бэйрона. Метущиеся, отверженные, полные цинизма и презрения к людям, они играючи сводили с ума красоток и губили их. Никогда не понимала, что в таких героях находят мои сверстницы. Мужчина должен быть благородным и сильным, выше обид и мелких дрызг, а любовь чистой и счастливой, на всю жизнь. Иначе это не любовь, а как у Вея с простолюдинками — пустая страсть.

— Хорошая история, правильная, — зашевелился Микаш. Только бы не опошил! — Нельзя бросать женщин в беде, какими бы глупыми они ни были.

О, боги, умеет же всё испортить!

— Я спою об этом, а вы станцуете, — Хорхор усмирил нас умиротворённой улыбкой. — Ты будешь Небесным Повелителем, а она — Птицей, — Микаш скорчил кислую рожу. — Если вы, конечно, хотите спасти своих друзей.

Я первая накинула на себя тяжёлую белую шкуру. Ради брата можно и потерпеть — он ведь столько унижений из-за меня пережил. Что по сравнению с ними оттоптанная нога?

Маска впиалась в лицо, хорошо хоть из дерева — оно тёплое. Смотреть через узкие прорези было непривычно, как будто в замочную скважину подглядываешь. Микаш с недоверием теребил чёрную шкуру. Не дождавшись его, я вышла на свободное пространство.

— Разве не самое красивое создание в мире? — усмехнулся Хорхор.

Микаш хмыкнул, аккуратно натягивая шкуру, чтобы не разорвать мои швы. В чёрной маске он выглядел зловеще, как мой суженый из сна. Смешно, ведь мы друг другу даже не нравимся.

Микаш замер возле меня, как во время поединков:

— Никогда не чувствовал себя так нелепо.

Я обошла вокруг него, придумывая движения. Как можно рассказать историю танцем? Жестами рук, изгибом туловища, скрестными шагами, па из бальных танцев? Я ещё помню их, удивительно! Учителя меня не хвалили, даже когда я из кожи вон лезла, чтобы всё сделать правильно. Вставали перед глазами залихватские танцы простолюдинов во время Самайна. Я бы смогла повторить и их. Только хотелось выдумать своё. Смогу ли? Или распугаю всех духов и упаду?

Хорхор тоже надел маску, жёлтую, некрашеную, из морёной ели, обклеенную по краю сеном. В руки взлетели колотушка и бубен. За первым ударом полилась песня на непонятном языке, похожая на вчерашнюю, но более мягкая и плавная. Подхватила и закружила в такт.

Я порхала, словно птица, наслаждаясь свободным полётом. Изгибалась, взмахивая руками, как крыльями. Будто не было на мне тяжёлых одежд, даже ноги не оскальзывались на ледяном полу. Я качала бёдрами, встряхивала плечами. Натягивались сухожилия, сжимались мышцы. Пятка — носок — шажки на цыпочках. Прыжок и приземление на одну

ногу. Поворот, подскок и неистовое кружение. Дома мой танец сочли бы бесстыдно откровенным. Хотя... я же и так порченная, так что к демонам скромность! Теперь я буду делать, что и как хочу!

Микаш замер неподвижной скалой. Ну же! Если есть хотя бы маленький шанс помочь нашему отряду, мы должны это сделать. Я взяла Микаша за руку и увлекла за собой, оперлась поясницей о его локоть и прогнулась, пытаюсь достать до ног волосами. Хорхор замолчал и опустил бубен. Моя спина затекала от неудобной позы, но Микаш удерживал крепко, даже дышать перестал. Снова ударил бубен, звякнула колотушка. Ещё. И быстрее. Микаш помог мне распрямиться и притянул к себе. Глаза в прорезях маски полыхали, обдавая нестерпимым жаром.

Я вырывалась, но он не пустил: закружил меня вокруг себя, поднял над головой. Я оттолкнулась от его плеч и едва не упала. Микаш подхватил у самого пола и снова закружил. Я пятилась, но он настигал и утягивал в свою пляску. Она пугала меня! Голос Хорхора следовал за нашими движениями, то вздымаясь, то падая, бубен задавал ритм.

От бессилия я рухнула на колени. Это конец! Закрыла лицо ладонями. Звуки стихли. Я выглянула из-под растопыренных пальцев. Микаш протягивал мне руку. Я приняла её, он помог мне подняться, поклонился и ушёл.

Хорхор встряхнул бубен. Микаш развернулся прыжком и выхватил меч. Взмах, второй, свист рассекаемого клинком воздуха. Микаш был великолепен во время тренировок, но сейчас, борясь с невидимыми противниками, он превосходил себя. Стремительный стальной шквал, неукротимость стихии, огненное дыхание всепоглощающей ярости. Клинок жил вместе с ним, был его продолжением, посылал волны, рубил непредсказуемыми выпадами и взлетал на защиту. Ноги мягко переступали, пружинили хищническими прыжками.

Ритм замедлился. Микаш замер, спрятал меч в ножны и уселся на полу. Я опустилась подле него и провела ладонями по нагруженным плечам, вниз вдоль рук, переплела свои пальцы с его в тугий замок. Не разрубить. Отошла на шаг — Микаш отпустил. Я поманила его за собой. Мы снова танцевали вместе, только я не убежала, а он не наступал. Уверенно вёл и слушал, чтобы я не сопротивлялась. Я прижималась к нему тесно, доверчиво, трепетно, купаясь в потоках клокочущей страсти.

Я уже была не я. Кто-то овладел моим телом настолько незаметно, что я поняла это, только когда утратила контроль. Оставалось лишь наблюдать со стороны. Никогда не думала, что моё тело может двигаться настолько плавно и грациозно, столько дерзости в каждом изгибе, брошенном из-под маски взгляде, повороте головы. Микаш подкидывал меня в воздух, словно пушинку, я отталкивалась от его плеч, и он ловил меня в крепкие объятия.

Мы расходились. Бубен стихал, звучал лишь мерный голос Хорхора. Изображал неистовую битву, тоскливое мерцанье огоньков в ночном небе, тревожный щебет птиц. Микаш оживился и продолжил пляску с клинком. Ни один щёголь, изучивший все бальные танцы, не сравнится бы с ним в сокрушительной мощи. Микаш замер предо мной, оглядывая удивлённо и грозно. Моля о пощаде, я потянулась к нему. Всею душой надеялась, что он не оттолкнёт и поймёт. Он подхватил на руки и закружил по комнате долго-долго, пока голова не захмелела. Отпустил, отвернулся, но я не позволила ему уйти. Мы завершили танец вместе. Несколько стремительных поворотов, я снова прогнулась, опершись на его твёрдую руку.

Власть над телом вернулась. Дыхание вырывалось с трудом, мышцы ломило, градом катил пот. Микаш тоже устал. Даже сквозь толстый мех я чувствовала, как натужно

вздымается его грудь.

Микаш подставил мне плечо и повёл к очагу, хотя тащить надо было его. Едва мы дошли, как он стянул с раскрасневшегося лица маску и сбросил шкуру. Привалился к стене. Веки смежились, рот жадно глотал воздух.

Мне было не так тяжело, только сердце не хотело униматься. Потягиваясь, я сняла ритуальную одежду и сложила её аккуратной стопкой подальше от летящих из очага искр.

— А ты сильная, — усмехнулся Хорхор. — Дубок вон с корнем вырвало, а берёзка стелется к земле и самую ненастную бурю выдерживает.

Микаш фыркнул и метнул в него испепеляющий взгляд. Я уселась у очага возле шамана и приняла из его рук глиняную кружку с горячим питьём. Задумчиво вертела её, наблюдая за паром, заворачивающимся тонкой струёй.

— Дядюшка Хорхор, скажите, у нас получилось? Они выздоровеют?

Хорхор кивнул:

— Они уже закрыли глаза и спят. Как отдохнёшь, сама посмотришь.

Я сделала несколько коротких глотков. Травяной отвар горчил и обжигал нёбо. Пришлось ждать и дуть. Микаш уснул, но в любое мгновение мог подскочить и кинуться на врага.

— Дядюшка Хорхор, а про младшего сына Птицы и Небесного Повелителя вы слышали?

— Про Безликого? Ещё мои прадеды-шаманы пытались вернуть его людям. Мир без него катится демонам под хвост, огни Червоточин загораются так ярко, что даже туалатов за собой утягивают, с юга ползёт зловещая тень. Повсюду смрадное дыхание тлена и бьют барабаны войны. Скоро от дыма не спастись будет даже здесь.

— Да-да-да, реки наполнятся кровью, небо рухнет нам на головы, мир опрокинется и все умрут. Даже у нас на селе конец света предсказывали ещё до моего рождения. Только нет его до сих пор, конца, — не открывая глаз, пробормотал Микаш. Очухался, чтоб его! — Или мы уже умерли, но нас об этом не предупредили. И мы продолжаем жить, как жили. Только мёртвые.

— Очень смешно, прямо обхохочешься! Дядюшка Хорхор, не слушайте его. Я вам верю. Ваш брат Юле похоже говорил, — я забыла добавить, что слова Юле звучали гораздо более здраво и оттого куда страшнее.

— Ум-м-м, что ж, рад, что с годами Юле стал чувствительней к тончайшим колебаниям эфира, — удовлетворённо улыбнулся Хорхор, словно не рассказывал за мгновение до этого о конце света.

— По дороге сюда я встретила несколько странных демонов: белого предводителя варгов и принцессу туалатов. Они говорили, Безликий не хочет возвращаться, потому что струсил. Как вы думаете?

Хорхор покосился на увядающий огонь в очаге и подбросил дровишек.

— Об этом знает только сам Безликий. Когда-то он слыл отважнейшим из всех богов, людей и духов. Но потом то ли получил тяжёлую рану, то ли встретил демона, которого не смог одолеть, то ли утратил нечто, что было ему очень дорого. А может, его так много просили о помощи, что он не выдержал ора. Или случилось что-то совсем иное, чего мы даже представить не можем.

Не вынес ора. Вспомнилась понурая спина Огненного зверя и волочащаяся по земле кисточка хвоста. Я тогда попросила его вернуться, помогать не только нам, но и единоверцам. Из-за этого он обиделся. Не вынес ора тысячи голосов. О, брат мой, Ветер.

сколько раз я тревожила тебя по пустякам, не задумываясь о том, что тебе приходится выслушивать ещё тысячи, тысячи тысяч таких же избалованных людишек. Я больше не буду! Никогда! Почему нас не учили, что беспокоить его по пустякам запретно? До этого любой взрослый мог додуматься, даже я смогла в конце концов.

Что ж, теперь я буду всё решать сама, а ты отдыхай... отдыхай для дел более важных, таких, где без тебя не обойтись. Как спасение мира, например.

— Может, вы знаете и о вэсе, который охраняет его гробницу? — я улыбнулась с надеждой. Хорхор постоянно улыбается. Может, у олениводов такой ритуал общения?

— Конечно, я знаю и о вэсе, — буднично сообщил он, словно говорил о чём-то настолько обыденном, как вода или снег.

— Он испытание моего брата, испытание Сумеречников, слышали? Может, подскажите, как его найти и убить?

Хорхор расхохотался. Долго, раскатисто, по сумасшедшему. Даже Микаш испугался: придвинулся поближе ко мне и заслонил рукой. Заметив наше смущение, Хорхор объяснился:

— Вэса нельзя найти — только бог может его назвать. Вэса нельзя убить — только богу это под силу.

Микаш сощурился.

— Если что-то живо, человек сможет это убить. Я — смогу. — Он ударил себя кулаком в грудь. — Я Разрушитель.

— Пожалуй, сможешь, — согласился Хорхор и тоже подался вперёд, точь-в-точь повторив щурящуюся гримасу Микаша. — Только как бы тебе не заплакать кровавыми слезами после этого.

— Было бы из-за кого плакать, — скривился тот и снова откинулся к стене.

— Так что же нам делать? — Тяжело быть единственной разумной среди ненормальных. — Если вэса нельзя ни убить, ни даже найти, получается, весь этот путь мы проделали напрасно.

— Ничего из того, что послано нам судьбой, не напрасно, — таинственно заметил Хорхор. — Ваш путь лежит через Заледенелое море до Хельхейма — день, при плохой погоде два. Морозы крепкие стоят, лёд толстый — точно не провалитесь. Потом по ледяной пустыне прямо на Северную звезду ещё дней пять к древнему лабиринту. Туаты знают дорогу — покажут. Там вас уже ждут.

— Кто? — нахмурилась я.

— Тот, кого ты искала, конечно, — ответил он как нечто само собой разумеющееся. — Скажи ему, что час настал. Враги у ворот. Полумерами не обойтись, он обязан сделать свой ход, каким бы невообразимо трудным тот ни оказался.

— А если он не послушает?

По-моему, от меня ждут невозможного. Хотя... чего взять от сумасшедшего?

— Растопи его ледяное сердце, верни веру в себя и в людей, заставь вспомнить, каким он был и почему сражался. Только ты сможешь это сделать.

— Почему?

— Потому что ты женщина.

1527 г. от заселения Мидгарда, Хельхейм

Отряд проснулся вместе со мной посвежевшим и отдохнувшим. Я даже не знала, сколько прошло времени с тех пор, как я прикорнула у очага рядом с Хорхором, настолько крепким и безмятежным был сон.

Туаты зашевелились, поражённо оглядываясь по сторонам. Шелестел неразборчиво шёпот. Хорхор подошёл к Асгриму и протянул руку, тот поднялся и обнял шамана, как старого друга. Остальные сразу расслабились.

— Как поживает твоя королева-жена? — лукаво улыбаясь, поинтересовался Хорхор.

— Ты снова бежишь впереди саней. Мы не женаты, — Асgrim покачал головой и засмеялся.

— Но к этому идёт? В прошлом году ты был серее камней на склонах Утгарда, а теперь светишься от счастья.

Асgrim неопределённо повёл плечами и подмигнул ему.

— Скажи, у нас будут дети? Мальчик или девочка? С девочками трудно, король Ниям всё время жаловался, поэтому я хочу мальчика. Я научу его охотиться и сражаться. Он станет сильным воином.

Теперь засмеялся Хорхор.

— Как пожелает ваш новый покровитель, так и получится. Могу пообещать одно: трудно будет в любом случае. С детьми легко не бывает.

— Откуда тебе знать? У тебя же их нет.

— Может, будут.

— Одиночество лишило тебя разума. Тебе ведь лет сто, должно быть. Люди столько не живут. Куда тебе дети?

— Кто знает, — беззлобно ответил Хорхор.

Милый старик, ничем его не обидишь. Они с Асгримом ещё долго болтали в сторонке, пока я обнимала проснувшегося последним Вейаса.

— Тише! Задушишь! — шутливо отбивался он.

— Я так перепугалась! — не хотелось его отпускать. Никогда!

— А как я перепугался! Как будто заплутал в серой пустоши. Там было голо. Ничего не видно, кроме серости. Я начинал забывать: об испытании, о доме, даже о тебе. Сам становился ничем. А потом услышал твой смех. Ты танцевала в белом зареве. Так грациозно и красиво, что у меня перехватило дух от восхищения. Я побежал за тобой, и ты вывела меня из сумрака, — он поднял на меня глаза и осёкся. — Я говорю глупости, да? Это всё от дурацкого сна. Пройдёт!

— Пройдёт, — я сжала его ладони, встала и закружилась на месте, показывая самые простые движения из моего танца. Брат смотрел во все глаза и улыбался, печально и искренне. — Тебе нравится? Хочешь, как вернёмся, покажу тебе весь танец?

Вейас кивнул и притянул меня к себе.

— Ты знаешь, что ты лучшая, сестричка?

— Даже лучше служанок, селянок и принцесс-ворожей?

— В тысячу раз!

Я смеялась, прижимаясь к нему. Он смеялся со мной. Хотелось, чтобы так было всегда: мы вместе, впереди дорога, неизвестность, опасность, но мы молоды, полны сил и всё-всё преодолеем. Ничто не сможет нас разлучить!

Спину сверлил мрачный взгляд. Я обернулась. Микаш передёрнул плечами и отвёл

глаза. Я тяжело вздохнула и отстранилась от брата. Закрались смутные догадки, но размышлять о них было слишком тяжело.

Мы позавтракали и засобирались в дорогу. Укладывали тюки, обсуждали предстоящий путь. Хорхор делился запасами еды, шкур и согревающих напитков. Даже пару оленей всучил, сказал, что пригодятся, чтобы демона приманить. Хорхору самому не так много надо. Жаль, что уезжать нужно так скоро. Он снова будет тосковать и сходить с ума в одиночестве.

— Не переживай. Мы ещё увидимся. Главное, передай ему мои слова, — шаман похлопал меня по плечу и пошёл на улицу посмотреть, как туаты седлают и навьючивают ненниров.

Вскоре и мы с братом покинули ледяной дом и подошли к загонам. Я упёрлась ногами в землю и затянула потуже подпругу на седле Кассочки. Кобыла прижала уши и покосилась лиловым глазом. Я почесала её шею, успокаивая. Все предлагали помощь даже с тем, с чем я справлялась сама. Не надо мне такой помощи! Выправила стремяна и полезла на лошадь. Почувствовала, как на талию легли крепкие руки, поддерживая. Уже в седле я обернулась.

— Ты забыла, — Хорхор вручил мне костяное ожерелье. — Если что — зови. Думаю, это и есть моя последняя цель.

Я сняла рукавицу и сжала его ладонь. Приятно знать, что кто-то беспокоится о тебе, пускай и такой странный.

— Спасибо вам за всё.

Отряд уже выдвигался, и я поспешила за ними. В последний раз обернулась. Хорхор махал рукой на прощание. Его сумасшествие и одиночество наверняка происходили оттого, что он видел и знал больше, чем остальные люди, и понимал по-своему. Это нас роднило.

Небо на западе из непроглядно-чёрного стало тёмно-синим, звёзды таяли, оставляя лишь бледное око луны следить за нами. Погода была ясная и безветренная. Мороз не усиливался. Скрипел под копытами снег. Пахло им же, чистейшим и свежим, с примесью тёплой терпкости конских шкур. Умиротворённо. Спокойно.

Вскоре показалось Заледенелое море — ровная гладь со вспучившимися гребнями волн. Застыли, как по волшебству, до самой весны.

Хотя Хорхор уверял, что лёд наморозило толстый, Асгрим предпочёл не рисковать. Мы друг за другом ступали по узкому зимнику. Держали расстояние, боясь угодить в полынью.

Вдалеке возле чёрной лунки притаился белый медведь. Асгрим сказал, что, наверное, нерпу поджидает, морского пса. Я думала, так бывалых моряков называют. Как выглядит собака, живущая в море? Асгрим посмеялся и пояснил, что они мало похожи на собак, с выглаженной водой шкурой и лапами вместо ног. Просто лают сходно. Обещал, что покажет. Чуть дальше несуразные беспёрые птицы с круглыми белыми животами выпрыгивали из ещё одной лунки. Странные здесь звери, странная природа, чем дальше — тем страннее. Хотя, учитывая, что они приспособлены к мерзлоте... всё равно странные!

Переход затянулся. Асгрим не хотел делать привал, пока мы не будем в Хельхейме. В небе уже зажигались звёзды. В вышине раздался пронзительный крик.

— Буревестник, — Асгрим указал на парившую над нами небольшую белую птицу. — Хоть бы пургу на хвосте не принёс. Здесь и спрятаться негде.

Впереди показался долгожданный берег. Но прежде чем мы поднялись, послышался оглушительный рёв. Грозный, басовитый, продолжительный. И голосов в нём сливалось очень много. Я припала к шее Кассочки. Кобылка оставалась невозмутима, хотя её собратья

заволновались, храпя и переступая на месте.

— Лежбище моржей, — спокойно предупредил Асгрим. — Придётся взять западней. Аккуратно, у берегов лёд может быть не такой толстый. Полагайтесь на чутьё лошадей.

Он поехал в обход, я следом, дальше весь отряд тонкой вереницей. Не прошло и десяти минут, как Асгрим вновь замер:

— Дальше — вода. Надо подниматься. Будем надеяться, лежбище не очень большое и у моржей нет гона.

Жеребец под Асгримом вскарабкался по скользкой отвесной круче в несколько огромных прыжков. Я вцепилась в поводья и подалась вперёд. От мощных рывков казалось, что лошадь из-под меня выскочит, но всё обошлось. Наверху я похлопала кобылу по шее, приговаривая ласковые слова. Почудилось, что ей приятно. Остальных ждать пришлось долго, поэтому Асгрим отвёл меня в сторонку и указал на разлэгшихся посреди снежного поля чудищ. Они были громадные, бесформенные, морщинистые, с клыками размером с клинок короткого меча. То и дело кто-то из них переползал по телам товарищей на другое место. Получившие по морде плоскими лапами животные ревели и даже в драку лезли.

— Моржи. Хорошо, что мы нарвались на самый край лежбища. Сейчас они спокойные, но по весне, бывает, нападают. Представь, как отбиваться от таких туш.

— Скорее уж от клыков, — я передёрнула плечами. — Друг отца предлагал привезти их вместо клыков вэса.

— Это бивни — роскошная диковинка, — цыкнул Асгрим, разглядывая моржей с расчётом. — Ваши торгоши меняют их на дорогие ткани и специи. Правда, ещё лучше они берут рога единорога.

— Что, настоящего?!

По Кодексу единороги считались священными. Их запрещалось убивать под страхом гнева богов.

— Нет, тут есть одна рыбина, нарвал. У неё на носу растёт длинный рог. Если точно не знать, не отличишь. Правда, нарвалами промышляют фоморы, а им дорожку лучше не переходить. — Асгрим красноречиво указал на горло.

Фоморы считались мифом. Морякам не доверяли. Какой порядочный человек станет проводить большую часть жизни вдали от суши? Вот и называли удачливых капитанов демонами, что являются из морской пучины и обретают человеческий облик, чтобы заманить людей в воду и в образе акул сожрать. Но если Асгрим говорит, что они существуют, значит, это так. Они очень сильны, раз даже Сумеречников обводят вокруг пальца. Не хотелось бы с ними встретиться.

Удивительно, сколько в мире неизвестного даже учёным книжникам! Я бы никогда этого не узнала, если бы осталась дома. Так, быть может, только потому жизнь и стоит... жизни: двигаться, созерцать, поражаться сложности и многообразию заведённых порядков, а не приковывать себя к роли жены и матери, особенно когда видишь, что она не по тебе.

Отряд выбрался на сушу, и мы двинулись дальше. Закружились в воздухе снежинки, предвещая метель. Мы спустились в ложбину между двух невысоких холмов и разбили лагерь. Впервые ставили крохотные приземистые шатры из сшитых вместе шкур. Внутри с трудом умещалось три человека или туата. Я спала между Веем и Микашем, тесно прижимаясь к обоим и навалив сверху все одеяла. Неудобно! Не повернуться — хотя ворочаться хотелось ужасно. Мальчишки тоже вздрагивали от малейшего прикосновения или завывания ветра.

Нам повезло: Хельхейм баловал хорошей погодой, иначе бы замёрзли насмерть. От снегопадов укрытия никакого. Лытая, мёртвая пустыня, как на гравюрах в отцовских книгах, с волнами барханов, движущихся от яростных порывов. Только вместо жгучего песка — не менее жгучий снег. И от мороза, оказывается, печёт не меньше, чем от зноя. Как я ни укрывала лицо, кожа всё равно обветривалась и саднила. Выступавшие на глазах слёзы жгли непереносимо. Но я держалась, как и все.

Микаш замкнулся. Даже с туалатами сделался угрюм и молчалив. Вею отвечал неохотно и односложно, а меня и вовсе не замечал. Нам удалось развести его на пару тренировок во время стоянок, но выходило вяло и бестолково. Вместо того чтобы показывать приёмы, Микаш смёл Вею в пару ударов. От оцепенения передо мной избавился, отмахнувшись не всерьёз, как от назойливой мухи. Даже обидно. Он переживает из-за того, что наша цель близко?

Я тоже в смятении. Что мы будем делать, когда достанем клыки? А если не сможем, и все наши усилия окажутся напрасны? Не то чтобы Вей дорожил местом в ордене, но как существовать без него? Все мужчины в нашей семье были рыцарями. Допустим, его примут. Он возьмёт Микаша в оруженосцы? Микаш согласится? С его спесивостью и гордостью — маловероятно. А куда пойду я? Даже с даром меня в орден не примут. Может, туалаты позволят охотиться вместе с ними? Или стоит вернуться в Гартленд и помогать Хромому Лису ухаживать за Тихим Змеем? А может, меня примет Хорхор? Интересно, сколько я протяну в вечной мерзлоте? Но всё лучше, чем возвращаться. Отведав свободы, я уже не смогу быть прежней, не смогу притворяться кроткой и послушной.

Я так ждала конца, а он наступил неожиданно быстро. Я даже заметить не успела, как ненниры остановились, хотя прошло всего несколько часов после ночёвки.

— Дальше нам идти нельзя. Священное место, — с грустной торжественностью произнёс Асгрим.

Большие прямоугольные ворота высились впереди грозным тёмным силуэтом. Ворота в женские храмы венчала полукруглая арка, прямоугольник же — символ мужского начала. Не знаю, почему вдруг вспомнилось. С обеих сторон их сторожили чудища на массивных постаментах. Из-за толстого слоя наледи очертания разобрать не получалось.

— Тебе помочь? — Вей уже спешил и стоял рядом, протягивая руку.

Микаш принимал оленя у одного из замыкавших строй туалатов. Я спрыгнула сама и в последний раз погладила Кассочку.

— Не переживай, — Асгрим свесился с седла и нагнулся ко мне. — Мы дождёмся вас тут. Ну, может, поохотимся немного — с голоду пухнуть не хочется.

Я заставила себя улыбнуться. Вместе с мальчишками мы навьючили оленя. Раз десять всё перекладывали и столько же раз проверяли ремни и верёвки. Олень терял терпение, широко раздувая ноздри. С привязанными поверх тюков копьями он походил на оцетинившегося иголками ежа. Очень большого ежа. Мы надеялись, он не проколет нас остриём, испугавшись или неосторожно повернувшись.

— Идём? — спросил Вейас.

Мы с Микашем одинаково таращились на снег под ногами и молчали. Вей взял на себя командование и повёл за собой оленя. Мы потащились следом. Постоянно оглядывались на туалатов. У ворот снова замерли.

Каменные стражи лежали у входа на подогнутых лапах. Приплюснутые собачьи морды смотрели в нашу сторону. Из-под верхних губ торчали клыки. Не хотела бы я, чтобы эти

стопудовые чудища ожили и встали на защиту своего обиталища. А может, это и есть вэсы?

Вейас зажжёт факел. Мы много их захватили на случай, если придётся спускаться под землю и станет совсем кромешно.

— Там надпись, — брат кивнул на арку, скованную бугристой коркой льда. Как он умудрился что-то под ней рассмотреть? — Похоже на те, что были у пещеры Истины и возле моста в Утгард. У Червоточины семь врат — мы прошли трое, как думаете, м? — он шутил, а у меня внутри всё холодело.

Лёд на каменных стражах затрепал. Вот-вот они стряхнут его и ринутся на нас, разрывая клыками и когтями на кровавые ошмётки.

— Здесь всё изменится, — вырвалось само собой.

Я приложила ладонь к губам. Микаш с Вейасом уставились на меня.

— Там это написано. Мне так кажется, — не знаю, откуда оно пришло. Не понимаю, зачем это сказала. Меня просто напугали каменные стражи!

Не дожидаясь остальных, я ступила за ворота. Земля не разверзлась под ногами, и даже каменные изваяния остались на своём месте. Я облегчённо выдохнула. Вей прошёл следом, и Микаш, забравший себе оленя, за ним. Гигантской обледенелой воронкой уходил под землю пробитый во льду и камне лабиринт. Несколько мгновений мы таращились на рукотворное диво. Кто его построил, зачем и, главное, как?

Мы двинулись в путь. Ноги скользили по заледенелой поверхности уходящих вниз ступеней. С двух сторон вздымались высокие стены. Вей шёл впереди и освещал дорогу. Я за ним. Микаш с оленем сзади. Все на почтительном расстоянии, чтобы, если кто рухнет, не потянул за собой остальных.

Однообразный коридор посверкивал отблесками пламени. Часто попадались развилки и обвалившиеся куски стен, преграждавшие проход. Возле каждого поворота мы нацарапывали на льду метки и всё равно теряли направление, ходили по кругу и несколько раз возвращались к одному и тому же месту. Количество крестов на стене у злосчастного поворота всё росло и росло. Вей не выдержал и полез через завал. Микаш едва ли не на руках перетаскивал упирающегося всеми копытами оленя на другую сторону. Я тоже кое-как перебралась, чуть не ободравшись и не стукнувшись головой. Заколдованный поворот пропустил нас.

В воздухе витала зловещая воля, сбивала с пути. Леденящий шепоток чудился каждый раз, когда мы ошибались, петляли и заходили в тупик.

Звёздное небо скрылось за потолком. Становилось теплее. Снег, а потом и наледь, исчезали, оголяя шероховатый серый камень. Идти по нему было намного легче.

Когда из-за очередного поворота показалась просторная прямоугольная площадка, решили отдохнуть. Пока мы с Микашем освобождали оленя от поклажи, Вейас обнаружил висевшие на стене факелы. Как они только не отсырели и не сгнили? Повезло так повезло.

Вейас зажигал факелы по кругу и вдруг замер.

— Здесь тоже надписи.

Мы побросали тюки и подошли к нему. И олень с нами.

— Те же, что и на воротах? Мы всё равно не прочтём, — засомневался Микаш, встав рядом.

— Тут несколько наречий. Это явно какая-то форма доманушского.

Я поднялась на цыпочки и, отчаявшись что-то увидеть поверх их плеч, распихала мальчишек в стороны. Вей указывал на угловатые знаки, выцарапанные на камне и

напоминавшие наши руны, рядом — уже знакомые клиновидные палочки, с края — детские рисунки.

— Это символы четырёх стихий, — Вейас ткнул в изображение капель, языка огня, ели и облака. Возле последнего палец Вея остановился и пополз к перечёркнутому крестом кругу. — Символ сторон света и четырёх братьев-ветров. А дальше, похоже, их история от рождения и до самой смерти. Ритуал погребения. По-моему, это гробница, — Вей показал извивающуюся линию реки с лодкой, что перевозила толпившихся возле одного берега человечков на другой, к мельничному колесу. Остальные символы тоже были знакомы: золото, кровь, меч, дитя, солнце — но общий смысл понять не получалось.

— Так ты можешь прочесть, что здесь написано? — нетерпеливо спросил Микаш.

— Мог бы. Если бы у меня была команда книжников, вся библиотека Эскендерии под рукой и лет двадцать в запасе.

— Твою сестрёнку снова озарит? — Мальчишки обернулись на меня.

Я вжала голову в плечи. Теперь они считают меня умалишённой.

— Тогда нечего терять время. Здесь написано, как выглядит ваш демон? Какие у него повадки и слабости? Хоть что-нибудь? — распалился медведь, бешено жестикулируя. — Как вы собираетесь на него охотиться? Даже неизвестно, живёт ли он здесь и существует ли на самом деле.

— Не нравится — проваливай. — Вей отпихнул его в сторону, вернулся к тюкам, расстелил на полу одеяло и разлёгся, вперившись ввысь мрачным взглядом.

Он расстроился?

— Если сам не можешь вести себя нормально и уважать чужие чувства, не проси больше, чтобы уважали твои, — прошипела я над ухом Микаша. — Неотёсанный грязный земной червь!

Он привалился к стене и потупился. Ну хоть замолчал. Пускай откусит себе язык или снова разобьёт кулаки до мяса — мне и дела нет. Я плохая, я злая, не хочу больше быть хорошей, прощающей и понимающей.

Я расстелила одеяло рядом с братом и легла так, что мы соприкасались макушками.

«Откуда ты всё это знаешь? Про символы и древние наречия? Не из-за попавшей же к тебе по ошибке книги, правда?» — поинтересовалась я в мыслях.

«Из неё, — нехотя ответил он. Боялся, что я тоже его обсмею? Даже если он ошибётся или скажет глупость, я никогда смеяться не стану. Я попытаюсь понять и принять. — И ещё из многих других. Кое-что из моих собственных наблюдений и догадок, кое-что показал учитель грамматики».

Я помнила того седобородого старца из круга книжников. Он единственный из учителей Вейаса, который его хвалил. Отец думал, что книжник слишком лоялен к брату и не считал эти уроки важными.

«Когда-то я мечтал уехать в Эскендерию, поступить в Университет и стать книжником. Познавать мир, открывать его тайные законы, философствовать, участвовать в диспутах, искать доказательства своих теорий. Учитель говорил, у меня бы получилось. Но отец был против. Это ведь не так почётно, как махать железякой и искать смерть в зубах какой-нибудь твари».

Ну надо же! Как можно было провести рядом с человеком всю жизнь и совсем его не знать? А ещё сестрой называюсь! Какой же он скрытный — ни слова не вытянешь. Вот и теперь закрывается, надеется, что я забуду о том краешке его мира, в который он

неосторожно меня пустил.

«О-хо-хо! — бесцеремонно влез Микаш. — Махать железякой куда действенной и полезней, чем обсуждать в компании бездельников, как боги на небе справляют малую нужду и от этого появляется звёздный свет».

«Я не верю в богов».

«Тогда во что ты веришь?»

«В рациональность. Звёзды, — Вей ткнул пальцем вверх, и я от удивления открыла рот. У нас над головой в огромном световом колодце виднелось чёрное небо, утыканное звёздами. — Это солнца других миров, расположенные от нас так далеко, что они уже могли давно потухнуть, но мы все ещё видим их свет, как дальнее эхо умершего голоса. Вот в этом мире, — Вей указал на самую яркую звезду в рисунке Большого пса, — живут варги. Вон в том, — одна из маленьких звёзд в рисунке Водочерпия, — Лунные Странники. Туаты в Царевне-лебедь. А у проклятой Северной звезды живут такие же люди, как мы. Только у них нет ни Червотчины, ни демонов, ни даже магии. Они не верят в богов и прочие суеверия. Ими правят книжники и рациональность. Их сверкающие дома подпирают собой облака, по просторным улицам ездят повозки без лошадей, а в небесах летают огромные железные птицы. Я иногда вижу их в своих снах».

«Вы точно родственники. Ты такой же сказочник, как она, — рассмеялся Микаш. — Свет умерших звёзд, мир, которым правят книжники, приручившие железных птиц — в жизни большего бреда не слышал».

«Да, — оборвал его Вейас и отвернулся. — Скудоумные сказки для бездельников. Хорошо, что отец меня не пустил. Надо мной бы все смеялись».

Голос брата звучал сухо и колко. Не срывался. Я была уверена, он ни за что не заплачет, но мутная пелена слёз заволакивала мои глаза. Так обидно! Как будто это мне сказали. Хотя говорили уже добрую сотню раз, поэтому я тоже стараюсь молчать. Но Вейас не должен. Его идеи намного умнее моих. Если бы только у него был шанс, он бы смог изменить наш мир.

Я нащупала тёплую ладонь брата и сжала её.

«А давай всё бросим!»

«В очередной раз?»

«Да. Отправимся в Эскендерию, покорим Университет, а потом и сам Круг книжников. Я буду верить в тебя так, как даже в Безликого не верила, и всё получится. Никто смеяться не станет».

Вейас не ответил. Тишину нарушил тяжёлый вздох. Микаш уселся в углу, прижал к груди колени, водрузил сверху руки и спрятал в них лицо. Наверное, тоже хотел побыть один.

После сна мы завтракали и собирались молча. Напряжение настолько загустело, что казалось, его можно черпать ложкой и есть вприкуску с вяленным мясом. Мы накормили оголодавшего оленя остатками овса и снова отправились в путь. Дорога продолжала петлять и плутать, иногда встречались завалы, а иногда площадки со световыми колодцами. Никого живого здесь не было: ни людей, ни животных, ни даже демонова вэса! Пусто. И, судя по всему, уже очень давно. Может, Вей откается, и мы в самом деле отправимся в Эскендерию? Мне бы хотелось.

Мы пробирались через очередной завал. Вей уже был наверху кручи. Микаш подсаживал меня на высокий, скользкий валун, как вдруг донёсся цокот. Будто когти стучали по полу. Микаш отпихнул меня в сторону чёрного провала в стене и затолкал следом упирающегося

оленя. Брат спустился и помог ему. Затушили факел. Мы тесно прижимались друг к другу в узкой нише. Микаш сдвинул морду оленя руками.

Демон шёл по нашему следу. Я чувствовала его ослепительную белую ауру. Когти цокали всё громче. Что, если запах учует?

«Зря арбалет не зарядили», — подсадовал Микаш.

Ага, потому что не стоило изводить всех накануне!

Из-за поворота заструился льдистый свет.

Мы затаили дыхание.

Он был похож на кошку размером с волка. Бледно-голубая шерсть с поперечными чёрными полосами светилась. Пол под лапами вспыхивал инистыми разводами. Демон замер у кручи. Повернул голову. Слово подведённые сурьмой голубые глаза хищно шарили по сторонам, окаймлённый чёрной шерстью нос дёргался, пытаясь уловить наш запах, треугольные уши с пушистыми чёрными кисточками обращались то назад, то вперёд. Он искал нас. Может ли он видеть в темноте? А сквозь стену? Я до онемения сцепила пальцы на груди. Пусть он нас не заметит!

Демон вскинул голову, ощерил пасть с острыми, как кинжалы, клыками и зарычал. Эхо загромычало по каменным сводам. Я едва не вздрогнула. Олень тоже рванулся, но Микаш его удержал.

Демон попятился, разбежался и в несколько громадных прыжков преодолел завал. Мы вчетвером одновременно выдохнули.

«Так это он и был?» — мысленно спросил Микаш.

«Мы тут больше никого не видели», — пожал плечами Вейас.

«Тогда надо спешить. Дойдём до следующей площадки и приготовим ловушку».

План Микаша звучал разумно. К тому же много в запасе не имелось. Пришлось быстро перелезть через завал. Микаш теперь шёл впереди, выглядывая из-за каждого поворота и маня нас за собой. Площадка сама наскочила на нас после длинного петляющего коридора. Она была шире других раза в два. В стене на противоположной стороне чернел ещё один проход.

Мы разобрали вьюки и устроили их с краю. Мальчишки возились с верёвками и оружием. Я, не сдержав любопытства, подошла к середине площадки, где высились четыре круглые колонны.

«Это лёд! Но тут так тепло — он должен был растаять», — поделилась я своей находкой.

«Это место нарушает все законы природы. Не удивлюсь, если тут даже вода течёт снизу вверх», — притушил моё воодушевление Вейас.

«Здесь символы, как те, что ты показывал на стене. Три птицы и кот».

Поверхность колонн испещряли тонкие трещины, в многоугольных гранях мерцали отблески пламени. Моё отражение ломалось и искажалось от таинственной игры света. Внутри двигалось нечто похожее на человеческий силуэт. Он открыл разноцветные — один голубой, другой зелёный — глаза и уставился на меня. Злобно уставился!

Я вскрикнула и отшатнулась, едва не распластавшись на полу.

«Тише! Раньше времени вэса привлечёшь, и мы не отобьёмся», — укорил Микаш.

Я зажала рот рукой и снова глянула на колонны. Они, как и раньше, были непроницаемо белыми. Никаких силуэтов. Почудилось?

Я подошла к мальчишкам. Они вручили мне копье, вкратце обрисовывая план. Всё

придумал Микаш. Вейас передоверил ему бразды правления. Ну и зря! Если он действительно хочет стать Сумеречником, то должен всё делать сам. А если нет, то нужно возвращаться. Эскендерия ждёт нас.

«Поцелуй меня на удачу», — попросил Вейас. Отрешённо, почти отчаянно. Я скользнула губами по его щеке, хотя чувствовала, что он хотел чего-то другого. Глаза так и горели.

Микаш повёл оленя к дальнему проходу. Вейас прошёл по залу и запалил все факелы на стенах. Нам свет союзник, а этой твари — наверняка нет. Микаш подал сигнал. Мы с братом затаились в противоположных углах, вскинув копья.

Микаш был сосредоточен до плотно сжатых губ, но при этом спокоен и сдержан, потому олень доверчиво шёл с ним на привязи, не понимая, что доживает последние мгновения. Зачем Микаш из кожи вон лезет, чтобы брат получил свои трофеи? Понимает ведь, что Вейас ему не поможет, тут нужен куда более влиятельный покровитель. Не знаю даже, кто из старых лордов поручился бы за простолюдина. Его дело пахать землю, но он уже не может. Моё дело выйти замуж и рожать детей, но я тоже уже не могу. Оба мы сломанные вещи, только брат целым остался, да и то ценой собственной мечты. Зачем мы всё это делаем? Зачем идём до конца?

Свистнул, рассекая воздух, клинок. Сверкнула сталь. Олень взвизгнул и забил ногами. Микаш отскочил, чтобы обезумевшее животное не затоптало его. Визг перешёл в хрипы, по светлой шерсти на горле текла кровь. Олень заваливался набок, продолжая дёргаться и сипеть. Воздух наполнился свинцовым запахом смерти.

Я не выдержала и зажмурилась. Уж сколько раз на моих глазах забивали животных. Иногда я заставляла себя быть спокойной, иногда, как сейчас, не выходило. То ли страх мешал, то ли из-за давешних разговоров на душе сделалось совсем погано. Как же это всё глупо! В этой охоте смысла ещё меньше, чем в смерти оленя!

«Смысл есть», — раздался в моей голове голос. Я открыла глаза. Это не Вей и не Микаш — оба напряжённо уставились в тёмный проход. Тогда кто? Я обернулась к колоннам. Ещё один силуэт! Мелькнул и растаял.

Цокот когтей оглушил, заставив забыть остальные страхи. Боковым зрением я заметила появляющуюся из прохода зверюгу. До чего огромен! Вблизи гораздо больше, чем издалика. Вонзил зубы в горло оленя и, вырвав шмат мяса, завершил агонию бедного животного. Вей метнул копьё и попал вэсу в бедро. Копьё Микаша воткнулось демону между рёбер с другой стороны. Вэс взвыл и рванулся, забыв об олене. Мальчишки напители наконечники ядом, но он явно не подействовал.

— Лайсве! — хором закричали Вэй и Микаш.

Я вжалась спиной в стену. Вэс нёсся прямо на меня! Голубые глаза с тонкой вертикальной рисккой зрачка горели яростью. Демон уже готовился к прыжку. Дрожащими руками я выставила копьё. Вэс налетел на него грудью, но не остановился. Клыки мелькнули у самого лица. Когти тянулись ко мне. Я слишком слаба! Я не справлюсь! Возможно, оно и к лучшему.

«Принцесска, держись!» — сквозь пелену ужаса пробился зов Микаша.

Он уже был рядом. Тянул вэса на себя за древко. Демон дёрнулся так, что едва не вырвал мне руки вместе с копьём. Развернулся и вцепился зубами в бедро Микаша.

Из чёрного проёма донёсся гул. Дохнуло чем-то, что было хуже демона, хуже самой смерти! Вэс отпустил Микаша. Сжимаясь от ужаса, вэс выл, скулил, рычал. Микаш выхватил

меч и обрушил ему на голову.

Гул перерос в грохот. Пол затрясся, задрожали стены.

— Бегите! — крикнул Вейас.

Посыпались камни.

Что-то врезалось в затылок. Я упала. Голова вэса качалась на лоскуте кожи. Темень.

Глава 23. Такой же, как мы

1527 г. от заселения Мидгарда, подземный лабиринт, Хельхейм

Голова гудела, как пустой котелок. На затылке наливалась шишка. Я пощупала её и открыла глаза. Лежала плотно укутанная в одеяло посреди единственного свободного от валунов места. Тускло чадил уцелевший факел. Микаш сидел рядом, привалившись к стене, и тяжело дышал. Подле него покоилась голова вэса с уже вырезанными клыками. Ноздри щекотал запах гари и тлена.

— Вейас! — позвала я.

Воображение рисовало жуткие картины.

— В коридоре. Жив, — тягучим, хриплым голосом ответил Микаш.

Я обернулась к проходу. Его закрывала груда валунов, ещё большая, чем те, которые мы видели раньше. Мы в ловушке!

— Потерпи, он тебя вытащит.

— Нас вытащит.

Только колонны остались невредимыми. Незыблемыми, словно их охраняла колдовская сила. Вейасу понадобится много времени, чтобы разобрать завал. А вдруг землетрясение повторится? В следующий раз нам может не повезти. Почему Микаш не помогает?! Он вдруг рассмеялся, горько и как-то... обречённо.

— Для меня уже всё кончено.

Я пригляделась. Его губы синели. На бледном лице выступила испарина.

— Вэс ядовит. Не знала?

Преодолевая головокружение, я склонилась над ним. Сквозь лоскуты штанины проглядывали почерневшие края раны. От неё несло тухлым мясом.

— Старик прав. Я убил вэса и плачу кровавыми слезами. — Микаш помрачнел, вглядываясь в моё лицо мутными глазами. — Не хнычь. Живи. Отдай брату клыки.

Это из-за меня, моя ошибка! Глупый, грубый, неотёсанный деревенщина! Зачем он бросился меня спасать?!

— Если бы я хоть что-то могла сделать...

Так гадко, безысходно, что хочется молотить стену кулаками, как Микаш когда-то. Микаш!

— Можешь.

Он улыбнулся впервые со времени нашего знакомства. Измождённое лицо смягчилось, сделалось по-детски мечтательным. Вздёрнутый подбородок, твёрдые губы, орлиный изгиб носа, жгучий взгляд из-под высокого лба... Всё-таки красив. Почему это меня сейчас волнует?!

— Я жалею... что сказал «нет». — Микаш коснулся моего лица, выдыхая каждое слово всё натужнее: — Поцелуй меня... моя мечта.

О, боги, ну почему?!

Я поцеловала. Его губы холодные и мокрые. Дыхание прерывистое и частое. Горький привкус крадущейся смерти.

Я отстранилась. Микаш вложил мне в руку меч и приставил остриё к своей груди.

— Помоги... сердце здесь.

Клинок с лязгом упал на пол. Я всхлипнула и отвернулась, чтобы он не видел моих слёз.

— Мужчина бы... смог.

Насмешка и злость в его голосе не ранили и вполтину так сильно, как смирение и бессилие.

— Я... — слова умирали на губах. — Я найду помощь!

Я подхватила с пола факел, зажгла и, не оборачиваясь, побежала ко второму проходу. Завалов там не было. Коридор оказался круглым и гладким, словно выплавленным в камне. Я долго брела по нему, узкому и тёмному. Может, повезёт? Может, добрый шаман снова подаст руку? Я до боли сжимала ожерелье Юле, но никто не приходил. Я растратила все чары, всю удачу, все молитвы на ерунду! Хорошо, если впереди попадётся ещё один вэс и закончит мучения, хотя бы мои!

Коридор расширился. Я замедлилась. Факел высветил очередную порцию древних рисунков. Слово откуда-то издали являлись значения. Люди просят благословения у Небесного Повелителя, охотятся на демонов и приносят жертву в благодарность за удачный исход битвы. Жертвоприношение. Жертвенник — вот истинное назначение этого места. Мы уже пожертвовали жизнью лучшего из нас. Подумать только, скольких он спас, скольких ещё мог спасти, если бы не я. Но мы не верим. Даже я уже нет. Все жертвы бессмысленны.

«Смысл есть», — с ноткой насмешливости повторил всё тот же незнакомый голос.

Я оглянулась. Никого. Невидимый демон? Воображение играет со мной?

«Я не твоё воображение. Я реален. А тебе надо бежать», — ответил он.

— Помоги, кем бы ты ни был! Мой друг ранен! Я всё отдам, лишь бы он выжил!

«Всё, говоришь? — усмехнулся голос. — Тогда беги, беги скорее!»

Снова гул. Из-за поворота выскочило чёрное облако. Жуть из моих кошмаров! Ноги сами подхватили и понесли назад. Страх шевелил волоски на спине. Мгла гналась по пятам. Вытянулось щупальце и обвилось вокруг шеи. Сдавливало горло. Душило. Я не сопротивлялась смерти.

Сердце черноты вспыхнуло алым. Щупальце отдёнулось. Огненный зверь разрывал мглу изнутри! Здесь? Я всё ещё сплю?

«Беги же, глупышка!»

Он хлестал тьму лапами и плевался огнём. Глянул синими глазищами, и приказ стал ясен без слов. Я побежала что было сил. Зверь прикрывал моё отступление. Страх и оцепенение скукоживались и истлевали перед жаром огненной шерсти. Пара рывков, и я вернулась на площадку с колоннами. Распласталась на полу еле дыша. Вновь ярко полыхнул огонь. Слепил. Свод затрясся, не выдержав новой схватки. Второй коридор тоже засыпало камнями. Хоть мгла осталась там.

Я затрясла головой, приходя в себя. Упёрлась руками в пол и поднялась. Сколько синяков я заработала за сегодня? Столько, наверное, за всю жизнь не наберётся. Но намного меньше, чем у...

— Микаш!

Как я посмела забыть?!

Молчание. Неужели? Я поковыляла к нему. Подбородок покоился на груди, веки плотно

смежились, руки распластались вдоль туловища.

— Не-е-ет!

— Не ори, всех демонов перебудудишь!

Это не голос Микаша. Это голос из коридора. Кто?

Микаш вытянул шею и повертел головой из стороны в сторону. Живой. Пристально глянул на меня. Глаза цвета холодной стали превратились в пронзительно синие, цвета зимних сумерек. Нога зажала. Сама! Под грязными ошметками штанины виднелась здоровая кожа. Ни запаха, ни единого рубца. Микаш шевелил ступнями, водил плечами, сжимал и разжимал кулаки, словно тело затекло от неудобной позы. Или он пользовался им впервые.

— Кто ты?

Я опустила на колени. Искала в его лице разгадку. Синие глаза насмешливо сузились.

— А ты не знаешь?

Он выпотрошил сваленные у стены мешки. Вытащил свёрток с вяленным мясом и хлебом, принялся и съел с таким аппетитом, будто голодал вечность. Поднёс ко рту флягу. От жадных глотков согревающий напиток потёк по подбородку и под ворот малицы. Я в изумлении наблюдала за ним.

— Уф, хорошо! — воскликнул он, вытирая подбородок рукой и облизывая пальцы. В его глазах, как и в колоннах, отражалась только я. — Пока не побываешь развоплощённым, не поймёшь, насколько это тоскливо. Не иметь тела, не ощущать запахи и вкус еды. Простые радости, но без них невыносимо пресно. Хочешь попробовать?

Будто вспомнив о хороших манерах, он протянул мне обёрнутый лепёшкой кусок мяса. Я взяла его и поднесла ко рту. Это внушение? Нет, когда меня гипнотизировали, было совсем по-другому. Воля телепатов ощущалась чужой, а его — такой естественной, не отличимой от моей собственной.

— Чего колотишься? Сама же просила помочь. Или я тебе не так уж нравлюсь?

— Не понимаю...

На самом деле я прекрасно понимала, проходила уже не раз. Сказала, что за помощь Микашу всё отдам, вот и привязался очередной демон. Незнакомцы не помогают попавшим в беду девушкам, особенно когда говорят красивые и правильные слова.

— Что тут понимать? Ты Лайсве из рода Веломри, сбежала из дома незнамо зачем. Твой братишка Вейас по другую сторону завала, тоже незнамо зачем ищет клыки мифического зверя. Микаш из захолустного села, — он приложил руку к собственной груди, — незнамо зачем борется с демонами и защищает высокородных молокососов ценой собственной жизни. И я, потерявший имя и лицо бог, пытаюсь удержать мир на своих плечах тоже незнамо зачем. Но смысл во всём этом есть, уж мне ли не знать!

Бог, ну конечно! Я должна в это поверить?

— Смысл в том, что мы убили вэса. Мы смогли. Микаш смог. Отпусти нас. Мы это заслужили!

— Это? — бог поднял с пола голову зверя. — Это не вэс.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что только я могу его назвать. Это не вэс, а какой-то новый демон. Нареку-ка я его фелитес ноктис. Да, это определённо фелитес ноктис.

Он отшвырнул голову обратно.

— Зачем ты придумываешь имена демонам?

— А как ещё тут развлекаться целую тысячу лет?

— Тогда почему ты не можешь назвать его вэсом?

— Это не вэс. Его время не пришло. Я знаю: только я могу его убить.

— И какой же в этом смысл? В испытании Сумеречников и в тебе самом? Все говорят, что боги — сказка. Вряд ли бы они явились по первому моему зову. Это вэс, — я пихнула голову демона ногой, и та отлетела к дальней стенке. Я подошла к богу вплотную и обличительно ткнула пальцем ему в лицо. — Ты демон, который воспользовался моей слабостью и вселился в тело умирающего. Убирайся, иначе...

Я подхватила меч Микаша и замахнулась. Бог гортанно рассмеялся.

— Я думал, бездна глупости — удел вечноживущих, но, похоже, и смертные приобрели к ней вкус.

Он неуловимым движением выбил из моих рук оружие и поднёс к глазам, презрительно морщась.

— Дрянной клинок. Кто такое куёт? Похоже, за тысячу лет люди не только растеряли веру, но и мастерство, которое я им открыл.

Я часто разглядывала меч Микаша. Строгий, без украшений, но куда более действенный в его умелых руках, чем дорогие клинки Сумеречников.

Бог провёл пальцами вдоль лезвия, и оно вспыхнуло голубоватым огнём.

— Не победит, так хоть припугнёт, — он замахнулся для пробы. — Ух, ладно — оружие, но как вы управляетесь с таким слабым телом? Или это я растерял весь навык?

Я обняла себя руками. Что теперь с этой тварью делать? Лучше бы я отпустила Микаша с миром и ушла следом за ним.

Бог напряжённо вглядывался в ледяные колонны посреди площадки. Я тоже присмотрелась и вздрогнула. Тени внутри трепетали, сгущались в отчётливые фигуры. Значит, не почудилось? Бог направился к ним, остановился возле одной и легко, словно в мягкое тесто, вонзил меч.

Кем бы он ни был на самом деле, по крайней мере, страха не внушал. Не так, как мгла за завалом. Я подошла поближе, пытаясь понять, питая уже почти увядшую надежду.

— Что ты делаешь?

— Поглощаю силы своих воплощений. Я умею расщепляться, чтобы быть во многих местах одновременно, но теперь нужно собрать все осколки воедино. Для боя понадобится больше силы.

— А остальные колонны тоже твои?

— Моих братьев. Здесь дремлют их сущности до Часа возрождения, когда они вернутся в мир вместе со мной.

— Один из них не спал. — Я указала на колонну, которая меня испугала. На ней была изображена сова.

— Это Тень, — неохотно ответил бог. — Не знаю, кого он не любит больше: меня или людей. Он никогда не спит, ищет способ выбраться. Это он призвал Легион теней, ту мглу, которую я замуровал в проходе. Нужно укрепить его темницу и загнать Легион обратно, иначе быть беде.

— Почему твой брат не любит людей? Они его чем-то обидели?

— Он сам себя обидел. По жизни.

Что-то он скрывает. Насколько ему можно верить? Может, Тень вовсе не злой. Хотя взгляд у него определённо был недобрый. И эта мгла... вот в ней точно ничего хорошего нет. Все мои инстинкты кричали об этом.

— Почему на твоей колонне вырезан кот, а на остальных птицы?

— Ого! Я и забыл, какой надоедливой почемучкой ты была в детстве, — усмехнулся он. — Коты тоже птицы.

Я ничего не поняла, но больше не спрашивала — бесполезно. Сложила руки на груди и смотрела на него выжидающе.

— Мои братья были нормальными и выбирали себе нормальные тотемы, а мне захотелось чего-то необычного. Мне всё время этого хотелось, — с тоской по былому сказал он.

Я почти верила ему. Уже успела придумать новую порцию вопросов, как он вскинул руку:

— Тише!

Гул. Затряслись камни. Я спряталась за колоннами. Это конец! Бежать некуда. Загрохотали тяжёлые удары. Валуны рассыпались в пыль. От страха сводило живот и становилось трудно дышать. Огненный зверь, ну где же ты!

— Брат мой, Ветер, помоги!

— Кто бы ему помог, — невесело усмехнулся бог и выставил меч.

Мгла ворвалась на площадку и замерла возле полыхающего голубым клинка. Удивилась? Испугалась? Оценивала?

Бог воспользовался замешательством и со свистом рассёк её. Закружился стремительным стальным вихрем. На ошмётки!

Микаш сражался невероятно по человеческим меркам, ловко, непредсказуемо, но тот, кто владел его телом сейчас, двигался по-другому. С нечеловеческой скоростью наносил настолько мощные удары, что с ними не сравнились бы даже удары лучших телекинетиков.

Слева, справа, крестом с подскоком, кувырок и снизу. Быстрее! Щупальца пеленают коконом, на месте обрубленных — новые. С разворота, два шага назад. Полные отчаяния рискованные выпады. На грани проигрыша.

Раскрутил лезвие над головой и вырвался из чёрной ночи. Смог! Клинок вращался так быстро, что превратился в непробиваемую преграду. Вперёд! Бог оттеснил мглу в проход и приложил руку к стене. Камни с грохотом замуровали врага.

Тяжело дыша, бог вернулся к шкурам и привалился спиной к стене, как любил делать Микаш. Аж сердце защемило.

— Не хватает веры, — с досадой произнёс он. — Я думал, когда та, которая обращалась ко мне чаще других, будет здесь, силы вернуться. Но, видно, веры одного недостаточно. Люди забывают нас: не молятся, не приносят подношений, обзывают демонами. Наша власть ослабевает, становится зыбкой, нереальной. Остаётся лишь примкнуть к Легиону, чтобы не уйти за грань прежде времени. Из-за этого Тень и смог выбраться наружу.

В синих глазах скорбь. Мне даже чуточку его жаль. Но больше любопытно.

— Что плохого в том, что люди стали более свободными и сами распоряжаются своей судьбой?

Такой вопрос задал бы Вей.

— Свободные? — он брезгливо скривился. — Вами правят глупые предрассудки и презренный металл. Ради них вы готовы на такие жертвы, которых нам даже на рассвете времён не приносили. Почему, когда Легион погнался за тобой, ты не позвала на помощь золото или вашу родовую гордость?

Он прав!

— Я не звала и тебя!

Не сводя с него взгляда, я достала из вещей нож и поднесла к своему горлу.

— Хочешь помочь — убери завал, иначе я убью себя, и моё тело ты не получишь.

С Асгримом сработало, значит, и с этим пройдёт.

— Я не могу убрать завал: Легион вырвется наружу, и тогда все умрут. Твой обожаемый брат и отец тоже. А твоё тело, извини, последнее, что мне нужно.

Терпение потерял. Разозлился. Вот это куда больше похоже на обычных мужчин.

— Ты звала меня тысячи тысяч раз. Брат мой, Ветер, помоги! — он передразнил меня противным писклявым голосом. — Каждый раз, когда твой отец отправлялся в поход, я оберегал его от когтей, клыков и чар демонов. Каждый раз, когда вы с братом попадали в беду, я вытаскивал вас, переносил к благим небесам на своих крыльях. Думаешь, почему тот медведь в Докулайской долине тебя не тронул? Кто припугнул холмовую ведьму, чтобы она сняла приворот с твоего брата? Кто вырвал тебя из гипноза фантома и испепелил орду Странников? Кто заслонил вас от сумасшествия Северной звезды? Всё это сделал я. С ног сбился, спасая вас тут и там. И не только вас, но и всех, тысячи тысяч просящих. Каждый день своей развоплощённой недожизни я сражаюсь с тьмой и удерживаю мир от распада, чтобы вы и дальше могли прозябать в гордыне и бренности. Не верь. Пусть всё катится к демонам. Я тоже устал и хочу сдохнуть. Жаль, что перерезать горло мне для этого недостаточно.

Ветер? Нет! Тот, к кому я обращалась в тяжёлые минуты, с кем делилась самым сокровенным, не может быть таким... злым. Нож выпал из руки. Какая же я жалкая. Мотылёк-однодневка, запутавшийся в паутине обстоятельств. Остаётся только ждать, пока притаившийся в тени паук не полакомится мной.

— Что там твой брат хотел? Чтобы вода потекла вверх? — бог вылил себе в ладонь горстку напитка из фляги. Влага поднялась тонкой вертикальной струйкой и скрылась в вышине.

— Глупый ярмарочный фокус. Так и демоны могут. Морские колдуны, например.

Бог фыркнул.

— Мда, раньше с людьми было куда проще.

Он поднялся и принялся собирать вещи. Не все, а только самое необходимое: факелы, меч, флягу и свёрток с остатками пищи.

— Нужно убираться отсюда, пока Легион не вернулся. Если я не восстановлю силы, следующей атаки мы не переживём.

Я оглянулась по сторонам на перекрытые завалами коридоры и разбросанные по полу осколки камней.

— Мы в ловушке. Отсюда нет выхода, — прошептала я пересохшими вмиг губами.

— У меня ещё есть пара ярмарочных фокусов в запасе.

Бог поднял с пола камень и нацарапал на стене овал в человеческий рост.

— Идём со мной тропой духов. Я покажу тебе смысл. Быть может, тогда ты поверишь.

Он вскинул на плечи мешок с вещами и протянул мне руку. Я не смогла воспротивиться. От бога исходил ореол притягательной силы. Огромную ауру сплошь заволокло голубым сиянием. Под её тяжестью, казалось, прогибался даже каменный пол. Она завораживала и тащила за собой, почти как аура моего Зверя.

— Ты спасёшь меня, брата и... Микаша?

— Спасу всех, кого смогу.

Я вложила свою ладонь в его. Он потянул меня к нарисованному проходу. Шаг в глухую стену, и кажущаяся непреодолимой преграда растаяла, как дым. Мы рухнули в чёрную бездну.

— Я же просил не орать.

Раздражённый голос бога успокоил. Я открыла глаза. Мы снова брели по однообразному тёмному коридору, не отличимому от того, по которому за мной гналась мгла. Это и есть таинственная «тропа духов»?

Впереди зарокотал водопад. Из глухой стены каскадом низвергалась вязкая чёрная жидкость, наполняя бездонную каменную чашу. Я вытянула руку, чтобы потрогать, но бог перехватил моё запястье.

— Это часть Сумеречной реки. Не беспокой мёртвых понапрасну.

Могла и сама догадаться. Сумеречная река душ, текущая глубоко под землёй. А костяной паромщик за монеты перевозит мёртвых на Тихий берег в своей углой лодчонке.

Рядом стояла вылепленная из монолитного чёрного мрамора статуя мужчины в полный рост. Рука на эфесе меча. На голове королевский венец. Глаза смотрели грозно из-под сдвинутых бровей, словно статуя ждала нападения. Тяжёлый, пронзающий душу взгляд напоминал взгляд моего спутника. Вот и он сам смотрел на статую с тоской.

— Это могила Небесного Повелителя, Высокого Тэнгри, — после долго молчания объяснил бог. — На самом деле его здесь нет, он ушёл за грань, растворился в эфире. Я слишком долго жил с людьми, поэтому мне захотелось сделать место, куда можно было бы приходить и вспоминать его.

На массивном квадратном постаменте лежали засохшие цветы. Бог убрал их взмахом руки и сотворил из воздуха свежие синие розы.

— Я хотел, чтобы у него на лице была светлая, немного печальная улыбка, но не смог представить его таким. При жизни он редко улыбался. Казался мне мрачным и скучным, но на самом деле ему о стольком приходилось заботиться. Я даже подумать не мог.

Он замолчал и понурился. Сверлил тяжёлым взглядом торбаза Микаша. Я лихорадочно перебирала в голове факты, сопоставляла, думала. Пора бы уже перестать закрывать глаза на правду.

— Ты и вправду Безликий? Непутёвый младший сын?

Он медленно кивнул.

— Разочарована?

— В сказках ты был добрее, героем без страха и упрёка. А на самом деле такой же потерянный, как мы.

— Быть героем невыносимо тяжело. Нельзя ни на мгновение расслабиться, иначе все поймут, что ты такая же потерянная душа, у которой нет дома.

Он говорил как человек. Даже у фантома так не получалось. Я протянула руку, желая его утешить, но Безликий отшатнулся.

— Хочешь совет? Не жалея мужчин, не показывай им этого и уж тем более не говори вслух. Они не любят чувствовать себя жалкими, даже если они такие на самом деле. А теперь я скажу тебе правду, и ты меня возненавидишь. — Я взглядела в непроницаемо-тёмные глаза. Он не смеялся. — Вельва велела твоему брату добыть клыки вэса из-за меня. Это я послал ей видение о твоей смерти. Мне нужно было, чтобы ты отчаялась достаточно и пришла сюда. Если у меня ничего не получится, ты погибнешь первой.

Я отстранилась, разглядывая его. Неужели всё, во что я верила и чувствовала, к чему

стремилось, на самом деле наваянная им ложь?

— Ты кукловод. Дёргаешь за ниточки, и люди пляшут под твою дудку!

— Так делают все боги.

Я отвернулась. Больно разочаровываться в кумирах. Лучше считать, что его нет, чем видеть таким. Настоящим. Жестоким. Подлым.

— Почему из всех ты выбрал меня? Мог бы найти кого-нибудь поговорчивее. Было бы легче.

— Легче не всегда получается.

Разговор исчерпал себя. Мы ещё немного постояли у могилы. Бежать некуда. Придётся идти с ним до конца. Если выберусь, сочиню сказку-предостережение для таких же простушек, как я. Нельзя верить в милость богов. На самом деле они ничем не лучше демонов. А может, даже хуже, ведь я явно не до конца поняла его план. То была лишь верхушка укутанной туманом горы.

Мы направились дальше. Глубже в темноту. В самое сердце земли.

— Ты первый человек здесь за тысячу лет, — заговорил Безликий после долгого молчания.

Скучно стало? Так у меня тоже возникла парочка вопросов.

— Если мы ушли, не вырвется ли мгла на поверхность?

Запоздало заволновалась. Реакции притупились, словно паучий яд распространялся по телу. Да и какая разница, если своей воли у меня нет. Всё решит кукловод.

— Легион узнал меня и последует за нами. До встречи с ним нужно восстановить силы. Думаю, жертвоприношение подойдёт лучше всего.

Вот паук и выпустил жало. Я надеялась на что-то иное? Чудес не бывает. Таков был его план с самого начала. Меня растили на заклятие.

— Жертва, кукла, жена... какая разница? Делай, что задумал — не томи.

Безликий устало закатил глаза:

— Какой смысл убивать того, кого пытался спасти? Тем более любая жертва должна быть добровольной, а ты умирать не хочешь. Хотела бы — давно перерезала себе горло.

Вот что мне в нём не нравится: он видит меня насквозь. Даже то, на что я старательно закрываю глаза и не желаю понимать.

Плавное течение мыслей нарушил глухой рык. Я вздрогнула и обернулась. В глазах Безликого вспыхнул азарт.

— Жертва сама идёт к нам.

Он скинул с плеч мешок и передал мне факел.

— Будь готова: без тебя ничего не выйдет.

Эфир затрепетал от приближающейся демонической ауры. Полыхнуло льдисто-голубым. Зацокали по полу когти. Из-за поворота выглянули сверкающие бледные глаза. Ещё один вэс! Нет, этот, как его... фелиса... фелите... Безликий не мог придумать чего попроще?! На возмущение времени не было. Демон уже нёсся на нас, намного больший, чем предыдущий. Разъярённо скалил зубы и вздыбливал шерсть на загривке. Засосало под ложечкой. Я вжалась в стену. Он нас разорвёт!

Демон бежал огромными прыжками. Безликий поджидал его до последнего. Как только тварь приблизилась, оседлал её. Демон зашипел, извернулся всем телом и попытался сбросить. Безликий огрел его по голове кулаком. Не издав ни звука, демон распластался на полу. Безликий спрыгнул и перевернул тварь кверху лапами. Насколько же силён этот

древний бог?!

— Возьми из мешка чашу и напои меня его кровью. Живей!

Демон дёрнулся, приходя в себя. Безликий устоял, слегка придушил и снова ударил по голове. Я выхватила чашу и нож, попыталась надрезать чудовищу глотку, но руки не слушались. Покрытая толстой шерстью кожа не желала поддаваться. Безликий надавил на мою ладонь. Демон вздрогнул и захрипел. Вспенилась кровь и звонко закапала в чашу.

— Молись!

Безликий удерживал демона одной рукой, другой выдавливая из горла побольше крови.

— Я не помню слов...

— Ты их никогда не знала, но я всегда тебя слышал. Думай о том, что благодаря этой жертве я спасу тебя и твоего драгоценного Микаша. Верь мне. Только так что-то получится.

Я верила. Старалась. В глубине души мне хотелось, чтобы Безликий был героем из нянюшкиных сказок, чтобы спас нас от мглы и вернул домой. Тогда на моей тёмной, нетореной тропе появился бы путеводный огонёк.

Дрожащими руками я поднесла к губам бога до краёв полную чашу. Безликий пил с жаждой умирающего. Из уголков рта текли алые ручейки. Я поила его до тех пор, пока последняя капля крови не покинула истерзанное горло демона. Только тогда заметила, что черты Микаша исказились ещё больше: волосы потемнели, лицо вытянулось, скулы заострились, сузился нос. А глаза... глаза засверкали так, словно внутри горел небесный пламень.

— Получилось? — стараясь не выдать волнения, спросила я.

— Увидим.

Безликий отвернулся, вытер кровь с подбородка, встал и вскинул руки над демоном. Пальцы сплетались в странные жесты, губы шептали заклинание на неведомом наречии. Подчиняясь напеву, каменная бездна разомкнула пасть и проглотила тушу.

— Не удивляйся. Чем ближе мы к Тэйкуоли, тем я сильнее. Идём. Лучше принимать бой там, чем здесь.

Становилось теплее, потом совсем жарко. Пришлось снять парку и повесить на локоть. Хотелось избавиться от торбазов, ноги в них прели, но ступать по острым камням босиком я не решилась. Факел догорел и потух. Сделалось беспроглядно, но Безликий двигался вперёд, словно видел, как при свете. Ни разу на стену не наткнулся. Столько уверенности и силы было в каждом шаге, что я забыла о страхе и полностью положилась на Безликого.

Послышались трели певчих птиц. Горьковато-сладкие ароматы луговых трав ласкали ноздри. За поворотом забрезжил мягкий, рыжевато-золотистый свет. Через несколько шагов мы вошли в огромный пещерный зал. Под ноги бросился вислоухий заяц с переливающейся фиолетово-зелёной шерстью. Над головой порхали птицы в радужном оперении. Жар исходил от огненных озёр, их свет разгонял тьму по углам. Камень на полу превратился в почву. Её пышным ковром устлали пурпурные лапки папоротника. Между ними тонкими копиями высились лилии цвета малахита. Какие яркие краски, почти как в сиянии Червоточин. По сравнению с ними человеческий мир казался поделкой нерадивого подмастерья. И всё же немного рябило в глазах.

Навстречу вышел словно отлитый из золота безрогий олень с козлиной бородой. Он опустился на колени и благоговейно склонил голову. Безликий погладил его широкий лоб. Олень печально заглянул в глаза и ушёл.

— Что это?

На моё плечо сел мотылёк, постоянно менявший цвет крыльев. Безликий улыбнулся. Его окружил целый рой мотыльков, птиц и мелких зверьков. Каждый стремился почтить и коснуться его хоть на мгновение.

— Тэйкуоли — Пещера духов. Лунги, иччитэ, миснэ, пупыги — все возвращаются сюда из Среднего мира, чтобы обрести плоть и отдохнуть.

— Почему они так льнут к тебе?

— Соскучились. Тоже потеряли веру и смысл, правда, у них осталась память. Бездна сожаления об утраченном. Моё присутствие даёт им надежду, что Владычество Небесное можно вернуть.

Духи обступили нас кругом. Я обняла себя руками. В этом сказочно красивом месте мне передалась скорбь Безликого, хотя я не до конца понимала и принимала его.

— Смотри, а этот, кажется, к тебе.

Звонко посвистывая и расталкивая других духов, к нам спешил поросёнок с головой младенца. Правда, здесь он отрастил фиолетовые волосы до пола и маленькие крылышки, розовые, в цвет туловища.

— Свинтус, ну надо же!

Я обняла его, как старого друга.

— Никакого уважения от этих людишек, да? — усмехнулся Безликий.

Дух согласно пискнул, но всё равно облизал мои руки и встал рядом.

Безликий провёл ладонью по воздуху, словно вытирая зеркало от пыли. Белая точка превратилась в облако, почернела, стала грозовой тучей. Остроконечными пиками из неё вырастали закопчённые башни грандиозного города. Он пуст. Он мёртв.

— Девятые небеса, Благословенный град богов. Когда-то он был белее снега. На улицах цвели жасмин, вишня и сирень. Вокруг фонтанов под песни соловьёв танцевали грациозные апсары в летящих цветастых одеждах. Не было в мире места прекраснее. Но мы возгордились, стали высокомерны и недалёковидны. Утратили смысл. Забыли, ради чего существуем и что даёт нам жизнь. И поплатились за это.

Безликий щёлкнул пальцами, и видение исчезло.

Более похожий на человека, он даже начал мне нравиться. Не так, как раньше, как кто-то идеальный, кого я по большей части придумала. А живой, настоящий, которому хочется посочувствовать. Но не верить, как в легендарного героя.

Да, он небожитель и сражается с Легионом во имя мести, только спасти меня и Микаша ему незачем. Восстановит силы и забудет о своём обещании: продолжит пользоваться телом Микаша, а меня сделает рабой, несущей людям божественную волю. Намного ли это лучше участи нелюбимой жены?

В сопровождении духов Безликий направился к обледенелой реке, вьющейся меж огненных озёр. Остановился у одинокого ворота водяной мельницы. Сбоку между спицами застрял железный посох, не позволявший колесу двигаться. Сам механизм сковало синей ледяной коркой вместе с рекой.

Я вопросительно глянула на Безликого.

— Мельница душ. Когда-то колесо черпало души из Сумеречной реки и возрождало их в Среднем мире. Через него могу вернуться и я с братьями. Но тогда Тень с Легионом тоже освободятся и миру придёт конец. Поэтому я застопорил механизм — разорвал связь времён, чтобы замуровать нас здесь.

Так он сгинул не потому, что проиграл, а потому, что победил. Стал сторожем своему

брату. Как это, должно быть, тяжело — предательство родной крови, вражда с тем, с кем был рядом всю жизнь. Я бы не вынесла, если бы что-то подобное случилось со мной и Веем.

Безликий опустился на колени. На земле рядом с ним пылали рисунки-символы, о значении которых говорил Вейас. Пять из них перечёркивали глубокие трещины. Безликий провёл пальцами по бороздкам.

— Легион повредил так много. Придётся попотеть, чтобы всё исправить. Можешь пока отдохнуть, — он указал на папоротниковую поляну и вернулся к символам. — Боюсь, это надолго.

Я не спешила уходить. Какая у него магия, раз сила почти запредельна? Безликий сосредоточенно замер. Из озера к нему потянулась огненная нить. Словно кузнец, он поймал её в ладони и принялся плести сложные узоры, заполняя трещины жидким огнём. Лицо напряглось, со лба заструился пот, в глазах полыхнула решимость.

Стараясь не шуметь, я опустилась на пурпурное ложе из мягких листьев папоротника. Задрала голову. Под высоким сводом клубилась серебристая дымка, почти как у нас дома. Терпкие запахи пьянили и кружили голову, щебет птиц убаюкивал. По телу растекалась истома, как перед долгожданным сном. Вспыхнули щёки, из головы напрочь выветрились все мысли. Безумная лихорадка. Но до чего же хорошо! Если бы можно было застыть в зыбкой неге навечно.

Захотелось ещё чего-то. Ласкового прикосновения ветра? Солоноватого дыхания океана? Завораживающего танца огня в очаге? Суровых пейзажей родных лесов? И ещё доселе неизведанного...

Я бесстыдно пялилась на широкую спину Микаша. Интересно, как Безликий выглядит на самом деле? Древних богов часто изображали со звериными чертами. Дуэнтэ — медведь, Фаро — кашалот. Может, и у Безликого пёсья голова, а вместо ног копыта? Было бы смешно, но вряд ли. Статуя его отца — вылитый человек, да и сам Безликий повадками напоминал людей. Жил с ними так долго, что они и сами спутали его с обычным человеком. Значит, внешность у него должна быть соответствующая. Высокий, синеглазый, темноволосый. Гибче и сильнее Микаша. С неизбывной тоской на безмерно благородном лице. Хотелось бы мне это видеть!

Возможно, Микаш был прав. Я действительно влюбилась в героя нянюшкиных сказок, поэтому мне не хотелось принимать его настоящего. Но теперь... Нет, наверное, боги для такой любви не предназначены. Это запрещено.

Над ухом зажужжало насекомое, разрушив пленительную иллюзию. Видно, и в Тэйкуоли водятся неприятные создания. Жужжание становилось громче, перерастало в гул. Тысячи голосов едва не разорвали мне уши.

— Берегись! — закричала я.

Из огненных озёр поднялась огромная чёрная волна и нависла над погружённым в работу Безликим. Мгла настигла нас!

Бог развернулся прыжком и выхватил меч. Мгла тянула к нему щупальца. Клинок обрубил их, но тут же выросли новые. Стремительно помчались на врага. Безликий затанцевал между ними, увёртываясь, пригибаясь, атакуя. До чего же он красив в этой неистовой пляске на волосок от смерти!

Одно из щупалец проскользнуло сквозь стальной шквал и вонзилась глубоко в плечо. Легион злорадно расхохотался. Стиснув зубы, Безликий снёс пику, но сбился с ритма.

Сердце замерло в груди. Мгла разорвёт Безликого! Или нет, она разорвёт Микаша, а

Безликий огненным котёнком забьётся в щель — его не раз называли трусом.

И тогда настанет моя очередь.

Тэйкуоли пробудилась. Духи от мала до велика устремились к месту схватки. Скопом они навалились на волны чёрной воды, раздирая её в клочья. Смелчаки на передовой погибали, проглоченные мглой, но их место занимали другие. Все, не стовариваясь, пытались спасти своего кумира. Я завидовала их сплочённости и отваге.

Я заметила Свинтуса. Мгла опутала его тонкими лентами. Короткий писк — они сжались до предела. Тело духа лопнуло, как дыня. Даже лужицей не растеклось: мгла слизнула её.

Сердце сжалось от ужаса и жалости. Не могу безучастно смотреть на эту бойню! Я попыталась встать, но невидимые путы связали меня по рукам и ногам. Безликий не пускает? Почему мне нельзя хоть чем-то помочь?!

Духи добились своего. Безликий получил передышку и воткнул меч в полыхающую алым трещину. Полился монотонный речитатив, заплясали руки, сплетаясь в таинственные жесты. Мгла взревела в бессильной ярости. Стремительный водоворот затягивал её обратно. Озёра успокаивались, разглаживалась алым бархатом. Лишь мелкая рябь чёрными кругами шла по поверхности.

Безликий приблизился ко мне и без сил рухнул рядом. Духи, те, которые ещё могли, спешили к нему.

— Спасибо, не надо было, — едва слышно выдохнул он.

Золотой олень опустил у его плеча и вылизал рану, заживляя её, как когда-то Свинтус лечил Вейаса. Бедный добрый малыш!

Путы отпустили, и я придвинулась ближе к Безликому.

— Не получилось, да?

Он вытянул залеченную руку, разглядывая кончики пальцев.

— Слишком много сил ушло на восстановление печатей. И ещё больше на прозябание в норе. Нужно было вызвать брата на последний бой. Не победил бы, так хоть ушёл в забвение быстро. Героем, а не всеобщим посмешищем.

— От моей жертвы никакого толка? Надо было выбрать кого-то получше.

Я отвернулась и всхлипнула. Его ладонь легла поверх моей и легонько сжала.

— Нет. Легион, судьба мира, Тень — это моя ответственность. Это я не справляюсь. Это мой отец должен был выбрать кого-то получше, более смелого, сильного и умного. Всё, что я могу — каждый раз расписываться в неудачах, бежать и прятаться. Позволять другим умирать за себя.

Я повернула голову и разглядывала в золотистом свете его профиль. Печальный и поникший. Я коснулась губами его ледяной щеки, чтобы хоть как-то поддержать.

— Почему ты стал таким? В сказках ты легко разил полчища демонов, учил людей мудрости, спасал всех и каждого. Ты ведь был таким на самом деле. Когда ты сражался с Легионом, я почти видела тебя прежним. Что тебя сломало?

— Нетореные тропы, — он закрыл лицо ладонью и смотрел сквозь растопыренные пальцы вверх. — Я думал, у меня хватит сил, думал, что смогу дойти до конца и изменить судьбу не только для себя, но и для всех. И я шёл, невзирая на тяготы, на тех, кто оставался позади. Нигде надолго не задерживался, не щадил ни близких, ни даже себя. Знаешь, как трудно богу жить среди смертных, которые постоянно сомневаются в нём? Каждый день доказывать свою силу, чтобы они шли за мной и слушали меня. Нельзя показывать слабости,

побыть одному, отдохнуть. Мне приходилось спасать всех, кто звал, иначе бы они сказали: «Что ты за бог, раз бросил нас в беде?» Тысячи тысяч голосов разрывали мне голову. Я терпел, держался из последних сил. Пока не иссушил себя до дна. Это и был конец моей нетореной тропы. Знаешь, что я там увидел? Что смело моё мужество и заставило забиться в самую глубокую щель на краю света? Что переломило мне хребет и оставило мучиться в вечной агонии между жизнью и смертью?

— Вэс? Демон?

От его рассказа сделалось жутко. Я не могла сдержать жалость. Сожаление о том, что его деяния на благо всех людей так дорого ему стоили.

Безликий долго молчал. Переводил дыхание.

— Демон, худший из всех. Он победил меня, отнял имя и лицо. Превратил в тень меня прежнего. Им был я сам.

Он повернулся и заглянул мне в лицо. Печальная улыбка играла на устах. Он не злой, нет, язвительный, полный горечи и тоски — но не злой.

— Не плачь. Я не хотел перекладывать тяжесть мировой тверди на твои плечи. Всё будет хорошо. Я отыщу способ. Ты просто верь.

Он вытер большим пальцем мокрые дорожки с моих щёк. От полного участия взгляда внутри всё переворачивалось. Так хотелось хоть как-то ему помочь... и себе. Но что я могу?

— Может, ещё одна жертва?

— Кровь демона бесполезна, — Безликий качнул головой, продолжая прожигать взглядом.

Вейас рассказывал, что в одном глухом селении жрец требовал, чтобы к нему приводили невест перед свадьбой. Говорил, боги желают, чтобы для процветания будущей семьи те пожертвовали своей невинностью. Брат потешался над предрассудками, в том числе и моими. А я думала, какой подлец тот жрец, что так бесстыдно пользуется данной ему свыше властью. Но вдруг в его словах была доля истины? В любом случае ничего лучшего я предложить не могу.

— Я не об этом.

Он смешно нахмурился. Я придвинулась ближе, делая вид, что хочу прошептать ему на ухо, но вместо этого легонько коснулась губами шеи. Он застыл, затаил дыхание. Хорошо!

Я поцеловала приоткрытые от удивления губы. Твёрдые, морозные, как и он сам.

— Плохая идея, — пробормотал он.

Не сопротивлялся, нет, продолжал смотреть в заворожённом оцепенении. Я засмеялась. От предвкушения голова шла кругом, а тело наливалось лёгкостью. Никогда не чувствовала себя так раскованно. Стыд забыт. Ни одной здоровой мысли в голове. Только он, его образ, запах снега. Мои мечты, которые я так долго скрывала даже от себя.

Я уже на нём сверху. Поймала своё отражение в его глазах. Томная улыбка. Дерзкий взгляд. Не знала, что моё лицо так умеет.

— Боишься? — не знала, что мой голос может звучать так страстно.

Безликий смотрел вдаль, сквозь меня, будто погружаясь в воспоминания. От полного боли взгляда игривость как рукой сняло. Наверное, я коснулась чего-то запретного. Быть может, в мёртвом городе остался кто-то, кого он любил и кому продолжает хранить верность. Грациозная небесная жрица. Кажется, он называл их апсарями. С крутыми широкими бёдрами, высокой полной грудью и лебяжьей шеей. Глаза горят ярче звёзд, а струящиеся волосы цвета красного кедра пышной вуалью укрывают нагое тело. Она красива,

она женственна, она умеет любить, не то, что я — нескладный подросток, так запоздало ощутивший дыхание весны. Но я поборю призрак прошлого, иначе не выйдет.

Снова склонилась к Безликому и неловко коснулась его неподвижных губ. Они солёные от моих слёз. Взгляд всё такой же пустой, колкий.

Не со мной.

— Прими мою жертву. Теперь уж точно искреннюю. Я верю, что ты бог. Ты справишься с Легионом и с тяжестью мировой тверди. Прими мои чаяния, мою надежду, мою любовь, как принимал помощь духов Тэйкуоли. Ты больше не один.

Взгляд смягчился, стал осознанным, словно между туч проглянули солнечные лучи и разогнали сумрак. Теперь он точно видел перед собой меня, а не ту — другую. Это придало решимости.

Трясущимися руками я стянула с себя малицу и освободила его от меховых одежд. Безликий наблюдал безучастно.

Соблазнить кого-то я пыталась лишь раз, да и то не вышло. А может, не хотелось на самом деле. Теперь вот по-настоящему. Всё, что рассказывали об этом волшебном чувстве, стало Истиной. Нет, она совсем другая: страсть, влюблённость, всепоглощающая, не оставляющая после себя ничего... любовь. Жаль, что опыта нет. Я не знаю, что делать. Как он отреагирует? Как заставить его почувствовать то же, и возможно ли?

Вспомнился танец у шамана. Ощущения, когда полагаешься на интуицию, позволяешь ритму, неуловимой мелодии вести тебя, руководить каждым вздохом. Она сама доставит, куда нужно.

Короткими поцелуями стелился узор на лице Безликого. Губы заскользили по шее и плечам. Я притянула к себе его руки. Моя грудь всколыхнулась под его пальцами, изнывая от жажды. Жадная до ласки. Его ладони опустились ниже, обвели линию талии.

— Это не входит в список простых вещей, по которым ты скучал?

Он должен откликнуться! Вождеделение уже теплится во взгляде.

— Это никогда не было простым.

Шершавые пальцы провели вдоль моих бёдер, поднялись по спине, прижали к терпкому телу. Влажные губы засосали кожу на моей шее. Сладкая горечь. Неловкий танец разгорячённых тел. Сближение. Стон упал с губ. Я выгнулась против воли, словно пытаюсь его сбросить. Рык опрокинул на спину. Игры закончились. Накатила робость. Будет больно?

Безликий коснулся лбом моего лба, вырвал из забвения пристальным взглядом. Жаждал убедиться в моей решимости?

Хочу тебя, безмянного и неведомого, но такого близкого и родного. Ты намного лучше любого, кто у меня мог быть. Не по воле отца, не от безысходности, а потому что люблю.

Ни звука. Я царапнула его спину, подначивая. Он развёл мои колени, протолкнулся внутрь и смёл преграду. Алой лентой взвивалась истома. Жидкий пламень обжигал с головы до пят, щекоча и лаская. Я обхватывала ногами каменные бёдра, открывалась глубже, вбирала целиком, сжималась туже. Чтобы никогда не отпускать!

Он вырывался наружу. Вонзался с новой силой. Лихорадочные кружения застывали на коже каплями пота. Мутный поток захлёстывал, нёс прочь. Раскалённое марево перед глазами, в ушах гул. Огненный шар нарастал изнутри. Запределье эмоций и ощущений.

Уже не различить ни Безликого, ни меня в его объятиях. Мы одно, нас нет, мы былинки на ветру, растворены во всегда и везде. Внизу, вверху, в начале и в конце. Незыблемые образы наскальных рисунков. Он и Она.

Я очнулась с трудом, как после яростной бури, чувствовала себя разбитой, разорванной на части. Слабость во всём теле. Ноздри щекотал солоноватый запах крови. Никак не получалось собрать себя по кусочкам. Безликий все ещё был во мне, застывший в мгновениях безмятежности. Я потянулась к нему, безумно желая, чтобы близость не заканчивалась так скоро. Он отпрянул, подхватил штаны и принялся суматошно их натягивать.

Пустота внутри разъедала. Как будто боль, которую я прежде не замечала, хлынула на меня, погребая под собой. Я свернулась клубочком, сдерживая рыдания.

«Вжих!» — донеслось сквозь глухое море в моей голове. Апатия отступала. Я увидела напряжённую, бугрившуюся мышцами спину Безликого. Он сидел у речки, скрестив лодыжки, и шлифовал клинок точильным камнем.

Ему не понравилось? Наверняка моё тело показалось ему уродливым, как тело Микаша — слабым. Небось, только тоску разбередила. Даже заговорить теперь страшно. Вдруг обругает? Устыдит? Скажет, какая я мерзкая. Я этого не переживу. Я так хотела...

— Получилось? — спросила я, задавив в себе эмоции.

Безликий замер. Неуверенно повёл плечами. Не обернулся, не произнёс ни слова. Жестокое похмелье накрыло с головой. Предательский всхлип вырвался из груди.

Безликий вздрогнул, будто его плетью огрели, и подскочил на ноги.

— Чего ты ждёшь? Вот он я. Я больше не прячусь. Приди и возьми меня, демоны тебя раздери!

Он приблизился к рисункам и вскинул руки, словно высвобождал мглу, которую сам же туда и упрятал. Он хочет погибнуть? Зачем?!

Бесцеремонно разбуженная мгла загудела ещё злее. Поднялся чёрный вал.

Духи не спешили на помощь. Им запретили?

Безликий замер утёсом. Мгла упёрлась в своды пещеры, заволокла всё вокруг, окутывая его полотном ненависти. Не шевелился, выжидал.

— Выходи, брат! Давай же, выплесни свою ярость! Твоё падение и все твои злоключения — моя вина. Так разорви меня, удовлетвори свою месть и мою заодно. Я никогда не встану с тобой на одну сторону.

Была крупная дрожь. Сердце рвалось из груди. Не вздохнуть!

Не надо, пожалуйста! Если ты погибнешь, исчезну и я, и прекрасная Тэйкуоли, и весь наш мир! Ты не можешь так поступить!

— Спаси нас! — я протянула к нему руки. — Я верю, ты сможешь. Ты лучший из всех.

Он повернул голову. Синие глаза наполнились болью и сожалением.

— Брат мой, Ветер, живи!

Чёрное облако поглотило его. В призрачном гуле слышалось злорадное ликование. Неужели конец?! Без него... лучше бы и так.

Воздух заискрил. Накапливалась сила. Вспышка ослепила, вопль хлестнул по ушам. Я распласталась на земле. Она содрогалась от мощных толчков.

В темноте закрытых глаз лучились силуэты крылатых мечников.

Руна «исаз» — лёд на спине одного, руна «турисаз» — тёрн на спине другого.

Застыли, двинулись.

Единым порывом. Последним!

Кто-то выживет, кто-то упадёт, а может, и оба.

Прямо сейчас, ибо ждали слишком долго.

Медленно.

Ближе.

Соприкасаясь и рая.

Разошлись.

Которого задело?

Замер один, замер другой.

Руна «исаз» тускнеет, опадает. Вместе с ней и свечение.

«Турисаз» смотрит на меня недобрыми разноцветными глазами.

Идёт, чтобы придушить мерзкую гадину.

Меня.

Я сажусь на колени и свешиваю голову.

Неважно, в чём моя вина, но если его больше нет, то и мне незачем быть.

Полыхающее зелёную лезвие заносится над шеей.

Опускается.

Неумолимо.

Фиолетовый пламень пронзает грудь «турисаз».

В конвульсиях яркого света колыхается силуэт.

Опадает.

— Не трогал бы её — победил бы, — сквозь кошмар слышится голос Безликого.

Руна «перт» — тайна — теперь прожигает его грудь.

Когда я пришла в себя, снова увидела Безликого. На земном лице Микаша проступили точёные черты небожителя. В глазах решимость. Движения уверенные и грациозные. Он легко вил из поверженного чёрного облака тонкие нити, как до этого жидкий огонь из озёр. Мгла шипела и стенала, пытаясь достать до Безликого, но разбивала щупальца об исходящее от него фиолетовое сияние. С затухающим воплем Легион спрятался в кипящих лавой рисунках. Безликий надгробием вонзил меч в последний из них и, утерев пот, отошёл на несколько шагов.

— Так много силы... — глядя на свои ладони, произнёс он. Впервые после нашей близости взглянул мне в глаза: — Лайсве, зачем ты отдала мне своё сердце?

— А разве я могла иначе? — Мой голос сипел так, что я с трудом узнавала его.

Безликий потупился. Хотела бы я прочесть его мысли, но вокруг них глухая стена, как вокруг сильнейших телекинетиков.

Бог вернулся к мельнице и сбил рукой корку с одной из спиц в колесе.

— Лёд тает.

— Так наколдуй его обратно. Сил-то у тебя теперь предостаточно.

Я злилась и ничего не могла поделать. Жалела, что не умерла в этой битве. Внутри разбухало разочарование, хотя я с самого начала знала, что надеяться на ответные чувства глупо и мелочно. Любовь должна быть жертвенной и бескорыстной, не требовать взаимности. Но от пренебрежения душа свербела непереносимо. Он мог бы притвориться.

Безликий качнул головой.

— Нет. Я больше не струшу. Когда колесо освободится ото льда, я уберу посох и запущу мельницу. Всё, что было, повторится. Только на этот раз я не совершу прежних ошибок. Начну прямо сейчас. Идём.

Он помог мне одеться, хотя лучше бы этого не делал. От любого прикосновения я вздрагивала, словно они бередили ноющую боль у меня между ног. Хотелось ударить, расцарапать лицо, наговорить гадостей. Глупо! Он ни в чём не виноват, я сама ему

навязалась. Сама должна отвечать. Подождать, пока горькая муть осядет. Потом я буду вспоминать этот момент, как лучший в своей жизни. Жаль, что чуда не случилось. Совсем не то, которого я хотела.

Мы покидали Тэйкуоли. Духи провожали нас печальными взглядами. Среди них уже не было забавного Свинтуса. Интересно, куда они уходят после смерти?

Мы возвращались в пещеру той же дорогой. Безликий вёл меня в кромешной тьме, крепко держа за руку. Молчал. Я боялась открыть рот, чтобы не наговорить лишнего.

Всё когда-нибудь заканчивается, вот и за нашими спинами сомкнулся нарисованный на стене проход. Мы снова оказались посреди зала с колоннами. Безликий поджёг один из оставшихся факелов.

— Пора прощаться, — он мягко улыбнулся, будто извиняясь.

Сердце ёкнуло, полные обиды мысли выветрились.

— Ты не можешь уйти. Ты же обещал спасти нас!

— Я это сделал. Легион утомился, Тень получил такую взбучку, что ещё долго носу не покажет. Выход скоро откроется, и вы выберетесь наружу.

Безликий поднял с земли клыки демона и отёр с них пыль рукавом.

— Отдашь брату. Они лучше моржовых бивней. Только скажи ему, что простые пути ведут в никуда. Если он хочет чего-то добиться, то к этому надо прикладывать все силы и не бояться трудностей. Путь мыслителя не менее почётный, чем путь воина. Пускай сейчас его идеи кажутся смешными, но со временем они захватят умы и поведут людей вслед за светом потухших звёзд туда, где не бывали даже боги.

Я удивлённо вытаращилась. Значит ли это, что видения Вейаса...

— Микашу передай, что неважно, кем он родился. Неважно, что ему напорочили белоглазые старухи. Он может стать чумой для Мидгарда, но может быть и величайшим героем. Всё решит только его выбор. И даже если на одной из развилок он свернёт не туда, то сможет остановиться, покаяться и обратиться к свету. Достаточно только искренне пожелать искупления.

Я потупилась и обняла себя руками. Как я скажу это Микашу? Как я ему в глаза смотреть буду?

— А как же я?

— Возвращайся домой и будь счастлива. Ты этого достойна.

Я ухватила его за рукав и прижалась всем телом.

— Без тебя мой мир был холоден, сер и пуст. Прошу, останься. Если у тебя нет цели, то я придумаю её: возродить веру, предупредить людей об опасности. Вместе мы победим врага, как это было в Тэйкуоли. Только окончательно.

— Забудь. Сойди с нетореной тропы — она калечит судьбы и приносит несчастья. Я не могу остаться. Я и так распоряжался этим телом слишком долго. Оно не выдержит. К тому же Микаш меня не простит. Он станет великим воином, выиграет множество битв и все свои победы посвятит тебе. Он — твоя судьба. Ты поймёшь со временем.

— Нет! Я не смогу без тебя. Я люблю тебя!

Ну зачем я это сказала!

— Не растрчивай свою любовь попусту. Я лёд, я мертвец, я не могу чувствовать, но я всегда буду с тобой, незримо защищать и направлять. — Он повернулся ко мне и вытер слёзы большими пальцами, как раньше. — Ну же, не будь эгоистичной маленькой девочкой и позволь мне уйти.

— Поцелуй меня, — я подтянулась на цыпочках, обхватила его за плечи и зажмурила глаза.

Дыхание обожгло. Мягкие, робкие прикосновения. Нет, не хочу так! Я впиалась в него со всей палящей изнутри страстью. Он почувствует, заразится. Моей любви хватит на нас двоих, и он снова откликнется, как в Тэйкуоли.

— Лайсве?! — послышался возглас Вейаса.

Я вздрогнула и обернулась.

Брат стоял у меня за спиной с факелом в руке. Весь в пыли и каменной крошке.

— Лайсве?! — эхом отозвался Микаш.

Я ещё висела у него на шее. Он смотрел на меня огромными от удивления глазами цвета холодной стали.

Безликий ушёл. Я разжала руки и бросилась к колоннам. Может, он ещё там. Я успею сказать последнее прощай.

Они были пустыми и безжизненными ледышками.

— Что ты сотворил с моей сестрой?! — возмутился Вей. Прочитал мою ауру, которая не успела восстановиться после близости с женщиной.

Брат кинулся на Микаша с кулаками, но тот смахнул его, как пушинку, и оцупал свою ногу. Губы — в тонкую полоску. Ни слова. Взгляд обшаривал каждую пядь на площадке и постоянно утыкался в меня. Будто обо всем догадался, но верить не хотел. Вейас надвинулся на него грозовой тучей. Нет, Микаш не виноват, это я, я перед ним виновата!

— Перестань! — я ухватила брата за локоть. — Никто со мной ничего не творил. Микаш спас меня и добыл клыки. Скажи ему спасибо и будем выбираться, пока не начался очередной обвал.

Мальчишки смотрели на меня мрачно и выжидающе. Я не желала ничего объяснять, не им. Пускай это будет мой единственный секрет, наш секрет, Безликий. Теперь я знаю, что делать. Я не забуду тебя и не сойду с тропы. Я отыщу способ, чтобы люди поверили в тебя, а ты в нас. Тогда у тебя достанет сил спасти мир и удержать его твердь на своих плечах. А до тех пор я буду ждать. И никогда больше не усомнюсь в своей вере. Отныне у меня есть цель!

Интерлюдия II. Лики

1527 г. от заселения Мидгарда, Безмирье

Они неспешно покидали его логово. Безликий присматривал за ними и направлял, чтобы они не задержались дольше необходимого. В полотне судьбы и так зияла брешь размером с ладонь. На рваных краях едва-едва зарубцевались первые стежки. Затянется ли? В любом случае уродливая заплатка исказит узор. Во что это выльется?

Безликий надеялся, что дыра будет меньшей, хотя после случившегося... Как будто он не догадывался, что всё произойдёт именно так. Как будто в прошлый раз было по-другому. Тысяча лет миновала, а он так и не научился говорить женщинам «нет». По крайней мере, одной из них.

Безликий солгал, что выбрал её просто так. Неброской сумеречной красотой она напоминала ту, другую, которую он так бездарно потерял. Всё время развоплощённого сна он призывал её образ в свои грёзы, но она ни разу не появилась даже зыбким миражом на краю памяти. Когда понадобилась помощь, он нашёл ту единственную, которая заставляла так же трепетать, бороться, жить. И сам загнал себя в ловушку.

Прикосновения, дразнящие взгляды, пожалуй, по ним он скучал больше всего. Хотел постоять чуть-чуть на краю, но не удержался — с разбегу прыгнул вниз головой в бездонную пропасть. Как же хорошо было тогда и как горько сейчас. Всё лишь ошибка, лишнее подтверждение его несостоятельности.

Хорошо, что они уходят. Пускай забудут даже имя, которое ему придумали. Пускай плотно зарастёт во много слоёв, пока не скроет напоминание о нём. Пускай...

Безликий возвёл эту темницу в самом начале своего заключения. Не спалось. Даже ложиться не хотелось. Пьяный сок бродил в голове, спутывая мысли и не давая покоя. Безликий подобрал с пола острый камень и замер у стены с узким решётчатым окном наверху. Он любил и ненавидел её одновременно. От пола до потолка стену покрывали лики. Они то появлялись, то исчезали на зеркальной глади памяти. Вначале, когда мастерство ещё не забылось, получались почти реалистические отражения. Но со временем руки загубели, восприятие очерствело, закаменело и обездвижилось. Рисунки становились примитивнее и безжизненней, но он выцарапывал их, пока они не превратились в овалы с чёрточками вместо глаз, рта и носа. Лики памяти из прежней жизни.

Что-то неуловимо изменилось. То ли камень был особенно хорош, то ли недолгое владение человеческим телом вернуло кусок утраченного, то ли сработал план. Капля веры придала сил. А может, дело не в ней? Может, прожив столько лет и пройдя столько дорог, он чего-то не узнал? Откуда эта переполняющая всё существо сила, откуда жгучее желание встать и что-то сделать, откуда топящий лёд свет, лучащийся изнутри нестерпимо ярко? Почему он завораживает и тащит за собой даже сильнее, чем зловещее сияние Червоточин?

Разбитые пальцы кровили, но Безликий продолжал рисовать, штрих за штрихом выводил новый лик с тщательностью, с которой рисовал лишь в самом начале, когда тоска тысячами лезвий впивалась в сердце. Осколки воспоминаний проносились мимо лихорадочными видениями.

...

Солнце давно зашло. Увядавшим лепестком мерцал огонёк свечи. Дубовый стол прогибался под тяжестью пергаментных свитков, исписанных филигранным почерком. Нужно писать разборчиво, нужно подобрать такие слова, которые бы точно донесли смысл. Нужно успеть. Куда и зачем, ведь впереди вечность?

— Дорогой, уже все спят. И тебе надо, — тёплая ладонь легла на плечи. Не вовремя. — Ты какую неделю допоздна засиживаешься. На себя уже не похож: осунулся, круги под глазами. Даже бессмертным иногда нужно отдыхать.

— Погоди немного. Надо закончить, — отмахнулся он.

— Завтра закончишь. Кодекс никуда не убежит.

— Завтра не будет времени. Вот-вот придёт зов.

— Ты не можешь спасти всех постоянно. Тебе нужно отдохнуть, хотя бы поспать.

— Ты не представляешь, каково это, когда твою голову раздирают тысячи тысяч голосов и ты никому не можешь отказать. Потому что завтра он придёт к тебе и скажет: что ты за бог, раз оставил меня в беде?

— Я скажу ему, что это я виновата. Я чёрная ведьма и навела на тебя беспробудный сон, поэтому отныне со своими проблемами им придётся справляться самим.

Леси. Любимая. Жена. Она заставляла улыбнуться, даже когда на душе скребли кошки. Он притянул её ладонь к губам и поцеловал тоненькие пальчики.

— Не нужно, иначе твоё сердце пронзят тысячи тысяч клинков ненависти. Не хочу,

чтобы ты страдала. Как-нибудь справлюсь.

— Это слишком для одного.

— Человека, ты забыла добавить. Но я не человек, сколько бы ни пытался быть на вас похожим. Они никогда этого не забудут. Они пеняют мне даже на то, что у меня нет наследника.

— Я могу привести к тебе молодую и сильную землепашку. Их почва более всхожа, чем у таких, как я.

— Перестань, а? — раздражение выплеснулось наружу. — Мы уже сотню раз это обсуждали. Это у меня проблемы — не у тебя. Младшие боги не могут иметь детей. Даже отринув благодать, я не перестал быть одним из них.

Леси убрала руку и горестно вздохнула. Он пожалел о своей вспышке. Она не виновата.

— Иди спать, правда. Я скоро. Обещаю.

— Люблю тебя.

— И я.

Он остановился лишь для того, чтобы послушать, как негромкие шаги и шорох одежды удаляются и гаснут. Едва обмакнул перо в чернильницу, как оно надломилось пополам. Приближался очередной зов. Как же он устал от этого!

Боль оглушила, как будто лопнувшая струна выстрелила в руку. Пол полетел в лицо. Удар выбил дух. В глазах потемнело. Лишь клочок света освещал сидевшую на коленях фигуру. Смердело отравленной гниющей плотью. Взметнулась медь волос, голова повернулась, чтобы окинуть его презрительным взглядом едких птичьих глаз.

— Спасаете всех кого не лень, а о своей крови забыли? — так же зло как при расставании выкрикнул брат. — Смотри, это твоя вина!

Брат развернулся и показал то, что баюкал на руках.

Сознание толчком влетело в тело. Вместо Кодекса он черкнул короткую записку, от содержания которой самому становилось муторно. Привычно впечаталась в ладонь руна «исаз» на эфесе меча. Этот зов был последним. Он уходил. Навсегда.

...

Отгремели зарницы последней битвы. Он хотел уйти, но не мог. Отец пригвоздил его к обледенелым каменным плитам саркофага.

— Отпусти! Я не желал власти. Я уже сделал всё, что должен был, и даже больше. Мне незачем жить. Я хочу отдохнуть! Ну, пожалуйста!

— Так уж незачем? — снисходительно улыбнулся отец.

Как в детстве, когда Безликий ошибался или говорил глупости. Не поумнел с тех пор.

Тяжёлая ладонь легла на лоб. Сознание засасывало в узкий тоннель. Отец хочет дать шанс попрощаться? Зачем? Прощания всегда выходили отравой.

Тьма окутала его. В столбе света ложе со скомканными простынями. Не понимая, Безликий подался вперёд, ближе. Серебристые волосы расплескались по подушке, образовав бутон. По бледному лицу катился пот. Лихорадочно блестящие жемчужные глаза вперились в него. На грани жизни и смерти Леси чудился его призрак.

— Тужьтесь, Ваше Величество, последнее усилие — я уже вижу головку! — донёсся голос повивальной бабки.

— Я смогла. Для тебя... — вместо стона сорвалось с бескровных губ.

Громом по ушам ударил младенческий крик.

— Радуйтеся, Ваше Величество, у вас сын. Прекрасный синеглазый мальчик.

Леси протянула руку, но ладонь Безликого прошла сквозь неё.

— Я не смог.

В жемчужных глазах отражались его слёзы. Повитуха уже совала Леси в руки оружий свёрток, но Безликий не успел заглянуть внутрь. Не успел увидеть своего наследника.

— Так уж незачем? — повторил отец, улыбаясь.

— Я не понимаю. Правила и...

— Ты поменял их, когда прошёл по нетореной тропе. Так не бойся с этим жить. Отныне ты отец, и за всё отвечаешь сам. Будет трудно, но ты справишься, иначе нетореные тропы не выбрали бы тебя.

Отец растворился, ушёл в вечность, а Безликий уснул долгим беспробудным сном.

...

Лик получился удивительным, почти живым, похожим на жену и на Лайсве одновременно. Жаль, что Безликий не смог остаться с ними. Его участь, его кара — вечное одиночество.

Солнечный зайчик заскочил в решетчатое окно, пробежал по полу и осел на лице. Безликий прищурился, отвыкнув от света. Хлопнули крылья. На карниз опустилась белая горлица и громко курлыкнула. Безликий протянул руку. Горлица протиснулась между решёток, села на запястье и потёрлась клювом об щёку.

— Ты?.. — признавая, но страшась поверить, выдохнул он. — Леси, ты вернулась ко мне? Ты простила меня?

«Я никогда на тебя не обижалась. Это ты не мог себя простить. Это ты отгородился от всего мира. Это ты не пускал меня к себе так долго», — отозвалась горлица.

Безликий гладил белые перья и впервые за века ощущал умиротворение, как будто обрёл целостность.

— Ты не злишься, что я был с другой?

«Я рада, что она тебя расшевелила. Теперь уж точно никуда от меня не денешься».

Леси всегда это умела: заставлять смеяться, даже когда на душе скребут кошки.

Что-то пробуждалось внутри него. Стены трескались. Всё яростней хлестал солнечный свет. Предвещая новый день, воспевал хор тысячи тысяч страждущих голосов:

Усталые смежу веки,
Под гомон слепящего дня.
Спрошу те моря и реки,
Текущие сквозь меня:
Сгорим ли в огне войны мы,
За грех сыновей и отцов?
За дел наших злые вины,
За вины сказанных слов?

Сломленных нас падших
Безликий, благослови.
Живущих в огне, сгоравших,
Несущих огонь в крови.
Не выстоять против силы,
Победы не обрести.

Под пеплом войны — могилы,
Нам не суждено спастись.

Сотрётся память, исчезнет.
Ты будешь совсем забыт.
И эхо древнейших песен
В сердцах уже не звучит.
Где льдины кроваво алеют
Сердце твоё скрыто льдом.
Но тот, кто его отогреет,
От коварства умрёт потом.

За это нам нет прощенья,
Спасенья за это нет.
По одному в забвенье
Уходим. Но тлеет свет
Надежды: придут другие,
Лучше нас, почивших во мгле,
На пепле построят мир и
Подарят покой земле(*).

* Стихи Ирины Зауэр

Глава 24. Маленький демон

1527 г. от заселения Мидгарда, Утгард

Дорога назад вышла гнетущей. Встретив туатов у лабиринта, Вейас показал клыки вэса и скомандовал собираться в обратный путь. Ничего не выпытывали. Хорошо! Не хотелось рассказывать про Безликого. Мне бы никто не поверил, порой я сама себе не верила, и всё же он спас нас. Если не он, то кто? Может, я схожу с ума?

Мы быстро миновали Хельхейм и Заледенелое море. Как только последний из отряда ступил с зимника на сушу, лёд затрещал. Потеплело. Впереди багряным заревом вспыхнул рассвет. Солнце показалось всего на пару часов, мелькнуло неуловимым алым кругляшом и, испугавшись зимней мглы и мороза, скрылось за горизонтом. Завтра оно вернётся, и завтра его будет больше. В воздухе уже томила весна.

Пустынная тундра осталась за спиной — три недели прошли в тягостном молчании. Мы ночевали в предгорьях Утгарда. Сидели у костра с туатами. Микаш куда-то запропастился, и я могла поговорить с Веем, не опасаясь, что нас подслушают. Он злился на меня с самого выхода из лабиринта, отмахивался либо грубил, словно я чем-то ему досадила.

«Что с тобой?» — спросила я мысленно.

«А сама не понимаешь? — взвился брат. — Как ты могла с ним переспать?! Я переживал, что он напал на тебя, но теперь вижу, что ты сама ему позволила. Я ещё мог понять, если бы ты выбрала Петраса или Странника, но этот напыщенный простолюдин! Ты же с ним грызлась постоянно. Чем он лучше меня?!»

Я удивлённо вытаращилась:

«Что за глупая ревность?! Ты же сам не пропускаешь ни одной юбки. Почему я не имею права развлекаться так же, как и ты?»

«Он был для тебя только развлечением?»

«Нет, всё было не так, как ты подумал. Я... я не могу этого объяснить. Пожалуйста, не проси. Мне очень стыдно».

Я всхлипнула. Сидевшие рядом туалаты с любопытством покосились на нас. Я отвернулась к костру.

«Если он был для тебя только развлечением, докажи это — заставь его уйти. Тогда я прощу тебя».

Вей походил на ребёнка, закатившего истерику из-за того, что ему не досталась игрушка. Микаш же столько сделал для нас!

— Хорошо, — сказала я вслух после недолгого раздумья.

Встала и направилась туда, где полчаса назад скрылся Микаш. Спину сверлил недоверчивый взгляд брата и ещё с полдюжины встревоженных взглядов туалатов.

Микаш избегал меня всё это время, а я — его. Боялась, он выскажет вслух то, что я сама о себе думала. Это ведь был его первый раз, почти как насилие или ещё хуже. Но я ни о чём не жалею: тогда мне казалось самым правильным подарить Безликому свою любовь и кажется до сих пор, несмотря даже на то, что он меня бросил. Я расскажу Микашу всю правду, и будь что будет!

След ауры увёл далеко от лагеря в лес к костерку между сосновых стволов. Микаш сидел перед ним, привалившись спиной к дереву.

— Уходи, я хочу побыть один, — отозвался он на скрип снега под моими торбазами.

К дымной горечи примешивался запах крови. В отблеске пламени сверкнуло лезвие ножа. Микаш остервенело царапал себе запястья. Там уже живого места не осталось!

— Что ты делаешь? Я же просила не обтёсываться! — закричала я, нависнув над ним.

— Не всё, что я делаю, связано с тобой, — огрызнулся он, но резать себя перестал. — Чего надо?

Я уселась рядом и, вглядываясь в трепещущее пламя, набралась мужества.

— Ты должен уйти.

— Вы хотите бросить меня посреди гор? Чего и следовало ожидать от Сумеречников! — в сердцах сплюнул он.

— Нет, когда вернёмся в Урсалию.

Резкие слова больше не задевали. В нём говорили отчаяние и одиночество. Безликий советовал не показывать мужчинам жалости, и я собиралась помочь Микашу по-другому.

— Не нужно больше спасать нас. Если Вейас хочет стать рыцарем, то должен полагаться только на себя, иначе когда-нибудь с ним случится то же, что и с ищейкой Йордена. Твоя помощь делает людей беспечными. Не рискуй больше ради чужих трофеев, не воруй чужие судьбы и цели. Они не стоят твоей жизни и не станут твоими никогда. На самом деле ты лучше любого из Сумеречников и достоин гораздо большего. Защищать людей от демонов можно без ордена. Бедные селяне и бюргеры с удовольствием примут помощь. Ты ведь сам этого хотел, помнишь?

— Больше не хочу! — выкрикнул на мою заученную наизусть речь Микаш.

Я попыталась взять его за руку и успокоить, но он отстранился.

— Тогда чего ты хочешь? Ты свободен, ты не должен никому служить. Ты можешь делать всё — просто пожелай.

— Я желаю быть властелином Мидгарда и чтобы ты стала моей женой. Как думаешь, сбудется? — Я покачала головой. — Так не спрашивай, чего я хочу! Почему я не сдох в лабиринте?!

Микаш полоснул по запястью так сильно, будто хотел отрезать ладонь.

— Перестань!

Я схватилась за нож. Микаш дёрнул рукоять на себя. Лезвие соскочило, разрезало мою рукавицу и задело кожу. Выступила кровь. Микаш выронил нож и отпрянул.

— Прости, я не хотел!

— Как хочешь.

Я подняла нож и спрятала его в мешок на поясе. Хорошо бы меч отобрать, а то ещё, не приведи Безликий, начнёт им себя кромсать. Встала и пошла обратно в лагерь. Надоело. Пускай сами со своими истериками разбираются.

Микаш вернулся, когда мы навьючивали ненниров, проскользнул тенью к своему жеребцу и ехал в хвосте, ни с кем не заговаривая.

Весна наступала короткими днями, зарождалась в горных долинах, вспучивала лёд на речках, капелью падала с ветвей, зверьём выпрыгивала из-под копыт. С солнечным светом и теплом возвращались и ощущения в теле. Мы покидали сумеречный мир вечного холода, где блуждали бесплотными духами, и вновь облачались в телесную оболочку. С ней наваливались и проблемы, которые мы, казалось, оставили за пределами Утгарда.

Отряд растянулся цепочкой по дну узкого ущелья. Снег тускнел и собирался в твёрдые комья, размокал и хлюпал под копытами. Река пробивалась из-подо льда и журчала тоненьким ручьем совсем рядом. Над нашими головами нависали ледники, предвещающая сходы лавин.

Вейас со мной не разговаривал две недели после памятной ссоры. Я не выдержала и снова напросилась на свару, на этот раз открыто:

— Что мы будем делать, когда приедем в Урсалию?

— Чтобы меня приняли в орден, я должен привезти клыки вэса домой, — безучастно отозвался брат.

— Если мы вернёмся, отец меня больше никуда не отпустит. Я просижу затворницей в четырёх стенах всю жизнь! — Вейас неопределённо повёл плечами. — Мы могли бы отправиться в Эскендерию, поступить в Университет. Помнишь, ты хотел? Один умный человек сказал мне, что простые пути ведут в никуда. Если ты хочешь чего-то добиться, то к этому надо прикладывать все силы. Путь мыслителя не менее почётный, чем путь воина. Пускай сейчас твои идеи кажутся смешными, но со временем они захватят умы и поведут людей за светом потухших звёзд туда, куда даже богам трудно представить, — вдохновенно повторяла я слова Безликого. — Призвание рыцаря никогда не было твоей стезей, и эти клыки добыл не ты, а Микаш. Всё закончится плачевно, если ты продолжишь следовать за чужой судьбой.

— Это Микаш тебе сказал? Разве ты не понимаешь? Это его я видел в пещере Истины. Это он забрал мои регалии и тебя в придачу. Почему ты его не прогнала?! — последняя фраза эхом разнеслась по скалам, грозя опрокинуть снежные глыбы.

Я обернулась. Туаты смотрели на нас во все глаза. Микаш плёлся в хвосте. Слышал ли?

— Я не могу ему приказывать. Он свободный человек, — угрюмо ответила я.

— Разве ты не понимаешь? Он пляшет под твою дудку. Мы все только это и делаем! — Вейас вдавил пятки в конские бока и помчался догонять Асгрима.

— Эй, стой! — прикрикнул на него предводитель отряда. — Скользота! Упадёшь, шею свернёшь, животное покалечишь, а нам потом разгребай?!

Вей натянул поводья, но ко мне не обернулся. Я ссутулила плечи и пропустила между нами несколько всадников.

Он неправ. Если бы все плясали под мою дудку, отец бы не согласился выдать меня замуж за Йордена, Петрас не попытался бы воспользоваться моей слабостью, Микаш не резал бы себе руки, Вейас не смотрел бы на меня, как будто я его предала, Безликий бы не ушёл. Безликий! Он начал забываться, как сон: его тихий, с лёгкой хрипотцой голос, грустные синие глаза, ласковые прикосновения и мудрые слова. Я постоянно повторяла их про себя, но они тлели и рассыпались прахом. Я вызывала в памяти образы, но они тоже тускнели, словно это был лихорадочный сон. Я больше никогда его не увижу и тогда не видела на самом деле!

Дорога тянулась по долинам меж гор, то вверх на плато, где ещё властвовала зима, то вниз по колкому насту, к серым лоскутам проталин с гнилой прошлогодней травой. Воздух стал слаще и гуще, словно готовился принимать в себя ароматы цветов. Небо раскинулось широким, пронзительно синим простором, цвета глаз Безликого. Высокое — не дотянуться, свободное — гордому орлу лететь-не перелететь.

Припасы закончились. Туаты охотились на вялое со сна зверьё, чтобы хоть что-то привезти домой. Немного совестно, что мы отвлекли их от промысла, от которого зависело их племя.

Ближе к Урсалии снега становилось всё меньше. Посреди островков оголившейся земли проклёвывались белые подснежники, голубоватые пролески, жёлтые первоцветы. Набухали почки, пели птицы, зверьё копошилось в норах, жизнь закипала вовсю.

Мы спешили возле приметного моста с каменной аркой. За ночь наморозило наледь, лошади могли поскользнуться. За спиной осталось вздымающееся черепашьям панцирем нагорье — сумеречный мир, мир демонов, мир почившего бога и сумасшедшего шамана-оленевода. Впереди — обыденный дневной мир людей. Даже грустно, что путешествие заканчивается. Больше не будет зловещих тайн и волшебства. Всё вернётся в проторённую колею. Отец и Вей будут ездить в походы в дальние земли, а я ждать их долгими вечерами у окна с вышивкой. Вей приведёт в дом жену, которая невзлюбит его сестру, старую деву, и сживёт её со свету. Будущее для меня!

— Не плачь, — испугал голос Микаша.

Как успел подобраться так близко? Протянул свежий букет первоцветов, неряшливый, но всё же... милый. Я любила цветы, хотя мужчины редко мне их дарили, только Странник, который умел пользоваться моими слабостями. Я взяла букет и улыбнулась.

— Я уеду, как ты хотела. Только можно передохну один день? — он смущённо потупился.

— Конечно, ты свободный человек, — кивнула я. — Спасибо. Ты поступаешь правильно.

— Прости... та рана... я не хотел, — затараторил он, не поднимая глаз, но, заслышав шаги Вея, поспешил в конец строя.

— Что он говорил? — грубо поинтересовался брат. Надо же, перестал играть в молчанку.

— Что уедет через день, — ответила я, переставляя цветы в букете, чтобы было если не красиво, то хотя бы сносно. — Ты доволен?

Асгрим перешёл через мост, мы поспешили следом.

— Да, это правильно, — бормотал Вей у меня за спиной. — Прости, я не должен был ревновать. Я ведь тебе брат, а он всего лишь грязный простолюдин.

Я усмехнулась. Сейчас грязными, измождёнными, иссушенными ветром и морозом были мы все, ходили на тени под свалывшимся мехом и лоснящимися на солнце накидками-камлейками. Они шились из кишок тюленей, чтобы защитить от сырости тающего снега и половодья. Микаш единственный выглядел пристойно за счёт широкой кости, а от нас с Веём остались лишь две пары кристально-голубых глаз под капюшонами. Не разобрать, поди, кто мальчик, а кто девочка.

— Давай помиримся и пообещаем друг другу, что всегда будем вместе, я защищать, а ты ограждать меня от глупостей и вдохновлять на подвиги, — брат снял рукавицу и протянул мне ладонь уже в какой раз, как будто эта клятва что-то меняла. Я не хотела его обижать и переплела с ним пальцы.

— Обещаю, мы будем вместе всегда.

Его глаза блеснули, как от сухих слёз.

К Урсалии подходили в сумерках. Они разжижались с каждым днём. Туаты рассказывали, что через пару месяцев солнце и вовсе заходить не будет — в противовес бесконечной ночи настанет бесконечный день. Туаты в это время редко покидали подземный дворец, где их скрывали чары ворожеи. Мы остановились в роще, откуда начинали наше путешествие четыре месяца назад. Первым в мокрый талый снег спрыгнул предводитель туатов. Из-за частокола берёзовых стволов к нему метнулась юркая тень.

— Асгрим! Целый? — повисла у него на шее тоненькая, как тростинка, ворожея в летящем синем платье. Принцесса... Нет, уже, наверное, королева Эйтайни. Удивительно, как ей удаётся оставаться непосредственной и страстной, несмотря на то, что она теперь отвечает за всё племя.

Асгрим закружил её в объятьях. Платье разлетелось по ветру. Эйтайни стала похожа на большую синюю бабочку со струящимися чёрными волосами.

— Целый? — спросил он её мнение. Эйтайни рассмеялась. — Не нашла себе нового длиннобородого за это время?

— Никаких длиннобородых, глупый! — Она убрала налипшие ему на лоб пряди и поцеловала в губы. — У нас же свадьба на Бельтайн, забыл?

Завидно. Я бы не смогла выбежать и поцеловать, не боясь, что меня засмеют или отвергнут. Да и не к кому.

Спешились. Я спрыгнула с кобылы. Ноги поскользнулись и едва не разъехались на талом снегу, но я удержалась. Повезло, что все были заняты поклажей и ничего не заметили. За Эйтайни подтянулись и другие туаты. Собрали вьюки и седла, а лошадей оставили в рощице вместе с несколькими табунщиками.

Мы прошествовали в подземный дворец по святочному белому ходу. Туаты разбредались по своим жилищам, натканным в скале, как муравьиные норы. Нас проводили в старый гостевой зал. Я даже соскучилась по круглой каменной комнатухе, тускло освещённой зелёным магическим кристаллом, вкрапленным в стены. Проведённое здесь время почти кануло в забвение, как будто было в другой жизни. Мы расселись за каменным столом на застеленных оленьими шкурами лавках. Служанки принесли еду. Я радовалась сладкому тушёному мясу с медовым соусом и смаковала пересахаренное молоко.

— Не хотите помыться в тёплых источниках? — робко предложила служанка.

— Да! Да! Я хочу! — подскочила первой.

Мальчишки засмеялись. Ну чего?! Я грязная, вся чешусь. Могу я в конце концов отогреться после четырёх месяцев в ледяной пустыне!

Меня проводили на нижние ярусы дворца. Густой пар, исходивший от источников, пах чем-то терпким, с кислинкой и горечью. Туаты поделились травяными отварами и рогожкой. Я долго отмокала, стирала въевшуюся до костей грязь и пот, потом снова отмокала.

— Не перестарайся, а то станешь похожа на сморщенную грушу, — донёсся из белой дымки смешливый голос.

Я усмехнулась про себя. Он тоже оттаял, сделался шутливым, саркастичным собой. Пускай горечь и обида останутся в Утгарде, в царстве ночи и холода, а здесь, при солнечном свете, он вновь превратится в моего доброго любящего брата.

Брат сложил стопкой чистую одежду и полотенца рядом с ванной. Я поднялась и вытерлась, скрывая наготу под зыбким покровом пара.

— Я подумала, — не хотелось больше ругаться, глупо это всё. — Вернёмся домой, ты станешь рыцарем, а я буду на хозяйстве, воспитывать твоих детей. Это лучше, чем если бы я вышла замуж за Йордена и томила в степном замке в одиночестве. Я столько всего узнала и увидела за это путешествие, что мне хватит воспоминаний до конца жизни. Спасибо тебе! Я поеду с тобой, что бы ты ни решил. Мы всегда будем вместе, жить одной жизнью. Это правильно, я только этого и хочу.

Вейас обнял меня со спины — я даже в полотенце обернуться не успела.

— Всегда вместе, одной жизнью, как муж и жена. — Горячие ладони обвили талию, дыхание защекотало влажную кожу, губы скользнули по шее от уха к щеке. — Помнишь легенду о солнце и луне?

С чего это заговорил о легендах, он ведь их терпеть не может? Прижимался так туго, что даже дышать стало боязно, неудобно. Я ощущала каждый его мускул под одеждой, трепетание сердца в груди.

— Они были братом и сестрой, близнецами, рождёнными одновременно из одной утробы. Мужем и женой, к тому же, прародителями звёзд и огня. Почему они могли то, что запрещено всем остальным?

Его руки змеями расползались по моему телу: левая вверх к тяжело вздымавшейся груди, к болезненно набухшим соскам, правая — к ослабевшим ногам.

— Кто мы такие, чтобы судить богов? — сдавленно выдохнула я, борясь с завлакивающим разум туманом.

— Жалкие грязные людишки.

Язык щекотнул мочку моего уха, шершавые длинные пальцы поглаживали живот слишком интимно. Это игра? Насмешка? Нет, это неправильно! Я вырвалась и оттолкнула его.

— Я-то уже чистая, — обратила всё в шутку и как можно быстрее натянула на себя просторное голубое платье. Хорошо хоть без несуразно длинных рукавов.

Вейас пристально смотрел на меня, пропуская слегка курчавящиеся волосы между пальцами. В тусклых отсветах зелёного кристалла его лицо выглядело таинственно печальным. Голубой цвет его глаз стал удивительно непроницаемым и густым в сумеречной дымке.

Не хочу даже думать, что всё это значит!

— Мойся. Встретимся в гостевом зале, — швырнула ему рогожку и ушла, не оборачиваясь.

Вей успокоится один и ничего не вспомнит. Всё будет хорошо!

Когда я вернулась в зал, Микаш прятался в углу, накрывшись шкурами. Я не стала его тревожить, перекусила остатками еды и расчесала ещё влажные волосы. Хорошо, что короткие: с ними меньше мороки. Когда голова высохла, я устроилась на каменном ложе, застеленном оленьими шкурами, и уставилась в покрытый паутиной трещинок потолок. Послышались шаги.

— Ты ведь сдержишь слово? — Я заглянула в глаза замершему возле меня Микашу.

— Как скажешь. Я как раз хотел кое-что тебе вернуть, — он протянул мне серебряный медальон.

Я приподнялась и раскрыла его. Внутри был мой портрет и локон, подозрительно похожий на мой.

— Его я тоже украл, как письмо.

Чужой мусор. Глупый влюблённый медведь! Даже слёзы на глаза навернулись.

— Микаш, я...

— Ничего не говори. Я всё понимаю. Надо завязывать и идти дальше. Забирай! Украденные поцелуи никогда не станут настоящими, — он печально улыбнулся. — Не переживай за меня. Я сильный — я справлюсь.

— Хочешь, я поцелую тебя по своей воле?

— Нет, — он покачал головой. Улыбка лучилась таким теплом, аж защемило внутри. — Лучше расскажи, что произошло в лабиринте. Я помню только, как меня укусил вэс.

Я пристально изучала его осунувшееся, выдубленное на ветру лицо. Высокий лоб, грубые, будто топором рубленые скулы, глубоко посаженные глаза, резко очерченные, растрескавшиеся губы, хищный горбатый нос, жёсткая щетина на впалых щеках. Ему бы провести здесь хотя бы неделю, но он снова бежит. Бежит от меня.

— Там был... — я кусала губы, перебирала свои пальцы, отводила взгляд. Слова застревали в горле, но совесть требовала, чтобы я объяснилась. Интересно, он обзовёт меня потаскухой или ударит? Если я получу по голове этой ручищей, умру сразу или помучаюсь? Зато он поймёт, что я совсем не такая хорошая, как он себе придумал, и освободится от юношеской влюблённости. — Был ещё один обвал. Я лишилась чувств, а когда очнулась, ты излечился. От радости я тебя поцеловала. Чудо!

Я неловко рассмеялась. Не смогла. Теперь всю жизнь придётся носить в себе эту тайну. Неприятно. Лгать.

— Так и было, да.

— Спасибо.

Я подвинулась, и он сел рядом.

— Тебе спасибо, что столько раз спасал, — я снова принялась перебирать пальцы. Совесть бешеным псом вгрызалась в горло. Пускай он уйдёт, и я похороню случившееся в себе и не вспомню. — Может, тебе и вправду разыскать того авалорского маршала? Если он хотя бы вполовину настолько благородный и умный, как про него рассказывают, то обязательно примет тебя в свою армию. Ты не станешь злодеем — вельва ошиблась. Если ты всегда будешь поступать по совести, то преодолеешь судьбу, совершишь больше подвигов, чем Безликий, выиграешь тысячу битв. И даже если где-то заплутаешь, то всё равно сможешь вернуться к свету, если искренне раскаешься. Я буду гордиться знакомством с величайшим

героем Микашем и рассказывать о нём внукам Вейаса.

— У тебя будут свои внуки.

Я повернула голову. Наши лица почти соприкасались. Он щурился по-доброму печально, без тени лукавства и насмешливости.

— Ты ведь этого хочешь? Хочешь стать героем, а не злодеем?

— Если этого хочешь ты, — он изучал моё лицо также пристально, я видела своё отражение в его глазах.

— Очень хочу! — я улыбнулась ему, пожалуй, впервые искренне.

Он кивнул и вернулся в свой угол.

***

Вейас наблюдал через приотворенную дверь. Микаш сидел рядом с Лайсве на лавке, она что-то рассказывала. Странно. С другими она робела, а с ним теряла осторожность: возражала, дерзила, ругалась. Демоны, Вейас сам его побаивался, огромного, медведеподобного. Танцует перед ними на задних лапах, как ярмарочный зверёныш, защищает, но ведь может накинуться, раздавить мускулистыми ручищами и оторвать голову. Чувствуется в нём сила, затаённая ярость. Они играют у него в когтях, кусают за бока, как мелкие шавки. Сколько он будет терпеть, пока всех не передушит? Лайсве будто не понимает, или ей всё равно, ведь она и раньше презирала опасности. Она похожа на хрупкий цветок, распутившийся посреди снежной бури. Он завораживает хищников, заставляет ходить кругами, не отводя взгляда. Разумом они понимают, что прикосновение погубит цветок, но желание жжёт нестерпимо.

Медведю позволено больше, чем брату.

Бесит!

— Не можешь её отпустить? — шепнул на ухо голос Эйтайни.

Вейас затворил дверь, чтобы их не подслушали.

— Когда ты говорила, что мою сестру от Странника спасёт её суженый, ты ведь имела в виду не Йордена?

Эйтайни печально улыбнулась:

— Говорят, если слишком долго выполнять чужие обязанности, чужая судьба перейдёт на тебя.

— Но он ведь «дворняга» без гроша в кармане. Как он станет властителем? Отец никогда не даст согласие...

— Я не знаю, я просто вижу. Мой совет тебе остаётся тем же: позволь ей жить своей жизнью и радуйся её счастью. Если ты её любишь, то сделаешь это.

Вейас опустил взгляд. Всё исполнялось как в видении в пещере Истины — оставалось только отдать простолодину свои регалии и броситься на меч.

Зашуршало платье Эйтайни. Вейас метнулся за ней и прижал к стене. Пальцы вцепились в тонкую шею.

— Ты обязана мне помочь. Если бы не твои интриги, Лайсве бы не попала Страннику и я бы не пошёл к ищейкам. Это из-за тебя он к нам привязался!

Эйтайни с натужными сипами глотала воздух. Вейас потянул меч из ножен. Прибить гадину? Почему нет? Законы гостеприимства на демонов не распространяются. Главное —

потом выбраться из осинового улья.

— Пусти! — простонала ворожея, когда он ослабил хватку. — Чего ты хочешь?

— Зелье. Приворотное. Нет, лучше сонное. А может, быстродействующий яд? — придумывал Вейас на ходу. — Что-нибудь, что бы ослабило его до предела.

— Хорошо!

Вейас отпустил её и отошёл на шаг. Эйтайни пыталась отдышаться и тёрла шею.

Они заглянули в её покой. Ворожея закинула травы и снадобья в большой котёл, долго водила над ними руками и напевала заклинания на непонятном языке.

— Сонное зелье, — объяснила она, разливая пахнущее мятой варево по глиняным чашкам. — Выпивший проспит три дня и проснётся отдохнувшим и посвежевшим. Если надавить здесь, — она показала точку на шее Вейаса, — то он проснётся, но сможет только говорить и чуть-чуть двигать головой. Зелье безвредно. Отвечать за всё будешь ты. Это твой выбор.

— Я понимаю.

Вейас поставил на поднос три чашки и направился в гостевой зал.

Когда он вошёл, сестра дремала, укрывшись шкурами. Микаш поглядывал на неё из дальнего угла украдкой. Вейас закашлялся, Лайсве подняла голову и посмотрела на него.

— Эйтайни приготовила для нас чудо-зелье. Три дня — и усталость как рукой снимет.

Он протянул чашку Лайсве. Она села и принялась греть ладони о стенки, принюхиваясь к терпкому запаху трав.

— Выпей с нами! — нарочито добродушно махнул Вейас Микашу.

Тот нехотя встал и подошёл:

— Это крысиный яд?

— Трусишь? — с вызовом прищурившись, ответил Вейас.

Микаш взял чашку и выпил залпом. Поморщился — явно обжёгся. Не надо было глотать кипяток, дурила! Вернулся в свой угол и затих. Лайсве вертела чашку в руках, пригубливая чуток, ждала, пока остынет.

— Когда мы поедем домой? Скучаю по отцу, и по старому Жыху, и по строгому Матейасу, и даже по несносной Бежке. А нянюшка? Она, должно быть, слегла от беспокойства. Хоть бы у неё всё хорошо было, — убеждала Лайсве, но Вейас прекрасно видел, что она врёт.

Не хотелось ей в Ильзар вовсе. Девочек всегда забирают в дом мужа и заставляют забыть семью, род мужа становится их единственным родом. Муж отвечает за неё, судит и карает. Если она ему понравится, то станет хозяйкой в доме, если нет — виновата сама. Сумеречники — хорошие, никогда просто так жену не обижают. Конечно. Только вот ни один из знакомых Сумеречников хорошим не был. Йорден? Подлый трусливый шакалёнок. Петрас? Вероломный насильник. Сам Вейас ненамного лучше. Отец? Тот ещё лицемер. Прикрывался долгом, а на деле давал взятки и торговал сестрой. Остальные высокие лорды такие же.

Если бы Лайсве была наивной овечкой, глупой кокеткой или, наоборот, расчётливой стервой, её бы приняли, а так... Она слишком свободолюбива, слишком независима, слишком возвышенна для суетности и интриг. Мужчины таких боятся, не понимают. Только Петрас не испугался, уверенный, что сможет её сломать, и этот медведь, которому весь страх Странники откусили, и Вейас... потому что любовь к сестре сродни самой жизни, такая же естественная и правильная. Только не в глазах людей.

Говорят, любого мужчину умная женщина приручит и исправит. Смешно. Мужчину нельзя исправить. Он может только притвориться, как притворялся отец для лордов из ордена. Как притворяется медведь, чтобы одну последнюю улыбку заслужить, а в душе ярится так, что земля под ногами кипит. Как притворяется Вейас: отправился в опасное путешествие, спасал грязных бродяг, бросался в пасть жутким тварям, обнимал и целовал побратски, когда хотелось совсем по-другому. Но силы притворяться когда-нибудь иссякнут, и все станут самими собой: трусливыми, грубыми, циничными и обозлёнными. А она останется прекрасным хрупким цветком на снегу. Что же ей, умереть из-за этого? Быть растоптанной? Да она заслуживает этого гораздо меньше, чем кто-либо! Она лучшее, что есть в мире!

Как же ей объяснить, что это не с ней что-то не так — она как раз самая правильная — это мир насквозь прогнил. Люди не верят в добро и не видят красоту, боятся, что кто-то окажется лучше них, стремятся всех опустить до своих низменных страстишек, прикрываясь соблюдением приличий, когда в душе уже давно протухли и смердят так, что впору затыкать нос. Рассуждают о судьбах мира, сетуют на незрелость детей, а сами намного хуже! Свысока смотрят на страсть молодых к жизни, к справедливости, к высоким идеалам, а сами предаются тщеславию и гордыне. Так кто глупее? Кто горит и старается изо всех сил, или кто плюёт и смеётся, не пошевелив и пальцем, чтобы сделать хоть что-то? Бесполезные трутни!

— Я подумал, может, не нужно домой. Исполним твою мечту, раз с моей уже разобрались, — улыбнулся Вейас и протянул сестре руку. — О чём ты мечтаешь?

Она переплела с ним пальцы и прищурила один глаз:

— Если скажу — не сбудется.

— Тогда как же я узнаю и помогу?

— А ты догадайся! — усмехнулась она, допила отвар и легла на лавку. Глаза осоловели, слипались. Ладонь прикрывала зевающий рот. — Срок у тебя до завтра.

Лайсве дышала ровно, спокойно. Вейас отвернул укрывавшие её шкуры. Безмятежная, с разглаженными сном чертами, она словно светилась изнутри, манила прикоснуться. Сдерживаться Вейас больше не мог: забрался сверху и поцеловал приоткрытые губы. Шкуры полетели на пол. Вейас расстегнул крючки на платье, стянул, насколько мог, вниз. Трепетные грудки приятно заполнили ладони. Кожа такая гладкая на ощупь, тёплая, нежнее шёлка, вкуса ромашки и мяты. Он так и представлял свои ощущения, когда подглядывал, как сестра мылась или переодевалась.

Колено подцепило юбки и задрало до бёдер. Желание давило так, что даже дышалось с трудом. Мир окунулся в алый цвет. Сердце гроыхало в ушах набатом. Ни мгновения ожидания, терпения ни на миг. Мука изгрызла изнутри. Наконец всё исполнится! Сны. Мечты. Заглушить непереносимый запах соперника своим. Скорей!

Из одежды что-то выпало и звякнуло об пол. Вейас обернулся. Сверкнуло осколками зеркальце. В зеленоватой дымке в нём отражался кто-то жуткий. Хуже мелочного Йордена, хуже вероломного Петраса, хуже зловещего Странника, хуже, много хуже лицемерного отца. Подлец. Мерзавец. Предатель. Судорога прошла снизу живота по хребту до самого горла. Едва не вывернуло. Вейас обхватил голову руками и свалился на пол. Душили беззвучные рыдания. Слабак. Не смог. Ни туда ни сюда.

Вейас поднялся и оправил платье на сестре, укрыл шкурами и подоткнул с боков плотнее, чтобы не мёрзла. Три дня всё-таки.

Закончив, он подошёл к посапывавшему Микашу. Поди, почти сразу лишился чувств. Свернулся калачом: спиной в одну стенку упёрся, ногами — в другую. Вейас, кряхтя, оттащил его за плечи и разложил на полу. Какой же тяжёлый, настоящий медведь! Точка на жилистой шее нашлась с трудом. Вейас надавил со всей силы, аж косточки хрустнули. Нездорово полыхнула аура, покрылась жёлтой сеткой с шипами. Вейас отстранился и утёр со лба пот. Веки медведя дрогнули. Вейас потянулся за мечом. Когда холодные стальные глаза распахнулись, он уже прижимал к горлу Микаша клинок.

— Нравится чувствовать себя беспомощным? — посмеиваясь, спросил Вейас. — Где ж твоя заносчивость? Где спесь перед слабым, глупым высокородным сосунком? Кто теперь слабый? Кто теперь глупый?

Микаш выпучивал глаза, дышал шумно, губы бессильно шевелились. Вейас надавил на лезвие. По затхлому пещерному воздуху разлился солоноватый запах.

— Смотри, кровь медведя ничем не лучше нашей. Может, и голову отчекрыжить? Повешу её на кол и буду кичиться, как трофеем. Как думаешь, если убью, перейдёт ко мне твоя сила, м? В сказках моей сестры всегда так и происходит. Ты же любишь их слушать!

Лицо Микаша покрылось испариной, на рубашке проступили мокрые следы. Вейас облизнулся и спрятал меч в ножны. Медведь обмяк. Вейас пнул его коленом в солнечное сплетение. Тот зажмурился и разинул рот в немом крике. Сумасшедшее удовольствие! Хотелось схватить палку и лупить его, пока всё тело не покроется синяками и ссадинами, обрубить мечом руки и ноги, оставив беспомощным калекой. Чтобы он почувствовал, каково это — бессильно наблюдать, как у тебя отбирают всё, чем ты дорожишь.

Но Вейас не стал. В осколках зеркала отражался жалкий маленький демон. Вреда причинить не может — только скалится, пугает. Слабак.

— Хочешь мою сестру? — спросил он, когда затуманенный болью взгляд стал более осознанным. Микаш смог только промычать в ответ. — Забирай: она вся твоя. Я уезжаю вот с этим, — Вейас достал из сумки клыки вэса и помахал ими перед бледным лицом медведя. — А ты отправишься с моей сестрой, куда она скажет.

— 3-за-а-а-плачет, — едва слышно прохрипел Микаш.

— Утешится. Она выберет тебя, уже выбрала. Я не надеюсь, что ты чем-то лучше, но ты хотя бы ей не брат. Запомни, если причинишь ей вред, — Вейас снова потянул меч из ножен, — я стану мстительным духом и буду мучить тебя до конца твоей жизни так, как тебе и не снилось. Клянусь моей любовью к ней!

— С-с-сберегу, — просипел Микаш и добавил неожиданно твёрдо: — Клянусь!

Вейас снова надавил ему на шею. Медведь обмяк, провалился в сон. Вейас закинул вещевой мешок на плечи и, поцеловав сестру в лоб, зашагал прочь.

Глава 25. Видения на горе Мельдау

1527 г. от заселения Мидгарда, Подхолмовое царство туатов, Лапия

Зелье помогло. Я проснулась бодрая и посвежевшая. Хотелось нежиться в тепле шкур и улыбаться всему миру. Когда валяться надоело, я откинула шкуры и свесила ноги с лавки, едва не наступив на разбитое зеркальце. Осколки валялись по полу. Я опустила на корточки и собрала их в раму один к одному. Изломанным отражением на меня посмотрел маленький демон и истаял, как не было.

— Вейас!

Я оглянулась по сторонам.

— Он ушёл, — отозвался с порога Микаш.

Распаренный до красноты, мокрые волосы сбились, потемнели и напоминали баранью шерсть. Видно, тоже ходил к тёплым источникам.

— Когда вернётся? — спросила я, убрав зеркало.

— Никогда. Он забрал клыки и уехал. Три дня назад, — ответил Микаш после долгой паузы. Капли воды с волос оставляли потёки на рубашке.

— О чём ты? Мы же вчера пили с ним отвар.

— Сонное зелье. Он усыпил нас на три дня и уехал. Он не вернётся.

— Нет, ты не понял! Он не мог меня бросить, — я засмеялась. Что за несурзности он несёт!

— Лайсве, это правда, — Микаш оставался убийственно серьёзен. — Вейас уехал в Ильзар.

Я затрясла головой, не хотела ему верить. На каменном стуле валялась походная одежда: серые шерстяные штаны с рубашкой. Я стянула с себя дурацкое платье.

— Что ты делаешь? — Микаш подошёл вплотную, тревожно вглядываясь в моё лицо. Его глаза воспалились то ли от купания, то ли от долгого сна.

Я же в одном исподнем! Поспешила одеться.

— Поеду. Если потороплюсь — нагоню. Не мог Вей меня бросить. Он собирался исполнить мою мечту!

От отчаянья думать не получалось. Хотелось вернуть время обратно: не пить злосчастный напиток, выспросить всё до конца.

— Даже если не нагоню, поеду домой. Там и встретимся.

— Лайсве! — Микаш обхватил меня за плечи сзади. На мне же рубашка не застёгнута! — Он не хотел, чтобы ты ехала за ним. Он хотел, чтобы ты исполнила свою мечту сама. Я помогу.

— Вы сговорились?! Ты прогнал его, чтобы остаться со мной! — Я развернулась и хлестнула его по щеке так, что ладонь загудела. — Говори! Говори, что произошло!

— Я не могу. Ты расстроишься ещё больше, — Микаш попятился, не отрывая от меня взгляда, и закрыл собой проход.

Я с визгом бросилась на него, вцепилась в рубашку. Он обхватил меня и встряхнул, пеленая нитями телепатии. Я обрывала их, извивалась, колотила его руками и ногами, кусалась. Даже привкус крови во рту не остановил бушующей внутри ярости. Изничтожить! Холодный, неприступный истукан — ничего не чувствует!

Хлопнула дверь, послышались шаги, возгласы. Четыре руки стягивали меня с Микаша.

— Ненавижу! Присосался, как пиявка! Все соки из нас выпил! — я извивалась, пытаюсь добраться до него. — Убирайся! Живи сам! Своим умом! Никому ты не нужен! Ты зло! Моя мечта — чтобы ты сдох! Почему ты ещё здесь?!

— Выйди! — перекричала меня Эйтайни.

— Нет! — хрипел Микаш.

— Выйди, иначе она себя изведёт!

Он исчез, но я не успокоилась ни на йоту. Это конец! Я никогда не была одна, не представляла жизнь без брата, как будто половину отрезали по живому. Кровоточит. Больно, аж нет сил. Остаётся только умереть.

— Пустите! Пустите, я поеду за Вейасом! — последняя попытка вырваться.

Я обмякла. В раскалённом мареве показалось встревоженное лицо Асгрима. Он уложил меня на лавку и погладил по волосам. Под руку попалась плоская, и я запустила её в него. Он едва увернулся и выскочил из зала. Я побежала следом, чтобы выцарапать глаза. Дверь оказалась заперта. Я лупила по ней кулаками, орала. Ногти ломались, костяшки разбивались в кровь. Лоб бы тоже разбился, если бы оставались силы. Я повалилась на пол, всхлипывая, отупев, дышала с трудом и молила о смерти.

Дверь отворилась. Меня подняли на руки и снова отнесли на лавку, приставили к губам чашку, но я не хотела пить. Сжала зубы. Зажмурила глаза. Отстали. Ушли.

Пробил озноб. Они в сговоре. Снова с Веем что-то сделали — Эйтайни, Асгрим, Микаш. Я должна вызволить брата, как он вызволил меня из плена Странника, должна придумать способ, чтобы вывести их на чистую воду. Мы с Вейасом будем вместе. Мы клялись!

Я собралась с силами и села. Туатская служанка принесла еду. Я сделала вид, что ем, выхватила поднос и оглушила её. До того как подоспела подмога, я выбралась из зала и помчалась к потаённому водопаду. Стражники бежали следом. Я петляла по коридорам, чтобы их запутать. Оторвалась, свернула к памятному месту, нырнула под струящийся изумрудный каскад. Аура брата звала — родная, светлая — горела путеводной звездой впереди. Галерея закончилась подземными казематами, пустыми, только в последней клетке на полу лежало тело.

— Лайсве, — тихо позвал брат.

— Я здесь!

Я дёрнула за решётку. Заперта! Я схватила факел и принялась искать ключ. До моего плеча дотронулись. Я обернулась. За спиной стоял Микаш и печально улыбался.

— Помоги, туаты нас предали! — попросила я.

— Помогу.

Микаш достал из-за пазухи большой ажурный ключ, отпер замок и вошёл в клетку.

— Лайсве! — испуганно выкрикнул Вейас.

Микаш выхватил меч и, словно сквозь масло, проткнул его грудь с левой стороны. Убил! Он убил моего брата! Микаш рассмеялся и глянул на меня жуткими разноцветными глазами.

— Ты моя! Никто нам больше не помешает! — закричал он, превращаясь в тёмного суженого из моих снов.

Возле его ног лежал не Вей, а Огненный зверь, поверженный, растерзанный тьмой. Пламя опадало с его шкуры. Он умирал!

— Не-е-ет!

Я бросилась на мерзкую тварь. Она обхватила меня руками, обездвигив, и поцеловала в губы, вливая в рот тьму.

Я очнулась посреди гостевого зала. Обошлось? Меня отпустили?

Дверь была не заперта. Я прихватила меч и рванула наружу, побежала в темницу.

— Вейас! — позвала я со входа.

— Лайсве! — крикнул брат с дальнего конца.

Жив! Я ударила мечом по замку клетки, высекая искры. Он не поддавался, видно, был заговорен на прочность. Из коридора слышались шаги. Я стукнула по замку ещё сильнее. Ну же! Хоть чуточку!

— Помочь? — зашептал в ухо вкрадчивый голос Микаша. Нет, суженого!

Перехватив мои руки, он отвёл меч в сторону, открыл замок и подтолкнул внутрь.

— Пусти!

Я вырывалась, но ничего не выходило. Он подвёл меня к Вейасу и приставил меч, зажатый в моих руках, к его груди.

— Убей его, и мы всегда будем вместе. Я буду любить тебя вечно, никогда не предам и не взгляну на других женщин, кроме тебя. Разве ты не этого хотела? — уговаривал суженый.

— Лайсве, — Вейас, избитый и ослабший, протягивал ко мне руки.

— Он пытался изнасиловать тебя, усыпив сонным зельем. Убей его, освободись от проклятья близнецов и от проклятья Сумеречников разом. Тогда настанет новый светлый мир, мир лучшего, более справедливого бога. Мы в нём — повелители и вершители судеб, в нашей власти карать и миловать, одаривать и низвергать.

— Лайсве... — шептал брат, глядя мне в глаза.

Руки дрожали. Я не верила. Он не мог... не смог бы, даже если хотел. Я не стану его убийцей, нет!

Вейас вспыхнул рыжим пламенем. Через мгновение передо мной на боку лежал Огненный зверь, хрипел, рычал, сучил лапами, но подняться не мог. Глянул на меня пронзительно-синим глазом, как на палача!

— Убей его, — снова заговорил суженый. — Он не благ и не милостив, а холоден и расчётлив. Он не любит тебя, никогда не любил, просто использовал, чтобы победить Легион и убить своего брата. Разве братоубийца может быть хорошим, добрым, праведным? Знаешь, скольких ещё он убил? Скольких погубил своей хандрой и бездействием? Догадалась, за что он тебя выбрал? Не за красивые ведь глазки, правильно? А за то, что ты самая глупая и доверчивая дурёха в Мидгарде. Это не мои слова, а его. Для меня ты самая красивая, самая умная, самая лучшая. Докажи ему, что ты такая. Убей его! Он ведь тебе не брат.

Моё отражение в синем глазе. Тошная, потрёпанная, испуганная дурёха.

Зверь дразнил. Сделай, отбрось привязанности и мораль, растворишься в ощущениях силы, власти, вседозволенности, обиды и жажды справедливости. Тебе же было так больно, когда я тебя бросил!

«Я тоже устал и хочу сдохнуть. Жаль, что перерезать горло мне для этого недостаточно».

Нет! Я же не для этого... не этого желала на самом деле. Я желала, чтобы ты захотел жить, вернулся к людям, спас нас. Вот моё истинное, самое сокровенное желание!

Суженый надавил на мои руки и вонзил клинок в грудь зверя. Тот содрогнулся и обмяк вместе с опадающим пламенем. Потух зеркальный синий глаз. Суженый отпустил меня. Я упала на грудь мёртвому зверю и разрыдалась, желая уйти за ним.

Когда открыла глаза, снова оказалась в гостевом зале. Что происходит? Я потянулась за разбитым зеркальцем. Искажённым отражением на меня смотрел маленький демон. Я хотела поправить осколки, но поранила палец. Алая капля упала на раму. Демон выпрыгнул наружу, тёмно-бурый, покрытый мохнатой шерстью, вместо ног козлиные копыта, закрученный в баранку тонкий хвостик, вместо носа кабаньих пятак, на голове маленькие рожки.

— Ме-ме-ме! — заблеял демон, подскакивая и кувыркаясь.

Вроде не злой.

Что делать? Снова бежать в темницу? Может, это уже не третий, а тысячный, тысячно тысячный раз? Всё слилось в одно. Надо вырваться из порочного круга, но как?

— Ме-ме-ме! — кривлялся несносный демон, хватал за одежду и тянул куда-то.

Снаружи слышался топот и бряцанье оружия. Была не была! Я побежала за демоном. Петляли коридоры, сливались в круговерт зелёные сполохи, погоня наступала на пятки эхом. Демон снова вывел меня к водопаду! Зачем? Я не хочу по кругу!

— Ме-ме-ме! — не унимался он. Дёрнул так, что я не успела нырнуть под каскад сбоку, промокла и наглоталась воды.

Я вырвалась и ударила по косматой морде. Демон обиженно застонал, выпучил чёрные бусины глаз, вцепился в рукав и потянул за собой. За водопадом лязгала сталь. Нагнали! Я побежала за демоном. Он налетел на стену, где была щель в монаршие покои. Та рухнула, словно хлипкая деревянная ширма. Я пробралась внутрь по осколкам камней.

Эйтайни сидела ко мне спиной и расчёсывала свои длинные волосы, даже не обернулась на шум.

— Ме-ме-ме! — прыгал демон и указывал на неё.

В проходе уже слышались шаги.

— Я не понимаю, чего ты хочешь!

— Ме!

Его глаза сверкали отчаяньем в зелёных сполохах кристалла. Он словно распрямлялся, становился выше, шерсть облазила, черты делались человеческими. Вейас!

— Отпусти меня! Она поможет, — разобрала я в его блянии. — Мы ещё встретимся.

Я поверила ему единственному из всех. Сделала шаг. Из дыры в зал хлынули демоны. Это были не туалы. Разноглазые, как мой тёмный суженый, как брат Безликого в ледяной колонне, в голубых плащах с глубокими капюшонами, окаймлёнными золотой полосой. Вейас обратился в демона и ринулся на них. Но что мог сделать против шестерых один маленький демон? Они изрубили его на ошмётки мечами и двинулись на меня.

Я подбежала к Эйтайни и толкнула её в плечо.

— Сделай что-нибудь. Они убьют нас! — Она сидела неподвижно, как соломенная кукла. — Пожалуйста, я приму твою помощь и отпущу Вея.

Разноглазые уже замахивались мечами. Я готовилась к смерти. Эйтайни обернулась.

Синие глаза полыхнули яростью. Вспыхнула рыжим шерсть. На месте туалы стоял Огненный зверь.

— Помоги нам! — попросила я, падая на колени.

Он укрыл меня пламенем за мгновение до того, как свистнули мечи. Мы растворились в огне мирового пожара.

***

Микаш сидел под дверью в гостевой зал. Хотелось наплевать на предупреждение и войти, унять истерику Лайсве, словами ли, телепатией — не важно. Хоть опорожнить весь резерв, лишь бы не ждать безучастно, когда ей так плохо!

Из темноты коридора показалась Эйтайни с чашкой пахнущего дурманом зелья. Микаш поднялся:

— Что с ней? Прорыв способностей? В наших книгах почти не пишут про женский дар.

— Она слишком многое пережила. Разлука с братом стала последней каплей, — Эйтайни повела плечами в задумчивости. — Вам лучше побыть порознь. Она очень остро реагирует на твою мужскую суть.

— Но ведь я ничего ей не сделал!

— Какая разница? Достаточно просто быть рядом, беречь случайными словами, взглядами, жестами, мимолетными прикосновениями. Ты будишь в ней женщину, а она

этого боится и сопротивляется изо всех сил. Дай ей время. Это единственное, чем ты сейчас сможешь помочь. Она либо примет себя, либо погибнет.

— Нет!

— Позволь ей решать самой. Неволей ты её сломаешь, ты же не хочешь этого?

Эйтайни зашла в зал. Микаш снова опустился на пол. Крики бичом нахлестывали по ушам, сдавливали голову тисками. Терпеть. Терпеть! Он сильный, он справится!

Ворожея вернулась с пустой чашкой:

— Идём, я и тебя подлатаю. Тебе ведь досталось от обоих.

Лайсве затихла. Только поэтому Микаш позволил себя увести.

***

Запахло дурманом. Ко рту поднесли чашку. Горло пересохло и слиплось. Я жадно глотала тёплый травяной отвар и попыталась открыть глаза, но тело сковала такая слабость, что даже малость вызывала боль. Я сдавленно закричала.

— Пей ещё, вот так, хорошо, — приговаривала Эйтайни.

Отвар то вливался в рот тонкой струёй, то переставал, позволяя сглотнуть. Веки удалось распахнуть. Притушенный зелёный свет кристаллов не утомлял и не резал глаза. Рядом была только ворожея. Хорошо.

— Заставила же ты нас поволноваться. Два дня в лихорадке билась. — Эйтайни убирала с моего лба свалевшиеся в сосульки волосы.

— Вей... ушёл, — выдавила я.

Эйтайни отвела взгляд.

— Я его отпустила.

Накатило осознание. Эта разлука если не навсегда, то очень надолго. Мне придётся жить без него.

— Всё будет хорошо. Отлежишься пару дней и станешь как новая, — успокаивала ворожея. Я закрыла глаза, не в силах смотреть. — Мне тоже было больно, когда отец ушёл. Если бы не Асгрим и не ответственность перед племенем, не знаю, как бы я справилась. Но я верю, что однажды мы встретимся с ним на той стороне леса, и я смогу попросить у него прощения.

— Я надеюсь, мы с Веем встретимся раньше, на этом берегу, а не на том.

Я провалилась в глубокий сон без сновидений. Когда проснулась, стало намного легче. Служанки накормили протёртой похлёбкой из кислото-горьких трав, заставили выпить несколько чашек отвара с мёдом. Позже заглянул Асгрим и предложил походить по залу, опершись на его плечо, вспоминал, как повредил спину во время смерча. Но моя рана была другой. Как будто крылья отрезали, лишили зрения, слуха и обоняния — всех чувств, а заодно и разума. Апатия съедала все порывы. Если бы туалы не дёргали меня по мелким надобностям, я бы молила костянокрылых Жнецов забрать меня.

Микаша переселили в другой зал и не пускали ко мне. Я не хотела ему зла. Пускай отдыхает и набирается сил, сколько ему надо. Совестно, что я его ударила, зная, что он не ответит, вымещала на нём свою боль. Это неправильно, просто... Пускай он исполнит обещание и оставит меня в покое, чтобы больше не вспоминать никогда!

Через несколько дней я почти выздоровела, храбрилась, хотя на душе было пусто.

— Что мне делать? — спросила я у Эйтайни, когда она поила меня отваром.

— Откуда тёмной дочери лесов знать о замыслах небесных духов? Тебя ведёт более мудрая воля.

Ага, конечно. Почему-то все решили, что я знаю, куда иду, хотя я просто плутаю во тьме. Может, как Микаш, своровать чужую цель?

— Я утратила с ней связь. Раньше всё решал Вей, а я послушно шла следом. Если что-то и предлагала, то только с оглядкой на него, зная, что он подсобит. Теперь я одна, одна я ничего не смогу, сломаюсь, столкнувшись с первой трудностью. Может, мне остаться здесь? Или вам не нужны нахлебники? — я невесело усмехнулась.

Эйтайни зеркально повторила мою улыбку и свесила голову набок.

— Оставайся, сколько хочешь. Просто раньше ты сама рвалась к небу.

— Зачем мне небо без крыльев? Он даже ничего на память не оставил. Только... — я показала ей разбитое зеркальце.

— Хочешь, починю?

Я задумчиво повертела деревянную раму в руках.

— А можешь сделать, чтобы осколки не разлетались?

— Могу, но зачем тебе битое? Оно приносит несчастья.

— Вряд ли. Я же сама ходячее несчастье.

Она поводила над рамой ладонью и вручила мне. Я встряхнула зеркало и перевернула его — ни осколка не выпало.

— Спасибо!

Я прижала его к груди и закрыла глаза, вспоминая маленького демона из сна.

— Когда кто-то из моих соплеменников чувствует себя потерянным, я отсылаю его на священную гору Мельдау. Если провести там три дня, не укрываясь от холода, без воды и еды, то на тебя снизойдёт озарение. Можешь попробовать, только пообещай, что никому не расскажешь.

— Обещаю, — кивнула я.

Это хоть и крохотная, но цель.

На следующий день на рассвете после плотного завтрака я отправилась в путь. Эйтайни показала дорогу на старинной карте и объяснила, как найти гору. Кассочка ждала меня в роще. Мы поехали по узкой, петляющей между круч тропке. Не было бы до этого четырёхмесячного путешествия через весь Утгард, я бы боялась проходить по самому краю пропасти, когда камни выскакивали из-под копыт и беззвучно падали. Если мы с Кассочкой упадём, интересно, тоже звука не будет? Оступение прошло не до конца и способствовало безразличию. Из-за чёрной хандры не радовала ни пронзительная синь неба, такая густая, что кажется, можно черпать ладонями, как воду, ни выпавшееся за зиму солнце, ни сладкий привкус цветения, ни щебет птиц.

Дорога, дорога. Бесконечная. Вечная. Как будто вся жизнь стала ею, и нет больше ни дома, ни родных, ни целей. Вот уже и день на убыль клонится. Только она одна никуда не делась — дорога. Ночь застала возле каменных ворот, увенчанных орлиными головами. Эйтайни говорила, что их глаза украшены огромными рубинами, но сейчас было не разглядеть. За ними — тропа восхождения на Мельдау. Лезть на гору в темноте не хотелось, но Эйтайни сказала, что как только я выйду за пределы подхолмового царства, есть и спать нельзя. Дорога оказалась широкая и пологая, но всё равно я не пускала Кассочку быстрее размеренного шага. Иногда она спотыкалась о камни. Поваленных деревьев не попадалось — и то хорошо.

В горах повсюду лежал снег, стаяло только у подножий, но на Мельдау мы поднялись уже достаточно высоко, а холода не чувствовалось. Кассочка замерла возле хлипкого

мостика, переброшенного через ущелье. Что ж, пришла пора расстаться.

Я слезла и расседлала кобылу, надела тёплую малицу вместо плаща. Кассочка тревожно сверкнула глазами. Я помахала ей и зашагала вперёд. Мостик скрипел под ногами, прогибались доски. Вцепившись в канаты, я дошла до противоположной стороны и облегчённо выдохнула. Дорога дальше оставалась такой же широкой. Выше дышать становилось тяжелее, уши закладывало, но было всё так же тепло. Ноги путались, как верёвочные, голова клонилась к груди, глаза слипались.

Подъём вдруг стал крутым. Нужно было идти равномерным цепким темпом, чтобы не съезжать по сыпучке. Тропа сузилась, запетляла между соснами, пока не затерялась в темноте лунной ночи. Пришлось продираться сквозь густой кустарник. Сапоги из грубой кожи защищали ноги от царапин, но я боялась порвать их вместе со штанами. Кустарник упёрся в отвесную стену, сбоку зияла пропасть.

Как вскарабкаться наверх? Зачем я вообще это затеяла? Нашла кого слушать — подхолмовую ведьму! Да она спит и видит, как бы меня извести. Так, хватит! Раз сама пошла, значит, и выбираться тоже должна сама. Я обернулась к полю кустарника. Отступить смысла нет, там меня никто не ждёт — одни тупики. Так почему бы не попытаться одолеть эту стену, если есть хоть малейший шанс, что за ней я обрету цель?

Я переползала с выступа на выступ. В темноте их приходилось нащупывать, полагаться больше на чутье, чем на глаза. Хельхеймская полугодовая мгла — думала, никогда о ней не вспомню, ан нет. Я бестелесный призрак, поэтому не могу упасть и разбиться. Я доберусь, у меня получится. Край стены виднелся наверху, а вот низ — нет! Из-под стопы вылетел камень, руки соскользнули. Удар выбил дух. Я лежала на спине и глотала ртом воздух. Если бы не толстая меховая одежда, точно бы разбилась!

Шок прошёл, голова шумела, тело болело, но ничего не сломалось. Только вот я снова была внизу. Жарко, сердце норовило выскочить наружу. Я сцепила зубы и принялась карабкаться. Пот застилал глаза, пальцы сбивались в кровь, ноги отекали и стали неуклюжими. Мышцы ломило от напряжения. Эта попытка никогда не закончится! Вся жизнь — бесконечное карабканье и падения, пока одно из них не завершится гибелью. Но в этот раз я смогла: подтянулась и выбралась на плоскую площадку. Рассвет разгорался ржавой полосой у кромки горизонта. Я нацарапала на камнях круг и легла внутри. Попыткой было удерживать бодрствование, хотя раньше сражаться приходилось с бессонницей. Может, поступить от обратного? Закрывать глаза и попытаться заснуть, тогда сон уйдёт.

Долгие весенние сумерки уступали ясному дню, отползал к подножью туман. Я проваливалась в бескрайнюю синеву неба и тонула, как в бурливых водах океана, как в глазах Безликого, качалась на волнах беспомощности, уплывала и снова выныривала. От серого камня с красно-жёлтыми и белёсыми разводами исходил жар. Я прела под малицей, но не могла пошевелиться, чтобы снять. Горло пересохло. Живот сводило от голода. Полтора дня без отдыха и пищи. В вышине закричал орёл. Я открыла глаза, шурясь от солнца. Едва зажившие губы снова растрескались, накатывали слабость и апатия. День шёл на убыль. Солнце скрылось. Накрапывал дождь. Я распахнула рот, чтобы напиться каплями, но они оседали на лице. Дул ветер, вдали полыхали зарницы, гремел гром, но здесь, внутри начертанного круга, было безопасно.

Дождь стих, с ним и ветер, занимался новый рассвет. Я не спала, не пила и не ела вторые сутки, сутки лежала неподвижно, вращая корнями в гору, и смотрела в синие глаза Безликого. Откровение не приходило. Может, и не должно его быть? Я лежу в бреду дома, и

всё это мне снится! Я никуда не уезжала, не видела сияния Червоточин, не заглядывала в синие глаза Безликого. Никогда! Стоит уже отпустить себя, соскользнуть в пропасть, переплыть Сумеречную реку. Меня ждёт мама на другом берегу. И Айка... Нет, Айки никогда не было. А может, и не ждут. Может, все забыли, и я все забуду: имена, лица, чувства. Всё сотрётся, я стану пустым холстом, пеплом на ветру. Нету никакого перерождения. Мы живём здесь и сейчас. Существует только то, что мы видим глазами и слышим ушами, а больше ничего нет. Мира нет за пределами Ильзара. Этой горы. Синего-синего неба тоже нет. Нет кроваво-алых закатных сумерек и вяжущего язык и разум бреда.

Холста тоже нет, как нет и ветра. Самой смерти нет, как нет рожденья и бодрствования. Я былинка-огонёк. Я живу везде и во всём, вижу и знаю всё. Я существовала испокон веков. У меня не было ни имени, ни голоса, ни даже сути. Незримым духом я бродила по пространствам небытия, пока в звёздном ночном небе не загорелись огни Червоточин. Зелёной полосой, фиолетовой, красной. Зубастой короной пульсирующего света они открывали ворота иных миров.

Тайными тропами сквозь них ко мне шли четверо странников: двое мужчин и две женщины, похожие на людей и чуждые миру. Первая женщина сухая и длинная, с жидким огнём в волосах и глазах. Грозная Огненная Уот. Вторая — невысокая, пышная, с толстыми каштановыми косами и глазами цвета юной листвы. Милосердная Мать-земля Калташ. Третий — коренастый мужчина со смешливыми ямочками на щеках и глубокими тёмными глазами, с волосами цвета водорослей. Повелитель Вод Фаро. Четвёртый — стройный, с тонкими, будто вырезанными в камне чертами. Его иссиня-чёрные кудри стянуты в жгут на затылке, в руках бубен и колотушка. Предводитель чужаков, Высокий Тэнгри, Небесный Повелитель.

Его глаза цвета неба пронзали бескрайние пустоши моего небытия. Он единственный слышал мою музыку: шелест травы, шёпот деревьев, молчание гор, грохот прибоя, журчанье ручьёв, голоса зверей и птиц. Песнь звёзд звучала у него в ушах перезвоном небесного сияния. Он простирали руки и обнимал меня, бил колотушкой в бубен, вторя ритму моей музыки, и отплясывал, как утгардский оленивод. Остальные чужаки повторяли за ним, своей волей облекая меня в плоть, придавали форму воде и суше, даровали моим чадам видимый образ и чувственную суть. Брали в супруги совершеннейших из них, мешали мою кровь со своими грёзами и создавали подобный себе народец — высоких лысых обезьян. Че-ло-ве-ки. Паства. Также повелители, преобразователи, рождённые здесь, связанные со мной и связавшие меня с чужаками неразрывной пуповиной. Пока люди любили и верили в своих создателей, их приходилось любить и мне, поддерживать форму и не возвращаться в гармоничное небытие.

Последним явился пятый гость. Был он чёрен, как бездна, глух и слеп, способный только на злость, ненависть и зависть. Повелитель Теней. Он не слышал моей музыки, не видел танца сотворения, не имел паствы. Он возжелал владений других Повелителей. Высокий Тэнгри говорил с ним, но гость не понимал его, не ощущал то, что привык ощущать. Уверенный, что его обманули, он пошёл на нас войной. Обвивал меня чёрными нитями, рвал на куски твердь, вселял ненависть в сердца людей. Не вышло. Повелители были сильны, духи сплочены, а люди чисты помыслами. Вместе выдворили они Теней за мои пределы. Он обозлился и привёл сюда странников из чужих миров. Не все соглашались помогать ему, ибо были среди тех созданий мудрецы, узревшие бурю, но и тех, кто встал на сторону Теней, оказалось достаточно. Он искажал суть, убивал волю, делая рабами. Они

научились питаться другими созданиями, заражали и перетаскивали их на свою сторону. Война длилась вечно. Повелители смирились с присутствием Теней во мне. Окончательной победы не будет, потому без борьбы музыка прервётся и мир канет в небытие.

Река времени катила свои воды, смертные жили, умирали и возрождались. Люди верили ещё истовей, когда боги даровали им свои силы, чтобы те защищали себя сами. У Повелителей подрастали дети — плоть и кровь моего мира, хоть и с примесью чуждого могущества. Вместо родителей танцевали они. Четверо мальчишек в рубашках из белых перьев спина к спине пытались подчинить меня своей пляске, не понимая, что пляшут под мой ритм. Я смеялась над их самовлюблёнными порывами.

Меньший вышел из круга и посмотрел на меня пронзительно синими, как у отца, глазами. Восторженное детское любопытство, пламень в сердце, жажда познать заворожили меня, заставили показать всё, что было сокрыто даже от древнейших. Он смотрел в меня, а я в него. Он рассказал мне то, чего я не знала в безмятежности вечного одиночества. Он танцевал, моя музыка вторила ему, желая подчиниться и изменить незыблемые порядки. Оказывается, это приятно.

Оставшийся без младшего круг распался. Угольные ленты проникли сквозь бреши, вцепились в одного из мальчишек и подчинили себе. Он убил братьев и разрушил всё, что строил его отец. Он протянул щупальца к моему синеглазому мальчику. Они сражались неистово, с горечью и ненавистью, рождёнными предательством родной крови. Один пал поверженный, второй был смертельно ранен и ушёл ото всех, от меня тоже. Мой синеглазый мальчик. Сколько бы я ни звала его, ни искала по пустошам небытия, он не отзывался. Не отзывался он и на зов тысячи тысяч страждущих голосов, что заглушали даже мою музыку. Шаманы и заклинатели, жрецы и книжники искали меня, ловили меня, пленили меня повсюду. Они опутывали меня сетями, ранили меня ножами, надеясь кровью моей добиться его возвращения, но всё было тщетно.

Он появился недавно — высокий хмурый мужчина в чёрной мантии. Нарёк себя Духом огненным. Он жаждал меня больше всех, и его желание способно было стать той искрой, что разожжёт пожар. На юге он живёт, за мощными стенами, в древнем городе на краю гибели. Мне нужно туда, к нему, он укажет путь, он уже ищет меня!

Но сейчас ко мне идёт другой, мой тёмный разноглазый суженый. Беспрепятственно проникает в мой защитный круг, плоть от моей плоти, суть от моей сути. Он садится возле меня на колени, приподнимает мою голову и прикладывает к растрескавшимся губам флягу.

Вода потекла по губам на подбородок, но в рот не попала. Сильные руки встряхнули меня, заставляя глотнуть.

— Пей! — голос полнился глухой яростью. Хотелось смеяться, как и всегда, когда он глупо злился или также глупо пытался понравиться. — Пей, ну пожалуйста!

Вода стала солёной, прочистила слипшееся горло. Я закашлялась и с трудом разлепила веки. Изрезанное разводами теней в закатных лучах лицо Микаша выглядело жутким. Столько синяков и ссадин. Неужели это я сделала? Когда утолила жажду, Микаш убрал флягу и притянул меня к себе.

— Я не должен был оставлять тебя. Прости! Столько дней в горах без еды и воды, да ещё после болезни — немыслимо! Я...

Я залилась режущим горло смехом. Голову будто стянуло тисками. Стало дурно, и я едва не потеряла сознание. Микаш ещё раз встряхнул меня. В рот потекла новая порция

ВОДЫ.

— Перестань себя изводить! Я знаю, как больно, когда уходит кто-то близкий, но ты должна научиться жить без него. Жизнь — одинокий путь. Ты сильная, ты сможешь!

Он несносен. Я отдышалась и пробормотала:

— Смогу... Одна... Уходи... Ты обещал...

Руки Микаша напряглись. Губы плотно сжались.

— Я не Сумеречник, чтобы держать своё слово, — он повернулся ко мне спиной. — Ты ослабла и бредишь. Забирайся, я отнесу тебя к туалатам. Не упрячься. Должна же у тебя остаться хоть капля здравого смысла.

Не отстанет. Пришлось согласиться, хотя даже висеть у него на спине было тяжело. Голова шумела, нороя опрокинуть обратно в беспамятство. Слабость никак не отступала. Микаш с кряхтением поднялся. Я положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Как собирается со мной по стене спускаться? Но он шёл, легко, размеренно, будто по ровной земле, спина вздымалась в такт глубокому дыханию.

— Не тяжело? — спросила я, подавляя зевоту.

— Ты как пушинка. — Даже пушинка на высоте весит немало. — Каждому даётся ноша по плечу. Я согласен нести свою до конца, даже если она переломит мне хребет.

Нашёл себе ношу на мою голову. Он перехватил мои ноги поудобнее. На лицо падали мокрые снежинки. Надо же, снег посреди травника, ближе к подножью, а не на вершине, где должен лежать ледник. Вот бы Вейас удивился. Вейас... Не буду марать память о тебе дурацкими тревогами. Твой выбор — уйти, и я его уважаю. Я научусь жить одна, но ты всё равно останешься в моём сердце самым дорогим и близким человеком в Мидгарде. Надеюсь, мы ещё встретимся помудревшими, способными открыться друг перед другом, а до тех пор я буду ждать.

— Эй, принцессочка, не спи! — вырвал из забытья голос Микаша.

Он опустил меня на землю под одинокой разлапистой сосной, которая закрывала от ветра и снега.

— А где стена? — спросила я, разглядывая хмурое небо с летящими по нему мокрыми хлопьями.

— Никакой стены я не видел. Тропа была лёгкой.

Микаш укутал меня в свой плащ, достал из-за пояса ещё одну флягу и влил мне в рот куриный бульон с протёртыми овощами и манной крупой. Пища лезла обратно, обжигая глотку, но рвотные позывы в конце концов прошли. Становилось легче.

— Ты их себе придумываешь — стены. Зачем? Будто смерти ищешь, причём самым изуверским способом.

Слабость отступила. Теперь я хотя бы могла произносить фразы длиннее трёх слов.

— Я бы хотела родиться мужчиной. Сражаться. Путешествовать. Не оглядываться на суетное, на людей, которые меня оценивают, с неприязнью ли, или с добром, неважно. Мужчины могут быть собой, а женщины обязаны быть лишь их тенью, думать лишь о красоте и кротости. А я хочу светить, хочу чувствовать, хочу быть свободной в каждом порыве и выбирать сама: что, когда и с кем.

— Ты непохожа на мужчин.

— Из-за того, что я слабая и вечно ною? Я изменюсь. Даю себе зарок. Больше никогда, — я подняла ладонь с растопыренными пальцами к небу. Мокрый снег охлаждал её ледяными поцелуями.

— Нет. Ни тогда, когда ты притворялась, ни сейчас ты не похожа на мужчину. В тебе слишком много женского. В походке, манерах, в том, как ты выбираешь слова, во взгляде, в запахе. Не видел ни одной женщины, которая была бы больше женщиной, чем ты.

— Ты видел много? — я устала на него злиться, смеяться над его речами тоже. — Ничего. Я и женщиной выживу, одолею любую гору, а если не смогу, то что ж... так тому и быть. Я больше не боюсь.

— Какая следующая?

— М?

— Какая следующая гора? Куда собираешься дальше? Домой в Ильзар?

— Тебе зачем? Потщишься за мной до самого замка? Смешной! Ты мне не нужен. Я справлюсь, даже если ты бросишь меня под этой сосной, а куда пойду дальше — не твоё дело. Не буду больше никому верить, чтобы не разочаровываться после. Только в себе. Но я и это переживу.

— Ты пойдёшь за новым мифом, я знаю. И никогда тебя не брошу, как бы ты ни сопротивлялась.

Я устала. Без толку.

Снег всё падал и таял, оставляя на земле мокрые, покрытые разводами инея лужи.

— Какой сегодня день?

— Первый день травника.

— Наш с Веем день рождения. Год назад мы отправились в это путешествие. Тогда я думала, мы вернёмся героями, или вообще не думала, что будет дальше.

— А я даже не знаю, когда у меня день рождения.

— Как это? Ты никогда не праздновал?

— У нас не было времени, еды и денег. В этот день я уже должен был вспахать и засеять большую часть нашего поля, а потом следить, чтобы посевы не склевали птицы, не сожрали жуки с червяками, чтобы скотина не потоптала всходы, чтобы засуха не спалила их дотла.

— Это неправильно! Даже если бы я была беднее храмовой мыши, то раз в год устраивала бы своему ребёнку праздник и не заставляла работать до седьмого пота. Либо сделала бы его счастливым, либо не рожала вовсе!

Микаш фыркнул и замолчал. Зря завела этот разговор. Глупая избалованная принцесска.

Я задремала под шум ветра. Когда проснулась, вьюга унялась, но небо было всё такого же мрачного свинцового цвета, как глаза Микаша. Его рядом не оказалось. Бросил? Нет, глупо и надеяться. Уже и аура чувствуется, огромная, льдисто-голубая, в горах как нигде сильная. Горы — пристанище ветра, горы — его храмы.

— Проснулась? — поинтересовался Микаш, выбираясь из соснового леса ниже по склону.

Я нахохлилась, как сова, под тёплым меховым плащом. Нужно было распалить костёр. Жаль, что так сыро.

— Вначале праздничный обед — подарки потом, — торжественно объявил Микаш и достал фляги с водой и бульоном: — У нас сегодня не званый обед у высокого лорда, а настоящий королевский пир!

Я не оценила шутки, забрала фляги и обедала сама. Сил уже хватало. Микаш жевал лепёшки с вяленным мясом. И для меня оставил. Даже вприкуску с бульоном твёрдая пища не шла, но я заставила себя съесть всё.

— А теперь подарок для послушных девочек, — Микаш достал из-за пазухи серый

свёрток. — С днём рождения!

Он вложил мне в руки два пучка тонких прутьев, перевязанных крестом. Наверху — холщовый шар, набитый сухим мхом, вместо волос натыканы сосновые иголки, прутья обёрнуты лоскутами на манер платья.

— Кукла? Ты серьёзно?

Я их даже в детстве не жаловала, искусных, точь-в-точь похожих на людей, в роскошных одеждах.

— Моя сестра их любила, — смутился Микаш и опустил глаза.

— Она была слабоумной. Мне не пять лет, а семнадцать, если не заметил.

— Не будь такой злобной. Я просто хотел тебя порадовать.

— Не надо так стараться. Это глупо.

— Давай выброшу! — оборвал он и попытался отобрать у меня куклу.

Я отодвинулась и рассмеялась:

— О, нет! Ты же от чистого сердца старался. Оставлю её — будет наша дочка. Нужно придумать ей имя. Обычно выбирают из отцовского рода. Как звали твою мать и сестру?

— Только попробуй! — стальные глаза полыхнули яростью.

Он сложил руки на груди и, широко раздувая ноздри, сжал губы в тонкую полоску. Ох, как взбесился. Я снова не сдержала смех.

— Хорошо, значит, будет незаконной дочерью с именем моего рода. Хм... Гертруда? Или Альгерда? Да, это определённо Альгерда. Герда, поцелуй отца!

Я приложила куклу к небритой щеке Микаша. Он отскочил, как ужаленный.

— Прекрати!

Я пожала плечами и поднесла куклу к своему лицу.

— Не повезло нам с отцом. Отец у нас бука. Он хотел тебя выбросить, представляешь? Но не бойся, я выращу тебя сама и не буду заставлять работать, буду рассказывать сказки на ночь и устраивать праздники каждый день!

Микаш зарычал, испепеляя меня гневными взглядами. Я укачивала куклу на руках, напевая колыбельную. Он закрыл глаза и сделал несколько громких вдохов.

— Ты изменилась.

— Нет, я впервые стала собой. Не нравится — уходи!

— Только вместе с тобой. Внизу разведём костёр, и ты сможешь немного поспать.

Он повернулся ко мне спиной, подставляя плечи. Край неба окрасился в холодный, бледно-розовый цвет. Скоро стемнеет. Или нет? Будут долгие-долгие сумерки, а полная тьма не наступит до зимы.

— Сам-то когда спал в последний раз?

— Это неважно. — Он развернулся и заглянул мне в глаза: — Я не находил себе места, пока тебя не было, и не стану спать, пока ты не окажешься в безопасности. Пожалуйста! Иначе мы оба околеем.

Мы долго смотрели друг на друга. Розовое сияние уже исчезло, и свет стал молочным. Наползал туман.

Я поднялась, опираясь о сосновый ствол, и положила руку на плечо Микаша. Колени подвели. Я бы упала, если бы он не перехватил меня за талию, но сдаваться всё равно не собиралась:

— Так будет быстрее.

Микаш поджал губы и нехотя кивнул. Мы поковыляли вниз по каменистой дороге.

До расселины добрались в самый тёмный час, не так, конечно, как полугодовой ночью в Утгарде, но тоже страшно. Туман скрывал всё на расстоянии вытянутой руки. Микаш искал мостик через пропасть, проверяя край обрыва палкой. Блуждание надоело. Я раскинула руки в стороны и возвала про себя: «Брат мой Ветер, помоги!» В лицо дохнуло морозным порывом, дорога и сам мостик вспыхнули голубой нитью. Ого, как быстро! Что, тоже совестно стало?!

Я потянула Микаша в сторону сияния. Он недоверчиво покосился, когда я постучала его палкой по доскам, и пропустил меня вперёд, дырявя глазами ночную мглу. Я нарочно оступилась, выставив ногу в пропасть. Микаш испуганно вскрикнул и чуть было не рванул ко мне. Я засмеялась. Стараются, ну так стараются!

На другой стороне расселины нашлась закрытая соснами поляна. Мы развели костёр и перекусили. Моя слабость почти прошла. Вскоре к нам вернулись лошади: Кассочка и коренастый мерин Микаша. Паслись теперь на пожухлой траве неподалёку.

— Ненавижу горы. Ненавижу север, холод и полугодовую ночь. Надеюсь, больше никогда мёрзнуть не придётся, — забормотал Микаш, обсасывая кусок вяленого мяса.

— Это хорошо. Значит, со мной ты всё-таки не пойдёшь, — усмехнулась я.

Микаш поперхнулся:

— Опять будешь гробницу Безликого в Хельхейме искать? Это глупо!

— Нет, его гробница не в Хельхейме, а в Нифельхейме, на дальнем юге за мёртвым континентом. Ведь Нифельхейм — это зеркальное отражение Хельхейма. Всё, как в старой норикийской легенде!

— Ты серьёзно? — его лицо вытянулось и закаменело.

— Вполне. Я люблю путешествовать, люблю горы и холод. Назад мне дороги уже нет, так что буду идти, пока Матушка-вьюга не заберёт меня, — я заложила руки за голову и устроилась на земле, вглядываясь в клубившуюся наверху дымку.

Микаш доел, лёг рядом и пристально посмотрел на меня:

— Расскажи. Норикийскую легенду или про Матушку-вьюгу. Что хочешь!

— Только если ты обещаешь поспать.

— У туатов отосплюсь.

Я надула губы в притворной обиде.

— А если я спою тебе колыбельную?

— Мне не пять лет, а девятнадцать!

— Какой большой мальчик! — присвистнула я и пощупала его плечо. Тугие жгуты мышц ощущались даже через одежду.

— Ладно, но только пару часов до рассвета.

Я придвинулась к нему и повернулась лицом.

— Это случилось давно. Норикийское королевство только-только образовалось. Плодородна была его земля, а погода благоволила, золото и серебро текли норикийскому королю Гарденису в руки. Была у него дочь, прекраснейшая из женщин. Позавидовали ему демоны, которых Сумеречники согнали с тех земель в пещеры. Решили они отомстить. Самый злой и коварный из них, король цвергов Брокк, похитил принцессу и спрятал в своей пещере.

— Как тебя Странник, что ли? — перебил Микаш. Я заскрипела зубами.

— Во-первых, я не принцесса, во-вторых, я сама ушла.

— Потому что дура.

— Ой-ой-ой, на себя бы посмотрел. Зачем тащишься за дурой в ледяную преисподнюю и шею всё время подставляешь?

— Забудь. Рассказывай дальше, я не буду больше перебивать, — отмахнулся он.

— Так вот, остался король Гарденис безутешным. Молил Сумеречников вернуть принцессу, обещал богатую награду и её руку в придачу. Сильнейшие рыцари пытались освободить принцессу, но без толку. Цверги уходили глубже под землю и закрывались чарами. Тогда Сумеречники решили договориться, и возвестил цверг Брокк свою волю. Он отдаст принцессу, если ему принесут со дна озера Фол, самого глубокого и холодного в Норикии, золотой перстень магушки Калтащ. Воды озера Фол настолько прозрачны, что его видно с берега. Многие пытались достать его, но ни у кого не вышло. Жил тогда при дворе юный иллюзионист. Он не был родовит и богат, а его дара едва хватало на то, чтобы развлекать гостей во время пиров, — Микаш зашевелился, прислушиваясь внимательней. Я знала, что ему понравится. — Он жил в каморке с немощным дедом. Все советовали избавиться от обузы, но он не соглашался. А ещё он любил принцессу больше других и переживал, что цверги уморят её в мрачном и сыром подземелье. От отчаянья он решил нырнуть за перстнем.

«Вот если бы я был телекинетиком, то обернул бы голову воздушным пузырьком и прыгнул в озеро так, что только волны пошли бы. Дался бы мне в руки чудо-перстень, и принцесса вернулась бы домой живая!»! — сокрушался он. Дед сидел с ним на берегу озера и смотрел на воду.

«А может, тут и стариковской мудрости хватит. Забирайся на верхнюю ветку и посмотри, нет ли там чего с самого краю».

Послушал иллюзионист деда, забрался на вековой дуб, что почти касался воды ветвями. Едва не упав, он дотянулся до края и среди листвы увидел надетый на кончик ветки перстень. Он отражался в воде, и от этого казалось, что он лежит на дне озера. Иллюзионист отнёс перстень цвергам, и тем пришлось отпустить принцессу.

— Король разрешил ему жениться на своей дочери?

— Нет, но они вернулись к цвергам, которые полюбили принцессу за доброту, а иллюзиониста за смекалку, и жили долго и счастливо!

— Правда, что ли? — усомнился Микаш.

— Нет, я всё выдумала. Иллюзионист отказался от руки принцессы, потому что дед напомнил, что негоже ему на дочке короля жениться. Они не были бы счастливы.

— Мораль: сколько ни пыжься, если рождением не вышел, ничего не получится. Дурацкая сказка.

— Нет, почему? Иллюзионист получил почёт и славу, его имя и подвиг сохранились в веках. Мораль тут другая: слушать старших, потому что они мудрее и больше знают. А ещё не всегда стоит верить своим глазам. То, что блестит на дне, может оказаться лишь отражением в воде.

— Спорно. Многие в старости просто дряхлеют, а ума не прибавляется ни на каплю.

— Конечно, если они не делают выводов из своих ошибок. Я не поэтому историю рассказала. Я про отражение. Гробница Безликого не здесь, а на дальнем юге, я уверена. Там он возродится.

— А так ли надо, чтобы он возродился?

— Естественно, надо! Мир приближается к концу, Безликий должен его спасти.

А ещё я очень скучаю.

— Зачем? Проще сотворить новый, чем исправить всю грязь, несправедливость и убогость этого мира. Он нужен только нам, потому что без него нас тоже не будет. Рассчитывать стоит только на себя, а не искать богов за гранью гибели. Вдруг окажется, что они вовсе не милостивые?

Я вцепилась в ворот его малицы.

— Зачем ты это делаешь? Идёшь за мной, но не веришь в мою цель. Просишь рассказать сказку и тут же её высмеиваешь. Говоришь, что любишь, но не щадишь моих чувств и всё время отталкиваешь. Не нравится — уходи, не мучай себя моим обществом, ты свободен. И я свободна распоряжаться своей жизнью так, как захочу!

Я попыталась встать, но Микаш схватил меня за руку.

— Ты обещала колыбельную. И про Матушку-Вьюгу.

— Про неё — потом, — согласилась я. Хоть и не Сумеречник, но слово сдержу.

Я села. Микаш положил голову мне на колени. Закопавшись пальцами в его жёсткие всклокоченные волосы, я запела.

Эту колыбельную я слышала от нянюшки, все матери пели её своим детям. Её сочинила Белая Птица в начале времён для своих неугомонных сыновей-ветров. Скучаешь ли ты по ней, Безликий, так же, как я скучаю по своей матери?

— Мир на краю. Сжался день до мгновения.

В сумерках жизни ты снова один.

Не забывай, сколько пройдено-сделано,

Чёрное где-то сменилось на белое,

Помни, с пути не сходи.

Замерло что-то, внутри ли, снаружи ли,

Верь — ты сильнее обид и потерь!

Новые будут пути обнаружены

И не сразишь тебя сталью и стужею,

Путь свой продолжи и верь.

Ждут чудеса где-то рядом и около

За поворотом тропинки твоей.

Знаю, не будет душа одинокою,

Сны наши новой сплетутся дорогою —

Ею вернёшься скорей.

Если мы встретимся — поздно ли, скоро ли,

Все наши сны не умрут никогда.

Вместе в сиянье Небесного города

Будем, где вечностью смерть переборота,

Ярче сияет звезда.

Правда, что в сердце, ведёт тебя далями,

С правдой надежды я жду у крыльца.

Пусть тебе снятся не беды с печалью —

Солнце, огнём его горести спалены,

Светом согреты сердца.

В бурю душа прогибается — выстоять
Можно броню ледяную надев.
Ночь чем темнее — тем звёзды неистовой
Светят, и смыто сияньями чистыми
Всё, что клонило к земле.

Где-то за далями, чашами, гатями,
Бьётся источник — живая вода,
Смоется боль — как молитвами матери,
Чтобы все дети вернулись однажды и
Чтобы назад — навсегда.

Если мы встретимся — поздно ли, скоро ли,
Все наши сны не умрут никогда.
Вместе в сиянье Небесного города
Будем, где вечностью смерть переборота,
Ярче сияет звезда. (*)

Вскоре меня сморил сон. Я летала над Мидгардом на крыльях Западного ветра, Безликого, и молилась за наш мир. Быть может, он не такой красивый и справедливый, быть может, мы этому виной, но он заслуживает шанса, которого не было у нас с Микашем. Неправильно это: бросать своего ребёнка на погибель, каким бы кривым и капризным он ни был. Иначе зачем было его рожать?

Мы летели над окутанной рыжеватой дымкой грядой. Безликий пеленал меня в кокон голубого сияния, заставляя забыть печали. Впереди мерцала дорога на юг, к городу за неприступными стенами, городу на краю гибели. Сколько же придётся пройти!

Я проснулась на рассвете. Сумерки уползли вместе с туманом в расселину, уступив солнечному утру. Микаш спал, обхватив меня за талию, сверху нас укрывало единственное одеяло. Костёр потух. Стараясь не разбудить Микаша, я выбралась из его рук и подоткнула одеяло поплотней. Чудесный сон восстановил силы. Уверенность. Веру. Был ли он настоящим, или пустой грёзой? Ветер загудел и кольнул лицо морозными иглами. Я смахнула со щёк слёзы и разожгла костёр. Ниже по склону среди опушённой изморозью травы и мха отыскался ручей. Когда земля нагреется, он станет бурливой рекой. Я сбила с него тонкую ледяную корку и набрала в флягу воды. У костра я поделила остатки пищи и съела большую часть из своей половины. Аппетит вернулся. Жизнь вернулась. Хорошо!

Рядом с Микашем лежала его слегка примороженная кукла. Я подняла её и повертела в руках. Зачем я ему грублю? Лучше бы его не было. Он непонятно за что влюбился в меня. Я открою ему сердце, и он разобьёт его, как это сделали Вейас и Безликий, разочаруется и уйдёт. Нет, надо его отвадить. Он ведь сам сказал: жизнь — одинокий путь. Я отыщу свою судьбу сама.

Я взяла остывший уголёк и подрисовала кукле глаза, рот и нос. Забавно. Надо ещё вместо иголок ниток нашить.

*Стихи Ирины Зауэр

1527 г. от заселения Мидгарда, гора Мельдау, Утгард

— Почему не разбудила?! Ты обещала!

Угу, праведный гнев. Предсказуемость-предсказуемость!

— Я тоже не Сумеречник, чтобы слово держать. Скажи спасибо, что не бросила на съедение медведям, — усмехнулась я.

Микаш с кряхтеньем поднялся и потянулся.

— Сколько я проспал?

— Часов десять-двенадцать, думаю, — я вручила ему кулёк с лепёшками и мясом, флягу с водой. — Ешь, да уже поедем, а то и правда из гор не выберемся никогда.

Через полчаса мы поседлались и поехали по широкой дороге. Солнце разогрелось и приятно припекало. Чистое небо манило синевой. Печали затягивались пеленой тумана на краю памяти, возвращалось безмятежное и ясное состояние разума, весна расцветивала зимнюю мглу и серость яркими красками.

К вересковым холмам подъезжали в сумерках. Неплохо. Туаты не открывали дворец днём, боясь случайных глаз. Нас встретили и проводили в гостевой зал.

— Передайте Её Величеству, я пару дней передохну и поеду. Не буду дольше вас стеснять, — сказала я принёсшей нам обед туате.

— Её Величество просили вас обоих быть почётными гостями на свадьбе, — смиренно ответила та.

— Эйтайни и Асгрим женятся? Когда?

Хоть что-то радостное за последнее время.

— Завтра на закате. Отдохните хорошенько: на веселье понадобится много сил, — посоветовала она и ушла.

Я улеглась на укрытое шкурами ложе. Усталость накатила непереносимая, как будто я держалась только на силе духа, и вот теперь, когда стало можно, едва не потеряла сознание. Микаш ещё долго бродил по залу и чем-то шелестел, пока я не швырнула в него подушкой. Когда угомонился, я провалилась в сон.

Разбудили нас после полудня, за час до церемонии, принесли тазик с водой, полотенца и нарядную одежду. Микаш вышел, позволив мне привести себя в порядок. Ни набрать пары фунтов веса, ни отрастить волосы, ни даже спрятать усталые мешки под глазами я не могла, но, по крайней мере, наряд оказался удобным и тёплым. Словно по мне сшитое лиловое шерстяное блио украшала вышивка в виде цветков вереска. Талию подчёркивал пояс из серебряных звеньев. Прилагались ещё заколки в виде веточек вереска и сапожки из мягкой кожи. Прилично, и на том спасибо. Микаш постучался, и я разрешила войти. Он вытаращился на меня с порога и уже открывал рот.

— Только не надо дешёвых комплиментов.

Рот захлопнулся. Несколько мгновений Микаш жевал губами. Я вышла, чтобы его не смущать. Возился он долго. Я поняла, в чём дело, только когда он вышел, красный, как рак.

— Я выгляжу нелепо, да?

На нём была немного старомодная, но добротная одежда для знати. Голубые шоссы облегли длинные стройные ноги. Синее котарди доходило только до середины бёдер. Широкий пояс сплетался из шнуров кожи. Полукруглый чёрный плащ через плечо сколот вычурной серебряной фибулой. Чёрный берет и высокие сапоги довершали образ. Бёдра

казались уже, а размах плеч выглядел ещё внушительней.

— Непривычно.

Я поправила одежду: плащ и берет больше набок, пояс ниже, разгладила складки на котарди. Пощупала выбритую щеку. Волосы он слегка подравнял. На медведя не так похож, даже от простолюдина в обносках мало что осталось. Убрать бы худобу и звериный взгляд исподлобья, получился бы красавчик не хуже Петраса.

— Я переоденусь. Туаты, похоже, посмеяться хотят, — храбрец из храбрецов отступил к двери, но я схватила его за руку.

— Когда они хотели посмеяться, я выглядела намного нелепее. Идём — нас уже ждут.

— Хорошо, если ты желаешь, я согласен и на роль шута.

Я закрыла лицо рукой.

— О, боги, ты лишил меня удовольствия смеяться над тобой! Какая невосполнимая утрата!

Микаш насупился и опустил голову.

— Какая разница, кто и что подумает? Это ведь вшивые демоны, которых ты в лучшем случае презираешь. Я? Да я тебя в исподнем видела, от слюней бессознательного оттирала. Расправь плечи и не косолапь — будешь внушительней, чем какой король. Ты же умеешь!

Он скрипел зубами непереносимо долго. Когда я уже собралась идти одна, он взял меня под руку и повёл за собой. Год назад, если бы я не знала о его происхождении, то его внимание мне бы польстило. Профиль породистый, хищный. Точно бастард одного из высокородных. Мог бы, как Петрас, в роскоши и отцовском восхищении купаться. Каким бы он тогда был? Стал бы принуждать меня к близости? Верно, прочитав мои мысли, Микаш вздрогнул и смягчил руку, придерживая едва-едва, как хрустальную вазу. Да уж, какое там насилие!

Торжество проходило в берёзовой роще, откуда начиналось наше путешествие в Утгард. Вечерело. Вокруг церемониального места посверкивал зеленоватыми всполохами колдовской купол. Мы замерли, изучая сплетение земных аур: нити тянутся от деревьев, от травы и кустов, от корней, которые торчат из почвы, такие тонкие, что не заметишь, если не приглядываться. Вот она какая, магия туатов. Видели ли это люди до нас? Почему демоны открывают нам свои секреты? Не боятся, что мы используем их для победоносного марша? Или понимают, что из-за заварушки с единоверцами до жалкого племени туатов никому дела нет? Но ведь междоусобица когда-нибудь закончится, и тогда... Нет, я бы не стала их выдавать, пока они сами не нападут. В дневник про них писать опасно — вдруг он в руки не тем людям попадёт? Впрочем, это заботы Эйтайни, а не мои.

Туаты провели нас в купол, держа за руки: люди могли войти только как друзья. Внутри всё было украшено первоцветами. Из ивовых ветвей сплели арку, у которой живым коридором выстроились гости. Нас с Микашем поставили к ней ближе всех.

Воцарилась тишина, даже ветер дуть перестал. На входе в рощу показался Асгрим и торжественно прошествовал к арке. На нём была пурпурная туника до пят, к поясу приторочен меч в обшитых серебряной нитью и украшенных самоцветами ножнах. Поравнявшись с нами, Асгрим подмигнул мне и усмехнулся. Балда несерьёзный! Как Эйтайни собирается с ним жить?

Асгрим прошёл через арку и остановился возле старца в белоснежном балахоне. В руке тот держал деревянный посох с набалдашником в виде бараньей головы. Старец начал говорить на древнем языке туатов. Асгрим кивал и односложно отвечал на вопросы. Шёпот

разом оборвался. Головы снова повернулись ко входу в рощу. Грянул хор звонких голосов и, всколыхнув листву, вознёсся к звёздам. По украшенной цветами дорожке к арке выступала королева туатов. На Эйтайни было летящее фиалковое платье, настолько лёгкое, что казалось сотканным из ветра. На голове серебряный венец с зелёными кристаллами, который я видела на отце Эйтайни. Ворожея шла босая сквозь замерший живой коридор, плыла над примороженной травой, не пригибая ни листика. Как ей не холодно? Я запахла плащ потуже, когда она поравнялась с нами, обернулась и улыбнулась мне одними губами. Стало теплее.

Эйтайни присоединилась к будущему мужу за аркой. Старик спрашивал её на том же тайном наречии, что и Асгрима. Эйтайни отвечала развёрнуто, видно, знала его лучше охотника. Когда часть, из которой я ничего не понимала, закончилась, Эйтайни и Асгрим взяли за руки. Старик перевязал их запястья лентами, чтобы они не размыкали любимых рук — похоже на наш ритуал. Не такие уж мы и разные. Старик сказал что-то напоследок и сложил ладони на груди. Асгрим вглядывался в лицо Эйтайни, их губы соединились в долгом, не предназначенном для чужих глаз, поцелуе.

— Видишь, иногда принцессы выходят за простых охотников, — шепнула я Микашу, смущаясь и отворачиваясь.

— У демонов всё не как у людей, — усмехнулся он.

Я же для него сказку с хорошим концом придумывала, а когда она воплотилась в жизнь, он всё равно не обрадовался. Как хочет. Я повернулась к Шейсу, знакомому охотнику из отряда Асгрима.

— А почему никто их не поздравляет?

— Потому что церемония закончится, только когда они пройдут через арку Нэнэке рука об руку. Настоящая арка, говорят, пропускала лишь тех, кто искренне любит, а тех, кто лгал, перебрасывала на другой край земли.

— Если бы наших заставили через такую арку проходить, то никто бы не поженился, — снова усмехнулся Микаш.

Неучтиво! Я пихнула его локтем в бок. Сомневаюсь, что у наших с любовью всё настолько плохо, а впрочем, может, и настолько. Хорошо, что мне и дела нет, иначе я бы сильно расстроилась.

Эйтайни и Асгрим нехотя оторвались друг от друга и направились к арке. Замерли в шаге от неё, взяли за руки и одновременно прошли на противоположную сторону. Туаты захлопали в ладоши, желая счастья супругам, выкрикивали нескромные советы Асгриму, как вести себя наедине с женой. Старик воздел руки к небу, и все стихли. Арка вспыхнула и осыпалась, цветы разлетелись ночными мотыльками. От восхищения я тоже захлопала в ладоши.

— Девчачьи выкрутасы, фу! — проворчал над ухом Микаш.

— А мне всё равно нравится, — я не сдержалась и показала ему язык.

— Так ты же девчонка, — он развёл руками.

Какая разница, что он думает? Какая разница, что все вокруг думают? Мне нравится, и всё тут! Больше я ни перед кем притворяться не стану!

Церемония закончилась поздравлениями и вручением подарков. После того как мы выказали почтение жениху и невесте, нас отвели к столам, расставленным вдоль поляны кругом. Они ломились от медовых сладостей, жаркого из баранины, дичи, рыбы, салатов из корешков, медовухи и даже эля — напитка длиннобородых.

Мы сидели рядом, но не разговаривали и не смотрели друг на друга. Я съела ровно столько кусков мяса, рыбы и сахарных рогаликов, сколько в меня влезло. От медовухи и эля отказалась, несмотря на уговоры туатов. Не нравится — и всё, на завтра ещё голова болеть будет.

Асгрим с Эйтайни открыли танцы. Заиграли арфы и волынки, забили барабаны и бубны. Ворожея вначале исполнила ритуал: летела по воздуху, купаясь в лунном сиянии, ритмично выгибалась, как берёзы по воле ветра, звала, обольщала. Асгрим присоединился к ней, вначале грозно и настойчиво, а потом интимно и мягко. Вскоре танцевать пошли и другие пары. Я наблюдала за ними, потягивая мятный отвар из глиняной чашки. Вечность назад в Гартленде я также наблюдала за праздником, на котором веселился мой брат, завидовала и злилась, что не могу присоединиться к торжеству. Чего стесняюсь-то? Не хочу больше наблюдать, как жизнь проходит мимо, хочу участвовать во всём, хочу дышать полной грудью! Именно ради этого я прошла этот путь.

Я развернулась всем телом к Микашу. Он обсасывал баранью косточку и хлебал эль мелкими глотками, оставляя на губах пенные усы.

— Потанцуй со мной!

Он поперхнулся и закашлялся, колотя себя кулаком в грудь.

— Я оттопчу тебе все ноги.

Я закатила глаза.

— Перещеголять Йордена тебе не удастся. Ты прекрасно танцевал у шамана. Не отказывайся, а то снова будешь жалеть.

— То были другие танцы и никто не смотрел. Туаты нас на смех поднимут!

— Они всего лишь вшивые демоны. Впрочем, как хочешь. Если ты не будешь со мной танцевать, я попрошу какого-нибудь туата.

Я встала из-за лавки и сделала шаг в круг танцующих. Микаш тут же меня перехватил.

— Не стоит. Они же сводят с ума своими плясками, забыла?

Я усмехнулась и потянула его за собой.

— Чтобы не было недоразумений, — я упреждающе подняла руку. — Между нами ничего не изменится. Я не желаю, чтобы ты следовал за мной, просто хочу танцевать.

— Я понимаю.

— Тогда давай повторять за остальными. Это не должно быть слишком сложно.

Я положила его ладони себе на талию. Микаш неловко переминался на месте, пыхтел, увёртываясь от моих ног и подхватывая в рискованные моменты.

— Не надо так стараться, — проворчала я, когда мы едва не столкнулись лбами. — Расслабься и получай удовольствие. Пара синяков на ногах погоды не сделают.

Микаш горестно вздохнул и продолжил, внимательно оглядываясь по сторонам в поисках того, кому можно подражать.

— В Ильзаре ты был уверенней.

И наглее. В доме Странника тоже. Его постоянные преобразования от язвительного циника, которому плевать на всех и вся, до застенчивого, ранимого мальчика, готового на подвиг ради своей возвышенной любви, сбивали с толку. Почему он выбрал предметом воздыханий меня?

— Так ты догадалась? — Микаш напрягся и едва не отпрянул.

— Я слышала твой голос после того, как очнулась от обморока.

Он остановился и отошёл на шаг.

— Когда было тоскливо, я забирался в головы своих хозяев и веселился за их счёт. Тогда мне хотелось...

— Потанцевать со мной вместо Дражена?

— Если он ошибётся, никто не поймёт, что это моя ошибка. Прости, я не думал, что ты перехватишь моё внушение и тебе станет худо.

— Не переживай, — усмехнулась я, сделав шаг навстречу. Снова положила его руки себе на талию. — Ты меня спас. Без тебя я бы не узнала о вероломстве Йордена и не решилась бежать. Без тебя меня бы здесь не было, без тебя я бы терпела неверность, побои и ещё только боги ведают что.

— Прости, — он понурился и снова попытался отстраниться, но я не отпускала. — Если бы не я, ты была бы в тепле и безопасности.

Безнадёжен.

— Так потанцуй же со мной в извинение! После, так уж и быть, получишь награду.

— Какую? — его глаза вспыхнули, как у ребёнка.

— Узнаешь, когда получишь.

Он сдался, пробормотав себе под нос: «Это как в фехтовании, просто повторять, пока не выйдет идеально». Подхватил ритм музыки и закружил меня вокруг себя. Танцевал всё лучше, я наслаждалась каждым движением и старалась не сравнивать нас с окружающими. Волшебно, как в мечтах и даже лучше, будто паришь в тёплом пурпуре облаков и упиваешься сладким весенним воздухом.

Мы остановились, только когда музыка стихла, с первым лучом рассвета. Туаты собирали столы, скрывали следы пиршества и прятались во дворце под холмами.

Я отвела Микаша в сторонку. Он так внимательно за мной следил, что едва удавалось сдержать смех. Из низин поднимался пар, восходящее солнце облекало его в пушистое золото, которое оседало на лице росными каплями. Убедившись, что нас никто не видит, я поднялась на цыпочки и поцеловала Микаша в твёрдые губы. Замер. Когда я отстранилась, он затравленно опустил глаза к земле.

В чём дело? Он ведь хотел услышать сказку. Так почему разрушает её?

«Я хотел, чтобы сказка стала былью, но она как золото этого утра — лишь зыбкий морок из тумана и солнца», — вклинился в мои мысли его хрипловатый голос.

Я и забыла, что он постоянно читает. Не отвечая, я побрела к белому ходу в Подземный дворец. Микаш чеканил шаг за моей спиной.

Весь следующий день я отсыпалась, а на второй засобиралась в дорогу. Ко мне заглянула Эйтайни.

— Видела, как ты веселилась на свадьбе, — она улыбалась, глядя, как я перебираю вещи и подсчитываю сбережения. Вейас оставил мне всё, что у нас было, даже свою гербовую подвеску, но этого было мало.

— Веселье было заразным, — я повернулась и заглянула в фиалковые кошачьи глаза. — Иногда мне кажется, что я оскорбляю этим брата. Как будто я не любила его и начинаю забывать.

— Когда я согласилась на свадьбу с Асгримом, не относив траур по отцу, мне тоже казалось, что я оскорбляю его память. Но это не так. С трауром или без, отец всегда будет в моём сердце, как и мама, которая ушла в лес раньше срока. Уверена, они были бы счастливы, что я живу дальше. Эта свадьба — предсмертное желание моего отца, — глаза ворожеи заблестели, она взяла меня за руку. — Так и Вейас желал, чтобы ты исполнила свою мечту, а

не тратила силы на слёзы и грусть.

— Да, — я отвернулась и подняла взгляд к сияющим в потолке вкраплениям кристалла, чтобы скрыть подступившие слезы. — Я поеду, как только соберусь, не хочу вас больше стеснять.

— Ты никого не стесняешь, оставайся, сколько потребуется.

Я покачала головой. Пересахаренная еда и зелёный свет колдовских кристаллов опротивели, а пустившая корни в душе дорога уже звала за порог, в город на краю гибели. Грезилась приключения и открытия, не терпелось узнать, смогу ли я выстоять одна, не погибнуть от глупости или слабости, дойти до конца нетореной тропы.

— Мы дадим тебе всё, что скажешь, — примиряюще улыбнулась Эйтайни и оставила меня одну.

Туаты поделились со мной едой: вяленным мясом, луком и чесноком. Одежду тоже одолжили взамен износившейся: удобные штаны и жилетку из плотной кожи, несколько шерстяных рубашек, плащ, чтобы укрываться от дождя. Лошадь мою — коренастую фермерскую кашлатку — вернули, откормленную и бодрую, но, к сожалению, не пролинявшую с зимы. Я долго вычёсывала её скребницей, привязав к жердям в большом загоне. Приходилось отплёвываться и кашлять, а потом счищать шерсть с волос и одежды. В таком виде меня и застал Микаш.

Сопровождавший его туат вывел из стойл по соседству здорового жеребца, чёрного, с мохнатыми белыми чулками на ногах и проточиной на морде. А глаз-то недобрый, голубой, сорочий. Каким образом тут оказался рыцарский боевой конь?

— Забирай. Для наших кобыл он слишком велик, — сказал туат. — Только осторожно, он поостроже ненниров будет и сильно жеребцует.

— У меня тяжёлая рука. Справлюсь.

Конь попытался цапнуть его за плечо и тут же получил по морде кулаком. Жеребец оценил силу по достоинству и на первое время присмирел. Микаш привязал его подальше от моего мерина и принялся чистить. Конь лупил копытами по скале и точил зубы об загон. Мой мерин удалился от жеребца настолько, насколько позволяла привязь.

— Норовистый, — присвистнула я, когда злобный коняка сверкнул бельмами в сторону Микаша и щёлкнул зубами.

— Нет, просто обнаглевший, — беспечно отмахнулся медведь. — Давно его никто не обламывал. Вот у зареченских коневодов косячные жеребцы были — зверюги почище демонов. А хитрющие! На спину будто заманивают, а как сядешь, понесут так, что только ветер в ушах свистит, а глаза слёзы застыт. Один такой всю ночь меня по полям таскал. К небесам взвивался, пополам складывался, чтобы из седла выбить. Только я цепко ногами держался, гриву на пальцы наматывал, круг за кругом закладывал, уже и уже. К рассвету он выдохся, зато после этого был послушной и ласковой дамской левретки.

Туат с уважением смотрел на него, даже жеребец воодушевился, а мне снова хотелось смеяться:

— Хвастун! Это же строки из сказания о зареченских рыцарях. А говорил, что сказок не знаешь.

— Я говорил о бабских сказках на ночь, а это правдивые мужские сказания. Огромная разница! К тому же ты-то любишь сказки. Так что тебе не нравится?

— Я люблю, когда в них верят, а не лгут, чтобы казаться лучше.

— Я не лгал.

— Если бы ты гонял коня всю ночь, на рассвете он бы умер в запале. Может, я и глупая, но не настолько.

Туат отступил от Микаша на шаг и посмотрел с подозрением.

— Может, я преувеличил для красного словца, но не лгал. А с конём справлюсь, — он похлопал жеребца по крупу. Тот подобрался и перестал скалить зубы, приняв серьёзный вид. — Они все успокаиваются после нескольких переходов. Хочешь жить — не будешь силы на пустую злобу тратить.

— Куда ты наострился? Я тебя с собой не беру.

— Куда — неважно. Здесь я оставаться не могу. Это же ты сахарная принцесска, ради тебя они нас терпят, а как уедешь, меня пинком под зад выставят.

— Прекрати, а? Посмотри на меня, я вся в шерсти, тощая, в обносках с чужого плеча. Какая я тебе принцесска?

— Принцесска и в ослиной шкуре принцесска. От неё особым духом пахнет.

— Лишь бы это был не запах отхожего места, — процедила я сквозь зубы.

Микаш недоуменно сдвинул кустистые брови.

Обмен колкостями закончился. Я продолжила счищать с себя шерсть. Микаш поднял переднюю ногу коня и принялся ковыряться в копыте железным крюком. Края копытного рога загнулись кверху тонкими пластинами. Микаш срезал их ножиком и цокнул языком:

— Его ковать надо, иначе он даже одного перехода не выдержит.

Дожидавшийся рядом туат ответил:

— Мы не куём лошадей. Ненниры по снегу босыми ходят, железяки на льду только скользят сильнее.

— А подковы хоть есть?

Туат развёл руками.

— Схожу наверх. Может, удастся с кузнецом сговориться. Мне бы только подковы достать, дальше сам справляюсь. К шорнику хорошо бы зайти. Старая подпруга ему коротковата будет.

— Ты в кузнечном и шорном деле разбираешься? И жнец, и швец, и на дуде игрец? Прямо мастер на все руки! — не сдержалась я.

Чего бешусь? Пускай бахвалится и пушит хвост. Мальчишки все такие, что Петрас, что Йорден, боги, даже Вей так делал, чтобы охмурить очередную селяночку. Какая мне разница? Пускай катится своей дорогой!

— Никогда не знаешь, что пригодится в жизни, — пробормотал Микаш на прощание и повёл жеребца следом за туатом.

Через пару дней ко мне снова заглянула Эйтайни.

— Я ворожила тебе на удачу. Завтра можешь отправляться в путь. Неделю будет хорошая погода, а там ты сама справишься, — она протянула мне глиняную чашку с горячим травяным отваром. Я подозрительно глянула на королеву. — Не бойся, это чтобы здоровье и силы в дороге не подвели.

Я села на лавку и принялась греть стынущие ладони о чашку, вдыхая терпкий аромат.

— Принцесска, я пришёл попрощаться! — раздалось непочтительное с порога. Я даже голову поворачивать не хотела.

— О, извините, Ваше Величество, это я не вам, это я... принцесске.

Микаш встал возле нас. Я закатила глаза. Эйтайни усмехнулась:

— А со мной, значит, прощаться не надо?

— С вами — отдельно. Официально, — подобрался Микаш. — В городской кузне немного подработал, пока кузнец личные дела справлял. У него тоже свадьба. На подковы хватило и на подпругу, даже немного на угощение осталось.

Он достал из-за пазухи запечатанный кувшин с элем и хотел налить, но я покачала головой.

— Молодец, конечно, но крепкое я больше не буду. У меня своё питьё есть.

Микаш пожал плечами и налил себе полную до краёв кружку. Пена аж наружу выбегала.

— Хорошие здесь люди, добрые и щедрые. Друг за дружку держатся. У нас бы так сплочённо жили, может, никакой беды и не случилось бы. Верно, это оттого, что досюда власть Сумеречников не дотягивается. Народ не избалован и рассчитывает только на себя и друг на друга.

— Да... — задумчиво пробормотала я, потягивая отвар. Уезжать-то жалко, Урсалия почти как родная стала. Я точно знала, что когда-нибудь снова ступлю на порог Ильзара, но сюда уже не вернусь.

— Надеюсь, ты не поедешь за мной?

— Нет-нет, даю слово. Я же попроситься пришёл, — он чокнулся со мной кружкой. Пена выплеснулась через край и попала в мой отвар. — И с вами, раз уж вы тут.

Он поднял кружку и отсалютовал Эйтайни. Та снисходительно улыбнулась.

— Ты ведь не Сумеречник, — я подозрительно прищурилась. — И слова держать не обязан.

Микаш сделал глоток аж на полчашки. Как не закашлялся?

— Хочешь, сказку расскажу? На этот раз ту, в которую я верю.

Я пожалала плечами.

— Жила-была лягушка. Она считала себя самой необыкновенной и недооценённой лягушкой на болоте. Надоел ей старый дом среди кувшинок, и решила она отправиться в дальние края, где комары слаще и не водятся цапли, готовые вот-вот съесть. Упросила она уток взять её с собой на зимовку. Ухватились квакушка ртом за шест, подняли его с двух сторон утки и полетели. Прошло совсем немного времени, прежде чем утки встретили свою стаю и захотели поздороваться. Они забыли про лягушку и выпустили шест. Она упала в воду маленького пруда, но как только вынырнула на поверхность, её съел аист.

— Сиди дома — не гуляй? — безразлично спросила я.

— Вроде того, — ответил Микаш в тон мне и вторым залпом опорожнил кружку до дна.

— А если эта лягушка не хочет жить? Если она хочет, чтобы её съел аист?

— Значит, это очень глупая лягушка.

— А как назвать ухлёстывающего за ней селезня, готового отгонять всех аистов на болоте ценой собственной жизни?

— Это тоже очень глупый селезень.

— Как хорошо, что неумны мы оба, иначе нам бы было скучно друг с другом. Госпожа Эйтайни, вы молчите, мы не утомили вас своей глупостью? — куртуазно обратилась я к ворожее.

Мы засмеялись. Микаш встал и вышел, забрав с собой кувшин.

— Зря ты так, — покачала головой Эйтайни. — Мужчины нежные, как дети. Дамские колкости их сильно ранят.

— Меня его слова тоже ранят, — я поставила кружку на тумбу и сложила руки на груди.

— С тебя же, как с гуся вода. Огрызнулась и пошла дальше, а он ещё долго переживать

будет. Посмотри на моего Асгрима: чуть что скажешь, сразу замыкается.

— Может быть. Он вызывает во мне всё низменное. Бесит. Поэтому и не хочу, чтобы он ехал со мной. Боюсь стать ведьмой, не такой, как ты, а страшной и зловредной...

— Так я и была страшная и зловредная, — не обидевшись, усмехнулась Эйтайни. — Бегство от проблем — не выход. Они настигнут тебя, где бы ты ни была. Послушай Микаша. В его словах есть доля истины.

— Значит, ты с ним согласна? Я — глупая лягушка?

— Нет. Ты ещё очень юна и мало что знаешь. Не так плохо, что ты ищешь место в жизни, а не ломаешь себя в угоду правилам и традициям. Просто ответы не в недоступном уголке мира, а вот здесь, — Эйтайни коснулась моего виска. — И вот здесь, — переместила руку к груди, где билось сердце. — Прислушайся к себе, и ты поймёшь, что тебе нужно.

— Меня ждут в городе на краю гибели. Я видела это на Мельдау.

— Значит, ступай, — кивнула ворожея. — Поверь в себя, тогда всё получится.

Я обняла её и зашептала:

— Я буду стараться. Спасибо за всё!

Не думала, что буду относиться к ней, как к старшей сестре.

— Не дерзи Микашу. Постарайся понять, что тебя злит. Когда я поняла, то тут же перестала быть страшной и зловредной, — посоветовала мне ворожея, прежде чем за ней пришёл муж.

Проводить меня на рассвете пришли Асгрим, Эйтайни, Шейс и ещё с десятков знакомых охотников-воинов. Помогли закинуть тюки на лошадь и помахали руками, желая удачной дороги. Я уселась на своём сером мерине Лютике, полуобернувшись, и он повёз меня прочь от туатов. Их силуэты удалялись, пока не стали точками на багряном горизонте. Микаш не пришёл, хвала богам!

Я перевела взгляд на дорогу, которая огибала Урсалию сбоку. Этим же путём мы с братом ехали полгода назад, как в другой жизни. Теперь я одна.

Погода стояла по-весеннему тёплая и ясная. Почва оттаивала, журчали ручьи, на редких рябинах и кустах бузины распускались почки, вербы пушились котиками. Каркали грачи, щебетали едва вернувшиеся с зимовий ласточки. Прошлой осенью пустошь покрывал пёстрый ковёр кроваво-алой толокнянки, а сейчас она играла красками весны. Проклёвывались свежие зелёные побеги посреди сухой листвы, вспыхивали яркие первоцветы: сиреневые печёночницы, жёлтые примулы и белые ландыши. Аж в глазах рябило. Отвыкли за долгую чёрно-белую зиму. Сладкий запах дурманил голову.

День близился к концу, когда мы въехали под сень разлапистых елей. Едва заметные после зимы, убегали в стороны стежки, заваленные деревьями. Я ехала по большой главной дороге. Перед зимой этот лес был тихий-тихий, даже на ветру не шевелился, а теперь в нём что-то беспрестанно шелестело, хрустели сучья, мелькали тени. Будто медведь сквозь чащу ломился. Медведь? Хм... Сбоку донеслось хрипловатое конское ржание. Я усмехнулась. Насколько же он предсказуем!

Возле очередной поваленной ели пришлось спешиться, чтобы провести коня под низкими ветками. Продираться сквозь колючий ельник Лютик отказывался, а по сухим сучьям мог запросто поранить ноги. Мы долго кружили по лесу в поисках окольного пути. Солнце скрылось за горной грядой впереди, опустились жидкие сумерки, из низин поволок туман.

Мы выбрались на широкую дорогу и через полчаса были у зияющего в скале провала —

входа в пещеру Истины. Я остановилась на поляне, где сохранилось наше прошлогоднее кострище, расседлала Лютика и обустроила ночлег. Умаялась так, что валилась с ног. Насколько же тяжелее путешествовать одной! Я всё время оборачивалась и искала Вейаса. Почему он мне не помогает? А потом вспоминала... Интересно, он шёл обратно этой же дорогой?

Ржание раздалось совсем рядом.

— Выходи уже!

Эхо разнесло слова по лесу. Затрещали сучья, послышалась заковыристая брань и топот копыт. На поляну выбрался Микаш, ведя под уздцы своего жеребца. Последний недовольно фырчал и раздувал ноздри, видимо, схлопотал по морде.

— Твой конь слишком шумный для скрытного наблюдения, — улыбаясь, заметила я.

Микаш поджал губы и сверкнул на жеребца глазами. Опять обиделся? Но я ведь ничего такого не сказала! Надо зайти с другой стороны.

— Порубишь дрова на костёр? — продолжая улыбаться, поинтересовалась я. — Я твои вещи разберу. Разделим работу поровну. Ну, пожалуйста!

Он поперхнулся и, наверное, даже покраснел, жаль, в темноте не разобрать.

— Ладно, — просипел. — Только Беркута расседлаю. Он слишком буйный.

— Красивое имя.

— Красивая птица. Жаль только, что коняка безголовая и этого имени не достойна.

Он вручил мне тюки и увёл Беркута на водопой. Я распаковала одеяло и тёплую поддёвку на ночь, походную посуду и жменьку овса для супа. Где Микаш им разжился? Туаты овёс не выращивают. Зерно отправилось в котёл, где уже плавали куски мяса, колечки лука и мелко покрошенный чеснок. Когда Микаш вернулся, я вручила ему топор и подожгла сложенный домиком хворост в кострище. Затрещал лапник, запахло хвоей. Микаш успел поколоть дрова, пока мой хилый костерок не опал. Суп сварился быстро, и я разлила его по мискам. Съела меньшую часть. На третьей добавке Микаш опомнился и протянул мне свою миску.

— Доедай, я уже всё, — покачала головой.

— Ты очень худая и должна есть больше, — проворчал он.

— Если бы мне хотелось, я бы съела больше, — настырное внимание к моим привычкам раздражало. — Так зачем ты за мной поехал?

— Я ехал не за тобой, а в ту же сторону, что и ты, — огрызнулся он и снова принялся за еду.

— И в какую же это?

— В Нифельхейм.

— Здорово! Значит, нам не по пути.

Микаш удивлённо вытаращился.

— В любом случае дорога тут одна: в Гартленд. Перевал в десяти вёрстах к востоку отсюда. Ты заблудилась.

— Неужели? Я пойду через пещеру, — я кивнула в сторону закрывавших проход елей. — Вы шли через перевал? Троллей не встречали?

— Йорден струсил. Мы плыли на корабле. Урсальский капитан хорош, правда, пахнет от него, как от морского демона, и повадки такие же, — Микаш задумчиво повёл плечами, облизывая остатки супа с ложки. — Морем безопаснее.

— Денег нет. К тому же женщин моряки не любят или любят слишком сильно. Меня

уже пытались изнасиловать, во второй раз испытывать судьбу не хочу, — я пошевелила палкой головешки в костре. Не думала, что смогу говорить об этом спокойно, но теперь даже злости не осталось, только досада.

— Тебя пытались изнасиловать? Кто и когда? — переполошился Микаш. Я лишь повела плечами.

— Кузен. Ещё в самом начале путешествия. Я была виновата, дала ему ложную надежду, осталась с ним наедине... Если бы не Вей, я бы умерла от страха. Или от стыда. Вей. Вей...

Я снова обернулась ко входу в пещеру. Сердце стягивало тоской. Кто теперь будет защищать меня от моей глупости? Разве что этот...

— Не думал, что они и со своими так себя ведут, ну кроме... всех, — Микаш понурился. Огонь отражался в его глазах.

— Своей я никогда себя не чувствовала, не чувствовала себя собой. Только сейчас начинаю узнавать, какая я на самом деле. Тебе нравится?

Он посмотрел на меня, склонив голову набок. Ответ читался у него во взгляде, всегда был там, просто я не замечала, как будто мои глаза застилала мутная пелена.

— Давай спать. Завтра, пока не выберемся из пещеры, расслабиться не сможем. Кто будет первый? — заговорила я на более насущную тему.

— Спи. Я покараулю.

Я хоть и старалась изо всех сил вести себя дружелюбно, но все равно раздражение прорывалось наружу. Он считает меня слабой? Вдох-выдох. Нельзя позволять эмоциям затмевать разум. Надо найти довод, который подействует.

— Тебе тоже нужно отдыхать. Вдруг на нас демон нападёт, а ты устал? Пещера — опасное место, сам знаешь.

Микаш в задумчивости жевал губы.

— Ладно. Только ты ложись первая.

Я надела меховую рубашку и, завернувшись в одеяло, устроилась у костра. Проснулась сама, как и рассчитывала, через шесть часов, заворочалась, выбираясь из плотно подоткнутого одеяла.

— Спи, — буркнул Микаш. Явно надеялся, что я просплю до утра. Как ребёнок!

— Сам спи, твоя очередь, — ответила я скрипучим голосом. — Ты же обещал.

— Только прикрою глаза ненадолго, — Микаш зевнул и укутался в одеяло. — Спой мне ту песню, про сны.

Вот это комплимент! Я придвинулась ближе, он положил мне голову на колени, и я запела, стараясь не сфальшивить. Упрямец засопел и расслабился, едва я успела допеть второй куплет. Уснул, видно, умаялся за день. Почему себя не бережёт?

Трещало пламя, затягивали трели предрассветные птицы. Туман кутался в золотое и алое. Из-за гор брезжили первые лучи, пронзали тени. Весеннее солнце такое беспощадное, что даже жалко ночную мглу.

Увидеть белые ночи не удастся. Ещё бы пару недель подождать. Хотя ждёт ли меня тот, к кому я спешу? Нет, терять надежду нельзя, иначе всё бессмысленно.

Я подбросила в огонь дровишек, сходила за водой и приготовила завтрак: жидкий суп с мясом и остатками овса. Разлив его по плошкам, разбудила Микаша. Он протёр глаза, буркнул что-то про то, что я снова не разбудила его вовремя, сбегал к ручью умыться и принялся есть.

— Ты не отступишься? Хочешь идти за мной? — спросила я, наблюдая, как он

заглатывает суп, обжигая язык и небо.

Микаш кивнул. Я вздохнула. Значит, нужно идти вместе и заботиться о нём, иначе с ним что-нибудь стрясётся.

Я упаковала вещи, пока он доедал и седлал Беркута, а когда пришло время трогаться, вручила ему шарф.

— Обмотай лицо. В прошлый раз нам мерещилось всякое. Вейас сказал, что это из-за грибных спор.

— Сейчас не время для грибов. Разве что сморчки-строчки, но они безвредные, — почесал затылок Микаш, но шарфом обмотался и пожал плечами: — Если твой брат говорил, значит, что-то там есть.

Я отвернулась, смахивая мысли о Вее вместе с непрошенными слезами. Мы запалили факелы и пошли. Проход был ровный и гладкий. Я не запомнила его с этой стороны: видения унесли меня в лиховерть безумия. Стоит ли рассказывать Микашу, что с нашей первой встречи в Ильзаре или даже до неё он частый гость моих снов? Безликий сказал, что ничего плохого не случится, если Микаш выберет правильный путь. Не буду лишать его надежды.

Однообразный проход змеился под горой пробитым водой руслом. Развилка не было. Возможно, они существовали только в наших с Веем головах. Дышать через шарф становилось всё труднее. Лицо промокло и прело от испарины.

— Погоди, — я остановилась перед крутым поворотом, вручила Микашу поводья своего мерина и полезла в сумки. — Вон они! Посвети сюда.

Я нашла дневник и присела на корточки у стены. У её основания выпирали пупырчатые грибы: бледно-зелёного цвета, шляпка с ножкой срослась настолько, что они были почти неотличимы.

— Зачем?

Я пожала плечами.

— Знаменитые путешественники всегда зарисовывали диковинки в дневник, чтобы потом по нему учились другие.

— Ты надеешься, что кто-то будет учиться по твоему дневнику?

Ну вот, Микаш смеётся! Было больно и хотелось уколоть в ответ. Злая ведьма — напомнила я себе.

— Мне нравится представлять себя полезной для кого-то, а тебе нет?

Он не ответил. Я обмакнула перо в чернильницу, лёгкими штрихами вывела силуэт и добавила пару строчек описания. На стоянке подробнее распишу. Подождала, пока чернила высохнут и спрятала дневник. Дальше шли без приключений, видели и знакомое зелёное озерцо в гранитной чаше, и спящих летучих мышей. Выход указали сиреневые лучи закатного солнца. Пахнуло свежим воздухом. Лошади припустили вперёд. Мы едва не повисли на поводьях и побежали сами, желая освободиться от тесноты и затхлости каменных сводов. В рощице разбили лагерь и устроились на ночлег. Медленно стемнело. Мы лежали на нагретой костром земле, укрытой сосновыми лапками и мхом, и смотрели на звёзды, а звёзды смотрели на нас.

— Они здесь не такие, как в Хельхейме, будто небесную карту сдвинули чуть вбок. Заметил?

Микаш тихо угукнул в ответ.

— На юге звёздные рисунки, должно быть, совсем другие. Хотела бы я их всех увидеть!

Микаш снова угукнул, ночная птица вторила ему эхом с опушки.

— А Вейас бы хотел побывать на них всех. Его горизонты шире моих. Мне кажется, я видела только самую верхушку, а главное он ото всех скрывал. Я никогда его не пойму. Я глупая?

На этот раз Микаш не угукнул, а замычал. Хотелось то ли смеяться, то ли стукнуть его чем-нибудь тяжёлым. Я прижалась к нему, чтобы согреться, и вскоре уснула.

Светало рано. Птицы щебетали так неистово, что спать было невозможно. Мы поели, собрались и двинулись дальше. Как только выехали из роши, Микаш пустил Беркута в галоп. Кряжистые ноги с грохотом врезались в землю, задние копыта сверкали над крупом, когда застоявшийся конь козлил, чуя свободу. Комья грязи летели вокруг.

Лютик припустил за собратом. Я раскинула руки и глотала ртом сладкий весенний воздух.

— У-у-у! У-у-у! — кричала от воодушевления.

Хотелось козлить, как Беркут. Свобода!

Мы придержали коней лишь на подъезде к Гартленду, чтобы успеть их отшагать до дома знакомого целителя Майлза. Сумеречники с подобным даром селились на отшибе, подальше от людей, поближе к свежему воздуху. Может, оно и правильно.

Я спешила первая и постучала в круглую белёную дверцу деревянного домика с травяной кровлей. На порог вышел Майлз. За зиму он немного похудел, отчего круглое прежде лицо выглядело одутловатым. Залысины на висках расползлись так, что их разделяла лишь узкая борозда волос на затылке.

— Наше почтение, мастер Майлз. Как дела в городе? Как здоровычко? — начала я издалека.

— И моё вам, мастер Лайс. Дела идут. Озимые засеяли, скот на летнее пастбище выгнали, на здоровычко жаловаться привычки не имею, — как всегда веско отвечал он. — А где ваш брат?

— Прошёл испытание и отправился домой. Вы его не видели? — Майлз мотнул головой. — Что ж, тогда не позвольте переночевать у вас по доброй памяти?

— Оставайтесь, — пожал плечами целитель. — Жаль, Бельтайн пропустили. Знатный праздник был, чай, почище, чем в захолустной Урсалии.

Ни капли не жаль, учитывая, как мне досталось тут на Самайн. Быть единственным человеком на празднестве духов — то ещё удовольствие.

— А что за друг? — он с любопытством разглядывал переминающегося за моей спиной Микаша. — Какого рода будешь?

— Никакого. Простолюдин, — отмахнулся тот.

— А, бастард. Чей? — не унимался Майлз, не замечая, что вот-вот разразится буря.

— Свой! — вспыхнул медведь, сложил руки на груди и отвернулся.

Я закатила глаза и зашептала на ухо целителю:

— Его Микаш зовут. Он неплохой, только уж больно щепетильно к своему происхождению относится, но если обходить эту тему стороной...

«Нет, нормально всё же не будет», — хотелось добавить, но я же не злая ведьма, правильно?

— Я не об этом. С таким даром у него каждый дозор родовой знак спрашивать будет. В Лапии, может, и нет, но вот в центральных провинциях Норикии — точно. Это вам не Утгард, детишки. Там непорядок не терпят.

Я вынула из-за пазухи гербовую подвеску Вейаса и повесила Микашу на шею.

— Значит, будет старший Веломри. А про меня вряд ли кто спросит.

Микаш покраснел до самых ушей, засопел и отвернулся ещё больше.

— Всего лишь друг, хм? — удивился Майлз.

Мы расседлали лошадей и занесли вещи в дом. Целитель угощал приготовленной на скорую руку яичницей с беконом, козьим молоком и сыром.

— Как вам, кстати, дорога? — обронил Майлз, когда собирал тарелки со стола. — Ходили через пещеру? Видели Лик Истины?

Похоже, это волновало его больше всего.

— По дороге туда — да. Нас с братом преследовали жуткие видения, только он сказал, что это никакой не Лик, а грибные споры, — я полезла в сумку за дневником и раскрыла его на странице с грибами. — На обратном пути мы обмотались шарфами и ничего не видели.

Майлз забрал дневник и изучил рисунок.

— Тролли грибы, ну надо же! Я думал, они все вывелись, — воскликнул он. Я вскинула брови. — Тролли из них дурманящие зелья делают. Эти грибы такая редкость! Как их найти?

Я объяснила, насколько смогла. Майлз накинул на себя плащ и натянул сапоги.

— Хозяйничайте тут без меня. Еда в погребке, дрова в поленнице, можете баньку натопить. Я только туда и обратно, — говорил он с порога.

— Но мы на рассвете отбываем. Вы не успеете! — Он явно не в себе.

— Оставьте ключ под порожным камнем. У меня кроме трав красть нечего. Но вы это... кампалу и мак никому не давайте. Для вашего же блага, — бросил он на прощание и побежал к пасущейся на лугу лошади.

За спиной раздалось покашливание. Я обернулась. Микаш давился со смеху.

— Что с тобой?

— Солидный дядька, целитель, а туда же, грибочками балуется, — объяснил он, накладывая уже какую порцию добавки. Решил наверстать время голода в Утгарде? Его же раздует! — Не смотри на меня так. Еды здесь достаточно — меня есть не надо!

Я отмахнулась от глупой шутки. Странные они, мужчины, обжираются, пока не затошнит, напиваются до белых демонов, травку курят, а грибочки эти... жуть!

— Думаешь, тебе одной скучно жить на белом свете? Каждый развлекается, как может. Не всем для этого хочется лезть на отвесную стену, кому-то достаточно и грибочков, — смеялся Микаш, не скрывая, что прочитал меня.

Я взяла дневник и записала всё, что рассказал Майлз.

— Что дальше? — поинтересовался Микаш, когда закончил чавкать у меня над ухом.

Я задумалась.

— Знаешь дорогу на пляж?

— Примерно представляю, — пожал плечами он. — Зачем тебе? Купаться ещё холодно, лучше баню натопим.

— Да не купаться. Идём! — я потянула его за руку на улицу. — Посуду потом помоем.

Мы прогулялись по узким улочкам Гартленда до набережной. В порту на нас косились пропахшие рыбой и водорослями рыбаки и засаленные до самых костей матросы. Микашу достаточно было грозно зыркнуть и чуть откинуть полу плаща, показывая притороченный к поясу меч, и все тут же отворачивались. Причалы для рыбацких лодчонок на отмели закончились, море из лазурного стало тёмным, дно ушло на глубину, здесь швартовались большие торговые суда. Волны бились об мощные борта, солёные брызги долетали до нас,

заставляя кутаться от холода. Суетились носильщики, спешили распорядители в дорогой одежде. В сопровождении дюжины воинов мимо прошёл военный капитан в бело-зелёной форме Норикии. Компания замерла, разглядывая нас.

— Достань подвеску, — шепнула я Микашу. Так Вей отваживал любопытных гостей.

Микаш вынул из-за пазухи родовой знак и повертел им в ладони. Воины отвернулись и пошли своей дорогой. Правильно, с Сумеречниками лучше не связываться.

Снова началась отмель с углыми лодчонками, полузатопленные, заброшенные остовы, и, наконец, песчаная коса пляжа с наступающим сосновым лесом. Смолистый с солью запах кружил голову, наполнял лёгкостью. Пусто, людей нет. Верно, для купания слишком рано. И хорошо!

Я стянула сапоги и вручила их Микашу. Он наблюдал, как я мчусь по мокрому песку, утопая в нём пальцами. Набегал прибой, мышцы сводило от ледяной воды. Я кружилась и кружилась, впитывая в себя солёные брызги и холодные порывы ветра. Кричала от воодушевления, как чайка, и не думала, какой безумной кажусь со стороны. Я такая, я мечтала об этом всё время. А больше ни о чём!

— Куда дальше? — спросил Микаш.

Я устала сходить с ума и легла рядом с ним на песок, колючий от палых сосновых иголок.

— Не знаю, — не хотелось разговаривать и думать. — Зачем тебе?

— Надо спланировать путешествие: сколько провианта взять, где останавливаться, до какой поры успеть в нужное место, — занудливо вещал он. — В таком деле нельзя быть беспечным.

— Планы — напрасная трата времени. Я планировала выйти замуж за Йордена, нарожать ему детишек и жить в счастье и согласии до самой смерти. Йорден планировал отравить меня и сделать хозяйкой свою любовницу-служанку. Отец планировал выдать меня замуж, сделать Вея рыцарем и отправиться в поход в Элам. Ты планировал всю жизнь пахать землю в своём селе. Как его?

— Остенки.

— Да. Хоть один из наших планов сбылся?

Микаш горестно вздохнул:

— Твой брат станет рыцарем.

— Разве что. Но Вей всегда был лучшим. А мы так... объедки с хозяйского стола. Вряд ли чего добьёмся, вряд ли найдём себе место в этом мире. Но с другой стороны, может, весь мир — и есть наше место. Пойдём по дороге, и она сама выберет, в какой край нас завести.

Микаш смотрел туда, где вода встречалась с небом. Узкая полоса то появлялась, то исчезала в белой дымке. Может, кое-что стоит ему сказать?

— Эльбани.

— М-м-м? — Микаш перевёл на меня задумчивый взгляд и поправил упавшие на лоб волосы.

— Маленькое графство на юге Норикии. Там нет гор, холода и полугодовой мглы.

Микаш скептически выгнул брови.

— А ещё там гнездятся Странники.

Микаш потянул меч из ножен и провёл по лезвию пальцами, проверяя остроту.

— Если не хочешь, можешь не ехать, — я придвинулась поближе и положила голову ему на грудь. — Ты свободный человек.

Глава 27. Отравленные грёзы

1527 г. от заселения Мидгарда, Эльбани, Норикия

Путь на юг оказался легче и вместе с тем сложнее, чем тот, что мы уже прошли. Я так и не сказала Микашу, куда мы идём. Боялась, что он посмеётся и я разочаруюсь. Останется только сесть на землю, пустить корни и превратиться в сухое дерево с крючковатыми ветвями.

Я упросила Микаша возобновить уроки фехтования и владения даром, заставляла его гонять меня до седьмого пота. Через силу впихивала в себя еду. Микаш

лыбался, мол, здоровею, щёки розовеют, тело не такое прозрачное, но я старалась не ради этого. Я хотела стать сильнее и самостоятельной.

Мы добрались до границы с Норикией к началу лета. Большую часть денег пришлось отдать за карту этого зажиточного королевства. Цены здесь были выше, а люди менее охочи помогать незнакомцам. Без гербовой подвески нас бы не пустили ни на ночлег, ни на большой Сальванийский тракт, где повсюду были натканы дозорные башни и проверяли дорожные грамоты, ни за городские стены, где стража взимала грабительскую пошлину и придирчиво оглядывала нашу износившуюся одежду.

Гербовая подвеска давала право на Охоту, правда, нанимали нас редко, платили скудно и всё время пытались обжулить. Ни во что орден не ставили!

К середине лета мы были уже в Эльбани. Провинция располагалась ближе к Лапии, чем я думала, в центральной части страны. Мы вдоволь нагулялись вдоль поросших дягилом заболоченных берегов рек, заливных лугов и изумрудных каналов, обрамлённых тенистыми лиственными лесами. Мы обыскали с две дюжины кладбищ и спалили несколько склепов с гнездовищами Странников. Весело провели время, только истратили все деньги и еду. Нужно было искать работу.

Мы спрятали оружие и въехали в живописную деревеньку: аккуратные, будто игрушечные дома окружали пышные сады, улицы расчерчивали идеально ровные дорожки, по которым даже поджарые светло-бурые коровы ходили строем. Микаш устроился помощником у зажиточного виллана: таскал тяжести, мастерил хлев для скотины. Он часто брался за подсобные работы: то у кузнеца, то у плотника, то у мельника мешки носить. Много умел, а что не умел, схватывал на лету. Я завидовала ему чёрной завистью.

Хозяюшки плотоядно поглядывали на него и облизывались, кто-то даже просил оставить бродяжничество и обзавестись семьёй. Дурочки не понимали, что он Сумеречник — не по их честь. Увидели бы его силу, испугались бы. Впрочем, мне-то какая разница? Пускай уходит, если хочется!

Я уговорила Микаша взять меня на лёгкую «принеси-подай» работу, но получалось из рук вон плохо. Я не так держала доски, путала инструменты, неправильно говорила, где криво прибит насест для кур. Микаш раздражался и обзывал легкомысленной сказочницей. Ага, ещё бы добавил: дура, бесполезная нахлебница! Когда я едва не сломала себе ногу, уронив на неё тяжёлую доску, на меня наорали и отправили гулять.

Я сбежала к реке, размазывая по лицу слёзы. На берегу, в просвете между смыкающихся кронами тополей, женщины полоскали бельё. Краем уха я слышала, что они готовятся к богатой свадьбе и ничего не успевают.

— Я могу вышить красивые узоры на платьях и скатертях.

Меня одарили удивлёнными взглядами.

— Ты же мальчик, — ответила высокая, иссушенная временем женщина, мать невесты, должно быть.

Я сжалась, поняв свою оплошность. Женщина подошла и приподняла моё лицо за подбородок, внимательно вглядываясь.

— Есть нечего, да?

Я покивала.

— Ну садись, покажи своё искусство, а мы решим, чем тебе отплатить.

Я выпросила, чего они хотели, рисовала на песке, выбирала нити из тех, что были. Это не ярмарка в Кайнавасе — скудность средств придётся искупать искусностью. Мои ладони огрубели за время скитаний, пальцы заострились и потеряли гибкость, воображение не вспыхивало яркими образами, не хватало усидчивости. Я принудила себя, вспоминая, как Микаш обозвал меня неумехой неуклюжей. Неделю работала в светлице большого дома не покладая рук. Глаза слезились от разноцветной ряби, голову ломило, пальцы исколола до крови. Женщинам понравились и мои северные цветы, и красный орнамент обережной вышивки кундцев, и даже вилланские мотивы: куры, кролики, козы. Мне щедро заплатили и вручили в придачу большой каравай.

Микаша с поседланными лошадьми я нашла за околицей. Он уже был готов ехать и ворчал, что я задержалась. С видом превосходства я показала добычу. Денег было даже больше, чем заплатили за постройку хлева. Микаш осмотрел мою исколотую ладонь и недовольно поджал губы:

— Если тебе нужно было больше денег, я бы заработал больше. Зря себя выдала.

— Не то, чтобы по нашему следу шли ищейки, — я вырвала у него руку и забралась в седло. Микаш тоже.

Устав ждать, Беркут потянулся вперёд, мой Лютик затрусил за ним.

— Это не значит, что можно вести себя легкомысленно. А вдруг нас сдадут лихим людям? Да мало ли что может произойти!

— Хватит кудахтать! — рявкнула я. — Ты просто завидуешь, что я смогла заработать больше. Признай: я тоже кое на что гожусь!

— Годишься, чтобы в неприятности влипнуть; ещё как годишься!

— Знаешь что?

— Что?

— Обойдусь без тебя. А ты делай, что хочешь, без моих неприятностей!

Я вжала пятки в бока Лютика и ускакала прочь. Микаш не погнался следом. Вечером я остановилась в небольшой буковой роще и с огромным трудом развела костёр. Но смогла же! Всухомятку жевала каравай, греясь у пламени, и не заметила, как начала глотать слёзы. Почему Микаш не мог меня похвалить? Гадкий глупый медведь! Вейас бы понял, Вейас бы оценил, Вейас бы обнял и не отпустил. Как я по нему скучаю!

Я затушила костёр, водрузила вещи на Лютика и побрела вместе с ним на огонёк мощной телепатической ауры. Дорога здесь была всего одна, полная луна хорошо освещала округу. Я вышла в низину, тихонький закуток за ольховыми зарослями, прокралась на цыпочках и осторожно выглянула из-за кустов. Микаш сидел у костра спиной ко мне и точил свой меч шлифовальным камнем, высекая искры.

— Лайсве? — прошептал он как молитву.

Видел ли, почувствовал ли? Он такой одинокий. Хочется прогнать, как приبلудную собаку — камнями, чтобы нашла других, более достойных хозяев, но без него у меня никого нет. Между нами образовалась порочная связь, оборвать которую уже не получалось.

Я навязала Лютика пастись и распаковала вещи. Микаш убрал меч и безотрывно смотрел на пламя. Я положила ему на колени «мышью побитый», как он выражался, каравай, обняла со спины и спрятала лицо у него на плече. Его рубашка промокла от моих слёз. Микаш взял мою ладонь в свои и по одному прикладывал к губам исколотые пальцы. Выражать чувства без слов у него получалось намного лучше. Если бы он сейчас опрокинул меня на одеяла, стянул одежду и взял, я бы не сопротивлялась. Порой мне до одури хотелось его, каким бы ужасным грубияном он ни был, но как и всегда он не зашёл дальше невинных ласк. Самый благородный из мужчин, он сторожил мой сон, а потом я его.

Я предложила ехать дальше на юг в Ланжу, как будто только в голову пришло. Оттуда до Эскендерии было рукой подать. К началу осени мы миновали невысокую горную гряду и оказались в унылых знойных степях. Микаш приободрился, увидев родной пейзаж, а я не привыкла к лысой и плоской земле, без деревьев и возвышенностей. Серебристое море ковыля волновалось на ветру, редкие птицы вспархивали из-под копыт. Чем дальше, тем суше травы и чернее выжженная земля. С севера дули пронизывающие осенние ветра, от которых нельзя было укрыться ни в перелеске, ни в ложбинке меж холмами.

Лошади тащились едва-едва. Даже Беркут больше не гыгыкал, спотыкаясь и чуть не падая. Микаш чудом держался в седле.

— Ну же, скотина, до речки дойдём — передохнешь, — прикрикнул он. — Всего ничего осталось.

Беркут горестно вздохнул и поплёлся дальше.

— Здесь, — скомандовал Микаш и спрыгнул на землю.

Где-то там или где-то тут, какая разница? Я тоже спрыгнула.

— Расседлай и своди коней на водопой. — Микаш махнул рукой в сторону. Реки видно не было, только сыростью тянуло и тиной. — Я пока поищу, из чего можно костёр развести.

Я потащила лошадей к берегу на верёвках. Он был такой крутой, что пока не станешь на край, не разглядишь обрыва. Лютик сошёл спокойно, а затейник Беркут сел на попу и съехал вниз, едва не опрокинув меня в воду. Придурковая скотина, правильно Микаш ругается!

Вода в реке была мутно-жёлтая. Лошади цедили её сквозь зубы — ничего лучшего в округе не наблюдалось. Когда они напились, я отвела их в лагерь, взяла котелок с полотенцем и вернулась к реке. Воду процеживала через ткань, чтобы отсеять песок. Выходило долго. Я почувствовала на себе взгляд и вздёрнула голову. На противоположном берегу сидел тощий светловолосый паренёк в обносках и процеживал воду сквозь полотенце.

— Эй, ты кто? — спросила я.

— Эй, ты кто? — эхом отозвался он и поднял на меня кристально-голубые глаза на измождённом, обветренном лице. Моё отражение в зеркале. В руках полотенце, алое не от песка, а от крови. Сердце ухнуло в живот, к горлу подступил тошнотворный ком.

Я подскочила, и оно за мной. Побежала, и оно побежало в противоположную сторону.

— Микаш! — звала я, будоража коней.

Его нигде видно не было. Я вздохнула поглубже и закрыла глаза, сосредотачиваясь на внутреннем зрении. Искала льдисто-голубую ауру со стальными прожилками, тяжёлую, будто налитую свинцом. Никого тут больше не было, ничего не мешало. Я ощутила Микаша вдалеке, на границе того расстояния, которое охватывали мои способности. Возвращался. Я

побежала ему навстречу. А, пожитки, неважно! Лишь бы самой ноги унести.

— Чего как сайгак по пшенице скачешь? — недовольно поинтересовался Микаш.

— Демон. Доплер. Он скопировал меня, — сбивчиво объясняла я, размахивая руками и пытаюсь унять тяжёлое дыхание.

— Где? — он нахмурил брови.

— У реки, на противоположном берегу. Скорее! — я дёрнула его за локоть, Микаш едва не выронил охапку с трудом добытых коряг.

— Спокойно! Если бы он хотел напасть, то напал бы ещё там, — он направился вперёд. Я следом, едва поспевая за размашистыми шагами.

В лагере всё было тихо. Лошади щипали пожухлую траву и даже не повели ухом, когда мы приблизились. Микаш кинул дрова на землю и пошёл к реке. Я старалась не отставать.

— Я ничего не чувствую, — Микаш развёл руками. На противоположном берегу было пустынно. Поднимался туман, предвещающая скорые сумерки. — Какая хоть у него аура?

— Я тоже его не почувствовала, — я потупилась. — Но он точно был!

— Может, тебе привиделось от усталости и жажды. Попей воды, погрызи сухарей и ложись отдыхать. Я сам всё сделаю.

— Мне не привиделось! Ну может, и привиделось, но не от усталости! — я опустила взгляд на мутную воду. — У него полотенце было в крови. Как думаешь, это не значит ничего плохого? Иногда жены воинов видят себя стирающими окровавленные рубашки своих мужей, а потом приходят известия об их гибели...

— Бабские суеверия. У тебя и мужа нет, — Микаш побрёл наверх. Я за ним.

— Но у меня есть Вейас, отец... и ещё ты.

Микаш обернулся так резко, что я едва не упала. Он перехватил меня за талию и вытянул наверх.

— Есть. Вроде как, — закончила я.

— Не переживай. Никакая зараза меня не возьмёт, — отмахнулся он и поспешил к лагерю, словно стремился от меня убежать.

— Считаешь себя неуязвимым? Зря. Помнишь, как тебя вэс в лабиринте потрепал?

— Но я ведь выжил.

Я потупилась. То была чистая удача, и совсем не его. Больше Безликий не поможет. Микашу нужно научиться беречь себя, только как объяснить, чтобы он послушал? Был бы на моём месте кто-то поумнее.

Мы развели костёр, которого едва хватило, чтобы подогреть воду. Мы поели и улеглись спать.

Первый сон Микаша

Ласково припекало летнее солнце. Пахло разморёнными зноем травами, сладкими и терпкими одновременно. Микаш катал между зубами колосок мятлика и лениво наблюдал за пасущимися на лугу козами.

— Матушка поесть передала, — слышался звонкий голос.

Мелькнуло льняное платье, взметнулись толстые косы, на светлой макушке венки из одуванчиков.

Она опустила рядом. Не глядя на неё, Микаш откусил краюху свежего каравая и

поднёс к губам кувшин. Капли холодного молока перетекали с уголков рта на подбородок и падали за пазуху. Хорошо-то как! Он почти забыл, что так бывает.

— Я тебе подарок сделал, Одуванчик, на день рождения. Держи, — Микаш протянул ей куклу из веточек.

— Шутишь, что ли? — заговорила она насмешливо. — Мне не пять лет!

От её смеха у него всегда душа в пятки уходила. Микаш медленно повернул голову:

— Лайсве?

Она была так красива, что аж дух захватывало. Глаза горели хитринками, щёки румянились здоровьем, тело округлилось приятной женской полнотой.

— А кого ты ждал увидеть? Здесь только ты и я, одни во всём мире.

Микаш приподнялся на локтях. Она придвинулась ближе и провела пальцем по его губам. Он дышал глубоко, кровь обращалась в огонь и стучала в висках. Как же тяжело с этим бороться!

— Не играй со мной, — Микаш перехватил её запястье и попытался оттолкнуть.

— А для чего ты мне игрушки даришь?

Она вспорхнула ему на колени и придвинула лицо пьяняще близко. Глаза потемнели, стали более насыщенного оттенка, закрыли собой солнце и небо. Палец проделал путь от подбородка до завитков волос на его груди, торчавших из сбившегося ворота рубашки.

— Разве не для этого? — розовые губы дрожали, как лепестки мальвы. Манили. Поцелуй обжёг, закружил голову.

Её ножки сомкнулись у него за спиной. Она вдавливалась в него, терзала рот. Настолько хорошо, что даже больно. И хочется до безумия!

Быть того не может.

Микаш дёрнул головой и открыл глаза.

— Проснулся? — послышался ехидный голосок. Лайсве рылась в вещах, отвлеклась и в упор взглянула на него: — Ты стонал. Что снилось?

— Кошмар.

— Ага, поэтому твой дружок весь взбудоражился? — засмеялась она.

Микаш скривился и подскочил на ноги так резко, что даже голову повело.

— Иди ты, знаешь куда?! Я долго терпел твой склочный нрав и смех без причины, но сейчас ты перешла все границы. Можешь и дальше возвышаться в своих глазах, издеваясь над другими, только меня от этого уволь!

Он не знал, чего хотел добиться своей тирадой. Не станет же Лайсве перед ним извиняться. Она никогда себя этим не утруждает, даже когда признаёт вину.

— Надо же, какой чувствительный! — она ущипнула его за плечо и залилась гнусным смехом.

Последняя капля переполнила чашу. Микаш подхватил плащ и зашагал прочь. Нет, на этот раз он не вернётся!

***

Здесь не было даже куцых кустиков. Как сходить в кустики, если кустиков нет?! Ну и что, что я далеко от лагеря. Ну и что, что Микаш посапывал без задних ног, когда я уходила. Ну и что, что туман такой непроглядный, что я даже ног не вижу. Просто сегодня был один

из таких дней... Когда я ненавидела всех и вся, а живот крутило так, что хотелось биться в истерике. Сделала то, что собиралась, без кустиков и повернула обратно. Глупо было уходить далеко в тумане, но у меня был хороший ориентир, большой такой — не пропустишь. Аура Микаша. Странно, он оказался гораздо ближе, чем я рассчитывала. Не приведи Безликий, видел. Хотя, какая мне разница?

Он сидел на берегу реки спиной ко мне и смотрел вдаль. Я опустила рядом, свесив ноги с крутого берега. До воды далеко, её даже не видно в тумане. Мы молчали. От скуки я начала болтать ногами.

— Мне здесь не нравится.

Он не отвечал.

— Давай уедем поскорее. Я плохо спала. Чувство такое, будто за нами кто-то следит.

Я поёжилась. Холодно, нужно было надеть плащ. Микаш снял свой и обернул вокруг моих плеч.

— Я не буду больше беспокоиться по пустякам и кричать, обещаю! Едем?

Он повернул голову и заглянул мне в глаза, словно что-то там искал. Я тоже заглянула. Пересчитала все крапинки в его радужках — ни одной с прошлого раза не прибавилось. Я заискивающе улыбнулась.

— Только не это! — застонал он.

Я пожала плечами, встала и протянула ему руку. Микаш тяжело вздохнул, но все же поднялся и вернулся в лагерь вместе со мной.

Туман немного разошёлся, и мы выехали. Двигались вдоль берега, чтобы не заблудиться, опасались упасть, если вдруг станет скользко или топко. Из дымки выплыл почерневший остов печной трубы, следом ещё один и ещё.

— Микаш! — позвала я.

Он не разговаривал, хмурился, грыз губы; думала, совсем их съест. Как будто надулся на меня за что-то. Неужели из-за доплера?

Микаш натянул поводья и спешил. Я следом. Перед нами раскинулась спалённая деревушка на три дюжины дворов. Из пепелищ торчали только кладки труб.

— Нашествие? Странники? — испугалась я.

— Не думаю, — он передал мне поводья и опустился на корточки возле одного из пепелищ. — Странники оставляют за собой горы трупов, а тут люди заживо сгорели.

Он достал из-под головешки маленький почерневший череп. Я неуютно повела плечами.

— Присутствия не чувствуется, но аура у места дурная, как будто они сами себя сожгли, — Микаш положил череп обратно и провёл рукой по лбу, растерев сажу. Я достала платок и принялась её счищать. Микаш морщился, но терпел. — Поехали. Здесь мы ничем не поможем, а с демонами лучше драться там, где будет легче нам, а не им.

Ехали долго, даже после заката, чтобы не останавливаться вблизи сгоревшей деревушки. Проклято место или нет, но неупокоенные духи там точно ещё бродят.

Было уже за полночь. Туман поредел, небо прояснилось, огромным жёлтым диском взошла луна. Беркут то и дело спотыкался, Микаш одёргивал его на себя и ругался. В конце концов жеребец рухнул, Микаш вылетел из седла и распластался на земле. Я спрыгнула и подбежала к нему.

— Ты в порядке?

Он отплёвывался от грязи, пытаясь сесть. По разбитому лицу текла кровь. А вот Беркут

встал и отряхнулся как ни в чём не бывало.

— А ты как думаешь?! — вызверился Микаш.

Я махнула рукой и принялась разбивать лагерь. Пускай сам со своей пораненной гордостью разбирается! Река была неподалёку, всё такая же мутная, а вот дров в округе не наблюдалось совсем.

Микаш безучастно сидел на земле, где упал, и прижимал к разбитому лбу лоскут ткани. Пить некипяченую воду я не рискнула — и так подташнивало.

— Пожалуйста, помоги насобирать дров! — попросила я предельно серьёзно.

Микаш встал и ушёл. Долго не возвращался. Я расстелила одеяло и легла, смотрела на звёзды. Морозное дыхание осени опаляло щёки. Хорошо, что это юг, на севере на открытой местности мы бы околели. Немного пройти осталось, выдержать, дотерпеть, а там... что там, я не знала, но старалась не терять надежды. Ведь ради неё и шла.

Микаш вернулся и бросил охапку дров у моих ног. Я распалила костёр на скорую руку и приладила над ним котелок. Огня едва-едва хватило, чтобы закипятить воду. Залила ею остатки овса, разложенные по мискам, добавила по куску вяленого мяса и вручила Микашу его порцию. Он всё съел в один присест. Ни тебе «спасибо», ни «как вкусно ты готовишь», ни «какая ты замечательная хозяйюшка». Не нужно похвалы, но сказал бы хоть слово!

Микаш потёр лоб.

— Рана открылась? Дай посмотрю.

— Отстань! — он оттолкнул меня так, что я едва не упала. — Никому твоя жалость не нужна!

Я вовсе не хотела тебя жалеть, дурень! Сухо высказала ему:

— Если ты во мне разочаровался, уходи. Я не буду больше на тебя рассчитывать.

Я передвинула одеяло на тёплое от костра место и легла спать. В голове роились мысли. Обидно, конечно, что он меня так быстро разлюбил, хотя я не понимала, чем вызвала его чувства. Микаш шёл за мной как будто из упрямства, хотел что-то доказать. Я знала, что однажды он поймёт, что я не такая, какой он меня вообразил, и бросит, как бросали все мужчины в моей жизни. Зачем я к нему привязалась? Заснула с мокрыми щеками.

Второй сон Микаша

— Ваша Милость, погодите минутку. Совсем чуть-чуть заколоть осталось.

Микаш стоял перед большим зеркалом с ажурной рамой, откуда на него смотрел молодой франт в дорогой одежде с бесчисленными золотыми украшениями. Волосы на затылке тянуло от тугой причёски, которую позволялось носить только Сумеречникам. Кто-то возился за спиной, расправляя складки и приглаживая оборки на манжетах.

— Что происходит? — спросил Микаш, пытаясь повернуться к собеседнику лицом, но тот снова скользнул ему за спину.

— Ваша помолвка, забыли? Похоже, когда падали с коня, головой вы приложились сильнее, чем мы думали. Позвать целителя?

Микаш поймал взглядом неуловимого слугу. Это был невысокий щуплый мальчишка в голубой ливрее, с выгоревшими на солнце до огненной рыжины волосами и конопатыми щеками.

— Нет, не стоит, — ответил Микаш, разглядывая его по-птичььи жёлтые глаза.

— Тогда идёмте. Мы уже опаздываем. Ваша невеста обидится.

Микаш кивнул, силясь понять, что происходит.

Они спустились в холл по широкой лестнице с резными перилами. Микаш уже где-то видел этот светлый замок, только не мог вспомнить. В приёмном зале толпилась разодетая знать. Здоровались, кивали, кланялись, протягивали ладони для рукопожатия, улыбались. Микаш отвечал и боялся. Вдруг всё окажется шуткой? Его переодели в господскую одежду, чтобы поиздеваться, а когда он поверит, посмеются и вышвырнут на улицу!

Микаш нащупал на груди гербовую подвеску и поднёс к глазам. Совсем не похожа на ту, которую ему вручила Лайсве.

— Мой мальчик! — окликнул высокий темноволосый мужчина в необычно строгом для пёстрой толпы костюме. Яркие синие глаза пронизывали насквозь. — Ты не ответил на моё письмо, и я решил отыскать тебя сам.

Микаш полез за пазуху за обгорелым посланием маршала. Может, если всё объяснить, удастся отделаться поркой?

— Вы спутали меня с другим. Я украл это письмо, — он протянул раскрытый лист незнакомцу. Тот перехватил его за запястье.

— Ты убивал демонов? Ты проходил испытания? Ты спасал людей и совершал подвиги?

— Да.

— Тогда это не ты украл, а у тебя украли. Поедем. Ты нужен мне, ты нужен Мидгарду. Я выкую из тебя несокрушимый клинок и дарую власть над всеми. Ты сохранишь мир, пока не явится истинный повелитель.

До этого Микаш избегал его прямого взгляда — слишком он был тяжёл. Но вот теперь посмел. Столько в его лице было благородства, мудрости, силы и властности, что Микаш не смог отказать.

— Это великая честь, мой маршал! — он приложился губами к перстню на подставленной ладони, но незнакомец отнял руку.

— Не лебези. Ты мой человек! — он сжал ладонь Микаша и обнял по-отечески.

— Ваша Милость! — рыжий слуга тронул его за локоть. — Ваша невеста ждёт, вы забыли?

— Не ходи. Она заведёт тебя в погибель. Ты сам знаешь! — развернул Микаша к себе маршал.

— Орден сговорил её вам, но если она вам не мила, откажитесь, — шептал в другое ухо слуга.

Микаш в задумчивости дёрнул уголком рта, глядя на обоих.

— Я только взгляну и вернусь.

— Назад дороги не будет, — пробормотал ему в спину маршал.

Мальчишка повёл Микаша вглубь толпы. Женщины в роскошных платьях посылали ему воздушные поцелуи, подмигивали и протягивали руки.

— Куда же вы, Ваша Милость? Оставайтесь с нами. Мы вас любим! — зазывали они и смеялись, щупали мышцы на его плечах, заполняли всё пространство. — С нами вам будет лучше!

Микаш замер.

— Если передумали, откажитесь, — улыбнулся рядом слуга. — И вы никогда её не увидите.

Сердце ухнуло в живот, внутренности натянулись.

— Нет, я хочу! Хочу! — Микаш расталкивая толпу локтями, прокладывая путь туда, где чувствовал её. Быстрее. Время уходит. Не успеет — не увидит, не узнает. А так хочется знать!

Она стояла одна, вдалеке от волнующейся толпы. В пышном платье с золотыми цветами, серебристые волосы собраны в высокую причёску, открывающую тонкую шею.

— Вы опоздали, — от строгого голоса по спине прошла дрожь. — Если я для вас недостаточно красива, умна и умела, так сразу и скажите. Не томите, чтобы я на вас не рассчитывала!

Тонкие ручки теребили кружевной платок. Стройные плечики вздрогнули от сдерживаемых всхлипов. Микаш развернул её к себе лицом. Грустные голубые глаза опаляли осенним холодом.

— Принцесска, — выдохнул он и прижал её к себе. — Прости, я был слаб, я не смог быстрее. Я не достоин.

Она засмеялась. Её смех пугал больше, чем слёзы. Она отстранилась. В глазах горели льдистые искорки-хитринки:

— Угадай, чего я хочу.

Микаш затравленно обернулся. Играла музыка. По пустынному залу кружились призрачные пары.

— Танцевать?

Улыбка стала шире. Она схватила его за руку и потянула в центр зала. Как же он хотел этого когда-то, незримо, в мечтах, и как страшно было в реальности.

Он ведь не умеет. Все поймут, что он самозванец, но она не слушала, толкала вперёд и завлекала в чуждую ему пляску. Так близко, что сладкий запах ирисов ощущается кожей, жаром катится по жилам. Руки на его плечах в замке, что не разбить. Ноги смыкаются вокруг его бёдер. Губы повсюду на его лице, томными касаниями. Грудь к груди. Колотятся, бьются сердца в унисон.

— Что ты творишь?! — завопил Микаш, когда открыл глаза.

Он лежал на земле посреди лысой степи, укутанной предрассветным туманом. Лайсве уселась на него сверху и нависла над самым лицом.

— Уговариваю тебя остаться. Без тебя я не дойду, разве не ясно? — она поёрзала бёдрами, задевая его не там, где следовало. Микаш поморщился. — Тебе ведь хочется, я же вижу. Так зачем сопротивляешься? Такого шанса больше не будет. Мне нужно твоё тепло.

Она принялась стягивать с себя рубашку через голову.

***

Не спалось. Я ворочалась, мёрзла, гнала дурные мысли. Бессонница, моя давняя подруга, вернулась и собиралась остаться надолго. Я решила размять мышцы, поднялась и побрела прочь от лагеря. Ветер бил в лицо, лились слёзы, болели уши. Я вжимала голову плечи. Только бы не дождь. Даже на юге близящаяся зима — не самое приятное время года.

Хотелось прижаться к кому-то тёплому, но как ему сказать, что он мне нужен? Он дичится, близко не подпускает. Нет, надо научиться обходиться одной: вечная прилипала никому не нужна.

Нагулявшись, я пошла обратно. Ледяным потом накатила жуть. В клубах белёсого

тумана обрисовалась чёрная фигура.

— Микаш! — закричала я что было сил.

Тень обернулась. Туман рассеялся, и я увидела своё лицо, как в зеркале. По воздуху кругами пошла рябь. Лицо растворилось в белой дымке.

— Микаш!

— Хватит орать, я не глухой!

Он поднялся с земли в том месте, где была тень.

— Доплер. Я его видела. Здесь.

Он тёр лицо кулаками: то ли до конца не проснулся, то ли удар головой не был таким уж пустячным.

— Можно, я скажу плохое слово?

— Валяй.

— Сцькуха.

— Ты как всегда очень мил.

— Чай не принц на танцульках.

Как я могла это упустить? Обмен колкостями надоел. Я от него таких словечек поднабралась! Нянюшка бы заставила час полоскать рот.

— Перестань пугаться каждого куста. Ну туман, ну сгоревшая деревенька — бывает. Нет никакого доплера, у тебя как всегда воображение разыгралось.

Порой я тревожилась зря, когда снилось что-то дурное или обстановка навевала, но так явно, как сейчас — никогда. Жутко это — себя со стороны видеть. Понимать, какой ты пакостный на самом деле.

«Да что в тебе пакостного? Не доложила жратвы в миску очередной бродячей собаки?»

Как же достало, что он лезет в мысли без спроса!

«А ты думай потише и не мели чушь. Голова болит!»

Угу, я ещё и виновата.

«А то!»

Мысленно показала ему язык.

Мы перекусили и поехали дальше. Туман то сгущался, то рассеивался. Повсюду была безрадостная степь. Я вертелась в седле, пытаюсь устроиться поудобней и вздремнуть, а вот Беркут под Микашем дремал прямо на ходу. Плёлся еле-еле, шаркая ногами по мокрой пожухлой траве, и снова спотыкался.

— Иди же, коняка безголовая, не позорь имя боевого коня! — забранился Микаш, хлестнув жеребца по ушам. Беркут подобрался и оскалился. — Эх, был бы у меня прут, так отстегал бы, что и не думал бы придуриваться!

Я прыснула в кулак. Встретившись со мной взглядом, Микаш понурился и ссутулил плечи. Опять врёт, чтобы казаться сильнее и мужественней. На самом деле он с Беркута пылинки сдувал. Вчера, стоило мне уйти, кинулся ноги коню проверять, а свою рану на лбу даже не заметил. Так зачем?

После обеда стало накрапывать. Взбодрило. Я укуталась в плащ. С капюшона на нос падали крупные капли. Я подогнала Лютика и зашагала в ногу с Беркутом.

— Переправа скоро?

— Какая тебе разница? Что на этой стороне, что на той — всё одно погано.

— Там до Сальванийского тракта недалеко. Может, обоз встретим. Они нас к себе возьмут.

— Угу, только если беженцев, но у них самих есть нечего. Не понимаю, зачем тебе понадобилось на юг. Там же война, фанатики, всё полыхает. Головы сложим, даже до Балез Рухез не добравшись, не то что до Нифельхейма.

В южных провинциях Норикии дороги запрудили беженцы из соседней Сальвани. Ободранные, оголодавшие и злющие, они проклинали единоверческую саранчу. Мы к ним не совались: слишком отчаянно они выглядели на обветшалых телегах, набитых нищенским скарбом.

На юг никто не ехал. Только косились подозрительно, спрашивали: «Куда?» Мы отвечали: «В Эскендерию, к книжникам». Люди крутили у виска: «Город переполнен, вас не пустят. Поворачивайте обратно». Микаш вопросительно оборачивался на меня, а я упрямо направляла лошадь вперёд. Хорошо, что он не знал, куда именно я еду.

— Может, мне вовсе не надо ни в Нифельхейм, ни даже в Балез Рухез. Хочу узнать, отчего они воюют. Если понять причины, можно остановить, хотя бы попытаться.

— Вначале ты жаждала пробудить Безликого, а теперь желаешь остановить войну? Не слишком ли для сопливой принцесски? Мания величия, м?

— Я хотя бы что-то придумываю, а не ворую чужие цели.

— Я хотя бы не живу в воображаемом мире, где я самый важный человек в Мидгарде.

— Пффф!

— Пффф!

Показалась переправа — покосившийся деревянный мостик на ту сторону. За этот год по нему прошло столько людей с лошадьми, сколько за всё время не хаживало. Мы спешили, Микаш отдал мне поводья Беркута и перевёл Лютика. Мостик жутко скрипел под их ногами, копыта скользили на мокрых досках, но потихоньку они скрылись в тумане на другом берегу. Микаш вернулся, взял под уздцы Беркута, а меня подтолкнул к мосту. Идти по нему было не страшнее, чем перебираться через ущелье на Мельдау: невысоко и мелко, но мокнуть неохота. Хотя я и так вся мокрая от дождя. Перешла, поймала Лютика и вернулась к краю берега.

Беркут упёрся четырьмя копытами и не сдвигался с места, как Микаш его ни тянул.

— Давай же, трусливая скотина! Я прошёл, Лайсве прошла, даже Лютик прошёл. Это безопасно. Идём, или ты останешься один. Идём, волчья сыть, бросил бы тебя, но ты же пропадёшь!

Думал, я не слышу? Дёрнул за поводья ещё раз, ещё и ещё. Беркут ступал на мост и пятился. Шаг вперёд — два назад. Миновало полчаса. Я устала ждать. Они наконец двинулись, прошли на корпус, два, середина, почти добрались до берега.

Хрясь!

Мост надломился, и Микаш с конём полетели в воду. Подняв тучу брызг, Беркут вскарабкался по крутому берегу и промчался мимо нас. Я отпустила Лютика и рванула к Микашу. Вдруг его задело копытами? Он поднимался из воды, отплёвываясь от ила и песка, грязный и мокрый. Рана на лбу снова кровоточила. Но в остальном... он был жив.

— Почему ты не держишь лошадей?! — крикнул Микаш.

Я вскарабкалась на берег. Лошадей уже и след простыл: и забияки Беркута, и флегматичного Лютика.

— В какую сторону они побежали? — поинтересовался Микаш, вылезая за мной.

Я пожала плечами и опустила голову:

— Я испугалась, что ты ударился и можешь захлебнуться...

— Дура!

Он рухнул на землю и закрыл лицо руками, лежал так очень долго. Я беспокоилась, но подходить боялась, слонялась туда-сюда, ругая себя и не зная, что делать. Под ногами звякнула железяка. Я едва не упала, запнувшись об неё, нагнулась и нашла в траве меч. Видно, из тюков выпал. Микаш так о нём заботился, как иные родители о детях не заботились. Может, хоть это его оживит? Я вложила эфес в ладонь Микаша.

— Там перелесок. Давай разобьём лагерь и разведём костёр. Надо просушить одежду, — уговаривала я, но он не двигался. — Вставай, пожалуйста, я очень виновата, но тут ничего не поделаешь. Прости меня, и пойдём дальше. Если будешь лежать здесь, замёрзнешь и умрёшь.

Я потянула его за руку. Он вырвался и поднялся сам. Я хотела подставить ему плечо, но он шарахнулся в сторону и пошёл сам, неся в руках свой меч, словно тот служил ему опорой. Я брела позади, боясь разозлить его ещё больше. Мы добрались до кедровой рощи, невесть как проросшей посреди голой степи. Или это знак, что степь закончилась? Под раскидистыми ветвями мы укрылись от дождя и ветра. Я хотела насобирать хвороста, пока Микаш отдыхает, но он пошёл сам. Я подбирала с земли, а он обламывал ветки с деревьев. Без топора ему приходилось туго. Я так виновата!

Огонь мы всё-таки развели и развесили над ним одежду. От неё шёл белесый пар, смешанный со смолистым запахом хвои. Животы урчали от голода. Молчание угнетало.

— Это конец. Без лошадей и карты мы отсюда не выберемся, а без еды сдохнем от голода, — поделился своими мыслями Микаш.

— Я слышала, что в кедровых шишках есть орешки. Они съедобные и очень сытные, — я протянула Микашу шишку с одной из содранных им веток.

— Мы не белки, чтобы есть шишки! — он швырнул её в огонь.

— Тогда, может, попробуем есть белок? Собьём их с ветки и... — я подобрала камень и замахнулась.

— Для этого нужна праща, а у нас её нет, — он отобрал у меня камень и выбросил. — Прекрати нести чушь — бесит! Если бы ты не отпустила лошадей...

— Извини, я говорила, что из меня плохой попутчик. Но я хотя бы пытаюсь что-нибудь придумать, а не только ною и жалею себя. И не смей говорить, что я одна во всех неудачах виновата!

Я встала и побрела прочь. Он не бежал за мной, а в глубине души хотелось извинений, заверений, что он был неправ и станет лучше... Что он все ещё любит... Хотя, зачем мне это? Зачем мне этот грубый, озлобленный неудачник?

Третий сон Микаша

Было тепло. Яркий солнечный свет лился сквозь огромные стрельчатые окна. Пахло розовым маслом.

— Быстрее, дорогой, нас ждут, — мурлыкнул ласковый голос, дыхание опалило ухо, влажные губы коснулись шеи. Нет, не для того, чтобы выпустить зубы.

— Подождут, — ответил он, задыхаясь от восхищения. Такая красивая, пускай даже в мужской одежде и с короткой причёской. Разноцветные глаза — один голубой, другой зелёный — лукаво щурились. Хотелось целовать их, и только. — Им казнь отложить в радость. Слишком многое случилось, не осталось времени даже... на нас.

Микаш притянул её к себе.

— Так нельзя, это наши обязанности. Мы должны остановить войну. Чуть-чуть осталось. Сил много не отнимет, — усмехнулась Лайсве и коснулась пальчиком его носа.

Микаш обернулся к прикроватной тумбе, на которой лежал закопчённый череп, поднял его и взгляделся в вырезанный там вензель «Комри».

— Жалеешь его? А он тебя когда-нибудь жалел? Он хоть когда-нибудь кого-нибудь жалел? Он сам это выбрал! — холодно отрезала она.

— Он всегда всё выбирал сам, даже смерть. — Микаш нехотя вернул череп на место. Жаль, друга не вернуть.

— Не волнуйся, я никому не скажу, какой ты слабый и нежный внутри. — Лайсве встала на цыпочки и поцеловала в губы. — Ты моя любимая зверушка!

Она бросила ему голубой плащ с золотым кантом по краю капюшона и надела такой же белый.

— Идём же!

Он пошёл, как привязанный, хоть и не хотелось вовсе.

Они спустились по широкой мраморной лестнице, укрытой голубым ковром, и прошли в резные дубовые двери, за которыми прятался круглый зал с трибунами по периметру. Здесь заседали люди в голубых плащах; у пятерых в центре на капюшонах была золотая окантовка и такие же разноцветные глаза, как у Лайсве.

— Ведите заключённых. Кто у нас сегодня? — командным голосом поинтересовалась она.

— Перебежчики. Просят о снисхождении: они узрели Истину, — ответил один из пятёрки.

Лайсве закатила глаза:

— Ведите живее! — Шепнула Микашу на ухо: — Если не можешь, я сделаю всё сама.

Он кивнул и отступил к остальным. На противоположном конце зала открылась неприметная дверь. Стражники втолкнули в неё потрёпанного пленника со связанными за спиной руками. Он распластался перед Лайсве. Её губ коснулась презрительная ухмылка.

— Что, Йорден Тедеску, почтенный Сумеречник Заречья, надеешься предательством выторговать себе жизнь? — спросила Лайсве, ударив его поддых острым носком сапога.

Микаш с трудом признал в похожем на плешивого крысёныша оборванце своего хозяина.

Йорден заскулил, сгибаясь пополам, запричитал:

— Милосердия! Я отрекаюсь от колдовства Сумеречников. Я узрел Истину!

— Что же заставило тебя прозреть? Казни товарищей? Месяц в казематах? Пытка на дыбе? — она подмигнула Микашу. — Почему ты не видел Истины, когда унижал слуг у себя в замке? Почему не видел её, когда обирал селян до последней нитки? Почему не видел её, когда желал смерти своей невесте?

Лайсве пнула его сапогом так, что он харкнул кровью. На белоснежных полах плаща проступили бурые пятна.

— Слизывай! — потребовала она. — Хочешь, чтобы твоя смерть была быстрой — убери за собой!

Микаш обнял её и зашептал в ухо:

— Это ни к чему. Давай уйдём.

Она откинулась назад и провела пальцем по его щеке:

— Тогда объяви вердикт. Сможешь?

— Повешенье, — не глядя на скулящего пленника, бросил он.

— Не-е-ет! — Йорден вцепился в ноги Микаша и заискивающе заглянул в глаза. — Это же казнь для простолудинов!

— Так ты же отрёкся от Сумеречников. Да и по чести никогда им не был.

Микаш оттолкнул его и поспешил к Лайсве, которая уже призывно улыбалась возле дверей. Дальше разберутся без них. Стражники тащили Йордена прочь, Голубые Капюшоны степенно перешёптывались.

Они вернулись в искрящуюся от солнечного света спальню. Как только дверь захлопнулась, Лайсве подтолкнула его к огромной кровати с раздвинутым балдахином. Микаш обхватил её за плечи и опрокинул на шёлковые простыни.

— Я сержусь. Ты испортил мою забаву и теперь должен мне, — шутливо угрожала она, нависнув над ним. Тоненькие пальчики растёгивали рубашку на его груди, играли с волосками. Она взяла с подноса на прикроватной тумбе несколько ягод винограда, кормила его с руки и смеялась: — Моя любимая зверушка, мой ручной ярмарочный медвежонок.

Она слизывала виноградный сок с его губ. Хотелось прижать её к себе крепче, но ей не понравится.

— Нельзя быть таким мягкосердечным, ты же знаешь?

Он кивнул, с тревогой наблюдая, как она поглаживает пальцами его грудь с левой стороны.

— Люди не прощают доброты. Все войны из-за неё. На тебя уже косо посматривают, хотят избавиться, но я не позволю. Я сама вырву твоё сердце!

Он судорожно сглотнул. Она запустила пальцы ему под рёбра. Стальные клещи сжали сердце. Стало больно дышать.

«Микаш!» — слышал он краем почти угаснувшего сознания.

Глава 28. Убить пересмешницу

1527 г. от заселения Мидгарда, долина реки Агары, на границе Норикии

Я обняла себя за плечи и брела, куда несли ноги. Как тяжело не сдаваться, когда все повторяют, какая ж ты дура, что выбрала этот путь. Какая дура, что ошибаешься на каждом шагу, кому-то веришь, кого-то пытаешься спасти. Проще плыть по течению: ты не ошибаешься, виноваты другие, которым ты позволяешь над собой издеваться, потому что не знаешь лучшего. Есть ли лучшее? Как же трудно верить в себя и не отчаиваться!

Дождь прекратился, небо прояснилось, показались звёзды. Я прислушалась к их молчаливой песне. Они успокаивали. Я поступаю правильно, а даже если ошибаюсь, то никому от этого хуже не станет.

Я бродила к реке и обратно, снова и снова, пока не загорелся ярким заревом край неба на востоке. В лицо подул холодный ветер, указывая направление. Две сотни шагов, и я заметила наших лошадей. Они повернули головы и зафырчали. Видно, были рады встрече не меньше меня. Я проверила их самих и поклажу. Всё цело, даже мой никудышный мечик и, главное, еда! Я повела обоих в поводу в кедровую рощу. То-то Микаш обрадуется.

Только под сенью деревьев стало ясно, что что-то не так. Тишина давила на уши, воздух застыл ленивым комом, внутренности натянулись в ожидании беды. Я привязала коней к деревьям и побежала к Микашу, продираясь сквозь ветки. Поляну заволокло туманом, лишь

костёр тусклым огоньком указывал путь. За ним чёрным силуэтом высился демон. Он копошился в груди Микаша ладонью! Я вскрикнула. Он посмотрел на меня моими глазами и облизал окровавленные пальцы.

Оцепенение прошло. Я выхватила из костра ветку и замахнулась, мысленно зовя: «Вставай, увалень, вставай! Нас сейчас убьют!»

Тварь увернулась.

— Какого?! — Микаш подскочил и схватился за меч.

— Доплер!

Демон тоже выхватил свой, то есть мой меч. Микаш двигался, как сонная муха, замахивался слабо, будто не всерьёз. Помогать ему или нет? Вдруг он в пылу схватки не сможет разобрать, кто настоящая? Вот оно! Микаш не может сражаться, потому что доплер похож на меня!

«Это не я! Борись, ты сможешь!» — мысленно подбадривала я, но без толку.

Увёртывался он неплохо, ритм держал, но ударить не решался. Да что же демон... или я с ним сделала?!

Замах. Доплер, танцуя, ушёл в бок. Выпад. Микаш отбил клинок своим, снова атаковал. Слишком нерешительно. Как будто на преграду наткнулся. Доплер рассмеялся. Микаш запнулся об корень, запутался в ногах. Доплер занёс меч, целясь в грудь. Микаш парировал мудрёным финтом. Ещё! Почти достал!

Между ними вспыхнула молния. Гром ударил по ушам. Я ослепла и оглохла. Когда пришла в себя, демона уже и след простыл, а Микаш лежал, уткнувшись лицом в землю. Я перевернула его на спину и осмотрела. Хвала богам, раны от руки демона не осталось, иначе как бы Микаш дрался с дыркой в груди? Я ударила его по щекам. Он разлепил глаза:

— Оно ушло?

— Убежало, — кивнула я и ободряюще улыбнулась. — Ничего, потом настигнем.

— Уже ночь? Сколько я проспал?

О чём он? Утро. Светло почти как днём.

— Я ослеп, да? — он уставился на меня пустым взглядом.

Я сглотнула. Нет-нет, он не навсегда покалечился, вот-вот снова станет несносным собой. По-другому и быть не может!

Микаш остервенело тёр глаза.

— Ты отдохнёшь — и всё пройдёт. А потом мы прищучим этого наглого доплера.

— Это пересмешница, — ответил он, продолжая терзать глаза.

Я схватила его за руки.

— Что за пересмешница?

Он моргал и жмурился, ладони подрагивали. Я гладила их, посылая волны спокойствия, но вместо этого заражалась его страхом. А если он навсегда... останется слепым?!

— Редкий демон, помесь доплера и суккуба. Подражает чужой внешности и питается похотливыми снами. Когда человек ослабнет, поедает его внутренности.

— Чем-чем питается? Нет, не хочу ничего об этом знать!

— Я не могу победить, сражаясь против тебя! — Микаш вскинул голову и бешено вращал глазами. — Я знал про неё и ничего не делал. Она кормила меня счастьем с рук, и я упивался её грёзами!

Я коснулась его щеки рядом с натёртыми до красноты веками. Хотелось обнять его, унять боль, но он оттолкнул меня и едва не упал.

Нужно по-другому поднять его дух.

— Погоди!

Я привела в лагерь лошадей. Микаш сидел на земле, вжимая голову в колени и раскачивался, словно в приступе. Страшно! Было спокойнее, когда он орал и обзывал меня душой.

— Лошади вернулись, за ними и удача придёт.

— Езжай одна, — перебил он. — От меня никакого проку. Я слаб и глуп, я поддался на соблазн и не смог тебя защитить. Не хочу быть калекой! — он разогнулся, нащупал у себя за пазухой гербовую подвеску и протянул мне.

Я снова надела подвеску ему на шею и вложила в ладонь эфес меча. Оружие обязано вернуть ему силы, хотя бы веру!

— Соберись, ты же воин, а не сопливая «сцькуха», как я. Все, кто хоть что-то делает, иногда ошибаются и падают. По-настоящему силён тот, кто может подняться, по-настоящему умён тот, кто может осознать свои ошибки.

— Угу, смел лишь тот, кто может преодолеть свой страх. Не потчуй меня своими проповедями! — он отшвырнул меч и чуть не попал в костёр.

Я достала из седельной сумки флягу с водой, сухари и мясо и сунула ему в руки.

— Съешь — полегчает.

Кормить побоялась: ещё больше озвереет. Микаш долго целился, чтобы приложить флягу ко рту, глотнул и облился. Его согнуло пополам и вытошнило. Я подхватила его и приложила руку ко лбу. Рана воспалилась, здоровую кожу покрывала испарина.

— Пересмешница ядовита?

Его губы бледнели, под глазами наливались синяки.

— Оставь; лучше сдохнуть, чем калекой!

Микаш встал и, шупая перед собой воздух, сделал шаг, запнулся и полетел на землю. Я подбежала и принялась его поднимать. Он ослаб настолько, что не сопротивлялся. Нет, я не брошу его; он бы меня не бросил! Должен быть способ его спасти. Я подбежала к сумке, нашла карту и развернула.

— В дне пути есть Храм Вулкана. Там тебя вылечат.

— Калек не лечат, — простонал он и закрыл глаза, притворяясь мёртвым.

— Поехали. Я расскажу тебе сказку про слепого рыцаря.

Я проверила сбрую лошадей и собрала вещи.

— Пожалуйста! — я дёрнула его за руку. — Если ты не поедешь со мной, я буду охотиться на пересмешницу одна. Тогда ты будешь виноват в моей смерти, ясно?!

Он с кряхтением поднялся. Я завязала ему глаза тряпицей, помогла забраться в седло Беркута, и мы поехали.

Трудно было понукать Лютика и тащить за собой Беркута на привязи, но я терпела. Не заблудиться бы, каждое мгновение на счету. Микаш пригибался к конской шее. Иногда его рвало. Я всё время оглядывалась, проверяя, держится ли он. Лишь бы успеть!

— Не спишь?

— Нет, нам туда, — он махнул на запад, куда уже опускалось тусклое осенью солнце. — Там много целительских аур. Чем я ближе к Тихому берегу, тем ярче их чувствую. Странно, да?

Он говорил бодро и вместе с тем бредово. Я прибавила шагу. К сумеркам мы добрались. Пирамида глинобитного храма упиралась в небо железным шпилем. Микаш уже висел на

шее Беркута и не мог распрямиться. Я взяла гербовую подвеску, взбежала на высокий порог и постучала колотушкой в массивные медные ворота. Приоткрылась щёлка, сквозь которую были видны только глаза.

— Храм переполнен. Мы никого не принимаем.

— Мы Сумеречники. Мой товарищ ранен в бою с пересмешницей. Именем Безликого вы обязаны помочь! — я показала родовой знак.

За дверью задумчиво поцокали языком.

— Вас проводят к настоятелю. Он решит.

Ворота со скрипом распахнулись. Привратник забрал у нас лошадей и оружие. Служки в алых балахонах потащили Микаша под руки. Я шла позади них. Без меча было тревожно, как без одежды. Трещали факелы на стенах, изрисованных деяниями Огненной четы в красных тонах. Просторные круглые залы заполнили больные и раненые. Они лежали на одеялах на полу и стонали. Я старалась не смотреть, но взгляд постоянно натывался на ожоги и язвы. Смерд болезней вызывал дурноту.

Покои настоятеля находились в дальнем конце храма, за алтарём — постаментом с чашей, в которой пылал Неугасимый пламень. Маленькую каморку от основных залов отделяла только тонкая красная занавеска. Сам настоятель оказался немолодым сухим мужчиной с длинной чёрной бородой с проседью. Он делал записи в книгу за приземистым столом, когда мы вошли. Не поднимая взгляда, проворчал:

— Митник, я же велел никого не пускать!

— Мастер Гой, это высокородные. Один из них очень плох, — отозвался подошедший следом привратник.

Служки показали Микаша настоятелю.

— Вижу, — он окинул того придирчивым взглядом и вернулся к книге.

— Его отравила пересмешница. Именем Безликого, вы обязаны помочь! — я сунула ему под нос гербовую подвеску, как последний довод.

— Выйдете все и этого заберите, — настоятель кивнул на Микаша.

Нас оставили одних. Настоятель отложил книгу и встал. Карие глаза смотрели устало и недобро.

— Ни я, ни мой храм ничего никому не обязаны, — процедил он. — Это вы развязали войну с единоверцами. Это из-за вас мой храм ломится от больных и раненых, а служки не успевают закапывать мертвецов на заднем дворе.

— Всё настолько плохо? — прибитая его отповедью, спросила я.

— Орден потерял Сальвани. Скоро война будет здесь. Целители не умеют сражаться. Мы можем только лечить. Я хочу, чтобы мой храм выстоял, если победят единоверцы.

От возмущения по спине пробежали мурашки, тело обдало жаром. Вместо меня будто заговорил кто-то другой, более уверенный и сильный:

— За шкуру свою трясётесь? Ну-ну. Я встречался с единоверцами. Предателей их бог любит не больше наших. О людях печётесь? Так мальчик, которого вы отказываетесь лечить, спас их не меньше вашего. И ещё спасёт, если не погибнет сегодня. Смерти всех, кому он не поможет, тоже будут на вашей совести.

Он пристально разглядывал меня, плотно сжав губы. Зачем я это сказала? Нас же вышвырнут!

— Ладно. Если ты смеешь меня корить, тогда вот моё условие: отработай здесь неделю. Столько мне понадобится, чтобы поднять твоего товарища на ноги. Конечно, меня ты не

заменишь, но хотя бы поймёшь, каково это — спасти жизни, а не отнимать их. Согласен?

Я вспомнила стоны, гнойные раны, тошнотворный запах и бледное лицо Микаша. Как он, не задумываясь, спасал меня, как я изводила его и насмехалась. Он поддался на чары пересмешницы из-за меня!

Неделю поухаживать за ранеными — небольшая плата за его жизнь.

— Согласен, — я пожалала подставленную руку.

Настоятель кликнул служек. Те внесли Микаша в каморку. Ноги уже его не держали. Он сдавленно простонал:

— Не... надо.

Я сжала кулаки. Когда это я его слушалась? Микаша уложили на кушетку у стола и укутали в одеяло. Я уже собралась уходить, как настоятель снова меня окликнул:

— Кто он вам?

— Компаньон. Друг. Благородный человек, — придумывала я причину.

Настоятель не стал выпрашивать.

Меня отвели в столовую, накормили чечевичной кашей и напоили тошнотворным зельем, чтобы уберечь от заразы. Когда знакомили с обязанностями, по ехидным ухмылкам я поняла, что мне доверили самую грязную работу. Хотели посмотреть, сколько я продержусь. Что ж, я была к этому готова.

Поначалу было тяжело. Мне приходилось мыть посуду, пол и ночные горшки, убирать за больными, смазывать раны. От вида искалеченных тел и запахов нечистот подташнивало, предсмертный бред вызывал дрожь, но я терпела. Труднее всего было не показывать брезгливость и сочувственно улыбаться больным. Служки наставляли, что улыбка и сопереживание утоляют боль лучше, чем снадобья и целительские техники. Любопытный опыт. Сидя дома, я бы никогда не узнала эту сторону жизни. Как уродливы недуги, как страшна война и что смерть порой становится избавлением от мук. Костянокрылых жнецов призывают молитвами.

За несколько дней я привыкла и к звуку гонга, и к крикам, и к вони. Не вздрагивала, когда, переворачивая больного, видела пустой взгляд и звала носильщиков. Душа покрылась чёрствой коркой, руки стёрлись до мозолей. Сил хватало лишь на то, чтобы помолиться за Микаша перед сном и зажечь свечу у статуи Вулкана-Врачевателя перед тем, как уснуть на разложенном на полу одеяле. Шесть часов, говорили целители, достаточно, чтобы не подорвать здоровье. Я различала дни лишь по палочкам, нацарапанным возле моей постели.

Однажды я обрабатывала ожоги старой женщине. Она была безнадёжна, к другим меня не посылали, чтобы не напортачила. Я убирала струпья с её кожи, очищала раны от гноя, втирала унимающую зуд мазь, стараясь не причинять боли. Эта боль отдавалась во мне, хоть я уже не воспринимала её так остро из-за усталости.

Женщина подняла на меня лихорадочно блестящие глаза. По лбу катились крупные капли пота, посиневшие губы дрожали, когда она пыталась говорить.

— Я умираю? Не ври.

Я не знала, куда деть взгляд и как ответить.

— Там легче... на том берегу? — не унималась женщина.

Вспомнился призрак Айки, её боль и ожесточение. Соврать, как учили, я не смогла.

— Наверное, там так же одиноко, как здесь. Но... — преодолевая себя, я взяла её за руку. — Не отчаивайтесь. Если каждый будет надеяться, то когда-нибудь нашей веры станет так много, что она изменит мир, изменит каждого из нас к лучшему. Когда придёт час

завершать круг, ваша доля будет счастливее этой.

— Верю, — она улыбнулась так светло и искренне, как не получалось у меня, и застыла. Я закрыла ей глаза, вздохнула и позвала носильщиков.

После этого мне уже не поручали обычную работу, только подводили к новым и новым больным, просящим рассказать про надежду. Я охрипла, голова раскалывалась, каждое слово отдавалось пульсирующей болью в висках. Немного поспав, я снова утешала и держала за руку каждого, кто звал. Не падать! Я вытерплю ради Микаша!

Чудом я дожила до конца недели. Голос почти пропал, горло пересохло, язык прилип к нёбу, голова соображала едва-едва, тело двигалось по привычке, отдельно от сознания.

Меня привели в каморку настоятеля. Я почти забыла зачем, всю предыдущую жизнь забыла.

— Микаш! — молнией сверкнуло в голове.

Он сидел на кушетке, свесив ноги. Вскинул подбородок на мой зов.

— У тебя странный голос и шаги тоже странные. Я с трудом узнал, — он улыбнулся и протянул мне руку. Глаза смотрели мимо меня.

— Я вылечил всё, кроме зрения. Может, оно восстановится само, а может, и нет. Я слишком мало знаю о пересмешницах, — хмуро доложил настоятель.

Даже на злость и отчаяние сил не осталось. Поругаться, или деньгами требовать за невыполненные обязательства? Глупо, конечно. Я кивнула и позвала Микаша:

— Идём. Не хочу здесь оставаться.

Настоятель закрыл ему глаза чёрной повязкой и вручил палку. Микаш проверял с помощью неё, нет ли впереди препятствий. В храме служки укажут ему путь, а дальше справляться придётся самим.

Я уже выходила, когда настоятель окликнул меня.

— Наслышан о твоих успехах. У тебя редкий дар, но не стоит светить так ярко, иначе потухнешь раньше времени.

Он отвернулся. Я повела плечами. Потухну, да, именно так я себя чувствовала. Впрочем, уже неважно.

— Ваш «друг» много интересного в бреду рассказывал. Что он простолудин из разорённого демонами села. Звал сахарную принцессу Лайсве, не знаете такую?

— Чего в бреду не привидится?

— Вы не умеете лгать, ну да ладно. Просто такая любовь ни к чему хорошему не приводит. Вы из разных миров.

— Да какая там любовь! — отмахнулась я и ушла.

Вот с Безликим действительно из разных.

Нас проводили во двор и вернули пожитки. Безучастному Микашу помогли забраться в седло. Я залезла на Лютика и снова взяла Беркута на привязь. Мы поехали. Конечно, нужнее было переждать в храме, пока к Микашу не вернётся зрение, но я не хотела задерживаться тут ни на мгновение. Стены из толстого песчаника, красные рисунки, тошнотворный запах болезни и душераздирающий зов отовсюду опротивели. Ещё пару часов здесь, и я упаду, чтобы больше не подняться.

Короткий осенний день уже приближался к зениту. Солнце пламенеющим золотом укутывало землю. Было ясно и холодно. Тихо. Это помогало прийти в себя.

— Отпусти, я поеду сам, — мягко попросил Микаш.

Беркут стоял неделю. Вдруг начнёт дурить? Микаш и здоровый-то плохо с ним

справлялся. Не разрешить — уничтожить его гордость, разрешить — подвергнуть риску. Я не знала, что хуже. Мы ехали как раньше, Микаш не настаивал. Я пыталась дотянуться до него эмпатией, насколько хватало подорванных сил, но натыкалась на глухую стену, словно он был опустошён не меньше меня. Беркут вёл себя спокойно, поэтому я отвязала верёвку от его удил.

— Спасибо, — пробормотал Микаш, когда я проехала мимо и стала впереди.

Странно, он расслабился, а жеребец будто чувствовал, что сейчас не время для баловства. Может, тоже жалел? Микаш гладил его по шее, распустив поводья, и позволял самому выбирать путь.

Вечерело. Я искала ещё одну рощу для привала, но впереди была только сухая трава.

— Река близко, — заметил Микаш.

Я оглянулась: ничего не видно.

— Сыростью тянет, — он махнул рукой в сторону. — Роща там.

Своих идей у меня не было, поэтому я послушалась. Микаш оказался прав: вскоре мы наткнулись на небольшую дубраву. Солнце уже садилось. Мы спешили и разбили лагерь. Всё пришлось делать одной: распаковывать тюки, поить лошадей, собирать хворост, колоть дрова, разжигать костёр, готовить ужин. Я для себя-то не всегда справлялась, на двоих было ещё сложнее, но намного легче, чем в храме. Микаш сидел, привалившись к толстому дубовому стволу. Я вложила ему в руки плоску с похлёбкой и ложку. Есть у него не получалось — большая часть лилась мимо рта. Помочь он мне не позволял, поэтому я отсела подальше и старалась не смотреть. После ужина мы долго чего-то ждали в мрачной тишине.

— Будешь и дальше таскать меня за собой как ручного медведя?

— Я будто проплыла Сумеречную реку туда и обратно, чтобы тебя спасти. Не заставляй меня жалеть.

— Прости.

Он потупился. Я сдвинула костёр, накидала веток, расстелила одеяла на ночь и показала Микашу его постель.

— Расскажи мне сказку, — попросил он, усаживаясь. — Про слепого рыцаря. Ты обещала.

— Прости, не могу. Я умру, если скажу ещё хоть слово, — я легла и укуталась в одеяла.

— Тогда можно я? — тёплые руки опустились мне на плечи.

Если ему от этого станет легче. Он положил мою голову себе на колени и гладил меня по волосам. Как ему теперь жить? Как нам теперь жить, ведь он навсегда...

— Жила-была звёздочка. Не сиделось ей с сёстрами на ночном небосводе. Хотелось дарить тепло всем зверям в лесу не только ночью издалека, но и днём, соприкасаться с душой каждого из них. Она спустилась в лес. Её яркий свет завораживал. Звери тянулись к ней, касались её, уносили с собой частички света. Только слепой крот не видел её, нёс в нору червей и корешки и дивился восторгу зверей. Звёздочка отдавала себя без остатка, а звери всё брали и брали, ничего не принося взамен.

Лишившись сил, звёздочка упала и погасла, звери забыли о ней и разошлись. Только слепой крот, который не видел её света, подобрал её и унёс к себе в норку. Там, в тепле и сухости, он выхаживал её долгие зимние месяцы, пока она снова не засияла. Обретя силы, звёздочка снова захотела к зверям, но злой крот желал спрятать её ото всех, чтобы она светила только для него. Светом, которого он никогда бы не увидел. Он бы не брал у неё ни капли, ухаживал за ней, чтобы она жила с ним как можно дольше. Но он знал, что одна во

тьме она зачахнет, как бы он ни старался её спасти. Он отпустил её наверх и ждал, пока ей вновь понадобится помощь. Так они и жили. Она отдавала всю себя другим, а он выхаживал её, когда она падала без сил и гасла. Их дни оборвались вместе, потому что ни один не мог жить без другого.

Его лицо стало необычайно безмятежным в лунном сиянии. Когда глаза закрывала повязка, выделялся породистый подбородок. Руки, такие сильные, убаюкивали нежными прикосновениями, возвращая всё то, что я потеряла в храме.

— А ты, оказывается, романтик.

Он улыбнулся той самой искренней улыбкой, которая никак не выходила у меня. Я завидовала его подлинности, таланту, страсти, способности так остро ощущать мир, не затуманенный грёзами о несбыточном. Согревалась и дремала. Кто-то бродил вокруг лагеря, посверкивая в темноте глазами. Я теснее прижималась к Микашу, прислушивалась к его мерному дыханию, стискивала эфес меча и снова засыпала. Под утро звуки утихли. Проснулась я уже за полдень, отлежав на жёстком все бока. Микаш сидел у потухшего костра. Повернул голову на моё шевеление и улыбнулся.

— Долго я?

— Твоя аура истощилась. Нужен был отдых, — безучастно ответил он и отвернулся.

— Пересветила?

Микаш усмехнулся. Жалко, что он не может видеть моей улыбки. Я сходила к речке умыться, развела костёр и приготовила кашу на двоих. Микаш уже почти не обливался, когда ел.

— Видишь, не всё так плохо? — попыталась я подбодрить его.

— Да. Я вообще-то никогда не любил... смотреть. Только по твоему лицу скучаю.

Он неловко замолчал. Я тоже потупилась. Странный парень, влюбился, да ещё так... Что же в этом измождённом, обветренном лице может нравиться? Он выдумал себе меня другую.

— Ночью вокруг лагеря кто-то ходил. Слышал? — я сменила тему.

— Пересмешница. Раньше она дожидалась, пока ты уйдёшь. Теперь тоже хотела, но ты спала слишком долго и с рассветом ей пришлось оставить нас. Следующей ночью она заберёт меня.

— Почему? — безразличие в его голосе убивало. — Ты сразишься с ней и победишь. Тебя же никакая зараза не берёт!

— Не напоминай. Я и зрячий-то проиграл всухую, а слепого она меня за пять минут сделает.

— Хорошо, тогда сражаться буду я! — Меня разобрала злость. — Потренируюсь чуток и смогу. Ты сам говорил, что у меня здорово получается.

— Тренировок недостаточно. У тебя нет боевого опыта, когда уже не думаешь, а чувствуешь, откуда придёт удар и как от него защититься. Потому и с вэсом у тебя не получилось.

— Если позволить пересмешнице сожрать нас без боя, то опыта не появится. Я хотя бы пытаюсь, а не жалею себя без конца. Будешь помогать?

— Я ничего не вижу, — он развёл руками, никак не отреагировав на мою гневную тираду. Мог бы хоть притвориться!

Я вымыла посуду, взяла меч и повторила всё то, чему уже успела научиться. Микаш статуей замер у костра. Почему он так легко сдался? Это при его-то твердолобом упрямстве!

Я описывала клинком круги и петли, вращая его всё быстрее. Вкладывала всю силу в замахи и лупила воздух, вымещая негодование.

— Ты неправильно распределяешь усилие, — высказался Микаш.

Я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Откуда ты знаешь?

— По ауре вижу. Те точки, на которые ты направляешь больше энергии, становятся ярче.

— Ты настолько чётко её видишь?

— Когда не к чему приглядываться, начинаешь искать очертания даже в тусклом огоньке. Давай покажу.

Он подошёл, проверяя землю перед собой палкой, и прислонился к моей спине. Я чувствовала, как колотится сердце у него в груди.

— Замах нужно делать от плеча, тогда в ударе будет больше силы. Рука от локтя — продолжение меча, одно целое с ним.

Он обхватил мои руки и стал показывать даже с большим воодушевлением, чем обычно. Выворачивал запястья так, что хрустели суставы, натягивались мышцы. Показывал движения ногами: насколько сгибать колени, куда перемещать центр тяжести, как быстро менять позиции. Как держать ровный ритм и резко переходить на рваный.

— Замахивайся всегда на выдохе и говори «ху-у-у!». Громче, не стесняйся! Считаю про себя, а можешь даже в голос — так лучше ритм ловить.

От советов раскалывалась голова и сводило мышцы. Ноги подкашивались, под рубахой ручьями катил пот, сердце вырывалось из груди, но я боялась просить пощады. Микаш будто по-настоящему излечился, не так, как в храме. Ожил. К закату он отпустил меня и вернулся к костру, почти не помогая себе палкой. Собираение хвороста и готовка были отдыхом.

— Теперь у меня есть шанс победить? — спросила я после ужина, когда Микаш снова нахохлился, как грозная неясность.

— Тебе всё ещё не хватает опыта. Один бой стоит года тренировок, — он опустил подбородок на грудь.

— Жаль, что нельзя совместить твой опыт с моим зрением, — отшутилась я.

— Есть один способ, — он распрямился и просиял. — Слияние разумов — одна из высших телепатических техник, но для это нужна сильная концентрация и полное доверие.

— Ты будешь копать в моём грязном белье? — я сглотнула. Не хотелось бы, чтобы он знал мои секреты... один секрет!

— Нет, ты будешь копать в моём. Я открою тебе свою суть, и ты позаимствуешь мои умения и воспоминания. Ты обо мне и без того невысокого мнения. Увидишь чуть меньше или чуть больше меня — это ничего не изменит. Главное не завязнуть друг в друге и разъединиться, пока не начался распад. Думаю, так далеко мы не зайдём.

— А ты когда-нибудь пробовал?

— Нет, для этого нужен ещё один телепат, способный путешествовать по мыслепотокам. А кто возьмётся работать в паре с «дворнягой»? — он пожал плечами и улыбнулся.

Не по себе мне от этой затеи. Хотелось соврать, что я вымоталась настолько, что не смогу, но его голос звенел от радостного ожидания. Не стоило его разочаровывать.

Микаш протянул мне раскрытые ладони, я сделала то же. Почти соприкасаясь с ним, я напрягла пальцы. Между нашими ладонями пробежали всполохи, посылая по спине волны

мурашек. Мы уже делали так раньше.

— Сними мою повязку. Сейчас всё равно темно.

— Откуда ты?..

— Стало холоднее. Такие вещи замечаешь, только когда приглядываешься.

Я развязала тряпку и спрятала. Направленный мимо взгляд пугал и переполнял жалостью. Я провела по его глазам рукой.

— Продолжим, — он снова протянул мне ладони. — Теперь синхронизация. Дышим в унисон, смотрим друг другу в глаза.

Я считала вдохи, замедляя дыхание вместе с ним, смотрела в слепые глаза, не отводя взгляда, концентрировалась, насколько хватало сил. Между нашими пальцами пролетали искры, всё быстрее и яростней. Голова кружилась, кружилось всё вокруг, схлопываясь до однообразных коридоров мыслеобразов, увлекая меня в пучину лабиринта. Привычная часть. Я следовала за серебристыми мыслями-проводниками. Иногда проносились и другие. Любопытство искушало поймать их, но ничего особо страшного там не было. Микаша я знала как облупленного.

Коридоры петляли довольно долго, пока не вывели в большую круглую комнату. В ней царил ровный дневной свет. На полках вдоль стен стояли книги, дальше кастрюли и кувшины, ещё дальше полотна и гобелены со сценами из жизни Микаша, оружие, трофеи. Всё в строгом порядке, ничего лишнего, никакого хлама. Середина пустая, как площадка для тренировки. Микаш замер посреди неё, спиной ко мне. Я взяла с полки меч и приложила остриё к лопаткам Микаша.

— Будем снова тренироваться?

Он обернулся и посмотрел на меня, смеясь. Хотя бы здесь его глаза остались цепкими и яркими. Микаш убрал остриё пальцами.

— У нас мало времени, — он подвёл меня к большой кастрюле, где кипел и пузырился свекольник. — Сунь сюда руку. Не бойся — не ошпаришься.

Как только мои пальцы коснулись бордовой жидкости, тело загудело от желания разорвать в клочья.

— Это гнев. Его надо познать и усмирить, без этого не победишь, — объяснил Микаш, удерживая мою руку в кипящей кастрюле. — Помнишь, как ты побил меня во дворце туалетов? Гнев тогда придал тебе сил. Я не испытывал гнева, поэтому не смог тебе ответить. Твой брат, наоборот, испытывал его слишком много, но не мог контролировать, поэтому ошибался и позволял мне выигрывать поединки.

Я плотала ртом воздух, пытаюсь преодолеть стук крови в висках, багряная пелена застилала глаза.

— Скажи себе: я хозяйка своего гнева, не он управляет мной, а я им.

Я повторила несколько раз. Кровавая ярость рассасывалась, пряталась в глубине, готовая вырваться наружу по первому моему зову.

Микаш достал мою руку и потянул к следующей кастрюле — с чесночным супом. Как только пальцы коснулись его, прошиб холодный пот, колени затряслись, а во рту пересохло. Стало тяжело дышать.

— Это чутьё, оно же страх. Познай его голос, чтобы он не затмевал разум, а направлял тело, дабы избежать опасности. Дыши. Слушай, что он хочет тебе сказать.

Я слушала неясный шепоток: жуткие детские воспоминания, схватка с вэсом, смертельная рана, пленительные ночные кошмары и битва с противником, которого не

хочется побеждать. Тьма и глухое отчаяние. На миг я ослепла. Кто-то ласково коснулся лица и позвал за собой. Укололо любопытство. Я прозрела. Микаш стоял рядом и улыбался.

— Не повторишь моих ошибок?

Я покачала головой. Мы пропустили кастрюлю, откуда я слышала зов, и перешли сразу к последней. От неё поднимался непроглядный пар и мерцал молниями. Что это, и какого цвета на самом деле?

— Это то, что называют «обратная сторона луны». Внутренняя суть война, причина, по которой мы сражаемся, понимание своей силы и правоты, смысл существования, если можно так выразиться.

— Но ведь это священное, только для Сумеречников!

— Я не Сумеречник, и готов поделиться этим. Бери, иначе всё бессмысленно.

Я сунула руку сама. Странные ощущения. Шум, грохот, лязг оружия, привкус крови на разбитых губах. Всё тело другое — сильное и стремительное, упивающееся боем, победами и свершениями. Лица, бесчисленная череда лиц: слабых, невинных, искажённых от боли и ужаса, нуждающихся в защите, в герое, в надежде, которую зажигает в сердцах образ сереброкрылого воителя небес. Такого, какими были Сумеречники древности, люди Безликого, каким был он сам до того...

Нет, Микаш не должен этого видеть! Я рванула прочь из его головы, но он меня удержал.

— Нужно было довериться, — печально произнёс Микаш, отодвигая меня от последней кастрюли. — Я бы не стал тебя ругать, что бы там ни было.

— Может, ещё раз?

Он качнул головой.

— У нас был только один шанс.

— Тогда я попробую что-нибудь другое?

— Как хочешь. Можешь смотреть здесь всё что угодно, а как надоест — возвращайся.

Микаш повернулся спиной. Как же так: он такой искренний, а я не могу открыться даже ради дела? Он врёт! Сейчас я выведу его на чистую воду.

Я подошла к неоткрытой кастрюле и подняла крышку. Внутри была прозрачная родниковая вода, пахло луговыми травами и полевыми цветами, лёгкими и нежными. Я окунула руку по локоть и с головой нырнула в воронку видений.

Я в Ильзаре на балу в честь своей помолвки шла через толпу гостей, ни на ком не останавливаясь взглядом. Не видела глазевшего на меня мальчишку-слугу, не слышала его восхищенного вздоха, немого движения губ: «Ах, как же ты прекрасна! И как жаль, что я никогда не буду достоин. Ты никогда не узнаешь, как сильно я люблю тебя»!

Я на крыше замка. Йорден шпынял слугу во дворе, а он безмолвно умолял: «Не смотри, отвернись! Не хочу, чтобы ты видела меня таким жалким. Такой никогда не будет тебя достоин. Ты никогда не узнаешь, как сильно я люблю тебя»!

Я в задымлённом кабаке, не видела, как он смотрит на меня в упор: «Вот же ты. Живая! Почему они не узнают тебя? Да, теперь у тебя короткие волосы и другая одежда, но глаза всё те же, и запах — сирени и гвоздики, и манеры принцессы. Никакой амулет этого не скроет. Ты такая печальная. Я протягиваю руку, чтобы помочь, но ты пугаешься и презираешь меня. Я не достоин. Ты никогда не узнаешь, как сильно я люблю тебя»!

Тёмная комната с забитым окном в доме Странника, я лежала на смятых простынях едва живая и спрашивала о награде. Смеялась над его ответом, но не слышала, что он

пытался мне сказать: «Мне ничего не нужно. Мне достаточно твоей улыбки, знания, что ты живая и счастливая. Я не достоин, я не хочу, чтобы ты меня видела, я не хочу, чтоб ты знала, как сильно я люблю тебя»!

Метель. Мы в пещере, я приставала к нему с дурацким предложением, он отказывался пользоваться моей глупостью. Я смеялась над ним и снова не слышала отчаянную мольбу: «Прошу, не искушай. Я так безумно хочу, но не могу. Я знаю, я не достоин, это обман, а я не желаю пятнать тебя обманом. Не смотри, я не хочу, чтоб ты знала, как сильно я люблю тебя»!

Тысячи ссор, мой злой смех, все мыслимые и немыслимые издевательства. Зачем я это делала? И среди этого всего, искренние, как молитва, слова: «Я не достоин. Я не хочу, чтоб ты знала, как сильно я люблю тебя»!

Так больно. Невыносимо! Я закрыла лицо руками и рванула прочь. Через мгновение передо мной вновь предстала залитая лунным светом поляна. Микаш сидел рядом и улыбался. Я не знала, что сказать, и стоит ли. Не хотела даже думать о его воспоминаниях.

— Прости... — только и смогла выдавить я.

— Не стоит. Поспи немного, тебе нужен отдых.

Слепой взгляд угнетал. Я замотала Микашу глаза и улеглась рядом, плотно закутавшись в одеяло. Под утро он разбудил меня, мягко коснувшись плеча.

— Она здесь. Ждала почти всю ночь. Теперь точно нападёт, — Микаш вложил мне в руку эфес меча. — Поддерживай со мной телепатическую связь, и тогда сможешь воспользоваться всем, что видела вчера.

— Но ведь у нас не получилось.

— Мелочи. Ты справишься. Я в тебя верю, — он сжал мои ладони.

Пересмешница сверкала глазами на опушке. Готовилась. Я поднялась, разминая мышцы со сна, нападать не торопилась.

«Пускай начинает», — шептал в голове Микаш, притаившийся на другой стороне поляны. Я переключивала меч из руки в руку и кусала губы. Ну когда же? От ожидания сводили мышцы.

Я не выдержала и сделала шаг вперёд. Пересмешница тоже. Подражала мне до самой мелкой детали. Я замахнулась, и она. Я пошла на сближение, и она. Посмотрим, подставится ли она под клинок. О, нет, не так-то проста оказалась. Как только запахло жареным, пересмешница стала драться всерьёз. Я мысленно потянулась к Микашу. Он раскрыл для меня недра своей души.

Это был славный бой. Стремительный. Настоящий. Ярость Микаша окутывала меня делая удары настолько мощными, что можно было с лёгкостью перерубить полено. Его чутьё безошибочно подсказывало, когда увёртываться и когда наносить удар. Что-то, что я так и не смогла познать, вело меня, не позволяло отступить. Мы кружили по поляне, то скрещивая клинки, то уходя от ударов. Во мне разгоралась ярость. Я хотела убить эту тварь. Любой ценой. Потому что в ней было всё то, что я в себе ненавидела: глупость, тщеславие, зависть, злопамятность, неспособность любить и понимать любовь.

«Осторожней!» — предупредил Микаш.

Я отшатнулась. Между мной и пересмешницей сверкнула молния. Мы снова сошлись. Она замахивалась намного яростней. Хаотично. Я едва успевала отводить от себя клинок. Запыхалась.

Нет, я не сдамся! Это она виновата! Виновата во всём! Она ослепила Микаша, она егс

сломила. Она втоптывала его чувства в грязь так долго. Ненавижу!

«Берегись! — пробился сквозь стук в висках его голос. — Уходи влево!»

Вспышка сверкнула в пяди от меня. Если бы не зажмурилась, точно ослепла бы.

Снова схватка. Ноги не выдерживали такой ритм. Микаш был неправ: опыт — ещё не все, но я должна, иначе...

«Не думай о поражении! Двигайся!»

Я старалась изо всех сил. Не подвести. Он так на меня надеялся. А я... это я!

«Не-е-ет!» — его крик хлестнул по ушам раньше, чем я поняла, в чём дело.

Пересмешница всё-таки не была мной. Вывернулась. Подсекла мне ноги. С треском вспыхнула молния и ударила невидимой волной. Я опрокинулась на спину. Пересмешница поставила сапог мне на грудь и заглянула в глаза:

— Нельзя победить себя, глупая. Без ненавистной тёмной стороны ты не протянешь и дня, — остриё моего собственного меча нацелилось мне в грудь, точь-в-точь как в старой сказке. Я зажмурилась.

«Нет! Продолжай смотреть!» — прорвался сквозь отчаяние голос Микаша.

Я заставила себя взглянуть в глаза смерти. Засвистел воздух. Пересмешница оборачивалась медленней улитки. Чёрная тень накрыла её. Микаш! Он напал на неё со спины — она едва успела парировать. Они затанцевали по поляне, как прежде мы, только стремительней, как два стальных вихря. Удары сыпались так быстро, что я не успевала их заметить. Каким образом он дерётся даже лучше зрячего?

«Смотри! Не упускай нас из виду! Не разрывай связь!» — орал он.

Я смотрела. Единственное, что я могла сделать для него. Пересмешница утягивала его дальше. Я ползла за ними. Я должна загладить свою вину. Из-за моей чёрствости Микаш стал жертвой, это я его ослепила. Я...

Я едва не пропустила, как Микаш задел её бок и поверг на землю.

Я поднялась и поковыляла к ним. Быстрее!

— Ты не можешь убить свою возлюбленную! — шептала пересмешница, безумно улыбаясь бескровными губами. — Я лучше её. Я умею любить. Я знаю, чего ты хочешь.

— Да? — Микаш сорвал со своего лица повязку и усмехнулся. Как раньше! Аж сердце защемило. — Ну так знай: мне не нужна подделка.

Он вонзил меч в грудь пересмешницы и с хрустом провернул. Демон засипел, его облик пошёл рябью. Через мгновение на земле лежала лысая тварь с гладкой, будто вылепленной из глины кожей. Тело продолговатое и узкое, лицо плоское и пустое, как зеркальная гладь. Из лба торчала чёрная, сбившаяся в колтуны косица. Пересмешница сжалась в калачик и затихла. Умерла.

— Мерзость! — Микаш пихнул её сапогом.

— Ты прозрел?!

Он обернулся и одарил меня своим обычным, острым как клинок взглядом. Улыбался. Я прижалась к его груди, его руки легли мне на плечи.

— Как ты её победил? В повязке же даже зрячему не видно!

— Отражение сработало. Вместо того чтобы удерживать тебя в своей голове, я переместился в твою, — объяснял он, глядя меня по волосам. — Ещё ауры, звуки и запахи — по ним можно двигаться не хуже, чем по картинке. Драться и вовсе легче: лицо демона не отвлекало.

— Прямо как слепой рыцарь из сказки.

— Я не рыцарь. Спасибо.

— За что? Я ведь проиграла.

— Ты вернула мне веру в себя, заставила сражаться, когда я уже хотел сдохнуть.

Я потупилась. Надо научиться радоваться чужим успехам, а не только завидовать им.

— В следующий раз обязательно победишь, — Микаш убрал мне за ухо выбившуюся прядь и стёр кровь со скулы. — Идём. Надо сжечь эту тварь и ехать дальше.

— Не хочешь забрать трофей? Мой отец всегда так делал.

— Я не ношу ожерелий из зубов демонов.

— Я помню, ничего лишнего, — я коснулась его виска. Он кивнул. — Но это ведь вежа, напоминание о том, что ты преодолел слепоту.

Я потянула пересмешницу за косицу.

— Мы смогли, — Микаш рубанул по черепу пересмешницы и снял скальп. — Скажи... — он стушевался. — Я на самом деле грубый неуклюжий медведь?

Я не сдержала смеха:

— Нет. А я на самом деле злющая капризная ведьма?

— Нет.

Мы потащили пересмешницу за ноги к костру. Покончив с хлопотами, собрались в путь. Одна мысль не давала мне покоя. Я решила сказать ему, не хотела больше забывать. Здесь, на месте этого боя, где всё изменилось, по крайней мере, для меня.

— Я видела у тебя в голове... Прости. Я вела себя ужасно!

— Не переживай. Там всё было преувеличено и обнажено. Я не такой ранимый, как тебе кажется, — он тараторил, затягивая подпруги, и старательно избегал моего взгляда.

Я взяла его за руку и заставила взглянуть мне в глаза.

— Возможно, я никогда не полюблю тебя так, как ты меня, но... Ты мой друг, лучший, даже единственный, кто меня не бросил. Как друг ты мне дорог.

— Мне не нужно большего, — он мягко улыбнулся и поцеловал меня в лоб.

— В Эскендерию, — призналась я, когда он меня отпустил.

— М-м-м? — Микаш проверял, хорошо ли закреплены ремни и поклажа.

— На Мельдау у меня было видение. В Эскендерии меня ждёт книжник, он поможет мне возродить Безликого. Я подумала, ты должен знать.

Я подняла на него глаза, ожидая, когда он засмеётся.

— Хорошо, — отозвался Микаш. — Значит, недалеко осталось. Едем?

Он как пушинку закинул меня в седло Лютика и вскочил на Беркута. Шагом победителей мы выступали по пустынному Сальванийскому тракту к городу на краю гибели.

Больше книг на сайте - Knigolub.net